

Илья Колдин

Тайник лешего

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Илья Вячеславович Колдин

Тайник Лешего

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66816773

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-93271-5

Аннотация

Некогда любимый всеми детьми страны лагерь “Тайник Лешего” превратился в рассадку страхов и легенд. В окружающей его чаще появилось нечто ужасное, чья первобытная жажда крови не даёт местным спать по ночам. Число жертв с каждым днём растёт, пока не находится горстка смельчаков, готовых дать твари отпор, чтобы навсегда стереть с лагеря проклятое клеймо и обрести собственный душевный покой, о котором в особенности мечтает Алексей Трофимов – человек, судьба которого тесно переплелась с судьбой “Тайника Лешего”...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Часть первая. Охота	9
Часть вторая. Искатели	83
Часть третья. Первые жертвы	407
Часть четвёртая. Хозяин леса	723
Эпилог	1210

Илья Колдин

Тайник Лешего

Пролог

Мезозойская эра. Меловой период. 68 млн лет назад

Несколько анкилозавров проследовали в обширный лесной массив, укрывший их от ярких лучей раскалённой звезды, Солнца, а также приглушивший крики парящих в небе ящеров, птеродактилей.

Коренастые бронированные рептилии с мощной булавой на хвосте направлялись к небольшому пресному водоёму, расположенному прямо за чащобой. Они медленно брели по лесу, периодически останавливаясь, чтобы поесть какой-нибудь растительности, которая была представлена здесь в большом изобилии: похожие на пальмы саговники, громадные разлапистые древовидные папоротники, вечнозелёные исполины араукарии, туи, хвощи из рода сосудистых и различные цветковые.

Наклоня вниз широкую голову треугольной формы, анкилозавры срывали травянистые стебли и листья своими маленькими зубами, находящимися глубоко в клювовидном рте, и отправляли их в желудок, не пережёвывая.

Чуть в стороне от их группы в обратном направлении

сквозь заросли пробирались рогатые трицератопсы с веерообразным костяным воротником. Где-то высоко на ветках растений прятались пугливые опоссумы, а в воздухе летало множество причудливых насекомых и птиц.

Семенящий за матерью маленький любопытный анкилозавр, казалось, сметал ничуть не меньше еды, нежели взрослые, порой замирая при виде незнакомых ему живых существ. Пока он лишь познавал этот мир, и ему ещё только предстояло ощутить на себе все тяготы существования растительноядного динозавра.

Группа панцирных рептилий вышла из леса на потрескавшуюся сухую землю бурого цвета и, оставляя на ней отпечатки своих тяжёлых ног, приблизилась к водоёму, где поблизости произрастали корявые безлистные риниофиты с гладкими салатовыми побегам, облюбованными пауками. По серому камню, у коего, свернувшись кольцом, лежала любящая подкрепиться яйцами динозавров чёрная змея, ползла длинная янтарная многоножка, а где-то вдали над непроходимыми чащобами возвышалась громада спящего вулкана.

Мутный коричневый водоём являл собой что-то вроде глубокого кратера, до дна которого было не меньше шести-семи метров.

Замученные жаждой анкилозавры склонились над грязной жидкостью и принялись заглатывать её, прикрывая глаза от непередаваемого удовольствия.

Вдруг, один из них встревоженно поднял голову и посмот-

рел в сторону дальнего берега. Прочие, заметив беспокойство сородича, также перестали пить, но их опасения оказались напрасными: ничего не обнаружилось. Правда особь, заподозрившая неладное, не поменяла настороженной позы. Предчувствие опасности вынуждало её проявлять повышенное внимание.

Бронированные рептилии продолжили водопой, как та, что наблюдала за поверхностью озера, протяжно заревела, призывая других отойти от края. Земля тут же затряслась. Громко затопавшие всполошённые динозавры отбежали в сторону, подняв клубы пыли. Только один, самый маленький из группы, остался стоять у кратера, подчерпывая воду нижней челюстью.

Взволнованная мать подозвала его к себе, и в тот момент, когда малыш обернулся, из глубины возникли окаменелые пластины, а затем что-то яростно вгрызлось детёнышу в чешуйчатую шею. Он не успел издать ни единого звука, прежде чем его, стянув с суши, уволокло в пучину неведомое существо.

БУЛТЫХ!

После громких плесков мать погибшего малыша издала полный горя надрывный рёв и кинулась к водоёму. Коричневая гладь покраснела, и на её поверхности выступили пузырьки воздуха. Замерев, травоядный здоровяк в нерешительности смотрел на озеро в надежде увидеть своего детёныша.

По истечении напряжённой длительной паузы, выпрыгнув из воды, на анкилозавра кинулось что-то поистине жуткое, существо быстрое и агрессивное. Оно успело ухватиться за голову попятившегося назад динозавра и вскарабкалось на него, но сразу же болезненно прорычало и рухнуло вниз, поранившись об острые окостенения.

Остальные бронированные рептилии при виде хищника ломанулись к лесу, оставив сородича наедине с машиной для убийства, чью спину венчали жилистые наросты.

Сгорбленное чудовище поднялось на четвереньки, поводило по воздуху вытянутой мордой и оголило клыки. Порезы, полученные от шипов оппонента, затянулись, будто их не было.

Напуганная и одновременно обозлённая мать детёныша с разворота взмахнула своим хвостом, оканчивающимся грозной заостреннейшей булавой, и со свистом направила его на врага. Однако прижимающееся к земле нечто ловко перекаатилось под смертоносной конечностью, нанесло ответный удар. Анкилозавр не успел увидеть, чем ему так сильно полоснуло горло. Повреждение оказалось достаточно серьёзным и заставило травоядного взреветь. По чешуйчатой коже потекли струйки крови, самка мучительно заурчала.

Далее гадина, прошипев, съездила уже по морде и зацепила левый глаз бедолаги. Теперь на шее динозавра была целая сеточка запекающихся кровяных дорожек.

Разъярённая израненная рептилия сделала вторую попытку

ку и снова взмахнула хвостом, вложив в удар всю силу. На этот раз она попала, снеся монстру пару передних лап, улетевших в риниофиты, и откинув его на несколько метров.

Зверюга пронзительно рявкнула, жёстко ударившись горбатой шипастой спиной о каменную глыбу. Из культией обильно захлестал красный фонтан, заливая сухую потрескавшуюся почву.

Правда, кровотечения конечности недолго. Вскоре они стали невероятно быстро отрастать.

Тварь, пребывающая в бешенстве, как ни в чём не бывало, вернулась на четвереньки с целыми боеспособными лапами и, хищно распахнув продолговатую пасть, затаившимися скачками бросилась на жертву.

Лишённый последних сил в борьбе с врагом динозавр не смог сдвинуться с места и увернуться от решающего свирепого удара, свалившего его с ног. Раздался предсмертный рёв, и в стороны брызнула алая субстанция, окропившая землю, камни и растения.

Существо, фыркнув влажным носом, победоносно зарычало.

Часть первая. Охота

1

1988 год

Понедельник, двадцать четвёртое октября

Внутренний голос снова вышел откуда-то из глубин её сознания и, заговорщически шепча, произнёс:

“Пора действовать, дорогуша! Время утекает...тик-так, тик-так!”

Сидящая на кухне своей двухкомнатной хрущёвки Тамара Климова печально глядела в окно. Холодные тона осеннего алого рассвета с его тяжёлыми низкими облаками и нежными, но уже не согревающими, лучами восходящего из-за горизонта солнца прогоняли ночную тьму, вызволяя из её плена сонные домики города Гродска. Пронизывающий ветер нещадно срывал с деревьев последнюю листву, раздувал мусор из переполненных мусорных баков и грохотал оконными рамами отделанных балконов, неприятно дребезжа стёклами.

“Прекращай делать вид, будто ты меня не слышишь! Забыла? Я – это ты!”

– Нет! Ты – паразит, напрочь снёсший мне крышу! – буркнула женщина, обхватив голову руками.

“Паразитом был твой муж! А я, неблагодарная, лишь стараюсь помочь!”

Климова промолчала, сиюсь подавить приставучий го-
лос.

“Глуно противиться! Ведь тебя мучаю не я, а мысли о том, кто погубил твоего сына!”

На какое-то время шёпот стих.

Одиночество съедало Тамару. В последнее время единственным собеседником женщины являлся её собственный внутренний голос, возникший в тот роковой июньский день и впредь не замолкающий. Правда, она ему практически не отвечала, а когда его натиск становился совсем невыносимым – и вовсе кричала, чтобы заглушить этот надоедливый шёпот в голове. Сложно подумать, что ещё не так давно жизнь Климовой была другой. У неё имелось всё, о чём только могла мечтать женщина.

“Не останавливайся! Ищи правду!!! Ведь она так близко...”

Поправив мятый халат, который укутывал её озябшее спросонья тело, она взяла со стола стопку накопленных за последние месяцы газет издательства **“Бриллиантовое перо”** и вытянула оттуда несколько выпусков, в коих имелись закладки в виде прямоугольных бумажных полосок. Первый заголовок гласил:

!!!Экстренная новость!!!

ЛАГЕРЬ МЕЧТЫ СТАЛ ЭПИЦЕНТРОМ СТРАХА

Поистине ужасные события постигли один из лучших летних лагерей нашей страны. Минувшей ночью

в “Тайнике Лешего” и на близлежащей к нему территории произошла целая череда кровавых убийств. Останки одного из тел ранним утром нашла жительница деревни Малые Дуки, Шура Клавдиевна, шедшая через лес в лагерь, где она работала поваром. По предварительным данным жертвой безымянного маньяка стала директриса данного заведения, Добрынина Вера Ярославна. Но, как выяснилось позднее, не она одна по непонятным для всех причинам оказалась сей ночью за пределами “Тайника Лешего”. Следом за Верой Ярославной персонал лагеря обнаружил отсутствие сторожа, чей труп также отыскивали в чаще. К глубочайшему сожалению, пересчёт усопших на этом не закончился. На территории “Тайника Лешего” найдены тела ещё как минимум двух зверски убитых людей. В настоящее время ведётся опознание погибших. Кто сотворил подобное и есть ли между этими случаями какая-то связь – остаётся загадкой. Точное количество жертв до сих пор выясняется, но уже сейчас можно с уверенностью сказать одно – в “Тайнике Лешего” не безопасно! Какими тайнами окутан снискавший ранее любовь ребятишек со всей страны лагерь с идеальной до сего дня репутацией? Это, судя по всему, нам ещё предстоит выяснить...

10.06.1988

“Найди Гончарову Галину! Она всё ещё в лагере! Ответы

у неё!”.

Женщина помотала головой, тяжело вздохнула, задумалась, ещё раз бегло изучила материал, вновь с тоской посмотрела в окно, затем отложила газету в сторону и достала другую. Смочив палец, она перевернула несколько страниц выпуска и прочла очередную статью, на которую сделала закладку:

“ТАЙНИК ЛЕШЕГО” ЗАКРЫТ

...следствие зашло в тупик. Расправившийся с директором и несколькими работниками лагеря убийца, если он, конечно, действовал в одиночку, всё ещё не найден и пребывает на свободе. Негодующие граждане буквально засыпают местное руководство многочисленными жалобами и гневными письмами. Телефоны в управлении разрываются от нескончаемых звонков. Власти отчаялись и приняли решение закрыть “Тайник Лешего” до выяснения всех обстоятельств трагедии...

21.07.1988

Тамара помассировала глаза, коснулась рукой шрама в виде буквы “И” на своей тонкой шее и просипела:

– Власти отчаялись?! Это они-то??!! Нет!!! Ни черта не правда!!! Они не знают, что такое настоящее отчаяние! Они не знают...

На разохшийся дощатый пол упала крупная слеза, затем ещё одна.

– Сынок...доча...

Она громко всхлипнула.

“Хватит нюни распускать! В том, что их с тобой сейчас нет, есть и твоя вина!”

– Заткнись!!! – проорала Климова, и шепчущий голос растворился в воздухе. – Один раз ты уже подвёл меня! Никакого потайного хода там не было...

Успокоившись, женщина проштудировала последнюю публикацию из третьей газеты:

!!!Шокирующая новость!!!

МЕДВЕДЬ-ЛЮДОЕД ТЕРРОРИЗИРУЕТ ЛЕС

Страшная трагедия произошла в окрестностях печально известного лагеря “Тайник Лешего”. Четверо мужчин, возвращаясь с охоты, подверглись нападению бурого медведя-людоеда! После стычки с диким зверем трое охотников получили тяжёлые ранения, в результате которых скончались на месте. По словам единственного выжившего, Реджинальда Ханта, свирепый хищник обирал малинник, когда группа по неосторожности наткнулась на него. Крупное животное накинулось на вооружённых мужчин и растерзало их, устроив жуткое кровавое пиршество. Хант признался, что ему чудом удалось избежать участи своих ныне покойных товарищей, чьи тела медведь утащил в своё логово. Мужчина до сих пор с ужасом вспоминает бойню, устроенную косолапым прямо на

его глазах. На вопрос о том, почему четверо охотников не смогли справиться с агрессивным хищником, Реджинальд ответил: *“Мы просто не были к такому готовы, он застал нас врасплох, а когда люди теряются, они начинают нервничать, что в последствие приводит к неконтролируемой панике...в отличие от меня, мои друзья не относились к разряду матёрых охотников и при виде громадного медведя, судя по всему, потеряли голову, лишившись способности трезво оценивать ситуацию. Я ничего не успел предпринять. Суматошные беспорядочные действия заведомо похоронили моих коллег, коим больше ничего не оставалось, кроме как уповать на милость Господню...”*. Несколько огнестрельных ранений, нанесённых медведю перепуганными охотниками, не остановили хладнокровную машину убийства, и она, следуя инстинктам, без колебаний завершила начатое...

15.08.1988

“Ну так что? Будешь и дальше сидеть, оплакивать своих детей или уже, наконец, возьмёшь и во всём разберёшься?”.

Климова подняла глаза и прошептала:

– Я узнаю, что происходит в этом проклятом месте! Я узнаю...

2

Коренастый мужчина на покоцанном красном мотоцикле с люлькой сбавил скорость, переехал узкую ложбинку под-

мороженого ручейка, поправил висящее у него за спиной ружьё и, нарастив обороты двигателя поворотом ручки газа, двинулся просекой через реденький берёзовый лес с обнищальными на листья деревьями, откуда вскоре попал к слегка припорошённым снегом убраным полям пшеницы, переживающим нашествие ненасытных ворон. Хлопая глушителем, стальной конь с надписью “**Jawa**” на баке пронёсся по прямой, расшугав свору возмущённо раскаркавшихся крылатых бестий, поднялся на небольшой холм и, миновав изгородь, оказался на захудалом хуторе.

Тарахтящая машина, чихая и дёргаясь, пропрыгала по разбитой сельской дороге к дальнему строению и притормозила у высокого забора.

– Хэээй!!! – сквозь захлёбывающиеся звуки мотора прокричал бородатый мотоциклист, сдвинув на лоб лётные очки.

За ограждением послышалась суета, и вскоре ворота со скрипом отворились. Мужчина заехал во двор, после чего заглушил мотоцикл.

Широкоплечий хозяин дома, в коем было аж две сотни сантиметров роста и сто пятнадцать килограммов веса, закрыл ворота, подошёл к гостю, слезшему с “Явы”, упёр мощные руки в бока и поприветствовал друга:

– Реджи!

– Ну, здорова, Игорёк! – ответил тот, снял со спины ружьё, где красовался выбитый на цефье девиз “*Без страха и*

упрёка” и, положив свою двустволку на забитый сумками и мешками боковой прицеп, принялся мериться силой рукопожатий с товарищем, чья колесообразная грудь находилась на уровне его глаз.

– Сдаёшься? – сдавливая ладонь гостя всё сильнее, хохотнул Игорь, смотрящийся настоящим великаном в сравнении с прибывшим низкорослым другом.

– Не дождёшься, – ухмыльнулся покрасневший от прилагаемых к сжиманию усилий Реджинальд.

– Неужели? – вскинул бровь великан и сломил сопротивление оппонента.

Тогда карлик скорчился от болевых ощущений и, выдержав руку из крепкой хватки хозяина имения, стянул с головы чёрный кожаный шлем пилота, оголив матовую бугристую лысину, чей плачевный вид дополняли скудные пучки колючих тёмно-русых волос, торчащие из-за угловатых ушей, и жиденькие патлы, бедно распределённые по нижней части сильно выступающего плешивого затылка.

– Я уже позабыл, насколько сильная у тебя лапища, Гулливер, – покачал головой мотоциклист.

– А племяш до сих пор не верит, что я голыми руками дуб выкорчевал...

– Ты сейчас что ли про то гнилое бревно в огороде, которое было тебе по колено? – с издёвкой уточнил Реджинальд и, блеснув золотой коронкой на зубе, запыхтел сигаретой, выуженной из завалившейся в кармане упаковки с надписью

“Оптима”.

– Ахах, да иди ты, Реджи! – отмахнулся Игорь и почесал свою шевелюру пшеничного цвета. – Из-за таких вот шутников пацан думает, что мне по плечу только картошку в огороде окучивать да грядки полоть. А ведь у него по моей линии такая родословная! Его дед, то бишь наш с его мамой отец – коренной сибиряк! Настоящий русский богатырь! Участвовал в кулачных боях, во время которых ему левую руку к телу привязывали, чтоб он никого не угрохал насмерть! Бился одной правой!

– Тебе б я завязывал обе руки... – выпустив изо рта клуб едкого дыма, с улыбкой прогнусавил Реджинальд, сунул сигарету обратно в рот и потеревил густые усы, перетекавшие в кустистую бороду. Её широкая топорщенная поросль целиком покрывала его скошенный подбородок, впалые щёки, скулы и виски.

Из бревенчатого дома вышла румяная девушка в платке и строго пожурила мужа:

– Человек с дороги весь продрог поди, а ты его всё на улице держишь! Может уже, наконец, пригласишь войти?

– Ой, Маруся, не гни мне тут баранки, а! – буркнул Игорь жене. – Матвейку вон позови, пускай помогает вещи разгружать! Тогда и дело быстрее пойдёт...

– Лучше б проявил побольше внимания к гостю и не умничал! – пробубнила нахмурившаяся девушка. – Хочешь, чтоб Ткачёвы в народе прослыли невежами?

– Ты чего, Марина, строишь из меня несчастного-то? – не понял Реджинальд. – Шас докурю, и пройдем в тепло! – и из его ноздрей завилась струйка табачного дыма.

– Так ведь жаркое в горшочках остывает...

– Успеется, – спокойно ответил Реджинальд и, сделав две короткие затяжки, бросил окурочок на землю.

– Ох уж эти хозяйки... Заботливых вечно из себя строят, – раздражённо процедил Игорь.

– А знаешь, почему бабы такие чуткие? – спросил Реджинальд и после многозначительной паузы пояснил. – Потому что думают, в отличие от нас, мужиков, сердцем, когда для этого башка есть!

– Всем давно известно, что она у них вместо украшения. Красивая, но бесполезная побрякушка, – добавил Игорь, и они с товарищем поднялись на крыльцо, где им навстречу выскочил белокурый паренёк с крупной родинкой на шее. – О, а вот и Желторотик из гнезда выпорхнул! Знакомься, Матвей, это Реджинальд Хант...

Парень, кличка которого являлась прямой производной от его фамилии Желторотов, пожал руку дядиному другу и, получив распоряжение разгружать мотоциклетную коляску, взялся заносить в дом сумки гостя, в то время как Марина провела мужчин в крохотную кухню и усадила за круглый стол.

– Щупленький он у тебя какой-то, – страдальчески проговорил Реджинальд и вдохнул дразнящий аромат горячего

жаркого. – Уверен, что стоит брать его с собой?

– Он с восьми лет умеет обращаться с ружьём. У него отменное чутьё, твёрдая рука и холодный ум...он отличный охотник! – заявил Ткачёв и подул на картошку. – Между прочим, у Вас двоих много общего!

– На твоём месте я бы не пел ему дифирамбы, – зачерпнув деревянной ложкой еду из горшочка, холодно сказал Хант. – Он ещё совсем зелёный, с ним надо пожёстче. Уж я-то знаю такое пацаньё! Чего они только сдуру не творили...

– Поверь, его молодость придётся нам кстати. Я лично могу за него поручиться! – уверял Игорь.

– Мы всё же не на прогулку с дамочками собираемся, – напомнил Реджинальд и с аппетитом отправил в рот порцию жаркого.

– Если бы мы собирались на неё, Матвейка был бы последним, кого бы я с собой взял.

– Отчего же? – не понял Хант.

– Он бы отбил у нас всех поклонниц, – хохотнул Ткачёв.

– Я надеюсь, ты понимаешь, какая на тебе ответственность? – серьёзно поинтересовался Реджинальд. – С ним ведь всякое может случиться...

– Ему шестнадцать, детство кончилось! Он сам способен принимать решения!

Тут на кухню зашёл Матвей и сообщил:

– Вещи перетаскал, дядя!

– Кажется, теперь я знаю, кто будет переть провиант, –

расплылся в улыбке Хант.

– Простите? – переспросил парень, захлопав широкими глазами цвета морской волны, окаймлёнными пушистыми светлыми ресницами.

– Говорю, жратву нести во время похода будешь, – объяснил Реджинальд и встретился с Матвеем взглядом. – Что-то не нравится?

– Нет, всё отлично. Если вдруг надорвётесь свою сумку нести, тоже помогу, – колко обронил Желторотов и полюбопытствовал. – Так это Вы тот охотник из газеты, что бросил друзей умирать?

– Матвей! – пресекла его тётя, сидящая в углу у плиты.

– Нет ничего хуже неоправданного риска, салага! Если бы я полёг тогда вместе со всеми, мстить бы за них стало некому, – после паузы Хант подытожил. – Так что пока не набрался достаточно опыта, не плюй против ветра! До меня не долетит!

– Мы идём воевать с медведем! Так давайте не цапаться между собой! – вмешался Игорь.

– Твой племянник должен знать своё место, – развёл руками Реджинальд и провёл ладонью по колючей бороде. – Его воспитанием мало занималась мужская рука, да?

– Его отец ушёл, когда Матвейке было три, – поведал Ткачёв.

– Заметно, – кивнул Хант и, пока Марина наполняла их с Игорем стаканы своей бодрящей рябиновой настойкой, до-

бавил. – Ну, ничего, мы в грядущем походе за него возьмёмся!

– Реджи помешан на дисциплине, – пожал плечами Ткачёв.

– Вы что, военный? – осведомился Матвей, вспомнив прошлом Реджинальда, какой одевали лётчики советской авиации.

– Ага. Веду бои с лосями и кабанами в сезон охоты, – иронично пробормотал Хант, пережёвывая пищу.

– Он всю жизнь, сколько его знаю, заядлый охотник, – пояснил Игорь. – И Альберт всегда равнялся на него...

– Интересно, если бы дядя Альберт выжил после стычки с медведем, продолжил бы он боготворить человека, оставившего его на растерзание хищника? – сомневался Желторотов.

– Мне говорили, что дядя Альберт много для тебя значил. Поверь, для меня тоже. Он ведь был моим хорошим другом. И в его гибели нет моей вины, – считал Реджинальд. – Если ты держишь на меня зло по этому поводу, то напрасно...

– Не суди парня строго, – попросил Ткачёв. – Он очень дорожил Альбертом. Тот проводил с ним неприлично много времени, постоянно придумывал всякие забавные игры, когда Матвей приезжал к нам на хутор. Я никогда им не мешал, потому что знал, насколько Альберт любит детей.

– И всё же ревновал меня к нему, – с улыбкой заметил

Желторотов.

– Чуть-чуть, – признался Игорь.

– Слушай, парень, глупо обижаться на то, чего уже не изменить. Мы вместе идём за шкурой этого медведя, и нам необходимо поладить хотя бы на пару дней, – считал Хант.

– Хорошо, – согласился Матвей и подмигнул Реджинальду. – Я постараюсь Вас не перещеголять.

3

Раздался хрипящий звонок в дверь. Пауза. Затем следующий звонок, уже более продолжительный и настойчивый.

Тамара обернулась, убрала семейное фото в рамке с мутным стеклом обратно в картонную коробку, которую хранила на верхней полке запылившегося шкафа, и, встав с колен, прошла в коридор, где на вешалке одиноко висело её серенькое осеннее пальто.

Она посмотрела в дверной глазок, после чего подалась назад и, стиснув зубы, прижала руку к груди.

– Тамара! Это Алексей Трофимов...

Но женщина лишь опустила глаза и глубоко вздохнула.

– Тамара! – снова позвал голос с другой стороны двери. – Мне нужно с Вами поговорить! Я знаю, что Вы тут! Откройте, я очень прошу...

Климова сглотнула вставший поперёк горла комок и сипло ответила:

– Уходите!

– Я знаю, что не заслуживаю прощения! Но дайте мне хотя

бы крохотный шанс на искупление...о большем просить я не могу...

– Ваше присутствие делает только хуже! Не надо обивать пороги моего дома и осквернять память моей семьи. Лучше уйдите по-хорошему...

– Я лишь хочу...

– Чего??! – перебила мужчину Тамара. – Мы оба знаем, что ничего уже не исправить. А сыпать соль на рану с Вашей стороны верх наглости!

– Произошедшее – случайность! Вы были там и знаете, что я не желал смерти Вашему мужу и уж тем более дочери! – оправдывался мужчина за дверью. – Тогда я хотел помочь Вашей семье и только!

– Не надо тыкать мне своими чистыми намерениями! – истошно прокричала Климова. – Всё, что могли, Вы уже сделали...

– Знаю, я причинил Вам боль...много боли...поверьте, не прошло и дня, чтобы я не винил себя в случившемся. Но ради всего святого, примите то, что я для Вас собрал. Для меня это бесконечно важно...

– Я ни в чём не нуждаюсь! И Ваши подачки меня не интересуют. Хотите раскаяться – сходите в церковь! Помолитесь за их души...Возможно, милостивый Господь простит Вас.

“Эхеее! Решила всё свалить на него и заставить человека жить с тяжким грузом всю жизнь? Конечно, мудро выставить кого-то виноватым и оказаться в дамках! Однако во

всём надо знать меру! Не следует поступать, как последняя мразь!”, – проснулся внутренний голос.

– Это из-за него погибли Ваня и Яна, – прошипела Тамара, обхватив голову руками.

“Неужели? А кто, напомни-ка, его во всё это втянул, мм? Из-за кого он очутился в лагере?”.

Женщина промолчала, и по её щеке проскользила слеза.

Тем временем мужчина с тоской прогнусавил:

– У меня с собой пистолет. Откройте мне дверь, и я с радостью дам Вам меня пристрелить...

– Зачем мне Ваша жизнь? – не понимала Тамара. – Если взамен её нельзя вернуть моих детей и супруга...

“Супруга?? Того самого мерзкого садиста?? На кой бес он тебе сдался? Не уважаешь ты себя, дорогуша!”, – ехидно протараторил внутренний голос, который женщина намеренно проигнорировала.

– Вы причиняете мне куда больше страданий тем, что даже не желаете слушать, – продолжил диалог некто Трофимов. – Этого Вы добиваетесь, да? Чтобы я мучился днями и ночами, мечтая о возможности спать спокойно...

– Что Ваши страдания в сравнении с моими? – презрительно кинула Климова.

– Сущие пустяки, – грустно ухмыльнувшись, прошептал мужчина и, понутив голову, ушёл прочь.

4

В этой жизни Матвея Желторотова раздражало не многое,

и, как назло, одно редкое исключение шло в данный момент рядом с ним – Реджинальд Хант. Грёбаное говно на палочке, не иначе. И неужели этот замызганный коротышка, строящий из себя великого охотника и красноречивого психолога, в самом деле думал, что может тыкать Матвея носом в какое вздумается дерьмо только потому, что Желторотов младше? Как бы не так! Парень плевать хотел с самой высокой колокольни на грязную лысину Ханта и не собирался потворствовать его нахальству. Без разницы, как о Реджинальде отзывались другие. Хватало того, что он сам не доверял ему. Чего можно ждать от такого горделивого наглеца? Разве только какой подлости. Вообще, ни к кому до сих пор избегающий конфликтов Матвей не испытывал столь тошнотворной антипатии, как сейчас к Ханту. Желторотов был не в восторге от их с дядей спутника, чьё слово имело огромное влияние на Ткачёва, который, несомненно, испытывал глубокое уважение к Реджинальду и зачастую пытался казаться услужливым, тем самым нервируя Матвея, считавшего подобное поведение недостойным.

– А знаешь, птенец, из чего лепится настоящий мужик? – подало голос то самое говно на палочке, шагающее чуть впереди Желторотова.

– Из дешёвого сырья двух озабоченных индивидов, – усмехнулся Матвей и застегнул верхнюю пуговицу своего плаща-дождевика болотного цвета.

– В случае с тобой, походу, на дешевизну не скупилась, –

сверкнув золотым зубом, подколол Хант, чья лысина теперь скрывалась под банданой с меховой полоской по центру.

“Как же я хочу тебя пристрелить!” – подумал Желторотов, но, крепче сжав в руках старенькую потёртую двустволку ТОЗ-БМ шестнадцатого калибра, не стал накалять обстановку и в шутку сказал:

– Просто у меня родители экономисты.

– Так из чего, по-твоему, Реджи, лепится настоящий мужик? – вернул беседу в колею Игорь.

– Из нелёгких испытаний, – ответил Хант. – Они куют железный характер...

Трое охотников двигались по голым полям к горному хребту. Размытые очертания гребня сливались с обволоклими его низкими мутно-серыми облаками. Небо мрачнело. Вдовесок к этому усилились порывы ветра, вскоре помножившиеся перемешанным с мелким снегом дождём. Как назло такие канделябры погода начала вытворять сразу после того, как троица покинула хутор.

У каждого члена похода, помимо оружия, имелось по спальному мешку за спиной, а также по водружённому на плечи рюкзаку с различными жизненно необходимыми вещами. Матвей с заткнутой за пояс рогаткой пёр на себе самый ценный груз. В сумку парня навалили пищу, спички, алюминиевую посуду и армейский котелок. Его дядя Игорь, разодетый в ушанку с оттопыренными лопухами, тёплый заячий тулуп и охотничьи сапоги, тащил баул с палаткой. Фак-

тически она была рассчитана на двоих, но на деле её вместимость равнялась количеству не желающих спать под звёздами людей. Ханту же досталась роль склада боеприпасов: закрытый патронаж на поясе мужчины располагал двадцатью четырьмя патронами, ещё пять нарезных патронов хранились в открытом патронаже на прикладе его новенького бокфлинта ИЖ-27М-1С двенадцатого калибра, а остальные запасы патронов находились в его пузатом рюкзаке, где также нашлось место складным сапёрным лопаткам и свёрнутому тенту.

– Хех! Я-то думал, Гулливер, что ты уже расстался со своей старушкой, – после продолжительного молчания осклабился Реджинальд, указав взглядом на ружьё Игоря.

– Моя судьба – её судьба, – пожал плечами Ткачёв и, нежно погладив берёзовое цевьё своего ИЖ-18, уточнил. – На покой она уйдёт вместе со мной.

– Неужели тебе не хотелось попробовать чего-то нового? – удивился Хант и, достав из кармана камуфлированного комбинезона помятую пачку всё той же “Оптимы”, вытянул зубами одну сигарету.

– Зачем изменять традициям? Я с ней столько всего прошёл! Можно балладу писать! Мы с моей птичкой как единое целое! Да я ей, если подумать, внимания уделяю больше, чем жене! – и мужчины дружно заржали.

– И всё же двустволка лучше! – заявил шмыгнувший покрасневшим носом Матвей и выпустил изо рта облако пара.

– Твоя плохой тому пример, – подметил закуривший никотиновую зубочистку Реджинальд. – Но в целом я согласен с пареньком.

– Одноствольное ружьё учит одному очень важному качеству, которым должен обладать каждый уважающий себя охотник, – многозначительно поднял указательный палец Игорь.

– Какому, дядя? – поинтересовался парень, слизывая с замёрзших губ ледяную каплю.

– Бить цель одним верным выстрелом, – поведал Ткачёв и улыбнулся.

– С таким аргументом трудно поспорить, – кивнул Хант.

– Я с детства усвоил, что валить мишень надо с первого раза. Тогда, помню, я учился во втором классе сельской школы, и к нам пришла новенькая, Валюха Дроздова. Девка прям кровь с молоком! Мне сразу понравилась! – с восхищением рассказывал Игорь. – Только вот как себя с ней вести я не знал, поэтому привлекал её внимание довольно грубыми способами: толкал, дёргал за косички, щипал за попу... В общем, самым значимым, чего я этим добивался, были её слёзы. Однажды, благодаря мне, Валя прилетела в угол двери и рассекла себе бровь. Мальчик из класса постарше, коего также обворожила Дроздова, не оставил подобное без внимания и любезно пригласил меня на стрелку сразу после учёбы. Я по-настоящему обделался, ведь сию детину боялись даже четвероклассники. Все оставшиеся уроки я просидел

бледный, как смерть, а после звонка с последнего занятия и вовсе чуть не потерял сознание. Понимая, что мне несдобровать, я принял решение нанести удар первым, исподтишка. Подло, зато действительно! Он бы такого точно не ожидал. Мы встретились у школьного забора и встали друг перед другом в окружении большого числа зрителей. Я трусливо посмотрел в свирепые глаза верзилы, прицелился ему в нос и, пока он толкал речь о том, как порвёт меня на части, треснул в злобную морду ватным от волнения кулаком...

– И? – нетерпеливо спросил Матвей.

– Ушиб руку о железобетонный лоб этого переростка, после чего мне по всем канонам надрали задницу, – со вздохом признался Ткачёв. – Вот она, цена промаха...

– Влупил бы ему ещё! Чего остановился-то? – не понял Реджинальд.

– Рука разболелась, – с плаксивым видом объяснил Игорь.

– И всё же я не очень прослеживаю мораль, – тупил подтирающий сопли Желторотов.

– Мораль в том, что надо правильно выбирать соперника и не париться из-за баб, – иронично высказался Хант, докуривая сигарету. – А с древних запылившихся одностволок лучше по бутылкам во дворе стрелять...

– Поверь, моё ружьё даст фору любому другому! Бой у него до сих пор отличный! – похвастался Игорь.

– У моего, между прочим, тоже! – яростно вступился за своё оружие Матвей. – И небольшой шат стволов этому не

мешает!

– Ладно, довольно балакать, Желторотик! – заткнул его Реджинальд и, остановившись у подножия горы, чьи склоны густо заполняли сосны да ели, добавил. – А то выдохнешься, и наш провиант не окажется по ту сторону перевала...

Матвей недовольно поморщился и, стиснув зубы, подумал: “Как же я тебя ненавижу!”.

5

Тамара взяла с собой только самое необходимое: деньги на дорогу, две бутылочки воды по 0,5 литра, контейнер с бутербродами и... остро заточенный кухонный нож. Сложив всё в старый принадлежавший её сыну ранец, на коем виднелось потёртое изображение волка из мультсериала “**Ну, погоди!**», она заперла дверь квартиры, спустилась вниз по лестнице и вышла из пятиэтажки на улицу, где её уже ждало такси.

– Куда едем, сударыня? В зоопарк? – глядя на неопрятную Климову, спросил улыбчивый водитель, когда женщина устроилась на переднем пассажирском сиденье синей “шестёрки”.

– В лагерь “Тайник Лешего”, – бесстрастно ответила она, не отреагировав на колкость мужчины.

– Охox...дешевле бы Вам было купить билет на электричку. За поездку туда я беру по двойному тарифу, – предупредил таксист.

– Швали из зоопарка денег не жалко, – заявила взлохма-

ченая Тамара и уточнила. – Вы это хотели услышать?

Водитель пожал плечами, ехидно улыбнулся и дал по газам.

6

Она медленно открыла сонные глаза, расстегнула молнию спальника и, вздрогнув от холода, растерянно захлопала глазами. Монотонный шум размеренно падающих с потолка капель, благодаря коему девушка так сладко заснула, до сих пор раздавался у неё под ухом.

Где-то в глубине тоннеля по-прежнему слышались не стихающие удары кирки о горную породу, эхом разносившиеся по всей протяжённости пещеры. Прожектора на склизких стенах освещали периметр базы, заставленной различным оборудованием. Деревянные ящики из-под него также хранились здесь.

Сколько она проспала? Час, два? Впрочем, какая разница? Под землёй понятие времени, кажется, теряло актуальность.

Девушка, одетая в три кофты, трико с начёсом и тёплые мешковатые штаны, встала с ледяного пола, засунула руки в рукава, поёжилась и пошла к специально вырубленной в камне нише для связного центра. Миновав вагонетку, у коей отдыхали несколько чумазных шахтёров, она перешагнула через уходящие во тьму рельсы и оказалась в рабочем закутке Фомы Юдина, связиста и по совместительству оператора их подопытного образца.

Это место было оборудовано двумя столами, куда уместилась целая гора различной аппаратуры. Разноцветные мизерные лампочки на технике попеременно мигали в полумраке, отчего у недавно проснувшейся после незапланированного сон часа особы рябило в глазах.

Взъерошенный прыщавый парень в очках безустанно пялился в один из мониторов, подперев подбородок своим хилым бледным кулачком. Его напряжённый взгляд сосредоточился на многочисленных изображениях с камер, развешанных по всему лесу. Разбитый на девять ячеек экран показывал все подступы к пещере, образовавшейся в скале у “Багрового” озера.

– Ты как крот, безвылазно сидящий в норе за своими приборами, – добродушно заметила потягивающаяся девушка, вставшая позади Фомы. – Думаю, тебе стоит пойти, отдохнуть...

– Не сейчас! – нервно буркнул ей парень, не отрываясь от монитора.

– Что у тебя там? – поинтересовалась она.

– Да какие-то мухоморы слоняются в опасной близости от нашей границы, – недовольно пояснил оператор и ткнул пальцем в центральную ячейку на экране, выводящую изображение шастающей по лесу семьи. – Кажется, вот-вот к пляжу подойдут. Я уже больше часа жду, когда они провалят...

– Если ступят на запретную территорию, спускай на них нашего зверька, – приказала девушка.

– Будто я не знаю инструкций, – пробурчал очкарик в куртке с меховым воротником.

– Чем кстати он сейчас занят? – любопытствовала дамочка.

– Сама погляди. Мне не до этого, – бросил Юдин, и сонная особа перевела взгляд на соседний монитор.

– Он же у тебя под контролем? – с сомнением спросила она.

– Под полным. За счёт вживлённого нами до мутации чипа я управляю его центральной нервной системой. Он выполнит любую команду, следует мне только взяться за пульт, – уверенно сказал связист, вращая джойстик, отвечающий за камеру номер 5. – Хоть спляшет.

– Та семейка ушла?

– Угу...мяса не будет. По крайней мере, пока...

– Жаль, – расстроилась девушка.

– Ты всегда была такой же свирепой, как наш босс, или одичала за проведённое здесь время? – поражался Фома. – Просто мне кажется нельзя так безразлично относиться к жизням людей. Фараон однозначно перегибает палку, превращая в фарш каждого, кто приближается к пещере. У людей, может, и намерения нет сюда соваться.

– Вот сам ему это и сообщи. Дать книгу жалоб и предложений?

– Нет, благодарю, – отказался Юдин. – Лучше ответь, когда мы уже свалим отсюда? Мне осточертело торчать в этой

проклятой дыре пятый месяц кряду. Чувствую себя помойной крысой...

– Я тоже, – вторила девушка. – Но шахтёры говорят, мы почти у цели. Так что надо лишь набраться терпения...

7

На вершине горы, усеянной хвойными деревьями, троицу встретил мелкий снег, без примеси в виде дождя. Бушующий ветер нещадно бил путников по лицу колкими снежинками и неприятно задувал им в уши. Над головами охотников под порывами стихии судорожно трепыхались лохматые ветви елей, словно озвучивающие своим шелестом гремучую змею.

Идущий впереди Игорь, под ногами которого хрустели припорошённые снегом камешки, перешагнув через остроконечный булыжник, остановился и сквозь свист пронизывающего ветра сказал:

– Надо бы устроить привал.

– Старая гвардия поддерживает, – кивнул Хант, чья густая борода покрылась белым инеем.

– Фух, наконец-то! А то я мозоли на ногах натёр, – со страдальческим видом простонал Матвей.

– Вроде молодой, рано хлюздить, – покачал головой Реджинальд и сбросил со спины багаж, шлёпнувшийся в мягкое одеяло из подмороженного мха близ уродливо изогнутого ствола сосны. – Вот будешь драпать от медведя, ему и расскажешь, какие у тебя там проблемы. А сейчас помо-

ги-ка мне натянуть тент.

– Хорошо. Что мне надо делать? – включился в работу Желторотов.

Закопотившийся в своей сумке Хант молча достал свёрток плотной ткани и вручил её парню.

– Ходить на охоту не бабам промежность вылизывать, – изрёк народную мудрость Реджинальд и спросил. – Разберёшься?

Ответивший плешивому бородачу коротким кивком Матвей не растерялся и, размотав материю, крепко привязал верёвками два верхних её конца к стволам деревьев на высоту в полтора метра.

– Я пока разведу костёр, – решил Ткачёв, кинувший свои вещи рядом с товарищескими.

Тем временем Реджинальд раздобыл пару колышков и вбил ими в землю свободные концы тента.

– Принимайте работу. Навес готов, – сообщил коротышка в камуфляже и, укрывшись от непогоды под скатом самодельной конструкции, постелил себе под пятую точку спальный мешок, куда с удовольствием плюхнулся.

Вскоре у пристанища охотников разгорелся костёр, над коим Игорю пришлось изрядно попотеть. Языки пламени стремительно взмывали вверх в попытках дотянуться до еловых веток и облизать их тёмно-зелёную хвою, но их каждый раз сбивал свирепый ветер. Тогда огонь, колыхаясь, смиренно схлынывал обратно и обиженно плевался искрами.

– Желторотик, тащи-ка сюда свою авоську, будем харчи готовить, – распорядился Ткачѐв, вколачивающий по обе стороны от костра раздобытые им длинные “рогатые” палки.

Парень быстро схватил свою сумку и поднёс к закатавшему рукава дяде, который достал оттуда котелок и, залив в него воды, поинтересовался у своих спутников:

– Есть желающие построгать в нашу бурду картошку?

– С кулинарными вопросами ко мне не приставай! – откликнулся Хант, лежащий под тентом.

– Мне можно отказаться или у меня нет выбора? – уточнил у Игоря Желторотов.

– Ай, иди уже, отдыхай, – волосатой рукой отмахнулся улыбнувшийся Ткачев и, повесив котелок над костром на палку, играющую роль перекладки, принялся чистить грязные клубни.

Матвей подсел к Реджинальду и, выслушав голодное урчание своего желудка, радостно воскликнул:

– Как же я обожаю дядин суп с тушѐнкой! Только ради этого готов ходить с ним в походы!

– Какие-то скромные у тебя запросы, – тихо пробубнил Хант, под треск хвороста почёсывающий свою мясистую ляжку.

– А Вам уже приходилось пробовать его кулинарный шедевр? – любопытно спросил парень и откинул назад капюшон своего дождевика.

– Ага. Даже плевал в него для остроты, – хохотнул Реджи-

нальд и снял с головы бандану. – Только вот что жрать мне абсолютно до фени. Я не неженка и мне по барабану, что будет плавать в сей мути. Хоть куски сала с раздувшихся боков моей жирной тётки!

– Любите Вы её, – иронично подметил Желторотов и засмеялся.

– Ну да, мёртвая она меня не сильно донимает, – без тени улыбки подтвердил Хант и скуксился. – Чёрт! Лямка от ружья грудь натёрла... – посетовал он, растёгивая свой комбинезон и находящуюся под ним рубашку. – Пусть тело подышит.

– Что за шрам у Вас на груди? – проявил интерес Матвей, когда Реджинальд задрал вверх белую майку.

– След от пули, – безразлично произнёс Хант.

– Вас ранили? – изобразил удивление Желторотов.

– Давно...

– Как это произошло?

– По молодости я охранял товарные вагоны на одном вокзале под Воронежем и словил гостинец от любителей поживиться чужим добром, – рассказал Реджинальд. – Пуля прошла навывлет, но зацепила сердце. Мамка сутками рыдала и жевала соплю после того, как до неё дошло известие о том, что её непутёвый сынок с наибольшей вероятностью двинет кони. Я фактически побывал на том свете. И знаешь... мне понравилось граничить между жизнью и смертью, ходить по тонкой черте и не свалиться в пропасть, балансировать по-

добно канатоходцу под куполом цирка. Я тащусь от подобного.

– Вам было сильно больно?

– Боль можно контролировать. И если у тебя выйдет подчинить её себе, вырвать кнут из лап страданий, ты сможешь получить истинное блаженство.

– Звучит бредово, – фыркнул Матвей и подумал: “Однако я с радостью доставил бы тебе такое удовольствие!”.

– Бредово звучат рассказы твоего дяди о возможностях любимого племянника. А я делюсь тем, что лично испытал на себе.

– Хватит лясы точить! Налетай! Суп готов! – сообщил Игорь, и Хант с Желторотиком выползли из-под навеса.

Через некоторое время...

Вприкуску с пшеничными галетами охотники быстро одолели котелок наваристого супа, куда Ткачёв к щедро накиданным картошке и гречке экономно добавил тушёнки. Затем они вскипятили воду и навели себе чай. Матвей с дядей отведали крепкого чёрного, а стянувший с рук трёхпалые перчатки Реджинальд заварил себе иголки сосны.

Насытившись и погревшись у костра, троица собрала свои вещи и продолжила путь.

8

Отдав таксисту последние деньги, которые были у неё на руках, она вылезла из машины, закинула на плечо ранец и с тоской посмотрела сквозь центральные решётчатые воро-

та окружённого темнохвойным лесом лагеря, не запертые на замок.

“Шестёрка” уехала, и Тамара осталась одна. Мёртвая тишина сгустилась вокруг неё, заставив замереть беспокойное сердце. Отовсюду здесь веяло траурным унынием. Лишь пёстрая вывеска над створками ворот, выбивающаяся из полотна общей мрачности, обещала гостям беззаботное и весёлое времяпрепровождение:

ДОЛ “ТАЙНИК ЛЕШЕГО”

Климова долго решалась сделать первые шаги к месту, насквозь пропитанному для неё горем, и неизвестно, сколько бы ещё она простояла, если бы не внутренний голос.

”Чего, девица, ждём? Приглашения на банкет?”.

– Угу. Только вот беда, тебя на него не пригласили! – всплеснула руками Тамара. – Поэтому исчезни!

“Если хочешь, чтобы я замолчал, будь так добра, пошевеливай филейными частями! Сопли потом пожуйёшь!”.

– Мне некуда торопиться...

“Разве что к заботливому мужу...”, – ухмыльнулся приставучий голос.

– Прекрати злорадствовать по поводу Вани! Иначе я...

“Что?? Что ты??”, – перебил её отдавшийся в ушах писк. – *“Дашь себе камнем по дурной башке? Смирись с тем, что я неотъемлемая твоя часть! По отдельности нет ни тебя, ни меня! Есть только мы!”.*

– В своей голове я никому не предоставляла бесплатное

жилё, – буркнула Климова, потянула на себя правую створку ворот, и та, скрипя, поддалась.

Оказавшись на территории лагеря, Тамара прошла мимо пустующей сторожевой будки до конца асфальтированной дороги со стирающейся парковочной разметкой, задумчиво посмотрела на соответствующий квадратный знак с буквой “Р” на синем фоне, чья оцинкованная стойка возвышала его над местами стоянки, затем забралась на бордюр и двинулась по вымощенной серыми кирпичами извилистой тропинке к двухэтажному корпусу, находящемуся за небольшим зданием из белого кирпича.

С наливающимися свинцом облаков посыпал мелкий снег. Тут же его закружили ледяные порывы ветра. Подхватываемые потоками воздуха белые крупинки, вертясь в вихре, спускались на крыши корпусов, деревья и озябшую почву с жухлой травой.

– Похоже, никого нет дома, – поёжившись, решила Климова, когда добралась до нужного сооружения с деревянной пристройкой.

“Не верно! Просто тебе хочется думать именно так!”, – пронизательно заметил внутренний голос.

Тамара поколебалась и неуверенно ответила:

– Плохо ты меня знаешь...

“К сожалению, слишком хорошо...”, – посетовал шёпот в голове и добавил. – *“До цели не дойти, если не иметь твёрдых намерений и уверенности в собственных силах. Возьми*

уже свою злость в узду и направь себе в помощь! Гончарова здесь! И она знает всё, что так тебя беспокоит!”.

– Извините, Вы что-то потеряли? – послышался удивлённый голос за спиной Климовой, заставивший её дёрнуться от неожиданности.

Обернувшись, Тамара увидела перед собой женщину лет сорока пяти с несколько потерянным выражением лица.

– Да, я многое здесь потеряла, но, боюсь, такое мне никто никогда не возместит даже при самом сильном желании, – развела руками Климова.

– Конечно. Ведь лагерь закрыт.

– Раз так, с чего Вы до сих пор на его территории? Мародёрством занимаетесь?

– Это уже другая история... Что Вы надеетесь тут отыскать?

– Кого, – поправила Тамара и с подозрением спросила. – Не Вы случаем Гончарова Галина?

– Кто Вы и зачем приехали сюда? – уточнила насторожившаяся женщина.

– Кажется, я первая задала вопрос...

После непродолжительного молчания женщина, задумчиво кивнув, прошептала:

– Я Гончарова Галина. Чем обязана?

В один момент Климова потеряла над собой контроль, сделалась яростной фурией и, грубо схватив стоящую напротив женщину за горло, прижала её к деревянной стенке кор-

пусной пристройки.

– Кха...кхе...хххххх...хххррр...кха...хх...хххрр... – вцепившись за душашую её руку, захрипела Галина, чьи глаза начали закатываться от недостатка кислорода.

Тамара ослабила хватку, и покрасневшая Гончарова принялась жадно глотать ртом воздух.

– Говори, что творилось в этом чёртовом месте?! – проревела Климова, доставая из-за пояса заточенный нож.

– Ты сумасшедшая! Отпусти меня! – прокричала Галина, как незнакомка тут же больно сжала её горло, заставив замолчать.

– Рассказывай мне всё, что тебе известно, скотина! Иначе я тебя зарежу! Поверь, рука у меня не дрогнет! – грозно обещала Тамара.

– Кто ты??!! – не понимала Гончарова, в живот которой упёрся острый кончик ножа.

– Мать Пети Климова...

Галина похолодела, и в её глазах появился страх.

– Ага, значит, ты всё-таки знала моего мальчика, да, тварь??!! Знала Петю?! – вопила Тамара с выступившими слезами на глазах.

– Знала, – подтвердила Гончарова и, вспомнив, добавила. – У него был ужасный отец...

– Что Вы сделали с моим сыном??!! – свирепо заливалась Климова, плюясь слюной.

– Дали возможность начать новую жизнь...

– Хватит мне туфту гнать! Или по-хорошему раскроешь мне все Ваши чёрные дела или я отправлю тебя исповедоваться перед Господом Богом! – угрожала Тамара.

– Не мне держать ответ за случившееся.

– Тогда кому?

– Какая теперь разница? Ничего не вернуть.

– Разница есть для тебя! Сейчас ты в дерьмовом положении! Поэтому лучше поведай мне, кто виновен в смерти моего ребёнка?

– Я не собираюсь тыкать пальцем, но всё же мой Вам совет – начните с себя...

– Прекрати меня бесить!!!

– Если Вы считаете себя единственной жертвой тех событий, то глубоко ошибаетесь. Многие судьбы были сломаны!

– Ещё одна речь не по существу, и я вспорю тебе брюхо, клянусь!

– Поверьте, мне без разницы, что со мной станется! Вы не знаете, что я пережила за последние полгода...

“Пусти ей кровь! Хватит это терпеть!”, – накалял обстановку злорадно звучащий внутренний голос.

Тамара, стиснув зубы, крепче сжала в руках нож, холод лезвия коего, казалось, отдавался в её трепещущем сердце, сдвинула брови на нахмурившемся лице и, посмотрев в глаза Галины, дрожащими губами прошептала:

– Я...не могу...

Лицо её вмиг растеряло всю грубость черт и вырисован-

ную жестокость. Держаться больше не было сил. Она выронила из руки своё кухонное оружие и, упав на колени, безутешно заплакала.

Гончарова потёрла рукой ноющую шею, прокашлялась и, с тоской обведя взглядом Климову, поспешно удалилась.

“О чём я и говорил! На тебя просто противно смотреть!”, – ворчал шёпот в голове.

– Я не убийца, – сквозь рыдания произнесла Тамара.

“Тогда зачем мы вообще сюда заявили? Справиться о здоровье данной особы? Всё же тебе есть, чему поучиться у покойного мужа! У него бы хватило смелости довести дело до конца!”.

– Не мне решать, кому умереть... Галина права. Ничего не исправить. Никого не вернуть. Пора смириться с реальностью и перестать тешить себя иллюзиями...

“Иллюзия в том, что ты считаешь себя жертвой! Но это не так... выпусти своих демонов наружу! Стань охотником!”.

– Я не опущусь до такого, даже не пытайся... я навсегда покину “Тайник Лешего” и никогда больше не стану ворошить этот пчелиный улей...

“Ты совсем свихнулась? А как же месть?”.

– Я свихнулась, когда послушала тебя, хотя заведомо знала, что всё пойдёт крахом. Пора мне уже перестать воспринимать всерьёз твои навязчивые идеи...

“Одумайся! Гончарова была у тебя в руках! И ты так

просто отпустила её...”.

– Кого? Здесь, вроде, никого нет, – с улыбкой сказала Климова и, поднявшись на ноги, направилась к выходу с территории.

9

Реджинальд, на пару с Ткачёвым ожидая Матвея, осторожно спускающегося со склона, стянул с рук перчатки, достал из кармана комбинезона пачку “**Оптимы**”, сунул в неё два пальца и к своему удивлению не обнаружил ни одной сигареты внутри. Тогда он швырнул упаковку от табачных изделий между рельсов на деревянные шпалы железной дороги, которые, как и всё вокруг, присыпало снегом, и нервно крикнул:

– Желторотик, я, конечно, понимаю, что ты не горный козёл, но не мог бы ты перебирать своими лапками чуточку энергичней? Перевал бы давно остался позади, если бы ты не обходил каждый неровно лежащий камень!

– Я бы с удовольствием посмотрел на Вас, будь за Вашими плечами сумка вроде моей! – недовольно бурчал Матвей, от чьих неловких движений вниз по склону, шурша, сползали камни.

– Он впервые принимает участие в таком походе, Реджи. Не злись. Всё-таки преодоление горного хребта в непогоду не прогулка по набережной, – заметил Игорь.

– Ты за него ручался и говорил, что ему по силам такой променаж. Мы сюда пришли настоящим мужским делом за-

ниматься. Кто не в состоянии перекинуть свою задницу на другую сторону долины вряд ли переживёт встречу с медведем, одной лапой уложившим троих охотников! – чертыхался Хант, выдыхая пар из ноздрей.

– Мы же с ним, а, значит, беспокоиться не о чем, – выразил уверенность Ткачёв.

– Есть о чём! – возразил Реджинальд. – Если кто-то грохнет бурого раньше меня, я... – глаза Ханта суетно забегали.

– Что ты? – не понял Игорь.

– Никогда себе этого не прощу, – спокойно пояснил мужчина в бандане и, опустив голову, состряпал хмурое лицо с глубоким болезненным взглядом.

– Мне кажется, после тех событий желающих побывать в сём лесу значительно поубавилось, – предположил Ткачёв, глядя на мрачную чащобу впереди.

– Если кто и вальнёт косолапого до Вас, так это буду я, – задорно сказал появившийся с тылу взмокший Желторотов, наконец догнавший своих спутников.

– Мечтай, сорванец, – мерзко улыбнулся Реджинальд и, перейдя через рельсы, направился к хвойным дебрям. За ним последовал и Игорь с племянником.

Спустя десять минут...

Охотники вошли в густой подлесок, а оттуда в сам лес, укрывший их от снежной бури. Там они привели ружья в боевую готовность и побрели меж плотно растущих елей и сосен, закрывающих своими игольчатыми лапами серые обла-

ка, обильно посыпающие землю колкими белыми крупинками.

– Ну и глушь! – выпустив изо рта пар, изумился Ткачёв, под чьими сапогами трещали задубевшие шишки и хрустел пробившийся сквозь ветки деревьев снег. – Сгинешь здесь, и никто не отыщет...

– Это точно. В такие дебри сам чёрт не осмелится сунуться, – поддержал Хант, медленно водя по сторонам дулом своего 12-калиберного ружья с серебряной гравировкой “*Без страха и упрёка*” на цевье.

– Однако Вы с дядей Альбертом сунулись, – с неодобрением бросил Матвей, перелезая через массивное сухое бревно с завядшим мхом, покрытым блестящим инеем.

– И очень пожалели об этом, – ответил Реджинальд и раздавил ледяную корочку замёрзшей лужи.

– По Вам не скажешь, – с подозрением заметил Желторотов. – Спешите сюда, как муха к говну...

– За подобные сравнения, общипанный сопляк, ты у меня по зубам получишь! – оскалившись, пригрозил Хант, скорчил ненавистную гримасу и болезненно пнул Матвея в бедро тяжёлым ботинком. – Понял?

Возмущённый такими действиями Желторотов уже скинул с плеча свой баул с ружьём, чтобы дать плешивому сдачи, как его остановил дядя:

– Матвей! Ты что себе позволяешь?!

– Он первый начал! – пожаловался племянник.

– И я же закончу, если не перестанешь борзеть, – предупредил Реджинальд. – Это тебе не на сверстников тявкать, шкет. Думаешь, коль дядька рядом, то всё можно, да? Мотай на ус, доходяга, ещё одна выходка, и я тебе мозги вышибу, глазом моргнуть не успеешь! Довольно с тобой любезничать...

– Реджи, тише, он ведь ещё...

– Перестань его выгораживать! Сам нарывается! – перебил Игоря Хант.

– Кто ещё нарывается, – пробубнил Желторотов.

– Ты опять за своё? – поразился Реджинальд. – Пфф, о чём я и говорю, типичный сморчок: дерзкий, но на деле ничего из себя не представляющий!

– Согласен, манеры у него так себе... вот только разве ты не был таким же, мм? – спросил Ткачёв своего товарища.

– Был... поэтому и учу его уму разуму! – объяснил Хант и, сплюнув слюну, двинулся дальше.

Игорь, с огорчением заглянув в глаза Матвею, тихо сказал ему:

– Не позорь меня!

– Дядя, разве тебе не кажется, что он нам что-то не договаривает? Ему наверняка есть, что скрывать, – считал шепчущий Желторотов.

– Хочешь поиграть в сыщика? Дождёшься того, что получишь от Реджи по морде. И я не вмешаюсь, так как он будет прав!

– Прости... – растерянно извинился Матвей.

– Чтобы аналогичных выкидонов больше не было! – закончил Ткачёв, и они с племянником догнали Ханта.

10

К ней подошёл сорокачетырёхлетний Глеб Поляков, главный рудокоп, руководящий поисками объекта, и вялым уставшим голосом сообщил:

– Мы нашли его...

Обернувшись девушка, внимательно наблюдающая за изображениями на мониторе, тут же встрепенулась, её глаза, как и у сидящего рядом связиста Фомы, радостно засверкали, но вскоре она вернула себе деловитый вид и сдержанно сказала:

– Отлично! Фараон будет доволен. Сколько времени потребуется для того, чтобы извлечь из Хранилища нашу бесценную находку и загрузить её в ящик?

– Думаю, за пару-тройку часов управимся, – прикинул одетый в испачканную спецовку Поляков, поправляя съехавшую на глаза пыльную каску с налобным фонарём.

– Хорошо. Только прошу, ничего не повредите! – беспокоилась укутанная в три кофты дама.

– Не переживайте, всё будет в лучшем виде, – убедил её Глеб и противно хрюкнул носом.

– Я на это надеюсь...

– Неужели мы скоро увидим дневной свет? – не верил своему счастью Юдин, отвлѣкшийся от приборов.

– Быстрей, чем ты думаешь, – подмигнула ему единственная представительница прекрасного пола в ближайших окрестностях и обратилась к шахтёру. – Как закончите, возвращайтесь на базу и наслаждайтесь заслуженным отдыхом! Вы – большие молодцы!

– Наслаждаться я буду, когда вернусь в Гродск, затарюсь выпивкой и сниму в каком-нибудь баре развратницу с третьим размером... – поведал Поляков.

– Как Вы растранижите заработанные деньги, меня не сильно волнует, – честно призналась девушка и добавила. – Просто давайте скорей сделаем то, что от нас требуется, и покинем эту холодную мерзкую пещеру.

Поляков серьёзно угукнул и промычал:

– Можете поковать шмотки.

11

В кругу сверстников он был настоящим любимчиком публики. Одноклассники тянулись к нему, и многие из них гордились тем, что входят в круг его общения. Увы, с учителями ситуация складывалась несколько иначе. Они вечно нудили об удручающей успеваемости Матвея, чьи поступки, по мнению преподавателей, являлись наглядным пособием неподобающего поведения воспитанного молодого человека. Сам Желторотов терпеть не мог школьные будни, отчего часто прогуливал занятия, предпочитая скучным урокам более живые мероприятия: тир (при наличии карманных денег) или пальбу по голубям из самодельной рогатки. В об-

щем, хоть что-нибудь, что напоминало бы ему о любимом занятии – об охоте.

Правда, порой Матвею приходилось примерять на себя не только роль охотника. Периодически он становился жертвой, так как в школьных стенах охотились на него, и эти существа представлялись ему куда страшнее дикого кабана или волка...девчонки. Если повадки животных Желторотов знал, поднахватался от дяди, то поведение сих бестий оставляло у него кучу разных вопросов, ответы на которые, впрочем, он получать совсем не хотел. Расфуфыренные поклонницы его не интересовали. Парня тянуло на хутор к дяде. Там Матвея одолевало главное увлечение и страсть всей жизни – охота. Именно такая романтика приходилась ему по душе: возня с оружием, стрельба по дичи из засидки, облава зверя с гончими. И он бы не променял это абсолютно ни за какие деньги, о чём свидетельствовало довольно ревностное отношение молодого человека к своему статусу охотника. Возможно, именно из-за сего Желторотов воспринимал любую колкость Реджинальда в свой адрес очень резко и не сдерживал язык за зубами, выплёскивая всю обиду в виде грубых и подковыристых реплик.

ЧАВК!

Услышав неприятный звук, Матвей с омерзением уставился себе под ноги и увидел, что вляпался в чью-то пару центнеров ароматного удобрения.

– Фууу, – сморщив нос и зажмурился, протянул Жел-

торотов, после чего поднял ногу из кучи плотных чёрно-оливковых катышков. – Надо ж так...

– Не смертельно, – хохотнул Ткачёв, с улыбкой наблюдающий за топчущимся по помёту племянником. – К тому же примета есть, что к деньгам дело!

Идущий впереди Хант остановился, вернулся к парню и, опустив ружьё дулом в землю, присел на корточки.

– К деньгам вряд ли, но к кабану точно, Гулливер, – заключил Реджинальд, когда, оглядевшись по сторонам, изучил кал животного.

– Кабан в хвойном лесу? – удивился Матвей. – Дубовая роща дальше...

– Видать, забрёл, – пожал плечами Игорь.

– Испражнения свежие, тёплые. Он где-то поблизости. Крупная особь, – сказал Хант и ткнул пальцем на припорошённую снегом землю, где были различимы следы секача.

– Чёрт, да он своим рылом перекопал пол леса в поисках еды, – поразился Ткачёв, оценивающе взирая на раскуроченный мёрзлый грунт у сосен.

– Не слабо, да? – с восхищением проговорил Реджинальд и встал.

– Весьма, – согласился Игорь.

– Никто не желает шашлык из свинины? – поинтересовался Хант. – Можно устроить.

– Я бы не отказался, – облизнувшись, загорелся Желторотов.

– Смотри только сам не заделайся мясным блюдом, Желторотик. Вепрю по силам разорвать человека на отдельные лоскуты своими смертоносными клыками, – поведал Реджинальд.

– А мне по силам свалить его с ног раньше, чем он доберётся до нас, – ответил Матвей и, вдохновлённый идеей, предложил. – Поохотимся?

– Подожди, торопыга. Дай отлить, – остановил племянника Ткачёв и, скинув с себя всё снаряжение, отошёл в сторону, за куст можжевельника. – Поохотиться ему вздумалось, – бормотал себе под нос Игорь, расстёгивая ширинку и доставая из штанов свой причиндал. – Кабаны крепкие малые...если прикончишь одним выстрелом, считай герой. И не приведи Господь прочувствовать на себе ярость раненого...

Тут Ткачёв, поливающий почву тёплой жёлтой струёй, резко оборвал свой бубнёж и замер, когда краем глаза заметил на земле что-то странное. Тогда он прекратил мочеиспускание и, затаив дыхание, медленно повернулся. В голубовато-зелёной хвое можжевельника виднелась засыпанная жухлой травой продолговатая кочка, своим контуром отдалённо напоминающая человеческое тело. Позабывший как следует подтянуть штаны охотник сделал несколько шагов в направлении бугорка, над которым настороженно склонился.

– Хей, Гулливер, пора уже закрутить свой вентиль. Ку-

да ты там пропал? – послышался голос Ханта, на чей зов Игорь не отозвался. Он сел на колени, дрожащими руками боязливо разворошил неровность под ветками кустарника и, вздрогнув от ужаса, оцепенел.

– Вот дерьмо... – одними лишь губами произнёс покрывшийся потом Ткачёв, вперившись взглядом в аккуратно уложенный вниз лицом окоченевший человеческий труп с высохшей бледной кожей, натянутой на кости. – Кто это, чёрт возьми? – и охотник, взяв тело за плечо, перевернул его на спину.

Вырисовавшаяся картина повергла Игоря в шок, какого ему ещё никогда не приходилось испытывать. Издавший сдавленное кряхтение великан вытаращил перепуганные глаза, буквально приковав их к усопшему. В разлагающемся мертвяке, покрытом зелёными пятнами, он признал своего друга Альберта, у коего отсутствовала четверть головы. Немногочисленные пучки волос у раны слиплись кровью.

– Я не понимаю...это совсем не то, о чём говорил мне Реджи...ни намёка на повреждения от лап или клыков медведя... – в замешательстве прошептал мужчина, и за его спиной кто-то злоеще хмыкнул.

Ткачёв обернулся через плечо и увидел Ханта, уткнувшего свой двенадцатикалиберный бокфлинт в затылок обречённо стоящему на коленях Матвею.

– Ничего личного, Игорь, – помотал головой Реджи-

нальд. – Просто ты забрёл не в те кусты...

12

Нацепивший на свою лохматую голову гарнитуру связи Фома Юдин поёрзал на стуле, затем поправил микрофон и принялся вызывать своего начальника по зашифрованному каналу. Вскоре, после серии непродолжительных гудков, в наушниках раздался властный голос с хрипотцой:

– Слушаю...

Оператор прокашлялся и заговорил:

– День добрый, босс. Это Фома.

– Фома? Оо, я надеюсь, у тебя что-то важное! – шипел мужчина на другом конце провода.

– Эй, выведи звук на колонки, – попросила Юдина девушка, замершая рядом с ним и жующая тушёную капусту с фасолью из пластмассового контейнера при помощи вилки.

– Пусть лучше Вас обрадует собственная подшефная. Ей, судя по всему, уже не терпится насладиться Вашим голосом, – решил Фома и, стянув с себя наушники и микрофон, передал их приближённой своего работодателя.

Тепло одетая дамочка поставила контейнер с едой на край стола и, приняв у связиста переговорную систему, наладила контакт:

– Фараон?

– Голуба! Рад тебя слышать! Как обстоят дела? – осведомился начальник.

– Лучше некуда! Мы сделали это! Достигли цели! – ра-

достно сообщила девушка.

Недолгое молчание разбавилось ошарашенным восхищением:

– Немыслимо!

– Я знала, что Вы будете в восторге! Очень скоро рудокопы поднимут груз из Хранилища на поверхность, и нам потребуется транспорт, чтобы доставить его...

– Я вышлю к Вам вертолёт. Только учтите, что погрузка обязана пройти в условиях чрезвычайной секретности. И мне глубоко наплевать, сколько людей при этом придётся уничтожить. В лесу не должно быть ни единой души.

– Я всё поняла.

– Через сколько отправлять вертушку?

– Думаю, через пару часов.

– Хорошо. Надеюсь, голуба, Вы лично проконтролируете процесс безопасной транспортировки груза до меня.

– Можете не сомневаться.

– Тогда до скорого, – попрощался мужчина и положил трубку.

– Ну, что там? – нетерпеливо поинтересовался Юдин.

– Повышенная готовность, – ответила девушка, снявшая гарнитуру, и пояснила. – Скоро сюда прилетит вертолёт, и мы должны зачистить лес от любых угроз.

Фома закатил свои кажущиеся громадными за линзами очков глаза и, хохотнув, заметил:

– Мы и есть угроза... для остальных.

– Скоро всё останется позади. Но, возможно, руки замарать ещё придётся...

– Они и так по локоть в навозе.

– Не жалуйся. И вообще, хватит трепаться о всякой ерунде. Закончи работу как профессионал.

– Ладно. Надеюсь, мне не придётся спускать Нянечку и Грудничка с поводка...

13

Игорь, обомлевший от приходящего с огромным трудом осознания такого поворота событий, с тревогой переводил взгляд с несчастного племянника на Ханта и обратно. Великану просто не верилось в то, что его давний друг и товарищ, с кем он прилично всего повидал, сейчас наводил своё оружие на родного ему человека, тем самым открыто угрожая семье Ткачёва. Однако надо было отдать Матвею должное – он никоим образом не показывал своего страха. Порой даже казалось, что парень вот-вот соскочит на ноги, выхватит у Реджинальда пушку и в порыве адской ненависти засунет её старому коротышке в одно тёмное место. Правда, подобного не произошло.

– Что здесь творится, Реджи? – не понимал Игорь, которого откровенно застали врасплох. – Убери долбаную двустволку от головы моего племянша...

– Я бы с радостью! Но дело в том, что доверия к Вам у меня не столь много. Вы двое можете выкинуть какую-либо глупость. Особенно, этот крысёныш, – и Хант ткнул оск-

лившегося Желторотова ружьём в спину.

– С каких пор у тебя пропало доверие ко мне? – поразился Ткачёв.

– С тех самых, когда ты при любом удобном случае вступался за вшивого отпрыска своей сестры, – напомнил Реджинальд.

– При чём тут доверие?

– Я, если ты запомнил, крайне сомнительно отношусь к людям, имеющим подобные слабости. Ты размяк и одомашнился. Не это ли повод сомневаться в тебе?

– У тебя хватает смелости кого-то осуждать, в то время как ты сам бессовестно лгал окружающим о судьбе трёх сгинувших охотников. Как всё было на самом деле? Ты прикончил их всех? – проницательно осведомился Игорь.

– Нет. Лишь одного. Вашего с Желторотиком любимчика, – напрямую признался Хант. – Продырявил ему башку, пока он повернулся ко мне спиной, и бросил тело под ближайшим кустом.

– Вот же ты сраный пидорас! – не в силах стерпеть произносимые издевательским тоном оскорбления Реджинальда по отношению к дяде Альберту, ненавистно прокричал Матвей и незамедлительно получил прикладом по затылку, вследствие чего шлёпнулся у ствола высокой сосны лицом в мокрый снег.

– С самого утра мечтал это сделать! – удовлетворённо прокомментировал Хант.

– Дай мне возможность, сволота, и я прикончу тебя, – злобно процедил сквозь зубы Ткачёв.

– На твоём месте я бы так не дерзил, – цокнул Реджинальд и, расплывшись в дьявольской улыбке, намекнул. – А то мало ли кто завтра наведается на хутор к твоей суке жене, привяжет её к кровати и жёстко отымеет во все щели...

Тут расшвирипевший Игорь яростно кинулся на коротышку в бандане, однако, взятый Хантом под прицел, покорно остановился.

– Э-хеее, не надо резких движений, Гулливер. Иначе выстрелю, – предупредил Реджинальд и пошатнулся, когда его ногу схватил Желторотов, безуспешно попытавшийся свалить врага на землю и повторно получивший прикладом бокфлинта, но уже с размаху и в лоб, что привело к потере сознания.

– Ах ты, двинутый подонок! – скривившись, покачал головой Ткачёв. – Скажи, за что ты так поступил с Альбертом?

– Он слишком много видел...

– Значит, нас ты тоже убьёшь? – предположил Игорь.

– Вы мне ещё пригодитесь, – опроверг Хант. – Пораскинь мозгами. Какой мне был резон тащить Вас в такую даль без особой причины?

– И зачем ты завёл нас сюда? – спросил Ткачёв.

– Вы – моя приманка, – пояснил Реджинальд.

– Приманка? – обалдел Игорь. – Для кого?

– Для чудовища, которому своей кончиной обязаны друж-

ки Альберта. К слову, Ваш страдалец-дядюшка, покуда монстр лакомился его товарищами, бежал от места кровавой расправы вместе со мной, – поведал Хант. – Не похоже на поступок героя, правда?

– Он хотя бы не стрелял в спину своему коллеге, – вступился за покойного приятеля Ткачёв.

– Кто знает, что бы случилось, если бы я не нажал на спусковой крючок первым.

– Оказывается, ты по уши в дерьме. Совсем крыша съехала, – констатировал очевидный, как ему казалось, факт Игорь.

– А у кого она не съедет от мысли о маячащей на горизонте награде? – с недоумением уточнил Реджинальд.

– Решил навариться на поимке какого-то уникального зверя и ради этого без колебаний убил друга?!! – отчаянно провопил Ткачёв, чьи глаза стали влажными от бьющих через край эмоций.

– Друга? Сильно сказано, – блеснул золотой коронкой Хант. – И раз уж мы затронули тему прибыли, то не скрою, что я, всю жизнь протрудившись охотником, отроду не видел больших денег. Ты сам знаешь, у нас их не водится. Мы вечно бедствуем. А теперь у меня наконец-то появилась реальная возможность сорвать солидный куш! Изменить свой мир к лучшему! И помяни моё слово, такой подарок судьбы я не упущу, – заявил Реджинальд и посмотрел вниз, где раздавалось преисполненное боли кряхтение Матвея, обхватившего

голову руками. – Вставай, щенок, – приказал парню бородач с ружьём. – У нас мало времени и много работы.

В другой части леса...

“Этого только не хватало”, – возмутился внутренний голос, когда к Тамаре пришло понимание того, что она окончательно потерялась в чаще, куда забрела, покинув территорию лагеря. – “Ты же погубишь нас!”.

– Оно, может, и к лучшему, – думала Климова, неуклюже пробираясь через валежник, чьи гниющие бороздчатые стволы, покрывшиеся кристалликами инея, были облеплены сизыми лишайниками. – Незачем откладывать дело в долгий ящик. Вообще, я только сейчас поняла, что никакая месть не уймёт моей боли. Единственное лекарство, которое действительно в силах мне помочь – это смерть. Она как зеркало. Каждый видит в ней что-то своё. Мне на ум приходит слово избавление...

“А мне дурость”, – проворчал шёпот в голове. – “Лишь ничтожные слабаки не желают находить в себе силы жить дальше и спешат поскорей удавиться, стоит их миру претерпеть определённые изменения”.

– Насчёт мести у меня точно такое же суждение, – стряхнув с головы напорошивший снежок, сказала Тамара, углубляющаяся всё дальше в мрачные сосново-еловые дебри. – Она сродни суициду, удел слабых. Только вот убивает куда медленней, разъедая изнутри подобно опухоли.

“Многие готовы отдать всё за шанс подольше погостить

на этом свете, а ты собираешься так просто распрощаться с жизнью?!”, – поражался внутренний голос.

– От моего бестолкового существования нет ровным счётом никакого проку, – считала женщина. – Рано или поздно всё равно окажусь в земле. Так зачем занимать лишний клочок на Гродском кладбище, если можно умереть здесь, неподалёку от семьи?

Тем временем...

Вооружённые сапёрными лопатками Игорь с племянником, находящиеся неподалёку от “Багрового” озера, усердно копали яму в промёрзшем лесном грунте под пристальным надзором Реджинальда. Тот, облокотившись о ствол сосны, с наслаждением смолил самокрутку, выуженную откуда-то из недр своего комбинезона.

– Советую поторопиться, – изрёк Хант, перед коим лежали выросшие из накиданных комьев песка, земли и глины горки. – Вы же не хотите ковыряться тут целую ночь, верно?

– А не пошёл бы ты куда подальше? – возмутился Ткачёв, чьё потное напряжённое лицо красноречиво передавало агрессию по отношению к тому, кто заставил их рыть окаменевшую почву под угрозой смерти.

– Следи за базаром, – предостерёг Реджинальд и направил ружьё на торчащий из вырытого углубления торс Игоря.

– Не желаешь сам поучаствовать в раскопках, шакалий выродок? – предложил Матвей, утирая грязный взмокший лоб рукавом дождевика.

– Единственное, чего я желаю – это просыпать твою тупую башку, чтобы ещё больше породнить Вас с покойным дядей Альбертом, – ответил Хант.

– Тебе не сойдут с рук такие дела, – пообещал Желторотов и пригрозил пальцем, где красовалась трудовая мозоль.

– Вполне вероятно, – не отрицал Реджинальд. – Только ты об этом вряд ли узнаешь. А пока прояви толику вежливости и держи в уме тот факт, что твой родной дядя, в отличие от Альберта, до сих пор жив, и любая грубость в мой адрес может губительно отразиться на его здоровье... Считай, у тебя появился стимул работать молча, без лишних выступлений.

Матвей оскалится, отвёл глаза в сторону и, скрежетнув зубами, продолжил долбить песчано-глиняный слой почвы. Ханта, судя по всему, реакция парня удовлетворила, отчего он изрядно повеселел.

Острия лопат с великим трудом впивались в твёрдый грунт, поэтому Желторотову с дядей приходилось прилагать максимум усилий, чтобы продвинуться глубже. Их пальцы, под ногти которых плотно забились грязь, крепко сжимали короткие деревянные черенки, устремляя инструмент в нужном направлении.

Когда широкая яма глубиной свыше двух метров была готова, Реджинальд заставил Ткачёва с племянником тщательно замаскировать её срубленными с ближайших деревьев хвойными ветками, а сам содрал со ствола сосны застывшую каплю живицы и, закинув в рот, смачно зажевал.

– Что ж, надо отдать Вам должное, с задачей Вы справились довольно быстро, – оценил Хант. – Теперь у нас намечается кастинг на роль живой приманки. Дело в том, что мне понадобится лишь один из Вас. А именно тот, у кого не отвалятся яйца перерезать другому горло. Вот такое незамысловатое правило игры, – хохотнул Реджинальд и, швырнув своим пленникам кухонный нож, объявил. – Вперёд!

– Ты серьёзно считаешь, будто мы станем делать подобное? – вскинув бровь, изумился сидящий на земле Игорь.

– У Вас нет выхода. Либо кто-то возьмёт на себя смелость поднять нож и отправить второго на покой, либо я порешаю Вас обоих, – пожал плечами Хант.

– И останешься ни с чем, – подметил Матвей, дыша на замёрзшие исцарапанные руки.

– Ты в любом случае убил бы нас, – решил Ткачёв. – Раньше, позже... Смысл тянуть?

– Чтобы загнать то существо в ловушку, мне понадобится помощь. Однако если я сохраню Вас двоих, во время охоты на зверя один, вероятней всего, под шумок улизнёт из леса и сразу же по возвращении на хутор сдаст меня. Так как мне ни к чему потрясения, я пришёл к выводу, что справиться с одной стадной овцой мне будет куда проще, – объяснил Реджинальд.

– Что с тобой случилось... Никогда бы не подумал, что ты способен на такую жестокость, – покачал головой Игорь. – После стольких лет дружбы тебя совсем не мучает совесть?

Неужели деньги и признание дороже старых товарищей?

– А где я с товарищами нахожусь, мм? Гнию в ублюдской яме и жую грязь, – грубо подытожил Хант.

– Даже если бы этот бред сошёл за правду, он бы оказался в разы лучше того, что ты творишь, – считал Ткачёв. – Соответствуй слогану, что ты нанёс на своё ружьё! “Без страха и упрёка”!

– Нож! – поторопил Реджинальд, держащий Игоря и Желторотова под прицелом.

Ткачёв взял кухонный прибор, задумчиво изучил его, затем тяжело вздохнул и перевёл взор на племянника.

– Уже лучше! – воскликнул Хант и проронил похвалу. – Молодец, Гулливер! Я знал, что у пацана не хватит духу!

– Боюсь, Желторотик, мне придётся это сделать, – с сожалением сказал Игорь, глядя в полные беспомощности глаза Матвея.

– Не надо, дядя! – чуть не плача, просил перепуганный парень. – Не опускайся до его уровня!

Ткачёв промолчал и замахнулся на Желторотова ножом. Тот, пуская сопли, шлёпнулся на лопатки, зажмурил глаза и закрыл лицо руками, ожидая, как тупое холодное лезвие проткнёт его тело.

ХТУК!

Игорь с размаху вонзил колющий предмет в заснеженную землю и обломил хлипкую рукоять, после чего отбросил её в сторону.

– Вот незадача, кажется, я промахнулся, – процедил Ткачёв, встретившись взглядом с недовольным Реджинальдом, коего задели издевательские нотки в словах Игоря. – Нет запасного ножа?

Тут Хант не вытерпел и, сняв ружьё с предохранителя, нажал на спусковой крючок.

ПТУХ! – выстрелил нижний ствол, и пуля ударила точно в Ткачёва, разорвав ему грудную клетку.

Издавший сдавленный хрип мужчина дёрнулся и, истекая кровью, упал на колени.

– Нееееет!!! – выкрикнул лежащий рядом с Игорем Желторотов.

ПТУХ! – прогремел выстрел из верхнего ствола, ставший смертельным для Ткачёва, которому целиком снесло нос и повредило глаза.

Безжизненное окровавленное тело с раскуроченным лицом рухнуло на тонкое снежное покрывало, окрасившееся в бурый, и Реджинальд переломил двустволку, из чьих патронников, откуда завился серый дымок, автоматически выбросило стреляные гильзы.

– Теперь понял, сосунок, что со мной шутить не стоит? – спросил Хант, вставляя в ИЖ-27 патроны из патронажа на прикладе оружия.

– Ты не можешь умереть, дядюшка, – стонал над трупом Ткачёва трясущийся Матвей. Его глаза разъедали слёзы, скатывающиеся по чумазым щекам.

– Даже богатыри вроде него не в силах противостоять огнестрелу, – защёлкнув ружьё, резюмировал Реджинальд.

Психологически надломленный Желторотов, коему пришлось испытать колоссальный стресс, перевернул тело Игоря на спину и со скорбью посмотрел на его изувеченное лицо, где вместо носа зияло кровавое отверстие с торчащим из него краешком носовой кости.

– Дядя, не оставляй меня, – рыдая, молил Матвей.

– Перестань, утырок! – строго гаркнул Хант. – Нас ждёт важная охота. И у тебя в ней одна из ведущих ролей.

– Ты подлое ничтожество!!! – проорал озлобленный Желторотов, прожигая возвышающегося над ним Реджинальда красными влажными глазами. – Убийца! Трусливая гнида!

– Зачем так категорично? – не понимал Хант. – Я не убийца. Нет! Если хорошенько подумать, то я кто-то вроде исполнителя последней воли твоего дяди. Он мог сохранить себе жизнь, отняв её у тебя, однако выбрал участь жертвы, чем, правда, очень огорчил меня. Мне куда больше хотелось, чтобы на его месте оказался ты. Хотя, признаюсь честно, Игоря я побаивался. Тут не без причин. Замешкайся я хоть на мгновение, он бы быстро добрался до меня и, вероятней всего, свернул бы мне шею лёгким движением своих рук.

– Он Вам доверял! И уважал, как никого другого! А Вы так обошлись с ним! – прикрикнул Матвей, изо рта которого текли пузырчатые слюни. – Чёрт возьми, да я с самого начала чувствовал, какой сволочью Вы являетесь в действитель-

ности! Подлый, жестокий карлик, плюющий на все человеческие понятия!

– Заткнись, тьявалка! – приказал Реджинальд. – Тебя с цепи не спускали...

– Сам заткнись, пахучий задний проход! – огрызнулся Желторотов, и ему в зубы тут же прилетел носок Хантовского ботинка.

ХДЫК!

Парень вскрикнул и, завалившись на землю, обхватил рот обеими руками. Между пальцев просочилась кровь.

– Фука...ты мне вубы фломал! – скривившись от боли, прохныкал Матвей и вместе с кровью выплюнул на ладонь осколки трёх верхних и двух нижних передних зубов.

– А ты, паршивец, по-другому не соображаешь.

– Аааа, как вэ бона...франый гном, – тихо ругался Желторотов.

– Пока удобно устроился, вкратце изложу план действий, – принялся растолковывать Реджинальд. – Сейчас ты потащишь свою дрищавую задницу к “Багровому” озеру, и, если всё пойдёт так, как задумано, то наш монстр не заставит себя долго ждать. Он появится, чтобы обглодать мясо с твоих косточек, и попадёт в мою ловушку, куда ты должен его заманить. Надеюсь, на уроках физкультуры ты бегал достаточно быстро. Поверь, это тебе пригодится. В противном случае, птенчик, ты станешь очередным неудачником, кого сожрёт тот симпатяга.

– Я не хофу туда, – помотал головой Матвей.

– Мне насрать, – безразлично бросил Хант и сплюнул слюну.

– Дай орувые... хотя бы ноф... – попросил Желторотов.

– Увы, не могу, – огорчил его Реджинальд. – Я хочу доставить сего зверя живым и без ранений. Ведь при таком раскладе награда в разы увеличится. Мне не нужно, чтобы ты пырнул его ножом. Поэтому к озеру ты пойдёшь безоружным. Совсем.

Матвей обречённо прикрыл глаза и, утерев кровь на лице рукавом дождевика, спросил:

– А ефли он вылезет ив ямы? Будеф вдать, пока он тебя приконфит?

– Не прикончит, – самоуверенно заявил Хант и, пихнув валяющийся в снегу рюкзак, пояснил. – К тому моменту я уже накину на него специально заготовленную сеть. Ну а на крайний случай у меня есть это, – и плешивый, распахнув комбинезон, показал парню мачете, висящее в чехле на внутренней стороне камуфлированной куртки. – Я не пропаду. Чего не могу обещать тебе...

– Ты об этом повалееф, – пробубнил Желторотов.

– Не раньше тебя, – сверкнул золотой коронкой Реджинальд и уточнил. – Свою задачу понял?

Матвей неохотно кивнул.

– Видишь озеро вон за теми соснами? – задал следующий вопрос Хант.

Парень снова кивнул.

– Тогда не смею задерживать! – сурово крикнул низкорослый охотник, после чего зашуганный Желторотов встал на ноги и, пошатываясь, с угрюмым видом поковылял к маячащему за стволами деревьев водоёму.

В пещере...

Фома встрепелся и отодвинул в сторону кружку с горячим цикорием, когда заметил на экране изображение с одной из расставленных в лесу камер.

– Твою ж выдру... неужели нельзя было закончить работу без послесловий? – страдальчески произнёс оператор.

– Чего тамстряслось? – поинтересовалась подбежавшая к нему девушка, хлопая глазами, полными живого интереса к происходящему.

– Какой-то белобрысый парень выперся на наш пляж, – объяснил Юдин, тыкая пальцем в нужный квадратик на мониторе.

– Видок у него неважный, – жалобно покачала головой дамочка. – Будто забрёл на чужой район, и ему там хорошенько наподдавали...

– Хм, куда это он так подозрительно оглядывается?

– Без понятия...

– Нам обязательно превращать его в отбивную? – осведомился связист, застегнул куртку и начал ковыряться указательным пальцем в носу.

– Ты же знаешь, никаких исключений...

– Ну вот скажи, каким образом этот несчастный может нам навредить? Он на ногах-то стоит с большим трудом, то и дело разляжется на пляже.

– Мы не должны нарушать секретность, Фома! Помнишь, какие наставления нам дал Фараон?

Юдин сморщил свой нос, усыпанный чёрными угрями, с помощью мышки выбрал цель, задал нужную программу, вбив внушительную комбинацию символов с клавиатуры, и предложил:

– Хочешь замарать свою ангельскую ручку?

– В каком смысле? – состряпала непонятливую гримасу девушка.

– Спустишь на паренька бездушную тварь Фараона, – разжевал оператор.

– Пожалуй, я откажусь, – не решилась она.

– Почему? Всё готово! Осталось лишь нажать кнопку на пульте! Это же так просто. Лишить человека жизни! – с укором сказал Фома и поджал губы. – Жми, чего ты?

– Нет, – упёрлась дамочка.

– У нашей барыни не хватает духу? – догадался Юдин. – Теперь понимаешь меня? Я испытываю точно такие же чувства, когда мне приходится решать чью-то судьбу, хотя такого права мне не дано!

– Это твоя работа! И тебе платят за неё хорошие деньги! – аргументировала девушка.

– Моя работа следить за бесперебойным функциониро-

ванием оборудования, а также налаживать связь с внешним миром. На убийство людей я не подписывался...

– Нам не нужны бунтари, Фома. Ты мог отказаться, однако взялся за дело.

– Как думаешь, что бы Фараон со мной сделал, если бы я сказал ему “нет”? – спросил связист. – Те, кто слишком много знают, долго не живут. И я вряд ли мог рассчитывать на то, что стану везунчиком, которого не закопают заживо.

– Прекрати немедленно! – притопнув ногой, велела приближённая босса. – Жми на кнопку и продолжай спокойно копать в своей технике!

Виновато взглянув на забредшего в поле зрения камер побитого парня, Юдин вздохнул, взял в руки пульт и надавил на красную кнопку. Та ярко моргнула красным и потухла.

– Ещё одна жизнь оборвана... – прокомментировал Фома и, сняв очки, откинул голову назад.

Двумя минутами ранее...

Матвей, с трудом перебирая ногами, миновал последнюю гряду елей и сосен и вышел на заснеженный пляж. Перед ним распростёрлась мутная гладь, которая заполняла чашевидный кратер водоёма, окружённый густым темнохвойным лесом. По левое плечо от Желторотова возвышалась отвесная скала, куда упиралось “Багровое” озеро и на чьей вершине также произрастали деревья. Похожие на жгутики корни тех из них, что оказались на самом краю выступа, оплели горную породу подобно канатам, крепко вцепились в неё

и теперь коряво свисали высоко над пропастью, где внизу плескалась вода.

Снег прекратился, ветер стих, но небо по-прежнему оставалось хмурым.

Парень полной грудью вдохнул холодный воздух в лёгкие, затем выдохнул его через нос и обернулся назад. Чуть дальше в лесу находился Реджинальд, в ожидании замерший по другую сторону замаскированной ямы. Охотник в бандане пристально наблюдал за Желторотовым и, когда тот посмотрел на него, жестом руки сигнализировал ему, чтобы он продолжил движение. Хрустя припорошённой галькой, Матвей продвинулся вперёд и оказался у воды, лениво лижущей кромку берега.

Кончиком языка проведя по опухшим дёснам с торчащими из них осколками зубов, Желторотов уставился в непроглядную толщу озера. На душе вдруг стало невероятно спокойно.

– Какой пейзаф! – окинув взором ближайшие окрестности, прошептал Матвей. – Пофле фмерти такой крафотой не полюбуефся...

Желторотов повернулся спиной к водоёму, нашёл взглядом Ханта и крикнул ему:

– Ты вонюфий параноик! Тут никого нет!

– Уже есть, – ухмыльнулся Реджинальд, и его глаза азартно засверкали.

Матвей не разгадал ликования, озарившего лицо старого

хмыря, пока не ощутил чьё-то присутствие позади себя.

– Дуй ко мне, идиот! – провопил Хант, однако было слишком поздно.

Над головой парня просвистел воздух.

ВЖИХ!

Желторотов не успел даже шевельнуться: мир для него в одно мгновение канул в небытие.

ШИНК!

Гальку окропили мелкие алые капли, и раздвоенное тело парня рухнуло на берег, оставив под собой лужу тёплой крови.

Незадолго до этого...

Как бы она не противилась своему доставучему внутреннему голосу, порой он всё же оказывался прав, задевая женщину за живое своей едкой прозорливостью. Без сомнений, это безликое “я” томилось в глубине сознания Тамары всегда и долгие годы ждало возможности выбраться из заточения.

Проблема Климовой крылась не в её второй личности. Отнюдь. Ей мешали собственные сомнения и метания. Женщина не отдавала себе ясного отчёта, чего конкретно хотела, и поражалась результатам своих необдуманых действий, на ходу претерпевавших изменения. Обычно, смена решений происходила в самый неподходящий момент, и Тамаре зачастую приходилось жалеть о содеянном, либо о том, на что она так и не смогла решиться.

За размышлениями Климова пересекла половину чаши и

заметно отделилась от лагеря.

Остановившись у трухлявого пня на обочине виляющей между деревьями накатанной колеи с целью смочить горло запасённой водой, женщина открыла для себя живописный вид на озеро, спрятанное в глубине елово-сосновых джунглей.

Её тут же потянуло к берегу. За всю супружескую жизнь Тамара выбиралась к водоёмам пару-тройку раз и сейчас, будучи уже вдовой, не хотела упустить возможность полюбоваться красотами лесного озера.

– Ты вонюфий параноик! Тут никого нет! – донёсся гневный ор с пляжа, и Климова, вышедшая из-за деревьев, обнаружила у воды паренька в плаще-дождевике. Больше вокруг она никого не заметила.

Тогда женщина решила подойти к молодому человеку с намерением узнать, что стряслось, и уже сделала к нему несколько шагов, но вдруг остолбенела от ужаса, когда за спиной юнца резко возникло нечто ужасное.

– Дуй ко мне, идиот! – громогласно прогнусавил голос откуда-то из чащи, и побледневшая Тамара, не задумываясь, последовала на его зов.

ВЖИХ! ШИНК!

Во время отступления вдова обернулась и увидела, как тело парня повалилось на каменистый пляж, и на него взгромоздился какой-то белый комок. Перепуганная Климова ринулась ещё быстрее, осознав, что за ней началось преследо-

вание.

– Помогите!!! Умоляю Вас! – спотыкаясь о неровности лесного ландшафта, истошно завопила Тамара появившемуся впереди низкорослому мужчине с густой растительностью на немолодом угрюмом лице.

– Оббегай, дура! Передо мной яма! – предупредил он женщину, однако та, обезумевшая от страха, понеслась к нему напропалую и налетела на прикрывающие углубление заснеженные елово-сосновые ветки, под треск которых она ухнула в ловушку.

Нечто, гнавшееся за ней, остановилось у самого края ямы, заглянуло туда и, не определив признаков жизни, перевело хищный взор на покрывшегося холодным потом напряжённого мужчину, чья рука потянулась за мачете под комбинезоном.

– Вот срань, – прокомментировал охотник в сдвинутой до бровей бандане, наблюдая за тем, как сообразительная добыча огибает углубление с намерением добраться до него. – Кажется, мне всё-таки придётся испортить твою слизнявую шкуру...

Реджинальд медленно попятился назад, не сводя глаз с приближающегося к нему существа. Держа в левой руке сеть из крепкого каната, Хант вытащил из-под куртки острозаточенный клинок и, облизав свои сухие губы, расплывшиеся в нервной улыбке, просипел:

– Ну что, уродец, позабавимся?!

После этих слов охотник хлётко швырнул сеть прямо монстру в морду. К тому моменту, как оно высвободилось из неё, Реджинальд подлетел к существу с мачете и, размахнувшись, отхватил ему левую кисть, упавшую на землю. Лес содрогнулся от протяжного жалобного рёва, полного страданий и ярости.

– Не дождётесь! Без трофея отсюда не уберусь, – скрипнул зубами Хант и схватил отрубленную часть конечности с растопыренными когтистыми пальцами, где на кровавом срезе с недоумением обнаружил торчащий из мяса обломленный мелкий предмет, слабо мигающий белым светом. – Что за нафиг?

Замешательство обошлось Реджинальду слишком дорого. Пришедшее в себя чудовище с остервенением отбросило охотника в сторону и, подобрав собственную лапу, вырванную Хантом после сильного удара, метнуло её когтями вперёд, угодив точно в шею коротышке. Мужчину со стуком пригвоздило к стволу сосны обрубок конечности монстра, и из его рта, издавшего хрипящие звуки, потекла кровь, чья субстанция залила колючую бороду, откуда стала капать на белый снег.

– Унгх!!! Кха...кха...

Реджинальд, коему перебило дыхательные пути, схватился за кисть у основания длинных когтей и с силой вырвал её из своего горла. Из сквозных отверстий фонтанами забрызгала кровяца. Упавший на колени Хант, плюясь красными

сгустками, стянул с плешивой лысины бандану и, обмотав ей шею, зажал ранения руками. Толку от этого оказалось мало. Мужчина задыхался. Его глаза беспомощно метались по сторонам. Вся одежда на нём пропиталась липкой жидкостью.

Охотник грохнулся на пузо и, трепыхаясь, пополз, вырисовывая за собой кровавой след. Одной рукой он закрывал раны, а другой цеплялся за почву и подтягивался вперёд.

Далеко скрыться ему не удалось. Что-то обвило ногу коротышки и рывком подняло над землёй, подвесив вниз головой.

Не способный издать внятных возгласов Реджинальд, на чьём измазанном кровью лице больше не читалось эмоций, в последний раз посмотрел в жуткие глаза создания, жестоко растерзавшего его машущее руками полумёртвое тело.

В пещере...

Вокруг девушки, укутанной подобно капусте в несколько кофт, царил суёт. Рудокопы во главе с Поляковым занимались демонтажом оборудования, которое укладывали по нужным ящикам и коробкам. Шум поднялся нешуточный. Даже Фома пару раз выглядывал из своего закутка, недовольный творящимся хаосом. Самый ценный груз стоял особняком ото всех остальных вещей и уже был готов к погрузке.

Пока все собирались к отправлению, Юдин, держащий в руках пульт, сосредоточенно наблюдал за зверюшкой, методично убивающей выбранных оператором жертв.

– Смотрите-ка, кто решил на нас поохотиться! Тот самый тип, что со своим товарищем убежал от Нянечки пару месяцев назад, – со смешком прокомментировал связист, когда бородатый мужчина на экране бросил в их подчинённого сеть. – Отчаянный, однако!

– Чего ты лопочешь? – осведомилась дамочка, появившаяся в проходе ниши связного центра.

– Да тут... – только принялся объяснять Фома, как сигнал с пульта оборвался, о чём свидетельствовал непрерывный писк. – Твоё налево!

– Может, скажешь нормально, что происходит?

– Может, пойдёшь заниматься своими делами, а?! – предложил оператор.

– Соблюдай субординацию! – приструнила его начальница. – Выкладывай, в чём проблема.

– Я потерял контроль над Нянечкой! – не утаил Юдин.

– Как, позволь спросить, такое вышло? – возмущённо поинтересовалась она.

– Так, что нам за всё воздалось! Отсекли Вашей любимой зверушке самую драгоценную её часть, куда был имплантирован GPS-трекер, – на пальцах объяснил связист.

– Разве GPS следит не за местоположением мортерида? – уточнила девушка.

– Всё верно, – кивнул оператор. – И чип, вживлённый ему в мозг, завязан непосредственно на GPS-трекере. С потерей данных о нахождении нашего любимца, чип, отвечающей за

его ЦНС, автоматически деактивируется. И теперь эта тварь будет мочить любой движущийся объект.

– Хочешь сказать...

– ...мы в большой опасности, – закончил фразу дамочки Фома.

– Тогда надо скорей тут заканчивать! Вертолёт прилетит с минуты на минуту.

– А как же аппаратура? – забеспокоился Юдин, с тоской глядя на свои мигающие приборы.

– Нам уже не до неё! Пошли к выходу! – торопила его обеспокоенная особа.

– Дай хоть что-нибудь захвачу, – попросил оператор и, отключив системный блок компьютера от питания, засунул его подмышку. – Возьму домой, лишним не будет.

– Рада за тебя, – безразлично бросила девушка и, услышав приглушённый звук вертушки, констатировала. – Теперь точно сваливаем! Ребята! – громко обратилась она к рабочим, и её голос эхом разнёсся по всей пещере. – Сперва выносим основной груз и только затем другие ящики! Мои же полномочия здесь заканчиваются! Не скучайте!

После немногословной речи начальница двинулась к выходу. Фома поскакал за ней с железным коробом в обнимку и, когда они уже добрались до конца тоннеля, в пробившемся свете возник силуэт их детища, недружелюбно надвигающийся на своих манипуляторов.

– О нет! Он нашёл нас! – панически завизжала дамочка и

побежала в обратную сторону.

Юдин, выронивший из трясущихся рук системный блок, благоразумно последовал её примеру. Так они вернулись на базу, где ничего не подозревающие рудокопы спокойно укомплектовывали коробки.

– Спасайтесь, кто может! – призвал Фома, скрывшийся за вагонеткой.

– Вы в порядке? – справился Глеб Поляков.

– Там Нянечка! – воскликнул Юдин, указывая пальцем на появившийся из тьмы крупный контур чего-то поистине страшного.

Дальше началась настоящая мясорубка. Рабочие не знали, кто и откуда на них нападал. Перед смертью они успевали лишь уловить какое-то движение в полумраке. Стены пещеры вскоре забрызгало кровью десятков рудокопов, чьи леденящие душу крики наполнили тоннель, ставший для этих мужчин братской могилой.

Пока оно утоляло свою кровожадность, Фоме удалось прошмыгнуть к ёмкости с важным грузом и уволочь её через расчленённые трупы. Не помня себя, Юдин понёсся к выходу и, чудом выбравшись на поверхность, догнал свою руководительницу, карабкающуюся по верёвочной лестнице, выкинутой из отсека прилетевшего вертолётa. Тяжело дыша, связист полез за ней, прижимая к себе драгоценный ящичек. Он замер на последних жёрдочках, виновато посмотрел вниз, на вход в пещеру, откуда доносились крики ещё живых

людей, и забрался на борт.

– Умница, Фома! – похвалила оператора девушка. – Фараон будет доволен!

Часть вторая. Искатели

1

2000 год

Четверг, восьмое июня

Милицейский транспорт сопровождал колонну из девяти “Икарусов” со знаками “**Перевозка детей**”. Те, кряхтя, ехали по трассе, чьё покрытие пребывало в довольно плачевном состоянии. Его давно не ремонтировали, и старый асфальт, на коем образовались увечья в виде трещин, ям и бугров, неуклонно разрушался. Грузные машины то и дело попадали колёсами в образовавшиеся колдобины и, громыхая, заставляли пассажиров подпрыгивать на своих местах.

Бесконечные поля с редкими берёзами постепенно сменялись хвойным лесом: сосны с елями обступили дорожное полотно с обеих сторон. Их усыпанные шишками пушистые ветви нависли над асфальтом и частично укрыли его полосы от яркого полуденного солнца, с трудом пробивающегося сквозь густой тёмно-зелёный занавес.

Впереди нарисовалась развилка.

Правые поворотники головного автомобиля гаишников замигали оранжевым светом и колонна, которую замыкали скорая помощь и второй экипаж ДПС, завернула в нужную сторону.

Вскоре машинам встретился указатель с надписью: **ДОЛ**

“Тайник Лешего” 10 км.

Добираться до лагеря оставалось недолго.

Ранее...

Десятилетний Данил Осипов, ученик четвёртого класса, сидел у окна “Икаруса” и смотрел за тем, как по ту сторону стекла меняются картинки.

Отчего-то Данил невыносимо тосковал. Поездка в “Тайник Лешего” не являлась его инициативой. Так решили родители, раздобывшие ему бесплатную путёвку на работе.

Прежде он уже ездил в летний лагерь. Всё закончилось тем, что через пять дней Осипова забрали обратно. Мальчиком он был домашним и не любил покидать пределы города.

В пути они, казалось, находились целую вечность. Дорога утомляла, но поспать не выходило: мешала бесконечная тряска.

Голова Данила вспотела и он, стянув с неё любимую кепку с нашивкой в виде динозавра, обнажил свои лохматые русые волосы, неоднократно становившиеся предметом насмешек со стороны одноклассников.

Добрый по натуре Осипов был изгоем в собственной школе. Постоянно гнобимый мальчишка сделался завсегда-тем кабинета зам. директора по воспитательной работе, где нескончаемо разбирали инциденты с его участием.

Единственного друга Данила также таскали на беседы. Там он пытался отстоять честь товарища, однако после дежурно получал люлей от шпаны, что затравливала их дуэт.

Увы, в “Тайник Лешего” Осипов отправился в одиночку, поскольку его приятеля забрали в деревню сразу по окончании учебного года.

Зато в данном автобусе присутствовал другой человек из класса Данила – Диана, красивая девочка с немецкой фамилией Дейч, которая, к слову, ему безумно нравилась, и при которой он зачастую краснел, когда над ним публично издевались. Увы, взаимности к отщепенцу она не проявляла и порой даже смеялась над ним вместе с недоброжелателями.

Признаться ей в своих чувствах Осипов боялся. Не позволяла самооценка, опущенная ниже плинтуса. Хотя и не восхищаться Дианой он не мог. Её шелковистые каштановые локоны притягивали взгляды многих мальчишек, но именно себя Данил считал их самым ярким поклонником.

В дальнем конце “Икаруса” раздался пердящий звук, а затем истерический смех чудака с зелёным ирокезом, подхваченный ещё двумя пацанами. Уже не первый раз эта троица нарушала тишину в автобусе, нервируя Осипова не меньше, чем периодически доносящиеся с разных уголков салона хрусты, чавканья и шуршания пакетов.

Источником противного шума являлся и сосед Данила – полноватый очкарик Савва Бабурин из семнадцатой школы. Молния на его рюкзаке жужжала, не переставая, и он выуживал из сумки то чипсы, то печенье, то газировку.

Познакомившись с Осиповым ещё до того, как колонна покинула Гродск, пухляш затих и теперь занимался лишь за-

бивкой рта едой.

Солнце начало слепить Данилу в глаза, и он, задвинув бархатные шторы на окне, развалился на сиденье.

Позже...

Миновав указатель со стрелкой вправо и надписью **ДОЛ** “**Тайник Лешего**”, колонна свернула с трассы и продолжила плестись уже по гравийной дороге.

Тряска усилилась. Автомобили сбавили ход, объезжая крупные камни и ямки. Коричневая пыль клубилась, вставая за ними столбом.

Транспортные средства углубились в лес. Звуки с трассы отдалились, а вскоре и вовсе стихли. Теперь был слышен только рёв моторов автобусов и хруст камешков под их колёсами.

Потёртая пожелтевшая табличка, висевшая на стволе ближайшей к насыпи сосны, гласила:

**Берегите лес
от пожара!**

Данил, вновь раздвинувший шторы, вглядывался в бескрайние мрачные дебри. Ему они казались столь недружелюбными, что сердце мальчика сжималось и замирало.

Сосны и ели росли очень близко друг к другу, борясь за свой клочок земли и место под солнцем.

Спустя какое-то время меж деревьев замаячил высокий железный забор, чьи прутья оканчивались заострёнными пиками.

Дорога разветвлялась. Машина ДПС, движущаяся впереди колонны, повернула вправо. “Икарусы” и скорая помощь последовали за ней.

Прибыв к главным воротам с вывеской “**ТАЙНИК ЛЕШЕГО**” и ниже “**Добро пожаловать!**”, милицейский автомобиль ушёл чуть в сторону, уступив проезд остановившимся автобусам, продолжающим тарыхтеть и вибрировать.

Из деревянной будки вышел охранник и поднял шлагбаум.

Девятка “Икарусов” закатилась на территорию лагеря и затормозила на асфальтированной парковке.

Передние двери каждого автобуса с шипением открылись и дети, галдя, начали соскакивать со своих мест.

Одна из вожатых, находившаяся в изголовье “Икаруса”, где сидел Осипов, подняла руку вверх, призывая ребят успокоиться. Её, вроде, звали Ксения, вспомнил Данил. Это была невысокого роста длинноволосая блондинка немного за двадцать. Именно она держала в руке табличку с выведенным на ней четвёртым номером отряда перед тем, как они сели в автобус.

– Выходим потихоньку, не пихаемся! Уважайте друг друга! – старалась перекрычать шум Ксения. – На улице никто никуда не разбегается! Все собираемся около меня! Понятно?

Но бесящиеся дети её совсем не слышали. Они торопились покинуть душный салон, поэтому сутолоки избежать не

удалось.

Вторая вожатая по имени Инна, красивая брюнетка с наливными губами и выразительными бирюзовыми глазами, сдула со вспотевшего лба выбившуюся прядь волос и поделилась с коллегой:

– М-да, чувствую, меня надолго не хватит.

Ксения улыбнулась и сказала:

– Крепись, подруга! Это только начало...

На улице...

Данил вдохнул свежий воздух одним из последних. Дождавшись, когда давка в узком проходе между сиденьями прекратится, он повесил на плечо рюкзачок, неторопливо пробрался к выходу и, покинув салон “Икаруса”, присоединился к толпе ребят, окружившей вожатых.

Встав позади всех, Осипов затерялся за спиной высокой девочки в коротких шортиках. Ему пришлось приподняться на цыпочках, чтобы отыскать взором Ксению, громко объявившую:

– Внимание! Сейчас мы проследуем в пятый корпус! Никто не бежит вперёд нас с Инной и не задерживается позади, чтобы потом нам не пришлось искать Вас по территории. Понимаю, здесь много интересного и каждому не терпится изучить окрестности, но...сперва мы заселимся в наше здание, уладим организационные моменты, а затем приступим к освоению лагеря. Хорошо?

Дети хором согласились.

– Супер! Уверена, мы с Вами поладим и завоюем звание лучшего отряда этой смены! – толкнула воодушевляющую речь блондинка и, снова получив поддержку от ребятни, шепнула подруге. – Обратная связь есть.

– Надеюсь, она будет работать без перебоев, – ответила брюнетка.

– Поверь, в первый раз я переживала не меньше, чем ты.

– Боюсь, подобный опыт станет для меня последним...

– Не загоняйся и просто кайфуй! Представь, будто мы на каникулах с группашами...

– Поездки с нашей институтской группой протекали куда спокойней.

– До того, как парни напивались и начинали тебя облапывать, – хохотнула Ксюша, добавив. – Ты, правда, не особо сопротивлялась.

– А ты, кажется, забыла о наших подопечных, – напомнила Инна, недовольная темой разговора.

Блондинка тут же перевела внимание на свой отряд, откуда донеслось ворчание:

– Хей, где движуха?

– Я же предупреждал, что тут тухло, Тим.

– Ога! И сплошь одни лохи... – развил мысль товарища с ирокезом азербайджанец.

– Наговорились? – поинтересовалась Ксения и, смирив притихших баламутов строгим взглядом, продолжила. – То-

гда распределяемся по парам и тихонько идём за нами!

Дети принялись разбиваться по двое. Данилу достался Савва, выскочивший откуда-то из толпы и пузом потеснивший другого мальчишку, намеревавшегося застолбить Осипова.

– Эй, чего зеваешь? Ни на минуту тебя оставить нельзя! Уже чуть не лишился места рядом со мной, – затараторил Бабурин.

– Я чуть не лишился? Мы же толком даже не знакомы, – удивился Данил, зашоркав подошвами кедров по узкой тропинке, выложенной из серых кирпичиков.

– В смысле? Ты с кем в автобусе сидел, забыл что ли?

– По крошкам от печенья и чипсов вокруг твоего рта, кажется, вспомнил...

Толстячок поспешил утереть с лица напоминания о поглощённых вкусняшках и объяснил:

– Прости, я от волнения на еду набросился... У меня, кстати, ещё сухарики остались. Угостить?

– Нет, спасибо.

И они замолчали.

Виляющая между клумбами тропинка обогнула беседку и влилась в широкое заасфальтированное пространство перед столовой, пересёкши которое отряд вышел к крытой танцевальной площадке круглой формы. Миновав её, гудящая орава проскрипела по дугообразному бревенчатому мостику над симпатичным декоративным прудом с журчащим водо-

падом и искусственными кувшинками, и встала на дорожку, выводящую к первому корпусу.

– Значит, тебе я тоже противен? – набрался смелости задать очередной вопрос очкарик.

– С чего ты взял? – вскинул бровь Осипов, наблюдая за зелёным ирокезом, маячащим впереди между голов одноотрядцев.

– Все дразнят меня, потому что я жирный. Никто не хочет с таким водиться.

– Мне знакомо это чувство.

– Чёт не похоже. Лишний вес сразу в глаза бросается. Или ты в дороге схуднул? Я просто забыл, как ты выглядел до отправления из города...

– Ты не понял. Я про то, что мы оба изгой...

– Ааааа, – допёрло до Саввы. – То-то я сразу к тебе подсел. Одиночка одиночку издалека чует.

– Тишина не про тебя, да? – снисходительно улыбнулся Данил.

– Ты, наверное, первый за последние несколько лет, кто не послал меня сразу же после приветствия. Я никогда много не общался, поэтому совсем не разбираюсь, как правильно вести себя с новыми знакомыми... – опустил глаза Бабурин.

– Будь собой, – подмигнул ему собеседник и поправил оранжевую кепку с нашитым динозавром.

Добравшись до постройки с табличкой “**1 корпус**”, направляемая вожатыми толпа обошла его, свернула направо и

устремилась по каменистой дорожке напрямик к зданию из красного кирпича, возведённому на возвышенности.

– Ты классный, – заключил толстячок. – Можно тебя Даней звать?

– Ого, ты моё имя запомнил? – поразился Осипов.

– Конечно... – закивал пухляш и с надеждой в глазах уточнил. – А ты моё?

– Нет, если честно...

– Савва же, – расстроено прогнусавил очкарик. – Как колбаска.

– Теперь не забуду, – пообещал Данил и пожал потную руку товарища.

– Здорово! – повеселел тот. – Давай всегда вместе ходить?

– Я не против, – согласился Осипов и, держась за перила, поднялся следом за остальными по скрипучей лесенке на пригорок, где их ждал двухэтажный пятый корпус.

Оказавшись на холме, Данил услышал какой-то отдалённый звук из чащи и замер. По коже пробежал мороз: кажется, до его ушей донёсся рык. Осипов оглядел густой тёмный лес, окружающий “Тайник Лешего”, с коим его разделял забор, и вздрогнул от прикосновения Бабурина.

– Дань, ты чего? – недоумённо спросил толстяк.

– Там кто-то есть, – ткнул указательным пальцем в сторону хвойных дебрей взволнованный собеседник.

– Забавный ты, однако, – усмехнулся очкарик. – Естественно, там кто-то есть. Целая куча зверей, к примеру...

– Кажется, я на солнце перегрелся, – приложив ладонь ко лбу, предположил Осипов.

– Ничего. Сейчас осты...

Пухляша перебила вожатая Ксения, задержавшаяся у открытой двери в здание, где уже скрылся весь отряд:

– Мальчишки, скорее!

Данил и Савва трусцой добежали остаток пути и ввалились в корпус, попав в тесный квадратный коридор с бежевыми стенами.

Осипов быстро протёр кеды о половики и, скинув их с себя, определил на полочку многоярусной пластмассовой стойки. Следом, рядом с обувью товарища, свои грязные пожелтевшие кроссовки положил Бабурин.

Друзья стали взбираться по бетонной лестнице наверх. Первым площадки второго этажа достиг Данил. Пыхтящий позади Савва несколько раз останавливался, дабы отдышаться, но преодолел-таки череду ступенек.

Осипов повернул круглую дверную ручку и вошёл с разругавшимся товарищем в следующее помещение.

2

Тридцатипятилетний следователь милиции Алексей Трофимов, чьи плечи украшали капитанские погоны с четырьмя звёздочками, сидел в удобном кресле и, откинувшись на мягкую спинку, придиричиво оглядывал свой небольшой душный кабинет, пребывающий в полном беспорядке.

“Боже, ну и кавардак!” – думал он, массируя уставшие гла-

за.

Его круглое лицо сделалось розовым от жары, а на щеках и затылке выступили капельки пота. Тогда мужчина включил настольный вентилятор, ослабил галстук и расстегнул две верхние пуговицы своей голубой ментовской рубашки.

Взор Алексея невольно пал на завалы папок, тетрадей и бумаг, среди которых присутствовали различные заявления и отчёты. Разгрести предстояло прилично.

Расстроенный сей мыслью следователь потянулся к красной кружке с уже остывшим кофе и, сделав из неё глоток, с отвращением сгуксил. Напиток стал совсем противным на вкус, и пить его было невозможно. Впрочем, эта еле тёплая горьковатая жидкость полностью соответствовала унылому настроению Трофимова.

Вскоре капитана одолела дремота и, когда его веки опустились, в голове замелькали воспоминания минувших дней.

– Хватит! Ради всего святого, Вы обещали, что не причините им вреда! – сквозь пелену сна приглушённо прозвучал голос женщины по имени Тамара, которая тогда являлась пассажиром его служебного автомобиля.

– Да замолчите Вы! – буркнул на неё Алексей и продолжил преследовать Ижевский “каблук” до тех пор, пока ему не представилась возможность произвести выстрел.

Меткое попадание в колесо отправило двухместный фургончик за ограждение в овраг и оборвало жизни тех, кто находился в кабине.

Беспокойно подёргивающееся тело следователя постепенно сползло с похрустывающего кожей кресла. Вентилятор обдавал лицо мужчины прохладным воздухом, однако потоотделение усилилось из-за накативших переживаний. В ушах зазвенел отчаянный крик Тамары, рассеявшийся от стука в дверь.

Трофимов очнулся чуть не на полу и, встряхнув головой, принял сидячее положение.

Стук повторился.

Проморгавшись, мужчина поправил мятую рубашку и громко сказал:

– Войдите!

Скрипнули петли, и порог кабинета переступил хилой комплекции высокий паренёк с плоским носом и светло-кариими глазами – участковый Крюков.

– Тьфу, напугал, Олег, – отмахнулся капитан. – Я решил, кто-то с очередными ходатайствами мне плешь продать припёрся.

– Настолько плохо проходит день? – поинтересовался младший лейтенант Крюков и, скрывая за спиной какой-то предмет, в пару шагов перемахнул расстояние от входа до стола.

– Получше, чем у Пашки, – заметил Алексей и, добравшись до стоящего на тумбочке кулера, набрал в стаканчик воды. – Он до сих пор торчит на месте, где произошла поножовщина. А меня начальник промурыжил, и я с ним поехать

не смог...

– Я сам только в участок возвратился, – отклонив предложение попить, поведал участковый и после жадных хлебков коллеги продолжил. – Выписал штраф семейке пьяниц, чей ротвейлер на жильцов дома кидался. Ни тебе намордника, ни строгачей... Псина вечно с поводка срывается, никто её удержать не может! На меня тоже рыпалась, пока их клоповник обходил. Ну, я естественно в долгу не остался, взял с них компенсацию...

– Пару бутылок “палёной” водки или скидку в алкомаркет? – усмехнулся следователь.

– Лучше! – просиял Олег и достал из-за спины круглую мишень.

– Дартс? – удивился Трофимов.

– Круто, правда? Я словно знал, что Вам нужен антистресс!

– Зачем он мне?

– Отвлечься от рутины и снять напряжение! К тому же я слышал, мол, Вы – один из лучших стрелков в нашем ОВД. Вот и проверим, насколько твёрдая у Вас рука...

– Ладно, давай сыграем, коль принёс!

– Отлично! Предлагаю на что-нибудь поспорить, дабы придать соревнованию больше азарта.

– Поддерживаю! У меня как раз кабинет захламлён. Так что если проиграешь – одтраишь его.

– Идёт! – кивнул младший лейтенант. – Моё условие в

случае Вашего фиаско – скатаетесь на один из моих вызовов...

– Согласен, – пожал руку коллеги капитан, и они повесили мишень на дверь.

Далее Крюков отдал старшему по званию три дротика с чёрно-жёлтым оперением, оставив три с салатным себе.

– Ты не задумывался, в каких местах бывали эти штуки? – брезгливо осведомился Алексей.

– Они метали их в собаку, когда та не слушалась, – серьёзно ответил участковый.

– Бедный пёс, – выразил сочувствие следователь. – Попал к таким выродкам...

– Угу. Надеюсь, рано или поздно он загрызёт своих хозяев и освободит их от необходимости выплачивать штрафы, – оскалился Олег и, выдержав паузу, спросил. – Приступим к дартсу?

Трофимов подтвердил готовность, и милиционеры, обозначив черту, откуда надлежит производить броски, стали тянуть жребий. Начинать турнир выпало капитану.

3

– Ребята, сейчас распределяйтесь по комнатам и занимайте койки! Мальчикам в левую дверь, девочкам – в правую! Как обустроитесь, выходите сюда на небольшое собрание! Постарайтесь не задерживаться, у нас ещё много дел! – объясняла Ксения, на пару с Инной вошедшая в просторный зал второго этажа с лежащим посередине пёстрым узорча-

тым ковром.

Белые стены здесь местами грешили потёками и мелкими трещинками, но в целом выглядели сносно. Врезанные в них три больших прямоугольных окна впускали щедрую порцию солнечных лучей, заливающих помещение. Под подоконниками висели холодные бежевые батареи, краска на коих сморщилась или вовсе облупилась.

Над ковром располагалась впечатляющая хрустальная люстра, похожая на те, что украшали древние замки. Именно на неё Данил обратил внимание, представляя роскошный бал, где он бы вальсировал с Дианой.

– Недурно, – прервал мечтания товарища Савва и зачмокал выуженным из сумки чупа-чупсом со вкусом колы.

– Ага, неплохой корпус, – согласился двинувшийся к апартаментам Осипов.

– Я вообще-то про чупик, – внёс коррективу очкарик и последовал за другом, чувствуя, как под ногами прогибается и поскрипывает лакированный тёмно-коричневый ламинат.

В спальне насчиталось двадцать панцирных кроватей, к каждой из которых была приставлена деревянная тумбочка.

– Давай займём места у двери? – предложил Бабурин.

– Других и не осталось, – цокнул Данил, оглядев погружённую в суету комнату. – Делёжку мы проморгали...

– Вот и чудненько, – обрадовался толстячок и кинул вещи на вторую от входа койку. – Меня порой как приспичит в туалет, каждый сантиметр на вес золота...

– Так забирай крайнюю постель...

– Не. Я жутко боюсь сквозняков. После хулиганов и голодовки, конечно, – поведал Савва.

– Теперь понятно, кто возьмёт сквозняк на себя, – закатил глаза Осипов и, швырнув кепку на заправленное ложе, решил незамедлительно убрать предметы первой необходимости в выдвижной ящик своей тумбочки.

Тот, правда, оказался повреждённым. Подёргав его взад-вперёд, Данил огорчённо отмахнулся и, запихав рюкзак под низкую кровать, вернулся в зал.

Там уже собралась часть отряда, но Осипов не спешил знакомиться со сверстниками, одиноко застыв в стороне у окна. Немного погодя к нему присоединился жующий жвачку Бабурин, стеснительно отводящий глаза в сторону, когда его касались взгляды незнакомых детей.

Народ продолжал прибывать и вскоре помещение наполнил оглушительный гул. Ребяшня буквально стояла на ушах: смеялась, визжала, тараторила. Кто-то играл в догонялки, кто-то боролся, а кто-то карикатурно кувыркался по полу.

Постепенно на ковре вырос апогей дурачества и озорства – огромная куча-мала.

Савва замаялся, наблюдая за царящим вокруг весельем. Ему очень хотелось поучаствовать в чём-то массовом, ощутить себя полновесным членом общества.

– Давай присоединимся? – наконец спросил он у Данила.

– Это ведь несерьёзно, – не оценил тот. – Самый настоя-

щий балаган...

– Люблю балаган, – пожал плечами пухляш и ринулся к кому одноотрядцев.

Покуда Бабурин развлекался, Осипов смотрел за тем, как Диана, оказавшаяся в центре суматохи, дурачится с каким-то мальчишкой. Испытав сильный укол ревности, Данил глубоко вздохнул и, не пожелав дальше терпеть подобное зрелище, отвернулся.

Беспорядок на этаже прекратила возникшая в зале женщина немолодого возраста с одутловатым лицом, изборождённым морщинами, и короткими сухими волосами белоснежного цвета. Шлёпая жёлто-голубыми тапочками, она добралась до ковра, скрывшегося под шумящими детьми, и громко гаркнула:

– Ну-ка быстро успокоились!

Шалуны вмиг притихли, и властная особа понизила тон:

– Итак, представляюсь. Я – Гончарова Галина Семёновна, воспитатель Вашего отряда, а это – вожатые: Ксения Евгеньевна и Инна Матвеевна, – указав на вынырнувших из каморки девушек, осведомила женщина и поправила складки длинной фиолетовой юбки. – С ними, думаю, Вы уже знакомы.

Ребята хором подтвердили её догадку.

– Что ж, цените и берегите своих лагерных мам, ведь именно они будут проводить с Вами большую часть времени, – наставляла Галина Семёновна. – Пока же Ксения Ев-

геньевна вкратце расскажет Вам о планах на день и общем распорядке. Ведите себя прилично. Сами понимаете, тридцать человек перекричать довольно сложно.

Воспитатель смирила своих слушателей строгим взглядом и слегка отступила назад, предоставив слово вожатым.

– С чего бы собственно начать? Ах, да, через час мы идём обедать, – сообщила блондинка, и аудитория восторженно одобрила объявление. – В связи с этим нам с Инной потребуются люди, которые будут помогать накрывать на столы.

– Позже мы составим график дежурств, а сейчас, чтобы обошлось без обид, мы выберем каждого десятого из списка, – дополнила брюнетка и протянула подруге листочек в файле со списком отряда.

– Хорошая идея, – похвалила коллегу Ксения и огласила фамилии дежурных. – Значит, наши помощники на сегодня Корсакова, Хохлов и... Яшкина. Запомнили?

Среди толпы детей раздались разочарованные вздохи.

– Допустим, данный вопрос урегулировали. Какие темы хочется затронуть ещё? – блондинка немного подумала и развила мысль. – По поводу полного распорядка дня. Его официально утвердили, и он не претерпит изменений до окончания смены. С ним Вы сможете ознакомиться сразу, как только я вывешу распечатку на доску, где также появится список кружков, доступных для записи.

– Чур, я отправлю друга на парикмахерское искусство. Он большой фанат ножниц, – чиркнув соседа ладонью по кон-

чикам ирокеза, гоготнул один сорванец и получил шуточный ответ:

– Язык тебе ими подрежу, Тимми.

– Цыц! – пресекла шушуканья Галина Семёновна. –
Имейте уважение!

Нарушители спокойствия прикрыли рты, и вновь заговорила Ксения:

– Вечером мы придумаем девиз и название нашему отряду, а заодно выберем его командира. У Вас достаточно времени для того, чтобы определиться, кому выпадет столь ответственная и между тем приятная роль...

– Мне! Я готов! – вытянул руку вверх какой-то пацанёнок, как его тут же оборвал другой:

– Ещё чего! Ты себя в зеркало видел?

– Я лучше закомандирую! Выбирайте меня! – выдвинула кандидатуру одна из девочек.

– Не ругаемся! – остановила дискуссию возмущённая воспитатель. – Не успели приехать, а шуму навели на неделю вперёд!

– Простите, – прозвучали робкие извинения.

– Всё нормально, – приободрила подопечных блондинка. – Рассасывайтесь по комнатам, разбирайте сумки. Позже мы позовём Вас на обед...

4

Лев Агеев, один из оперативников майора Никонова, сидел в кабинете Трофимова и с несчастной физиономией вер-

тел в руках дротик, минутой ранее впившийся ему в грудь. Старшина думал, как его угораздило открыть дверь именно в тот момент, когда Алексей метнул остроконечный снаряд в мишень, которой в итоге выступил он сам?

– За всю службу не получил ни одного ранения, а тут свой же подбил, – жмурясь от боли, сетовал оперативник.

– Дык куда ж ты так влетаешь, Лёва? Никонов Вас не учил, что сперва необходимо разведать обстановку или хотя бы постучаться, и уже потом входить? – поинтересовался следователь, протянув незадачливому коллеге стаканчик с водой.

– К подобному майор нас не готовил, – обиженно бросил Агеев. – Заглянул по поводу разрешения на обыск, называется...

– И попал в пыл соревнования, – подал голос Крюков, примостившийся рядом со Львом.

– Выбрали б какой-нибудь безобидный вид спорта. Шахматы, например. Нет же, они дартс предпочли. Меткачи хреновы, – покачал головой старшина и опустошил стаканчик.

– Ой, король зверей, не ной, – отмахнулся капитан. – Я вон Олегу продул. Поверь, это намного больней! Теперь придётся тащить свой зад, куда он пожелает...

– У меня уже есть на примете одно дельце, – злорадно потёр руки участковый. – Там старушки жалуются, что у их подъезда шпана какая-то урну скрутила. Скатаешься – разберёшься, чего в том дворе происходит.

– Как-то неправильно твой антидепрессант сработал, –

недовольно пробурчал Алексей. – Пуще прежнего в тоску вогнал...

– Зато, наконец, отвлечётесь от гнетущих расследований убийств, – отыскал повод для оптимизма Крюков.

– Тут Олег прав, – проявил солидарность Агеев. – Не всё же Вам за Гринюком гоняться.

– Он – моя первостепенная задача, – нахмурившись, ответил Трофимов и на его скулах заходили желваки.

Этот орудующий топором шизофреник доставил ему кучу неприятностей. Сбежав из психбольницы, Максим совершил двенадцать зверских детоубийств и каждое – в новой пугающей маске, оставляемой им на месте преступления. Гоблин, клоун, оборотень – в каком только образе маньяк не представал, когда расчленял тела и забирал себе головы. Милиция находила трупы по всему городу, а безумец постоянно ускользал от следствия.

ОВД “Союзный” штурмовали толпы обеспокоенных родителей с мольбами защитить их чад и настаивали, чтобы милиция тщательней патрулировала Гродск, однако никакие принимаемые органами меры не продвигали дело. Правда, повышенное внимание к Гринюку дало-таки определённые плоды – изворотливый гад залёг на дно и прекратил свои вылазки.

Увы, поселившаяся в Алексее тревога никуда не пропала. Скорей, наоборот, обострилась. Тем более, он сам воспитывал сына, коего порой не успевал встречать из школы лично,

и крайне переживал за его безопасность.

– Вмажем по коньячку? – после непродолжительного молчания предложил Лев. – У меня в машине бутылочка завалялась...

– Сдурел, Агеев? – выпал из прострации капитан. – Мы на службе! Тебе Никонов потом так вмажет, мало не покажется!

– Дык мне рану надо продезинфицировать. Между прочим, Вы поспособствовали её возникновению, – упрекнул оперативник.

– Иди, лопух сорви и приложи, – посоветовал Крюков.

– Сам лопухами обкладывайся, – огрызнулся старшина. – У меня практически ножевое...

– Ладно, сворачиваем цирк, – строго повелел Трофимов. – Пора делами заниматься.

Тут в дверь без стука зашёл измотанный напарник следователя – лейтенант Павел Сергеев, худощавый парень среднего роста с миндалевидными глазами болотного цвета и острым, имеющим едва заметную аристократическую горбинку, носом.

– Я, значит, вкальваю, а они без меня веселятся, – иронично пожурил коллег появившийся офицер.

– Поверь, вкусенькое ещё впереди, – хохотнул участковый.

– За сегодня я уже наелся, спасибо, – пренебрежительно отмахнувшись от противного ему Олега, сказал Сергеев.

– Придётся ещё потерпеть, Пашка, – констатировал Алек-

сей. – Выезжаем...

– Куда опять? – раскис лейтенант.

– По пути узнаешь, – сохранил интригу следователь и проводил всех из своего кабинета.

5

Ксюша стояла рядом с верёвочным городком под многолетней сосной на усыпанной шишками земле и нетерпеливо всматривалась в хвойные дебри за забором. Сердце волнительно стучало в груди, отчего она, сама того не замечая, тербила своими тонкими пальчиками краешек белой футболки с забавным рисунком в виде жёлтого улыбающегося смайлика.

– Если долго сверлить взглядом лес, можно подумать, что на глаза вылили зелёнку, – слышался пацанческий голос позади.

От неожиданности девушка дёрнулась и, обернувшись, увидела перед собой крепкого жилистого юношу с угольно-чёрными волосами.

– Напугал, Егор, – выдохнула вожатая.

– Надеюсь, это не реверанс в сторону моей внешности? – полюбопытствовал молодой человек.

– Скорей, в сторону твоих школьных выходок. Тогда они меня жутко бесили.

– Я лишь всячески пытался привлечь твоё внимание.

– Ну, ты и без того был весьма популярен. Особенно после театральной постановки, где ты мастерски сыграл Базилио, –

звонко расхохоталась Ксюша.

– Подумаешь, упал со сцены, – самоиронично сказал Витвинин. – Сквозь чёрные очки я даже свои пальцы в упор не различал...

– Вжился в образ.

– Ага, до сих пор боли в пояснице.

На мгновение повисла полная смущения неловкая пауза, но Егор собрался с духом и спросил:

– Так и станем держать дистанцию или обнимемся?

– Забыл, какая я недотрога? – хитро улыбнувшись, уточнила сексуально прикусившая губу блондинка.

– Девятый класс не даст забыть, – хмыкнул юноша и, по добрав шишку, которую подбросил на ладони, швырнул её в подвесные мостики верёвочного городка.

– Что ж, пора нам переписать историю, – решила сияющая красотка и позволила молодому человеку утопить её в объятиях.

– Я соскучился по тебе, Ксю, – растаял Витвинин и сильнее прижал подругу к груди. – Всё время о тебе думал...

– Долго ж я забивала твою голову, – кокетливо блеснула белоснежными зубами девушка, прекратив тактильные нежности.

– Мысли материальны, – пожал плечами Егор. – Ты едва успела сообщить, что приедешь работать в лагерь, а меня уже унесло на седьмое небо от счастья!

– Оттуда ты спустился на территорию ко мне за спину, что

я даже не заметила?

– Почти. Чуть дальше в заборе внушительная брешь, благодаря чему лезть по прутьям мне не пришлось. Иначе бы спокойно оставил на остриях пик свои штаны...

– Ну да, не слишком радужная перспектива.

– Как и лишиться возможности общения с тобой, – незаметно обвинив свою руку вокруг талии вожатой, серьёзно добавил молодой человек.

– Давно ты заделался романтиком? – осведомилась Ксюша.

– Нет, вообще-то.

– Честно, в момент твоего появления, я кое-что для себя уяснила.

– Что именно?

– Мы ведь противоположные полюса магнита. Имеем свойство притягиваться.

– Знала бы ты, сколько лет назад у меня появилось схожее чувство, – проникновенно заглянув подруге в глаза, ответил Витвинин и медленно приблизил свои губы к её, однако в последнее мгновение блондинка отвернулась.

Они ещё какое-то время стояли неподвижно, затем девушка взяла парня за руку и заворожённо констатировала:

– Красивые места...

– Очень, – согласился Егор. – Я здесь частый гость! Это мой второй дом!

– Он точно с картинок! Не то, что серый задымлённый

Гродск...

– Природа – самый талантливый дизайнер!

– А я – худшая в мире вожатая, если хоть на минуту опоздаю на обед своего отряда, – заметив шагающих к столовой подопечных во главе с Инной, сообщила Ксюша. – Боюсь, ребяг скоро растерзает мою подругу, поэтому... мне пора.

– Вырвешься как-нибудь ко мне? – задержал подругу молодой человек. – Отпуск у родителей начнётся только в следующем месяце и сейчас тихий бревенчатый домик в Малых Дукáх свободен.

– Лучше приходи сам, – предложила девушка. – Завтра у детей намечается футбол, так что в одиннадцать мы будем на поле.

– Я обязательно туда наведаюсь, – пообещал молодой человек и на прощание чмокнул блондинку в щёчку.

Тем временем...

Данил с Саввой оказались в просторном холле столовой, где имелось несколько напольных вешалок, диванчик и пара кресел с выбившимся из дыр поролоном.

По бокам прохода, ведущего в зал со столами, имелись огромные прозрачные окна. Благодаря им дети могли видеть, что происходит внутри. Сейчас там шли последние приготовления к обеду. Трое дежурных суетились вместе с поварами, выполняя их указания. Они расставляли на столы порции и раскладывали сервиз.

В холле тем временем появлялись новые отряды. Свобод-

ное пространство стремительно уменьшалось, и вскоре здесь образовалась ужасная толчея, отчего данная комната перестала казаться большой.

Спустя долгие десять минут дверь столовой гостеприимно распахнулась и вожатая Инна пригласила свой отряд на трапезу.

Весьма внушительное помещение, в коем отовсюду тянуло вызывающими зверский аппетит ароматными запахами, не оставило Осипова равнодушным. Он восхищённо оглядывался, раззявив рот. Потолок находился высоко и напоминал ему купол цирка. Такой же недостижимый и величественный, каким крохотным в сравнении с ним представал сам Данил.

Похожая на театральную ширму невысокая самодельная перегородка со свеженакаляканной фломастером подписью **“Вам в суп блевали Тим, Забит и Яков”** условно разделяла душный зал на две части: обеденную и ту, что служила для проведения кулинарных состязаний.

В столовую начали заходить остальные отряды, распределяясь по отведённым им местам. Сразу стало шумно и оживлённо – разговоры детей слились в один общий непрекращающийся гул.

– Садитесь вон туда, к мальчишкам. Другие места уже заняты, – указывая пальцем в дальний конец помещения, сказала Ксения.

Осипов и Бабурин с опаской посмотрели, куда их направила вожатая, и синхронно вздохнули.

– У меня живот чует плохишей. Слышишь, как он бурчит? – прошептал Савва.

– Просто ты вечно голодный, – по-доброму констатировал Данил.

– Настораживают они меня, – поделился с другом очкарик и нахмурился, сдвинув брови домиком.

– Меня тоже. Но что поделать? – и Осипов, пожав плечами, неуверенно зашагал к столику у стены.

Толстячок ещё немного поколебался, однако пустой желудок, жалобно заурчав, вынудил его сдвинуться с места и проследовать за товарищем. Зацепив пузом пару сидящих к нему спиной отнютрадцев, он поспешно извинился перед ними и, добравшись до своего стола, неуклюже рухнул на стул.

Компания из трёх пацанов, уже поклевавших свои порции, травила похабные шуточки.

Данил с Саввой, стараясь не обращать внимания на ржущую компанию, робко пододвинули к себе тарелки с супом.

Осипов принялся потихоньку хлебать горячий борщ, а Бабурин, не привыкший кушать первые блюда без хлеба, потянулся к хлебнице, чтобы взять оттуда один из двух оставшихся кусочков мучного изделия, как его в тот же миг шлёпнули по пухлой руке.

Раздался истерический смех.

Упитанный мальчик поднял вверх свои испуганные глаза, и перед ним сквозь толстые линзы очков предстали ли-

да нахально ухмыляющихся одноотрядцев, чьи язвительные взгляды были прикованы к нему. Бабурин напрягся, чувствуя, как его начинает трясти.

– Эээ, жирдяй, хлеб не трогай. Нам ведь не останется, – недовольно процедил самый тощий из хулиганов со сдвоенной родинкой на костлявом подбородке.

– Тебе бы вообще диету соблюдать, – добавил второй, подходящий на панка из-за своего зелёного ирокеза.

– Ога. Врачи говорят, вредно хомячить сутки напролёт, – припомнил говнюк типично азербайджанской внешности.

– Он к зиме откармливается! – с издёвкой предположил первый, и всё трио снова по-идиотски загоготало.

Савва покраснел, едва сдерживая слёзы.

– Зачем ты его обижаешь? Себя-то в зеркало видел, дрищуган? – вступился за друга Данил и осмелился заглянуть в глаза главному пакостнику, восседающему напротив него.

Тот на мгновение даже потерял дар речи. Подобным образом ему ещё никто не отвечал.

– Чё проквкала, царевна-лягушка??!

– Чего слышал, бородавочник, – смело огрызнулся Данил, ненавязчиво подшутив над сдвоенной родинкой неприятеля.

– Зубов что ли много? Я их тебе быстро пересчитаю! Сиди и жри молча, пока не трогают!

– Appetit своим присутствием портите. Он у меня обычно пропадает при виде грязных свиней, ковыряющихся в навозе, – бросил Осипов, чувствуя, как учащённо бьётся серд-

це.

– Ух ты, смелая козявка! Походу, придётся дрессировать, парни! – обратился светловолосый хулиган к товарищам.

Азербайджанец хрустнул пальцами, показывая готовность к действиям, а другой, с лакированным зелёным гребнем на репе, подхватил:

– Надрессируем, Тимми! Под конец смены эти двое нам ползком тапочки в зубах приносить будут и жопы своими языками подтирать, вместо туалетной бумаги!

– Ну да, из Вас же дерьмо так и лезет! – продолжал язвить Осипов. – Боюсь, подтирать Вам придётся не только зад...

– Хватит, Даня! Не надо! Они же из нас отбивные сделают, – взмолился Савва, всхлипывая носом.

Он машинально достал из кармана замызганный платочек и взялся утирать им жёлто-салатовые сопли, выступившие из ноздрей.

– Ты нарвался, ушлёпок! – трясаясь от злости, прохрипел Осипову Тимофей. – Я тебя размажу! При первой возможности! Понял? А Забит и Яков мне в этом помогут!

– И ты, откормыш, не думай, что отмазался! Получите оба! – поддержал главаря парень с ирокезом.

После сих слов Савва побледнел. Его лицо, на котором читалась полная обречённость, сделалось плаксивым и несчастным.

– Послушайте, мы не хотели Вас обидеть... прошу, не бейте меня, – малодушно захныкал потерявший аппетит Бабу-

рин.

– Не извиняйся перед придурками, – пресёк его Осипов повелительным тоном. – Пойдём отсюда, воняет...

Данил театрально скуксил лицо и, помахав рукой перед сморщенным носом, покинул своё место. Савва закосолапил за ним.

– Вы поняли, говноеды? Вам конец! – слышалась угроза за спиной, однако Осипов проигнорировал её.

Когда Савва с Данилом проходили мимо Инны, вожатая с набитым ртом поинтересовалась:

– Куда направились?

– К выходу, – ответил Осипов, кивнув головой на дверь.

– Уже поели?

– Да, – растерянно промямлил Данил.

Ему хотелось обо всём рассказать, но он сдержался. “Я мужик, а не тряпка!” – твердил он про себя.

– В следующий раз я лично проконтролирую, как Вы питаетесь, – и брюнетка, повернувшись обратно, продолжила трапезу.

Осипов с Бабуриным вернулись в холл и уселись на подранный диван. Желудок у обоих негодующе бурчал, требуя, чтобы в него опустилась еда.

– Блин, кушать хочется. Внутри всё выворачивается! – простонал очкарик, держась за своё объёмное пузо.

– Ладно, потерпим до полдника, – с кислым лицом решил Данил.

– Ты хоть супа успел похлебать, а в мой рот даже крошки не упало. Я скоро подохну! – пессимистично заключил пухляш. – Мне же не дотянуть до полдника!

– Хочешь – иди обратно! Я не намерен выслушивать твоё нытьё, надоел! – нервно буркнул Осипов.

– Извини. Просто я не привык так питаться.

– Тебе нравится терпеть унижения?

– В их словах имеется доля правды. Я толстяк и мне не мешает сбросить десяток-другой килограмм...

– Без разницы. Они не имеют никакого права оскорблять тебя, меня или кого бы то ни было ещё!

– Спасибо, конечно, что заступился за меня. Только, чую, нам достанется на орехи!

– Мы же не девчонки, Савва! Возьми уже себя в руки!

Очкарик громко сглотнул слюну и притих, растерянно вперившись в пол. В животе продолжалась круговерть, а из головы никак не выходила мысль о том, что ему с Данилом в скором времени крепко напощают.

Дверь из столовой открылась, и в холле возник ровесник Осипова и Бабурина, невысокий щупленький мальчишка в полосатой матросской майке, заправленной в тёмно-синие шорты, и потрёпанных сандалиях, оголяющих его грязные пальцы.

Мальчик устремился к Данилу и выразил восхищение:

– Ну ты и смельчак, уважуха! Обычно, этим задирам никто не рискует перечить!

– Знаешь их? – уточнил Осипов.

Мальчишка утвердительно кивнул и объяснил:

– Вся моя школа стоит из-за них на голове! Хулиганы номер один! Яков, Забит и, конечно, Тим, главный член их сортирной кучки.

– Тим? – переспросил Савва.

– Тимофей, Тимоша, Тимми или Тим, как больше нравится, – перечислил мальчик.

– Ничего, рано или поздно их шайка получит своё! – погрозив пальцем, заявил Данил.

– Не раньше нас, – криво улыбнувшись, заметил очкарик.

Осипов пропустил его фразу мимо ушей и обратился к одноотрядцу в тельняшке:

– Тебя как зовут?

– Федя Дубовцев! – представился мальчик.

– Я – Данил! – протянул ему пятерню Осипов. – А это – Савва!

И Федя пожал новым знакомым руки.

14:00

После обеда, как и полагалось, был сон час. Многие ребята, к удивлению Данила, спали. Дорога вымотала всех. Конечно, подобное не значило, что последующие тихие часы пройдут в том же ключе. Скорей наоборот. Но сейчас Осипов наслаждался тем спокойствием, которое царило в их комнате. Сию идиллию нарушало только периодическое поскрипывание кроватей и тиканье настенных часов.

Бабурин и Дубовцев дрыхли вместе с остальными. Первый делал это крайне беспокойно. Он постоянно вертелся, переворачиваясь с боку на бок, а из его рта на подушку стекла пузырчатая слюна. Иногда Данил слышал, как неказистый пухлячок постанывает и лопочет себе под нос что-то нечленораздельное.

Задиры тоже утомились и поддались общему сонному порыву.

Сам же Данил, изучающий неровный потолок, уснуть не мог. То ли из-за мыслей, бурно штурмующих его мозг, то ли просто из-за отсутствия желания. В любом случае, два часа для него пролетели незаметно.

Вожатая Инна, заглянув в комнату, громко объявила об окончании сон часа.

16:53

Полдник прошёл в штатном режиме. Теперь Данил, Савва и Федя сидели за одним столиком, и первым двум удалось таким образом избавиться от неприятной компании шайки Тимофея. Умяв по ватрушке с кефиром и хоть как-то заполнив пустое пространство в желудке, друзья покинули столовую.

Бабурин не прекращал жаловаться, что сильно хочет есть. По словам очкарика, полдник даже самую малость не унял голода, преследовавшего его с обеда. Но всё же пухляш был доволен и несколько утешался мыслью, что трое задир отныне не помешают им спокойно трапезничать.

После того, как все дети отряда собрались в холле, вожа-тые устроили им прогулку по территории, показывая, что и где на ней находится.

Они двигались неторопливым шагом и заглянули практически в каждый уголок лагеря, потратив на осмотр угодий “Тайника Лешего” около получаса.

От столовой отряд направился в парк, раскинувшийся близ здания администрации и двухэтажного корпуса для персонала с деревянной пристройкой.

Узкую кирпичную тропинку сквера по краям окружали молодые сосны, посаженные аккуратными рядами. Кое-где под ними стояли симпатичные скамейки и бледно-жёлтые урны.

В центре аллеи посреди благоухающей клумбы располагались местные достопримечательности. Первой являлась деревянная фигура Лешего – главного символа лагеря. Сказочный герой преклонного возраста хитро улыбался и, чуть сторбившись, опирался на поросшую мхом палку, растущую из коры его рук. Плечи бородатого старичка венчали кривые поганки, из кустистой шевелюры пробивались цветы, а суковатый нос заканчивался двумя листочками. Позади этого колоритного персонажа возвышалась вторая находка – часовня, напомнившая Осипову Лондонский Биг-Бен. Большие циферблаты с железными стрелками висели на вершинах каждой из стен постройки. Их механизмы почти не сб-или, показывая точное время.

– Гы-гы, какая дырень! – указав на повреждённое основание башни, воскликнул Яков.

– Ставлю твой ирокез, что толстяк туда не поместится, – остроумно добавил почёсывающий родинку на подбородке Тимофей, изучая расщелину.

Тропинка разветвлялась на три. Инна повела ребят по крайней левой. Та в скором времени начала плавно поворачивать в обозначенную сторону. Кирпичи под ногами сменились широкой асфальтированной площадкой, и перед отрядом возникло длинное прямоугольное здание с зашторенными белыми тканями окнами. Над парадным входом, к чьей двери вела лестница с высокими ступеньками, растянулась вывеска с красным крестом в круге и такого же цвета надписью “**медпункт**”.

Отчеканив ещё с пару десятков метров по затенённой корявыми ветвями старого ясеня дороге, отряд выбрел к уже знакомому первому корпусу, ничем не отличающемуся с виду от их пятого. Прямо за ним в шахматном порядке разместились второй, третий и четвёртый корпуса, утопающие в нежно-салатовой листве берёз.

Второй не имел сходств с другими: он насчитывал три этажа, один из коих был отведён под бассейн, и формой повторял заглавную английскую букву “L”. В кустах рядом с сим зданием спряталась трансформаторная будка, а за ней вдалеке маячили верёвочный городок на деревьях да поля для баскетбола и волейбола.

Четвёртый корпус, в отличие от своих номерных собратьев, мог похвастаться складом для спортивного инвентаря: лыж, мячей, велосипедов и прочего. Вдобавок, по словам Ксении, в подвальном помещении данного строения периодически проводились вечерние дискотеки.

Минуя засаженную берёзами часть территории, Данил вдохнул свежий воздух полной грудью, закрыл глаза и замер, ощущая лёгкое приятное головокружение.

По протоптанной между белоствольными деревьями тропинке отряд вернулся в пятый корпус.

17:52

В пятом корпусе царил полный хаос. Покуда дети в ожидании ужина переворачивали второй этаж вверх дном, Данил достал из своей сумки подаренный ему на день рождения плёночный фотоаппарат бежевого цвета и начал запечатлять на него своих товарищей. Сперва на камеру кривлялся Федя, затем эстафету перенял Савва, после чего понеслись совместные снимки.

Осипов тоже не затерялся за кадром, попросив щёлкнуть его с друзьями одного из одноотрядцев.

– Интересно, жиртрест уместается в объектив? – задался вопросом Яков, усевшийся на подоконнике.

– Наверное, туда не влезает ничего, кроме свисающего с его боков сала, – хохотнул Тимофей.

Тем временем фотосессия закончилась и Осипов, вернув свою камеру на место, неохотно согласился зарубиться с то-

варищами в догонялки. Постепенно он вошёл во вкус и, наконец, повеселел.

Заляпав побагровевшего от бега очкарика, мальчик тут же бросился от него наутёк, но затормозил, как только позади него раздался сильный грохот.

Когда Данил обернулся, то улицезрел распластавшегося на ламинате Бабурина, прикрывшего нос обеими руками. Над ним, ухмыляясь, возвышался светловолосый хулиган со своими дружками.

– Гы, круто ты его навернул, Тимми! Ахаха, – заливался от смеха Яков.

– Ога! Шлёпнулся, как мешок с какахами, – добавил Забит, пошевелив усиками.

– Делов-то! Выставил ногу и туша на полу, – объяснял Тимофей.

– Пол жалко, – сделал плаксивое лицо панк и провёл ладонью по кончику своего ирокеза. – Испытал тюленью мощь...

– Ога...ещё не выдержит такого напора и проломится, – подхватил Забит.

Словно в замедленной съёмке Осипов смотрел, как по пухлым щекам толстячка стекают крупные капли слёз, а из носа хлещет алая кровь.

В Даниле закипела ярость. Его глаза засверкали, ноздри расширились, словно у бешеного быка, готовящегося кинуться на красную тряпку. Он знал, какого это, терпеть унижения. И ещё лучше знал, что случается, если подобное

оставлять безнаказанным. Враги не должны видеть твою беспомощность, иначе издёвки никогда не прекратятся. Любое проявление слабости даёт задирам лишний повод поглумиться.

Осипов крепко сжал кулаки и стремительно направился к обидчикам Саввы. Федя попытался остановить друга, но мальчик, скинув с плеча его руку, продолжил надвигаться на зачинщика конфликта.

Тимофей толком не успел ничего сообразить, как ему в челюсть прилетел сильный удар, затем ещё несколько, и он неуклюже шмякнулся на задницу.

Данил тут же наскочил на оказавшегося в горизонтальном положении соперника и принялся остервенело мутузить его. Тим пытался брыкаться, уворачиваться, отползать, однако ничего не помогало. Осипов обрушивал на задиру град тумачков, в которые вкладывал всю злость, накопившуюся в нём.

Остолбеневшие от неожиданности Яков с Забитом с изумлением наблюдали за тем, как колотят их главаря. Азербайджанец лишь просипел:

– Аллах Всемогуший...

Драку прекратила воспитатель, вбежавшая в зал с возмущёнными криками. Ей пришлось буквально с мясом оттирать от Тимофея освирепевшего Данила.

– Ну-ка прекрати! Прекрати сейчас же! – завопила Галина Семёновна. – Ишь, какой бузун! Удумал мне тут потасовки устраивать? Куда глазница свои бешеные выпучил? Ты

ненормальный что ли??!!

Данил, нахмутив брови, отвёл взгляд в сторону. Его слегка трясло. Вспышка гнева погасла, и на её место пожаловало осознание произошедшего. Мальчик поймал на себе осуждающие взгляды окруживших место побоища одноотрядцев, отчего испытал жуткий стыд.

А Диана? Она вместе с остальными журит Осипова за содеянное и поражается его жестокости? От сих мыслей делалось только хуже.

Перепуганный Тимофей, дрожа от пережитого стресса, отполз к стене, и Яков с Забитом подняли его на ноги.

– Придурки, Вы почему не вмешались? – взъелся на друзей светловолосый хулиган.

– Мы даже сообразить ничего не успели, – оправдывался панк.

– Ога... чёт тупанули, Тим, – подхватил азербайджанец.

– В следующий раз я Вас за Вашу тупость с лестницы спущу! – пригрозил лидер шайки. – У нас не киносеанс! Нас перестанут бояться, если каждый будет долбиться в моргалы, пока бьют другого!

– Ты точь в точь мой дядя Абдуррахман, тот вечно на своих баранов ругался... – вспомнил Забит и процитировал. – Зарэжу, парэжу, мохнатые скотины!

– За что он Вас с братом так не взлюбил? – неосознанно подколот друга Яков.

– Он, вообще-то, животным говорил, – обиделся азербай-

джанец.

Во время их беседы к воспитателю, держа в руках очки с треснутым стеклом и обломленной дужкой, обратился заплаканный Савва с размазанной по лицу кровью:

– Не ругайте Даню! Он не виноват!

– Господи! С тобой-то чего приключилось? – ахнув, удивилась Галина Семёновна.

– Понимаете, Данил заступился за меня! Он никого не хотел обидеть! Тимофей сам спровоцировал драку, – всхлипывая, изъяснился пухляш.

Воспитатель вздохнула и ответила:

– Что ж, придётся разбираться...

6

Капитан Трофимов неохотно вылез из милицейской “четырки” и, крепко потянувшись, проследовал к подъезду древнего четырёхэтажного дома, расположенного на самой окраине большого города.

В этих чрезвычайно неблагополучных районах всё выглядело серо и тоскливо. Здания, покосившиеся и мрачные, не превышали в высоту пяти этажей. Их стены покрывали выбоины и потёки, а некогда жёлтая краска во многих местах уже давно отколупалась.

Данная часть Гродска заросла высокими тополями и карагачами, плотной стеной перекрывшими всякую видимость на близлежащие окрестности. Искорёженный асфальт пошёл буграми и трещинами. Он буквально стоял дыбом и из его

расщелин лезли кучи разных сорняков.

Детская площадка представляла собой собрание различной непригодной для игр рухляди, ржавой и сгнившей. Когда-то озорные девчонки и мальчишки пользовались здешними качелями, высокой горкой, песочницей и каруселью. Теперь всё это было сломанным. Ребятишки, однако, несмотря ни на что, весело резвились на сём клочке. Они являлись теми немногими, кто напоминал Алексею, что данные районы ещё жилые.

Вообще контингент здесь собрался не богатый, но достаточно пёстрый. На углу готовящегося под снос здания курили дамочки с растрёпанными волосами, одетые в крайне вызывающее шмотьё: рваные джинсы и майки с декольте, сильно обнажающим часть их груди. В стороне от них, по уходящей вглубь зарослей тропинке, брела компания из пяти парней, участники которой громко выразительно матерились и шатались от куста к кусту, едва держась на ногах. Также на соседней улице у хлипкого заборчика на куске поролон дрых бомж, чьё лицо покрывали мерзкие язвы, а длинные засаленные волосы спадали прямо на закрытые глаза.

Следователю жутко не нравилась территория старого Гродска. Он её просто не выносил, и ему хотелось поскорее убраться отсюда.

– Пашка, куда пропал? – не оборачиваясь, окликнул лейтенанта Трофимов.

Сергеев стоял у самого края отвесного склона и смотрел вниз, на устланный здоровенными лопухами пустырь, где возвышался полуразваленный заброшенный дом с рассохшимися оконными рамами без стёкол, позади коего шелестели джунгли высоких деревьев. От последнего третьего этажа строения не осталось практически ничего, кроме нижних контуров из красного кирпича. Крупный пролом в стене первого этажа открывал вид на захламлённые внутренности здания.

Услышав Алексея, лейтенант примял зачёсанные набок волосы и лениво обернулся. Старший по званию уже беседовал с тремя облепившими его бабушками на крыльце четырёхэтажки.

Вздохнув, Павел поплёлся к ним, под дырявый козырёк.

– Значит, когда, говорите, исчезла Ваша урна? – открыв блокнот, приступил к выяснению деталей капитан.

– Две с половиной недели назад, – запинаясь, озвучила одна из женщин.

– Она, получается, находилась вон там? – указав пальцем на погнувшиеся железные ножки рядом со скамейкой, предположил Алексей.

– Всё верно, – подтвердила другая пенсионерка.

– Как Вы обнаружили пропажу такой драгоценности? В какое приблизительно время? – с серьёзным видом уточнял Трофимов.

– Значится, я вышла... часов в десять утра. Её уже тогда

не нашлось. Я, обычно, сижу на лавочке, читаю газеты на свежем воздухе, общаюсь с подругами... – начала подробно излагать женщина, поспешно прерванная капитаном:

– В десять утра она окончательно испарилась, – повторил Алексей и сделал пометку в своём блокноте. – Опишите, пожалуйста, как выглядела жертва вандализма?

Немного поразмыслив, бабушка ответила:

– Круглая, синяя, с идеально ровной поверхностью. К дну вроде бы сужается.

– Угу, с ровной поверхностью, к дну сужается, – конспектировал капитан.

– А ног у неё случайно не было? – едва сдерживая смех, поинтересовался Сергеев.

– Пашка, заглохни! – оборвал его Трофимов, чьи губы всё же расплылись в улыбке. – Кхе-кхе... продолжим. Во сколько часов Вы видели урну в последний раз?

– Последний раз я видела её примерно в два часа ночи. Понимаете, у меня бессонница. Даже таблетки порой не помогают. В подобных случаях я люблю запереться в туалете и поразгадывать кроссворды. Но тогда я пошла на кухню. Навела себе чаю, по обыкновению положила в него две ложки сахара и достала сушки. Грызть столь задеревеневшие вкусы себе дороже, поэтому я сперва обсасываю их, размягчаю слюной и потом уже жую, – Алексей терпеливо внимал, периодически закатывая глаза и нервозно постукивая каблуком своего ботинка об асфальт. – Перед тем как сесть за стол,

я выглянула в окошко. Урна была на месте. На детской площадке околачивалась какая-то скверная компания. Правда, для наших районов ничего удивительного...

– Ох, точно! – подхватила пенсионерка с тростью, теснящая позади всех. – Здесь постоянно мелькают подозрительные лица. По ночам спать невозможно! Крики, вопли, смех. Мы милицию и вызываем! Только что толку? Покажитесь раз, потом только обещаетесь. Никакого дела до нас нет! При том, что я – уважаемый человек! Прошла Великую Отечественную войну! – поведала женщина и выставила вперёд грудь, где красовалась награда. – Это орден” Красного знамени”...

– Я всё понимаю. Поймите и Вы нас. В городе полно убийств. Расследование пропажи урн...

– Никого не интересует, – цокнув, закончила речь капитана пенсионерка.

– Вы неверно трактуете мои мысли. Мы относимся со всей серьёзностью к каждому вопросу. Проблема в том, что у нас катастрофическая нехватка кадров. Приходится сортировать дела по степени их важности и целесообразно распределять имеющиеся силы. Наш профиль – маньяки. С гражданами работает участковый, сегодня мы лишь временно заменяем его, – разъяснил офицер.

– Кстати, Алексей Викторович, почему Олегу проиграли Вы, а разгребаем мы вдвоём? – упёр руки в бока лейтенант.

– Жизнь несправедлива, – пожал плечами Трофимов и не

без иронии попросил бабушек. – Позвольте мне с коллегой осмотреть место преступления.

– Конечно, – хором разрешили те.

Присев на корточки, капитан стал внимательно изучать покорёженные железные ножки синего цвета, около коих валялся мусор.

– Хм, интересно, – задумчиво прошептал старший по званию и обратился к пожилым женщинам. – Не улавливали ли Вы каких-нибудь странных настораживающих звуков той роковой ночью? Какого-нибудь шума?

– У нас тут всегда шум, я же Вам уже говорила! Поэтому мы стараемся не обращать внимания!

– Ясно, – недовольно фыркнул Алексей и пробубнил себе под нос. – Как можно расследовать дело, если нет никакой информации? Никто ничего не слышал, никто ничего не видел. Прекрасно!

– Что там? – полюбопытствовал Павел, склонившись над капитаном.

– Урну не открутили от держателей. Скорей отсекли. Смотри, вот шероховатый круглый срез болта. И на другой стойке идентичный. В данных местах ножки стыковались с урной, – Трофимов на время впал в замешательство. – Кому, интересно, понадобилось срубить урну с держателей? Зачем??!

– Знал я одного чудика... Он, когда выпивал, мусорное ведро на голову напяливал и носился по квартире. Плохо,

правда, кончил. Говорили ему, что не практично с таким шлемом на тыкве бегать, однако он пока с балкона не спикировал, не поумнел, царствие ему небесное, – подвёл черту Сергеев. – А ведь до этого всё обходилось дверными косяками.

– Я серьёзно, Паша...

– Будто я шучу, – хмыкнул лейтенант. – Отскребать кровавую лепёшку ведроголового с асфальта то ещё занятие.

– Давай уже перестанем острить и пораскинем мозгами, – предложил Алексей.

– Полно Вам, товарищ капитан! Мне кажется, Вы слишком усложняете. Чего тут думать? Разве у нас не хватает хулиганов? Пакостников всюду достаточно. Навредить от безделья решили. С какой ещё целью её можно снести? – не понимал Сергеев.

– Может, ты и прав. Тогда твои хулиганы явно оснащены инструментами.

– Нынче даже упыри продвинутые, – заметил Павел.

– Не слишком. Болгарки у них, судя по неаккуратному и кривому срезу с зарубками, точно нет. Да и шестигранного ключа тоже. Смахивает на грубый деревенский метод “Топор есть, сила пригодится”. Признаться, одного придурка с таким промысловым оружием нам более чем достаточно!

– Да уж, Гринюк самый настоящий кошмар наяву. Брр! Убийства прекратились, а всё равно не спокойно как-то. И мы, казалось бы, не бездействовали, хотя по факту ничего на

него не накопили. Сколько людей опросили, сколько объявлений переклеили... ещё по десять раз прочесали все магазины Гродска, где в ассортименте числились долбаные маски, и впустую...

Павел поймал на себе озадаченный взгляд пенсионерки с тростью и, вздохнув, повторил:

– Маски, бабушка! Резиновые такие, на лицо натягиваются...

– Я ещё не ископаемое, знаю, о чём речь! – буркнула женщина. – У моего сына, Васечки, буквально в паре кварталов отсюда целая лавка с причудливыми вещицами.

Трофимов с интересом повернулся к ней и осведомился:

– Разве здесь есть подобные магазины? Мы объездили весь город, и в этих районах нам не встретилось ничего подходящего, только “Фитилёк” за пустырьём. И то оказалось, что они предлагают исключительно фейерверки.

– Плохо, значит, рыскали, – упрекнула старушка. – Васина торговая точка “Карнавал” называется. Он свой бизнес уже давно ведёт. В последнее время прибыль несколько упала, но на жизнь хватает.

Алексей, почесав подбородок, пристально уставился на Павла.

– Чего Вы на меня так смотрите? – съёжился Сергеев.

– Напомни-ка, весельчак, кто наводил сводку по тутошним магазинам?

– Ну... я был тогда малость загружен и поручил Агееву от-

метить на карте места их расположения, – признался лейтенант.

– Халтура, Пашка! Между прочим, из-за таких вот огрех от нас вечно что-нибудь ускользает, – с досадой констатировал Алексей, встал с корточек и выпрямился в полный рост. – Ещё нашёл, кому доверить картоведение. Агееву! Тыфу! Удивительно, как он вообще смог что-то найти.

– Да нормально всё у него с картами. Ну, облажался чуть. Просто сработал человеческий фактор, – оправдывался лейтенант.

– Во-первых, облажались! Причём, ты в большей степени! А во-вторых, засунуть бы Вам с Агеевым Ваш фактор в одно место! Вот что происходит, когда тебя в отделе разрывают на части и не дают тщательно контролировать процесс расследования! Ладно, лучше поздно, чем никогда. Придётся на днях наведаться в эту лавку...

– Думаете, спустя столько времени есть смысл? – усомнился Павел.

– Нам важна любая возможность найти хоть какую-то, пусть даже самую незначительную, зацепку! Если мы будем разбрасываться ими, то хреновые из нас следователи, дружок! – подметил Трофимов и, сняв с себя милицейскую фуражку, вытер взмокший лоб рукавом кителя.

7

После визита в медпункт Савва, из чьих ноздрей торчали кусочки побагровевшей ватки, рассказал воспитателю с

вожатыми всё, как есть. Он был не из тех, кто что-то утаивал, особенно если дело касалось его безопасности. Толстячок детально изложил эпизод в столовой, когда Тимофей, Яков и Забит не дали им спокойно поесть, а также поведал о происшествии во время игры в догонялки.

Внимательно выслушав мальчика и задав ему уточняющие вопросы, Галина Семёновна отправила Осипова с Бабуриным в зал, пока сама пошла беседовать с компанией светловолосого хулигана.

По окончании разъяснительных мероприятий, воспитатель настоятельно попросила задир впредь подобным образом не поступать. Те заверили её, что схожих инцидентов больше не повторится, и извинились перед пухляшом.

– Замечательно! Теперь пожмите друг другу руки! – потребовала Галина Семёновна у враждующих сторон.

Нехотя, Данил протянул-таки свою пятерню Тимофею, под глазом которого переливался фиолетовый синяк. Тот пожал её, но одарил Осипова недобрим, воинственным взглядом, показывая, что это ещё не конец.

Савва же испытал облегчение. У него будто камень с души упал. Он, наконец, успокоился и прекратил бояться озлобленную тройцу. И на безбашенных, оказывается, управа имеется.

Правда, покой очкарика длился недолго.

Обменявшись рукопожатиями, все пятеро поплелись в комнату. Тим, пропустив Якова и Забита вперёд, преградил

путь своим оппонентам и угрожающе заговорил:

– Наябедничали, ссыкуны? Думаете, легко отделались? Нифига, только хуже сделали! Вам кранты, сладкая парочка! И если опять нажалуетесь этой тётке... пеняйте на себя!

– Хочешь, чтоб я тебе второй глаз разукрасил? – усмехнулся Осипов.

– Накинулся на меня, как крыса, исподтишка и решил, что всё под силу? Зря осмелел, лопоухий, – оскалился хулиган и, пихнув Данила плечом в плечо, удалился со словами. – Надеюсь, медпункт работает круглосуточно, тебе пригодится!

У Бабурина внутри вновь всё опустилось. Комок подступил к его горлу, жирные складки на коем вяло обвисли. Затеребив в руках очки с примотанной изолентой дужкой, толстячок застонал:

– Я хочу домой, Даня. Мне здесь не нравится. В первый же день столько неприятностей!

– Не раскисай, Савва! И перестань уже трястись от страха! Мы сюда приехали не для того, чтобы по стеночке ходить! Тем более, ты тут не один! Есть я, есть Федя! Всякого приструним, верно? – спросил Осипов подходящего к ним Дубовцева.

Тот закивал головой и добавил:

– Мы же друзья!

– Обещаете, что не дадите меня в обиду? – осведомился пухляш.

– Обещаем! – хором ответили его товарищи.

– Но и ты обещай, что всегда будешь готов вступить за нас! Лишь сплотившись, мы сможем дать обидчикам отпор! – резюмировал Данил.

Немного помявшись, Бабурин согласился:

– Обещаю!

Осипов вытянул вперёд руку. На неё легла пятерня Феди, а на Федину – Саввина.

– Что бы ни случилось, теперь мы – неразлучные друзья! Поклянёмся в верности друг другу! Я, Данил Осипов, клянусь!

– Я, Федя Дубовцев, клянусь! – подхватил второй.

– Я, Савва Бабурин, тоже клянусь! – неуверенным, дрожащим голосом выдавил третий.

Закончив церемонию, они гордо зашагали в комнату, где дождались приглашения на ужин.

Вкусно подкрепившись, отряд возвратился в корпус.

Ксюша и Инна собрали ребят в зале. За окном полыхал закат. Солнце медленно уходило за горизонт, скрываясь за остроконечными пиками тёмного леса.

– Сейчас нам предстоит выбрать название отряда, его командира, и сочинить девиз! – озвучила планы блондинка.

Вожатые уже припасли заготовки. Они огласили несколько версий наименования отряда и вывели их мелом на доске:

НЕПОСЕДЫ

ШУБА-ДУБА

ГОСПОЖА ФОРТУНА

ИСКАТЕЛИ ОТ ВИНТА ИСКРА ЛЕШИКИ

Начались бурные дискуссии. Кто-то из ребят даже предложил свой вариант, понравившийся Инне. Поэтому она выдвинула на голосование и его.

Затем каждому раздали по четвертинке листочка, на коем следовало черкнуть один, больше всего понравившийся, заголовок. Спустя минуту бумажки собрали. Вожатые, подсчитав количество голосов, записали рядом с названиями цифры.

“НЕПОСЕДЫ” набрало два балла, “ШУБА-ДУБА” пять, “ГОСПОЖА ФОРТУНА” один, “ИСКАТЕЛИ” пятнадцать, “ОТ ВИНТА” ни одного, “ИСКРА” три и “ЛЕШИКИ” четыре.

– Что ж, с внушительным отрывом победило название “ИСКАТЕЛИ”! – торжественно объявила Ксения. – Значит, наш отряд будет именоваться именно так! Далее нужен девиз!

Дети снова загалдели и стали предлагать различные речёвки. В итоге, кричалку собрали по частям, общими силами: *“Наш девиз не унывать, всё пройти и всё узнать!”*.

– Видите, как дружно у нас получается! Итак, девиз, отмеченный Инной на доске, следует выучить всем. Отныне, направляясь в столовую, на мероприятие или куда-либо ещё,

всегда громко и весело проговариваем его!

В заключении состоялись выборы командира отряда. Сию должность занял высокий атлетичный парнишка. Краем уха Данил услышал, что он здорово гоняет в футбол, так как тренируется в школьной футбольной команде. Ксения, кстати, обмолвилась, что завтра намечается игра против второго отряда.

Когда ребята хотели расходиться, Ксения попросила, чтобы каждый подошёл к ней и по желанию записался в предлагаемые лагерем кружки.

Данил, Федя и Савва предпочли моделирование. Сперва они остановились на лего-конструировании, однако потом Дубовцев почему-то передумал, заставив отказаться от данной идеи и своих друзей.

8

Серафим Григорьевич стоял у забора своего ветхого бревчатого домика в деревне Малые Дуки и, опёршись на кривой берёзовый посох, наблюдал за тем, как тяжело шагающие коровы с раздувшимся выменем неторопливо возвращаются с пастбища, спускаясь со склона, на котором начинался лес. Пастух Николка брёл с прутиком в руке, подгоняя отстающих от общей массы животных.

Серафим был одиноким пожилым мужчиной, чьи волосы поседел много лет назад. Всё его хозяйство составляла рыжая корова с белыми пятнами на боках Калинка да свинья Глафира. Они жили в полуразваленном хлеву с покосившей-

ся на бок крыши позади дома, находящегося на окраине поселения.

Когда-то Серафим держал куда больше скота: множество кур, гусей, индюков, кроликов, двух коров, трёх свиней и лошадь. Даже сторожевая дворняга имела. Свои прямые обязанности она выполняла не сказать, чтобы хорошо, зато являлась крайне преданной своему хозяину.

Всё шло замечательно, пока жена Серафима не умерла, и он не смог тянуть всю работу на себе. Птиц, кроликов и пару свиней пришлось зарезать, а лошадь с коровой продать. Собака, единственная забава и утешение старика, тоже померла. Вот и остались у него только Калинка с Глафирой.

Сын с дочерью давно не приезжали к Серафиму в Малые Дуки, увязнув в делах и заботах. Они создали собственные семьи, и на родного старика им не хватало времени.

Серафим забеспокоился. Куда же, интересно, пропала его Калинка? Стадо уже преодолело луг, но его корова до сих пор не объявилась. На пути следования парнокопытных домик старика располагался ближе остальных. Калинка должна была приковылять обратно!

Мужчина стал нервно постукивать дряхлой морщинистой рукой по деревянному рассохшемуся столбцу, к которому крепилась дверца калитки.

Ярко-жёлтое пылающее солнце, постепенно уходящее за горизонт, отбрасывало золотистые лучи на макушки сосен и елей. Небо заиграло предзакатными красками.

“Заблудилась, поди, потерялась, бедняжка! А вымя-то, наверное, полное, болит!” – обеспокоенно думал Серафим, смотря в сторону залитого солнцем леса.

Немного поразмыслив, он решил отправиться на поиски Калинки. Корова – не курица, денег внушительных сто́ит. И польза от неё колоссальная, исправно ведра по три молока даёт. Она, может, блудняя, скоро и сама придёт, но какое-то нехорошее предчувствие не давало Серафиму покоя. Вдруг чего случилось с его рогатой? Никогда ещё она так не задерживалась.

Опираясь на свой посох, Серафим начал нелёгкий подъём по склону, утыканному хвойными деревьями. Шишки под ногами напоминали разбросанные по скользкому паркету шарики, не дающие спокойно передвигаться.

Старик шёл медленно. Его дыхание было тяжёлым, с пыхтением и сопением. Он периодически останавливался и оценивал пройденный путь.

Спустя долгие восемь минут Серафим оказался на вершине склона. Отдышавшись, он принялся углубляться в лес, виляя между стволов с толстой бороздчатой корой красно-бурого цвета.

Где-то в чаще раздавался стук дятла. Над головой Серафима затрещала чёрно-белая длиннохвостая сорока, усевшаяся на толстой ветке сосны, густо покрытой тёмно-зелёной хвоей. Старику даже почудилось, что он услышал жалобный и протяжный вой волка, отчего ему стало не по себе.

– Калинкааа! – громко и отчаянно звал Серафим корову. – Калинкааа! Где ж ты, дорогая?

Чёрные тени постепенно окутали дебри, сделав их мрачными и враждебными. Солнце практически полностью скрылось за деревьями.

Сердце Серафима замерло, когда он растоптал сухую ветку, издавшую оглушительный хруст, разнёсшийся эхом по всему лесу.

– Тьфу! Чёрт бы побрал эту ветку! – выругался старик.

Впереди он заметил повалившуюся сосну. Рядом с её макушкой, утопшей в папоротнике, росла гигантская ель. Серафим отметил, что совсем близко “Багровое” озеро.

– Эх, как же далеко я забрёл. Нигде нет моей Калинки. Ох, беда-беда! Но попытаться стоило. Теперь пора возвращаться домой, скоро стемнеет. Тогда я собственные пальцы не признаю, – бормотал себе под нос старик.

Оказавшись у ели, он уже намеревался идти обратно, как вдруг краем глаза уловил какое-то молниеносное движение меж деревьями. Серафим прищурился, однако не увидел ничего, кроме мирно стоящих, как столбы, сосен да елей.

– Хех, видимо, померещилось, – с облегчением выдохнул он и только подался вперёд, как что-то вновь промелькнуло тёмным, размазанным пятном с другой стороны.

Серафим стал лихорадочно оглядываться, прижавшись к мощному стволу ели. Он почувствовал мурашки, покрывшие его морщинистое тело, и сглотнул комок, колом застряв-

ший в его пересохшем горле.

– Кто здесь? – хриплым, сдавленным голосом спросил Серафим, но никто ему не ответил.

В висках бешено запульсировала кровь, уши оглушил невыносимый звон, а на лбу выступили капельки холодного пота.

Сзади он различил чьи-то шуршащие шаги, переходящие в скачки. Почва слегка завибрировала. К старику приближалось что-то массивное и крупное, что-то очень тяжёлое.

Не выдержав, Серафим крепче сжал в руке посох и с криком обернулся. Никого...

– Неужто галлюцинации? – учащённо дыша, словно после ночного кошмара, вслух поразился он. – Кто здесь? Отзовитесь! – провопил он и услышал звук, заставивший застыть кровь в его жилах.

Это был незнакомый ему доселе злобный урчащий рык.

Сердце Серафима сжалось до сильной боли, его голова закружилась. Упасть ему не позволил верный друг – посох. Вцепившись свободной рукой в ствол ели, старик зажмурил глаза и зашептал молитву, быстро шевеля своими сухими потрескавшимися губами: “Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речёт Господеви: Заступник мой еси и Прибежище моё, Бог мой и уповаю Нань...”.

Сверху голову и плечи Серафима осыпали обломленные веточки, которые попали, в том числе, и за шиворот рубахи старика.

Серафим медленно поднял дрожащую голову, и ему на лицо капнули густые прозрачные слюни.

Тут старик испытал дичайший ужас, пронзивший каждую его клеточку.

Он отбросил посох и собрался бежать, как что-то, спрыгнув с дерева, повергло его на землю в густые заросли папоротника.

9

– Нахрен я оставил маску в хижине? Была б при мне, сохранил бы морду целой, – вслух размышлял высокий лохматый мужчина, пробираясь сквозь колючие ветки кустарников.

Его худощавое лицо с впалыми щеками и грубой щетиной пестрило ссадинами, сочившимися кровью.

В мозолистой правой руке, затёкшей и постоянно поднывающей, он держал топор с обмотанной белой изоляцией рукоятью и острым металлическим лезвием, на коем застыли тёмные кровавые пятна. Мускулистое тело, заколотое татуировками Дьявола, Демонов и Бесов, укрывала подрванная тряпичная рубашка грязно-серого цвета, небрежно заправленная в чёрные брюки, изобилующие жирными и солевыми разводами. Ноги же потели в кожаных армейских берцах с резиновой подошвой на гвоздях.

Ощущение голода усиливалось, обостряя все чувства. Ему срочно требовалась еда, требовалось мясо.

По привычке облизав кончиком языка бугор, оставшийся

от среднего пальца левой руки, дровосек взмахнул топором и мощным ударом срубил ветку ели, висящую на уровне груди.

Мужчина неторопливо осмотрелся по сторонам. Рядом не оказалось ни одного живого существа. Даже птицы примолкли. Лес был мёртвым. Нехорошо!

Почесав затылок обухом топора, подозрительный тип двинулся дальше, сшибая носками ботинок корявые поганки.

Видимость ухудшилась. Солнечные лучи постепенно блекли. Теперь приходилось шуриться, чтобы не сбиться с дороги.

Впереди возникла поляна, служащая его условным ориентиром – до хижины оставалось чуть-чуть.

Откровенно говоря, охота сегодня не удалась. Да и как бы ей прилично сложиться, если во всей округе не нашлось дичи?

Мужчина вышел на луг, легко покручивая топором, со свистом впивающимся в воздух.

Вдруг он выцепил взглядом крупный затенённый предмет, валяющийся в траве у срубленной сосны. Осторожным шагом татуированный хмырь приблизился к объекту и смог опознать его.

Это была туша рыжей коровы, разрезанная на две части в области вымени. Над раной, из которой вывалились кишки, кружил жужжащий рой мух.

Изучив труп внимательнее, дровосек заметил, что из тела животного выдраны большие куски плоти, а также обнару-

жил следы чьих-то зубов, по форме не похожих на человеческие.

Он ухмыльнулся и, посмотрев на появившийся в небе месяц, подытожил:

– Выходит, я не единственный мясник в здешнем лесу...

10

Пятница, девятое июня

Данил, как и его друзья, не выспался. Когда объявили подъём, Осипову, вырванному из сладкого сна, захотелось поглубже зарыться в нагретое за ночь пространство под одеялом и продолжить путешествие по стране грёз.

Хриплый и противный голос Галины Семёновны резал слух и выводил из себя. “Дерьмовенькое начало дня” – подумал Данил и, спрыгнув с кровати, напялил на себя одежду.

Савве же подобное давалось куда сложнее. Он еле застегнул ширинку на штанах и теперь натужно влезал в футболку.

– Хей, жиртрест, зачётные сисяндры! – насмехательски обратился к очкарику хулиган с зелёным ирокезом. – Семенович бы обзавидовалась!

– Ога. Размерчик нефиговый, – гоготнул Забит и дал корешу “пять”.

Пухляш покраснел и, повернувшись спиной к мальчишеской спальне, скрыл-таки своё дряблое тело под тканью.

Федя, заметив, что Осипов закипает от очередной провокации, сказал:

– Даня, не ведись на них! Пусть подавятся от злости...

Осипов проскрипел зубами, но прислушался к приятелю и выдохнул.

Несколько минут промучившись с заправкой постели, он дождался Дубовцева с Бабуриным и выбрел в зал.

Посмотрев в окно, Данил увидел красивый рассвет. Из-за макушек сосен и елей выплывало солнце. Лучами света оно разгоняло тьму и осыпало золотом зелёную хвою. Уходящая ночь задержалась лишь в вышине, где небо оставалось тёмно-синим.

– Все спускаемся на зарядку! – раздался приятный, не сравнимый с воспитательским, голос Инны.

Осипов с товарищами послушно проследовал вниз по лестнице на первый этаж, откуда выбрался на улицу.

Утренняя прохлада заставила мальчика съёжиться и тщательно растереть плечи руками.

Гимнастика стартовала с бега вокруг корпуса. Здание полагалось обогнуть восемь раз, однако некоторые откровенно халтурили, останавливаясь за углом и выжидая, пока одноотрядцы преодолеют дистанцию. В концовке они подключались к общей массе, силясь симитировать уставший вид.

Данил с Федей добросовестно пробежали восьмёрку. Савва тоже старался и осилил четыре круга, что для него являлось весомым достижением.

По завершении небольшого марафона Ксения распределила ребят в три шеренги по десять человек. Вожатые принялись показывать упражнения: вращения головой, поворо-

ты туловища, наклоны и многое другое. Дети неохотно повторяли за ними.

Осипов ощутил, что, наконец, прекратил трястись и согрелся.

После зарядки отряд вернулся в корпус и приступил к умыванию. Данил выудил из рюкзака тюбик пасты, щётку и полотенце, а затем занял очередь в ванную комнату, располагающую двумя раковинами.

Из-за ребят, столпившихся позади, Осипов был вынужден второпях ополаскивать глаза и чистить зубы. О тщательности речи не шло, учитывая, что следом за Данилом стоял сверкающий синяком Тимофей, возмущённый долгим ожиданием.

Когда все привели себя в порядок, Инна сделала объявление:

– Пора на линейку!

Ребята вновь сбежали по лестнице на первый этаж и стали обуваться.

11

Алексей вышел из кинотеатра со своей женой Леной в погожий летний день и сразу же устремился к ларьку “ЭСКИ-МОс”, где купил два шоколадных рожка.

– Ты вливаешься в мороженку как настоящий вампир в шею жертвы, – хохотнула девушка, наблюдая за мужем.

– До сих пор под впечатлением от “Блэйда”? – ухмыльнулся измазавшийся глазурью Трофимов, шагая по тротуару

мимо детской городской библиотеки.

– Ну...как сказать. Мне нравятся фильмы о крутых мужчинах в тёмных плащах, – пояснила Лена.

– Аа. То есть, ты весь фильм любовалась накачанным телом Уэсли Снайпса? Включая его наливные губы.

– У него ещё неплохая причёска и татухи.

– Я решил, всё дело в усиках и острых клыках...

– Ахах, это тоже.

– Как думаешь, мне стоит почернеть, подкачаться и забиться наколками? – похрустывая вафельным рожком, иронично спросил Алексей.

– В столь губительную жару первый пункт ты осуществишь очень скоро, – помахивая рукой перед взмокшим лицом, заметила его жена и добавила. – Но меня в тебе, по секрету, и без того всё устраивает.

– Смотри осторожней, я ведь могу укусить тебя не только за шею, – подмигнул ей муж и поцеловал в щёчку подведёнными шоколадом губами.

Пекло на улице стало совсем невыносимым и казалось, что кожа вот-вот покроется румяной корочкой. В воздухе стоял запах раскалённого асфальта и сухой скошенной травы, которую стригли триммером на близлежащем газоне.

– Я сейчас словлю солнечный удар, – поделилась Лена, покрасневшая, словно помидор.

– Недалеко парк. Если хочешь, дойдём до него и отдохнём на лавочке в тени деревьев, – предложил Трофимов.

– Давай лучше прогуляемся до Ирки? У неё есть вентилятор. Я, заодно, заберу свои учебные пособия.

– Будто ты не знаешь, что я терпеть не могу твою Ирку. Меня у неё на квартире тоже удар хватит, только не солнечный...

– Милый, она тебя уважает и действительно ценит за то, что подруга её детства в надёжных руках...

– Это называется чёртово лицемерие. Не она ли советовала тебе приглядеться к другим мужчинам, когда ты уже была в браке?

– На первых парах у неё имелось недоверие к тебе, но те времена позади... – убеждала мужа девушка.

– Плевать. Я к ней ни ногой, – категорично заявил Алексей. – Поймаю тебе такси, а сам чухну до дома, к сыну. Он, поди, умотал мою маму. Мы, между прочим, просили её посидеть с ним только пару часиков...

– Ладно, – согласилась расстроенная Лена. – Я постараюсь не задерживаться...

В кармане автобусной остановки дежурила ВАЗовская “пятёрка” с шашкой на крыше. Трофимов подскочил к ней и, уточнив у водителя стоимость поездки, внёс оплату, следом определив супругу в душный салон машины с опущенными стёклами.

– Хей, родной, не дуйся. Тебе не идёт хмурая гримаса... Люблю своего кролика! – послав мужу воздушный поцелуй с переднего сиденья такси, призналась девушка.

Обиженный тем, что жена прерывает их чудесный выходной походом к подруге, Алексей натужно выдавил улыбку и сухо бросил:

– Я знаю.

Водитель с трудом завёл нагревшуюся на солнце “пятёрку” и вырулил её на проезжую часть. Лена, высунувшись из открытого окна, замахала Трофимову рукой, но увидела в его глазах панический страх. Она не поняла, с чем подобное было связано. Лишь услышала оглушительный звуковой сигнал такси, слившийся с воплем шофёра и её мужа, беспомощно застывшего на тротуаре.

Затем раздался мощнейший удар, и для девушки наступила темнота...

Прерывисто дыша, капитан проснулся в холодном поту и, сглотнув слюну, приподнял туловище.

Та страшная авария, случившаяся несколько лет назад, проносилась в его голове почти каждый Божий день. Алексея съедала смешавшаяся с неутихающей болью вина, ведь именно он отправил жену в последнюю в её жизни поездку, перед этим даже не ответив ей взаимностью.

Потерявшая управление огромная фура, выскочившая на встречную полосу, снесла отбившую с автобусной остановки “пятёрку” и не оставила находившимся в ней людям шансов.

Сильно пострадавшую Лену реанимировали, однако в сознание она так и не пришла. Муж с сыном сутками просиживали у больничной палаты, пока на третий день врачи не

сообщили шокирующее известие.

На электронных часах горели красные цифры **08:54**. Во-ва ушёл в школьный лагерь чуть меньше часа назад, и в просторной комнате висела тоскливая тишина.

Трофимов печально посмотрел на старый комод, заставленный семейными фотографиями в рамочках.

На одной Алексея, жарящего шашлыки на мангале, обнимала молодая жена. Данный снимок остался после первой совместной поездки счастливой пары за город, на речку. Мясо тогда знатно подгорело и им пришлось грызть куски, покрытые сухой чёрной коркой, что, впрочем, не испортило впечатления от отдыха на свежем воздухе.

На другом фото Трофимов стоял с Леной у фонтана в сквере. Он нежно целовал беременную девушку, чей животик выглядел уже достаточно округло.

Измазанные мазутом лица показывал третий снимок. Супруги ковырялись под капотом первой машины милиционера, “Копейки”. Тот случай запечатлели у ворот в сады. Алексей направлялся на отцовский участок за хранящейся там коляской для своего готовящегося появиться на свет ребёнка, пока “Жигули” не заглохли, вынудив чинить их на месте.

Следующее изображение рассказывало о том, как радостный новоиспечённый отец забирал из роддома свою возлюбленную, подарившую ему сына, коего сияющий мужчина держал в хлопчатом синем конверте.

Крайний кадр был из цирка, где семья Трофимовых во

время антракта сфотографировалась с обезьянкой в пёстром костюмчике. Забавного зверька дали в руки шестилетнему Вове, смеющемуся в объектив камеры.

Алексей перевёл взгляд на древний пыльный телевизор с кинескопом, возвышающийся на тумбочке напротив кровати. Он сохранился ещё со времён его знакомства с Леной.

Рядом со стенным шкафом в коричневом горшке раскинулась выращенная женой финиковая пальма, ныне окружённая бережной заботой милиционера.

Здесь всё напоминало о Лене, самой любимой и дорогой ему женщине...

Офицер свесил ноги с кровати и, уткнувшись в мягкие махровые тапочки, поддел их кончиками пальцев. Шоркая по неровному линолеуму, Трофимов неторопливо пробрался на кухню. Там он, почесав зудящее правое плечо с татуировкой черепа с перекрещенными под ним автоматами, нащупал выключатель и нажал на него.

Небольшую комнатку залило ярким светом, вызволившим из мрака невысокий, но статный и крепкий силуэт Алексея в семейных трусах, украшенных чёрными полосками.

К слову, капитан вкрутил новую лампочку совсем недавно. До домашних дел его руки доходили крайне редко. С момента гибели Лены в квартире процветал беспорядок. Отсутствие в доме женщины ощущалось весьма значительно.

Трофимов, оказавшись у круглого стола, накрытого кле-

ёнчатой скатертью с изображением спелых ягод клубники, взял с него увесистую глиняную кружку, на которую была прилеплена потёртая со временем наклейка с сердцем, пронзённым золотой стрелой купидона. Эту кружку ему когда-то вручила супруга. Милиционер грустно улыбнулся, и его глаза повлажнели.

Под кружкой Алексей обнаружил записку на неаккуратно вырванной четвертинке листочка: **“Я приготовил тебе завтрак, он в тарелке под целлофаном. P.S. Если задержусь, не теряй...”**.

– Ты потерялся, как не стало мамы... – задумчиво прошептал офицер и тяжело вздохнул. – Совсем наш сын ко мне не тянется, Леночка...

Под целлофаном томилась глазунья. Улыбаясь розовым кусочком ветчины, она выпучила на мужчину свои круглые ярко-жёлтые глаза, посыпанные зеленью.

Трофимов включил газ на плите, заставив вспыхнуть голубой огонёк, набрал в чайник воды и поставил её кипятиться. Сам он тем временем принялся с аппетитом употреблять сварганенное сыном блюдо.

Вскоре пискляво засвистел чайник, выпуская из носика струйки пара.

Капитан погасил конфорку и заварил себе крепкий лимонный напиток. Взгромоздив кружку на блюдечко, он вернулся с ней в спальню, уселся на краешек кровати и врубил телевизор, под чьё вещание употребил горячий чай.

Далее Алексей поплёлся обливаться. Залезши в ванную, милиционер задвинул плотную шуршащую шторку и только повернул вентили, как сквозь шум падающей воды, приятно массирующей тело, зазвонил телефон.

Нехотя выключив душ, он стянул сотовый с крохотной табуретки и прижал его к мокрому уху:

– Слушаю...

12

Со скрипом отворив тяжёлую деревянную дверь тамбура, Артём с Арсением прошли в свою родную школу, где им оставалось отмучиться всего лишь год.

Холл с пустующими стендами на стенах был абсолютно безлюдным, что ярко контрастировало с его же оживлённым видом во время учебных будней.

С края за столиком сидела пожилая вахтёрша и, с завидной регулярностью смачивая кончик пальца слюной, перелистывала шуршащую газетёнку. Она практически утыкалась в неё носом, периодически поправляя сползающие очки со свисающей цепочкой. На объявившихся парней женщина не обратила абсолютно никакого внимания, продолжая читать корреспондентскую бурду.

Впереди находился кабинет директора с широко распахнутой дверью. Из его чрева доносились громкие голоса преподавателей, нарушающие тишину. Сбоку имелся проход в длинный узкий коридор, куда и проследовали молодые люди.

По левую руку от них располагался гардероб, ограждён-

ный стальными салатовыми прутьями, за которыми во всю длину стояли полуразваленные тумбочки. На них небрежно свалили занавешивавшие окна грязные гардины, наскоро снятые с карнизов.

Правее тянулись низкие скамейки. На одной из них Арсений увидел Полину, утопающую в объятьях своего двадцатитрёхлетнего ухажёра Сергея.

Сеня невольно помрачнел и, сдвинув кепку-арбузку набок, устроился подальше от сей парочки. Тёма, заметив тоску друга, ухмыльнулся и развалился рядом с ним.

– Брови не осыплются от столь сурового вида? – спросил Артём, ковыряясь указательным пальцем в зубах.

Арсений промолчал и ещё больше насупился, уставившись в серый бетонный пол, покрытый паутиной трещинок.

– Окей, не отвечай. Мне всё и так ясно, – отмахнулся его товарищ.

– Чего тебе ясно? – резко и даже слегка грубовато рявкнул Сеня.

– Ты надулся из-за вон той дамочки, хохочущей со своим парнем, – спокойно пояснил Тёма.

– Слушай, отстань! Ничего я не надулся. Мы вообще-то сюда на отработку пришли, а не... – Арсений оборвал фразу и, вздохнув, покачал головой.

– А не что? Твои переживания из ушей скоро ползут! Кто-то втюрился и теперь бесится.

– Неверная догадка, – хмыкнул Сеня.

– Да брось ты, Буратино несчастный. Мне хоть не ври, имей совесть! Можно подумать, я совсем слепой...

– Полина... она хорошая девушка, но досталась какому-то идиоту. Погляди, он увивается вокруг неё, словно змей!

– С каких пор ты стал равнодушным к чужим проблемам?

– Тебе самому происходящее глаз не режет?

– Ни капельки.

– Просто мне её по-человечески жалко!

– Подайся в волонтеры, им тоже всех жалко...

– Я серьёзно. Неприятно наблюдать со стороны, как она потакает этому куску дерьма, страдает из-за него. Разве не очевидно? Сергей ей пользуется, будто Полина какая-то вещь! Тискает, лапает... фу...

– Ей лучше знать. Если она до сих пор с ним, значит, действительно любит, – развёл руками Артём.

– У девчонок мода сейчас такая, поскорей влезть в отношения с парнем постарше. Горела желанием утереть нос подругам, вот только теперь приходится утирать его Серёже. Настоящими чувствами у них совсем не пахнет...

– Ну дык помоги даме в перестройке её скудного мирка, наполни его чем-то новым, завези драйва, – посоветовал Тёма.

– В смысле? – не догнал Арсений.

– В прогнившем коромысле! Попробуй добиться её, дурень! Завоевать! Сделай всё красиво, как истинный мачо!

– Во-первых, я в неё не влюблён... – начал Сеня, однако поймал взгляд Артёма, вскинувшего бровь. – Ладно, хрен с тобой! Прямо в самую душу лезешь... да, нравится она мне! И что с того?!

– Загоняй с ней!

– Ты в сваты записался, а меня не осведомил, да? У неё вон, уже есть одно чудо в перьях, – констатировал Арсений и кивком указал на парочку. – Её бойфренд – Сергей...

– Сергей, – передразнивая, фыркнул Артём. – Не пельмень, подвинется!

– Я не собираюсь лезть в их отношения.

– Давай разберёмся. Тебе её до боли жалко и ты её любишь, но в то же время говоришь, что не планируешь рушить их отношения. Что-то я тебя не пойму, дружище! Тогда к чему обиды, сопли и унылые речи тайного поклонника? Коль на эту парочку тебе глубоко плевать, натяни на рожу весёлую улыбку, выбрось из головы весь мусор и радуйся жизни!

Сняв кепку-арбузку, Сеня отвернулся. Тёма легонько пихнул его в плечо и сказал:

– Не грузись! Я лишь хотел донести, что киснуть из-за всякой фигни не стбит, жизнь – она проще!

– И глупее...

Уши друзей уловили тошнотворные прощания влюблённых и вскоре, оставив Полину на прежнем месте, Сергей прошагал к выходу. Арсений неодобрительно посмотрел в спину отдаляющемуся быдлану и, выражая отвращение, по-

морщился.

По коридору эхом разнеслись шаги учителя, спустившегося со второго этажа. Цокая каблучками своих затасканных туфель, она направилась к ученикам.

Полина вскочила со скамьи и поприветствовала преподавателя.

Тёма с Сеней поднимать пятые точки не торопились, к чему лишние телодвижения?

13

Четвёртый отряд занял отведённое ему место на прямоугольной платформе близ крытой танцевальной площадки. Эту возвышенность, где давно вытоптали траву, окружали дорожки из парных бетонных плиток. В центре стояли две громоздкие колонки, а около них, держа в руке микрофон, суетился какой-то коренастый парень.

По обыкновению, Данил с Федей и Саввой затерялся позади всех и теперь приподнимался на цыпочках, чтобы увидеть хоть что-то сквозь частокол голов перед ним.

Количество детей росло с прибытием остальных отрядов, и вскоре наступила атмосфера полного хаоса.

Ребята напротив “Искателей” оказались самыми буйными. Они постоянно скандалили и выталкивали друг друга вперёд. Дошло до того, что один рыжий курносый паренёк с усеянным конопушками лицом запнулся об угол покорёженной плитки и, в падении ухватившись за плечо румяной толстушки, смачно упал вместе с ней на землю, после чего па-

рочка зарыдала дружным дуэтом. Один – из-за ушибленного пальца на ноге, вторая – из-за содранных локтей и коленей. Осипов знал – подобное дурачество, как правило, добром не заканчивается. Оно продолжается до первых слёз.

Данила кто-то пихнул. Он уже приготовился дать отпор, подумав на Тимофея, однако выяснилось, что его зацепили носящиеся по платформе мальчишки. Озорники юркали в зазоры между отрядами и оббегали галдящую массу детей. Догоняющий кидал в товарища добытый непонятно откуда репей, а удирающий радостно оглядывался и шмыгал носом, на лету срывая с футболки пузатые липучие снаряды, достигшие цели.

– Ещё раз, наш отряд? – выйдя к своим подопечным, перекрикивала шум Ксения.

– Искатели! – хором ответили дети.

– Молодцы! – похвалила блондинка. – Наш девиз?

– Наш девиз не унывать, всё пройти и всё узнать! – драли глотку ребята, правда, на сей раз не столь дружно, в разнорядной. Кричалку они ещё не выучили надлежащим образом и посему запинаясь.

– Не пойму, куда подевалась Галина Семёновна? – поинтересовалась у подружки Инна. – Только же тут ошивалась...

– Не всё ли тебе равно? Радуйся, пока эта тухлая старуха держится в сторонке, – посоветовала ей Ксения.

Вот, протискиваясь через скопление детей, в центр платформы проследовали несколько человек. Парень, хлопчущий

щий над колонками, передал микрофон элегантно одетой тучной даме, чьи чёрные волосы были подстрижены под каре, и отступил в сторону.

– Убавляем громкость! Начинается! Ведите себя культурно! – велела Инна “Искателям” и поднесла указательный палец к накрашенным ярко-красным губам.

Директриса Агния Витальевна, женщина с важным деловитым видом, включила микрофон и проверила звук: “Раз, два, раз...раз, два, раз”. Убедившись в исправности аппаратуры, она обратилась к слушателям.

– Здравствуйте, ребята! Здравствуйте, уважаемые вожатые и воспитатели! – донёсся из динамиков голос Агнии Витальевны. – Смотрю, у нас ещё не все успокоились. Давайте, посерьёзней. Вот так, отлично! Что ж, сейчас уже официально, разрешите поздравить Вас с приездом в наш замечательный оздоровительный лагерь “Тайник Лешего”!

Вожатые зааплодировали, и ребята тут же подхватили их. Директриса, чуточку выждав, подняла руку вверх и хлопот стих.

– По секрету скажу, Вам крупно повезло! – и Агния Витальевна приятно улыбнулась. – Потому что этот лагерь – особенный! Здесь самые заботливые и отзывчивые вожатые, самая вкусная и полезная еда, приготовленная нашими талантливыми поварами, живописная природа с чудесным чистым воздухом, шикарный верёвочный городок, кинотеатр, находящийся в здании столовой, бассейн во втором корпу-

се и много чего ещё! Одним словом, всё сделано для Вас! Скучать в “Тайнике Лешего” точно не придётся, ведь каждый день будет чётко распланирован! На утренней линейке мы вручаем командирам листок с перечнем мероприятий и заданий, которые необходимо выполнить. Так что время Вы проведёте очень весело, увлекательно и, главное, с пользой! На вечерней линейке – подведение итогов минувшего дня, награждение отрядов-победителей и порой даже конкретных, наиболее активных и деятельных, ребят. Проявляйте себя и помогайте собственному коллективу удерживать первенство в общем зачёте. Ну а теперь, по традиции, под гимн России мы поднимем флаг!

Она выключила микрофон и в динамиках заиграла мелодия гимна.

Директриса и те, кто стоял рядом с ней, выпрямились в струну. Двое вожатых принялись торжественно вздывать материю с бело-сине-красными полосами по тонкому стальному флагштоку, возвышающемуся над землёй у одной из колонок. Как только флаг медленно вполз на верх конструкции и стал гордо развеваться под лёгкими порывами утреннего ветерка, музыка плавно смолкла.

Агния Витальевна снова заговорила в микрофон:

– Итак, первый полноценный день в “Тайнике Лешего” стартовал! Дорогие ребята, искренне желаю Вам хорошо отдохнуть за смену и в течение неё собрать внушительный багаж положительных эмоций! Надеюсь, Вам у нас понравится!

Собственно, вводную линейку я объявляю закрытой. Благодарю всех за внимание! И да, напоследок попрошу командиров отрядов подойти к старшему водителю за планом на день.

Командир “Искателей” оказался весьма расторопным и, опередив других, подскочил к молодому высокому пареньку, вручившему ему листочек. Приняв сей важный документ, мальчуган быстрым шагом вернулся к своему отряду, и “Искатели” направились в пятый корпус.

Несколькими минутами ранее...

Пока проходила утренняя линейка, стянувшая основную массу пребывающих в лагере, она смогла незаметно прошмыгнуть к корпусу для обслуживающего персонала.

Женщина подошла к деревянной пристройке здания, подозрительно огляделась по сторонам и, под вещания директрисы “Тайника Лешего” Агнии Витальевны, отворила тяжёлую стальную дверь извлечённым из кармана фиолетовой юбки ключом, после чего скрылась за ней, запершись изнутри.

Над лагерем разнеслась мелодия российского гимна.

14

Войдя на территорию школы, Трофимов проследовал за угол здания к игровой площадке, где веселились дети, среди коих, впрочем, его сына не обнаружилось.

Алексей заметил у забора классную руководительницу Вовы, молодую Алёну Владимировну, трепетно опекающую

своих воспитанников. Женщина тоже обратила на капитана внимание и поздоровалась ещё до того, как он подступил к ней.

– Наконец-то я вспомнила, как Вы выглядите, – усмехнулась учительница. – Во время учебного процесса Вы не жаловали нас своим присутствием на родительских собраниях...

– Да я всё с трупами тусовался, – улыбнулся в ответ милиционер. – Специфические вечеринки. Они ведь ребята молчаливые, а я у них вечно пытаюсь чего-нибудь выведать. Такая уж работа...

– Знаете, куда ни глянь, все утопают в делах, но как-то забывают о своих детях, – посерьёзнала Алёна Владимировна.

– Слушайте, касаясь упущений в учёбе, я...

– Скорей, упущений в воспитании.

– Зачем Вы меня сюда позвали? – напрягся офицер.

– Хотела побеседовать по поводу Вовочки...

– А что с ним не так?

– Если бы Вы чаще осведомлялись о том, что происходит у него в школе, то знали бы, в чём состоит проблема хотя бы в общих чертах, – укоризненно сказала учительница.

– Давайте напрямую, – сморщился Трофимов.

– Он встречается со своей одноклассницей, Светой. И тем самым доставляет уйму проблем учителям, сверстникам и себе лично.

– Разве, подобное – порок? Я в его возрасте тоже был весь-

ма влюбчивым...

– Вы не понимаете, – покачала головой женщина. – Их отношения негативно влияют на каждый из аспектов учебной деятельности. Они откололись от коллектива и постоянно держатся особняком, не принимая участия в жизни собственного класса. Вова стал очень замкнутым и нелюдимым. Любую свободную минуту он стремится провести со Светой и, что самое страшное, не позволяет ей общаться с друзьями. Схватит девчужку в охапку и никого не подпускает, порой чуть не с кулаками на однокашников лезет.

– Пацанческий максимализм, – пожал плечами Алексей.

– Столь гиперболизированное поведение нельзя оправдывать, его необходимо корректировать, – строго заметила Алёна Владимировна. – Вы хоть видели успеваемость сына? Вова задвинул занятия на дальнюю полку, для него перво-степенны чувства, из-за которых он уже не раз прогуливал уроки и подбивал на то же Свету. Не рановато ли для пятого класса?

– У него сейчас довольно непростой период, – вздохнул капитан.

– Так поговорите с ним! – посоветовала учительница. – Вы же всё-таки его отец! Тот, на кого он равняется, чьему примеру следует!

– Хотел бы я выдать желаемое за действительное, – опустил глаза милиционер.

– В чём трудности? – вскинула бровь женщина.

– После смерти матери мой сын сильно изменился. С тех пор улыбка на его лице – редкий гость. Обычно, ходит мрачнее тучи. Даже мне не подступиться. Закрылся от папки на семь замков, будто я ему чужой, – к горлу офицера подступил ком, голос осип. – Видимо, всю любовь, что Вова питал к матери, он теперь дарит Свете. С ней утоляет свою боль, от неё чувствует тепло, какое не в силах дать отец...

– Я, правда, искренне сопереживаю Вашей семье... – с тоской завершила Алёна Владимировна.

– Мой сын слишком рано познал горечь утраты, и поэтому меня не удивляет то, насколько серьёзно он воспринимает отношения. Вова старается оградить Свету от остальных, потому что боится её потерять, как в своё время потерял маму... Никому не понять, как ему тяжело. Никому, кроме меня. Я ведь тоже лишился дорогого мне человека, – поделился Трофимов и, отвернувшись, утёр солёные капли, проскользнувшие по его щекам.

– Это безумно печально, однако я с позиции учителя обязана ставить определённые рамки. Прошу Вас, попробуйте до него достучаться! – молила учительница.

– Я постараюсь... – пообещал Алексей.

– Постарайтесь также взять в поликлинике справку о состоянии его здоровья. Её следовало показать до начала школьного лагеря, но от Вовы я сей бумажки не дождалась. Мне уже сделали выговор... – призналась женщина.

– Понял, исправим.

– Спасибо. И, надеюсь, к Вам он прислушается.

– Где мне его найти? – уточнил капитан.

– Они со Светой уединились за теплицей... – дала наводку

Алёна Владимировна.

– Благодарю, – кивнул офицер и двинулся к указанному преподавателем месту.

15

Опасливо выглядывающий из-за двери мальчишеской спальни Яков убедился, что все одноотрядцы разбрелись по кружкам, и дал отмашку:

– Чисто!

Тимофей с Забитом тут же подорвались со своих коек и подскочили к тумбочке, где лежала кепка с нашитым изображением динозавра.

– Ну как, мне идёт? – напялив головной убор себе на макушку, поинтересовался хулиган со сдвоенной родинкой на подбородке.

– Ога. Вылитый ушлёпок, – рубанул правду матку азербайджанец и получил от Тима леща:

– Чё, охренел?

– Харэ, чудилы! – остановил дискуссию панк. – У нас времени в обрез!

– Точняк. Действуем по плану! – напомнил глава шайки, сняв бейболку. – Подставим этого гадёныша!

– Лады, бро, – согласился Забит.

И троица принялась обшаривать все тумбочки и сумки в

комнате, забирая оттуда самые ценные вещи: деньги, цепочки, сотовые и прочее. Награбленным добром они под завязку набили купол заметно потяжелевшей кепки, которую Тимофей взвесил на руке и одобрительно кивнул:

– Не перестаю поражаться нашему коварству!

– Прикинь, как народ опупеет, узнав, что Данил – настоящая крыса! – гоготнул Яков.

– Ога. Стырил у товарищей их безделушки, – подхватил азербайджанец.

– Оо, щёлкалка! – воскликнул пацан с ирокезом, заприметив в бауле Осипова фотоаппарат.

– Эм, он же не влезет в кепарь, – прикинул Забит.

– Нет, – подтвердил главарь. – Но, думаю, нам стоит оставить на плёнке пару памятных снимков.

И друзья начали кривляться, запечатляя всё на бежевый фотоаппарат. Они корчили рожицы, а также показывали непристойные жесты.

Тимофей в оконцовке стянул с себя штаны вместе с трусами, повернулся голой задницей к объективу и под вспышку камеры прокомментировал:

– Занюхай мой пердак, мразь!

– Твои булки вошли в историю, – хохотнул Яков.

– Крупным планом взял? – натягивая джинсы, осведомился дрицуган.

– Даже жопную дырку видно...

– Красава, – одобрил Тим и добавил. – Дальше – главная

часть!

– Пойдём по стопам Флинта? – спросил панк.

– По ним пойдёт Забит, – ухмыльнулся главарь.

– Ога. Только я не вкурил, о чём Вы, – признался тот.

– О твоём забеге до парка и обратно, – пояснил чувак с ирокезом.

– Аа, – допёрло до азербайджанца, перенявшего у друга полную богатств бейсболку. – Фига Вы загадочные...

– Давай пулей! – поторопил Тимофей.

Забит открыл дальнейшее окно спальни, залез на подоконник, высунулся на улицу и, вцепившись в водосточную трубу снаружи, полез по ней вниз. Из прижатой к груди кепки при спуске вывалилось несколько побрякушек, но азербайджанец, оказавшись на асфальте, благополучно собрал их и со всех ног чухнул к аллее.

– Во ловкач! – поразился Яков. – Ему бы в цирке выступать...

– Угу, ручной обезьянкой, – усмехнулся дрищ, наблюдая за передвижениями друга, газонами допрыгавшего практически до медпункта.

Там он затормозился, отдышался и, оценив обстановку, втопил до зарослей парка.

Вскоре Забит занырнул в густые кусты аллеи, откуда внаклонку пробрался к статуе Лешего, обогнул её и достиг нужной точки – часовни.

Протиснувшись в разлом стены, хулиган упрятал в чреве

башни бейсболку Данила и бросился к своему корпусу.

Обернулся азербайджанец довольно быстро. Энергично взобравшись по стальной трубе на второй этаж, он запрыгнул в спальню и гордо поклонился:

– Как бы сказал мой дядя Абдуррахман: “ай, да маладэц, хлопэц!”.

– Готовься к порке, хлопец! – негодуяще процедила Ксения, вцепившаяся постанывающим товарищам Забита за уши.

– Аллах Всемогущий! – побледнел тот при виде злых вожатых и попятился к подоконнику.

– Не угадал, я Ксюша, – иронично ответила блондинка.

– Кого-кого, а воришек в отряде нам катастрофически не доставало! – упёрла руки в бока Инна.

– Мы лишь безобидно дурачилиии... – не завершив фразу, провопил Тимофей, чьё ухо болезненно скрутила вожатая.

– Внимайте! Ещё одна подобная выходка и мы свяжемся с Вашими родителями! Вылетите отсюда со свистом! Уяснили? – сурово разложила Ксения.

– Дааа, – заскулил Яков, и блондинка ослабила хватку.

– Сейчас живо возвращайте то, что спёрли, на места! – указала на дверь из комнаты Инна.

– И не дай Боже Ваши одноотрядцы не досчитаются своих вещей! – дополнила Ксения, и пакостники, понуриив головы, поплелись исправлять содеянное.

Тем временем...

Данил и Савва сидели за низкой партой в небольшом, но уютном классе, расположенном на первом этаже их корпуса, непосредственно под комнатой вожатых. Федя разместился позади товарищей, вежливо попросив разрешения у девочки из своего отряда разделить с ним рабочее пространство, на что та, не задумываясь, согласилась.

Перед ребятами, напротив прохода между двумя рядами, стояла доска на железных стойках, оснащённая полочкой для мелков, а слева от неё – угловой учительский стол с необходимыми педагогу принадлежностями.

Через единственное окно класс заливало ярким солнечным светом, и Осипов прятался от слепящих лучей за широким плечом друга.

Плотно отзавтракав перловой кашей с маслом, бутербродом с сыром и какао напитком, “Искатели” вернулись в корпус, где спустя час начался кружок моделирования, куда записалось десять детей: девять мальчиков и одна девочка.

Пришедшим сюда раздали по набору для сборки планёра. В него входили такие элементы из фанеры, как фюзеляж, крылья, стабилизаторы и киль. Также на партах обнаружили флаконы с клеем ПВА и молотки с гвоздями.

Преподаватель, зрелый облысевший мужчина с белоснежными усами, объяснял всё довольно нудно, иногда ссылаясь на схему готового изделия, выведенную белым мелом на доске. От тихого монотонного голоса учителя многих клонило в

сон, однако Данил слушал с интересом. Он вникал в каждое слово и силился подробно запомнить озвученные инструкции и рекомендации.

Педагог неторопливо поднялся из-за стола и взял в шершавые руки фюзеляж будущего планёра:

– В принципе, как Вы, ребята, наверное, заметили, за Вас сделали основную часть работы. Детали прошкурены и их края закруглены. Пропилы в местах крепления стабилизаторов, крыльев и киля на фюзеляже уже присутствуют. Что собственно остаётся нам? Ничего сложного! Смотрите и повторяйте. Хочу заострить Ваше внимание на том, что сборка сей модели должна проходить без перекосов. Они влекут за собой неспособность Вашего планёра летать так, как ему полагается. Ну, приступим...

И мужчина стал показывать детям последовательность действий.

Осипов кропотливо пытел над набором, в точности воспроизводя манипуляции учителя. Он аккуратно надавливал на тубик с ПВА, чтобы не переборщить и не залить вытекающей субстанцией фюзеляж. Нанося клей на ребро киля и в соответствующий пропил, мальчик плавно проталкивал деталь в корпус планёра, постепенно наращивая давление. Когда из щелей, образовавшихся между фюзеляжем и килем, лезло липкое вещество, Данил тут же протирает его салфеткой, стараясь не запачкать конструкцию. Те же операции ребёнок проделывал сперва со стабилизаторами, а затем с

крыльями, прихватывая последние гвоздями. Вскоре у него имелся готовый, качественно выполненный планёр.

Бабурину же потребовалась помощь учителя, чтобы собрать свой. У него он получился не столь идеальным, нежели у друга, но пухляш радовался и ему.

Дубовцев, провозившись чуть дольше остальных, подошёл к товарищам и презентовал перекошенную и слегка заляпанную клеем модель.

После того, как все смастерили свои планёры, учитель похвалил детей и добавил:

– Теперь пора раскрасить Ваши творения! Вы вправе наносить абсолютно любые рисунки на эти замечательные изделия. Включите фантазию и дерзайте! Если кому-то нужны карандаши или фломастеры, обращайтесь ко мне!

Творческая деятельность закипела с новой силой. Дети увлечённо малевали на своих планёрах: кто-то черкал неказистые рисунки, кто-то – различные надписи.

Осипов же сплошняком закрасил крылья любимым цветом Дианы, розовым, а на одной стороне киля набросал разбитое сердечко. На фюзеляже он мелко вывел фразу “*В полёте за той, чей образ не оставляет меня равнодушным*” и рядом большими буквами “*ДД*”.

– Даня, что у тебя там? – полюбопытствовал Савва.

– Что непонятного во фразе “*В полёте за той, чей обр...*”? – принялся спрашивать Данил, однако очкарик перебил его:

– Да это-то понятно, хотя и не особо. Я про две буквы “Д”.

– Личное, – утаил Осипов и прикрыл ладонью место с надписью.

– Двучленное. С другом жалко поделиться?

– Не жалко. Просто ты будешь смеяться... все бы посмеялись.

– Даю честное слово, что даже не улыбнусь! – заверил Савва.

Данил пристально уставился на него и, немного поразмыслив, объяснил:

– “ДД” значит Диана Дейч.

– Что за Диана? – поинтересовался Бабурин.

– Девчонку у нас в отряде видел с длинными каштановыми волосами?

– Может и видел, – неуверенно ответил пухляш, пробубнив. – Для меня все одинаковые... Я вот сорта колбасы хорошо различаю. Варёная, полукопчёная. Докторская, сервелат...

– Короче, не суть. Та девчонка, Диана, моя одноклассница, – глубоко вздохнув, выложил Данил.

– И чего, типа она тебе нравится, да? Раз ты вклеил её инициалы на свой планёр?

– Угу, – промычал Осипов и, убрав упавшие на глаза волосы, насупился.

– Прикольно, романтично, – заценил Бабурин.

– Только мне ли о ней мечтать?

– А почему нет? Нравится – признайся!

– Какой ты простой, Савва. Думаешь, это легко?

– Я никак не думаю. Главное не заморачиваться и кушать шоколадки, они вроде делают людей счастливыми!

– Спасибо за совет! – поблагодарил Данил и, продолжив рисовать, попросил. – Давай оставим данную тему?

– Ладненько! – кивнул Бабурин и, сняв очки с перемотанной изоляцией дужкой, направил разговор в другое русло. – Назови свой любимый вкус чипсов “Русская картошка”, и я скажу тебе, кто ты...

16

В старой хижине, чья низкая крыша сделалась частью лесного покрова и заросла мхом вперемешку с густой травой, пахло сыростью и тухлятиной. От углублённого в землю влажного пола веяло прохладой и гнилью.

Свет сюда практически не проникал, но глаза мужчины адаптировались к темноте. Он отдыхал на срубленных им ещё вчера густых еловых ветках и смаковал кусок сочного свежего мяса. Когда одна порция оказалась съедена, дровосек выдернул воткнутый в мягкую почву топор и, пододвинув к себе коровью тушу, валяющуюся около его игольчатой логи, отсёк лезвием орудия очередной ломоть, с коего капала липкая кровь, оставляющая пятна на рубашке и брюках. Понюхав пищу, подозрительный тип положил её в рот и, смачно чавкая, принялся с наслаждением пережёвывать.

Незабываемый привкус и аромат крови пробуждали в нём

какие-то животные инстинкты. Мерзавца ломило и трясло. Он горел желанием убивать, просто не мог по-другому. Этим рвением к насилию подонок по-настоящему гордился и считал своей великой целью служение Дьяволу. Его дедушка верил, что все люди – жалкие марионетки, пляшущие под дудку одного лишь Господина, Сатаны, и объяснял внуку, впитывающему слова предка подобно губке, насколько важно задобрить Дьявола, дабы после смерти попасть под его покровительство.

Для обеспечения себе достойной загробной жизни необходимо было расплачиваться молодыми невинными душами. Жертвоприношение происходило при помощи специальных ритуалов. Их мужчина перенял у бабушки и со временем освоил в совершенстве. Дровосек считал себя посланником Сатаны, его Земным воплощением. И чтобы соответствовать своему многоликому хозяину, хмырю приходилось менять маски.

Мерзавец, наконец, насытился. Вытерев запачканным и помятым рукавом рубашки уголки рта от крови, он оторвал задницу от хвойных лап и прошёл в дальний угол лачуги. Там, на бугре, у её бревенчатого основания, лежала одна из его самых любимых резиновых масок. В ней подонок находил зеркальное отражение своей дьявольской души. Она имитировала грязно-серо-голубое лицо вымышленного уродливого персонажа. На её черепе, покрытом морщинами и складками, выпирали нездорового цвета вздувшиеся ве-

ны. Подведённые чёрным янтарно-зелёные глаза, в которых имелись едва заметные отверстия для обзора, напоминали “стеклянные” очи покойника. Из оголённых розовых дёсен торчали два корявых острых клыка, прикрывающих часть нижней посиневшей губы, а также пара сколотых неровных зубов. Заострённые уши с закрученными раковинами почти вплотную прижимались к мертвецкой коже.

Мужчина поднял маску и, отряхнув, напялил на лицо. “Идеально” – удовлетворённо подумал он и вдруг услышал треск веток под чьей-то тяжестью. На крышу хижины посыпались иголки и шишки.

По спине пробежал холодок. Хмырь, вздрогнув, вскинул голову и замер, напрягши слух. Инстинктивно его вспотевшие руки крепко стиснули деревянную рукоять топора. Жилы на шее натянулись, и по ним заскользили капельки пота.

Новых звуков не последовало. Дровосек осторожно развернулся на каблуках берцев и, бесшумно ступая, устремился по сырой проминающейся земле к выходу из строения.

Чтобы не стукнуться макушкой о перекладину проёма, он пригнулся и, выбредши из лачуги, сразу же вознёс топор над собой. По сердцу, словно молотом по наковальне, ударил адреналин. Подонок приготовился к схватке, однако здесь никого не отыскалось. Лес пребывал в спокойном, ещё слегка сонном состоянии. Две вековые исполинские сосны, возвышающиеся над его убежищем и создающие обширную тень, стояли точно истуканы.

– Сука, совсем башка сплавилась! Поди, белка по деревьям проскакала.

Хмырь решил топтать назад, но затормозился, когда трава в нескольких метрах от него всколыхнулась от чьей-то активности. Держа оружие наготове, он взгляделся в салатную гущу растительности и различил грязно-белый контур странного зверя с жёсткой вздыбленной шерстью, похожей на иглы дикобраза. За животным волочился лысый розовый хвост. Без его учёта длина тела гадёныша навскидку составляла не более полуметра. Двигаясь по дуге, коротыш промчался мимо, эхом унеся за собой хищное шипение.

– Херасе тут фауна, – нервно ухмыльнулся мужчина, подёргивая глазом. – Зайчик-переросток, мля...

Опустив топор, дровосек облизал бугор на левой руке, прежде именовавшийся средним пальцем, и вернулся обратно в хижину, где прилёг на свою самодельную постель. Закинув руки за голову, он уже хотел закрыть глаза, как что-то, шурша, промелькнуло в щелях, образовавшихся на стыках толстых брёвен.

Мерзавца захлестнуло доселе чуждое ему чувство – страх. Подонок забился в угол и вновь с невероятной силой вцепился в топор. Маска прилипла к его взмокшей коже, и в ней стало невыносимо тяжело дышать.

Он всем телом ощутил грузные шаги за пределами лачуги. Затем до ушей хмыря донёсся хриплый, басистый рык.

Неведомое создание остановилось у противоположной

стенки. Блеклые лучики света, проникающие сквозь щели, поглотила тень, отбрасываемая громадным существом. Оно начало принюхиваться, отвратительно похрюкивая и сопя своим пяточком.

Мужчина постарался сглотнуть слюну максимально тихо. Ноздри прорезал противный запах зловонного дыхания. Он пуще прежнего вжался в отсыревшие брёвна, не отрывая взгляда от жуткого неподвижного силуэта снаружи, на чьём плече покорно сидело нечто грязно-белой окраски, показавшееся дровосеку смутно знакомым.

Внезапно крупная глыба с застывшим на плече колючим комком, неудовлетворённо фыркнув, развернулась и скрылась столь же мгновенно, как и появилась.

Мерзавец облегчённо выдохнул и судорожно содрал с себя маску, после чего швырнул её в стенку.

– Что за нах...???

Вытерев рукавом рубашки многочисленные капельки пота на лбу, он прокрутил в памяти произошедшее и побледнел. До него дошло, что на плече того чудовища расположился зверёк, чуть ранее замеченный среди травы...

17

По окончании кружков “Искатели” направились на футбольное поле, расположенное за территорией “Тайника Лешего”. Ксения провела ребят к образовавшейся в дальнем углу забора дыре, через которую к ней в лагерь пробирался Егор. Расстояние между погнутыми прутьями оказалось

действительно большим, их словно кто-то раздвинул...кто-то неимоверно сильный.

Сжимающий в руке планёр Данил, пролезая сквозь брешь, заметил на земле, чуть в стороне от проёма, крупные следы, цепочкой тянущиеся в траву. Несвежие отпечатки вырисовывались довольно чётко. Мальчик остановился и решил изучить находку поближе. Да, лапищи у кого-то вымахали внушительные. Причём пальцы на них, как подумал Осипов, были короткими, но широкими. На почве виднелись ямки от трёх.

– Чего обнаружил? – любопытствовал Федя у догнавшего их Данила.

– Пустяки, – отмахнулся тот и безотлагательно спрыгнул с темы. – Готовы к игре?

– Сегодня я зритель, – определился очкарик и вздохнул. – Квартальные ребята не разрешали мне гонять с ними в футбол. Говорили, мол, я могу проглотить мяч. Ай, не особо-то хотелось...

– Болельщики нам тоже нужны! – подбодрил товарища Осипов и обратился к Феде. – А ты нормально водишься?

– Средненько, – почёсывая затылок, поведал Дубовцев. – Я хоккеем предпочитаю...

– По рту, полному зубов, незаметно, – хохотнул Данил. – Или ты следишь за матчами исключительно по телевизору?

– У меня брат с утра до ночи смотрит познавательные программы, мне пульта не перепадает, – объяснил Федя.

– Многое теряешь. Там в паузах реклама классная, – вклинился Бабурин. – Про еду...

– Если б ты с неё насыщался, то, наверное, лопнул бы, – улыбнулся Дубовцев.

– Савва, Савва...в экран тебе пялиться противопоказано, – покачал головой Осипов.

– У меня и без того достаточно противопоказаний...

– Тебя вообще хоть что-то интересует, кроме вкусняшек? – спросил Федя.

– Ну...однажды я планировал заняться академической греблей, – поделился пухляш. – Правда в секции заявили, что лодка с остальными спортсменами потонет, стоит мне только взойти на борт, поэтому...

– Проехали, – понимающе заключил Данил. – Сосредоточимся на скором противостоянии.

Отряд выбрал на просторную лужайку, где раскинулось окружённое тёмным дремучим лесом футбольное поле, ко всеобщему удивлению сохранившее разметку. Деревянные, ныне разошедшиеся, штанги с перекладиной и обвисшая дырявая сетка служили громадными воротами. Края пыльной игровой области обрамляли вкопанные в землю ряды длинных узких скамеек.

Инна сразу же проследовала к сосне, увешанной вымпелами посещавших данное место отрядов, и, подвязав на ветку треугольный флажок шафранового цвета с подписью “**ИСКАТЕЛИ**”, сказала командиру своих подопечных:

– Теперь ты руководишь, Кирилл!

Тот серьёзно кивнул.

– М-да, парень по достоинству оценил оказанное ему доверие, – хихикнул Дубовцев.

– Во фрукт, – поддержал Бабурин.

– Итак, пацаны, – боевито начал командир “Искателей”, когда вожатые и девчонки присели на скамейку. – Нам предстоит матч против второго отряда. Перво-наперво сформируем состав. Нас восемнадцать, а на поле требуется одиннадцать человек. Поднимите руки те, кто считает себя достойным игроком...

Талант в себе разглядели все, за исключением Саввы и ещё одного мальчишки.

– Не, чувак, ты точно в деле. Тебе по габаритам прямой путь в ворота! – ткнув пальцем в очкарика, решил Кирилл.

– Слушай, найди кого-нибудь другого, – предложил Бабурин. – Врач запретила мне ловить стрессы...

– Вот и чудненько. Будешь ловить мячи!

– Ахах, своими тремя подбородками, – гоготнул Яков.

Пухляш проигнорировал его насмешку и жалобно застоял:

– Прошу, отправьте меня в запас!

– Не обсуждается! – повысил тон Кирилл, тем самым подписав Савве приговор. Очкарик насупился и, спотыкаясь, поплёлся к рамке ворот под неутраченные речи капитана. – Остальные...я Вас толком не знаю. Посему придётся дове-

ряться чутью. Вы пятеро, – указав на Тимофея, Якова, Забита, Федю и Данила выбрал командир “Искателей”. – Ты, ты, ты и...ты. На поле! Прочие – полировать лавку! При надобности перетасуем!

– Можно отлить, пока не стартовала игра? – отпросился Забит.

– Нельзя! – запретил командир. – Скоротаем время с пользой и займёмся разминкой!

– Аллах Всемогущий! Я же обоссусь! – отчаянно воскликнул азербайджанец.

– Бог терпел и нам велел, – изрёк что-то умное Кирилл и окликнул Бабурина. – Эй, вратарь, куда подевался? Наобнимаешься ещё со штангами! Кто за тебя тянуться станет?

Толстячок, облокотившись на стойку ворот, возмущённо вылупился на Кирилла.

– Тянуться? – роптал он себе под нос, возвращаясь к команде. – Я-то растянусь, Вы меня потом всем отрядом не поднимете!

– Прекращай бубнить! Давай, разогревай мышцы! Матч намечается нелёгкий, команда не сыгранная. Ожидай града ударов по своим воротам! – бойко и деловито анализировал командир четвёртого отряда.

Савва втиснулся в неровный круг, образованный мальчишками, и в знак протеста скрестил руки на груди.

Кирилл вышел в центр и взялся показывать упражнения. Ребята пассивно повторяли за ним. В течение сего меропри-

ятия Осипов сбежал к скамейкам, чтобы оставить там свой новенький планёр и кепку с нашивкой динозавра. Он бережно положил их возле Инны, беседующей с Ксенией.

– Активней! Активней! – поддерживал темп капитан.

– Я уже устал, а впереди целая игра! – пыхтя, жаловался друзьям очкарик, от коего доносился тошнотворный душок пота.

– Не переживай, мы постараемся обезопасить твои ворота, – успокаивал товарища Федя.

Закончив разогрев, Кирилл подытожил:

– С досадой сообщаю, что по поводу нашей команды у меня успело сложиться определённое впечатление и оно, знаете ли, удручающее! Легкомысленное отношение к разминке Вас абсолютно не красит! Чего Вы добиваетесь? Думаете, травмы обойдут каждого стороной? Знавал я таких пофигистов... – поучал одноотрядцев капитан.

– Эй, балабол, сделай одолжение – заглохни! – попросил Тим, и Яков с Забитом поддержали его гундежом.

Кирилл сурово обернулся на троицу и, чеканя шаг, сблизился с ней.

– Я тебе ща сделаю одолжение, шалопай! – огрызнулся он. – В бороду заеду, и будешь до конца матча зубы по полю собирать, усёк? – приструнил хулигана командир, и смело посмотрел ему в глаза.

Тимофей не выдержал стального взора Кирилла и потупился в землю.

– Хоть за это нашему кэпу уважение, – оценил Дубовцев.

– Я уважаю немногословных, – признался Данил.

– Вара! – позвал Кирилл. – Дуй на позицию! Мы тебя в игровой тонус приведём!

– Дали б чего пожевать, был бы Вам тонус, – прошептал Бабурин.

– Удачи, Сав! Держись! – пожелал ему Осипов, похлопав по плечу.

– Вратааарь! – уже сердито проорал командир. – Шевели булками, если не хочешь отжиматься за нарушение дисциплины!

Пухляш, чьё лицо исказилось от недовольства, нехотя повиновался. Отдав очки вожатым, он оказался в раме.

Встав полукругом, юные футболисты принялись бомбардировать ворота.

У щурящегося Бабурина дела шли не очень. Из десятка пущенных в створ мячей, он отбил лишь один и то только потому, что тот угодил точно в него.

Издоранный шар влетал в сетку с невероятной силой, колыхая прогнившие верёвки. Савва, выгребая игровой снаряд из-за спины, с руки откатывал его обратно.

Когда очередь доходила до Данила или Феди, они били по мячу шадяще, дабы товарищ сумел отразить его или хотя бы попытаться.

– Куда ты пинаешь, балбес?! Беги теперь, раз башкой своей тупорылой не соображаешь! – гаркнул Кирилл Тимофею,

запустившему шар прямо в скопление зрительниц на скамейках.

– Сам беги, надоел! Отныне я не игрок твоей дурацкой команды! – психанул хулиган и удалился с поля.

– Пфф, тоже мне, потеря века! Незаменимых нет! – декларировал капитан и задумался. – Хм, кого бы взять?

Ответ не заставил себя долго ждать:

– Меня!

Рядом с Кириллом возникла Диана, и Осипов растаял. Серьёзная и напористая, она не походила на ту хохотушку Дейч, к какой он привык. Подобное перевоплощение добавляло ей привлекательности, открывало неизведанную грань.

Сейчас Данил любовался аккуратным белоснежным личиком девчушки без опаски, что она рассекретит его. Диана слишком увлеклась разговором с командиром “Искателей”, и Осипов, пользуясь случаем, созерцал объект своего вожделения.

– Ладно-ладно, убедила... – сдался Кирилл. – Но если пострадаешь, не ной. Сама попросилась, – предупредил он.

Дейч, моментально просветлев, рьяно закивала головой и, получив пас от одного из игроков, пнула мяч в ворота. Бабурин, проспав момент удара, пустил очередной гол.

– Господи, ну неужели так сложно отбить этот долбаный мяч?! – забрызгал слюной капитан команды.

– Я тебе не Яшин, умник... – пробормотал Бабурин.

Послышался гул множества голосов. На поле прибыл вто-

рой отряд.

– Вот и соперник пожаловал, – озвучил Кирилл и зажал мяч подмышкой.

Тем временем...

С букетом полевых цветов в руке Егор Витвинин вышел из леса на солнечную лужайку, отведённую под футбольное поле, и проследовал к скамейке, где заметил двух девушек, оживлённо общающихся с облепившими их детьми. В одной из вожатых парень сразу узнал Ксюшу.

Приблизившись к блондинке, он прикрыл её глаза ладонью, на что та улыбнулась и сказала:

– По тебе часы можно сверять, Егор...

– Учителя в школе говорили то же самое, если я опаздывал на урок на полчаса, – хохотнул Витвинин и прошептал девушке на ушко. – Я украду тебя ненадолго?

Инна с недоверием вытаращилась на незнакомого ей молодого паренька. Ксюша уловила озадаченность подруги и успокоила её:

– Всё в порядке. Я...

– Да топай уже, – догадалась брюнетка.

– Справишься без меня?

– Возможно. Если эти озорные девчонки меня до смерти не затискают, – усмехнулась Инна.

– Ты лучшая! – просияла Ксюша и отлучилась.

Между тем поджарый мужчина, отвечающий за спортивные мероприятия в лагере, резко дунул в свисток и прокри-

чал:

– Капитаны команд, подойдите ко мне!

Кирилл и мальчишка из “Орлов” подтянулись к судье. При помощи монетки произошла жеребьёвка. По её итогам право владеть мячом первыми заполучили “Искатели”.

Пожав рефери и друг другу руки, ребята разбежались по своим половинам поля.

– Закрепим оговоренную ранее тактику, – наставительно затолковал Кирилл. – Играем от обороны по схеме 4-4-2. При атаке на наши ворота, все возвращаются и помогают вратарю с защитой. Я и Забит в нападении, остальные свои функции знают. Не подкачайте, пацаны, надо обязательно выигрывать и поднимать статус нашего отряда!

– Чё за схема такая 4-4 и что-то там? – уточнил недовольный голос.

– Я же объяснял! Для особо тупых повторяю: четыре защитника, четыре полузащитника и два нападающих! В десятый-то раз запомнил?

Задавший вопрос игрок утвердительно промычал.

– О вратаре в твоей схеме не упоминается. Я свободен? – с надеждой полюбопытствовал Бабурин.

– Что ты как вошь на гребешке? Молчи и не дёргайся! – заткнула его Дейч, собрав каштановые волосы в хвостик и стянув их резинкой.

– Ладно, Забит, погнали в центральный круг. Мяч наш... – осведомил капитан и вместе с азербайджанцем бодро на-

правился к средней линии, чья белая полоса с трудом различалась на пыльной поверхности поля.

Судья бережно поставил снаряд на землю и, убедившись, что он лежит неподвижно, отделился от него.

– Вот ща будет рубилово! – предвкушал Федя.

Данил же не сводил глаз с Дианы. Её отрядили в полузащиту, а Осипова с Дубовцевым – в оборону, поближе к несчастному Савве, скрестившему пальцы и просящему у высших сил, чтобы сей кошмар поскорей закончился.

Прозвучал стартовый свисток, и игра началась. Забит катнул мяч Кириллу, который сразу же стал прорываться к противоположным воротам. Плотно зажатый тремя игроками “Орлов”, он отпасовал пяткой назад. Передачу получила Дейч.

Данил с интересом наблюдал за её дальнейшими действиями. Девчонка оказалась не промах. Проделав пару эффектных финтов, она уверенно обогнула нескольких соперников и навесиком отправила кожаный шар на фланг, азербайджанцу. Кто-то даже присвистнул, ошеломлённый приткостью Дианы. Осипов же аплодировал молча. Он бы и закричал “браво!”, вот только...

Капитан, вновь приняв мяч, попробовал ударить с дальней дистанции, но снаряд не достиг цели, встретившись с защитником. Последовала стремительная контратака на ворота “Искателей”. Серия чётких пасов позволила “Орлам” смять часть оборонительных редутов команды Кирил-

ла, оставив не у дел двух форвардов, четырёх полузащитников и половину оборонцев.

– Крайние, пацаны! – орал во всё горло капитан Данилу и Феде.

– Остановите их, ради Бога, остановите! – умолял побледневший Бабурин, прижавшийся к штанге.

Дубовцев кинулся в отбор. Он произвёл красивый подкат в пределах правил и уронил соперника на землю. Вскочив на ноги, Федя поспешил перевести бесхозный мяч на Данила.

Тот слегка замешкался, выискивая взглядом открытых товарищей. Как назло, все находились под опекой. Тогда Осипов постарался придумать что-то самостоятельно, но, отпустив снаряд слишком далеко от себя, потерял его.

“Орлы” не пренебрегли ошибкой Данила и, вычертив роскошную комбинацию, отправили мяч мимо одиноко застывшего в раме толстячка, увернувшегося от скоростного шара.

Рефери, оглушительно свистнув, сигнализировал рукой взятие ворот “Искателей”.

Кирилл огорчённо топнул по пыльной почве и обратился к защитнику:

– Проснись, девица! У нас не паралимпийские игры!

Осипов виновато опустил голову.

– Да уж, Данил, будешь так портачить – точно проиграем! – осуждающе заметила Дейч, чьи слова сильно ранили её тайного поклонника. Он совсем расстроился и поник.

– Соберитесь! Сейчас отквитаем! – приободрил команду

капитан.

Снаряд вернули на центр. Забит вновь разыграл его с Кириллом, и матч продолжился.

Достаточно длительное время “Искатели” контролировали мяч у себя в зоне, обмениваясь осторожными короткими передачами. Пасом отыскивали даже Савву. Неуверенно тормознув кожаный шар стопой, он вяло ткнул его носком кроссовка Дубовцеву. Федя тут же направил посылку парашютиком атакующим. Те попытались продраться к воротам соперника, однако успехом это не увенчалось. Правда, и наступление “Орлов” мгновенно затухло на стадии пересечения средней линии.

Новая возможность представилась четвёртому отряду. Их вылазкой опять дирижировал капитан. Подключившиеся к нападению Диана и четвёрка мальчишек с трудом преодолели две третьих зоны соперника. Когда владеющий мячом азербайджанец уже не имел пространства для манёвра, он в падении послал снаряд Дейч. Девчонка в свою очередь адресовала его Кириллу, и тот в касание мощно зарядил по воротам “Орлов”. Закрученный шар, поначалу летящий мимо створа, попал в ногу кому-то из защитников и, дезориентировав голкипера, срикошетил в раму. Сетка колыхнулась и “Искатели” с радостным воплем вскинули руки вверх.

– Гоооол!!! – проревел капитан и ликующе добавил. – Дай пять!

Диана резво шлёпнула по ладони Кирилла и усатого За-

бита, вызвав в Даниле укол ревности.

– Красавчик, Кирюха! – восторгалась девчонка.

– Ога! От души приложился! – согласился азербайджанец, почесав зудящую курчавую макушку.

– Главное правильно отреагировать на пощёчину! Психология. А удар мне удался действительно шикарный, будто из топовых подборок, – признал Кирилл.

– Выпендрёжник, – фыркнул Осипов и уставился в ясное небо.

– Чего прохлаждаешься? Ну-ка повнимательней! – брякнул ему замечание капитан, что ещё больше разозлило Данила.

После паузы игра возобновилась. “Искатели”, отпраздновав успех, заметно сдулись и теперь “Орлы” осадили их территорию. Позиционный штурм завершил слегка смазанный удар, без труда сблокированный кем-то из защитников. Вынести же мяч не получилось. Он словно намагниченный отпрыгнул к оппонентам, нарастившим давление.

Вот прошла рискованная диагональная передача на дальний фланг, где один из форвардов второго отряда удачно обработал её и ломанулся вперёд. На его пути вырос Осипов. Он собирался остановить соперника, однако тот буквально снёс Данила.

От силового приёма игрока “Орлов” Осипов рухнул на землю. В ушах зазвенело. Из грязных царапин на коленке выступила кровь. Нога жутко разболелась, отчего мальчик

инстинктивно обхватил её двумя руками.

Раздался продолжительный возмущённый свисток. Данил, валяясь на поле, посмотрел в сторону, куда прорывался соперник, и увидел, как Яков выясняет отношения с нарушителем правил.

– Ты охренел что ли?! Давай я тебе так же заеду, падла! – вёл переговоры парень с ирокезом.

– Остынь, панк обоссанный! Игровой момент! – огрызался собеседник.

– Я тебе мозги вышибу и скажу: “игровой момент”! Ещё за обоссанного панка презент выпишу, носатый!

– Прекратите! – влез судья. – Там действительно был игровой момент! А за оскорбления сейчас обоим удалю с поля! Твоя фамилия как?

– Ашуров...

– Благодаря Вам, товарищ Ашуров, команда соперников пробьёт штрафной удар!

– Чё за фигня?! Несправедливо! – возмутился Яков.

– Ты намеренно спровоцировал конфликтную ситуацию, повлекшую остановку игры! – объяснил рефери.

Осипов прохромал к Ашурову и поблагодарил его:

– Спасибо, что вступился!

– Не обольщайся! – сухо бросил парень с ирокезом. – Это ничего не значит. Просто здесь мы – одна команда!

Судья поставил мяч на то место, где Яков толкнул оппонента. “Искатели” распределились по своей зоне, прикрывая

потенциальные углы обстрела ворот. Свисток и мальчишка, на коем сфолили, влупил по снаряду что есть мочи. Шар, вертясь в воздухе волчком, устремился к Данилу. Осипов остановил его грудью и небрежно пнул вбок. Его незрячий пас перехватил кто-то из “Орлов”, выйдя на randevу с трепещущим Саввой.

– Да чего же ты, итить твою налево, творишь, бездарь????!!! – разорвался взбешённый капитан.

Данил ринулся исправлять свою оплошность, сияясь помешать сопернику нанести удар, который всё-таки состоялся. Но на сей раз его парировал пухляш, закрывший ближний угол своим крупным животом. Именно туда, в дряблкое пузо, впечатался кожаный снаряд, заставив вратаря скорчиться от боли.

Спружинивший от Бабурина и упавший рядом с линией ворот мяч “Орлы” спокойно пропихнули в сетку, склонив чашу весов в свою пользу – 2:1.

– Кирилл, надо укреплять защиту! – предложила Диана. – Если кое-кто будет чудить дальше, нас раскатают.

– Поддерживаю, – кивнул капитан и окликнул Осипова. – Эй, мистер кривая нога! Брысь с поля! Мы тебя заменим!

– Я ведь... – только хотел возразить Данил, как Кирилл перебил его:

– Ты уже второй щедрый подарок соперникам вручил!

– Ну, ошибся человек, с кем не случается? – поддержал друга Дубовцев.

– Его грубые косяки стоили нам пропущенных мячей! По-сему замена! – упёрся капитан и ткнул пальцем в кого-то из запасных. – Эй, ты! Живо сюда!

Осипов печально вздохнул и поковылял к скамейкам. Мимо него к команде резво промчался новый игрок, коему пришлось выслушать краткие наставления Кирилла.

Пас от Забита капитану, и всё закрутилось снова.

Спустя минуту...

Данил, раздосадованный своими действиями в защите и обозлённый на Кирилла, выставившего его полным дураком перед Дианой, подошёл к скамейке, выискивая планёр.

– Хм, где же он? – почёсывая затылок, удивился мальчик.

– Не это часом нужно? – раздался отвратительный голос Тимофея.

Осипов повернулся и увидел в руках хулигана, стоящего у самой кромки леса, свою модель, что невероятно взбесило его.

Неприятель подразнил Данила планёром и, облокотившись на ствол сосны с многочисленными отрядными вымпелами разных цветов, вслух язвительно прочитал с фюзеляжа:

– В полёте за той, чей образ не оставляет меня равнодушным... хахаха, умора! А крылья-то розовые, какая прелесть! Юбочку не примерял? Или жмёт?

– Верни! – потребовал Осипов с искаженным от гнева лицом.

– Э неее! Я же обещал, что просто так Вы с жирдяем от

меня не отделаешься! Поверь, я слово держу, ведь не являюсь сопливой доносчицей, как некоторые!

– Отдай мне мой планёр! – процедил сквозь зубы Данил.

– Рискни забрать!

Последняя капля переполнила чашу терпения, и Осипов кинулся на задиру. Тот попробовал тюкнуть его, но чиркнул лишь вскользь по плечу. Данил же плотно двинул обидчику в живот и ещё раз и ещё.

Сквозь шум пульсирующей в висках крови, шлепки и учащённое дыхание, донёсся писклявый звук свистка и проклятия, изрыгаемые Кириллом. Подсознательно Осипов отметил: счёт стал 3:1 в пользу “Орлов”. Теперь капитан команды “Искателей” обрушивал свои ругательства и возмущения на новичка, заменившего Данила.

Тимофей, пропустив пару неприятных ударов, в том числе по родинке на подбородке, ответил врагу, треснув ему в ухо, а затем и под глаз, который тут же отёк.

Голова закружилась, и Осипов потерял ориентир, отчего повалился на землю, устланную колючими хвойными иголками. Одной лопаткой он ударился о задеревеневший бугристый корень, тянущийся от высокой сосны, во вторую же болезненно впилась сухая шишка. Тим принялся пинать Данила, произвольно вскрикивающего от каждого попадания.

На пронзительные вопли мальчика откликнулась Инна, с перепуганным видом рванувшая к дерущимся.

– Ладно, с тебя на сегодня достаточно! – решил Тимофей

и подобрал модель. – Надеюсь, ты усвоил урок!

– Он мой! – потянувшись к планёру, прохрипел скрючившийся Осипов.

– Значит, не обломайся сгонять за ним, – ухмыльнулся хулиган и, удобно взяв изделие за крыло, швырнул его напрямиком в лес.

– Перестаньте! С ума сошли что ли? Второй день подряд цепляетесь! – орала вожатая, приближаясь к ребятам.

Данил поднялся и незамедлительно ломанулся в чащобу, куда Тим пультнул модель.

– Эй, стой! Стой, говорю! – силилась остановить Осипова брюнетка, но тот, раздвигая ветки сосен и елей, скрылся в глухомани.

Звуки игры с поля растворились в обширных дебрях.

“Нет, сюда бы он его не докинул!” – оценил Данил и притормозил. Разболевшийся левый глаз совсем закрылся, образовав один сплошной синяк цвета спелой сливы.

Сглотнув слюну, мальчик огляделся. Под ногами планёра не очутилось. Тогда Осипов изучил ветки растений.

Сейчас он испытал странное чувство. Лес словно сжимался, давил на него, загоня ребёнка в крохотное пространство, а густые еловые лапы будто сплетались у него над макушкой, препятствуя лучам полуденного солнца.

Тени, отбрасываемые деревьями, поглощали весь земельный покров, делая его тускло-серым. Лишь один тоненький лучик, в коем плавно кружили немые пылинки, смог про-

биться сквозь толщу хвои, вычертив на почве небольшой бледно-жёлтый кружок.

Мёртвая тишина, царившая вокруг, пугала Данила, поэтому он желал как можно скорее найти модель и вернуться на залитое ярким светом футбольное поле.

Планёр-таки обнаружился. Он застрял в двух ветках, зацепившись за них стабилизаторами. Осипов постарался допрыгнуть до своего изделия, однако оно висело слишком высоко.

“Дурацкое дерево! Придётся лезть на него!” – подумал Осипов и, зажав в правой руке сучок, а левой упёршись в мощный бороздчатый ствол, немного подтянулся. Попытка перехватиться за следующий доступный сук провалилась, и Данил сорвался вниз. От негодования и отчаяния он сипло прорычал и вдруг услышал, как его детский безобидный рык слился с чьим-то более басистым и слегка урчащим.

Мальчик замер и медленно обернулся. Его волосы встали дыбом, пальцы на ногах онемели.

Рык неведомого существа повторился.

Чуть справа от себя Осипов уловил шуршание и, среагировав на шум, заметил, как чуть в стороне по низкорослой траве бежит чёрный силуэт какого-то длиннохвостого зверя, чьё покрытое иглами тело было коротким, но достаточно плотным и крепким. Сие животное, часто семеня толстыми куцыми лапами и волоча за собой ороговевший хвост, стремительно пронеслось к колючим зарослям боярышника, на-

ходящимся между стволами старых сосен, и, сиганув в них, начало взбираться по тому, что Данил сперва принял за дерево. Сам того не желая, ребёнок устремил свой взор в кусты. Узренное далее мальчику хотелось бы забыть навсегда.

Из тьмы на него, не отрываясь, смотрели мерзкие хищные желтки с красными вкраплениями и чёрными зрачками треугольной формы. Фыркая влажным носом, нечто принюхивалось. На земле, выдернутую пучком блеклого света, Осипов различил морщинистую складчатую лапу с парой загнутых вверх кривых когтей.

Сердце забилося у Данила где-то в горле, мешая свободно дышать. Крупная фигура, на плече которой, свесив лысый хвост, сидел преданный зверь, не шевелилась, пожирая Осипова адским взглядом своих демонических янтарных глаз.

Мальчик истерически закричал, развернулся и под шелест веток боярышника, откуда появилось страшное существо, ринулся обратно к футбольному полю.

Данил заплакал, утирая слёзы прямо на бегу. Грудь горела жгучим огнём, щёки побагровели, слюна во рту противно загустела, однако он не останавливался. Ветки нещадно хлестали его по разгорячённому лицу и рукам, оставляя ссадины и порезы.

Ребёнок ощущал, как чудовище вместе со своим прихвостнем невидимой тенью следуют за ним. Под мощными лапами монстра трещали сухие обломленные сучья, и прогибалась податливая почва. Его нос издавал сопение, иногда

прерываемое фырканием, похожим на чих.

Впереди замаячил долгожданный просвет. В нём Осипов признал силуэт девушки, что-то вопящей и жестикулирующей ему. Правда, он её совсем не слышал. Ноги Данила стали заплетаться. Мальчик споткнулся о камень и до пронзительной боли ушиб несколько пальцев, но сохранил равновесие и продолжил сумасшедший марафон.

Тварь позади него перешла на затяжные скачки, ускоряя движение и сокращая дистанцию. Ручной зверь чудища тоже нарастил темп, чаще перебирая своими недоразвитыми лапками и тарабаня ими по земле.

Бесконечная погоня, наконец, прекратилась, и в открытый глаз Данила с лопнувшими сосудами ударил ослепительный дневной свет. Он оказался у кромки леса, где недавно обменивался тумакami с Тимофеем.

Ранее...

Витвинин усадил Ксюшу на пустую скамейку у самого края футбольного поля, и, опустившись перед девушкой на колени, элегантно протянул ей букет. Блондинка застенчиво приняла сей подарок и втянула носом аромат цветов: васильков, ромашек, колокольчиков, лютиков, незабудок, клевера.

– Егор, какая замечательная композиция! Всё же порой простота оказывается намного привлекательней экстравагантных и вычурных вещей...

– Папики-толстосумы бы не согласились, – хохотнул па-

рень.

– Возможно, им чужды простые людские радости.

– Зато мне эти дары природы знакомы с детства. В вазе нашей городской квартиры всегда красовались полевые цветы, привезённые с местных лугов.

– Я помню! Они благоухали на кухонном столе, когда однажды ты привёл меня в гости.

– Ага, мама потом с полгода сватала меня тебе в мужья.

– Мне ты о подобном умолчал, – упёрла руки в бока Ксюша, возмущённо вскинув бровь.

– Ну...раньше я не верил в свои силы, поэтому... – почесав затылок, молодой человек нагнулся, сорвал жёлтый одуванчик и аккуратно вплёл его в локоны Ксюши, бережно заправив за ухо упавшую на её лоб прядь. – Ты просто ангел, – заглянув объекту своего вожделения в глаза, резюмировал Витвинин.

– Да ладно тебе, подлиза, – отмахнулась вожатая и прикусила нижнюю губу.

Егор взирал словно замороженный на симпатичную блондинку и сильно возбуждался. Её нежное загорелое плечико, с коего сползла полупрозрачная белая майка, оголилось, а сквозь ткань просвечивал чёрный кружевной лифчик, распираемый объёмом пышных груди с узкой глубокой ложбинкой. Сексуальные бёдра обтягивали короткие джинсовые шортики, благодаря чему парень мог сполна насладиться видом сочных девичьих ляжек. Ксюшин звонкий, мелодичный

смех и очаровательная улыбка также сводили его с ума, и Витвинин ощущал каждой клеточкой тела, как желает её, как боготворит и как ревнует ко всему миру.

– Ксю...

– Да-да?

– Я вот люблюсь на тебя и всё с большей ясностью понимаю, что ты – моя мечта. Признаться, мне тебя очень мало! Хочется постоянно находиться рядом, лицезреть тебя, слышать, чувствовать... – Егор выдержал паузу и со вздохом заключил. – Боюсь, я совсем помешался!

– Мне казалось, я одна такая, – подбодрила его вожатая. – Не уверена, стоит ли мне сейчас открываться тебе. Даже не знаю, как поступить правильной... Однако после нашей вчерашней встречи...на меня нахлынула лавина эмоций! Я безумно разволновалась, аж дух перехватило! Внутри всё будто ожило, закипело. И, если честно, я не думала ни о чём другом, кроме как о нашем очередном свидании...

– Надеюсь, у меня не наваждение, – сыронизировал Витвинин и обнял блондинку, утонувшую в его объятиях. – Как долго я ждал столь важных слов...

Прощебетал свисток.

– Наши опять пропустили, – расстроено прокомментировала девушка неудачу “Искателей”, в чьи ворота влетел четвёртый мяч.

– Кажется, я в силах скрасить твоё огорчение, – и Егор поднёс свои губы к губам Ксении.

Вожатая закрыла глаза и приготовилась к поцелую, как вместе с Витвининым вздрогнула от оглушительного панического крика, вырвавшегося из леса. Он не прекращался и постепенно нарастал. Надрывающиеся, писклявые нотки охрипшего детского голоса, исполненного ужаса, приближались.

– Господи, что случилось? – всполошилась Ксюша.

– Не знаю. Странно, – привстав, удивился парень.

У кромки чащи уже стояла Инна, которая, уставившись в дебри, кричала:

– Я же тебе говорила, стой! Куда ты упорол? Не дай Бог бы потерялся!

Вот из-за деревьев выскочил худощавый мальчишка с длинными волосами. По его щекам стекали крупные капли слёз, оставляющие мокрые дорожки на пыльном раскрасневшемся лице. Постепенно он успокоился и теперь издавал только громкие всхлипы и приглушённые рыдания.

Брюнетка склонилась к нему и, прижав к груди, начала успокаивать.

К ним подошли девчонки, пара-тройка мальчишек и вожатая “Орлов”. Из-за сего инцидента даже остановилась игра. Все на поле с интересом вылупились на возникшего из леса ребёнка.

– Ну, ну, – утешала своего подопечного Инна. – Всё хорошо, ты с нами, сейчас тебе нечего бояться...

– Я видел его, – заикаясь, произнёс пацанёнок.

– Видел кого? – не поняла брюнетка.

– Чудовище, – трясясь, поведал ребёнок.

– Какой ты у нас впечатлительный... чудовищ нет, тебе-то это должно быть известно...

– Но я видел его, честно... страшные жёлтые глаза ...они смотрели прямо на меня! Потом оно гналось за мной и едва не загрызло, – и мальчик снова расплакался.

Он почувствовал, как по ногам потекли струйки тёплой жидкости. Осознание того, что он обмочился, пришло чуть позже, а следом за ним – стыд. Его шорты слегка намокли и прилипли к коже.

По толпе детей пробежал злорадный шёпот и с трудом сдерживаемые смешки.

– Кто-нибудь, притащите Дане его фотик, чтобы он лично запечатлел, как обоссался, – поиздевался Тимофей.

– Кому-то необходимы подгузники, – съязвила девчонка из второго отряда.

– Ога. Пора отправлять его домой к мамочке, – добавил гоготнувший Забит.

Инна смерила столпившихся вокруг ребят своим суровым взглядом и обратилась к хулиганам:

– Вы жаждите новой разъяснительной беседы?

– Нет, – хором опровергли Тим с Яковом.

– Извините, – пробормотал укорённый азербайджанец.

– То-то же! – кивнула брюнетка и поинтересовалась у Осипова. – Ты встретил лесное животное?

– Нет, животные не мерзкие, – заявил Данил.

– Мне кажется, ты несколько перенервничал. Твоим потаённым фобиям требовался незначительный толчок для того, чтобы выбраться наружу... Ты очутился один в огромной чаще, получил колоссальный стресс. Может, там вообще ничего не было. Лишь кошмары, являющиеся плодом воображения.

– Вы мне не верите, да? – сипло уточнил мальчик и уронил голову на грудь.

У вожатой не нашлось ответа.

В лагере...

Дверь пристройки корпуса для персонала медленно открылась и из темноты деревянного тамбура показалась женская фигура. С опаской глядя поверх очков, она выбрела на улицу и, закрыв дверь на ключ, пошла обратно к пятому корпусу.

18

Алексей обогнул длинную теплицу, где, помимо различных растений выращивали морских свинок да кроликов, и обнаружил за ней сидящих на лавочке Вову со Светой.

– Здравова, Амиго! – добродушно улыбнувшись, поприветствовал обнимающего одноклассницу сына офицер.

– Привет, пап! – ответил мальчик.

– Здравствуйте! – подхватила девчушка в розовом платице и, смущённая появлением капитана, вырвалась из объятий Вовы.

Милиционер кивнул ей и сказал:

– Кажется площадка в противоположной стороне. Или Вы играете в прятки?

– Там неинтересно, – фыркнул Трофимов-младший. – В школьном лагере ужасная скукота...

– Судя по тому, сколько денег я за него отвалил, у Вас не должно прекращаться веселье, – хохотнул Алексей.

– А ты чего здесь делаешь? – не понял его отпрыск.

– Заскучал один дома, решил к тебе заскочить, узнать, как дела...

– Впервые за всё время?

– Надо же рано или поздно становиться примерным отцом.

– Тебе наша классная позвонила?

Глубоко вздохнув, офицер признался:

– Да.

– Если она тебе уже чего-то наговорила, не верь ей! – воскликнул мальчик. – Ей постоянно удаётся найти повод, чтобы упрекнуть меня в чём-то...

– Это мы обсудим по пути в поликлинику, куда отправимся за справкой, которую ты не предоставил Алёне Владимировне.

– Но...я обещал проводить Свету до дома... – плаксиво поведал Вова.

– Мы её довезём, – пообещал отец и увёл парочку с территории школы, посадив в красную “девятку”.

Вскоре...

Поблагодарив капитана, Света вылезла из машины и последовала к своему подъезду. Трофимов-младший простился с ней тоскливым взглядом и, нахмурившись, сложил руки на груди.

– Откуда столько радости? – поинтересовался Алексей.

– Мы не могли съездить в поликлинику в другой день? – обидчиво пробубнил мальчик.

– Ты же знаешь, у меня не часто выдаётся свободный день, поэтому... чем быстрее мы с этим разберёмся, тем лучше! – развёл руками милиционер и тронул автомобиль с места.

– Чего ещё тебе нажужжала классная? – конкретизировал ребёнок.

– На самом деле, многое... Её беспокоят Ваши со Светой отношения, – поведал офицер, выруливая из квартала.

– Неудивительно. Сама-то без мужика, – буркнул Вова.

Офицер удивлённо покосился на сына и признал:

– В целом, в её словах есть доля правды...

– Значит, ты на стороне Алёны Владимировны?

– Я твой отец, я всегда за тебя, но... порой мне необходимо указывать верное направление.

– Ты тоже против, чтобы я встречался со Светой?

– Не воспринимай так буквально.

– А как мне реагировать, когда каждый твердит мне об одном и том же? Я устал слушать нравоучения, мне хочется поддержки! Особенно от родного человека! Мама бы поня-

ла... она бы не стала осуждать...

– Твоя мама неизменно проявляла невероятную чуткость. Я сам постоянно находил в ней своё успокоение, ведь знал, что она никогда не оставит в трудную минуту. И, поверь, мне как никому другому охота походить на неё, стремиться к той мудрости, какой обладала она...

– Выходит не очень...

В горле у Алексея встал комок, и он, едва сдержав слёзы, покаялся дрожащим голосом:

– Наверное, порой я действительно казался ужасным отцом, однако никогда не был безразличным к тебе! Ты – единственное, что у меня осталось в жизни...

– А ты у меня... Вот только маму никто не заменит!

– Я и не стараюсь её заменить. Но хочу стать незаменимым в своей роли... роли папы. Я осознаю, что ты отдаляешься от меня, и внутри всё переворачивается. Нет ничего ценнее и приятнее служить сыну примером, видеть в его глазах гордость за то, чьё отчество он носит...

– Вообще-то, я горжусь, – возразил мальчик. – Просто до сих пор не отошёл от гибели мамы...

– Да, без неё сложно, – заключил капитан и, включив правый поворотник, перестроился в крайнюю полосу. – Оттого нам необходимо довериться друг другу, сплотиться. Согласен?

– Наконец-то я этого дождался...

– Мне перед тобой бесконечно стыдно за свои упущения.

Давай начнём всё с чистого листа? – предложил милиционер и остановился на красный сигнал светофора.

– Я люблю тебя, пап! – отстегнув ремень безопасности, прильнул к офицеру Вова.

– И я тебя, ковбой! – ответил Алексей и, шмыгнув носом, крепко обнял сына.

Спустя несколько минут...

– Эм, а мы точно в поликлинику? – полюбопытствовал мальчик, заметив, что они отклонились от маршрута.

– Мне надо наведаться в участок, – объяснил капитан, выполняя поворот на перекрёстке. – Кое-что там заберу и сразу повезу тебя на приём...

– Хорошо, – выказал понимание ребёнок и врубил магнито-толу, где играла группа “Кар-Мэн”:

Это Сан-Франциско – город в стиле диско.

Это Сан-Франциско – тысячи огней.

Это Сан-Франциско – город, полный риска.

Это Сан-Франциско – made in U.S.A.

19

Створки лифта со скрежетом раздвинулись, и Арсений Дубовцев вышел на площадку седьмого этажа, где располагались четыре квартиры. Нашупав ключ в глубоком кармане своих джинсов, он вынул его и стал небрежно совать в замочную скважину. Наконец, попав, парень повернул железку на два оборота и после щелчка стальная дверь с облупленной коричневой краской открылась.

Оказавшись в тесной прихожей, обклеенной салатовыми обоями, молодой человек снял обувь, швырнул на тумбочку кепку-арбузку и проследовал мимо просторного зала к ванной комнате.

Мать, под чириканья своего попугайчика протирающая полы на кухне, спросила:

– Ты, сынок?

– Да, мам! – ответил Арсений и скрылся в ванной, отделанной кафельной плиткой цвета аквамарин.

– Что-то ты сегодня рано! – заметила женщина и поднялась с четверенек, выпрямляя ноющую спину.

– Просто пораньше отпустили! Заданий для нас не нашлось! – соврал парень, вспоминая, как они с Артёмом смотались от надоедливого учителя географии, пока тот на собственном примере показывал, как правильно стричь секатором побеги кустарников. Когда мужчина выбрел из зарослей барбариса, его работников уже и след простыл. Тогда, крепко выругавшись, географ достал из нагрудного кармана пачку овальных сигарет “Прима”, выудил одну и, сунув в рот, закурил. Друзья недолго понаблюдали за своим надсмотрщиком, посмеялись и разошлись по домам, радуясь прекрасному бесхлопотному дню.

Открыв кран в раковине, Арсений потёр руки куском душистого мыла с ароматом мяты и подставил под тёплую струю воды. Поток, окрасившийся в грязно-серый цвет, с урчанием потёк в сливное отверстие.

Отмыв пятерни, парень вытер их о махровое полотенце, висящее на холодной зигзагообразной трубе, и устремился в их с братом комнату, находящуюся справа от ванной.

Арсений захлопнул за собой дверь и бегло осмотрел помещение. Грязные носки, исчерканная бумага, опавшие и пожелтевшие листья пахучей герани, пёстрые фантики от конфет, мятые книги – всё было хаотично разбросано по полу и наглядно демонстрировало прелести мальчишеской спальни.

Миновав шкаф, чья распахнутая створка скрипела под тяжестью наваленных на неё сверху штанов и рубашек, парень пробрался к своему столу, по пути пнув валяющийся у кровати портфель, заметно потерявший в весе по окончании учебного года.

На рабочем месте Арсения царили чистота и порядок. Во множестве разномастных баночек он хранил болты, шпильки, гайки, шайбы, винты, шурупы и прочую мелочёвку для крепежа. Также здесь имелось внушительное количество отвёрток и рожковых ключей, уложенных аккуратно и с любовью (более крупные инструменты разместились в шкафу на специально отведённых полках). Рядом возвышалась стопка чертежей, выведенных уверенной твёрдой рукой, а на краю покоилась внушительная коробка из ДВП, выделенная для цельных механизмов.

За данным столом парень проводил основную часть свободного времени, ведь страсть как любил мастерить. Уже не

раз ребята из класса обращались к нему за помощью. Арсений чинил им различные приборы и выручал на технологии, порой терпеливо объясняя товарищам, что и как устроено в том или ином агрегате. Его это увлекало. Он обожал часами копаться в технике и выяснять, чем вызвана неполадка. Когда же, наконец, молодой гений устранял её, то получал порцию внутреннего удовлетворения.

Любой маленькой победой парня восхищался младший брат, чьё любопытство изобретатель поощрял подробными лекциями. И хотя не прошло и полных двух дней с момента отъезда Феди в лагерь, Арсений безумно скучал по нему. Они дополняли друг друга и, вечно проворачивая какие-нибудь шалости, являлись слаженной командой с буквально осязаемой родственной связью.

В начале текущей недели родители отчитали их за то, что они скинули с окна наполненные газировкой шарики на соседей и затем высыпали тем на липкие головы просо, коим кормился волнистый попугайчик мамы.

Вообще, братья часто дурачились. Благодаря малому серьёзный Сеня погружался в беззаботное детство и превращался в наивного весёлого мальчишку, намеренно совершая всевозможные глупости. С Федей он становился самим собой, без боязни показаться странным.

Сейчас тихая комната наводила на парня скребущую тоску. Ему вдруг захотелось услышать заразительный смех брата и сотворить с ним очередной безрассудный поступок.

Усевшись за стол, молодой человек постарался отвлечься за работой. Перед ним брюхом кверху лежал скейт с четырьмя одетыми в чёрные шины колёсами, который он решил слегка модернизировать. Арсений надумал приладить к нему какой-то замысловатый моторный механизм, а затем оборудовать доску парой педалей. Нажатие одной приводило бы в движение задние ролики. При том сила нажатия регулировала бы скорость его электроскейтборда. Вторая педаль должна была служить в качестве тормоза, управляя самодельными тормозными колодками.

Парень взял в руки нужную отвёртку и принялся за дело.

– Сынок, тебе чайку навести? – донёсся из-за двери приглушённый голос матери.

– Не откажусь! – откликнулся Арсений и стал вкручивать винт.

20

Сборную “Искателей” второй отряд одолел с разгромным счётом 2:9. Помимо этого досадного поражения случилась ещё одна неприятность: Кирилл, командир отряда и капитан команды, сломал ногу. Из города за ним уже выехала карета скорой помощи, а сам он, несчастный и удручённый, ожидал её в медпункте. Игра сорвалась минут за семь до своего окончания. Правда, оставшийся отрезок никак не мог повлиять на результат, поэтому “Орлы” заслуженно признались победителями.

Данил же, наотрез отказавшийся от помощи врачей, ду-

мал совсем не о поражении и даже не об очередной стычке с Тимофеем. После инцидента в лесу он возвращался в “Тайник Лешего” молча, не проронив ни слова. Савва с Федей решили, что пока будет лучше не трогать его и дать чуть-чуть отойти от скверных событий.

Когда отряд оказался в корпусе, стрелки на часах, висевших в зале, показывали без пяти минут первого. Основная масса ребят кинулась умывать лицо и руки, запачкавшиеся во время матча на пыльном поле.

Освежившись прохладной водой, Бабурин зашёл в комнату и, демонстративно выдохнув, всем весом шмякнулся на кровать. Одна из четырёх ножек конструкции не выдержала такого напора и отломилась, заставив сооружение покоситься на бок. Едва не скатившийся с постели пухляш дёрнулся от неожиданности и изобразил полное недоумение.

В другом конце спальни диким ржачем разразились хулиганы.

Дубовцев, копающийся в своей прикроватной тумбочке, тоже хихикнул над ним.

– Чего смеёшься, весельчак? Мало тебе моего позора в воротах? – сердито буркнул уставший очкарик.

– Да не расстраивайся ты, Сав! Сегодня облажался каждый, – приободрил Федя.

– Тебе легко говорить! Ведь с претензиями и ругательствами налетели именно на меня! Притом, что самое унижительное, меня отчитывала какая-то противная Диана! – ве-

щал раскрасневшийся Бабурин, брызжа слюной.

– Эмоции, что поделать? Не принимай близко к сердцу!

– И так отъедаю себе прослойку, чтоб обиды до сердца не доходили.

– Выдержку б тренировал. Становись жёстче и не позволяй над тобой глумиться!

– Я не могу жёстче! У меня характер иной, мягкий и ранимый!

– Ломай, значит, свой дурацкий характер! Не девчонка же!

– С чего ты взял, что только девчонки имеют подобный характер? Твоё заблуждение походит на оскорбление!

– Хватит Вам ссориться, – вмешался недовольный Осипов, лежащий спиной к друзьям.

Те сразу притихли и переглянулись.

Дубовцев подсел к Данилу и, водрузив руку ему на плечо, спросил:

– Как ты?

– Напуган... – поведал Осипов. – Можете потешаться надо мной, однако я действительно столкнулся с чем-то страшным...

– Вообще-то, мы хотим тебя поддержать и помочь, – развеял сомнения сверстника Федя.

Данил развернулся к ним и свесил ноги с кровати.

– Я ужасно глупо выглядел! Расплакался, словно маленький, и вдобавок ещё обмочился. На глазах у толпы! Стыд

и позор... Как мне теперь находиться в лагере? – и Осипов слегка прослезился, поспешив вытереть солёную каплю рукой.

– Брось! – успокаивал его Федя. – Какое тебе дело до других? У тебя есть мы!

– Спасибо Вам, ребята! Вы офигенные друзья!

– А что с глазом? – поинтересовался Савва.

– Ай, – отмахнулся Данил и добавил. – Опять Тимоша...

– Вот урод! – оскалился Дубовцев. – Хочешь, устроим ему тёмную?

– Сейчас у меня в мыслях совсем не он. Хотя из-за Тима я лишился своего планёра, – опустив голову, огорчённо произнёс Осипов.

– Если не секрет, что случилось в лесу? Кого ты встретил? – полюбопытствовал Федя.

– Я... сам не в курсе, что там было, – ответил Данил.

– Попробуй описать ту тварь, – попросил Дубовцев.

– Мне не довелось увидеть существо целиком. Зато я отчётливо запомнил его глаза: жёлтые, с россыпью красных точек...

– Оно что, просто стояло и смотрело на тебя? – уточнил толстячок.

– Поначалу да. Замерло с каким-то длиннохвостым зверем на плече. А затем, когда я побежал, стало преследовать...

– Хм, звучит фантастично, – заметил Федя.

– Согласен. Потому и боюсь делиться с остальными. Кто мне поверит?

– Я не говорил, что не верю. Лишь выразил своё удивление, – пояснил Дубовцев.

– Я сперва тоже подумал, что в кустах какое-то хищное животное. Медведь, к примеру. Но разве у бурого влажная и морщинистая лапа?

– Ты меня совсем запугал, – побледнел Савва.

Ребята на время замолчали, таращась друг на друга.

– И что дальше? – нарушил тишину Федя.

– Не знаю...но мне пуще прежнего захотелось уехать из этого проклятого места, – заявил Осипов.

Дверь в комнату со скрипом открылась и в проёме нарисовалась Ксения.

– Мальчишки, собираемся на обед! – объявила вожатая.

– Я не пойду в столовую, – отнекался Данил, не сдвинувшись с кровати.

– Что за глупости? – изумилась блондинка.

– Нет аппетита...

Девушка с сожалением обвела его взглядом и сказала:

– Тогда жду тебя на полднике и ужине! И не спорь!

– Хорошо, – выдавил скудную улыбку Осипов.

Незадолго до этого...

– Короче, проникаешь в кабинет, тыришь какую-нибудь пилу и карабкаешься на второй этаж. Мы с Яковом будем

ждать тебя внутри... – заговорщически прошептал на ухо Забиту Тимофей, когда отряд возвращался на территорию лагеря через брешь в заборе.

– А если дверь окажется закрытой? – резонно уточнил азербайджанец.

– Заберёшься там, – ткнув пальцем в направлении открытого окна класса, где проходило моделирование, ответил главарь.

– Ладь, – кивнул усатый мальчишка и, помявшись, признался. – Только, если честно, мне не очень хочется рисковать...

– Ну. Если попадёмся снова, нас отсюда выдворят и глазом не моргнут, – поддержал панк.

– Харе языками трепать, – пресёк нытьё товарищей Тим. – Или Вам по кайфу, что какой-то жиробас со своим дружкой ставят себя выше нас?

– Они, вроде, никого не трогают... – потупился в деревянные ступеньки лестницы, по которой они взбирались к постройке, Яков.

– Я отомстил одному выскочке, отомщу и этому чмориле! Так что закрутили краны и за дело! – процедил глава шайки, и азербайджанец, вздохнув, незаметно отделился от общей массы ребят.

Пока набившиеся в тесный коридор “Искатели” разувались, Забит забрался в кабинет моделирования и, пошарив в ящиках учительского стола, отыскал ножовку. С ней он вы-

прыгнул обратно на улицу, обогнул здание и полез по водосточной трубе в мальчишескую спальню, где уже дежурили его друзья, прошмыгнувшие мимо умывающихся одноотрядцев.

Приняв у азербайджанца инструмент, Тимофей подскокил к койке Саввы и стал наскоро подпиливать одну из её ножек. Шум поднялся нешуточный, однако его заглушил гул детей за пределами комнаты.

– Быстрее, Тим! Скоро сюда завалятся остальные, – нервничал пацан с ирокезом.

– Знаю! Не мешай, болван! – выпалил пропотевший от усиленной работы ножовкой хулиган.

Закончив, он смёл металлическую крошку под ложе толстячка и вместе с подручными поспешил занять своё место.

Тимофей заныкал ручную пилу в тумбочку и плюхнулся на кровать прежде, чем в спальню начали заходить ребята.

– Впритык, – констатировал уставившийся на главаря Яков, расположившийся на соседней постели.

– Ога. Я чуть не напрудил в штаны, – сказал растянувшийся по другую сторону от заводилы Забит.

– Повторил бы подвиг Данила, – усмехнулся Тим и, приковав свой взгляд к появившемуся в комнате Бабурину, озвучил. – Приготовьтесь к зрелищу...

Недовольный пухляш, повертевшись у койки, завалился на неё.

Громыкнула отломившаяся ножка, и лежанка чуть поко-

силась, отчего обалдевший Савва сполз на край.

– Ахахахаха!!!! – залилась смехом троица и, обменявшись ехидными взорами, удовлетворённо ударила ладонями о ладони друг друга.

Тем временем...

Инна раздражённо постучалась в комнату воспитателя. Через несколько секунд по ту сторону двери послышался скрип койки и последовало недовольное “кому чего надо?” от Галины Семёновны. Возмущённая вожатая, которую переполняло негодование, гаркнула:

– Не хотите ли выйти?

– А что случилось? – сонным голосом спросила женщина.

От такого нахальства брюнетка даже потеряла дар речи, но, несколько поостыв, поинтересовалась:

– Вы решили всё на нас с Ксюшей повесить, да?

– С чего это Вы взяли? – искренне удивилась воспитатель.

– С того, что Вы не объявлялись с самого утра! Мы тут, значит, с детьми возимся, а Вы прохлаждаетесь?! Здорово, однако, получается!

– Чего раскричалась-то? – невозмутимо осведомилась Галина Семёновна.

– Как же с Вами по-другому??! – побагровев от злости, прошипела Инна.

– Тихо и спокойно, – хмыкнула женщина.

– Пфф, – едва сдержалась покрасневшая вожатая. – Объясните, в каком направлении Вы ушли с линейки?

– У меня подскочило давление, поэтому я обратилась в медпункт... – выложила воспитатель.

– Оу... как Вы? – взволнованно справилась брюнетка, сменившая гнев на милость.

– Нормально, благодарю, – ответила воспитатель. – Ещё немного полежу, и будет вообще прекрасно!

– Ладно, не стану Вас тревожить. Отдыхайте! – выказала заботу Инна. – Только в следующий раз, пожалуйста, предупреждайте, если соберётесь куда-то отлучиться...

– Обязательно, – пообещала Галина Семёновна, и вожатая зашагала к себе в комнату.

21

В дежурную часть ОВД “Союзного” ввалился Олег Крюков и присел на угол небольшого столика, где стоял гудящий принтер. Улыбаясь, участковый посмотрел в спину младшему сержанту Юлии Филатовой. Китель девушки висел на спинке её передвижного кресла на колёсиках, на котором она металась по помещению от угла к углу, попутно принимая жалобы через трубку и отвечая на вопросы выстроившихся в очередь граждан сквозь прозрачное окно.

– Теперь я точно знаю, что твоё имя произошло от слова “юла”, – дурашливо сказал Крюков. – Вертишься, как заводная. Открой я дверь и ты, кажется, вихрем крутись на своём стуле, вылетела бы в коридор.

– Наговорился, хохмач? Ты давай, не паясничай, а то сам из дежурки галопом поскачешь, – бросила Филатова и, по-

правив хвост, принялась вставлять листы в скоросшиватель.

– Чего такая злая? – удивился Олег.

– На нервы капашь, – раздражённо ответила девушка.

– Я-то думал, моё присутствие хоть как-то тебя развеселит...

– Мне и так не до скуки, поверь. Если тебе заняться нечем, найди себе какую-нибудь пассиву и донимай сколько влезет!

– Значит, на кофе тебя пригласить не удастся? – уточнил Крюков.

– Хм... а ты можешь предложить мне свежемолотый? – с сомнением спросила Юлия.

– Свежемолотый сварю тебе в постель...

– Каков наглец! – возмутилась Филатова. – Засунь-ка свои фантазии в жопу!

– Если в твою, то всегда пожалуйста! – подмигнув девушке, съязвил участковый.

– Гляди, чтоб яйца из трусов не вывалились, самец!

– Дерзко, – скривил лицо Олег и поинтересовался. – Ты у нас зарплату в конверте получаешь?

Проставляющая печати на документы Юлия покосилась на лежащий у телефона бумажный пакетик и цыкнула:

– Не трогай! Его попросили анонимно передать следователю, ведущему дело Гринюка! Я позже занесу это капитану в кабинет. У Алексея Викторовича сегодня выходной.

– Поручи мне! – вызвался младший лейтенант. – Зачем ты будешь лишний раз бегать?

– Извини, но ты не имеешь туда доступа, – заявила Филатова.

– Все свои, расслабься! Тем более мы с Трофимовым в очень хороших отношениях и доверяем друг другу...

– Ладно, уговорил, – отмахнулась Юлия.

– Кто-то слишком легко сдался, – заметил Крюков.

– Не обольщайся! Просто это действенный способ поскорей избавиться от твоих надоедливых приставаний, – поставила его на место девушка, поднялась с кресла и, разгладив форменную юбку, открыла застеклённый настенный шкафчик, хранящий запасные ключи от кабинетов. Она взяла нужный и вместе с посылкой отдала Олегу. – Как отнёсёшь конверт, не забудь запереть дверь и вернуть ключ обратно!

– Без проблем, душечка, – заверил участковый и удалился из дежурной части.

Филатова, откинувшись на спинку кресла, облегчённо выдохнула.

22

Презирующий всех женщин на свете Май Игнатов, красивый голубоглазый парень с золотой серёжкой в ухе, дорогими часами “**Rolex**” на запястье и стрижкой “ёжик”, увлечённо вёл белую “Ниву” по извилистой и бугристой сельской дороге, окружённой высокими соснами и елями. Автомобиль швыряло из стороны в сторону. Осиновый крестик, подвешенный на верёвочке перед шофёром, раскачивался

туда-сюда, периодически проделывая мёртвую петлю. Добавив громкости на магнитоле, Май с наслаждением слушал, как колонки разрываются от песни Rammstein “**Du hast**”.

Перемахнув через холм, машина свернула с намеченной колеи и поехала по бездорожью, виляя между стволов и расходясь с ними в каких-то сантиметрах.

Герман, женоподобный молодой человек с изящными тонкими пальцами, сидел на пассажирском месте рядом с Игнатовым и визжал от страха, когда их “Нива” чудом не врезалась в корявые деревья.

– Любимый, прекрати гнать! Я не хочу на тот свет! – провопил Герман, убавляя громкость музыки и мусоля наманикюренные ногти.

– Не беспокойся, мой карамельный! Я же ас! – высунув язык от удовольствия, гламурным голоском ответил Май.

– У тебя экзамен по вождению принимал пьяный инспектор! Он ставил “сдано” каждому, кто просто тронулся и не заглох! Ас...

– Зато я получил права с первой попытки! – гордо заявил Игнатов.

– Зачем ты свернул с дороги?

– Так мы быстрее окажемся у озера! Ведь самый короткий путь – напрямик!

Герман зажмурился в надежде, что это бешенное ралли скоро завершится. Он уже шархнулся виском о стекло и набил шишки на пятой точке, где, между прочим, недавно по-

явилась татуировка с именем Мая.

Раздался звук удара. Побледневший Герман догадался, что их автомобиль зацепил-таки дерево зеркалом бокового вида, которое оторвалось и разбилось вдребезги.

– Доволен?! – покраснев, разгневанно проорал он. – Сбавляй скорость!

– Я один фиг собирался покупать новые зеркала. Не злись, родной, – слащавым тоном успокоил Май, похлопав Герману глазками.

Тем временем играющая в колонках песня сменилась на **“Поворот”** знаменитой группы **“Машина времени”**. Игнатов, снова прибавив громкости, стал подпевать, активно мотая головой.

Внедорожник, миновав ещё с две сотни метров, вывернул обратно на колею, и Май поддал газу. Взревев, **“Нива”** стремительно понеслась вперёд, собирая все кочки и ямки, отдающиеся пассажирам.

– Ого, гляди, пупсик, какая впереди здоровенная лужа! – восторженно воскликнул Игнатов. – Сейчас повеселимся!

– Уже оргазмирую, – саркастично просипел Герман и вжался в кресло.

Машина на полном ходу влетела в огромную жидкую кляксу, заставив грязную воду внушительными брызгами окатить края дороги, а заодно и сам автомобиль.

Май включил дворники, со скрипом заметавшиеся по лобовому стеклу. Вскоре видимость нормализовалась, и води-

тель заметил, что из-под капота “Нивы” клубится белый пар. Он тут же затормозил, да так резко, что его избранник не стукнулся лицом о панель лишь благодаря ремню безопасности.

– Сука! – выпалил Игнатов, поставив внедорожник на ручник.

– Довыёживался?! Я ведь тебя предупреждал, только толку? Всё равно своему парню не внимаешь! Теперь вляпались в неприятности, – причитал Герман.

– Ну, сладкий! Остынь! – и Май ласково погладил ляжку бой-френда, после чего, перегнувшись через рычаг переключения передач, поцеловал его. – Скорей всего на радиатор просто попала вода. Не думаю, что там серьёзные проблемы!

Шофёр вылез из машины и спустя несколько секунд изрёк недовольное “ёп”.

– Что случилось? – встревоженно спросил Герман, высушившись из окна.

– Колесо прокололи, – осведомил Игнатов.

– А что с тем белым паром, зайчонок?

– Как я и предполагал – радиатор намок...

– Блиин...

– Давай поступим следующим образом... до озера рукой подать. Ты пока перетаскивай на пляж всё для пикника, я же попробую поколдовать над колесом.

– Разве починка не займёт уйму времени?

– На худой конец вызвоним Архипа, поможет. Не забывай,

милый, мы выбрались сюда отдохнуть. При надобности переночуем в машине. Лето жаркое, не замёрзнем. Если сильно захочешь, я тебя согрею... куда спешить? У меня ещё неделя отпуска!

Герман не мог не согласиться, учитывая, что он и подавно никуда не торопился, ведь был обычным домохозяином. В будни парень готовил для Мая, держащего в Гродске целую сеть продуктовых магазинов, прибирался в их уютной двухкомнатной квартирке, а вечером, по возвращении любимого домой, парочка занималась сексом.

Поразмыслив, Герман всё же одобрил решение Игнатова. Достав из багажника пару пакетов, набитых едой, мангал и полотенце для их утех, он поплёлся к “Багровому” озеру, маячащему меж стволов.

Хвойные деревья закончились на полосе галечного пляжа, где чуть левее, практически у самой воды, стоял испещрённый дырами и щелями заброшенный сарай – бывшая лодочная станция.

Герман побросал шмотки и с любопытством проследовал к разошедшейся постройке. Толчком парень отворил скрипучую дверь, кривую и убогую.

Очутившись внутри заросшего паутиной помещения, слабо освещаемого через два узких пыльных окошка под потолком, Герман взялся огибать ряды старых разбитых лодок и катамаранов, чья оранжевая краска выцвела и теперь топорщилась. Повсюду здесь валялись вёсла и разнообразные зап-

части: рули, педали, лопасти.

Проведя по борту одного плавательного корыта, молодой человек с отвращением посмотрел на палец, покрывшийся сухой серой пылью, и обтер его о штаны.

В дальнем углу помещения Герман различил двухместную байдарку, прислонённую к стене. Подойдя ближе, парень понял, что у неё отсечена носовая часть. При дальнейшем изучении он обнаружил на корпусе судна длинные параллельные отметины, напоминающие следы когтей, и...запёкшиеся брызги крови.

Нахмутив брови, Герман устремил взор под ноги и обмер. Внизу, прямо перед ним, покоилось тело дохлой собаки. У трупа, сгорбившись, сидело колючее белое существо полуметрового роста с лысым розовым хвостом, лежащим закрученным кольцом на полу. Оно обгладывало лапу лохматой дворняги и жадно глотало куски её плоти.

Диковинный зверь рассекретил парня и, повернув свою окровавленную уродливую морду с длинными усами на него, обвёл Германа недружелюбным взглядом.

Не намереваясь делиться с пришедшим едой, он залез на тушу мёртвого пса, оголил острые зубы и, оттопырив розовые жабры, зашипел в попытке отпугнуть человека от добычи.

Парень открыл рот, чтобы закричать, но из его горла вырвался лишь сиплый хрип.

Германа затошнило, отчего он весь побледнел. Протиски-

ваясь к выходу, парень с грохотом перевернул катамаран и запнулся о какую-то металлическую ржавую деталь.

Выскочив наружу, молодой человек убедился, что его не преследует та страшная тварь, и принялся жадно глотать воздух, от коего начала кружиться голова.

На онемевших ногах Герман доковылял до пирса, выступающего в озеро.

Причал, как и сарай, переживал не лучшие времена и предстал обветшалым и серым. Сваи из лиственницы малость завалились, из-за чего всё сооружение накренилось вправо. К одной его боковине была пришвартована деревянная лодка, безмятежно колышущаяся на гребешках волн и бьющаяся о сухой скелет конструкции.

Тяжело дыша, растерянный Герман ступил на скрипучую поверхность и двинулся вперёд. Доски прогибались и трещали. Создавалось впечатление, будто они вот-вот не выдержат и отправят его купаться.

Герман достиг края пирса, остановился и опустился на колени, уставившись в багровую, почти коричневую, толщу воды. Почерпнув ладонью мутную жидкость, он умыл ею лицо и похлопал себя по щеке, приводя в чувства.

“В постройке жуткое создание, пожирает несчастную дворнягу” – бешено билось в черепной коробке. – “Нужно срочно сообщить Маю! Любимый решит, что делать”.

Парень выпрямился и хотел броситься к Игнатову, однако задержался. Его внимание привлекло что-то вдалеке, по-

завившееся в тёмной воде у высокой крутой скалы слева.

Герман прищурился, и буквально прирос к причалу.

Из воды возникла мощная склизкая спина, откуда торчали массивные шипы с толстыми прожилками, похожие на ороговевшие костные пластины, какие носили динозавры. Семь наростов с тупыми закруглёнными концами располагались в шахматном порядке, плавно уменьшаясь в размерах по мере приближения к копчику. Самый крупный имел повреждение – кривой скол на верхушке с отходящей от него паутиной мелких трещинок.

Рассекая багровую гладь своими выпуклостями, гадина с невероятной скоростью ринулась к причалу, где в диком ужасе застыл парень, чьё лицо значительно осунулось.

“Беги! Ну же, беги! Дурак, чего ты ждёшь?” – мысленно отчитывал себя Герман, но не мог пошевелиться, приковав глаза к надвигающемуся на него монстру.

Чудовище мгновенно преодолело колоссальное расстояние и уже оказалось у причала, как вдруг в паре метров от него, когда Герман думал, что столкновение неизбежно, исчезло в глубине озера, скрыв свои наросты под мутной толщей. На месте нырка образовалась внушительная воронка. От неё разошлись большие волны, нарушив покой пришвартованной лодки. Судно закачалось на гребнях, глухо тыкаясь острым носом в деревянную сваю.

“Слава Богу!” – расслабился парень и протяжно выдохнул, улыбнувшись собственной трусости.

Молодой человек направился к берегу, однако тут же ощутил всем телом, как нечто с разрушительной силой врубилось в дряхлый пирс, покосившийся от удара.

Герман пошатнулся, не удержал равновесия и, размахивая руками, шмякнулся навзничь. Не успел он подняться, как случился новый удар, после которого несколько свай с одной стороны переломились пополам. Причал, и без того с трудом стоящий на своих ненадёжных опорах, одним боком погрузился под воду. Кончики ботинок парня облизали волны. Бедолага стал сползать с наклонившегося сооружения, цепляясь пальцами за намокшие скользкие доски.

Из озера вновь нарисовались жуткие шипы. Существо отплыло, чтобы развернуться и пойти на жертву в лобовую.

Герман, как ни старался, скатился-таки в воду и теперь, барахтаясь, предпринимал тщетные потуги вскарабкаться на полузатопленный край пирс. Судорожно обернувшись, молодой человек увидел, как разрезающие гладь ороговевшие пластины летят на него. Он затрясся и заскулил, словно беспомощный пёс, вгрызаясь накрашенными ногтями в доски.

За спиной послышался шум волны, и парень почувствовал, как тело слегка мотнуло. Когда он в очередной раз повернул голову, кто-то гигантский схватил его и, окончательно снеся угол причала, рывком утянул в бездонную пучину. Последним, что наблюдал Герман, был водоворот, в котором кружили раскрошенные доски и щепки, оставляющие за собой следы из пузырьков.

Миновал узкий коридор, выложенный светло-жёлтым жёстким линолеумом, Крюков свернул направо и очутился у лестницы, рядом с коей находилось три деревянных стула. Поздоровавшись с коллегой, спускающимся со второго этажа и внимательно слушающим женщину с побоями на лице, Олег зашёл за угол и, сплюнув слюну в коричневый горшок, где рос фикус с блестящими тёмно-зелёными листьями, достал ключ. Только он вставил его в замочную скважину двери серебристого цвета с табличкой “**Следователь Трофимов А.В.**”, как услышал за спиной недовольный голос лейтенанта Сергеева:

– Эй ты, залётная пташка, чего там забыла?

– Я выполняю поручение дежурного, – объяснил участковый, повернувшись к Павлу. – Мне сказали занести Алексею Викторовичу конверт.

– Нет никого в теремочке! А посторонним не положено туда входить без ведома капитана! – напомнил лейтенант.

– Уверен, если он узнает, то не будет против, – решил Олег.

– Зато я против, Крюков! – прошипел Сергеев. – Кто ты вообще такой, чтобы позволять себе спокойно брать ключи и шерстить чужие кабинеты? В ОВД установлены строгие порядки, и они касаются всех!

– Мы с Трофимовым здорово ладим! Я не вижу причин для беспокойства...

– С каких пор у капитана на побегушках второсортные отбросы, вроде тебя, мм? – спросил Павел, сузив глаза. – Тащишься от подлизывания чужих задниц, угадал?

– У Вас длинный язык, лейтенант. Настоятельно рекомендую держать его за зубами...

– Осторожней, умник! На рога ещё напорешься! – пригрозил Сергеев и, показав участковому кулак, добавил. – Смотри у меня! Если чего натворишь, прижучу!

Следователь грозно заглянул Крюкову в глаза и, стиснув зубы, побрёл дальше. Олег, нахально оскалившись ему вдогонку, отворил дверь и юркнул в кабинет.

– Анонимно, значит? – ухмыльнулся участковый и, повертев бумажный пакетик в руках, аккуратно вскрыл его канцелярским ножом, позаимствованным со стола Трофимова.

Внутри обнаружилось цветное фото и четвертинка листочка со следующим текстом:

“Недавно мы прогуливались с семьёй в Центральном парке, и жена попросила щёлкнуть её с дочерью у фонтанов. Пару дней назад мы распечатали снимки в фотосалоне и заметили кое-что интересное. Если не ошибаюсь, в кадр попал разыскиваемый Вами преступник, беседующий с каким-то парнем на лавочке, что в правом углу изображения. Надеюсь, это поможет следствию...”

Крюков насторожился и, переведя взгляд на фотографию, похолодел. Там отчётливо различался его сводный брат, Максим Гринюк, и, собственно, сам Олег. В парк они наве-

дались буквально за сутки до отбытия первого в Малые Дуки, дабы обсудить планы на ближайшее будущее.

– Вот же грёбанный добродетель! – рассвирепел участковый и, нервно скомкав злополучный снимок на пару с запиской, зажал его во вспотевшей ладони. – Подобный компромат не должен оказаться у Трофимова...

Младший лейтенант протёр пересохшие губы и попытался осмыслить весьма скверную ситуацию, в которую он вляпался.

Дверь со щелчком открылась. Крюков вздрогнул и, пометавшись по кабинету, швырнул помятый комок в мусорное ведро. Когда он вытянулся по струнке, порог помещения переступил Алексей Викторович.

24

После нудной возни с автомобилем Май отметил, что его нежные руки совсем не предназначены для мужской работы. Толку от копошений парня у колеса не было абсолютно никакого. Поэтому он закрыл “Ниву” и потопал к озеру, где его, по идее, ждал Герман.

Пиная шишки, в изобилии лежащие на земле, Игнатов помял вспотевшие чешущиеся яйца, обогнул крайнюю к пляжу сосну и шагнул на гальку, загребая в свои “дырявые” сандали мелкие камешки.

На пляже его возлюбленного не обнаружилось, зато отыскались вещи, оставленные на берегу: полотенце, пакеты, мангал...

– Герман! – проорал парень. Ответом ему послужила мёртвая тишина. – Герман! Чёрт бы тебя побрал, обаятельный ты засранец! Хочешь напугать меня, да? Лучше чмокни в задницу, не выгорит! Дуй ко мне!

Но бой-френд не отзывался.

Май, нацепив на лицо широченную улыбку, зашагал к старому деревянному сараю.

– Эй, я знаю, что ты там, шалун!

Дверь в помещение оказалась открыта. Игнатов заглянул внутрь, выискивая своего партнёра. Он мог спрятаться где-нибудь среди многочисленных лодок и катамаранов.

– Герман, я не собираюсь соваться в этот жуткий склеп. Он же держится на соплях да на честном слове, не дай Бог обвалится! Хватит паясничать, не смешно уже! Если ты резко выпрыгнешь передо мной, я выебу тебя в анус как грязную сучку! Так что завязывай!

Молчание. Довольная ухмылка постепенно сползла с физиономии Мая. На сей раз ему сделалось не по себе.

– Что ещё за шуточки? – проворчал Игнатов и обратил взор на пирс, опёршись ладонью о косяк дверного проёма.

Парень заметил, что конструкция сильно повреждена. Часть её вообще отсутствовала, и у разлома плавали куски досок, бывших продолжением деревянной дорожки. Там же на небольших пенистых барашках волн колыхался спасательный круг. Лодку, привязанную к одной из свай, слегка подтопило.

Май серьёзно встревожился. С бешено колотящимся в груди сердцем он осторожно добрался до неровно обрубленного края причала и изучил нанесённый ему урон. Складывалось впечатление, что кто-то взял и снёс приличный кусок сооружения. Из заострённых концов покорёженных брусков торчали пучки заноз, а мутную багровую воду заполонили опилки, щепки и фрагменты досок. Они тянулись длинной полосой, уходя дальше в озеро.

Игнатов, вытерев потный лоб, посмотрел на подаренные ему Германом наручные часы “**Rolex**” из нержавеющей стали с автоматическим подзаходом, где на серебряном циферблате имелся индикатор с числом нынешнего месяца: “**9**”. Стрелки показывали время **12:43**. Миновало уже более полчаса, как его парень смотался на пляж и бесследно исчез.

Май отвлёкся от часов и боковым зрением различил некий предмет, качающийся на волнах и подплывающий к пирсу. Он в ужасе вздрогнул, поняв, что в багровой мути находится отделённая от тела голова его обожаемого Германа. На неестественно бледном лице, перекошенном от страха, застыл предсмертный крик, а в широко открытый рот хлестала вода. Пустые, “стеклянные” глаза таранились прямо на Игнатова.

– Господи Иисусе! Герман!!! – забился в истерике Май и, упав на колени, принялся дёргать себя за волосы. – Какой садист сотворил с тобой такое? – и парень горько заплакал, шмыгая носом.

Голова его покойного возлюбленного достигла причала и забила о борт лодки.

Сквозь звон в ушах, до Игнатова долетел горловой рык.

Трепеща, молодой человек встал, медленно повернулся и тут же скосил ноги иксом. Из его рта вырвалось невнятное беспомощное кряхтение, когда он увидел нечто огромное, стоящее на берегу у самого пирса.

Существо, пожирающее жертву хищным взглядом своих янтарных глаз, оскалилось, свирепо фыркнуло и скачками помчалось к Игнатову.

Часы зафиксировали последнюю комбинацию цифр: **12:45**. Май громко завопил, расшугав всех птиц в округе, которые сразу же покинули места на ветках и взметнулись над острыми макушками сосен и елей.

Ещё долго визг парня стелился над водой и эхом разносился по лесу.

25

Алексей Трофимов вошёл в двухэтажное здание ОВД “Союзного” и проследовал к дежурной части мимо КПЗ, именуемого в народе “обезьянником”, где, вцепившись в прутья, стоял неопрятный мужчина и во весь голос негодуяще заявлял о своих правах.

Приблизившись к огромному прозрачному окну дежурки, капитан постучал по нему костяшками пальцев и, когда сидящая за ним девушка-милиционер, за спиной у которой на всю стену раскинулась карта района, подняла глаза, добро-

душно ей подмигнул:

– Привет, Юль!

– Бонжур, Лёш! – просияла дама в форме, положив шариковую ручку на стол, заваленный документами. – Захотел получить посылку во внеурочное время?

– Именно. Она у тебя?

– Крюков унёс её в твой кабинет буквально пять минут назад, – известила Филатова.

– Ты дала ему ключ? – уточнил Трофимов.

– Угу. Я просто физически не успеваю разгребаться с бумажками, звонками и прочей ерундой. Вот и припахала Олега. Он ужасно доставучий!

– Совсем много работы?

– Хватает, – и словно в подтверждение её слов забренчал телефон. – Давай как-нибудь потом поболтаем? – предложила Юлия и, получив от коллеги кивок, сняла трубку аппарата.

Алексей направился к своему кабинету, по пути встретив мрачного Сергеева, не заметившего напарника и проскочившего мимо. Старший офицер остановил лейтенанта и, вскинув бровь, удивлённо полюбопытствовал:

– Пашка, ты чего тут забыл? У нас же сегодня выходной...

– Товарищ капитан, как хорошо, что Вы здесь! – обрадовался молодой следователь. – Меня Столяров подменить на пару часов попросил и я, заступив, наткнулся на Крюкова! Этот тип выцыганил у Филатовой ключ от Вашего...

– Я в курсе, – оборвал его Трофимов. – Ничего страшного не случилось.

– Не поймите меня неправильно, но... Олег не внушает мне доверия с самого знакомства! Он сравнительно недавно появился в “Союзном”, а уже позволяет себе вопиющие наглости! Их надо пресекать на корню! Иначе из него выйдет тот ещё работничек! Таких бы в шею гнать! Откуда Крюков вообще взялся? Явно не из академии МВД...

– Я тоже не из академии, – улыбнувшись, напомнил Алексей.

– Как ни крути, он мне не нравится! Поведение Крюкова заставляет сомневаться в его порядочности.

– Паша, не плети интриги на ровном месте! – цокнул капитан. – Олег – нормальный парень и старается показать себя с лучшей стороны.

– Вам видней! – вздохнув, развёл руками Сергеев и закончил разговор фразой. – Удачного дня!

– Взаимно, – ответил Трофимов и проводил расстроенного лейтенанта задумчивым взглядом, после чего продолжил идти к своему кабинету.

Добравшись до него, офицер повернул издавшую щелчок ручку и открыл дверь.

– Алексей Викторович?? Здравствуйте! – замер у стола ошарашенный Крюков.

– Салют, Олег! – отозвался следователь. – Жалобы на тебя поступают, что по кабинетам без спроса лазаешь...

– В смысле без спроса? Я Юле помогал! Она сама мне ключ вручила, я конверт к Вам и доставил, чтоб человек с поста не бегал, – изъяснился участковый.

– Похвально, конечно. Но повторять не стоит... – обозначил Трофимов.

– Вы за посылкой? – осведомился Крюков.

– Да, не терпится её изучить, – поведал капитан и, подобрыв с поверхности стола распечатанный конвертик, вытряхнул его. – Хм, пусто... ты уже нос сунул?

Заметно напрягшийся Олег, сглотнув слюну, признался:

– Простите, не смог побороть жажду своего пытливого ума. Решил, что там нечто важное и интересное...

– И?

– Оказалась фигня. Какой-то балбес подшутил, затолкав в конверт открытку с приколом.

– Серьёзно? – поразился Алексей.

– Угу. Я её сразу выкинул, – отрапортовал едва сдерживающий дрожь в ногах участковый.

– Досадно, – нахмурившись, покачал головой офицер.

– У людей нынче совсем стыда нет, – возмутился Крюков.

– Горькая правда, – согласился Трофимов и добавил. – Что ж, тогда не буду терять времени, меня сын в машине ждёт...

И следователь, наказав Олегу вернуть ключ в дежурную часть, покинул ОВД.

На улице...

Капитан сел в “Девятку” и повернул ключ зажигания.

– Надеюсь, в поликлинике всё пройдёт плодотворней, – ухмыльнулся он, задним ходом выводя автомобиль из парковочного “кармана”.

– Тебе ничего не передали? – справился Вова и пристегнулся ремнём безопасности.

– Да, скатались впустую, – почесал затылок его отец и, вывернув “Ладу” на проезжую часть, оптимистично заключил. – Зато нам представилась возможность подольше пообщаться.

– Если у кабинета врача мы влипнем в очередь, нам не хватит тем для разговора, – хохотнул мальчик.

– Никогда не любил больницы, – скривился Алексей.

– Вот-вот...когда вырасту, в жизни не пойду туда работать! – поделился сын.

– Мне кажется, тебе стоит задуматься о карьере шеф-повара! Завтрак оказался безумно вкусным! Откуда такие навыки?

– Как-то само получается. Я обожаю готовить! Хотя мама бы точно не хотела, чтобы в будущем я связался с кухней...

– Почему?

– Потому что она восхищалась тобой, а ты – милиционер!

Сердце офицера вновь сжала тоска. Он непроизвольно покусал губы и отшутился:

– Смени я фуражку на поварской колпак, мама бы меня расцеловала.

– Думаешь, Свете бы понравилось, стань я, например, работником ресторана?

– Ну, коль у Вас всё серьёзно, она должна принять любой твой выбор.

– Очень серьёзно. Мы встречаемся с двадцать восьмого ноября прошлого года.

– Ты даже помнишь дату?

– Естественно! Каждый месяц данного числа я дарю ей цветочек с шоколадкой.

– Хах, то-то у меня с тумбочки пропадает наличка.

– Проказы домового, – предположил Вова. – У меня имеются свои сбережения.

– Я шучу, – сказал следователь. – И вообще, если понадобится копеечка, спрашивай.

– Дело не в деньгах. Я боюсь, что однажды Света ко мне охладет... – и мальчик грустно потупился в резиновый коврик.

– Поэтому ты никого к ней не подпускаешь? Тобой движет ревность? – догадался капитан.

– Угу...

– Понимаю. Но открою тебе один секрет: сейчас ты рискуешь расстаться со Светой гораздо сильнее, потому что выставленное напоказ привлекает к себе слишком много ненужного внимания. Чем громче ты кричишь о своём счастье, тем больше наживаешь себе завистников. Пусть вспыхнувшие между Вами чувства останутся сокровенной тайной,

в которую не будут посвящены третьи лица.

– Наверное, в этом есть смысл...

– В школе необходимо поддерживать дипломатические отношения со всеми. Любовным же моментам отведи время после уроков. Главное, чтобы они не влияли на учёбу. Алёна Владимировна не особо довольна твоей успеваемостью...

– Мне несколько тяжело даются кое-какие предметы. Обычно, с домашкой мне помогала мама...

– Она была замечательным педагогом! Из меня выйдет никудышная замена...

– Просто, ты толком не пробовал, – пожал плечами ребёнок.

– Упрёк засчитан! – подметил Алексей, паркуя машину у здания поликлиники. – И поделом мне! Теперь я получил хороший стимул исправляться...

И отец с сыном, выбравшись из салона “Девятки”, зашагали ко входу лечебного заведения.

26

Савва с Федей выбрали из столовой после обеда и поплелись к корпусу в хвосте отряда. Солнце стояло высоко и достаточно сильно припекало, играя бликами на линзах очков Бабурина.

Дубовцев к кушаньям не притронулся. Вкусный исключительно названием гороховый суп был ненаваристым и пресным, а рыба с рисом, и без того ему тошнвые, оказались холодными и мерзкими на вид. Вожатые попытались прину-

дить мальчика съесть приготовленные поварами блюда, однако Федя употребил лишь кусочек хлеба и тёплый компот из сухофруктов.

Пухляш же наоборот буквально проглотил поданную порцию, подчистил тарелки за другом и попросил добавки, выбив себе ещё супчика.

В общем, брюхо толстячок наполнил под завязку и теперь неторопливо шагал вперевалочку, наслаждаясь жизнью.

Галдящая толпа ребят миновала старую неказистую беседку, поднялась по деревянной лестнице к пятому корпусу и нашла его.

Сидящий наверху в мальчишеской спальне Данил сразу смекнул, что его отряд вернулся. Шум доносился даже до столь отдалённого от прихожей помещения.

Позже трое мальчишек вломились в комнату и устремились к своим кроватям. За ними появились и Дубовцев с Бабуриным. Второй проследовал к Осипову и спросил:

– Ну, как ты?

– Спасибо, Сав! Держусь, – поведал Данил и поинтересовался. – Хорошо пообедали?

– Просто превосходно! – расплывшись в улыбке, воскликнул очкарик и ласково погладил свой объёмный дряблый живот.

Федя скорчил лицо и добавил:

– Ага, замечательно! С такой кормёжкой скоро придётся лопать одуванчики...

В спальню заглянула Инна и громко объявила:

– Укладываемся на сон час! Чтобы через пять минут все лежали в своих постелях и не нарушали тишину!

Эти слова дети встретили неодобрительным гудением и только пухляш довольно протянул:

– Поели, надо и вздремнуть! Моя любимая поговорка!

Он лёг на починенную лагерным слесарем койку, со скрежетом прогнувшуюся под его весом, укрылся узорчатым бардовым одеялом и завалился набок, опустив веки.

– Меня в сон совсем не клонит! – поделился Дубовцев с Осиповым.

– Меня и подавно, – вздохнул тот. – Я вообще не уверен, сомкну ли глаза грядущей ночью. Кажется, сей кошмар не оставит меня в покое.

– Хей, мы же рядом! – по-дружески пихнул товарища в плечо Федя. – С нами-то тебе не страшно?

– Не очень, – нерешительно ответил Данил.

– Ну вот, другое дело! – подбодрил его Дубовцев и обернулся на донёсшееся из противоположного конца помещения обращение:

– Эй, пацаны, давайте замутим бой подушками, а?

– Почему бы нет? – оживились мальчишки.

– Тогда чего медлим? – подогрел интерес заводила и вскочил на ноги.

Федя, вторя остальным, зарядился энергией и предложил Осипову:

– Думаю, нам стоит поучаствовать! Отвлечёшься от своих дурных мыслей.

– Ну, не знаю... – засомневался Данил.

– Ой, брось! – перекошил физиономию Дубовцев и крикнул. – Мы с Вами!

Федя взял подушку и, гыгыкнув, тихонько треснул ей Осипова:

– Задай мне перцу!

Данил загорелся азартом и, схватив своё мягкое оружие, ринулся вдогонку за убегающим другом.

В комнате разразилось массовое сражение подушками.

Дубовцев забрался на чью-то скрипучую койку и стал там прыгать. На него, размахивая белыми пузатыми мешками, с радостными воплями накинулись несколько ребят. Федя принялся яро отбиваться от них. Тотчас к нему на помощь подоспел Осипов. Он так вошёл во вкус, что его подушка в итоге порвалась о железную спинку кровати.

По душному спёртому воздуху разлетелась куча пуха, осевшего на постелях, тумбочках и полу. В перьях утонул и сам Данил. Сплюнув пушинки, попавшие в рот, мальчик подобрал новое оружие и продолжил баталию.

– У Вас же из ушей еда ползет! – выпалил припорошённый внутренностями подушки Бабурин и разгневанно заверещал. – Дайте отдохнуть!

К облегчению очкарика в спальню наведальась Инна.

– Разве я непонятно...? – тут вожатая поперхнулась, ули-

цезрев устроенный погром. – Бог ты мой! Что Вы здесь на-
творили? Ну-ка, живо по постелям!

Расстроенные мальчишки покорно распределились по
койкам.

– Больше ни звука! По пробуждении займётесь уборкой! –
строго распорядилась брюнетка и скрылась за дверью.

Осипов, валяясь на кровати с побагровевшим лицом, ру-
мяными щеками и слипшимися потными паклями волос, си-
ял от счастья.

– Реально весело, Федь! Если честно, я даже не против
как-нибудь повторить! – восхищённо вещал он, вперившись
целым глазом в потолок.

– А я что говорил! – тяжело дыша, шептал запыхавшийся
Дубовцев. – Суперски подурачились!

– Ваш беспредел мешал мне уснуть! – вклинился надув-
шийся Савва и укутался в одеяло.

– Не ной! – буркнул Дубовцев и, встав с постели, подошёл
к окну.

Прежде он ещё ни разу не смотрел из него на улицу и не
имел представления, какой отсюда открывается вид.

Высота казалась приличной. Подобное ощущение склады-
валось благодаря тому, что корпус располагался на холме.
За потрескавшейся асфальтированной дорожкой вокруг зда-
ния, где они проводили зарядку, следовал обрыв. Там земля-
ной пригорок уходил резко вниз. У его подножия громоздил-
ся забор, чьи прутья основательно вросли в усеянную травой

почву.

Пятый корпус был самым удалённым от главных ворот, и изгородь в этом месте отделяла зону лагеря от леса, начинающегося прямо за ним. Густые кустарники, тесно граничащие с территорией “Тайника Лешего”, уже пустили побеги в его владения, а их ветви торчали в пространстве между стальными стержнями. Сосны и ели создавали сплошную непроницаемую стену, берущую оздоровительную организацию в замкнутое кольцо.

Федя созерцал природу, как внезапно уловил, что кусты у забора шевельнулись. Его взор метнулся в том направлении и не сразу выцепил неподвижный силуэт среди листвы и сплетения веток.

Нечто крупное, с сидящим на плече грязно-белым упитанным комком иголок, застыло по ту сторону ограды и пристально глядело на него.

Сглотнув слюну, Дубовцев вспомнил слова Данила: “... его глаза: жёлтые, с россыпью красных точек...”. В точности такие сейчас сверлили Федю. Свирепые и жуткие ...

Ребёнок попятился назад и, взвизгнув, привлёк к себе всеобщее внимание.

Мальчишки, приподнявшись на койках, недоумённо вытаращились на одноотрядца.

– Монстр!!! – панически загорланил Дубовцев, стуча зубами.

Все моментально подорвались с кроватей и облепили ок-

на. К сожалению, ничего необычного они не обнаружили. Кустарники мирно грелись под лучами яркого солнца, к нему тянулись их листики.

– Ты прикольнулся?! – возмутился один паренёк, приминяя хохолок на затылке.

– Поди, спятил, как тот... – предположил другой, ткнув пальцем в ошарашенного Данила.

– Ога, кучка сумасшедших, – заключил Забит.

В комнату вбежала рассерженная Инна.

– Вы намереваетесь уничтожить мои нервы?? – негодуяще проревела она и уставилась на перепуганного Федю. – Что такое? – смягчила тон брюнетка.

Дубовцев лишь указал пальцем на окно.

– Он считает, что в чаще монстр! – пояснил Тимофей, и мальчишки дружно заржали.

– Врун! – презрительно бросил Яков.

– Я не врун! – воинственно заявил Федя, старающийся усмирить бешено колотящееся сердце. – Кто-то действительно стоял за забором!

Ребята снова закатились истерическим гогогом.

– Вот уморааа!!! – послышался очередной смешок.

Травлю остановил вмешавшийся Осипов:

– Монстр существует! Я столкнулся с ним с утра, в дебрях у футбольного поля!

– С утра ты столкнулся с моим кулаком, – оскалился Тим.

– Неужели Вы не верите нам? – проигнорировал оппонен-

та Данил. – Не можем же мы одновременно ошибаться.

Инна покачала головой.

– У Вас слишком бурная фантазия, молодые люди! – констатировала девушка. – Вас записать к психиатру? Или Вы всё-таки не видели никаких чудищ?

Осипов и Дубовцев переглянулись, после чего Данил ответил за двоих:

– Мы не видели чудищ, Инна Матвеевна. Наверное, помешалось...

Вожатая улыбнулась и сказала:

– Я так и знала!

Спустя несколько часов...

Пятница близилась к концу.

На вечерней линейке состоялось награждение отрядов-победителей и наиболее активных ребят. Вручались грамоты, значки и сладкие кульки. К огромному разочарованию, “Искатели” получили только один приз и то персональный. Его, как “самая боевая девчонка”, урвала Диана.

Больше прочих отличились “Орлы”, обыгравшие команду травмированного Кирилла в футбольном матче.

После того, как флаг был опущен, отряды рассосались по корпусам.

По прибытии в здание, Инна с Ксенией организовали своим подопечным увлекательный досуг: дети совместными усилиями начали составлять плакат с описанием событий прошедшего дня, украшая его пёстрыми и креативными ри-

сунками. Все с головой ушли в работу. Подобное, безусловно, спланивало ребят. За общим занятием они оживлённо общались и, как следствие, лучше узнавали друг друга.

Данил же остался в стороне от данного мероприятия и, уединившись в мальчишеской спальне, сидел на краю своей койки, глядя в пустоту. Отчего-то, его пробивало на слёзы. Он думал о том, как же, оказывается, хорошо дома, где нет портящих настроение задир, нудных непонимающих вожаков и...монстров.

От сей мысли Осипов невольно вздрогнул и устремил взор в окно, через которое комнату заливало призрачным светом воцарившейся в звёздном небе луны.

Пацанёнок выудил из-под кровати рюкзак и распахнул один из отсеков. Покопавшись в его недрах, он наткнулся на помятый буклет. Вверху обложки виднелось название лагеря, а ниже – эмблема, изображающая заключённого в потёртый круг пройдоху Лешего с поросшей мхом деревянной шкатулкой в руках.

Данил раскрыл рекламную ширмочку и проштудировал текст: *“Дорогие друзья! Наш замечательный лагерь, расположенный в живописном месте, приглашает Вас провести незабываемый отдых на природе! Свежий воздух и ландшафтные красоты лесного озера в сочетании с комфортабельными и удобными номерами для проживания, делают Ваше времяпровождение поистине сказочным! Отменное четырёхразовое питание, увлекательная спортив-*

ная программа, включающая прохождение канатного городка...”. Осипов прервал своё чтение и изучил оборот брошюры. Там отыскался список вещей, рекомендованных к наличию в период смены.

– Шикарное заведение! – нахмутив брови, прошептал обозлённый Данил и разорвал буклет на множество мелких кусочков. – Ненавижу его! Ненавижу людей, окружающих меня здесь! Никто, кроме Феди и Саввы, меня не слышит. Коллектив лишь потешается и унижает. Даже вожатые сочли меня за глупенького трусишку с нездоровым воображением. Чем я опять не угодил миру, чем провинился?

Осипов достал из сумки оберег тёмно-стального цвета, гематит на нейлоновой ниточке, и, прослезившись, прижал к груди. Мама дала ему этот маленький, по форме напоминающий капельку, камешек перед отъездом, чтобы он хранил её сына.

Ребёнок бережно повесил талисман себе на шею. Вдруг действительно поможет?

Вытерев слёзы, Данил запустил руку на дно своего рюкзака и, нащупав плёночный фотоаппарат, извлёк его наружу.

Взявшись за устройство, мальчик тут же ясно осознал, что должен предпринять, дабы показать скептикам правду и заставить поверить ему. Он понял, как реабилитироваться в глазах Дианы. План созрел в голове за какие-то доли секунды. Осипов для себя всё решил.

Ноги в жёлто-голубых тапочках проскользили по залитой лунным светом каменистой дорожке, свернули в траву и на цыпочках, дабы не создавать лишнего шума, понеслись к забору.

Женщина, опасливой рысью передвигающаяся по территории спящего лагеря, напоминала призрак благодаря своим белым как свежий снег волосам. В левой руке она держала пакет, в котором находилось специально заготовленное для него ещё вчера сырое мясо. На кисти правой руки висел ультразвуковой свисток, мотыляющийся от быстрой ходьбы.

Когда подозрительная особа оказалась у той части ограды, где раскуроченные прутья образовывали дыру, позволяющую свободно пробраться в “Тайник Лешего”, её вновь охватило сильное волнение, перемежающееся со страхом. Вот уже долгие годы она боролась с этими чувствами. Наверное, свыкнуться с таким не получилось бы ни у кого. Тем более, каждая подобная её вылазка граничила с риском для жизни. Общество бы, скорей всего, приписало поступки дамочки к безумию, но... разве у неё имелся выбор?

Выйдя за забор, чудачка достала мясо из пакета и положила его на пень. Оставалось ждать. Уйти сразу она не могла. Необходимо было убедиться, что еда перепадёт ему, а не кому-то из лесных зверушек.

По истечении получаса земля завибрировала под тяжёлыми шагами, и женщина услышала влажное принимающее пофыркивание. Попятившись назад, она сжала в морщи-

нистой руке свисток и поднесла его к губам.

28

Суббота, десятое июня

Под покровом ночи троица хулиганов пересекла мальчишескую спальню и, с трудом сдерживая хохот, приблизилась к койке со спящим Саввой.

Тимофей передал тубик с пастой Якову и прошептал:

– Ты рисуешь половые органы лучше, чем мы с Забитом...

– Ога, – поддержал азербайджанец. – Мы помним твой почерк на стенах школы...

Оценив оказанное ему доверие, пацан с ирокезом деловито принял у главы шайки мягкую трубочку, открутил крышку и, выдавив немного зубного геля на палец, начал разма­лёвывать дрыхнувшего толстячка.

Утром...

Бабурина растормошил Дубовцев. Зевающий пухляш вы­лупился на него возмущённым дремотным взглядом и, нащупывая на тумбочке свои очки, проворчал:

– Подъём ещё не объявили, чего пристал? Такой чудный сон прервал! Мне только привезли бесплатную пиццу, а тут ты...

– Идём в ванную, дурачок, если не хочешь, чтобы коллектив тебя высмеял! – вытягивая товарища за руку из постели, сказал Федя.

– Белены объелся что ли? – тупил Савва, напяливая пару дополнительных глаз.

– Смотрите, у жирного на лбу пискяка!!! – внезапно проорал Тим, тем самым разбудив всю спальню.

Мальчишки, улицезрев на лбу толстячка искусно изображённый член, разразились оглушительным ржачем.

– Ну ясно, откуда ноги растут... – цокнул Дубовцев и сопроводил залившегося краской Бабурина до раковины, где тот смыл непристойную картинку со своего лица.

29

Алексей Трофимов отворил дверь небольшого магазинчика под названием “**Карнавал**”, и в тот же миг над его головой празднично зазвенели блестящие колокольчики. Капитан спустился вниз по трём миниатюрным ступенькам, а за ним, пригнувшись, чтобы не удариться макушкой о низкий проём, проследовал лейтенант Сергеев.

Весьма тесная полуподвальная каморка вмещала в себя множество товаров, плотно набитых на стоящих у стен металлических стеллажах и спрессованных в картонных коробках, которые возвышались на полу у нижних полок. Лавка пестрила всевозможными костюмами, масками, декорациями, разнообразными штучками для розыгрышей и ещё кучей диковинных аксессуаров.

Спёртый воздух делал нахождение в этом месте поистине невыносимым. Даже отсутствие брошенных в машине кителей не прибавляло милиционерам чувства комфорта, так как тела отказывались дышать и сквозь их голубые рубашки.

Одинокая тусклая лампочка, висящая на влажном буг-

ристом потолке, с трудом освещала крохотную территорию. Противный запах химии, резко бьющий в нос, довершал картину.

Офицеры заявили сюда к половине одиннадцатого утра, практически к самому открытию. Отчего-то Трофимов пребывал в дурном расположении духа, поэтому Павел, в основном, молчал, чтобы не разгневаться старшего по званию.

Капитан внимательно огляделся и подошёл к стеллажу, где лежали горы масок на любой вкус. Напарник, покорно плетущийся за ним, взял в руки резиновое лицо вымышленного существа, повертел его, пощупал, порастягивал, потыкал в прорези для глаз и рта и восхищённо воскликнул:

– Ух ты, прикольная штукавина! Приобрету, наверное. Крюкова напугаю! – щёлкнул пальцами лейтенант. – Выскочу перед ним в маске и поминай, как звали нашего участкового. Единственное, совок прихвачу, а то у него из трусов посыплется...

– Пашка, угомонись! Мы здесь не за тем! – обернувшись, раздражённо проворчал Алексей, забрал у коллеги вещь и вернул её обратно на полку.

Сергеев, недовольно поджав губы, сунул пятерни в карманы форменных чёрных брюк.

К следователям приблизился продавец в пёстрой футболке – средних лет шатен с обрамляющей круглый подбородок эспаньолкой.

– Чем могу Вам помочь, господа? – вежливо справился

он, с хохотом добавив. – Впрочем, вряд ли люди в погонах решили прибарахлиться на торжество.

– Ну, я хотел купить вон ту мас... – только начал Павел, как его легонько пихнул капитан, серьёзно подтвердивший слова продавца:

– Нам не до торжества.

– У меня всё законно, ребята. Есть какие-то нарекания в мой адрес? – любопытствовал мужчина.

– Не беспокойтесь. Нам лишь нужны кое-какие сведения об одном из Ваших потенциальных клиентов.

– Спрашивайте! Что знаю – сообщу, – заверил продавец.

– Замечательно. Вы же Василий?

– Да, – кивнул продавец и с улыбкой заметил. – Милиционеры всегда на шаг впереди...

– Наша работа, – пожал плечами Трофимов. – Вы же не против, если мы запишем наш с Вами разговор? Естественно, я гарантирую полную конфиденциальность. Данные аудиоматериалы будут использованы исключительно в...

– Не распинайтесь, – перебил мужчина. – Я готов вещать хоть на камеру.

– Отлично! Пашка, включай, – обратился Алексей к лейтенанту, суетливо вынувшему из нагрудного кармана рубашки диктофон и вдавившему кнопку “**REC**”. – Итак, Василий, скажите, пожалуйста, не забредали ли к Вам подозрительные лица?

Продавец недолго поразмыслил и ответил:

– Неа...

– Ладно. Попробуем по-другому, – и капитан протянул мужчине сложенную вчетверо чёрно-белую распечатку. – Отоваривался ли у Вас этот человек?

– Ох, да! – осенило Василия. – Он навевался в магазин с месяц назад, а вообще довольно часто тут мелькал.

– Неужели ранее Вы о нём совсем ничего не слышали? В новостях, от друзей, знакомых?

Продавец отрицательно помотал головой.

– Он грубил Вам? Угрожал? Буянил? – конкретизировал милиционер.

– Нет-нет, что Вы? Мне он показался порядочным и воспитанным мужчиной. Одет небогато и несколько неопрятно, но...

– При нём имелись какие-нибудь посторонние предметы? Допустим, топор? – уточнял Трофимов.

– Да, однажды он заявился в лавку с топором. Я даже слегка занервничал, однако он оставил инструмент у входа и, прежде чем приступить к выбору товара, объяснился. Чудную, конечно, историю выложил. Якобы, зависал у друзей на окраине Гродска. Мол, они там ночью мёрзнут, нуждаются в костре, а топора у них, дабы дров наколоть, нет. Он к ним со своим и припёрся. Жаловался ещё на какого-то Фараона, отказавшегося подбросить его до жилища, из-за чего ему пришлось топтать на своих двух. Мимолётом вот ко мне забрёл...

– Фараона? – переспросил Алексей.

– Хах. Как думаете, на пирамиды и загорелых египтянок, щеголяющих топлес, можно рассчитывать или не стоит? – пошутил Сергеев, коего проигнорировали.

– Я не в курсе, кто такой Фараон... – обрубил Василий.

– Окей, вернёмся к человеку с распечатки. Что обычно он у Вас покупал?

– Резиновые маски. За всё время я продал ему их с десятком...он говорил, для коллекции. И ещё, что он любитель попугай детишек, – усмехнулся мужчина.

– Знали бы Вы, кто он – не цитировали бы его столь иронично, – вклинился Павел, теребящий галстук с золотым зажимом.

– Он не обмолвился, куда держит путь? – продолжал копать детали капитан.

– Не припоминаю...

– Хорошо. Спасибо за предоставленную информацию, – поблагодарил Трофимов, и лейтенант нажал кнопку “STOP” на диктофоне.

Алексей изъяс у продавца распечатку и уже направился к двери, как мужчина окликнул его:

– Ой, подождите! Я кое-что забыл...голова соломенная. Когда тот тип приходил сюда последний раз, он дал мне это, – и Василий, заглянув за стеллаж, нагнулся, поднимая какой-то экспонат. Сергеев снова включил записывающее устройство. – Точнее, швырнул на прилавок. Чуть не разбил

кассовый аппарат. Сказал, дарит на память, так как больше я его не увижу. Вещь, вроде, из его жилья, – растолковал причина и ухмыльнулся. – И где же он, интересно, обитает?

– Действительно, – промычал удивлённый капитан.

– Я тогда убрал его “сувенирчик” в уголок. Намеревался выкинуть. Мне лишний хлам без надобности! – и продавец отгрузил Трофимову ручной пожарный ствол с истёршимся ремнём для переноски и насаженной на корпус частично подгоревшей оплечкой красного цвета.

Приняв и пристально осмотрев находку, Алексей простился с продавцом и вместе с лейтенантом удалился из душевого помещения.

30

Заткнув топор за пояс грязных брюк и облизав бугор на месте среднего пальца левой руки, высокий лохматый мужчина в чёрных берцах вышел из лесной чащи. Он поднялся на пустующий перрон железнодорожной станции Малых Дукóв и проследовал в конец платформы к небольшому зданию с двускатной крышей, широкими окнами и выцветшей вывеской “**КАС.Ы**”, где благодаря каким-то вандалам отсутствовала буква “С”.

Дровосек открыл хрустнувшую петлями входную дверь, возле коей имелся разваливающийся деревянный ящик с затвердевшим песком, откуда торчал погнутый совок, и юркнул внутрь, после чего с опаской огляделся.

В зале ожидания, ровно, как и снаружи, никого не оказа-

лось. Настенные часы стояли; буфет, чей лоток пылился без продукции, не работал, и помещение было погружено в тишину. Скамьи, расставленные хаотично, создавали впечатление полного беспорядка.

Некто шмыгнул носом и неспешно, поскрипывая прогибающимися досками пола, зашагал к окошечку, через которое велась продажа билетов.

Смотритель станции, подслеповатый старичок с пучками седых волос за ушами, выбрел из служебной двери и, различив крепкий силуэт появившегося человека, услужливо осведомился:

– Что Вам угодно, мистер?

– Рассеянность не порок, правда, Тарас? – с ухмылкой подметил мужчина, забитый специфическими татуировками.

– А, это Вы, Максимушка! – воскликнул смотритель, всплеснув руками.

– Я, я, Тарас! – подтвердил тот и добавил. – Давно что ли линзы не протирал? Не признал меня сразу...

– Да их что протирай, что не протирай... один хрен крот кротом, – отмахнувшись, с досадой прокряхтел старик.

– А где Ангелина и та доброжелательная буфетчица? – любопытствовал дровосек. – На обеденном перерыве что ли?

– Ангелина приболела. Буфет же отчего-то временно закрыли. Поэтому сегодня я тут за всё отвечаю, – объяснил смотритель и похвастался. – Даже билеты продавать мне до-

верили. Однако народ ещё не захаживал...

– Поди уже не терпится всупонить кому-нибудь билетик-другой? – предположил хохотнувший Максим, бегло изучив расписание электричек, висевшее на бежевой стене у кассы.

– Тхеее, на кой оно мне сдалось? – с наигранным безразличием бросил старик и спросил. – Сам-то, мой мальчик, зачем наведался? Зверушки покоя не дают?

– Ты как всегда крайне проникателен, Тарас, – саркастично польстил мужчина, и отчего-то его лицо перекошилось в гримасе отвращения. – Зверушки действительно шалят...

– Ладно, довольно шуточек. Что там у тебя стряслось?

– Да телефон сел, подзарядить надо, а в моей сторожке розеток нет. Не подсобишь?

– Дык вон же в зале есть розетка...или тебе она не по нраву? – с недоумением уточнил старик.

– В курсе, что есть. Только Ангелина говорила, что она сторела, – пожал плечами дровосек.

– Опять? Вот же менял, буквально на днях...

– Позавчера заходил, не было напряжения, Ангелине в коморку относил.

– Ну, раз такое дело, давай свой телефон сюда, заряджу, – решил смотритель и принял у Максима синий мобильник “**Siemens**” вместе с зарядным устройством.

провёл небольшую развлекательную программу, направленную на то, чтобы растрясти сонных детей. Правда, Савва пришёл в чувства ещё до мероприятия благодаря выходке хулиганов.

Вслед за тем, по традиции, прозвучал гимн, под чьи звуки на флагшток неторопливо вползла трёхцветная материя. Директриса сделала несколько объявлений, и старший вожатый вручил командирам отрядов план на день.

Лишившиеся своего лидера “Искатели” отправили за листочком Диану, претендующую на звание главы четвёртого отряда. Во всяком случае, основная часть ребят, в том числе Данил, выступала “за” её кандидатуру.

Подкрепившись сытным завтраком, дети возвратились в корпус и расползлись по комнатам в ожидании дальнейших указаний.

В половину двенадцатого в спальню заглянула Инна и повелела мальчишкам собирать купальные принадлежности для прогулки на “Багровое” озеро. Эту новость ребята встретили бурно и с энтузиазмом. Исключением стали только Осипов и Бабурин. Первому не нравилось само пребывание в лагере, ну а второй категорически не любил водоёмы, предпочитая держаться от них на расстоянии.

Дубовцев же искренне обрадовался, хотя ещё вчера бродил с угрюмым видом. Похоже, Феде удалось убедить себя, что монстр в кустах ему почудился, и им ничто не угрожает.

Миновав столовую, “Искатели” свернули на узкую кир-

пичную тропинку, оставили позади беседку и клумбу с яркими красными гвоздиками, после чего двинулись по широкой асфальтированной площади, где припарковался автобус.

На сей раз отряд воспользовался центральным выходом, сопровождаемый подозрительным взором высунувшегося из крохотного окошечка будки охранника.

Упёршись в шлагбаум, дети взялись пролазять под ним.

Тимофей и его дружки предприняли попытку перепрыгнуть преграду, но строгие басистые ругательства сторожа, донёсшиеся из его тесной “конуры”, приструнили троицу.

Очутившись за территорией лагеря, Данил обернулся и изучил вывеску, расположившуюся над распахнутыми створками ворот: **“ТАЙНИК ЛЕШЕГО”**, а ниже – **“Добро пожаловать!”**. Сидя в “Икарусе” он данные надписи проморгал.

Сейчас мальчик думал, что снова покидает безопасную зону и от подобных мыслей ему становилось не по себе.

Дубовцев заметил беспокойство товарища и попытался подбодрить его, похлопав по плечу, однако Осипов лишь вздохнул и неохотно поплёлся за остальной массой ребят, поднимающей столбы пыли.

Сначала “Искатели” шествовали по гравийной дороге: по ней их днём ранее вёз автобус. Затем, у развилки, вожатые скосили в мрачные дебри, у края которых согнулась дугой молоденькая сосёнка. Её оголённые корни торчали из раскученной земли, а на стволе раскинулся кустистый зелено-

вато-серый лишайник.

Теперь дети маршировали напрямик к озеру, петляя между корявыми деревьями и громко повторяя: “Наш девиз не унывать, всё пройти и всё узнать!”.

Отряд углублялся в чащу. Под ногами шуршала трава, перемешанная с иголками и шишками. В нос бил приятный, дурманящий аромат хвои и сырости.

– Чуете болото? – осведомилась Ксения. – Там, по словам деревенских, сгнуло много разной скотины...

– Интересно, в этой трясине не найдётся места ещё тройке особей? – прошептал Федя на ушко Савве, кивнув на Тимофея, Якова и Забита.

– Увы, говно всплывёт, – заулыбался очкарик.

Данил, волокущийся в конце колонны, вдруг остановился, почуяв отвратительный смердящий запах. Впереди, чуть левее, возвышалась крупная густая ель с лежащей перед ней переломленной сосной, чья верхушка утопала в зарослях папоротника, где, как показалось мальчику, что-то было.

Его отряд отдалялся, исчезая за частоколом деревьев. Голоса ребят постепенно стихали.

Осипов на цыпочках прокрался к папоротнику. Зловоние усилилось.

Данил на мгновение замер и обнаружил на коре ели окаймлённые какими-то бурыми потёками параллельные порезы. Из них сочилась душистая янтарная смола.

– Когти...

Мальчик сглотнул слюну. Его сердце застучало чаще.

Набравшись смелости, он вплотную приблизился к папоротнику, откуда долетало противное жужжание. Духан здесь стоял совсем нестерпимый.

Присев на корточки, Осипов раздвинул перистые листья растения и, посмотрев вниз, резко отпрянул назад, зажав рот руками.

На земле покоилось растерзанное, изуродованное тело, облачённое в изодранную и запятнанную высохшей кровью узорчатую бело-красную рубаху с тонким пояском, какие носили славяне. Листья папоротника также запачкались липкой субстанцией.

Около трупа, облепленного мухами, валялся кривой берёзовый посох, а за ним – какой-то круглый предмет. Приглядевшись, Данил понял, что это оторванная от туловища окровавленная голова, покрытая седыми волосами.

Тошнота подкатила к горлу Осипова, и он, побледнев, ощутил сильную слабость. Стараясь дышать глубоко и размеренно, мальчик, шатаясь, сделал на непослушных подкашивающихся ногах пару шагов в сторону и потерял сознание, рухнув на грунт. Его падение смягчил покров из трав и мха, устилающий почву.

32

Следуя за тем самым учителем географии, от коего они сбежали в прошлый раз, Арсений с Артёмом вышли из школы в приветливый погожий день.

Преподаватель, спустившись с крыльца, затормозился, сунул в рот сигарету, чиркнул спичкой о коробок, поднёс огонёк к кончику табачного изделия и, закурив, закашлялся.

“Не мудрено. Вечно пыхтит как паровоз” – подумал про себя Дубовцев и надел на голову кепку-арбузку.

– Ну что, олухи? Кто не работает, тот получает сверхурочные! И в память о недавних событиях я Вам их обеспечу, – с ухмылкой пообещал мужчина и выкинул остаток “Примы” в мусорное ведро.

За утро Арсений с Артёмом переварили уже не один подкол от географа, до ужаса рассерженного на них после вчерашнего. Отныне он представлялся им худшим, что только могло с ними случиться за едва успевшее начаться лето.

Учитель отпер дверь, ведущую в подвал, и пропустил парней вперёд. Из темноты тянуло сыростью и гнилью.

– Не доверяет нам начальник, – отметил Артём, на что его друг утвердительно кивнул.

По крутой скользкой лестнице троица переместилась в продолговатое помещение с очень низким потолком и неказистыми окошечками, расположенными на уровне земли. По неизвестной причине они были заколочены фанерой, что препятствовало солнечным лучикам проникнуть в заполненный инвентарём подвал, использующийся зимой в качестве лыжной базы.

Смахнув свисающие перед лицом кружева паутины, географ щёлкнул выключателем, и мрак рассеял тусклый свет

пыльных лампочек.

Педагог открыл ближайшую дверь, чьи петли, судя по скрипу, не мешало бы смазать, и пригласил парней внутрь тесной комнатки, указав им на древние строительные носилки с засохшим цементом на стенках.

– Итак, господа, Вам предстоит увлекательное занятие! Но его не выполнить без ассистентов! Презентую первого – носилки! Бери их, Дубовцев! Дерзай! А ты, товарищ Смирягин, приголубь эту замечательную даму – совковую лопату, – и преподаватель вручил Артёму инструмент, также извоженный цементом. – Теперь дуйте наверх и ждите меня там!

Друзья повиновались. Очувившись на улице, Смирягин прервал молчание:

– М-да, шутник он, однако! Совсем со своими азимутами, часовыми поясами и прочей фигнёй с катушек съехал! Ох, как же я жалею, что явился сегодня! Завтра конец моей благотворительности! Напомогался! Тащишься к ним по доброй воле и ещё выслушиваешь претензии! Нет уж, увольте! Пусть наш полководец сам окопы в палисадниках роет!

– Да ладно тебе! Я вот смирился, – мечтательно отозвался Арсений, пялясь вдаль.

Артём проследил его взгляд и заключил:

– Ну да! У тебя же есть лишний повод навещать сюда чаще! Твоя прелестная принцесса.

– Полина тут не при чём, – заявил Дубовцев и торопливо отвёл взор от смуглой девушки у противоположного конца

забора.

– Не лечи! – фыркнул Смирягин. – Не паслось бы на отработке то напудренное создание, ты бы галопом ускакал отсюда!

– Наговорились? – раздался за спиной голос географа. – Пора вкалывать! Вы, наверное, знаете, что наша школа запланировала построить детскую площадку у себя на территории?

– Зачем? – полюбопытствовал Артём. – Чтоб организовать пиришествво вандалам?

– Нет. Чтоб ты в песочнице ковырялся, а не ломал на спор перегородки в туалетах.

– Во-первых, одну перегородку, – акцентированно поправил парень. – Во-вторых, не на спор, а чисто в экспериментальных целях. И, в-третьих, столь хлипкую, что она бы от чиха рухнула. Ну, по крайней мере, моего удара головой ей хватило...

– Расслабься, умник, площадка не для Вас! – выложил учитель. – А то Вы и здесь экспериментов понаделаете...

– Вот так разочарование, – саркастически прошептал Смирягин.

– Будущий комплекс рассчитан на дошкольников и детей младших классов! – растолковал педагог. – И если мы прервём бесполезный трёп о том, о сём, я объясню Вашу задачу!

– Объясняйте, – небрежно бросил Артём.

– Спасибо, что позволили, господин Смирягин! Без Ва-

шего-то напутствия никак! – прохрипел мужчина.

– Анатолий Николаевич! – окликнула коллегу учительница биологии, протирающая вспотевший лоб платком. – Разрешите мне позаимствовать у Вас одного мальчика!

Географ вскинул бровь и изрёк:

– Ну, разве что на пару минут. Или с Вас пачка “Примы! – оголив свои жёлтые зубы, расхохотался мужчина, но тотчас гогот сменился приступом бухающего кашля.

– Хорошо! – безапелляционно отреагировала женщина.

– Дубовцев, марш за Марией Владиславовной! –скомандовал географ Арсению и обратился к Смирягину. – Ты же, шалопад, топай за мной!

Арсений побрёл за биологичкой в направлении, где хлопотала симпатичная ему особа. Парень слегка занервничал и стал покусывать сухие губы.

Преодолев бордюр, учительница устремилась по зелёному газону к большому разросшемуся карагачу, массивную ветку коего тщетно силилась спилить Полина.

Когда преподаватель привела Дубовцева, девушка в шортах устало выдохнула, артистично подкосив свои стройные гладкие ножки.

– Вот тебе подкрепление, – обрадовала биологичка, уступая дорогу молодому человеку, чьи щёки залились густой красной краской.

– Слава Богу! Я думала мне придётся мучиться до вечера...кстати привет, Сень! – и Полина одарила парня своей

шикарной белоснежной улыбкой.

– Салют... – пробубнил Дубовцев себе под нос, перенимая у девушки ножовку.

– Короче, требуется избавиться от этой огромной ветки, чтобы втиснуть скворечник, – изложила Полина.

– Нет проблем, – обнадѣжил Арсений, стараясь не смотреть на неё.

Он решил, что желательно поскорей разобраться с карагачём и найти Артёма. И ему спокойней и географу тоже.

Упёршись одной пятернёй в мощный ствол дерева, Дубовцев взялся яростно резать гигантскую ветку с множеством побегов.

Завизжала ножовка, в траву посыпались свежие опилки. Медленно, но верно, инструмент, впиваясь в волокна древесины, пробирался всё дальше, отсекая злополучный отросток от ствола.

“Да уж, подогнули девушке работёнку! Я-то с трудом справляюсь” – про себя размышлял Арсений, на лице которого выступили капельки пота. – “Благо у меня на макушке кепка, иначе бы совсем спѣкся”.

Ещё серия энергичных движений зазубренным приспособлением и толстая ветка поддалась, поникнув вниз своей кучерявой сочной листвой. Уже руками Дубовцев окончательно отделил её от ствола и победоносно швырнул в сторону.

– Ого, лихо ты, молодец! – похвалила его Полина, и он

вновь покраснел.

– Пустяки, – засмутился Арсений и только намеревался идти к географу, как девушка остановила его.

– Почему ты постоянно отводишь взгляд? Неужели я такая страшная? – хихикнула Полина, застав Арсения врасплох.

– Нет, что ты? Просто... на кой таращиться-то? Неприлично как-то, – отмазался он.

– Ты стеснительный. Подобное качество в парнях мне очень импонирует. Это весьма мило, – призналась девушка, лишив Дубовцева дара речи. – Слушай, задержишься ещё ненадолго, пожалуйста! Повесим вместе скворечник! Я всё равно не дотянусь, а лазать по деревьям не умею... о, точно, подсади меня!

Арсению не оставалось ничего, кроме как согласиться помочь.

Мимолётом парень заметил кого-то, стоящего на дистанции и, повернув голову, различил в тени дикой яблони своего одноклассника, Фаниса, дружка ухажёра Полины. Сей скверный тип докладывал Сергею каждую мелочь, касающуюся его девушки. Ни один её шаг не ускользал от внимания подлого стукача. В данный момент он подозрительно надзирал за Дубовцевым, что молодому человеку в арбузке совершенно не понравилось. Больно длинный у балабола язык. Быстренько расскажет, как они тут с Полиной “ветки пилили”. Ещё преподнесёт безобидную историю в лучших тради-

циях глухого телефона: наплетёт новых интересных подробностей – его хлебом не корми.

– Эхей, Сень, есть контакт? – осведомилась Полина наполненным игривыми нотками голосом. – Подними меня!

Дубовцев выпал из прострации, и они с девушкой встретились взглядами. Сердце парня волнительно ёкнуло, жальлось, и он опустил глаза.

Полина подошла к молодому человеку, оценившему, как, оказывается, здорово находиться с ней рядом!

Вверив Арсению скворечник, она вооружилась молотком с гвоздём и залезла на ассистента, выпрямившегося во весь рост. От резкого подъёма у девушки захватило дух, и она охнула.

Пока Полина вбивала гвоздь, Дубовцев кайфовал от её упругих булочек, придавивших его плечи. Промежности красавицы, уткнувшись во взмокшую шею, словно обтекали её.

Свободной рукой парень придерживал девушку за блестящую на солнце тонкую ножку, ощущая, как пенис твёрдой дубинкой вонзился в трусы. Сенью пробрала приятная дрожь.

Минуту спустя Полина попросила подать птичий домик. Дубовцев протянул ей поделку и ещё несколько мгновений наслаждался обществом Полины, определившей скворечник на законное место.

Аккуратно вернув девушку на землю, молодой человек поспешил распрощаться с ней и, обжёгшись о статичный си-

луэт Фаниса, ринулся к Артёму с географом.

33

“Искатели” вышли на галечный пляж, нарушив своим го-моном его тишину: “Наш девиз не унывать, всё пройти и всё узнать!”.

Погода была безветренной, поэтому на поверхности “Баг-рового” озера не наблюдалось ряби и волн. Солнце, сияющее в ясном голубом небе, нешуточно жарило. Обдаваемая па-лящими лучами вода бликовала и, взирая на неё, дети при-щуривали глаза от сильной рези.

Савва расстелил на камешках полотенце с изображением Пончика из мультфильма “**Незнайка на луне**”, снял с се-бя пропахшую потом футболку, оголив свой жирный дряб-лый живот и безобразно обвисшие титьки, после чего до-стал из рюкзака тюбик с кремом “**Моё солнышко**”, выда-вил немного белой субстанции на ладонь и растёр её по телу.

Федя, следя за ним, поморщился и спросил:

– На кой тебе эта дрянь? Лучше искупнись!

– Я не рыба, тут полежу! – буркнул Бабурин, добавив. – И мой крем – вовсе не фигня! Мне ожоги не нужны...

– Ты бы ещё голубиным помётом обмазался. Замайнал, погнажи!

– Даню позови.

– Его что-то не видно...

– Наверное, не желает ни с кем разговаривать и где-нибудь уединился.

– Эх, одному скучно. Может, всё-таки составишь компанию?

– Нет, – категорично процедил пухляш.

– Почему? – удивился Дубовцев.

– Не хочу мочить ноги...

– Ай, ну тебя! – отмахнулся Федя и покинул друга.

Толстячок устроился на расправленном полотенце и, сняв свой оптический прибор, бережно отложил его на краешек ткани.

Вокруг него развернулась игра в вышибалы. Ребята, резво прыгая и бегая, азартно метали мяч друг в друга. На фоне их радостных возгласов послышался глухой удар. Савва догадался, что кто-то зарядил по лёгкому надувному шару с голубыми полосками, взятому с собой вожатыми из корпуса. Хулиганы и Диана, стоящие по колено в озере, организовали водный волейбол.

– Не суйтесь на глубину! Держитесь у берега! – кричала детям Ксения, загорающая на гальке и созерцающая происходящее через модные чёрные очки.

Зной потихоньку разморил пухляша, захрапевшего на весь пляж. Сейчас в его сонном мозгу крутились старые воспоминания. Он не назвал Дубовцеву истинную причину отказа от купания, стесняясь признаться, что адски боится воды.

Подобная фобия развилась у Бабурина в связи с трагедией, произошедшей с его товарищем в городском бассейне.

не “Касатка”. Мальчика по имени Святослав засосало в отверстие трубы водоотводящей системы, по безопасности персонала не закрытое специальной предохранительной решёткой.

С тех пор Савва не мог пересилить себя и остерегался любых акваторий.

Федя же наоборот всегда проявлял рвение к купанию.

Он сбросил с себя полосатую майку и шорты, под которые ещё в корпусе надел плавательные трусы, и забрёл в озеро, испытав настоящее блаженство.

Очутившись по пояс в багровой мути, Дубовцев врыл свои ступни в мягкий ледяной ил и поднял вихрь зернистых ошмётков.

Балдея, мальчик посмотрел вправо и улицезрел троицу задир с беззаботной Дейч. Плескаясь, они рубились в волейбол. Затем Федя повернул голову влево и начал изучать изгибы пляжа, то подающегося в озеро, то вогнутого. Вдалеке он увидел разломанный пирс и возвышающийся на суше около него сарай – лодочную станцию. За данными сооружениями была некая граница, где берег поворачивал дугой, превращая акваторию в своеобразную чашу. Там воду отсекала высокая крутая скала.

Дубовцев оценил ширину озера. Приличная. С полкилометра, не меньше.

Вожатые запретили своим подопечным заходить в глубокие места, посему Федя решил выстроить свой маршрут

вдоль суши. Он окунулся в воду по плечи и непроизвольно ахнул. Не торопясь, ребёнок поплыл брасом. Его руки словно раздвигали мутную толщу, чья поверхность искажалась разводами, а ноги по-лягушачьи толкали тело вперёд. Сей стиль мальчику привил родной брат Арсений в период их летних семейных поездок на речку.

Вдруг боковым зрением Дубовцев заметил, будто что-то появилось посредине озера. Он застыл, как поплавок, покосился в сторону и обомлел. Поблескивающую на солнце водную гладь вспучивали крупные наросты, торчащие из внушительной скользкой спины.

“Динозавр??!” – трепеща, подумал Федя, но потом здравый смысл восторжествовал. Ребёнок помнил, что доисторические рептилии давно вымерли!

Он зажмурился и снова открыл глаза, в надежде, что шипы исчезнут и ему они лишь померещились. Однако пронизанные прожилками ороговевшие пластины, несущиеся к берегу с невероятной быстротой, оказались более чем реальными.

Мальчик занервничал, отвесив челюсть. Его движения сделались несинхронными и беспорядочными. Он беспомощно забарахтался и пошёл ко дну. Вода захлестнула дыхательные пути. Рывком выбравшись из-под тёмной толщи, Дубовцев закашлял, одновременно норовя захватить ртом как можно больше воздуха. Между тем его взор запечатлел ужасные шипы. Страх и паника возымели над ним контроль,

когда Федя на долю секунды различил выступившую из озера макушку неведомого существа, покрытую жёлтыми пятнами. Ребёнок было закричал, но добился только бешеного бурления пузырьков.

Мальчик стал захлёбываться, потерял сознание и погрузился во мрак.

...

БУЛЬ-БУЛЬ-БУЛЬ

...

уффффнн...фэунн...хмммин...вииннн – такие звуки, наравне с шумом воды, наполнили черепную коробку.

...

БУЛЬ-БУЛЬ

...

уффффнн...фэунн...хмммин...вииннн – ничего, кроме пустоты и этого навязчивого гудения.

...

БУЛЬ

...

уффффнн...фэунн...хмммин...вииннн – непрекращающийся бред сквозь пелену бесконечности.

...

– Кха!!! Кха!!! Кха!!!!!! – лихорадочно забúхал Дубовцев, плюясь жидкостью.

Очнулся он, лёжа на берегу, с валиком из махрового полотенца под шеей. Голова прояснела, гул растворился.

Его окружили встревоженные отнюдцы. К действительности Федю вернуло искусственное дыхание от Инны.

Прокашлявшись, ребёнок принял сидячее положение и оглядел столпившихся “Искателей”.

– Хвала небесам! – облегчённо выдохнула побледневшая блондинка. – Молодец, подруга!

– Ерунда, – не без смущения ответила та. – Фух, напугал ты нас, Федя, до чёртиков! Зачем же ты полез в воду, если не умеешь плавать, а?

Дубовцев, всё ещё пребывающий в шоке, молчал и старался сконцентрировать внимание.

– Ты в норме? – поинтересовалась Ксения.

Мальчик уставился на неё ошарашенными глазами и кивнул.

– Я умею плавать, – сказал он. – Просто я... – Федя осёкся.

– Просто что? – нетерпеливо уточнила вожатая.

– Растерялся...

34

Тарас подзарядил его мобильник до девятнадцати процентов и, вернув владельцу, продолжил заниматься своими делами на станции. Старик даже не подозревал, кем в действительности являлся улыбчивый незнакомец, недавно прибывший в их края и представившийся лесником, коих тут никогда не водилось.

До столь глухих мест слухи, похоже, не доползали, отчего в Малых Дукáх люди ходили непросвещёнными, существуя в

своём изолированном мире, куда не проникала информация извне.

В низине сеть не ловила.

Мужчина взобрался на вершину богатой на растительность горы, величаво возвышающейся над широкой долиной, достал из кармана свой кнопочный “**Siemens**” и, сняв с блокировки, уставился в треснутый экран. Связь, хоть и совсем слабая, появилась.

Он открыл сообщения и прочитал последние:

Лесник: *“Требуется товар. Сможешь подогнать? 9 июня 12:57”*

Неизвестный: *“Без базара. 9 июня 13:04”*

Л.: *“Тогда передашь его моему братишке, он как раз вынужден уехать ко мне. 9 июня 13:05”*

Н.: *“Что-то случилось? 9 июня 13:09”*

Л.: *“Непредвиденные обстоятельства, не задавай лишних вопросов. 9 июня 13:11”*

Н.: *“Да я прикидываюсь. Твой брательник уже всех на уши поставил из-за грёбаного конверта со снимком. Так что я в курсах, у кого подшипники подгорают. Как насчёт места и времени? 9 июня 13:16”*

Л.: *“Отпишу позднее. 9 июня 13:20”*

Н.: *“Ок. 9 июня 13:35”*

Н.: *“Ну чё там? 9 июня 17:42”*

Л.: *“Жди. 9 июня 18:07”*

Л.: *“Завтра в полночь состыкуйтесь у 35 школы, деньги*

у него. 9 июня 20:56”

Н.: “Понял. 9 июня 21:08”

Затем дровосек выбрал необходимый контакт и адресовал ему смс с текстом “*Всё в силе?*”. На экране высветилось оповещение “**Сообщение отправлено**”.

35

Придя в сознание, Данил почувствовал, как раскалывается голова. Он немного полежал, прежде чем, кряхтя, приподнялся, отталкиваясь ладонями от почвы, усыпанной колючими хвойными иголками. Картинка в глазах вырисовывалась мыльная.

Осипов постарался встать, но из-за слабости, одолевшей организм, шмякнулся обратно. Тогда на корячках он метнулся до ближайшего дерева и, используя его бороздчатый ствол в качестве опоры, с трудом вполз по нему.

В нос ударил отвратительнейший запах, и мальчик непроизвольно суксился. Впрочем, сейчас Данил не намеревался искать источник смрада. В данный момент он соображал, как попал сюда. Черепушка, в коей всё беспорядочно перемешалось, продолжала пульсировать. Стоило ребёнку напрячься, чтобы попытаться восстановить хронологию событий, и боль тут же обострилась, затмевая мысли.

Последнее, что сохранилось в памяти Осипова – то, как “Искатели” вышли за территорию “Тайника Лешего”, а дальше... полный провал. Почему он здесь? И где все?

Мальчик огляделся. Повсюду лишь деревья и куда топать

– непонятно. Собрав волю в кулак, он отпустил ствол сосны и шатко зашагал наобум.

Под волочащимися ногами трещали шишки и шуршала трава, нарушая гробовую тишину, окутавшую округу.

Данилу стало дурновато. Ребёнок находился совсем один в глухой враждебной чаще. Или не один? В горле пересохло. Жуткие воспоминания о монстре нахлынули вновь и перед ним, словно наяву, замаячили те свирепые звериные желтки, появившиеся из крошечного мрака.

Осипов ускорил темп, насколько хватило сил. Спотыкаясь о корявые затвердевшие корни, выпирающие из земли, мальчик брёл в неизвестном направлении, надеясь, что рано или поздно выберется из нескончаемых дремучих дебрей.

Из кустов впереди донёсся хруст обломленной ветки, заставивший вздрогнувшего Данила оцепенеть и буквально прилипнуть к грунту. Он испуганно уставился на густой тёмно-зелёный шар, готовясь к худшему. Если с другой стороны растения чудище, которое ребёнок видел в окрестностях футбольного поля, ему кранты, ведь на сей раз скрыться не удастся. Лес огромен, и позвать на помощь некого.

Зашелестела листва: кто-то пробирался сквозь сплетения веток. Эти мгновения показались Осипову самыми длинными в его жизни. Всё ближе и ближе слышалась поступь существа, и вот оно вылезло из плотных зарослей...

перекопав четверть поля под детскую площадку и перетаскав на носилках раскученную землю за пределы школьной территории, Арсений с Артёмом устроили прогулку по городу. Они забрели в старую его часть и вышли на устланный белоснежным пухом разбитый тротуар, где совсем не наблюдалось народу, что, в принципе, не удивляло.

Эти районы всегда представляли перед ними пугающе безлюдными. Главными обитателями окраин, как думалось парням, являлись разномастные хулиганы, непросыхающие алкаши, дешёвые шлюхи, агрессивные наркоманы и незадачливые бандиты. К счастью друзей, перечисленная палитра отбросов общества сейчас также куда-то подевалась.

– М-да, репутация у здешних мест весьма скверная. Хреновей, чем мои годовые оценки. Хотя, что может быть хуже тройки по физкультуре? – посетовал Смирягин.

– Зато никто не помешает нам опробовать моё новое изобретение, – оптимистично заметил Дубовцев и выудил из рюкзака навороченный скейтборд.

– Вау! – воскликнул Артём. – А я уж забеспокоился, что твоя сумка от пластика разбухла...

– Мне не за чем, я ж отличник, – отшутился Арсений и, взгромоздившись на доску, плавно тронул её при помощи задней педали.

Скейт зажужжал и покорно съехал на затенённую высокими тополями узенькую проезжую часть.

Плавно обрисовав восьмёрку, молодой гений сдвинул кеп-

ку-арбузку набок, сильнее придавил газ и резво умчался от Смирягина. Наклоняя туловище в такт манёврам, Дубовцев просвистел мимо заброшенной остановки и, вплотную просочившись меж секций забора, лихо запрыгнул на бордюр.

– Ой-ой-ой, я и не так умею! – прокричал Артём резко развернувшемуся другу, возвращающемуся к нему.

– Продемонстрируй, – затормозил борд нажатием передней педали Сеня и передал роликовую доску товарищу.

– Только завидуй молча, – предостерег тот, залез на агрегат и, ухмыльнувшись, топнул по газулке.

Скейт пулей вылетел у него из-под ног и, промчавшись до мусорных баков, воткнулся в них. Смирягин же с воплем хлопытнулся на пятую точку, ошарашенно проследив за непослушной четырёхколёсной бестией.

Дубовцев звонко рассмеялся и протянул однокласснику руку:

– Тебе я явно не конкурент!

– Иди в баню, попарься, – встав, пробубнил Артём и потёр ноющую задницу. – Он у тебя на самогоне что ли функционирует?

– Согласен, катит бодро, – довольный собой, кивнул Арсений и, подобрав доску, сунул её подмышку.

– Ладно, мы сюда не калечиться явились, – напомнил Смирягин и подмигнул другу. – Ты в курсе, чего я желаю!

Дубовцев действительно знал, что Артём скосил на отшиб Гродска умышленно. Здесь имелся ларёк “TACOS”, чьё ме-

ню предлагало различные блюда мексиканской кухни. Свежеприготовленная стряпня чистоплотного таджика, за каждую покупку дарящего стаканчик горячего кофе, завоевала желудок Смирягина, поэтому он в очередной раз намеревался потратить свои карманные деньги.

Сеня же от подобной пищи не фанател и плёлся с товарищем исключительно за компанию.

С обеих сторон на небольших пригорках стояли серые трёхэтажные дома, чей вид, кроме сострадания, ничего не вызывал: крохотные скривившиеся балкончики, грязные окна, сколотые стены с многочисленными граффити, отколупанная краска. Въезды во дворы, где на прогнивших верёвках сушилось бельё, украшали наполовину разрушенные арки и продолжающие конструкции заборы с бетонными основаниями и стальными прутьями, упирающиеся в здания.

– Долго ещё? – нетерпеливо спросил Дубовцев.

– Не, по фигне, – обрадовал сияющий Артём и добавил. – Ух, я уже чую аромат, травящий душу!

– Такая еда травит не одну лишь душу, – усмехнулся Арсений.

– Не у того чудесного мужика! Он – повар от Бога! – заявил Смирягин. – Рекомендую отведать его фирменный фахитас или кесадилю...ooo, бурито тебе обязано понравиться!

– Я, пожалуй, воздержусь. Не планировал зависать на унитазе.

– Хорошо, для скептиков советую знаменитые корн-доги! Их все обожают! Сочная сосиска в хрустящем кукурузном тесте под кетчупом с горчицей!

– Твои утончённые вкусы не совпадают с моими.

– Нездоровые у тебя вкусы! Бурито – отвергнутый тобой шедевр кулинарии! – возмутился Артём.

– По мне, лучше домашнего супчика наварнуть!

– Ай, похлёбка для зануд...

Парни переметнулись на улицу, пересекающую прежнюю. Деревья, прячущие от палящего солнца, исчезли, а трёхэтажные постройки сменились четырёхэтажками.

Друзья перебежали дорогу, миновали автостоянку и очутились у голубого обшарпанного ларька, воздвигнутого на белых кирпичях. Вывеска “TACOS” над витриной выцвела и практически не читалась.

Справа, чуть в глубине подъезда к банку, располагался алкомаркет “Виноградная лоза”.

Смирягин заглянул в окошечко киоска и не обнаружил там приветливого таджика.

– Хм, продавца нет, – расстроился ценитель мексиканского колорита.

– Мы за него, – донёсся голос за спиной.

Обернувшись, Артём с Арсением увидели двух парней в спортивных костюмах с капюшонами: взбешённого ухажёра Полины, Сергея, и незнакомого мутного типа, в чьих слезящихся глазах маячила полная невменяемость.

Дубовцев остолбенел.

– День добрый, господа! Значит, сегодня моего любимого повара заменяют люди в чёрном? – саркастично поинтересовался Смирягин. – Великая честь! Но, право, не стоило утруждаться! Если хотите меня впечатлить, хватит и обычного...

– Закрой пасть! Сейчас моя партия! – озлобленно заткнул его Сергей.

– Прошлый обслуживающий персонал “Такоса” был куда учтивей! – цокнул Артём. – Вы точно квалифицированные специалисты кухни? Соблюдаете гигиену, не обижаете салфетками, улыбаетесь клиентам?

– До тебя туго доходит, клоун?! Балаболку выруби, иначе костей не соберёшь! – раздражённо проревел второй быдлан.

– Как Вам угодно! – и Смирягин, поклонившись, проворчал. – Видимо, салфеток всё-таки не доложат... косяк. Что ж, черкану статейку в жалобной книге.

Сергей приблизился к Арсению и пихнул того в плечо.

– Что, сука, решил у меня девку увести, да? – грубо гаркнул бандюган.

– Никого я у тебя не собирался уводить. Мне на твою Полину плевать! – просипел Дубовцев, осмелившийся посмотреть оппоненту в гневные красные моргалы.

– Не заливай мне, пидор! – процедил Сергей и, изъязвив Сени скейтборд, раздолбал его об асфальт. – Флиртуешь с моей бабой, лапаешь её за что попало, а дальше? Трахнешь

её? Что дурачка включаешь? Зассал? Яйца сморщились?

И мерзавец снова толкнул Дубовцева, с чьей макушки свалилась арбузка. Изобретатель наклонился за ней, однако в тот же миг получил под ребро кедом, отчего распластался рядом со своей бейсболкой. Свернувшись калачиком, парень тихо застонал.

– Уважаемые, давайте обсудим проблему мирно? Возьмём по фахитосу с чайком и... – вступил в переговоры Артём, стараясь остудить обостряющуюся обстановку, но его дерзко пресёк Сергей:

– Услышу от тебя ещё хоть слово и тоже урою, уяснил, скотоёб?

– Сперва позаботься о своих плесневевущих мозгах! Запустишь огород и останешься больным на голову на всю жизнь! Инвалидность оформлять – муторная тема! – заверил Смирягин.

“Зачем, дружище, зачем?” – отчаянно подумал выпрямляющийся Арсений, понимая, что теперь им по-любому не избежать потасовки.

Скула на физиономии кавалера Полины дёрнулась. Он почесал нос и небрежно сказал своему корешу:

– Займись-ка этим борзым, Череп.

Второй негодяй сразу же устремился к Артёму, уже принявшему стойку. Наряду с тем Сергей накинулся на Дубовцева. Началась драка.

Смирягин бросился в ноги противнику, грохнул того на

землю и обосновался сверху, норовя треснуть Черепа по морде. Однако бандит оказался крайне изворотливым. Он высвободился из хватки Артёма, поверг его на лопатки и, впившись в шею, взялся яростно душить, прижав к раскалённому от солнечных лучей асфальту. В глазах потемнело, дышать было нечем.

Одновременно доставалось и Арсению, который, укрываясь блоками, защищался от сокрушительных тумачков бандита. Несколько раз расшвырявший наркоман достиг цели. Он расквасил Дубовцеву нос, порвал нижнюю губу и вышиб зуб, превратив лицо парня в настоящее кровавое месиво. Не в силах больше сопротивляться, изобретатель упал на асфальт, держа перед собой вытянутые руки.

Сергей сел на него и продолжил беспощадную бойню. Когда Сеня ответил ему слабым шлепком, зацепившим подбородок оппонента, мерзавец окончательно потерял над собой контроль, остервенел и, обзаведясь лежащим около них куском арматуры, замахнулся им, дабы нанести решающий удар.

Несколькими минутами ранее...

Подпрыгивающая на кочках раздолбанной асфальтированной дороги милицейская “четырка”, вздымая пух, ехала мимо ветхих, но доселе обитаемых домов старой части города. За окном мелькали унылые серые пейзажи, которым, казалось, не было конца.

На сей раз машиной управлял Павел, выдерживающий,

как того велел запрещающий знак, скорость в 40 км/ч. Очень уж правильный Сергеев свято чтит ПДД и всегда старался соблюдать их за вычетом редких случаев, носящих вынужденный характер. Гонял он откровенно редко, да и за руль служебного транспорта садился не часто. Однако даже с его аккуратным вождением миновать все препятствия не удавалось, и автомобиль периодически громыхал подвеской, ухая в ямы.

Трофимов, расположившийся на пассажирском месте, с интересом вертел в руках отданный ему продавцом **“Карнавала”** почерневший пожарный ствол.

– Вот она, долгожданная зацепка! – ликующе сказал следователь.

– Сомнительная улика, – вскинув бровь, отозвался лейтенант.

– Плохо Вас в академии учили, – проворчал Алексей. – Нет сомнительных улик! Есть люди, не умеющие ими грамотно пользоваться...

– Бесспорно, я ещё крайне неопытный сыщик. И всё же... какой нам прок от алюминиевой болванки, капитан? – не ображал Павел, внимательно наблюдающий за дорогой.

– Данная штука приведёт нас к убежищу Гринюка! – поведал Трофимов и включил отрезок записи с диктофона, где шипящий голос Василия процитировал: “...вещь, вроде, из его жилища...”.

– Наклёвывается загвоздочка...откуда именно пропал

наш экземпляр? Такими стволами комплектуется большинство пожарных кранов, устанавливаемых в административных зданиях, и... минутку, – покосившись на находку, поразмыслил Сергеев, и воскликнул. – Как же я раньше не догадался?

– Верно, – удовлетворённо улыбнулся капитан. – Он покрыт копотью...

– И похож на лампу с Джином! – хохотнув, добавил лейтенант.

– Чувствую, в него я скоро и превращусь, – покачал головой старший из офицеров. – С твоей балагуристостью можно здорово посинеть!

– Хах, я уж думал, Вы заедаете редьку исключительно серьёзными щами, Алексей Викторович, – повеселел молодой следователь, но, словив смиренный взгляд коллеги, примерил на лицо деловитую мину и конкретизировал. – Нам куда дальше?

– Ствол в саже, его оплечка и ремень подгорели. Вывод?

– На мойку его? – предположил Сергеев.

– Пашка!!! – раздражённо рявкнул капитан.

– Понял-понял, ищем постройки, изувеченные огнём...

– Только сначала наведемся в продуктовый. Во рту невыносимый сушняк...

– Справа алкомаркет. Сгодится? – спросил лейтенант.

– Угу, – одобрил Трофимов.

Павел повернул перед автомобильной стоянкой и припар-

ковался у магазина “**Виноградная лоза**”.

– Тебе что-нибудь взять горло промочить? – уточнил Алексей у Сергеева.

– Если Вы смените меня за рулём, я не откажусь от пивка, – мечтательно протянул тот.

– Рыбки к нему не купить, балдёжник? – цокнул капитан. – “Тархун” похлебаешь!

– Достойная альтернатива, – хмыкнул лейтенант, и Трофимов, удалившись из салона, скрылся в алкомаркете.

Затарившись холодными напитками, он зашагал к машине, как вдруг услышал крики и звуки борьбы, нарушающие тишину безлюдных районов.

– Нет, не надо! Не надо!

– Ооох, ты у меня получишь, мразь!

– Отвяжись от меня...

– Как сдохнешь, сучка драная, сразу отвяжусь!

– Спасите... умоляю!!!

Следователь увидел, как около помятого голубого ларька “**TACOS**” попарно сцепились четверо парней.

Один из дерущихся, поваливший своего противника на землю, подобрал ржавый кусок кривой арматуры и занёс его над головой, намереваясь добить ослабевшего оппонента.

Трофимов, побросав покупки, молниеносно расчехлил ПМ, снял с предохранителя и произвёл предупредительный выстрел в небо, не позволив молодому человеку с железкой совершить задуманное.

– Милиция! Никому не двигаться! – гаркнул офицер, направив пистолет на враждующих граждан.

Тип с арматурой, чьи ноздри раздувались, будто у бешеного быка, отшвырнул своё оружие на асфальт и, выпрямившись, поднял руки вверх. Остальные, кроме юноши, чуть не укокошенного жестянкой, последовали его примеру.

Алексей спрятал пушку в кобуру, подскочил к бедолаге, истекающему кровью, и, присев на корточки рядом с ним, справился:

– Живой?

Парень, физиономию коего запачкала бурая густая субстанция, лишь вяло кивнул, не в силах вымолвить ни слова. Дорогу вокруг также залила свежая кровь, запекающаяся на солнце.

– Чёрт, не хило тебя потрепали... Ну, выкладывайте, что за беспредел Вы здесь учинили? – строгим голосом узнал капитан.

– Не суйся, мент, – заторможено просипел быдлан в чёрной спортивке, изучая мужчину в погонах своими мутными моргалами. – Ряженных не касается!

– Нормально тебя с дешёвого дерьма шторкнуло! Только огрызаться в своём падике будешь, усёк? Или за тюремной решёткой, побрякивая по ней кружкой!

– Засунь свой гонор в жопу, вонючий мусор! – пошатываясь, выпалил бандит.

Трофимов приблизился к наркоману вплотную и, едва

сдержав себя, чтобы не приложиться ему по рылу, процедил:
– Поздравляю, ты заработал путёвку в участок! Отправишься туда VIP классом со своим корешем в компании недружелюбных гидов. И уже на месте прохрюкаешь, что-кому-куда засунуть полагается! А сейчас руки за спину! – командовал Алексей мерзавцу и не успел достать из-за пояса браслет, как его шибанули по хребту, вынудив опуститься на колени. Моментально перекатившись вбок, офицер вернулся на ноги и врезал тому, кто зашёл к нему сзади. Отменный удар капитана низверг наркомана на землю и вверг в панику его соратника, недавно расплывшегося оскорблениями.

– Не злите меня, ребята! Руки за спину, немедленно! Или заломаю! – повысил тон Трофимов, и дрожащий от страха негодяй подчинился.

Тут к банкету присоединился Павел.

– Товарищ капитан, Вы в порядке? – обеспокоенно осведомился Сергеев.

– В порядке. Пригляди-ка за тем, – попросил Алексей, ткнув пальцем в лежащего на асфальте наркомана.

Раздался щелчок наручников и на запястьях одного из задержанных засверкал стальной браслет.

– Чего тихо-мирно не сдался, а, придурок? – любопытствовал Трофимов у закованного бандита, но тот, уронив голову на грудь, промолчал. – Ладно, Паша, пакуем ещё этого и закругляемся.

Пока капитан выживал вторую пару наручников, другой

наркоман с низкого старта кинулся прочь.

– Стой, шмара, пристрелю! – заорал лейтенант, нервно вытаскивая свой пистолет из кобуры. Однако когда оружие было извлечено, цель, преодолев деревянную ограду, юркнула за угол четырёхэтажного дома. – Грёбанный легкоатлет! – раздосадовано буркнул Сергеев и стукнул каблуком ботинка по дорожному полотну.

– Ай, пёс с ним! – отмахнулся Алексей. – Усади нашего единственного и неповторимого в его персональную карету и жди меня там.

Павел грубо схватил бандита за руку и повёл к “четырке”.

Трофимов помог встать побитому парню при содействии его друга.

– Идти в состоянии?

– Фполне, – шепеляво ответил молодой человек и поморщился от боли. – Кавэца ноф фломан.

– И зуба нет, – заметил капитан. – Что ж, не смертельно. Мы тебя в больницу доставим, а ты, – обратился офицер ко второму. – Как тебя?

– Артём, – представился тот.

– А ты, Артём, съездишь в участок и дашь показания, договорились?

Смирягин согласился, и все трое устремились к милицмейской машине.

бе Ксении, обосновавшейся напротив парня, вышла в зал и оставила парочку наедине.

Комната вожатых была ужасно крохотной, и подсознательно ощущалась гнетущая давка от стен и потолка. Между кроватями располагалась деревянная тумбочка, чью поверхность занимали журналы и две глиняные кружки. Над ней висел старый антикварный светильник из латуни с тремя чашами формы тюльпана, а над головой – скромная чёрная люстра.

– Я хотела ещё раз поблагодарить тебя за то, что привёл Данила. И как мы умудрились потерять его в лесу? – недоумевала блондинка.

– Он и сам не помнит, что довольно удивительно, – ответил Витвинин, взирая на девушку.

– С ним с начала смены творятся какие-то странности... и мне, если честно, беспокойно, – поделилась та.

– Всё наладится, – утешил парень.

– Надеюсь, – Ксюша сделала паузу. – С детьми работать непросто. Однако именно здесь я поняла, насколько сильно желаю стать мамой...

– Из тебя получится прекрасная мама! – отвесил комплимент Егор. – Ты – бриллиант для семейного мужчины...

– В теории. Не знаю, вытяну ли я когда-нибудь семейную жизнь, – засомневалась девушка.

– Погнали со мной по окончании заезда? – предложил Витвинин. – В Гродске у меня есть квартирка. Пускай и од-

нокомнатная, зато полностью моя.

– Возможно, к подобному я пока не готова, – вздохнула вожатая.

– Потому что не уверена во мне?

– Скорей, в себе.

– Мы справимся. Вместе, – и парень встретился с возлюбленной взглядом, отчего у Ксюши приятно загло в груди – это загорелось и трепетно забилося её сердце. – Я окружу тебя заботой и поддержу в любой ситуации. Дай только шанс...

– Я подумаю, – пообещала блондинка, подняла пальчиком подбородок Егора и, поцеловав молодого человека в губы, добавила. – Приходи сегодня ночевать сюда...

– Заманчиво, – приободрился Витвинин. – А твоя коллега в курсе?

– Инна? Не переживай! Я с ней договорюсь, – убедила вожатая, и они с Егором взялись за руки, наслаждаясь обществом друг друга.

Тем временем...

В спальне мальчиков царил тишина, нарушаемая тиканьем настенных часов, шелестом одеял, скрипом кроватей и жужжанием жирной мухи. Прогулка на “Багровое” озеро отняла у детей кучу энергии, и теперь основная их масса путешествовала по стране грёз.

Данил, хоть его уставшие глаза тоже смыкались, уснуть не мог. Он лежал на заправленной постели и смотрел в белый потолок.

Ребёнок безуспешно пытался вспомнить, как оказался один в лесу. Всё это было, по меньшей мере, странно. Почему он очнулся на земле? Что заставило его упасть? С чего вдруг он откололся от остальных? Вот отряд выдвигается из корпуса, шагает до ворот “Тайника Лешего”, покидает лагерную территорию и следует по гравийной дороге. Затем сворачивает в чащу и... пробел.

Осипов прилагал множество усилий, чтобы восстановить память, что, впрочем, не приносило ничего, кроме ещё большей путаницы.

Мальчик решил прикорнуть. Утро выдалось не из лёгких. Хорошо, что он сейчас вообще здесь. Если бы не парень их вожатой Ксении, Егор, плутать бы ему дальше по дебрям.

Вновь скрежетнула сетка на чьей-то койке. Осипов лениво повернулся и увидел поднявшегося со своего места Федю, который приблизился к нему.

– Я присяду?

– Садись! Зачем так официально?

Аккуратно устроившись на краю кровати друга, Дубовцев заботливо спросил:

– Как твоя голова?

– Гудит. Кажется, я смачно ею ударился... – резюмировал

Осипов.

– Что-нибудь прояснилось?

– Нет. Полный провал.

– У него аземения, – диагностировал пробудившийся Сав-

ва, потягиваясь в постели.

– Амнезия. Потеря памяти, – подкорректировал Федя и продолжил. – Дань, я хотел с тобой кое-чем поделиться. Сегодня в озере я... повстречал нечто поистине жуткое...

Очкарик слез с койки и, уперев пухлые руки в свои железные бока, потребовал:

– Выкладывай нам обоим! Что ты там обнаружил?

– Я уловил малую часть его тела. Морщинистый горб, похожий на мокрую жёваную резину и... утыканный заостренными шипами...

– Ты чуть не потоп из-за какой-то рыбки? – уточнил Бабурин.

– Рыбки??! Ты совсем болван?! – вспыхнул Дубовцев. – Где такие рыбины водятся? В Припяти?

– Насколько гадина крупная? – вклинился Осипов.

– Она огромная... – прошептал Федя.

Данил хмыкнул и, потеряв свой амулет из гематита, осведомился:

– Мне вот интересно, то, что ты засёк в воде, а я на суше – одно и то же существо?

– Вряд ли, – предположил Дубовцев. – Оно же не амфибия.

– Мы столкнулись с какой-то загадочной фигнёй, и ты утверждаешь, чем она не является? – поразился Осипов.

– С Вами рядом у меня мурашки по коже! – рассердился толстячок. – И я вынужден выслушивать Ваши нелепые

страшилки при том, что лично подобного не наблюдал! Ребят, я, конечно, не намекаю, что Вы слегка того, но... на всякий случай советую Вам посетить медпункт. Без обид...

– Савва, хватит постоянно канючить! Ужасно раздражает! Сам просил, дабы я поведал тайну Вам обоим! А теперь фигню порешь, – выпалил разозлённый Федя.

– Не повышай на меня голос! – погрозил пальцем Бабурин. – Неужели нельзя быть такими же, как все?

– Какими? – с вызовом процедил Дубовцев, встав с кровати и выпятив грудь вперёд.

– Нормальными!

– Как Тимофей? Или Яков с Забитом?

– У нас отряд не только из них состоит! Многие ребята живут себе тихо, Вы же вечно влипаете в какие-то скверные ситуации! – негодовал пухляш.

– Мы влипаем??! – завёлся Федя. – Напомни, чью задницу прикрывал Даня, когда кого-то унизили при коллективе? Не твою часом? Как тебе пендель светит, так ты у нас за дружбу до гроба, лишь бы кто защитил. Не тебе тут возмущаться!

– Надоели мои возмущения? А мне надоели Ваши ничем необоснованные предрассудки!!!

– Ну и катись к чертям собачьим, раз не нравится наше с Данилом общество! Найди себе, как ты там выразился...эм..."нормальных" друзей! – грубо гаркнул Дубовцев, чей рот перекосило от злости. Его сверкающие глаза, налившиеся кровью, сверлили очкарика колким взглядом.

У оскорблённого толстячка задрожали губы, и он едва не заплакал. Надувшись, Бабурин дотелепал до постели, плюхнулся на неё спиной к товарищам и укутался покрывалом.

– Парни, не ругайтесь! У нас и так проблемы, – печально пробубнил Осипов.

– Ай, – отмахнулся Федя. – Может, наша неженка поумнеет!

– Сааав, – позвал пухляша Данил, однако тот не шелухнулся. – Прости нас, пожалуйста!

– Подуется и прекратит. Знаю я таких.

– И всё равно... ты с ним чересчур жёстко.

– Он заслужил.

– Ладно, надеюсь, Вы скоро остынете.

– Угу. И я поманю его пончиком в знак примирения.

Они замолчали.

Осипов долго собирался с мыслями, чтобы начать новую беседу:

– У меня к тебе предложение, Федь, но... ты, вероятно, откажешься...

– Что за предложение?

– Показать всем, что монстр – не миф, и мы с тобой – не трусы...

– К сути...

– Я планирую наведаться в лес, выследить чудище и заснять его на свой фотоаппарат! Проявим снимки и неопровержимые доказательства наших с тобой слов в кармане!

– Ты обезумел????!!! – точно ошпаренный подскочил на кровати Дубовцев. – Как тебе такое в голову взбрело???!!

– Ожидаемо, – кивнул Данил. – Жаль, что твоё обещание – пустой звук. Ведь мы втроём: я, Савва и ты, – клялись-божились, что будем вместе всегда и везде!

– Давай успокоимся и... – заговорил Федя, моментально перебитый Осиповым:

– Плевать! Думай, что угодно! Я твёрдо решил, что грядущей ночью отправляюсь в чащу. С Вами или без! В своей жизни я регулярно выступал в роли посмешища! Однако обязательно изменю мнение о себе. Все поймут, как ошибались на мой счёт!

– Ты намереваешься блудить по дебрям в кромешной тьме? – любопытствовал Дубовцев.

– У меня есть фонарик, – безразлично ответил Данил.

После паузы Федя сказал:

– Это глупость, но...я пойду с тобой! Исключительно ради нашей дружбы! Потому что данная затея – настоящее самоубийство! И если мы вернёмся целыми и невредимыми, я готов поверить хоть в Зубную Фею!

Осипов благодарно посмотрел на Дубовцева и приобнял его.

– Спасибо, что не бросил.

– Куда я от тебя денусь! – с вымученной улыбкой произнёс Федя. – Авось, обиженная пышка тоже составит нам компанию, – и Дубовцев уставился на неподвижную фигуру под

одеялом.

– Очень сомневаюсь, – вздохнул Данил и завалился на постель.

38

“Четырка”, выкрашенная в милицейские цвета, вновь кружила по старой части Гродска. Темнело. Солнце скрывалось за ветхими серыми домиками, и улицы погружались во мрак.

Трофимов, отстегнув ремень, доставляющий ему дискомфорт, включил фары и прибавил газу.

Сергеев клацнул челюстями и страдальчески промычал:

– Мм, мои кусалки! Хоть с капой ездй, ей-богу! Если она от такой тряски вместе с зубами поперёк горла не застрянет!

– Да, автомобиль рискует разложиться по болтикам прямо на ходу! – возмутился капитан.

– Нам пора комплектоваться гусеничными машинами, чтоб сберечь нынешним колёса. Неужели данное полотно не намереваются ремонтировать? – поражался лейтенант.

– Думаешь, местной власти интересно твоё полотно? – усмехнулся старший из офицеров. – Госбюджет тает в их карманах, и они заняты исключительно его делёжкой.

– Могли бы на оставшиеся копейки заплаток нашлёпать. Или припорошить ямы песочком с детских площадок... – рассуждал Павел.

– Ты мыслишь как истинный депутат! – хохотнул Алексей.

Помолчав, Сергеев сменил вектор беседы:

– Товарищ капитан, я считаю, мы выбрали неудачное вре-

мя для экскурсии на сгоревший хлебокомбинат. Дежурство длинное, наведались бы туда утром...

– Никак струсил, Пашка? – заулыбался Трофимов. – Не бойсь! Я захватил фонарики.

– Лучше б лишних бойцов захватили! Чтоб нас тутошные аборигены не растерзали.

– Где ты их увидел?

– Нигде! Потому что ни хрена не видно! – констатировал лейтенант.

– Поверь, во всей разнесчастной округе нет ни ду...

Речь капитана оборвал раскатистый выстрел.

БАХ!

Затем второй.

БАХ!

– Какого...?! – только и гаркнул Алексей, прежде чем потерял управление.

Подбитую “четырку” резко качнуло вправо. Трофимов рефлекторно повернул руль влево и топнул по педали тормоза. Покрышки пискляво завизжали, следя на асфальте прерывистыми чёрными полосами. Пьяный танец автомобиля грубо прекратил бетонный фонарный столб, разрубив капот пополам.

От удара водитель поцеловался с треснувшим ветровым стеклом и придавил грудью баранку. Машина нарушила безмолвие улиц протяжным “БИИИИИИИИИ”.

Протаранивший лицом приборную панель Сергеев осво-

бодился от ремня безопасности и поспешил прижать капитана к креслу.

Гудок заглох. Алексей, прокряхтев, поморгал глазами и потрогал порезанный лоб.

В себя милиционеров окончательно привёл очередной рокот.

БАХ!

Окно, у которого находился лейтенант, звякнуло от попадания пули, образовавшей круглое отверстие в стекле.

– Пригнись, Паша! – приказал Трофимов, и они с коллегой низко склонили туловища.

Алексей исхитрился достать рацию и связался с дежурным ОВД:

– Говорит капитан Трофимов! Как слышите меня, приём?

– *Слышу Вас хорошо, капитан,* – пробормотал женский голос.

– Мой экипаж атаквала группа вооружённых людей на улице Комсомола, близ магазина “Виноградная лоза”! Численность противника неизвестна! Немедленно требую подкрепления!

– *Вы попытались наладить контакт?* – осведомилась дежурная.

БАХ! БАХ! – две пули встретились с обшивкой “четырки”.

– Какой контакт??!! – проревел в рацию Алексей. – Они строчат по нам без остановки! Я вынужден вступить с ними

в бой! Оперативников сюда, срочно! Иначе нас похоронят в собственном автомобиле!

– Приняла!

БАХ! БАХ! БАХ!

Серия выстрелов напрочь вынесла стекло и мелкие осколки засыпали вопящего Сергеева, уткнувшего голову между колен. Лейтенант, похоже, и сам не заметил, что кричит.

– Твою ж дивизию! – выругался Трофимов. – Пашка, скорей выползаем из салона! А то нас пригвоздят к чёртовой матери!

Капитан толкнул дверь и буквально вывалился из “Лады”. Он быстро перекатился к переднему крылу, расчехлил ПМ и прильнул к повреждённому транспорту.

Несколько пуль вспороли заднее колесо, и оно, шипя, сдулось, отчего “четырка” покосилась на бок.

Алексей осторожно высунулся из-за машины. Прищурившись, он узрел, как к ним из квартала направляются шестеро в сливающихся с ночью балаклавах. В их арсенале обнаружили пистолеты, дубинки, стальные цепи, мачете и даже арбалет.

Спустя мгновение, рядом с виском Трофимова просвистела пуля, и он спрятался обратно.

– Шевелись, Паша, шевелись! – нервно поторапливал старший офицер, снимая пушку с предохранителя.

Сергеев с трудом перелез через рычаг коробки передач, преодолел мешающий перемещению руль и выкарабкался из

автомобиля, заняв позицию у заднего крыла.

– Никого нет, значит? По-моему, Вы немножко обсчитались, товарищ капитан! – упрекнул лейтенант, чьё сердце бешено колотилось, норовя выломать рёбра.

– Я и не предполагал, что кто-то, кроме нас, станет шагать по старым районам Гродска в столь поздний час! – буркнул Алексей.

– Ну вот, нашли единомышленников! Кто они?

– Как снюхаемся с ними – выясним!

– До или после того, как превратимся в дуршлаг?

– В идеале бы до...

– Нас вообще собираются вытаскивать? Или у них имеются запасные Трофимовы и Сергеевы?

– У нас любому замену найдут!

– Спасибо за утешение, Алексей Викторович! Как радостно осознавать, что шагнуть в завтрашний день нам не светит.

– Не беспокойся, опера уже в пути! Нам бы выстоять!

Капитан вновь выглянул из-за укрытия и осуществил неприцельные выстрелы в сторону нападавших. Шайка сразу же разделилась, юркнув за предметы ландшафта.

Павел выдохнул, выпрямился в полный рост и, определив руки с крепко стиснутым пистолетом на крышу, начал палить по плохо различимым силуэтам.

Долго ответа ждать не пришлось. Град пуль заставил обоих милиционеров вернуться в полусидячее положение.

– Это совпадение или мне кажется? – задался вопросом

лейтенант.

– Что конкретно? – не догнал Трофимов.

– Именно здесь мы сегодня скрутили того обкуренного типа... а его кореша прошляпили. Не он ли подсуетился и созвал против нас сию дружную компашку? Сраный полководец...

– Нам с тобой не до лирических отступлений!

БАНГ! БАНГ! БАНГ! – прошило деформированный, как и вся морда машины, капот, из-под коего струился дымок.

Недалеко от Сергеева заскрежетал асфальт, от чьей поверхности, испуская искры, отлетали вражеские пули: ПЭУНГ! ПЭУНГ!

Когда бандитская канонада затихала, офицеры показывались из-за корпуса автомобиля и лупили по оппонентам. Стрельба шла фактически вслепую. Вычленишь во мраке людей в чёрных костюмах и идентичного цвета масках было проблематично, поэтому милиционеры, фиксируя движение, открывали огонь.

– Я пуст, – обречённо сообщил Павел, израсходовав три магазина. В голосе оптимиста Сергеева Алексей уловил нотки паники и понял, что чувство непреодолимого страха овладело и им.

– Держи! – кинул напарнику полную обойму капитан. – Экономь патроны! Последние!

Лейтенант вставил новый магазин в рукоятку, передёрнул затвор, принял стрелковую стойку, но не успел прицелиться,

как ему в плечо угодила пуля.

Павел трепыхнулся и ахнул от боли. Он выронил пистолет, с лязгом упавший на асфальт, опёрся спиной о “четырку” и, стоная, сполз по ней, зажав рану ладонью.

– Сука, сука, сука!!! – повторял бледный как смерть Сергеев.

– Вот дрянь, – процедил Трофимов, взглянув на выведенного из строя коллегу. – Не высовывайся! Ты мне живым нужен!

– Обнадёживает... – слабо прошептал лейтенант.

Оружие Алексея опять забухало, освещая жёлтыми вспышками его напряжённое вспотевшее лицо.

Взвыв, тёмная фигура рухнула на землю. Одна из пуль капитана достигла-таки цели.

Раздался щелчок осечки. Трофимов притаился за машиной, вынул использованную обойму и окликнул напарника:

– Пашка, пушку!

Сергеев онемевшими пятернями поднял свой ПМ и швырнул его по асфальту Алексею. Тот взял оружие лейтенанта и выпустил восемь пуль. Снова щелчок.

– Вот и всё, нет больше боеприпасов, – приговором прозвучали слова капитана.

Павел сглотнул слюну и закрыл глаза.

В металл милицейского автомобиля вонзился арбалетный болт и Трофимов, съевшись от хлопка, матюкнулся.

Инна с Ксенией очутились в расположенной на втором этаже комнатке старшего вожатого Дмитрия, парня с привлекательной внешностью и высоким ростом.

На миниатюрном столике громоздились немые кружки с прилипшими ко дну ложками и использованными чайными пакетиками, а на аккуратно заправленной постели лежали две книжки – Конан Дойловские **“Записки о Шерлоке Холмсе”** в твёрдом переплёте и **“Мизери”** Стивена Кинга в мягком.

Старший вожатый поспешно убрал литературу с покрывала и пригласил девушек сесть на койку.

– Ну, выкладывай, Дима, зачем ты нас позвал? И постарайся вкратце. Скоро ужин, мы торопимся.

– Конечно, – понимающе кивнул парень. – Как меня уведомили, в Вашем отряде приключилось целых два инцидента, когда ребята утверждали, что лицезрели некоего монстра. О чём именно они упоминали?

– Смысл говорить на такую пустяковую тему? Неужели ты планируешь развивать выдумки детей? – справилась жгучая брюнетка и отмахнулась. – Я тебя умоляю. Поэтому ты выдернул нас в корпус для персонала?

– Вообще-то нет. Хотел поделиться своими опасениями. Кажется, в окрестностях лагеря действительно завелось что-то...необычное. Согласен, звучит неубедительно. Однако сегодня история, идентичная тем, что случились с Вашими подопечными, повторилась в первом отряде, – сообщил

Дмитрий. – Одна девчужка разразилась плачем, проходя с коллективом мимо здания корпуса, в коем мы сейчас беседуем. Её успокаивали около часа. Она якобы засекала нечто уродливое на крыше постройки. Какое-то страшное существо... Поначалу мы не обратили особого внимания, мол, бредни ребёнка, и списали её истерику на слишком богатое воображение.

– Что же заставило Вас прислушаться к ней? – с безразличной миной на лице поинтересовалась Инна.

– Кто, – поправил парень. – Люди, находившиеся в тот момент в корпусе, пожаловались на громкий шум.

– Рискну предположить, что мы столкнулись с чьей-то злой шуточкой. Мало ли, кто мог вырядиться в дурацкий костюм с намерением поугатать детишек? Возможно, проделки деревенских, – выдвинула свою гипотезу блондинка.

– Люк, ведущий на крышу, всегда закрыт на замок.

– Не забывай, что снаружи на стене есть лестница, – напомнила брюнетка.

– Была. Пока мы не обнаружили её вырванной...

– Ну да, чудищем, – хохотнула Инна и потёрла виски. – Господи, лишь второй день, а уже всё кувырком.

– Давайте Вы выключите свой скептицизм и проследуете за мной! – и Дмитрий, удалившись из комнаты, прошагал по коридору, после чего полез наверх по металлической лестнице. За ним устремились и девушки.

С крыши, которая являла собой отличную смотровую

площадку, открывался чудесный вид на “Тайник Лешего”, залитый багровым предзакатным сиянием клонящегося к горизонту солнца. Корпуса, игровые зоны, забор и деревья в это время представляли небрежными кляксами на величавом кровавом холсте.

Старший вожатый подошёл к низкой кирпичной перегородке у края и, уперев руки в бока, воскликнул:

– Полюбуйтесь!

Инна с Ксенией приблизились к декоративному элементу и замерли. Часть его была буквально снесена, а под ногами валялись куски кирпичей и красная крошка. От места, где отсутствовал фрагмент барьера, тянулся глубокий разлом. Также на жестяной поверхности крыши имелись вмятины от чьих-то подошв.

– По приезду в лагерь я поднимался сюда и ничего подобного не наблюдал. Сразу поясню: то, что раскинулось у корпуса на газоне не модное ландшафтное решение рабочих, – и парень указал направление, куда необходимо глядеть.

Девушки молча нависли над перегородкой и повернули голову вправо. В траве маячила покорёженная лестница с погнутыми ступеньками. Кронштейны, чьими усилиями она крепилась к стене, кривыми обрубками торчали в небо.

– Сдаётся мне, что версия с баловством ребятни отменяется, – прокомментировал Дмитрий. – Что-то весьма крупное побывало у нас в гостях. И мне думается, эта махина не из самых дружелюбных...

– Ты новый ужастик сочиняешь, да? – уточнила брюнетка.

– Уже совершенно не смешно, Инн! – недовольно выпалила блондинка. – Нам, вероятно, грозит реальная опасность! Меня же кошмары замучают!

– Ой, прекрати! – буркнула её подруга. – Лучше бы ты так волновалась по поводу пунктуальности! Нам давно пора детей на ужин собирать! Идём!

– Подождите, дамы. Мне ещё есть, чем Вас удивить, – констатировал парень и, покопавшись в карманах брюк, презентовал коллегам свою находку.

– Сдохшие часы, – хмыкнула Инна и, взяв у молодого человека аксессуар, принялась изучать серебряный циферблат с прямоугольным окошечком. Сквозь трещину на стекле вырисовывалось число “9”. Тонкие стрелки застыли на **12:45**.

– Почему сдохшие? – не догнала Ксения.

– Прикалываешься? У них же стекло разбито. И они стоят, – разжевала брюнетка.

– Всё равно крутые, – оценила блондинка. – И браслетик с золотыми вставками.

– Ещё бы! Как-никак “Rolex”, оригинальные швейцарские, – блеснул эрудицией Дмитрий.

– Где ты их отыскал? – конкретизировала Инна.

– Вон в той засохшей рвотной массе, – ткнув пальцем в противоположную сторону крыши, скоординировал парень. – Среди больших рыбных хребтов...

– Фууу, – сморщилась Ксения, заметив поносно-зелё-

ную лепёшку блевотины.

– Как мерзко, – добавила скуксившаяся брюнетка.

– Кто-то вырыгал сию вещицу с остатками пищи, – сказал Дмитрий. – И хотелось бы мне верить в то, что хозяин часов не разделил их скверную участь...

– И что теперь? – спросила встревоженная блондинка. – Всё очень серьёзно. Вдруг в округе завёлся бешеный дикий зверь?

– Знать бы, какой такой зверь способен без труда выдрать из стены лестницу и вскарабкаться на крышу. Насколько мне известно, дикие животные не осмелятся подойти к лагерной территории. В любом случае, панику не разводим. Я попробую разобраться, – пообещал молодой человек и изрёк наставление. – Только отныне пристальней надзирайте за детьми! Не выпускайте их из поля зрения!

40

Оперуполномоченный майор Владислав Никонов, смачно харкнув себе под ноги, суровым взглядом окинул мрачное в вечернее время здание ОВД “Союзного”, разместился на переднем пассажирском сиденье ментовского “УАЗика”, известного в народе, как “бобик”, и громко захлопнул дверь. Внутри его уже ждала группа из трёх человек.

Водитель завёл двигатель, включил фары и резко тронул машину.

– Куда направляемся, товарищ майор? – с заднего сиденья спросил старшина Агеев с “калашом” наперевес.

– Своих из дерьма вытаскивать, – коротко объяснил Никонов, смотрящий уставшими глазами на яркую луну.

– Случилось что-то серьёзное? Раз мы так вооружились? – раздался ещё один голос.

– Агеев, Зинин, светские беседы поберегите для барышень, а не со мной их разводите! Если вооружились, значит положено! При необходимости используете свои автоматы! – не оборачиваясь, раздражённо информировал Владислав.

Сегодня майор, и без того грубый и заносчивый, был не в настроении. Когда дежурная Настя вломилась в его кабинет, дабы дать координаты попавшего в передрагу Трофимова, он чуть не подавился крепким чаем. Именно этим напитком Никонов хотел себя взбодрить, однако его чаепитие прекратилось самым наглым образом.

– Может, хоть пошумим, Никитос, – шёпотом понадеялся Лев.

– Ага, давно чего-то мы казённые патроны не транжирили, – согласился рядовой Зинин.

“УАЗ” мчался с работающими сиренами и мигалками, пролетая на красный сигнал светофора и обгоняя встречающиеся по пути транспортные средства.

“Бобик” вырулил в старые районы Гродска.

– Нам на улицу Комсомола? – уточнил шофёр, подкатывая к перекрёстку.

– Да, – подтвердил майор и добавил. – Девятнадцатый дом.

Водитель кивнул и, быстро вращая баранку, практически не сбавил скорости. Накренившийся автомобиль лихо вписался в поворот на двух колёсах, едва не опрокинувшись на бок, и как ни в чём не бывало продолжил движение.

– Осторожней, извозчик! – недовольно буркнул Агеев, прижатый завалившимся на него Никитой, чьё тело швырнуло напрямиком в товарища. – Нам ещё воевать!

Очередной поворот, и машина с нарядом оказалась на нужной улице, ровно также как старшина с рядовым в противоположном углу “УАЗика”. Только сейчас уже Лев прокувыркался до своего коллеги, впечатавшись лицом в пластиковый рожок АКС-74У.

Сначала Владислав обнаружил в темноте светящуюся вывеску магазина “**Виноградная лоза**”, а затем на дороге замелькали прерывистые следы от шин, заканчивающиеся у бетонного фонарного столба с не горящими фонарями, который рассёк капот милицейской “четырки” пополам. У “Лады” столпились люди в чёрных масках с оружием в руках. Владислав насчитал пятерых.

Никонов сразу же встрепенулся, достал из кобуры свой пистолет и с лязгом передёрнул затвор.

– Приготовились! – скомандовал майор своим подчинённым.

Сирены, нарушающие тишину призрачных улиц, спугнули бандитов. Те, заметив подъезжающий к ним “бобик” с моргающими синим мигалками, бросились врассыпную.

У “четырки” Владислав заметил две фигуры в погонах. Они, опёршиеся спинами о борт автомобиля, сидели, вытянув ноги перед собой, и почти не шевелились.

“УАЗ” остановился, противно скрипя колодками. Милиционеры с АКС-74У выскочили из салона и вскинули автоматы к плечу. Однако группировка испарилась.

Никонов подбежал к “Ладе”. Один из находящихся у неё следователей медленно встал и облегчённо выдохнул.

– Вовремя Вы, ребята, подоспели! – декларировал он. – Ещё немного и нас бы освеживали.

– Вы как, целы? – справился майор.

– Я как новенький, а вот Пашка... схлопотал пулю. Ему в больницу надо, – ответил Алексей, взирая на бледного лейтенанта.

– Мы вызвали скорую, – сообщил Агеев.

Трофимов подошёл к обессилившему Сергееву, опустился рядом с ним на корточки, потрепал по прилизанным волосам и добродушно констатировал:

– Жить будешь, боец! Всё позади!

– Ура, больничный! До отпуска я бы не дотянул, – вымучив подобие улыбки, пошутил Павел и прикрыл глаза.

Владислав обогнул покорёженную машину капитана, оценив плачевность её состояния: отверстия от пуль на обшивке, разрубленный капот, разбитые стёкла и сдутые колёса. После майор с интересом изучил арбалетный болт, торчащий у лючка бензобака.

– Не хилый у засранцев арсенал! – восторженно воскликнул Никонов.

– Ага. Я одного подонка зацепил. Он вон там, у квартала, балдеет! – отрапортовал Алексей. – Заберите его! В “Союзном” решим, что с ним делать...

– Хорошо! – и майор принялся исполнять поручение капитана с двумя милиционерами, держащими “калаши”. Они проследовали к подстреленному бандиту, извивающемуся у мусорки.

Пуля угодила нападавшему в ногу, и тот лежал, обхватив ляжку обеими руками. Приблизившись к негодяю, Владислав различил стон. Сорвав с раненого балаклаву, Никонов увидел парня, чей возраст, ориентировочно, недавно перевалил за двадцать.

Пока майор со своими оперативниками вязал преступника, Трофимов почувствовал у себя в кармане вибрацию мобильного телефона. Он вынул его и сказал:

– Слушаю...

Дежурная ОВД взялась излагать капитану в трубку какие-то сведения. В течение длительной паузы выражение лица Алексея претерпевало изменения. На нём постепенно нарастало удивление и недоумение. Наконец, Трофимов выговорил:

– В допросную его!

41

По завершении вечерней линейки, на которой директриса

лагеря Агния Витальевна по обыкновению наградила отряды-победители и вручила персональные призы, “Искатели” направились к четвёртому корпусу, на дискотеку.

Данил и Федя шли вдвоём. Очкарик, обиженный на товарищей, плёлся отдельно. Он так расстроился, что свернул с дорожки и стихийно побрёл по траве.

За ужином Савва впервые не покушал. Пухляш лишь уныло поковырял ложкой перловую кашу, и та, в итоге, остыла. Правда, он выпил вишнёвый кисель, до сих пор согревающий его изнутри.

Осипов не единожды пытался наладить контакт между Бабуриным и Дубовцевым, однако все дипломатические потуги терпели крах ещё в стадии зародыша. И как бы толстячка не угнетала данная ситуация, он не мог пожертвовать своими принципами. Каждый раз Савва хмурился и демонстративно отворачивался, давая понять всем своим видом, что беседовать он не готов.

Глаза очкарика заволочла пелена. Погрузившийся в себя, он вяло тащился вперёд, отказываясь воспринимать окружающую его действительность. Уши мальчика будто заткнули пробками и сквозь эти пробки доносились приглушённые неразборчивые звуки, на самом деле являющиеся голосами: ребята дружно горланили девиз отряда... что, собственно, не имело абсолютно никакого значения для отрешённого от всех Бабурина, чьё осунувшееся понурое лицо отражало болезненное состояние его клокочущей души.

– Слушай, Федь, Савва как-то нездорово выглядит, – с волнением сообщил Данил Дубовцеву.

– Угу, – подтвердил тот. – Совсем потерянный.

– Эх... Наш косяк! – признал Осипов.

– Дань, не начинай, пожалуйста! – вымолвил Федя. – В ссоре, как говорил мой брат, Сеня, всегда виноваты обе стороны!

– Ладно, достаточно! Не хватало ещё нам поцапаться!

– Верно, – пролепетал Дубовцев и сменил тему. – Как относишься к дискотекам?

– Без особого восторга, – ответил Данил.

– Почему? На них выпадает отличный шанс затусить с девчонками! Я вот сегодня собираюсь как следует зажечь перед нашим путешествием в лес!

– Тише ты! – и Осипов приложил указательный палец к губам.

– Прости, – вздохнул Федя и, помолчав, осведомился. – Тебе же тут, кажется, нравится одна девчонка?

– И что с того?

– Дык действуй, тормоз! Прибавь газку! Потанцуй с ней!

– Нет! Сейчас она считает меня полным идиотом и неудачником. Но всё изменится после грядущей ночи!

– Если “после” вообще настанет! Лично я хочу насладиться вечеринкой ...Хей! – воскликнул Дубовцев, вперившись в руки Данила. – Да тебя трясёт всего!

– Настолько броско? – спросил Осипов.

– Не то слово! Ты чего, Дань? И зубы-то как колотит! – удивился Федя.

– Нервничаю что-то перед секретной миссией...

– Выкинь из головы и не парься! – посоветовал Дубовцев. – У тебя ещё несколько беззаботных часов! Зачем преждевременно изводить себя?

– Просто... – Осипов замялся.

– Ну? – поторопил Федя.

– Мне вновь придётся встретиться со своим самым страшным кошмаром, – поделился Данил.

“Искатели” остановились у лестницы, ведущей ко входу в подвал четвёртого корпуса. Остальные отряды сосредотачивались здесь же.

На улице стремительно темнело. В звёздном небе появилась яркая круглая луна, напоминающая блин. Она залила “Тайник Лешего” своим желтовато-призрачным светом.

Тяжёлая стальная дверь у подножия лестницы со скрипом отворилась, и из-за неё показался молодой человек с длинными волосами соломенного цвета, торчащими из-под голубой панамы, и жидкой козлиной бородкой. Висящая на нём словно на манекене розовая футболка маячила надписью, чьего смысла Осипов не разобрал:

Приспусти штаны, подруга,

В ход пойдёт моя залуна!

Ноги чудака обтягивали серые штаны в клеточку, держащиеся при помощи модного фиолетового ремешка.

Подмигнув вожатым и обшарив своими шаловливыми глазками их достоинства, парень пригласил отряд войти внутрь.

– Вот нахал! – шепнула Инна на ушко Ксении, и они вместе посмеялись.

“Искатели” спустились в душный подвал, освещаемый лазером и светодиодным прибором. По потолку, полу и стенам прыгали разноцветные лучи и кругляшки: зелёные, красные, синие. Над центром танцплощадки крутился зеркальный диско-шар.

В дальнем углу располагался столик с акустической аппаратурой. За ним находился паренёк с парным пирсингом губы, призванный стать диджеем.

– Ну и дыра! – проворчал Данил, когда переступил порог крохотного помещения.

Количество народу росло в геометрической прогрессии, что напрямую способствовало значительному уменьшению кислорода.

Оглушительно заиграла ритмичная музыка. Динамики колонок буквально разрывались от предельных звуковых нагрузок, а стены содрогались от столь сильных вибраций.

Нет, всё же Осипов не любил дискотеки. От них его черепушка звенела похлеще воскресного колокола.

К стенам примыкали узкие скамейки. Данил устроился на одной из них и, прислонившись спиной к прохладному бетону, сконцентрировался на поиске Феди. Его друг оказался

весьма проворным и всю танцевал с какой-то симпатичной девчонкой под ремикс песни “**Хватит, довольно**”, исполняемой певицей Светой. Импровизированные движения Дубовцева смотрелись очень эффектно. Что тут скажешь? Настоящий ловелас!

Взгляд Осипова переметнулся на вожатую Инну. Она спокойно переминалась с ноги на ногу в кружке, образованном детьми из его отряда. Данил бы отвёл от неё взор куда раньше, если бы к девушке не подскочил тот самый парень с причудливой внешностью и бредовой надписью на футболке. Сняв свои чёрные очки, он небрежно засунул их в карман клетчатых штанов и нагло положил пятерню на упругую попку брюнетки.

Лицо вожатой сразу же исказилось: милые женственные черты стёрлись гневными морщинами и складками. Обернувшись, она ещё больше взбеленилась, когда перед ней возникла противная смазливая харя типа в розовой футболке.

– Покуролесим? – подкатил он к Инне и снова подмигнул ей, облизав верхнюю губу своим острым языком.

Брюнетка вплотную приблизилась к нему и отвесила такую пощёчину, что парень взвизгнул от причинённой боли и, отшатнувшись назад, с благоговейным испугом вытаращился на неё.

– Себя за задницу мацай, общипанный петух! Ещё раз тронешь меня – евнухом на утро проснёшься, уяснил? Извращенец!

Чуть не разрыдавшись, парень поспешил удалиться из помещения, продираясь к выходу сквозь сутолоку.

Осипова эта картина позабавила, и он на мгновение отвлёкся от своих проблем.

Продолжив же наблюдать за веселящимися ребятами, Данил различил в толпе Диану, чьи изящные движения одурманивали. Вокруг неё, привлекательной и грациозной, увивался целый рой ухажёров. И каково было изумление... нет... глубочайшее разочарование Осипова, когда он обнаружил, что Дейч, его тайная любовь, его сладостная мука, его незабвенная святыня, танцует с Тимофеем, с коим мальчик конфликтовал уже не раз за неполные три дня в лагере.

Заприметив хулигана, Данил непроизвольно пощупал повреждённый глаз, куда угодил кулак Тима во время потасовки у футбольного поля днём ранее. Отёк спадал, но мысль, что моргалка скоро обретёт парадный вид, представлялась несколько сомнительной.

Осипов попробовал отыскать Савву. Тщетно.

Данил решил подняться на улицу. Может, Бабурин там. Да и подышать свежим вечерним воздухом явно не помешает. Подвал полностью провонял пбтом, отчего нос не улавливал прочих запахов.

Привстав со скамейки, Осипов только проследовал к двери, как к нему прилипла какая-то курносая девчонка с косой до пояса и множеством веснушек на лице.

– Пойдём, потанцуем? – скромно улыбнувшись, предло-

жила она Данилу.

– Мне... надо выйти, – запинаясь, отпирался мальчик, намеренный избежать нежелательного знакомства.

Тогда девчонка настойчиво потянула его за собой в гущу толпы. Осипов забрыкался.

– Какой ты стеснительный! Ну же, раскрепостись! Тебя кстати как зовут? Я – Мила! – добродушно представилось прелестное создание.

– Я не хочу плясать! – грубо буркнул Данил.

– Хотя бы один танец! Тебе что ли сложно? – жалобно вскинув тонкие брови, не отставала Мила.

– Ты ужасно доставучая! Меня это бесит! Сказал нет, значит, нет! Не до тебя сейчас! – свирепо проорал Осипов, выдернул свою руку из сжатой ладони девочки и скрылся.

Мила, простоявшая на месте ещё пару минут, всхлипнула и заплакала.

42

ОВД “Союзный” не располагал специальной комнатой для допросов, поэтому под неё отвели бесхозный кабинет с грязно-коричневыми стенами и бугристым потолком в трещинку, где на кривом проводе болталась лампочка в алюминиевом плафоне. Посреди данного помещения имелся квадратный металлический стол, чья поверхность изобиловала вмятинами. С обеих сторон от него стояло по стулу. Помимо прочего из мебели здесь находился лишь пустой рассохшийся шкаф, перетащенный сюда несколько месяцев назад из ак-

тового зала. Под единственным окном с решёткой из кованых прутьев висела нерабочая батарея-гармошка, начавшая своё непреклонное ржавление.

– Глумин Сергей Анатольевич. Тысяча девятьсот семьдесят седьмого года рождения, – прочёл Трофимов с папки и пристально уставился на арестанта, сидящего напротив. – Ранее не судим, но состоял на учёте в наркологическом диспансере, а также у нашего инспектора по делам несовершеннолетних. Пару раз попадал в отделение за мелкие кражи и разбои, – Алексей вздохнул и заключил. – Да ты просто подарок, Серёженька!

Закованный в наручники парень безмолвно уронил голову на грудь.

– Нет, серьёзно! Смекаешь, отчего я тебе так рад? – уточнил капитан, убрав папку и положив сцепленные замком пятерни на стол.

– Теряюсь в догадках, – недовольно пробубнил бандит.

– Помогу сориентироваться, – проявил терпение офицер. – Речь идёт о Максиме Гринюке, маньяке-психопате.

– В Гродске тяжело найти тех, кто о нём не слышал, – заметил Глумин.

– Хм, очень пронищательно. Однако я подразумевал личное знакомство, и ты меня прекрасно понял, – без тени сомнения констатировал следователь.

– Не знаю я никакого маньяка! – отрицал Сергей. – И знать не желаю!

– Ой, прошу, не повторяйся! Мне уже обрисовали, какую чухню ты порешь! Малыши врут искусней! Постыдился бы!

– Чего Вы от меня добиваетесь? Я сказал правду, мне больше нечем попотчевать Ваше любопытство.

Тогда Трофимов натянул на руки перчатки и, взгромоздив на стол полиэтиленовый пакет, достал из него улику, оранжевый пакетик “**Аскорбиновая кислота 2,5 г**”.

– При обыске у тебя извлекли это и при тебе же вскрыли, так? – осведомился капитан.

– Так, – кивнул парень.

– Чудесно! Теперь расскажи мне, что там обнаружили, мм? – поинтересовался Алексей.

– Гриппер, – промямлил Глумин.

– Угу. И каково же его наполнение, заготовленное, судя по приклеенной к нему надписи, Максу Гринюку? – конкретизировал офицер.

– Когда у меня нашли грёбанный пакетик, я его впервые в глаза увидел! – заверил Сергей.

– Ты, дружок, не в том положении, чтобы давать ложные показания! Жертвами Гринюка стали двенадцать ни в чём неповинных детей, что является особо тяжким преступлением. Если ты утаил от меня какую-либо важную информацию, загремишь в тюрьму, гарантирую! А ведь на тебя, в довесок, шьют дело по факту нападения на Арсения Дубовцева и нанесения ему телесных повреждений. Ситуация весьма плачевная! Так что лучше бы ты не глумился и сотрудничал со

следствием! – посоветовал следователь.

– Иначе что? Побьёшь?

– Для профилактики не помешает. Но у меня другая идея. Начну с короткой предыстории. Сегодняшним вечером мы с напарником выехали кое-что разведать и... нарвались на засаду. Нам пришлось отбиваться от кучки сумасшедших идиотов, паливших по нам в районе, где мы схватили тебя!

– Вы все совпадения на меня списать решили? – возмутился парень.

– Что ты? Как бы я посмел? Только тут такая штука вышла... один из нападавших, получивший от меня презент в виде пули, оказался твоим другом. Тем, что бросил тебя после драки во время задержания. Какие пироги, а?

– Ах ты... вонючая сволочь в обосранных погонах! – брызжа слюной, заорал соскочивший с места Глумин. – Ты прикончил его! Прикончил Черепа!!!

– Не подавись желчью! Жив твой Череп, – успокоил его Трофимов, и Сергей приземлился на стул. – Однако танцпол покорит не скоро, факт! Я к чему сей разговор затеял? Ах, да, хотел предложить одну увлекательную игру! Её смысл в том, что ты будешь отвечать на задаваемые мной вопросы. За каждый неверный ответ начисляются штрафные баллы. Они в свою очередь переводятся в выстрелы по твоему несчастному корешу. Сколько попаданий он осилит? Проверим экспериментальным путём. Хотя в идеале поменьше бы тебе врать. Или твой драгоценный Череп лишится того, за

что получил своё погоняло.

Парень обречённо посмотрел сквозь прутья оконной решётки. Безлюдная улица растворялась во мраке. В безоблачном небе, усыпанном звёздами, горела круглая луна.

– Что ж, вернусь к грипперу, – нарушил молчание капитан. – Что в нём содержится и кому предназначалось?

– Внутри порошковые благовония из красного можжевельника, – сдался Глумин.

– Чего? – не врубился Алексей.

– Ароматические вещества, – пояснил Сергей. – В данном гриппере – с наркотическими примесями. Благовония – неотъемлемая часть ритуалов Гринюка. Перед каждым убийством он окуривал ими своё пристанище, вдыхал дым, читал витиеватые заклинания...

– Заклинания? – всё больше обалдевал офицер.

– Я в его цирке толком не разбираюсь. Читал и читал, мнешто что?

– Он твой клиент? Вноси коррективы, если я в чём-то ошибаюсь.

– Не ошибаетесь, – прошептал парень.

– Как Вы с ним снюхались? Он сам тебя отыскал?

– Не совсем. Макс – шестёрка Фараона, которому я с товарищами изготавливал наркотики. Он у босса вроде вышибалы. Тряс деньги с должников.

– Опять Фараон! Убийства детей тоже он заказывал?

– Нет. Зачем Гринюк крошил малых я не в курсе. Веро-

ятно, ради удовольствия... Пересекался я с ним не часто и в мотивах Макса не копался. Когда мы познакомились, я слёту допетрил, что Гринюка кукушка в темечко клюнула...

– Ясно. А где он сейчас?

Глумин пожал плечами и добавил:

– Его Кочевником прозвали, потому что на одном месте долго не засиживался...

– Кочевником? Так вот чей контакт сохранён в телефонной книжке твоего сотового под этим именем, да?

– Ага, – подтвердил Сергей и рассерженно фыркнул. – Уже и в телефоне порылись...

Следователь быстро связался с дежурной частью, продиктовал им номер Кочевника и поручил пробить, на кого оформлена сим-карта, попросив перезвонить ему сразу, как появятся сведения.

– Кажется, именно от Кочевника тебе приходила последняя смс-ка! – вспомнил Трофимов, выудил из пакета для вещдоков кнопочный телефон “**Nokia**”, зашёл в меню, выбрал пункт сообщения и открыл папку входящие. – Так, вот оно...” всё, как договаривались?”, – обнародовал Алексей и вопросительно взглянул на Глумина. – Жду разъяснений.

– Если я всё расскажу, отпустите меня? И разберётесь с заявлением Смирягина и Дубовцева?

– Зверский аппетит проснулся? – изумился капитан, но, помедлив, согласился. – Пёс с тобой, отпущу. На кону рыбёшка покрупней.

– Как мне убедиться, можно Вам верить или нет?

– Спросил человек, пытавшийся обдурить милицейских, – ухмыльнулся офицер. – У тебя просто нет иного выхода, умник.

– Хорошо, я поверю, – пробормотал парень. – В общем, у Гринюка есть сводный брат. С ним у меня сегодня должна была состояться встреча в сгоревшей тридцать пятой школе.

– Всё-таки школа, – шёпотом отметил Трофимов.

– Сам Кочевник прячется где-то за городом. Его брат почувал, что запахло жареным, и надумал свалить туда же, заодно прихватив Максу благовоний.

– Во сколько у Вас намечалась сходка?

– В полночь...

– Отлично, я успею организовать гаду тёплый приём! – воодушевился следователь. – Одна лишь загадка, с чего вдруг его сводный брат так всполошился?

– Из-за конверта с фотографией.

– Но в нём... стоп. Откуда ему известно о конверте? – насторожился Алексей и в тот же миг ему позвонили. Офицер нажал кнопку с зелёной трубкой и приложил сотовый к уху:

– Говорите!

– Товарищ капитан, мы определили владельца указанного Вами номера, – донёсся женский голос с другого конца провода. – Он оформлен на Крюкова Олега Владиславовича, нашего сотрудника...

Трофимов весь побледнел и обмяк.

Егор Витвинин пролез сквозь большой зазор между прутьями забора и прошагал к пятому корпусу, возвышающемуся на пригорке впереди.

Он ловко взбежал по практически отвесному склону, отправив вниз град из комьев земли, и очутился на прилегающей к зданию асфальтированной площадке. Из открытой двери постройки струился жёлтый свет, вырисовывающий знакомую парню девичью фигуру.

– Мне показалось, будто к нам карабкается лесной зверь, – хихикнула Ксюша. – У нас как раз какой-то по территории шерстил, имущество портил да ребятишек пугал. Не ты ли это часом проделывал?

– Очень смешно, – скорчил серьёзную гримасу Егор.

– Конечно, смешно! Там чуть левее лестница имеется! – сообщила блондинка, захохотав ещё громче.

Молодой человек обернулся и, увидев очертания перил деревянной лестницы, покраснелся.

– Ты такой душка, когда смущаешься! – констатировала вожатая и потянула ухажёра за собой. – Пошли внутрь, мой хищник! Только не рычи!

Витвинин, угодив в маленький квадратный коридорчик, поспешно скинул обувь, отбросил её в сторону и на цыпочках, ведомый Ксюшей, поднялся на второй этаж.

– Ой, как умилительно, – пропищала девушка, глядя на ноги своего кавалера.

– Чего ещё, хохотушка? – спросил её пареньь.

– Твои носочки... с утятками, кря-кря! – объяснила блондинка.

– Единственная целая пара, – оправдался молодой человек и добавил. – А всё потому, что до сих пор холостой!

– Намёк поняла! Жди праздников, подарю носки! – иронично сказала вожатая и отворила дверь. – Нам стоит избегать Галины Семёновны! – предостерегла Ксюша.

– Кого?

– Воспитателя! Но ты не переживай, она в соседней комнате, не с нами!

– Ещё бы она была с нами! Я вообще рассчитывал лишь на дрыхнувших в своих спальнях детей...

– Ну, извини, если бы я попросила Галину Семёновну уйти, сама бы пулей вылетела отсюда!

– Куда ты, кстати, определила Инну? – поинтересовался пареньь.

– В корпус для персонала, – ответила девушка и ступила в тёмный зал. Егор устремился за ней.

Влюблённые, осторожно двигаясь по стеночке, прокрались к каморке вожатых и быстро юркнули за хлипкую дверь, держащуюся на скрипучих петлях.

Девушка щёлкнула выключателем, и тесное пространство озарило ярким светом.

– Что ж, эти скромные апартаменты в нашем распоряжении, – резюмировала блондинка.

– Ребята уже спят? – осведомился молодой человек.

– Отбой минут через пять.

– Значит, тебе придётся отлучиться?

– Не-а, пусть Галина Семёновна с ними нянчится, – отмахнулась Ксюша и, метнувшись к двери, задвинула щеколду. – Теперь нам точно никто не помешает!

Егор сглотнул слюну и, уставившись на девушку, в нерешительности замер.

– Смелей, не надо бояться, – приободряла его вожатая. – Я не кусаюсь...

– Просто я жутко волнуюсь, ведь совсем без понятия, что да... – тут блондинка поднесла указательный палец к губам парня и тихо шикнула:

– Поверь, у меня тоже нет опыта в сексе...так что не ты один необстрелянный, – подмигнула она растерянному Витвину и слилась с ним в поцелуе.

Ксюша взяла крепкую руку парня и положила её себе на талию, после чего медленно направила под белую майку.

Молодой человек дрожал от переизбытка эмоций и бьющей в голову страсти. Его онемевшая клешня скользила по гладкой коже партнёрши всё выше и вскоре нащупала пышную мягкую грудь, скрытую под кружевным лифчиком. Егор слегка сжал её, борясь с нарастающим трепетом.

Чашечка бюстгальтера сползла вниз, и парень ощутил, как упругий розовый сосок уткнулся ему в ладонь. Он несколько замешкался, однако когда девушка настойчиво сдавила его

пятерню, Витвинин обхватил её грудь и стал мять: сначала неуверенно, а затем всё яростней и сильнее. От непреодолимого возбуждения вожатая еле слышно застонала.

Майка с лифчиком шлёпнулись на пол, вслед за чем парень освободил бёдра блондинки от джинсовых шорт и вперился глазами в чёрные трусики.

– Я полностью твоя, – томно прошептала Ксюша и отда-лась молодому человеку.

44

Суббота, десятое июня (23:56)

Крюков сунул руку в карман и, убедившись, что билет на раннюю утреннюю электричку до Малых Дукóв на месте, продолжил бодро шагать к тридцать пятой школе, где у него намечалась встреча с главным поставщиком благовоний для Гринюка, Сергеем Глуминым.

Риск разоблачения был велик. Лишний раз играть с огнём Олег не желал, поэтому решил покинуть Гродск, воссоединившись со своим родственником. Парня часто посещала мысль, что пора бы им заканчивать с подобной практикой. В последнее время она ему жутко не нравилась. Слишком уж далеко они зашли. Однако вразумить Макса завязать с такого рода деятельностью представлялось довольно проблематичной задачей. Вера и фанатичность Гринюка имели страшный контроль над маньяком, отчего Крюков его слегка побаивался. Непредсказуемость брата неоднократно служила поводом для беспокойства.

Обгоревшее здание школы томилось в плену деревьев, оккупировавших её территорию. Олег шмыгнул в заросли и перепрыгнул через накренившийся бетонный забор, чьи дыры заткнули ветки сирени.

У входа, ступеньки которого превратились в палисадник для вшивых кустарников, его уже ждала недвижная фигура. Крюков насторожился. На Сергея она мало чем походила. Точнее, не походила вовсе. Хм, неужели Глумин не смог явиться лично и поручил передать благовония для брата кому-то другому?

Участковый в замешательстве остановился на полпути к незнакомцу и только намеревался окликнуть того, как услышал голос, заставивший его похолодеть:

– Устроил прогулку, Олежек? Одобряю! Хотя, ночью опасно бродить одному. Вдруг, на кого-нибудь нарвёшься...

– Чем обязан, Алексей Викторович? – сипло поинтересовался Крюков, откровенно застигнутый врасплох.

– Хотел оповестить, что господин Глумин не почтит тебя своим присутствием. А вот вечер при свечах с капитаном милиции я тебе организую! Мы и родню твою на него пригласим, да? – со злорадной ухмылкой осведомился следователь. Олег, прикусив губу, не ответил. – Чего молчишь, бес? Язык проглотил?

– Я сожалею... – потупившись, прошептал Крюков.

– Ты??!! Сожалеешь??!! – прохрипел Трофимов. – Лооожь!!! Пустые картонные слова!!! Лучше повтори их роди-

телям, с чьими детьми твой братец так бесцеремонно расправился! Они бы научили тебя сожалеть по-настоящему! Я ведь верил тебе! Я уважал тебя! Я защищал тебя! И относился к тебе с отцовской любовью! Моё радушие меня и ослепило. Паша оказался прав...

– И на что Вы сейчас рассчитываете, читая мне шаблонную мораль? – поражался Олег. – На раскаяние и слёзы? Плакать не мне надо! Это Вы вступили в схватку с самим дьяволом! А он Вас не пощадит, нет!

– Выкладывай, где Гринюк! – суровым тоном проревел Алексей и пошёл на Крюкова. Сентиментальность, овладевшая капитаном, миг исчезла.

Попятившийся назад Олег молниеносно вынул из-за пояса брюк свой пистолет и, положив палец на спусковой крючок, навёл оружие на Трофимова.

ДУДУХ! ДУДУХ! ДУДУХ!

Тело Крюкова судорожно задёргалось, пронизываемое пулями АКС-74У. Спустя несколько мгновений участковый шлёпнулся на устланный травой покорёженный асфальт. Вскоре возле него образовалась внушительная лужа крови.

– Ох уж эта дипломатия! – заметил Лев, вылезавший с рядовым Зининым из засады в кустах.

– Агеев, на кой чёрт Вы его изрешетили?! – возмущённо выпалил следователь. – Я же говорил, гасите по ногам!

– Темно, вот чутка и промазали, – почесал репу Никита.

– Я велел стрелять одиночными! – напомнил капитан. –

А Вы очередями его скосили! Он был нужен мне живым! Ай, ну Вас в пень, балбесов! – отмахнулся Алексей, обыскал Олега, изъяв у того билет на электричку и табельное оружие, и потопал внутрь школы. Оперативники Никонова, на ближайших пару часов перешедшие под руководство Трофимова в качестве его телохранителей, поплелись за своим нынешним начальником.

– Не грохни мы его, Сергеев лишился бы напарника, – поглаживая сталь “калаша”, пробубнил себе под нос Лев и притормозил у трупя Крюкова, с укоризной посмотрев на покойного предателя. – Отличился, Олег! Отличился, – цокнул старшина и проследовал ко входу.

Стены тридцать пятой школы покрывала чёрная копоть, гарь и сажа, а на полу, погребённое под слоем золы, валялось битое стекло вперемешку с останками других неизвестных предметов, погубленных огнём. Деревянные каркасы дверных проёмов обуглились, некоторые из них вообще разрушились.

Прошерстив первый этаж здания, Алексей наткнулся на широкое отверстие в полу. Офицер перегнулся через хлипкие перила около его края и направил луч фонарика вниз. Недолго думая, капитан стал спускаться в катакомбы, откуда тянуло омерзительным смрадом, вынуждающим произвольно морщиться.

Очутившись в подвале, Трофимов попросил Агеева установить на старой лестнице переносной прожектор. Лев тут

же бросился исполнять приказ. Сбегав до машины, он взял прибор, притащил его на место, расположил на узкой ступеньке на уровне груди следователя и включил. Резко вспыхнувший яркий свет залил помещение, проявив пробирающую до мурашек картину.

На грязных стенах, подцепленные ржавыми гвоздями за затылки, висели ссохшиеся головы девочек и мальчиков разных возрастов. Открытые в диких предсмертных криках рты, гниющие зубы и мутные безжизненные глаза нагоняли поистине животный ужас.

– Вот нахрен, – прокряхтел Зинин, ощущая, как тошнота подпирает горло.

Следователь, испытывавший обострившееся чувство вины, глубоко вдохнул и выдохнул.

– Господи Всемогущий, что за зверство?! – ахнул Агеев.

– Сколько же смертей я не предотвратил, – всхлипнул Алексей. – Простите меня...простите...

Капитан присел на корточки и, схватив себя за волосы, принялся покачиваться вперёд-назад, перекатываясь с пятки на носок и обратно. Буквально на минуту он впал в прострацию, не проронив ни слова. Замершие за его спиной коллеги, также потрясённые увиденным, безмолвно наблюдали за капитаном.

Трофимов зачерпнул в ладонь горсть золы, сдавил до хруста костей и, ещё раз оглядев стены с отрубленными головами, разжал кулак.

– Я тебя убью, сучье отродье, даже в аду от меня не скроешься! – процедил офицер и побрёл осматривать прочие достопримечательности подвала, переступая через горы неисчислимого хлама.

В центре помещения нашлась расчищенная от мусора площадка. На ней следователь узрел нечто похожее на самодельный алтарь, вокруг коего на полу простирались начерченные белым мелом непонятные, сложные символы. На небольшом квадратном предмете, обёрнутом серой тканью, возвышалась... синяя урна, после чьего детального изучения Алексей обомлел. Он с уверенностью мог утверждать, что именно эта ёмкость для отходов пропала у подъезда пенсионерок. Из её боков торчали два неаккуратно отсечённых штыря, когда-то приваренных к стойкам держателей.

Устремив взор в жерло урны, капитан догадался, чем она наполнена... Человеческим прахом.

– Сраный шаман-жертвенник, – с ненавистью прокомментировал Трофимов и метнулся к дальней стене. На ней находилась целая сеть обгоревших труб, заменяющих Гринюку полки для масок.

Там же стоял столик. Склонившись над ним, офицер обнаружил одну единственную карту, изношенную и потёртую. Посветив на неё своим фонариком, Алексей ознакомился с ней подробней. Внимание следователя привлёк объект, обведённый красной ручкой.

– Детский оздоровительный лагерь “Тайник Лешего”, –

вслух прочёл капитан и, подняв растерянные глаза, добавил. – Боже...

45

В кармане спящего на еловых ветках мужчины завибрировал мобильник. Он дёрнулся, неуклюже достал “**Siemens**” из брюк, снял блокировку и, щурясь, прочитал пришедшее с номера Крюкова сообщение: *“скоро встретимся, паскуда!!!! р.с. поцелуйдохлого братика в зад!!!! р.с.с. привет от следователя Трофимова. 11 июня 00:17”*.

Хмырь поднял остервенелые глаза, из коих моментально выветрился весь сон, с силой швырнул телефон в стену землянки, отчего тот разлетелся на составляющие, и, разъярённо пыхтя ноздрями, заорал:

– Думаешь, запугал меня?! Рассчитываешь, что я в страхе забьюсь в угол?! – он резко замолчал и, успокоившись, продолжил с улыбкой больного на лице. – Как бы не так! Я Вам устрою прощальную гастроль! И уж поверьте, позабавлюсь на славу!

Позднее...

Из заросшей густой травой и мхом хижины выбрел человек в жуткой маске, держащий только что заточенный топор своей мускулистой татуированной рукой. Он, сопя, вдохнул аромат летней ночи и, оскалившись, приложил ладонь к прохладному полотну оружия, после чего провёл грубой подушечкой большого пальца по острию лезвия.

– Восхитительно! – удовлетворённо сказал дровосек и па-

ру раз взмахнул топором, со свистом рассёкшим неподвижный воздух. – Кровавая охота при свете луны, что может быть романтичнее? Правда, Трофимов?

Спустя мгновение его высокий силуэт скрылся среди хвойных деревьев, растворившись во тьме.

46

В голове крутилось заикленное “Хоть бы успеть!”, а предчувствие неизбежной беды всё усиливалось. Он лишился себя эффекта неожиданности, преднамеренно отправив Гринюку смс-ку с телефона Крюкова: “*скоро встретимся, наскуда!!!! р.с. поцелуйдохлого братика в зад!!!! р.с. привет от следователя Трофимова*”. Капитан уповал на то, что, прочитав послание, безжалостный безумец струсит и побоится привлекать к себе лишнее внимание новыми убийствами. Да, подобное давало маньяку простор для уклонных манёвров и увеличивало его шансы задержаться на свободе, однако Алексей не мог поставить под угрозу безопасность детей, поэтому принял довольно противоречивое решение.

Стрелка спидометра “Девятки” колебалась на отметке 160 км/ч. Машина выжимала из себя всё до последней капли, едва не паря над поверхностью дороги. Она стремительно неслась к лагерю, постоянно обгоняя другие автомобили транспортного потока.

С трудом просматриваемая в ночное время трасса монотонно мелькала в свете фар “Лады”, отчего у офицера жутко устали глаза. Правда, о своём состоянии он сейчас не думал.

“Господи, не позволь мне опоздать! Или эта тварь устроит резню!” – молил беспокойный Трофимов.

Радиоприёмник грустно молчал, и в салоне слышался только рёв надрывающегося мотора.

Зигзагообразная дорога пошла вверх. Габаритные огни движущихся впереди машин напоминали длинную извивающуюся змею.

Спустя пару минут, по обочинам трассы выросли невысокие горы с чахлыми ёлочками, чьи цепкие корни торчали из почти отвесного склона, стараясь не допустить, чтобы деревья рухнули вниз. Знак в красном треугольнике извещал о возможном камнепаде.

Следователь вдавил педаль газа в пол, собираясь обогнать очередной автомобиль, как “Девятка”, словно задыхаясь, неприятно задёргалась. Обороты двигателя начали уменьшаться вместе со скоростью. “Бензин”, – предположил Алексей, чьей мысли вторила оранжевая лампочка показателя топлива на панели приборов, предупреждающее горение которой он опрометчиво проигнорировал при выезде из Гродска.

Дотянуть до “Тайника Лешего” не удалось.

Милиционер направил заглохшую от голодания “Ладу” к краю дороги. Колодки противно закрипели и машина, захрустев камешками на обочине, затормозила.

Огорчённый мужчина изрыгнул несколько весьма выразительных матов, нервно поднял ручник и вылез из “Девятки”,

проследовав к багажнику в надежде найти внутри канистру с бензином. Её, увы, в автомобиле не оказалось. Видимо, она была выложена Трофимовым в гараже и благополучно там забыта.

Ситуация не внушала оптимизма. Выход оставался один – ловить попутку.

Капитан закрыл свою машину, встал у асфальтированного полотна и взялся отчаянно махать рукой в попытках остановить какой-либо транспорт.

47

Суббота, десятое июня (23:30)

Дверь спальни мальчиков осторожно приоткрылась, и из щели показалось напряжённое лицо Данила. Он оценивающе оглядел тёмный зал, где на потолке, купающаяся в лучах сумрачного лунного света, мерцала шикарная хрустальная люстра, и сделал пару опасных шагов. Одна из лакированных досок ламината предательски скрипнула, заставив ребёнка замереть. Звук быстро распространился по пустой комнате, нарушив её тишину.

Осипов ощутил лёгкий мандраж. Ладони стали противно липкими, и он вытер их о бледно-голубые джинсы. Убедившись, что никто не проснулся от созданного им шума, мальчик отступил в сторону и за ним возник вооружившийся чёрным покарябанным фонариком Федя.

Друзья, передвигаясь на цыпочках, устремились через почудившийся им бескрайним зал.

Когда они переместились на другой его конец к выходу, ведущему на этажную площадку, раздался щелчок дверной ручки.

Судорожно обернувшись назад и прижавшись к стене, дети улицезрели, как из комнаты вожатых выбрел вспотевший всклокоченный парень в запачканных белыми пятнами трусах. Данил припомнил, что этот человек наткнулся на него в чаще и сопровождал обратно в лагерь. Но... что же он тут, интересно, забыл?

Впрочем, какая разница? Сейчас вырисовывался вопрос посерьёзней. Операция находилась на грани срыва, толком не начавшись.

Парень, однако, не обратил на беглецов абсолютно никакого внимания. Он почесал яйца и направился к туалету, бубня:

– Надо ж было так опозориться... даже засунуть не смог...

Осипов, дождавшись, пока Егор скроется в уборной, поспешил покинуть зал.

– Фух, пронесло! – прошептал Дубовцев и спросил. – Кто вообще там шатался?

– Паренёк, что вытащил меня из леса. Не вовремя его, гадство, приспичило! – посетовал Данил.

– Ага. Ладно, пошли скорей, иначе мой энтузиазм совсем рассеется! – поторопил Федя и помчался вниз. – Потому что чем дальше мы от спальни, тем меньше мне нравится твоя затея!

Ничего не ответив, Осипов потелепал за товарищем. Его шею обвивала лямка с висящим на ней бежевым фотоаппаратом, неприятно ударяющимся о грудь и перекручивающимся при скачках по ступенькам.

Откопав в море обуви свои серые кеды, Данил шустро прыгнул в них. Дубовцев провозился чуть дольше, с трудом собрав разбросанные по разным углам коридорчика сандали.

Пулей вылетев из корпуса, мальчики спустились с асфальтированного пригорка по деревянной лестнице, свернули направо и сиганули по траве напрямик к пробоине в заборе.

Добравшись до ограды, они перво-наперво отдышались.

– Офигеть! И как нам удалось смыться оттуда? – изумился Федя.

– Данная часть – самая плёвая в нашей сегодняшней миссии, – заметил Осипов и, уставившись на дыру в заборе, заключил. – Мне кажется, прутья раздвинул именно он...

– Чудище, которое ты... – Данил сердито сузил глаза и Дубовцев исправился. – Которое мы видели?

– Угу. Посмотри сюда, – и ребёнок в кепке продемонстрировал кривой, почти ополовиненный прут, где виднелась пара горизонтальных бороздок.

Федя изучил покорёженную железку и подытожил:

– Да, внушительно... А куда конкретно мы собираемся?

– В лес, – растерянно отозвался Осипов.

– Очень неопределённо, – недовольно фыркнул Дубовцев.

– Ну, извини, карты у меня нет! – возмутился Данил.

– Боюсь, шастая впотьмах, мы просто-напросто заблудимся, – предположил Федя.

– Мы не будем шастать. Найдём укромное место, замаскируемся и всё. После останется лишь подкараулить монстра и заснять его, – объяснил Осипов, пролезая сквозь брешь за территорию “Тайника Лешего”.

– Хорошо, веди. Ты же главнокомандующий нашей рисковой экспедиции... – и Дубовцев без особого желания поплёлся за другом.

Пройдя три десятка метров по протоптанной к футбольному полю тропинке, товарищи скосили в чащу.

Федя включил фонарик, осветил им вперёд и, сглотнув слюну, простонал:

– Жутко-то как... Может, всё-таки вернёмся? Наша репутация не стóит того, чтобы пропадать в этих дебрях...

– Если хочешь – возвращайся! Но я осуществлю задуманное, – непоколебимо сказал Данил и, выхватив фонарик из трясущейся руки Дубовцева, уверенно двинулся дальше, огибая стволы хвойных громад.

Спустя несколько секунд, Федя догнал его.

Воскресенье, одиннадцатое июня (00:01)

Мальчики углублялись всё дальше в лес, сомкнувшийся вокруг них подобно капкану.

На одной из елей сверкнули два жёлтых глаза. От неожиданности Данил вздрогнул и, направив луч фонарика на дерево, выхватил из темноты красивого филина с пушистыми

перьевыми “ушками” по бокам головы. Птица тут же сорвалась с ветки и, суетливо хлопая крыльями, низко пролетела над товарищами, сбив с лохматой макушки Осипова кепку. Когда ребёнок нагнулся, чтобы поднять её, то увидел косолапого ёжика. “А ночной лес не дремлет!” – восторгался мальчик, наблюдая за тем, как игольчатое животное свернулось в клубок, почуяв потенциальных неприятелей.

Впереди нарисовались две поваленные друг на друга сосны, соседствующие с несколькими крупными валунами.

Данил почувствовал, что влажность вдруг сильно повысилась. Его оранжевая футболка прилипла к мокрому телу, делая движения скованными и дискомфортными.

Салатовая трава в данной части леса увеличилась в размерах и стала сочнее. Кое-где здесь рос папоротник, ядовитые мухоморы и даже маленькие кустики цветущей клюквы. Повсюду торчали покрытые густым мхом коряги.

В воздухе запищали комары. Мальчики поняли, что их окружает болотистая местность. Почва под ногами товарищей начала хлюпать, податливо проминаясь. Вскоре они уже прыгали по мягким зелёным кочкам, которые, словно сдуваясь, покорно проседали под их весом.

Изменения произошли и в облике деревьев. Сосны, чьи стволы дистрофически истощились, теперь больше напоминали какие-то пыльно-серые столбы с поникшими сухими ветками и жухлой почерневшей хвоей. Их кора потеряла свой здоровый красно-бурый цвет и отсырела.

Трясину заливало сиянием луны, полностью вышедшей из-за облаков.

– Вот вляпались! Болота нам только не доставало! – причитал недовольный Федя, отмахиваясь от роя назойливых насекомых.

– Зато мы нашли гнездо для засады! – оптимистично заметил Осипов и, сторбившись, пролез под дугообразной аркой ствола упавшей сосны.

Дубовцев последовал его примеру. Таким образом, друзья оказались закрыты со всех сторон: двумя лежащими “иксом” деревьями спереди и по бокам, и валунами со спины.

– Всё, остаётся терпеливо ждать! – заключил Данил и, расположившись на почве, шлёпнул комара, облюбовавшего его нос.

– М-да, вонючие мошки съедят нас куда раньше, чем монстр! – и Федя раздавил кровопийцу, пристроившегося за ухом.

– Блин! – раздосадованно буркнул Осипов.

– Что ещё? – спросил Дубовцев.

– Фонарик сдох! – проинформировал Данил и добавил. – Ай, фиг с ним! Сейчас он нам и не понадобится! Не выдаст лишний раз!

– Может сейчас и не понадобится! Но как нам возвращаться обратно?

– Решим после удачной фотоохоты!

– Ещё не факт, что эта фотоохота вообще состоится! При-

знать, я буду безумно рад, если мы не встретим ничего опасней безобидной белочки, – на минуту оба мальчика замолчали, выглядывая из-за ствола поверженной сосны. Потом Федя вновь заговорил. – Что-то зябко... Для ночной экскурсии по болотам матроска явно не годится, – свою реплику Дубовцев сопроводил потиранием плеч ладонями.

Осипов хотел жёстко ответить ему и уже окончательно условиться, чтобы Федя прекратил ныть, как раздался треск ветки под чьей-то ногой...”или лапой” – испуганно подумал Данил, беря в руки свой фотоаппарат. Затем одноотрядцы услышали приближающиеся чавкающие шаги. Момент истины настал...

Вскоре...

Некто остановился. Спрятавшиеся в ветках поваленной сосны Данил с Федей тревожно переглянулись, не решаясь высунуться из-за дерева. Товарищей, прильнувших к поросшей лишайником коре, одолевали самые безумные мысли, вроде: “Почему оно вдруг застыло? Учужало нас? Если да, наша песенка спета! Сейчас кинется и растерзает в клочья!”.

Ожидание тянулось целую вечность.

Стиснув зубы, Осипов раздвинул хвойные лапы, на что парализованный от ужаса Дубовцев протестующе замотал головой. “Не надо, дружище! Сиди!” – заклинал он про себя, замуравав рот ладонями. Данил, правда, на него не посмотрел и осторожно отодрал пятую точку от земли. Сердце судорожно затрепыхалось в горящей груди ребёнка, исполнив

барабанную дробь. Мальчик постепенно выпрямился, быстро направил фотоаппарат на объект съёмки и...успокоился.

Посреди болота стоял удручённый Бабурин в своих шортах-парашютах арахисового цвета, пожелтевших кроссовках и кремовой футболке, о чью ткань он старательно вытирал запотевшие линзы очков.

– Это Савка наш! – облегчённо сообщил Осипов дрожащему Феде и позвал пухляша. – Са-а-ав!!! Мы здесь!

Толстячок, услышав знакомый голос, сразу приободрился, перестал протирать свой оптический прибор, который поспешно взгромоздил на переносицу, и радостно обернулся.

– Хвала небесам! Я нашёл Вас, ребята! Невероятно! Боже, я уже подумал, что помру от голода! – шумно заверещал Бабурин и пошёл к одноотрядцам. Данил, поднеся указательный палец к губам, сигнализировал другу, чтобы тот убавил громкость, но пухляш продолжал горланить на весь лес. – Простите меня, пожалуйста, я перед Вами так виноват, словами не описать! Надеюсь, Вы не...

Савва резко замолчал, прочитав на лицах товарищей неподдельный испуг. Буквально остолбенев, они таращились ему за спину выпученными глазами. Поначалу толстячок не понял, что происходит, но вскоре ощутил чьё-то присутствие у себя за плечами, а затем над ним зловеще нависла мрачная тень. Волосы Бабурина вздыбились, когда ночную тишину нарушил басистый раскатистый смех.

– Бегиии!!! – проорал Осипов другу и вместе с Дубовце-

вым, сиганув через ствол лежащей сосны, ринулся в ту сторону, откуда они явились сюда.

Задышающийся от страха пухляш ломанулся за одноотрядцами, заметив, как тёмная фигура, крутя каким-то острым предметом, устремилась за ним. Савва прыгал с кочки на кочку, спотыкался, падал на колени, снова поднимался и бежал, прерывисто хватая воздух ртом.

– Нет, прошу...хнык...прошу...хнык... не убив-в-вайте меня...хнык...прошу-у-у...хнык... – ревел Бабурин, неуклюже скача по болоту. Крупные капли слёз скользили по его грязным упитанным щекам, а из ноздрей, пузырясь, текли сопли.

Хмырь, предвкушая добычу, не торопясь следовал по пятам толстяка, помахивая топором.

ВЖИХ! ВЖИХ! ВЖИХ!

Его походка была твёрдой и уверенной. Сквозь ротовое отверстие резиновой маски различался жуткий оскал. Белки преступника всё больше наливались кровью, и он напоминал свирепого хищника.

Кончиком кроссовка пухляш зацепился за кривую корягу и шмякнулся на подтопленную тинистую почву. Его очки слетели с носа и, бултыхнувшись, скрылись из виду. Картинка перед взором Саввы потеряла чёткие контуры и расплылась. На четвереньках он пополз вперёд, шаря пальцами в мутной воде и щуря мокрые покрасневшие глаза.

Позади раздался хруст ломающегося под тяжёлой обувью

оптического прибора.

Жалобное скуление Бабурина воодушевляло одержимого дровосека, с наслаждением наблюдающего, как жертва трусливо улепётывает от него, моля о пощаде. В данный момент он рассуждал, какую часть тела по окончании жестокой расправы ему отсечь в первую очередь.

Толстячок миновал пограничную зону болота.

Маньяк сделал пару длинных шагов и значительно сократил дистанцию до своей цели. Истерично зарыдав, ребёнок попытался встать, но это у него не получилось. Удар ботинком в хребет заставил его грохнуться на пузо и распластаться на земле, усыпанной сосновыми иголками. Мальчик, закричав, хотел шевельнуться, но убийца нарастил давление ногой, прижав его к почве. Топор, находившийся в татуированной руке мужчины, взметнулся вверх. Савва, царапая ногтями грунт, в последний раз пискляво завопил, после чего оружие, сверкнув лезвием на фоне призрачной луны, обрушилось вниз с сокрушительной силой.

ХРЯСЬ!

Крик пухляша оборвался, и в траву, словно мячик, прокувыркалась голова Бабурина, отправленная туда небрежным пинком берца. Из шеи мертвяка, забившегося в конвульсиях, пульсирующей струёй захлестала ярко-алая кровь.

Психопат отпихнул труп вбок, удовлетворённо ухмыльнулся и двинулся в погоню за его друзьями.

Двумя минутами ранее...

Данил и Федя, достаточно отдалившись от болота, перешли на шаг и устроили привал у поросшего зелёным мхом камня.

– Кто тот псих в маске?! Из какой норы он выполз?! – хлюпая носом, спросил Дубовцев.

– Будто я знаю! – нервно ответил Осипов, чувствуя, что впадает в панику. – Вселенские силы, мы заблудились! Чёрт, чёрт, чёрт!!!

– Погнали скорей, иначе он нас догонит!

– А как же Савва? Надо его подождать!

– Может уже и некого ждать? Савва, я почти уверен, покойник! Мы себя спасать должны!

– Нельзя так! Савва очутился в лесу из-за нас!

– Из-за нас??! – возмущённо пропищал Федя. – Из-за тебя, Даня! Из-за тебя! – тыкал пальцем в друга Дубовцев, чьё плаксивое лицо исказилось от ненависти. – Ты во всём виноват! Ты и твоя дурацкая идея! Она нас всех угробит! Если бы не ты, я бы сейчас спокойно спал в корпусе и ни о чём не... – мальчик не договорил, вздрогнув от вопля, оглушительно разнёсшегося по всей чаще.

Осипов побледнел. У него словно что-то оборвалось внутри и он, сглотнув вставший в горле комок, проронил несколько скорбных слёз.

– Савва... – прошептал Федя онемевшими губами и, захлёбываясь соплями, гаркнул на Данила. – Он убил его, мать твою! Убил Савву! Ну всё в жопу, я сматываюсь! Хрен с то-

бой!!!

И Дубовцев побежал. Куда? Он не имел ни малейшего представления. Страх затмевал способность рассуждать и анализировать.

Пейзаж не менялся. Повсюду одни лишь ели и сосны, от которых уже рябило в глазах. Вот ребёнок зачем-то скосил влево, затем, ненадолго притормозив и оглядевшись вокруг, устремился в противоположную сторону. Двигаясь зигзагами, мальчик совсем запутался. Лес никак не заканчивался.

Федя начал ощущать, как сбивается дыхание. Но он понимал, что остановиться, значит умереть.

Не заметив в темноте щепку от дерева, Дубовцев налетел на неё ногой, отчего та подвернулась, и ребёнок, взвывая, шлёпнулся на почву.

Лучина продырявила ступню насквозь. Её окровавленное остриё показалось из липучки сандаля.

– Как же больно! – прорыдал мальчик и оцепенел, разлившись среди стволов жуткий силуэт. – Только не это, нет!!!

Федя с трудом поднялся с земли и поковылял в неизвестном направлении. Он судорожно озирался через плечо, наблюдая, как дровосек сокращает дистанцию.

ВЖИХ! ВЖИХ! ВЖИХ! – слышалась песнь топора, сменившаяся сиплым басистым смехом.

– Беги-беги! Всё равно от меня не скроешься, мелкий говнюк, – просипел хмырь. – Сегодня я превращу тебя в суповой набор...

Дубовцев снова обернулся. От безумца ребёнка отделяла всего пара сосен. С кончика лезвия топора садиста капала свежая кровь.

Мальчик нагнулся и, сморщившись, уцепился за торчащую из сандаля щепку, с криком выдернув её из своей плоти.

ВЖИХ! ВЖИХ! ВЖИХ!

Маньяк подошёл ещё ближе, и теперь Федя рассмотрел высокого мужчину в уродливой резиновой маске мертвеца. На нём была одета разодранная тряпичная рубашка, небрежно заправленная в чёрные брюки и запачканная бурыми пятнами. Из-под неё маячило накачанное туловище, изобилующее разнообразными татуировками. На ногах красовались кожаные армейские берцы с засохшей грязью.

Дубовцев, прихрамывая, ринулся от преступника. В очередной раз обернувшись, он увидел, как мускулистая фигура заводит оружие за голову. Глаза ребёнка выразительно округлились, напомнив пятирублёвые монеты, а рот, приобретя неестественную от ужаса форму, издал истеричный протяжный ор.

Его преследователь замахнулся и метнул топор в жертву. Снаряд закрутился в воздухе и, достигнув цели, с хрустом воткнулся в спину Феде, заставив его тело изогнуться и с грохотом рухнуть у ствола сосны.

Южнее в лесу...

Данил, чья одежда превратилась в лохмотья, пыхтя, вылез из цветущих кустов жимолости и, внимательно прислушива-

ьясь, стал продвигаться по дебрям в одиночку. Тишина угнетала и натягивала тетиву нервов до предела.

“Федя... А что Федя? Он ушёл от своего глупого товарища и правильно сделал! Я во всём виноват! Это по моей халатности мы втроём очутились здесь! Из-за меня погиб несчастный Савва! Как мне теперь возвращаться к остальным, без него? Его смерть ни разу не стоила моей дурацкой и, пожалуй, заслуженной репутации...” – утирая слёзы, думал мальчик.

Заприметив старую слегка скривившуюся набок ель с раздвоившейся верхушкой, Осипов вскарабкался на неё, чтобы осмотреться. Встав на крепкую мохнатую ветку и обняв чешуйчатый ствол, дабы не грохнуться, ребёнок прищурился, уставившись в темноту. Различить что-либо было достаточно проблематично, однако Данилу почудилось, что он увидел, пусть и на мгновение, какую-то фигуру, не похожую на человеческую. Причём не на земле, а ...дрожь пробрала мальчика. До его ушей донёсся столь знакомый, до мороза по коже, звук, отчего тело покрылось мурашками.

С одного из растущих поблизости деревьев, скрипящего под чьей-то тяжестью, раздавались горловой урчащий рык и периодические влажные пофыркивания.

Осипов замер, стараясь привести дыхание в норму. Его всего колотило, а зубы, дребезжа, стучали друг о друга. Стиснув их сильнее, ребёнок прижал к груди фотоаппарат и взял во вспотевшую ладонь амулет на обвивающей шею верёвоч-

ке.

Существо продолжало изрыгать те же звуки, дежуря на прежнем месте. Казалось, будто оно наблюдало за Данилом и чего-то выжидало.

Мальчик не выдержал и, покинув укрытие, ломанулся прочь. Его действия сопровождал более свирепый, обозлённый рык, и нечто сигануло с сосны. Почву под ногами Осипова потрянуло.

Ребёнок оглянулся на бегу и заметил очертания монстра, походящие на огромнейшую глыбу с сидящим на плече преданным зверем. Те жуткие ярко-жёлтые глаза с красными вкраплениями и чёрными треугольными зрачками, запомнившиеся ему ещё тогда чётко и ясно, вновь пронзали его своим бесчувственным ледяным взором.

Повернувшись обратно, Данил резко затормозил. Перегнувшись вперёд и нависнув над бездной, куда с него слетела кепка, он замахал руками, пытаясь сохранить баланс. Фотоаппарат чуть не перевесил его. Мысками ботинок, из-под которых в пучину упало несколько мелких камешков, мальчик стоял на самом краю обрыва высокой отвесной скалы. Внизу простиралось “Багровое” озеро, окружённое густой мрачной чащей и залитое светом полной луны.

– Тупик, – проскулил Осипов и обернулся назад.

Он не успел уловить, как что-то гибкое и острое молниеносно метнулось ему в голову и со свистом кнута разрубило её посередине от макушки до кончика носа. В стороны брыз-

нула вишнёвая субстанция вперемешку с кусочками мозга, и тело ребёнка, пошатнувшись, свалилось в пропасть. Не достигнув водной глади, оно шмякнулось спиной о скальный выступ, переломав позвоночник, и, помечая свой путь широкими кровавыми полосами, медленно сползло на берег, где осталось лежать с раздолбанным фотоаппаратом и оберегом на груди.

Тем временем...

Приблизившись к поверженному Феде, маньяк впал в замешательство. Из спины мальчика торчала ороговевшая пластина с толстыми прожилками по всей поверхности. Топор же обнаружился воткнутым в ствол соседнего дерева. Выходит, цель уничтожил не он.

Убийца огляделся по сторонам, держа в уме обрывочный образ существа, ошивавшегося у его лачуги.

– Покажись, мерзость! – прогорланил на всю чащу дровосек, однако в его поле зрения никто не возник.

Покрутившись вокруг себя ещё какое-то время, он несколько успокоился, оттащил бездыханное тело в матроске к туши Саввы и занялся четвертованием мертвецов. В маске мужчина уже не нуждался, поэтому снял её со своей вспотевшей лохматой репы, волосы на коей скатались жирными матовыми паклями.

Хмырь яростно взмахивал топором и нещадно отделял от туловищ конечности. Оружие с лёгкостью самурайского меча разрезало плоть и дробило кости.

Завершив процедуру, преступник достал из кармана брюк чёрный полиэтиленовый мешок. Он напихал в него отрубленные руки, ноги и головы детей, бережно завязал и, закинув за спину, потопал к хижине.

Родной старик бы им гордился. Ведь его внук достойно перенял все традиции и успешно претворял в жизнь учения предка. Ему даже пришла мысль, что это сам дедушка пожаловал к нему в облике жуткого создания, дабы выразить ему своё одобрение и помочь в столь трудный час.

Правда, на сей раз, у маньяка имелись другие планы на добытые трофеи. Порадовать Дьявола, увы, не удастся. И всё из-за грёбаного следователя, расправившегося с его братом Олегом, который не успел доставить требующиеся ему для жертвоприношения благовония. Без них церемония лишалась всякого смысла. А мужчина относился к ней со всей серьёзностью и готовился, как положено, чтобы без стыда предстать перед своим Всевышним Господином, Сатаной. Беспечность в таком деле была непозволительна. Ритуал являлся весьма опасным и все те, кто считал данную часть действия самой простой, глубоко заблуждались. После каждого обряда он терял колоссальное количество энергии и сильно слабел.

Минуя кусты дикой жимолости, усыпанной белыми цветками, убийца вдруг заметил на её ветках оранжевый лоскут от футболки.

– Так-тааак, – криво улыбнувшись, проговорил дровосек,

положил шуршащий мешок на землю и снова натянул на лицо маску. – Значит и третий убежал недалеко. Двое, несомненно, хорошо, но... ещё один лишним не станет!

И хмырь длинными шагами двинулся вперёд, с треском давя каблуками берц валяющиеся под ногами шишки и сучья. Кровь вновь нешуточно забурлила в нём, зациркулировала по всему организму, и он почувствовал приятное неконтролируемое бешенство.

Вскоре мужчина выбрел к залитому лунным светом краю леса, заканчивающегося пропастью. Ребёнка нигде не наблюдалось. Почесав затылок обухом топора, он удивлённо уставился на почву, окропленную красной субстанцией и липкими ошмётками мозга. Устремив взор вниз, маньяк увидел скальный выступ. От него к берегу озера тянулись широкие кровавые полосы. Преступник проследил их направление и отыскал труп Данила, чья голова, свисшая с суши, погрузилась в воду.

– Получается, я не одинок, – убедился дровосек и покосил на елово-сосновые дебри. – Я польщён, незнакомец. Любой союзник для меня на вес золота. Особенно когда он послан свыше!

По истечении короткой паузы, убийца решил:

– Что ж, раз я заручился такой поддержкой, пора бросить Трофимову вызов. Передам ему весточку, украсив сопляком детский гадюшник...

01:37

Инна лежала на неудобной койке в крохотной комнате, расположенной на первом этаже корпуса для обслуживающего персонала. Данное помещение, заваленное пустыми картонными коробками из-под пищевых продуктов, не видело людей, вероятно, с полвека. И не мудрено. Здешнее пространство наполнял концентрированный запах моющих средств, способный раздражить носы даже с самым ничёмым обонянием. Доносились благоухания из соседствующего с коморкой склада, где хранился уборочный инвентарь.

Девушка ворочалась. Она уже неоднократно пожалела, что согласилась уйти сюда, освободив своё спальное место ухажёру Ксюши. Если честно, её вообще тошнило от их любовной суматохи. Но отказать подруге брюнетка не сумела и теперь пожинала плоды собственного благородия.

Как назло, снотворное Инна оставила в пятом корпусе. В настоящий момент оно бы пришлось ей кстати. И успокоительное, наверное, тоже.

Вожатая встала с кровати, прыгнула в шлёпки и проследовала на улицу.

Плевать, чем сейчас занимаются эти двое в их с Ксюшей комнате (и, возможно, на её постели). Ей позарез нужны таблетки, иначе невыносимо длинная ночь никогда не закончится. Она ведь только по-быстрому заскочит, возьмёт флакон и вернётся обратно. Больно ей интересно смотреть, чего они там вытворяют.

Воздух был по-летнему тёплым. Звёзд на небе не наблюдалось из-за тёмных дымчатых облаков, среди которых ярко горел круглый диск луны.

Кирпичная тропинка вывела девушку к асфальтированному полотну. Тени, отбрасываемые ветками ясеней на его поверхность, напоминали каких-то причудливых пугающих существ.

Миновав медпункт, брюнетка очутилась у первого корпуса и повернула направо.

По каменистой дорожке она добралась до деревянной лестницы, взбежала по ней на пригорок к пятому корпусу и, различив что-то над входом постройки между двумя чёрными проёмами окон, остановилась.

Вглядевшись получше, Инна вздрогнула и от ужаса сначала сдавленно и сипло, а затем громко и пронзительно закричала, прикрывая рот трясущимися руками. В здании сразу же вспыхнул свет.

49

01:51

После долгого прозябания на трассе в попытках остановить хоть какой-нибудь транспорт, Трофимову-таки удалось поймать попутку. Единственным неравнодушным водителем оказался усатый мужичок в спецовке, следовавший на стройку частного дома на служебной тентованной “Газели”, которая была забита свежепиленными трёхметровыми досками. Он только обрадовался одетому в штатское Алексею, чьё

присутствие в кабине разбавило его монотонную езду. Всю дорогу шофёр не умолкал, увлечённо рассказывая истории о своей нелёгкой работе. Капитан слушал его поверхностно, однако трудяга, чей монолог офицер изредка прерывал банальными уточняющими вопросами для поддержания такта беседы, удовольствия не лишался. Он попросту не замечал отрешённости милиционера и импульсивно излагал мысли.

“Газель” домчалась до поворота, где стоял указатель со стрелкой вправо и надписью ДОЛ **“Тайник Лешего”**, и водитель, высадив поспешно поблагодарившего его Трофимова, покотил по своему маршруту.

Алексей уже навевался сюда, ещё в начале своей милицейской карьеры. И сей лагерь ассоциировался у него не с самыми приятными событиями в жизни. Возвращение в эти места походило на дурное навязчивое дежавю. Перед капитаном быстро пронеслись болезненные воспоминания того отвратительного дня, когда он приехал в “Тайник Лешего”, движимый одной лишь мстью, и... нет, Трофимов не хотел ворошить прошлое.

Спустившись с трассы, следователь со всех ног чухнул по гравию.

Достигнув развилки, офицер осмотрелся, чтобы определить, куда метаться дальше. Увидев среди стволов сосен и елей мигающий сине-красный свет, Алексей выбрал ответвление, ведущее направо.

Впереди он заметил ограду лагеря и милицейскую ма-

шину с включенными проблесковыми маячками у главных ворот. Внутри у Трофимова тут же разверзлась пропасть, и в голове прожгло: “Опоздал...”.

Следователь приблизился к человеку в форме, дежурящему у своего автомобиля, и, подавляя охвативший его трепет, обратился к служивому:

– Что произошло?

Парень лениво повернулся и полюбопытствовал:

– Вы кто такой?

Алексей достал удостоверение и раскрыл его:

– Капитан Трофимов...

Милиционер сразу же вытянулся в струну и отдал следователю честь:

– У нас убийство, товарищ капитан.

– Остальные Ваши уже на территории?

Служивый утвердительно кивнул:

– В дальнем конце лагеря, у пятого корпуса...

Офицер, миновав будку охраны, ринулся к нужному строению. Он ломился напрямик: то по тропинкам, то по клумбам и газонам, сминая всю растительность на земле.

По проложенному над декоративным прудом мостику Алексей добрался до здания с табличкой “**1 корпус**” и, узрев чуть правее в сумеречном сиянии луны двухэтажное сооружение на пригорке, направился к нему. Он бежал, ощущая безысходность и отчаяние. Бежал, страшась узнать всю правду о случившейся беде.

Трофимов поднялся по деревянной лестнице на асфальтированную площадку перед корпусом, где толпились люди: трое представителей закона, две симпатичные девушки, парень их же возраста и пара немолодых женщин. Два милиционера беседовали с гражданскими, делая пометки в блокнотах.

Большинство присутствующих со скорбными лицами обернулись на раскрасневшегося офицера и одарили его безразличным взглядом.

– Вы Михаил Валерьевич? – ровным голосом спросил Алексея третий милиционер с погонами лейтенанта.

– Нет, я не Михаил Валерьевич! Капитан Трофимов, – и следователь вновь предъявил своё удостоверение.

– Константин Абрамов, лейтенант.

– Выкладываете, что слу...

Алексей оборвался на полуслове и замер, когда его взгляд метнулся чуть выше входной двери пятого корпуса. Над козырьком между двумя тёмными окнами, откуда на творящую снаружи суматоху глазели сонные дети, пригвождённое ржавыми кусками кривых арматур висело распятое тело мальчика, чья голова безжизненно упала на грудь. От ладоней, из коих торчали железки, вниз по кирпичам тянулись засохшие дорожки крови.

Трофимов побледнел и почувствовал тошноту.

– Вы в порядке, капитан? – не без иронии справился лейтенант.

– Если абстрагироваться от того, что на здании болтается мёртвый ребёнок, то в полном! – сердито пробурчал следователь, стараясь дышать через нос.

– Зачем Вы здесь? Этот район ведь не под Вашей юрисдикцией, – заметил Абрамов. – Данным инцидентом займётся местная милиция...

– Затем, что я в курсе, кто совершил такую зверскую расправу! И я должен участвовать в поимке преступника! – объяснил Алексей. – Я вёл его дело у себя в городе и у меня с ним личные счёты!

– Позвольте поинтересоваться, кого Вы имеете ввиду?

– Шизофреника Максима Гринюка. Его почерк знаком мне, как никому другому. Буквально несколько часов назад я наткнулся на пристанище маньяка и обнаружил там карту с меткой на “Тайнике Лешего”...

– Допустим, это действительно так, хотя и не факт, – Константин, поразмыслив, выудил из кармана пачку синего “Бонда”, открыл и любезно предложил Трофимову. Тот отказался и лейтенант, пожав плечами, извлёк из упаковки одну сигарету, после чего сунул её в рот, и намеревался убрать коробку обратно, как следователь всё же сказал:

– Ай, хрен с ним, давайте...

Абрамов повторно открыл пачку. Капитан дрожащей пятающей взял белую палочку из упаковки и, сильно закусив, поджог её кончик, что получилось у него не с первого раза, так как зажигалка ходила в его руках ходуном, отчего колеб-

лющийся огонёк не мог зацепиться за сигарету.

Алексей вернул прибор для высечения огня Константину, затаился и, давясь дымом, закашлял. Он отродясь не пробовал курить подобную дрянь. Видимо, перенервничал больше обычного.

Двое других милиционеров продолжали расспрос свидетелей. Иногда слышались всхлипы, рыдания и заикающиеся женские голоса.

– Тело опознали? – осведомился Трофимов.

– Да, – подтвердил лейтенант. – Осипов Данил Никифорович. 1990 года рождения...

Капитан вздохнул.

– Где криминалисты? И когда Вы собираетесь эвакуировать детей из лагеря?

– Криминалисты уже в пути, как и автобусы для детей, – поведал Абрамов и добавил. – Да, совсем забыл... вероятно, Данил – не единственная жертва. Пропали ещё два ребёнка.

– Господи, – и Алексей снова затаился. – Надо срочно искать их!

– Кинологи тоже скоро придут. И как только рассветёт, мы выдвигаемся в лес, – сообщил Константин, не торопясь и с наслаждением смоля тлеющую сигарету.

– Свидетели опрошены? Родители оповещены? – не отставал следователь.

– Со свидетелями, как видишь, работают мои люди. Родители оповещены. Недолго осталось до громкого скандала, –

предположил лейтенант и, уличезрев за спиной Трофимова появившегося полноватого мужчину с густыми рыжими бакенбардами, оживился. – О, как я понимаю, Вы Михаил Валерьевич? Владелец “Тайника Лешего”?

Запыхавшийся толстяк с кожаным портфелем в руках судорожно закивал и, промокнув платком потное лицо, взволнованно уточнил:

– Всё очень серьёзно?

– Посмотрите вот сюда и сами решите, – презентовал стену корпуса Абрамов.

Нижняя челюсть мужчины резко отвисла, и он испустил изо рта кряхтящие звуки.

– Боюсь, нынешней ночью погиб не только он, – поделился опасениями Константин и, бросив окурок сигареты перед собой, втёр его ботинком в асфальт.

– Какой кошмар! – воскликнул Михаил Валерьевич и конкретизировал. – Кто вожатые убитого?

– Они, – указал на допрашиваемых лейтенант.

Толстяк нахмурился и, подскочив к блондинке с брюнеткой, злобно завопил:

– Значит Вы, чертовки, не уследили за своими подопечными?? Из-за Вас, дуры простоволосые, у лагеря теперь возникнут крупные неприятности!!!

Заплаканные девушки не успели ответить. Абрамов, схватив разгорячённого мужчину за плечо, оттащил его в сторону.

– Оставьте свои гневные речи при себе и успокойтесь! Ни к чему накалять обстановку, – посоветовал Константин, су-
рово просверлив Михаила Валерьевича глазами. Тот притих,
опустил портфель на землю и, зажав его между ног, принялся
массировать пальцами виски.

Через некоторое время...

Криминалисты явились спустя полчаса. Фотограф запечатлел прибитое к стене тело в различных ракурсах, следом
за чем труп сняли со здания. Состоялась новая серия сним-
ков. Затем над покойником, присев на корточки, стал рабо-
тать судмедэксперт.

Тем временем Трофимов отрешённо слонялся у корпуса,
осмысливая происходящее. Хоть ночь и была лишена про-
хлады, Алексея трясло и морозило. Из-за него однажды уже
погиб ребёнок, девчушка, которую, кажется, звали Яна. Все
эти годы он с трудом уживался с тяготящим душу грузом ви-
ны и только, вроде бы, смирился, как на его совесть свали-
лась очередная трагедия.

Судмедэксперт закончил свой недлительный осмотр, и к
нему подскочил Абрамов. Вскоре подтянулся и Трофимов.

– Смерть наступила около трёх часов назад, – констати-
ровал немолодой мужчина с проседью в волосах, стаскивая
с рук латексные перчатки. – Череп мальчика разрублен по-
полам от затылка и до верхней челюсти. Предположительно,
рана возникла от удара каким-то тонким острым предметом.
Также имеются многочисленные переломы позвоночника и

обширные ушибы по всему телу.

– Значит, есть вероятность, что после того, как ребёнку рассекли голову, он откуда-то упал, – сказал Трофимов. – И прочие травмы получил уже мёртвым.

– Интересная гипотеза, – кивнул Абрамов. – Причём, если придерживаться её, падал он довольно-таки долго, встретив не одно препятствие на пути... Может, у тебя и версия по поводу оружия припасена?

– Топор. Гринюк всегда действовал исключительно им, – ответил Алексей.

– На топор не похоже, – возразил судмедэксперт. – Разрез слишком аккуратный и ровный, словно от самурайского меча...

– В любом случае, у меня нет сомнений, что здесь замешан Гринюк, – и Трофимов, подойдя к трупу, склонился над ним, разглядывая изуродованное лицо мальчика. Губы непроизвольно задрожали. Алексей стиснул зубы сильнее, чтобы не показать эмоций. – Прости меня, дружок...

Потом Трофимов вернулся к Абрамову, что-то уточняющему у судмедэксперта.

– Ещё сигаретки не найдётся? – спросил Алексей и лейтенант, выудив из кармана пачку “Бонда”, открыл её. Капитан взял оттуда никотиновую палочку и, опять позаимствовав у Абрамова зажигалку, закурил, жадно и часто затягивая в лёгкие струи дыма. Помогало ли это справиться со стрессом? Алексей не отдавал себе отчёта. Он просто продолжал

глотать едкую дрянь, пока сигарета не превратилась в крохотный обмусоленный бычок.

– Автобусы приехали! – сообщил кто-то из милиционеров, когда Трофимов щелбаном отправил окурок в траву.

04:35

Всех детей, находящихся на территории лагеря, поспешно загрузили в “Икарусы”. Сонные и напуганные ребяташки толком не смогли понять, что происходит. Некоторые из них от такой суеты даже забыли забрать свои вещи из-под кровати и из тумбочек.

– А где Федя с жирдяем? – залезая в салон автобуса, уточнил у товарищей Яков.

– Видимо, на других корпусах развешаны, – ухмыльнулся Тимофей, плетущийся за мальчиком с ирокезом.

– Нихрена не смешно, Тимми! – пробурчал тот, протискиваясь к сиденьям в задней части автомобиля. – Как бы Вы с ним не цапались, Данил подобного не заслужил...

– Ога, – выразил солидарность Забит. – Слишком жестоко.

– Из-за их троицы наши каникулы накрылись! Поэтому поделом! – цинично бросил главарь шайки и, плюхнувшись на место рядом с утирающей слёзы Дианой, полюбопытствовал у неё. – Чего ревёшь?

– Д-д-даня...я так ужасно с ним поступала, а теперь...он п-п-погиб... – заикаясь, объяснила девчушка.

– Не парься. Я-то здесь. Давай обниму, – и Тим попытался

утопить Дейч в своих объятиях, однако та сердито дёрнула плечами и, скинув с себя руки незадачливого ухажёра, отодвинулась от него.

– Пффф, окей. Выпендривайся дальше. Сдалась ты мне, – оскалился мальчик и обиженно отвернулся.

По окончании переклички, двери с шипением захлопнулись, и тархтящая машина покатила по парковке в сторону главных ворот. За ней вереницей потянулись и остальные “Икарусы”.

После того, как все отряды покинули “Тайник Лешего” и лагерь заметно опустел, учебный класс пятого корпуса с зашторенными окнами стал своеобразным штабом. За угловым столом учителя, освещаемым настольной лампой, расположился Абрамов. Перед ним лежали карты, над которыми склонились Трофимов и ещё несколько служивых, за чьими спинами стояли двое мужчин, тоже в погонах. У ноги одного из них, кинолога Степана Фисенко, послушно сидела немецкая овчарка.

Родители несчастных детей, приехавшие в лагерь, периодически прерывали совещание милиционеров бурными истериками. Их присутствие подавляло Алексея, ведь вину за случившуюся трагедию он приписывал единолично себе.

– Пёс сможет взять след? – ровным голосом осведомился угрюмый Константин, подняв глаза с карт на кинолога.

– Это она, – недовольно фыркнул Степан и ответил на вопрос. – Потребуются вещи ребёнка, желательно те, которые

он недавно носил.

– Марченко, позови вожатую! Пусть сопроводит сержанта Фисенко к вещам пропавших, – распорядился лейтенант, и молодой милиционер побежал исполнять поручение.

Вскоре в классе появилась Инна. Степан, доверив поводок помощнику, устремился за ней на второй этаж, в комнату мальчиков.

Девушка достала рюкзак Саввы Бабурина, расстегнула его и отдала кинологу. Тот недолго покопался в нём, перебирая содержимое, а затем конкретизировал:

– Во что он одевался накануне?

Брюнетка пристально уставилась на шмотки.

– Хм...вчера вечером на дискотеке...вспомнила! – и вожатая щёлкнула пальцами. – На нём была данная футболка! Он парнишка полноватый, потливый...так что запахи должны сохраниться... – Инна понюхала рубашку, тут же сморщилась и закивала головой. – Угу, очень крепкие запахи...

– То, что надо, – спокойно сказал Фисенко и, прихватив футболку, зашагал по большому залу к лестнице, ведущей вниз.

Спустившись, Степан свернул в класс. Оказавшись внутри, он подошёл к своему помощнику и перенял поводок обратно.

– Нашли что-нибудь подходящее? – поинтересовался Трофимов.

– Нашёл, – проинформировал кинолог.

– Уже рассвело! Пора выдвигаться! – решил Абрамов, встав со стула.

– Мы с Вами! – заявила худенькая женщина, родительница кого-то из пропавших.

– Непременно! – поддержал её муж.

– Не думаю, что Вам стоит... – начал свою шаблонную речь Константин, но его сразу перебила другая женщина, с растрёпанными волосами и осунувшимся от горя лицом:

– Ради Бога, замолчите! Где-то там, в чаще, наши дети, и мы обязаны их искать!

С трудом просипев это, она заплакала пуще прежнего, уткнувшись супругу в плечо. Мужчина в свою очередь заботливо прижал жену к себе, унимая рвущиеся наружу эмоции.

Лейтенант глубоко вздохнул и заключил:

– Что ж, Ваше право... тогда в лес!

И группа направилась к выходу на улицу.

05:20

Немецкая овчарка чепрачного окраса, чья шерсть на загривке встала дыбом, вела за собой спортивного сложения кинолога, Степана Фисенко, крепко сжимающего поводок обеими руками. След собака взяла быстро и теперь, работая своим чёрным влажным носом, виляла между деревьев, шурша сочно-зелёной росистой травой.

Кинолог, спотыкаясь и поскальзываясь, едва поспевал за ней. По пути он изрыгал неразборчивые ругательства, этим

утром вылетавшие из его рта довольно часто. Отполированная лысина мужчины блестела, когда на неё сквозь мохнатые лапы сосен и елей попадал мягкий свет недавно взошедшего солнца.

За сержантом Фисенко бежали пятеро милиционеров: его помощник, капитан Трофимов, лейтенант Абрамов и ещё двое. Замыкали колонну родители пропавших детей.

Ищейка устремилась к густым кустам дикой малины, образовавшим труднопроходимую стену. Ягоды на её верхних ветках начинали краснеть, а те, что висели пониже – только слегка розовели.

Овчарка кинулась в заросли, направляя за собой группу, принявшуюся продирааться через плотные сплетения веток.

Собака потянула настойчивей, и Степан чуть не шлёпнулся, запнувшись носком ботинка о корень кустарника. Он рефлекторно вцепился в колючий ствол и непроизвольно вскрикнул от боли. Шипы малины беспощадно вонзились ему в ладонь, оставив на ней несколько кровавых порезов.

В очередной раз чертыхнувшись, кинолог продолжил движение.

– Спокойней, Джина, спокойней! – нервно говорил он ищейке, тащившей его с нарастающей силой.

Тернистое море заканчивалось, и Фисенко с облегчением выдохнул.

Он неуклюже выпрыгнул из малинника и врезался в свою собаку, которая стояла, как вкопанная, с интересом обнюхи-

вая что-то на земле.

– Джина? Ну-ка, что у тебя там, девочка? – спросил Степан и, обогнув овчарку сбоку, изучил находку.

Его глаза тут же округлились, выразив неподдельный ужас.

– Твою мать! – шёпотом произнёс он и отвернулся.

Вскоре из кустов выбрали другие участники группы.

– Похоже, перед нами пропавшие мальчики... – предположил кинолог, ослабив хватку поводка.

Молодой милиционер, не выдержав такого зрелища, облокотился о старую сосну и выbleвал свой завтрак.

Одна грузная женщина раздвинула служивых, встревоженно осмотрела останки и, признав часть тела своего сына, упитанную ножку в пожелтевшем кроссовке, рухнула на колени. Она простёрла руки к небесам и, под стоны и рыдания остальных родителей, громко сипло завопила:

– Мой славный Са-а-авва... моя кровиночка-а-а...

– Боже милостивый, убийца расчленил их! – содрогнулся

Константин.

– И что-то выложил из обрубков, – заметил Фисенко.

– Свои инициалы, – озвучил Алексей, с окаменевшим лицом уставившийся на куски детей.

На почве, примяв побагровевшую траву, валялись оторванные бледные руки и ноги двух ребятишек. Они составляли две неровные буквы.

– М.Г. – прочитал лейтенант Абрамов, и воцарилось пуга-

ющее молчание, пробирающее до мурашек и заставляющее кожу похолодеть.

50

Макс Гринюк задумчиво посмотрел на своё тусклое отражение, вырисовавшееся на ржавеющем лезвии топора, и обречённо нахмурил суровое лицо.

Его союзник до сих пор не объявился, а ищейки уже наверняка взяли след и вели сюда легавых.

Дровосек больше не намеревался бежать. Пропади оно всё пропадом! Надоело. Близился конец его пути, и мужчина спокойно принимал сей факт. Такое развитие событий было неотвратимым с самого начала, когда он ещё только ступил на тропу кровопролития во имя великой цели. Вопрос заключался лишь во времени. Рано или поздно они бы пришли за ним и снова уpekли бы в психушку, на рецидив в которую ему совсем не хотелось.

Отсутствие страха что-либо потерять делало маньяка морально неуязвимым. Сейчас он, настроенный дать последний бой, представлял невероятную опасность благодаря свирепости, пробуждённой в нём Трофимовым. Капитана мужчина планировал уничтожить в первую очередь. Вонючий мент как никто другой заслужил испытать ужасные муки и сгинуть в преисподней, скуля подобно щенку у ног его Господина – Сатаны.

Они свидятся, обязательно свидятся. И на их единственном смертельном randevу загорятся свечи, зажжённые

необузданным огнём ада...

От размышлений хмыря отвлекло едва слышное хищное урчание за порогом хижины. “Я уже и не надеялся” – ухмыльнулся он и, подняв глаза, пересёкся взглядом с чем-то поистине жутким... Его стали терзать сомнения касаясь собственных догадок о предназначении монстра, отчего Гринюк вцепился в топор, но переборол себя и, опустив оружие, спросил:

– Мы ведь уже знакомы, не правда ли? Я ждал тебя...уж решил, что Господин меня бросил...

Существо рыкнуло, раздвинуло хлипкий проём своими мощными лапами и подалось вперёд. Маньяк чуть не поседел, судорожно слизывая с губ солёные капельки пота.

– Ты убил тех двух мальчишек? – запинаясь, любопытствовал дровосек. – Тебя послали мне помочь?

Внезапно зверь замер и, издевательски прошипев, покинул трясущегося Максима.

Миновала минута тишины, и обезумевший мужчина истерично проорал:

– Что не так с этим проклятым лесом??!!

Ответ последовал мгновенно.

БУДУУУХ!!!

Гринюк отпрыгнул в сторону от шума проломившегося потолка. Затвердевшие комья земли вперемешку с зелёной травой обвалились на пол хижины, образовав дыру в крыше сооружения.

Когда пыль осела, Максим вознёс топор над головой и, осознав, что тварь далеко не его друг, приготовился встретить свою судьбу.

51

Группа вернулась обратно в лагерь. Теперь задача свелась к тому, чтобы прочесать дебри и найти безжалостного шизофреника. Народу наскребалось немного, и Абрамов запросил подкрепление. Выразив полное недовольство, начальство выделило-таки людей. Время близилось к десяти, когда к “Тайнику Лешего” подъехали ещё три милицейские машины.

В классе лейтенант Абрамов разбил присутствующих на две бригады по восемь человек. Он указал на карте, кто какой квадрат должен прошерстить и что предпринимать в случае контакта с преступником. Константин бы пристрелил Гринюка без суда и следствия, но закон есть закон, поэтому максимально допустимой мерой обозначилось обездвиживание противника.

Руководство первой группой взял на себя Абрамов, второй – неизвестный Трофимову офицер. Алексей предпочёл компанию Кости.

Они вышли за территорию “Тайника Лешего” через главные ворота и побрели по чаще. Пистолеты у всех были в боевой готовности.

Трофимов улавливал каждый звук жуткого леса. Шорохи, трески, скрипы – ничто не ускользало от его пристально-

го внимания. Голова капитана вертелась на сто восемьдесят градусов, а зоркие глаза бегали из стороны в сторону. Сказывалось сильное напряжение, не позволяющее расслабиться ни на секунду.

Милиционеры резко остановились, заприметив меж сосен и елей усеянный зелёным мхом и прочей травянистой растительностью большой бугор. Абрамов взметнул вверх сжатый кулак, безмолвно веля коллегам замереть. Алексей стиснул оружие обеими руками и направил его дулом на подозрительный холмик.

– Возможно, там какое-то убежище, – тихо проговорил лейтенант.

– Скорей всего, – согласился Трофимов. – Сейчас выясним. Дай мне пару парней, я разведую.

– Ишь, раскомандовался! – возмутился Константин.

– Ежели что-то не нравится, стоняй сам!

– Именно так и поступим! Я не из числа тех, кто отсиживает свою дряблую жопу в тылу!

Поворотившись, Абрамов подозвал к себе двух служивых.

– Впереди бугор. Вероятно, землянка. Необходимо проверить. Топаем за мной, не отстаём. Вопросы есть? Вопросов нет! Выполняем! – завершил инструктаж лейтенант и обратился уже к капитану. – А Вы прикрывайте спину! Завяжется заварушка – подтягивайтесь!

И Константин покрался к кургану вместе с парой подчинённых. Алексей же стал наблюдать за происходящим из-за

ствола ели, держа под прицелом горбатый зелёный объект.

Абрамов добрался до холма и принялся обходить его справа, а двое коллег – слева. Трофимов сосредоточенно ждал. Ждал, что вот-вот прогремят выстрелы, раздастся чей-то вопль, послышатся звуки борьбы. Но через полминуты из-за травянистой глыбы вынырнул лейтенант, помахавший поднятыми над макушкой пятернями и прокричавший:

– Все сюда! Это нужно видеть!

Алексей поспешно убрал ПМ в кобуру и бросился к бугру с другими членами их скромной экспедиции.

Обнаружилось, что громадная кочка – хижина с невысоким проёмом, который небрежно раскурочили, значительно расширив вход.

– Ты хотел презентовать нам старую заброшенную нору? – вскинув бровь, сыронизировал Трофимов.

– Я хотел презентовать то, что внутри норы, – терпеливо ответил Константин и пригласил капитана в лачугу.

Алексей пригнулся и шагнул в помещение. В нос ударил целый букет отвратительных запахов: гниль, сырость, затхлость...но всё перебивало тошнотворное трупное зловоние, разливающееся от распростёршегося в дальнем углу хижины укороченного тела. Усопший прел в невыносимо душном пространстве землянки.

Трофимов затаил дыхание и, ознакомившись с кошмарной картиной детальней, прохрипел:

– Что за хрень здесь произошла?

В луже тёмной крови, без всяких сомнений, валялся Макс Гринюк, чьи остекленевшие глаза передавали ужас, испытанный мужчиной перед расправой. Правая рука мёртвой хваткой сжимала топор. Туловище оказалось рассечено на две части по диагонали: от левого плеча до противоположного бедра. Ниже колен ничего не осталось, и из мяса культей торчали обломленные кости. Обрубки ног в берцах стояли подле остальных кусков “разделанного” хмыря.

– Поединок с дьяволом получился куда прозаичней, нежели сулил Олег. Даже малость не по себе, – почувствовав дискомфорт, прошептал капитан и нервно дёрнулся после того, как на его плечо мягко легла ладонь Абрамова.

– Да, мне тоже подурнело, – признался Константин. – Похоже, новая жертва маньяка...

– Это сам маньяк, – похолодев, шокировал Алексей и присел на корточки у искромсанного бандита.

– Шутишь? – изумился лейтенант.

Трофимов проигнорировал удивление Абрамова, добавив:

– Нормально ему досталось...

– Хм, что за разъярённый Робин Гуд завёлся в чащобе? Впрочем, если всё взвесить и покойное филе тот, кого мы искали, безымянный мститель здорово нам подсобил!

– Слишком уж варварским способом!

– А разве Ваш Гродский упырь церемонился с детьми? Я бы его вообще заживо закопал под первой попавшейся сос-

ной! С прожжёнными выbledками себя оправдывают только радикальные методы...

– Проблема в том, что палач Гринюка – явная угроза для других. И обязанность милиции разобраться в ситуации.

Капитан склонился над телом и тщательно изучил рану:

– Какой филигранный и тонкий разрез! Торс толком даже не успел “расползтись” на половинки...

– А в боевиках меч сносил туловище так, что верхняя его часть всегда съезжала с места словно яблочная долька...

– оценочно оглядывая почившего, прокомментировал Константин.

– Тебе повреждение ничего не напоминает?

– Неа, – растерялся лейтенант.

– Мне кажется, рана на голове ребёнка, снятого нами со стены, схожа с раной Гринюка...

– Ну, чисто гипотетически... – прокряхтел Абрамов.

– Тогда отсюда вытекает, что паренька убил не Гринюк!

И Максима, потенциально, распотрошил тот же изверг, что и мальчика.

– М-да, запутанный клубок... а ведь ночь так хорошо начиналась, – проскулил Костя.

Трофимов встал и, развернувшись, изрёк:

– На дежурстве ночь по определению начинается дерь... – Алексея переключило, когда он воззрился на потолок в другом конце хижины, где зияла внушительная дыра, пропускающая в сооружение блеклый солнечный свет. Лицо следова-

теля искажилось от ещё большего недоумения. – Не практичная, однако, у лачуги архитектура...

– Становится всё загадочней, – пробубнил Абрамов.

– Создаётся впечатление, будто в апартаменты Гринюка сквозь крышу кто-то вломился...кто-то поистине огромный...

– Ради Бога, уходите, – уловил Трофимов сиплый голос у себя за спиной и обернулся.

В проёме он улицезрел женщину, пронзительно уставившуюся на него через толстые линзы своих очков с обмотанными белой изолентой дужками.

– Гражданочка, у нас идёт расследование! Кто Вас пустил? – раздражённо проворчал лейтенант.

– Мне не требуется разрешение! – процедила дамочка. – У Вас здесь нет прав хозяев!

– И у кого, интересно, они есть? – с усмешкой уточнил Костя.

– У того, кто сотворил это с ним, – кивнув на тело Максима, объяснила женщина.

– Кто Вы? – не догнал капитан.

– Воспитатель погибших мальчиков...

– Вам что-то известно об их смерти? – с надеждой осведомился Алексей.

– Нет. Я стараюсь донести до Вас простую мысль: то, что поселилось в глуши много лет назад, не радо гостям. Поэтому не тревожьте его...

– О ком Вы толкуете? – не унимался Трофимов.

– Да какая разница?! Разве непонятно, что Вы усугубляете обстановку?! Оно где-то рядом, оно видит Вас ровно так же, как вижу Вас я! И коли немедля не прекратите прогулку – неминуемо навлечёте на свою группу беду! – пролепетала женщина.

– Одна беда на нас уже обрушилась! – намекнул на собеседницу Абрамов.

– Глупцы... Устройте на него облаву – потеряете кучу сотрудников! Лучше ограничить к лесу доступ, сделать его запретной зоной, – предложила воспитатель.

– По-моему, легче не заморачиваться и сжечь всё к ебням! – оскалился Костя.

– Не поможет! Вы пытаетесь поправить законы, установившиеся тут с появлением данного существа! Но их не изменить! Пока будет дичь – будут и смерти!

– Дофига болтаете, тётя! – скривился лейтенант. – Спасибо за отнятое у нас время, а теперь... удалитесь отсюда!

– Не надо, я Вас умоляю! – прослезившись, застонала женщина. – Так он никогда не перестанет свирепствовать... а я не хочу, чтоб от его лап страдали невинные люди!

– Отныне не пострадают! – пообещал Абрамов.

– Почему Вы так равнодушны к сему существу? – вмешался капитан.

– Вас не касается... – огрызнулась воспитатель, утирая солёные капли.

– В таком случае, не смею задерживать! Гордиенко! – гаркнул Костя. – Выведи её прочь!

Молодой милиционер взял воспитателя под руку и сопроводил к выходу.

– Прости, Витя...не уберегла я твоего мальчишка от кровавой жажды, – одними лишь губами произнесла опечаленная женщина прежде, чем покинула хижину.

– Каких только чудиков не встретишь! И она ещё с детьми работает! – негодовал лейтенант. – Наверное, у ребят железная психика!

– По мне, весьма адекватная особа... – поделился Алексей, на что Абрамов злорадно ухмыльнулся и выпалил:

– Ну так составь ей дуэт, а то соло у неё корявое...

Промолчав, Трофимов приблизился к светлому кругу на полу, над чьим контуром нависала дыра. Осмотрев почву, он в очередной раз за день обомлел.

– Лейтенант, полюбуйтесь!

Очутившись у солнечного пятна и покосившись вниз, Константин заключил:

– Красота...

На сырой земле отчётливо вырисовывались два крупных кровавых отпечатка лап. Цепочка следов тянулась от трупа Гринюка до бреши в потолке сооружения. Под ней она обрывалась. Сперва офицеры не заметили вмятин на податливом грунте, так как в углу с телом дровосека было достаточно плохое освещение.

– Ну, гений, срази меня своими дедуктивными навыками, – предоставил слово капитану поражённый Абрамов.

– Я полностью дезориентирован! – откликнулся Алексей. – Ни разу не наткнулся на следы амфибии подобного размера...

– Амфибии?

– Пёс его знает. Может, и не амфибии, – заколебался Трофимов. – Просто между пальцами сохранились слабые отметины от перепонок...

– Думаешь, от перепонок?

– Только предполагаю...

– А если кто-то изготовил слепки лап и решил запугать всех до чёртиков?

– Не отрицаю твоей теории! Но отчего-то я в неё совсем не верю...

– И как нам...? – тут Костю перебил влетевший в хижину запыхавшийся милиционер:

– Товарищ, лейтенант!

– Ну что ещё? – вздохнул Абрамов.

– У нас пропал человек...

Вскоре...

Изуродованное тело рядового Марченко нашли висящим головой вниз среди толстых веток одной из высоких сосен неподалёку от лачуги. Когда его оттуда сняли, то обнаружили на груди милиционера три глубоких продолговатых пореза от чьих-то мощных когтей, и круглую сквозную рану

в горле. Также у несчастного была отсечена часть затылка, оголяющая кровавые мозги, и обглодана кисть левой руки.

– Да, капитан, в этом лесу действительно водится нечто жуткое, – признал Константин, с обречённым выражением лица глядящий на труп коллеги. – Я даже вообразить себе не могу, что.

– Дело обретает куда более серьёзный характер, – заметил Алексей. – Думаю, без помощи нам не обойтись. Нужно принимать кардинальные меры!

– Согласен, – кивнул лейтенант. – Настало время вызвать спецназ!

12:55

Послышался приглушённый гул. Он постепенно нарастал и вскоре уже отчётливо различался характерный стрёкот винтов вертолётa.

Трофимов, одиноко замерший у пятого корпуса, поднял голову и посмотрел куда-то вдаль. Над залитыми солнечными лучами верхушками хвойных деревьев, заставляя их колыхаться от потоков воздуха, возник Ми-2, приближающийся к “Тайнику Лешего”.

Спустя пару минут вертушка пропорхала над оградой, потом прогудела над капитаном, который, прищурив глаза, полюбовался её плоским бирюзовым брюхом, и устремилась в сторону центральных ворот лагеря. Долетев до места назначения, стальная птица сперва зависла над парковочной площадкой, а затем начала приземляться, умело управляе-

мая пилотом в наушниках с микрофоном. Когда шасси коснулись раскалённого асфальта, винты стали снижать обороты и через определённое время шум прекратился.

У Ми-2, в чьих иллюминаторах маячили крепкие фигуры, столпились милиционеры, встречающие явившуюся подмогу.

Дверь по левому борту винтокрылой машины распахнулась, и из кабины принялись выпрыгивать бойцы “Скальпеля” с крупными баулами. Все шестеро – в камуфляже с четырёхцветным рисунком, состоящим из оливковых, тёмно-зелёных, коричневых и чёрных пятен. Макушки спецназовцев закрывали такой же раскраски банданы, туго завязанные на затылке.

– Ребята что надо! – пронеслось восхищение в рядах служивых. – Как на подбор!

– Кто здесь гулянкой руководит? – спросил вояка с кирпично-угрюмым выражением лица и колким, как его щетина, взглядом.

– Лейтенант Абрамов! – выступив вперёд, отозвался Константин и откозырял спецназовцу.

Тот нехотя повторил формальность офицера и представился:

– Майор Кондратьев! Надеюсь, банкет не затянется. Сопроводите нас к командному пункту, лейтенант, и там без лишних церемоний введите в курс дела.

– Конечно, товарищ майор! – расплывшись в обаятель-

ной улыбке, сказал Абрамов. – Очень здорово, что Вы при-
мчались на выручку в столь тяжёлый для нас час! Для меня
огромная честь...

– Оставим трёп для слабой половины человечества, – пе-
ребил Костю Кондратьев. – Веди уже!

Лейтенант слегка поперхнулся, сглотнул слюну и, сдав-
ленно кивнув, пошёл к пятому корпусу. Отряд “Скальпель”
последовал за ним.

13:23

– Я правильно трактую Вашу мысль? Наша миссия пой-
мать непонятно кого непонятно где? – иронично уточнил
майор Кондратьев, с ухмылкой уставившись на Абрамова.

– Ну, мы уже показали Вам на карте, где были найдены
трупы маньяка и нашего сотрудника. Думаю, особое внима-
ние следует обратить на территорию у побережья озера. Зем-
лянка располагается неподалёку оттуда и убийца, вероятно,
скрывается в том районе... – запинаясь от волнения, робко
бормотал Костя.

– Ты не внёс абсолютно никакой ясности. Искать нечто в
обширном лесу всё равно, что искать бородавку в моей жо-
пе! – заметил Кондратьев. – Неужели у Вас нет даже догадок,
кто тут орудует?

– Увы, – опустив голову, признался лейтенант.

– Зато народу-то сколько нагнали! – с укоризной восклик-
нул майор. – Прямо ментовское общежитие в детском лаге-
ре! Видимо, я за коменданта... И раз уж мне расхлёбывать

всё дерьмо, решаю так: мы с парнями разделимся по трое и прочешем два предполагаемых квадрата. Ваша задача – оставаться на связи и ждать! Коли нарушитель обнаружится, я ему искренне сочувствую!

– Я иду с Вами! – заявил Абрамов.

Кондратьев посмотрел на него, как на умалишённого, и бойцы “Скальпеля” в один голос заржали.

– Ты хоть стрелять умеешь? Или у тебя в кобуре рогатка? – с издёвкой полюбопытствовал майор, и спецназовцы вновь раскатились басистым смехом.

– Без разницы, что у меня в кобуре. Но поверь, эта штука без проблем превратит твои яйца в омлет! – оскалившись, ответил Костя.

– При условии, что не случится осечки, как с бабой, и, само собой, если исхитришься попасть!

– Судя по выпирающей из твоих армейских штанов хреновине, промахнуться по такому бычьему добру будет ох как не просто! – съязвил Абрамов, что повеселило дежурящего у выхода Трофимова, про себя отметившего: “Молодец, лейтёха! Держишь удар!”.

– Сочту за комплимент! – улыбнулся Кондратьев и заключил. – Хорошо, мы тебя возьмём! Птиц отпугивать – занятие тоже полезное!

– Твои подколы, конечно, весьма забавные, однако давай уже проложим маршрут? – сквозь зубы процедил Костя.

– Непременно! – и майор с лейтенантом прошагали к сто-

лу, после чего склонились над картой.

13:47

Поверх бронежилета члены отряда “Скальпель” надели свои камуфлированные комбинезоны, повесили на грудь рации, нацепили нейлоновые наколенники с пластиковыми чашечками и перчатки с кевларово-карбоновой защитой, приладили на голову переговорную гарнитуру, потуже затянули банданы и вывели краской у себя под глазами по две чёрные полосы. Большинство заткнуло за пояс знаменитый “Пистолет Макарова” и упрятало в кожаные ножны, крепящиеся к голени ремешками, по ножу “Каратель” модификации “Маэстро”. Среди боевых средств спецназовцев также присутствовали осколочные гранаты РГД-5 и дымовые шашки РДГ-2.

Закончив с “цацками”, как окрестил дополнительную экипировку майор, вояки стали извлекать из баулов своё основное оружие. Трое из них оснастились АК-74, четвёртый бесшумным автоматом АС “Вал”, пятый самозарядной винтовкой СВУ компоновки булл-пап и последний мощным пулемётом “Печенег” калибра 7,62-мм.

– Мачеха как всегда неотразима! – послышался комплимент от Кондратьева внушительному “Печенегу”, который прижимал к себе высокий матёрый боец. – Итак, все готовы? – спросил майор, окидывая свой отряд суровым, но справедливым взглядом.

– Готовы! – озвучил спецназовец с густой бородой.

– лейтенант? – обратился Кондратьев персонально к Абрамову и тот сразу же выпалил:

– Как никогда!

– Чудно! Смотри, не отставай! – наказал майор и, недолго подумав, добавил. – Ах да, если вдруг с перепугу приспичит пару нефиговых таких яиц высидеть, сигнализируй! Няньки с большими пушками рядом!

Бойцы “Скальпеля” поощрили остроумность своего полководца раскатистым смехом.

– Спасибо за заботу! Но я обойдусь, пожалуй! – подавляя гнев, откликнулся Костя с наигранной улыбкой на лице.

– И не подкашивай ноги, как только мачеха подаст голосок! Стерва она ещё та! Порой заставляет мужиков кровью писать! – хохотнул Кондратьев и снова состряпал серьёзную мину. – Что ж, задача, надеюсь, ясна, и повторять её никому не требуется? Я веду группу на юго-восток. Филипенко свою к озеру. Наши позывные “Рысь”, второй группы – “Кремень”. Ваш, капитан, “Тайник”, – напомнил Трофимову майор, на что Алексей едва заметно кивнул. – С командным пунктом держим связь по рации, между собой через переговорные устройства на установленной частоте! При обнаружении какого-либо существа действовать по ситуации. Ответ на любую агрессию один – огонь на поражение! – Кондратьев сделал паузу и, спустя несколько мгновений, распорядился. – Вперёд! Чего стоим?

У “Тайника Лешего”...

Отряд “Скальпель” разделился у кромки леса близ ворот лагеря. “Кремень” под руководством Филипенко двинулся к “Багровому” озеру. Кондратьев же повёл “Рысь” по направлению к хижине, где милиция отыскала труп Гринюка.

Абрамов, чьей персоне в группе майора было весьма не по себе, тащился позади трёх крупных спецназовцев в камуфляже. Рядом с ними он ассоциировал себя с сопливым ни к чему не способным ребёнком, по своей глупости увязавшимся за взрослыми и теперь желающим вернуться домой. Его примитивный по сравнению с игрушками крутых мужиков пистолет представлялся безобидным муляжом и не внушал лейтенанту, привыкшему полагаться исключительно на свои силы, уверенности. Костя осознавал, что является единственным слабым звеном команды и что самые большие шансы склеить ласты именно у него. Эх, ему б только нормальную пушку...

Раскочегарившееся солнце пробивало своими тёплыми лучиками мохнатые лапы елей и сосен, с трудом освещая мрачные дебри. Духота стояла невыносимая.

Раскрасневшийся словно после бани Абрамов, пропотев от макушки до пяток, расстегнул верхние пуговицы своей ментовской рубашки и вытер тыльной стороной ладони взмокший лоб.

– Ты б хоть дезодорантом пользовался, лейтенант! – скривился вояка с “Печенегом”. – С таким успехом вся фауна в округе передохнет!

– Нам же лучше, Лобанов, – вполголоса сказал Кондратьев. – Может, в число жертв его изысканного аромата попадёт и наш загадочный объект...

– Вы нас своим базаром рассекретите! – негодуяще прошептал Костя.

– Майор, впереди хижина! – сообщил спецназовец с СВУ.

– Вижу, – кивнул Кондратьев. – Доложи базе...

Снайпер нажал кнопку на радиии, висевшей у него на груди, и заговорил:

– Тайник, Тайник, я Рысь! Вышли к землянке, проводим разведку! Как поняли меня, приём?

Спустя пару секунд, сквозь помехи донёсся шипящий ответ капитана Трофимова:

– *Понял Вас хорошо, Рысь!*

– Отлично! Далее действуем так! – начал майор, глядя на бойцов. – Ермаков, полезай на дерево и прикрывай нас! Оттуда с твоей крошкой должен быть прекрасный обзор! Лобанов со мной! Проверим лачугу, потом тщательно изучим окрестности! Если не обнаружим чудо-юдо, прочешем ещё километр и обратно! Лейтенант, Вы остаётесь здесь и ждёте! Вопросы?

– Поче... – едва возразил Абрамов, как командир тут же заключил:

– Вопросов нет! Выполняем!

Ермаков с СВУ ловко вскарабкался на одну из нижних веток сосны, затем, подтянувшись, оказался на ярус выше и,

удобно устроившись между раздвоенным стволом растения, прильнул к оптическому прицелу винтовки.

Кондратьев с Лобановым, держа оружие наготове, устремились к хижине. Константин же продолжил топтаться на месте, не опуская своего ПМ, который он сжимал крепче обычного. Крайнее беспокойство внезапно одолело лейтенанта, почувствовавшего, что сердце застучало чаще.

Вдруг Абрамов уловил какой-то странный звук. Разобрать его толком у милиционера не получилось. Он встревоженно поднял глаза и посмотрел на сидящего среди тёмной хвои Ермакова, в напряжении наблюдавшего за своими товарищами через оптику. Похоже, снайпер ничего не слышал.

У “Багрового” озера...

Филипенко вывел группу на просёлочную дорогу, за которой, меж сосен и елей, маячила гладь “Багрового” озера. Старлей сразу заметил белую “Ниву”, оставленную справа у обочины. Он сигнализировал бойцам замереть и, указав на Чернова, жестом руки скомандовал ему отправиться к машине. Пригнувшись, спецназовец подбежал к автомобилю, прислонился к его борту и осторожно заглянул внутрь. Пусто. Затем вояка обошёл “Ладу” со спущенным передним колесом, и, направив “Вал” дулом вниз, сообщил в микрофон, выступающий из-под его камуфляжной банданы:

– Чисто! В тачке никого! Однако на обшивке есть следы когтей. Медведя, наверное...

Филипенко с Громовым прошагали к товарищу. На во-

дательской двери и впрямь имелись продолговатые полосы, разрезавшие металл.

– Странно, – протянул старлей, изучая царапины на лакокрасочном покрытии.

– Надеюсь, у обладателя машины получилось удрать от того, кто надругался над его имуществом, – нахмурился Громов.

– Судя по колесу, теперь это недвижимость, – хохотнул Чернов и пихнул носком ботинка брошенный на земле баллонный ключ. – Зуб даю, товарищ решил прогуляться до ближайшего магазина автозапчастей!

– Тогда неудивительно, почему он до сих пор не вернулся, – ухмыльнулся Филипенко и нажал кнопку на рации. – Кремень Тайнику! Кремень Тайнику!

– *На приёме, Кремень!* – раздался из динамика голос капитана Трофимова.

– Неподалёку от озера стоит белая машина марки ВАЗ-2121 с номерными знаками м702ор36. На обшивке транспортного средства...ээ...незначительные повреждения. Колесо спущено. Требуется пробить владельца! Как поняли? Приём!

– *Понял Вас, Кремень! Прошу повторить номерные знаки.*

– м702ор36, – чётко и разборчиво проговорил старлей.

– *Работаем!* – отрапортовал Алексей. – *Как всё выясним – доложим Вам! Конец связи!*

– Конец связи! – завершил Филипенко и обратился к сво-

ей группе. – Ладно, осмотрим побережье. Может, удастся чего-нибудь отыскать.

Когда бойцы очутились на галечном пляже, перед ними предстало живописное лесное озеро, чья поверхность игриво поблёскивала на солнце. Где-то слева гнило здание лодочной станции, напоминающее дырявый сыр серого цвета, а рядом с ним виднелся разломанный причал.

– Громов, разведай сарай! Чернов за мной! Исследуем территорию у пирса! Выполнять! – повелел старлей, и спецназовцы разбрелись, заставляя камешки похрустывать под тяжёлой обувью.

– *Кремень, Кремень, я Тайник! Приём!* – затрещала рация на груди Филипенко.

– Слышу Вас, Тайник! – остановившись, отозвался старлей, шурясь от ослепительного мерцания воды.

– *Мы определили собственника автомобиля. Им является Игнатов Май Максимилианович. Он же хозяин крупной сети продуктовых магазинов “Погреб казака”.*

– Фигасе! – поразился Филипенко. – Я думал, такие павлины на море пёрышки жарят...

– *Вы его не нашли?* – поинтересовался Трофимов.

– Пока нет, но у нас... – начал толковать старлей, как его прервал возглас Чернова:

– Сюда, в воде у причала труп!

– Чёрт, – прошипел Филипенко и сказал в рацию. – Тайник, будьте на связи! Похоже, мы что-то обнаружили...

– *Принял, Кремень!* – подтвердил Алексей, и старлей устремился к “покалеченному” сооружению.

У хижины...

– Майор, какая-то активность на восемь часов, – проинформировал в микрофон прилипший к окуляру оптического прицела Ермаков.

– *Понял, продолжай наблюдение. Выясни, кто там шагает,* – заключил искажённый бас Кондратьева.

Абрамов насторожился пуще прежнего и крепче стиснул рукоять пистолета. Боковым зрением зафиксировав две замершие за лачугой фигуры членов отряда, лейтенант устался в направлении, указанном спецназовцем. Секунды ожидания тянулись как вязкая смола хвойных пород. Костя отчётливо чувствовал биение встревоженного сердце и то, как солёные капельки пота скользят по его гладкой шее.

Снайпер оживился и поспешил сообщить майору:

– Отставить! Гражданские! Женщина с ребёнком...

– *У них тут встреча с риелтором что ли? Нынче ушлые предприниматели и хижину втриморога впарят!* – прокомментировал Кондратьев и, выпрямившись, смачно добавил. – *Тьфу!*

Расслабившийся милиционер смотрел, как майор что-то говорит и жестикулирует даме, призывая ту безотлагательно удалиться из леса.

“С такими гулёнами инфаркт заработаешь!” – подумал Абрамов.

– Спускаюсь к тебе, синерубашечник, – улыбнулся Косте Ермаков, разворачиваясь на густой ветви сосны.

Внезапно до лейтенанта донеслось хищное урчание.

Дальше всё произошло молниеносно. Милиционер едва задрал голову, как раздался дикий пронзительный вопль, перетёкший в бульканье. Откуда-то с дерева в лицо офицеру брызнула тёплая бурая жидкость. Он не сразу сообразил, что это кровь.

Потом перед остолбеневшим Абрамовым с глухим ударом рухнула на почву винтовка СВУ, за ней жёстко шлёпнулась верхняя часть тела вояки до пояса, а спустя мгновение – нижняя. Из живота спецназовца тут же стали вываливаться внутренности.

– *Ермаков, что случилось?* – изрыгнул наушник вопрос Кондратьева. Однако Косте не удалось даже пошевелить онемевшими губами, чтобы отрапортовать за почившего напарника. Он лишь боязливо устремил взор туда, где только что сидел снайпер. – *Ермаков, вытащи язык из жопы! Ермаков!!!* – громче и суровей повторял майор. – *Лейтенант, может, ты скажешь, что у Вас приключилось?* – командира игнорировали, на что тот ещё истошней прогорланил. – *Лейтенант!!!*

Но ор, молотящий по перепонкам милиционера, не выводил его из ступора. Пожираемый желтками демонических глаз, офицер застыл в неопишемом ужасе.

После короткого рыка существо передислоцировалось на

ель.

– *Да какого хера?!!!* – брюзжал Кондратьев.

На сей раз Абрамов пришёл в себя и, запинаясь, нервно затараторил в микрофон:

– Оно здесь, майор! Эвакуируйте из чаши гражданских, немедленно!!!

– *Ермаков что ли дрочет??*

– Он мёртв! – отчаянно просипел Костя, как над ним обломилась сучья.

Лейтенант машинально взметнул дуло пистолета на крону соседней ели и принялся суматошно палить по ней. Монстр болезненно взвыл. “Попал, сучья ты шлюха!” – с удовлетворением ухмыльнулся про себя милиционер и, вставив в ПМ новую обойму, заметил, как крупная тварь поменяла местоположение.

За плечами офицера под частый гулкий топот зашуршала трава. Абрамов обнаружил, что к нему с яростным шипением мчится покрытое грязно-белыми иглами невысокое создание, напоминающее помесь мыши с дикобразом, и без подготовки совершил пару неточных выстрелов.

Зверь, злобно рывкнув и оттопырив жабры, перекатился в сторону и, семеня толстыми лапками, юркнул в зелень папоротников.

– Сколько ж Вас, грёбанных мутантов, расплодилось?! – обалдевал Константин.

– *На кого боезапас тратите, лейтенант?* – конкретизи-

ровал Кондратьев.

– У своего покойного снайпера спросите! – истерично велел милиционер.

– *Пока ты совсем не уделал штанишки, дуй к нам за свежими подгузниками,* – распорядился командир и Абрамов, судорожно засунув пистолет в кобуру, ринулся к спецназовцам.

– Форрест Гамп, – хохотнул Лобанов, подчеркнув прыть миновавшего лачугу Кости. – Бежит, словно за ним гонится какое-то чудовище...

Вояка потерял мысль, засёкши, как по хвойным громадам сигает тёмный силуэт.

– Вы это тоже видите, майор? – изумился Лобанов и положил палец на спусковой крючок пулемёта.

Кондратьев мрачно кивнул и вскинул свой “Калаш”.

– Боже милостивый, спаси нас! – прошептала женщина, прижавшая к себе девочку лет пяти, с чьих широких голубых очей не сходило выражение испуга.

– Мамочка, мне страшно, – пропищала малышка, уткнувшись в плиссированное платье родительницы.

– Держитесь позади нас! – проинструктировал их майор и повелел уже Лобанову. – Огонь!

Спокойствие дебрей моментально нарушилось. Заставив мать с ребёнком вздрогнуть, оглушительно загрохотал “Печенег”, свирепо шмаляя из жерла свинец, косящий деревья с непринуждённой лёгкостью. На подпевках надрывался Кон-

драгьевский АК-74, тщетно норовящий перенять основную вокальную партию.

Когда майор отщёлкнул пустой рожок автомата, лейтенант, наконец, добрался до них.

Пулемёт смолк, и Лобанов взгляделся в клубы порохового дыма. Никого. Лишь потрёпанная интенсивной стрельбой растительность.

– Цел? – осведомился Кондратьев.

– Цел, – жадно глотая воздух, отчитался милиционер.

– Ну и славно! А то я уж расстроился, что наше чучело от птиц раздербанили! – подбодрил Абрамова майор.

– Ваш товарищ погиб, а Вы шутики шутите?! – закипел Костя, всплеснув руками.

– Я, чтоб ты знал, неисправимый оптимист! – оскалился Кондратьев, повернул корпус чуть вбок и вынудил “Калаш” продемонстрировать свои музыкальные таланты на бис. – Оно справа!

Милиционер выхватил ПМ и подключился к тиру вместе с Лобановым.

– Мачехой его, мачехой долби!!! – старался перелять рёв пушек в совокупности с визгом женщины и девочки командир.

Вскоре канонада вновь взяла паузу.

– Что ещё за Тарзан на нас прёт? – любопытствовал Лобанов.

– Твоя бывшая во время месячных, – заржал Кондратьев.

Опять грянуло мерзкое урчание. Майор тотчас отреагировал на него. Он крутанулся на сто восемьдесят градусов и вздёрнул АК-74. По ходу того, как нечто перемещалось, командир посылал пули следом за ним.

– Оно движется по кругу и постепенно сужает его, сокращая дистанцию до нас! – догадался Кондратьев, нещадно поливая верхний ярус леса автоматными очередями. – Лобанов, эскортируй гражданских! Мы с лейтенантом останемся здесь!

– Почему я?! – возмутился спецназовец с “Печенегом”. – Пусть легавый идёт...

– У тебя самое внушительное оружие! Ты – лучший кандидат в защитники! – аргументировал майор. – И мои приказы не обсуждаются! Вперёд!

Скрипя зубами, Лобанов подчинился командиру и бросился к лагерю вместе с барышней и её дочкой. Абрамов и Кондратьев отвлекали существо плотным огнём.

– Надо бы связаться с базой, – решил майор. – Похвастаться дерьмом, что у нас творится! Вдруг кому-то интересно...

– Сейчас! – покорно откликнулся Костя и завещал в рацию. – Тайник, Тайник, я Рысь!

– *На приёме, Рысь!* – зафонил из динамика голос Трофимова. – *Что там за шум?*

– Выстрелы, капитан! – поведал офицер. – Мы вступили в бой с неизвестным противником! Он уже расправился с одним из членов нашей группы! Нам срочно...

Милиционер осёкся из-за треска дерева за спиной. Обернувшись, он побледнел. Вековая сосна, подрубленная у основания белым колючим комком, выпрыгнувшим из кустов, опрокидывалась прямо на них с Кондратьевым. Сориентировался лейтенант поздно. Ствол сбил его с ног и придавил. Земля с небом осуществили рокировку. Тело Абрамова, пронзённое сухими ветками, разразилось острой болью. Офицер панически прокричал, попробовав сдвинуть с себя неподъёмную махину. Он беспомощно упирался ладонями в кору и слабо постанывал.

Майор успел отскочить. Так рассудил Костя после того, как сквозь звон в ушах различил мелодию “Калаша”.

– Вот же падлы! – сокрушался командир, строча из автомата. – Да их тут двое! В очередь, мразоты! Все получите по презенту!!!

Рация, отлетевшая с груди милиционера к пеньку снесённого растения, транслировала безответные обращения Алексея:

– Рысь! Как слышите меня? Приём! Доложите текущую обстановку! Приём, Рысь! Приём! Отзовитесь! Хоть кто-нибудь!

Рокот АК-74 резко оборвался, и на Абрамова с чавкающим хлопаньем упала оттяпанная голова Кондратьева, с застывшей навечно хмурой и напряжённой физиономией. Стряхнув её с себя, лейтенант захотел снова закричать, однако его рот начал наполняться кровью, коей он рисковал

захлебнуться. Сплёвывая субстанцию с привкусом железа, офицер не оставлял попыток высвободиться из-под тяжёлой сосны.

Грунт завибрировал от грузных шагов, приближающихся к Косте. Когда они затихли, милиционер ощутил чьё-то смердящее дыхание. Звук, аналогичный свисту хлыста, прекратил его страдания.

52

Арсений долго кричал от горя и в порыве отчаяния расшвырял все баночки, инструменты и коробки со своего стола, после чего принялся крушить остальную комнату, по которой он беспорядочно метался, попутно выдирая с головы ключья волос.

Брат погиб, и как дальше жить парень не знал. Услышав шокирующую новость, молодой человек хотел наложить на себя руки, но, выпустив пар, слегка поостыл и теперь молча сидел на кровати, ненавидя себя за то, что его не оказалось рядом с Федей, когда на того напали.

Глаза Дубовцева, шмыгающего сломанным носом, выедали слёзы, скатывающиеся на опухшую губу и щиплющие кривой шрам на ней, а его язык нервно сновал по щербине, оставшейся на месте выбитого Сергеем зуба.

Вперившись взглядом в любимую клюшку брата, чей крик он помогал ему обматывать чёрной изолентой, парень поклялся во что бы то ни стало отомстить за малбго. И даже, если виновный в смерти Феди отправится в мир иной рань-

ше, нежели до него доберётся сам Сеня, он вернёт ублюдка
обратно, чтобы повторно разделаться с ним...

Часть третья. Первые жертвы

1

1987 год

Четверг, восьмое октября

Было полседьмого утра. До сих пор дрожащий восьмилетний Петя Климов, затаив дыхание, боязливо выглянул из своей спальни и, убедившись, что тёмный зал пуст, покрался к кухне, осторожно ступая по ковру и периодически прислушиваясь. Бешеные надрывные крики уже минут десять как не сотрясали стен их двухкомнатной хрущёвки, однако теперь до него доносились другие звуки – приглушённые женские всхлипы.

Мальчик в нерешительности остановился перед деревянной дверью, виновато посмотрел своими косыми глазами на врезанное в неё грязное стекло, сквозь которое в коридор проникал яркий свет лампы, и, наконец, сглотнув застрявший в горле комок, повернул ручку.

На холодном паркете в бежевой сорочке сидела его мать, Тамара – приятная дама бальзаковского возраста с добрым лицом. Уронив голову на грудь, она безутешно плакала. Опять.

Вокруг царил полный погром: битая посуда, разлитая вода из чайника, размазанный по дощатому настилу завтрак, упавшая гардина... Без всяких сомнений, это устроил отец,

бесчувственный дьявол во плоти. Его шумное выступление поставило на уши целый дом и перепугало пятилетнюю сестрёнку Пети, Яну, спрятавшуюся под одеялом.

Когда ребёнок зашёл на кухню, Тамара поднялась с пола, поправила помявшееся бельё и поспешно принялась вытирать платком раскрасневшиеся глаза. Она старалась успокоиться, но слёзы никак не прекращались.

– Уже проснулся, сынок? – заикаясь, приветливо осведомилась женщина.

Ответом ей послужил растерянный и робкий вид Пети.

– Мы с папой разбудили Вас, да?

– Он снова обижал тебя? – нахмурившись, спросил мальчик.

– Нет, всё нормально, просто... – Тамара осеклась.

– Я понял, мам, – сказал ребёнок и добавил. – Давай помогу убратъся...

2

Виктора Скворцова, сутулого усатого мужчину с пепельными волосами, обуяли раздражение и ярость. Его щёки залил румянец – характерный признак того, что учёный злится. Он безуспешно пытался переварить те слова, что сказал ему заместитель директора “Института передовых исследований” Арапов, надутый жирный коротышка в чёрном мешковатом костюме, накрахмаленной белой рубашке и красной бабочке, отвращение к которому поистине зашкаливало.

“Мы вынуждены прекратить сотрудничество с Вами” –

крутилась в сознании разящая фраза, постепенно задвигающая в тень все планы Скворцова. После того, как она прозвучала, Виктор Бенедиктович чуть не рухнул со стула.

Обескураженный и подавленный, мужчина устремил взор в никуда. Его нижняя челюсть отвисла и перекосилась. Потом он с отрешённым видом изучил безукоризненно чистый кабинет с богатым убранством, где находился, и, выудив из кармана платок, вытер им свои сухие губы.

Учёный обернулся, когда ему на плечо нежно опустились тонкие женские пальцы. Верная помощница Скворцова, медсестра по образованию, Галина, старалась утешить своего наставника. Получалось у неё, правда, так себе. Вероятно, ей самой в данный момент не помешало бы выпить валидола. Выглядела она неважно: лицо бледное и осунувшееся, без намёка на улыбку.

– Повторите, пожалуйста, ещё раз, – прохрипел Виктор Бенедиктович, поправляя очки. – Не расслышал...

– Мы прекращаем сотрудничество с Вами! Всё! Точка! – ровным баритоном чётко произнёс Арапов, положив сцепленные в замок кисти на свой стол, обставленный с педантичной аккуратностью. – Воды?

– Вы не можете так поступить! – проигнорировал Скворцов. – Вы обязаны дать мне шанс!

– Мне жаль, Виктор Бенедиктович, но...увы, решение окончательное, – безапелляционно заявил начальник.

– Да поймите же, просто бывает лишь на бумаге! На ней

нет никаких границ! А в реальности возникает куча факторов, замедляющих наш проект! Так или иначе, мы многого добились! Эксперимент идёт полным ходом! Его нельзя сворачивать! И продолжая работать в том же режиме, месяцев через шесть-семь...

– Шесть-семь??!! – сорвался Арапов, нарушив свою привычную сдержанность. – Таков Ваш нормальный режим??

– Представьте себе! – всплеснул руками учёный.

– Вот почему мы в Вас разочаровались! – побагровел заместитель директора. – Вы не соблюдаете сроки! Хотя заверяли нас, клялись-божились, что завершите сыворотку к началу осени! И что в итоге? Мы выкроили для Вас ещё целый месяц! Однако и его Вы потратили впустую!

– Впустую?! – возмутился Виктор Бенедиктович. – Я со своими коллегами горбатился днями и ночами, пока бездари, вроде Вас, смаковали кофе и ковырялись в носу! Вам легко дирижировать и загонять нас в жёсткие временные рамки! Вы ведь ничего не смыслите в генетике! Абсолютно! Считаете, что деньги разгребут любые проблемы? Думаете, благодаря им мы станем гениальней?? Это же смешно!

– Вот и смейтесь дальше! – бросил Арапов, вернув себе спокойный деловой тон и смахнув соринку с идеально отглаженного пиджака. – А мы больше не намерены пускать средства на ветер! У нас хватает других перспективных проектов и паразит, присосавшийся к нашему бюджету и вытягивающий из него все соки, нам без надобности!

– Как ты смеешь так говорить со мной?! – вскочив с места, прикрикнул Скворцов.

– Не разоряйтесь! – смирил учёного начальник. – Без толку.

Виктор Бенедиктович замолчал и просверлил хозяина кабинета глазами. Затем, печально уронив подбородок на грудь, тяжело выдохнул, развернулся и тихо обратился к своей помощнице:

– Нам пора, дорогая...

Спотыкаясь, Скворцов со своей ассистенткой покинули рабочее пространство Арапова. Тот напоследок по-издевательски торжественно пожелал:

– Всего доброго!

Очувтившись в широком коридоре, учёный с досадой пнул туфлей по скамейке, упёрся лбом в стену и издал приглушённый стон.

– Я в шоке! – воскликнула Галина, стоя позади наставника. – Даже слов не нахожу...

– Зато у меня их накопилось столько, что не приведи Господь! Посмотри, каков нахал! Оскорбил меня, унизил, будто я сопливый мальчишка! Тупой дилетант! Меня тошнит от его наглой свиной рожи! В голове не укладывается, как такой мерзавец занял подобную должность? Он не заслуживает сидеть в кресле заместителя директора института!

– Полностью с Вами согласна, Виктор Бенедиктович, – кивала женщина. – К несчастью, теперь всё то, о чём мы так

мечтали, превратилось в прах. Без финансирования мы не...

– Знаю, – перебил её Скворцов и спросил. – Галя, что же мне делать? Наш проект – моя единственная надежда на излечение Лёни, – и мужчина, всхлипнув, заплакал, промакивая слёзы платком. – Я в отчаянии!

– Готов поспорить, Вас, Виктор Бенедиктович, заинтересует моё предложение, – вклинился в беседу чей-то приятный медоточивый голос.

3

С отличием окончив техникум, приятный брюнет худощавого телосложения Алексей Трофимов получил образование техника-механика и отслужил в мотострелковых войсках, о чём напоминала наколотая на плече татуировка черепа с перекрещенными под ним автоматами. Правда, по возвращении в Гродск найти вакансию по своей специальности ему не удалось. Поэтому двадцатидвухлетний выпускник мыкался по разным конторам и постоянно менял их.

С недавних пор он съехал от родителей, арендовав небольшую однокомнатную квартиру в центре города. Хозяйка этой обители оказалась очень доброжелательной женщиной и брала с Трофимова сравнительно скромную сумму.

Его нынешним трудовым пристанищем стал склад модных диванов, куда Алексей устроился охранником. Платили умеренно, да и работа представлялась не самой пыльной. Периодами парень даже скучал и коротал время за чтением книг, изучением газет и пролистыванием журналов.

Поистине гигантский ангар находился на обширной складской территории за чертой Гродска, и Трофимов добирался туда на своей старенькой салатовой “Копейке”, перешедшей в наследство от отца. Внутри помещения зимой и осенью господствовал холод, отчего сторожа наряжались как эскимосы.

Одну половину сооружения занимали новенькие фабричные диваны, покрытые целлофаном, а другую – различные ящики, коробки, контейнеры и прочий хлам. Зачем с мебелью соседствовали подобные “ценности”, Алексей ответить не мог. Да и не шибко интересовался. Ведь его обязанность – блюсти, чтобы никто не проскользнул на объект и не упёр дорогостоящих товаров.

Трофимов, одетый в шерстяную кофту и чёрную шапку, откинулся на спинку дряхлого деревянного стула и взгромоздил ноги на ржавый металлический бак, испещрённый дырами. Потёртая надпись на боку пустой ёмкости гласила: **“огнеопасно”**. Задумчивый взгляд парня устремился под высокие своды постройки, а его рука, стискивающая резиновую дубинку, медленно опустилась. Так он мечтал, зачастую, об искренней и романтической любви. Мечтал оттого, что с девушками у него всегда не клеилось. Почему? Гипотез наскреблась масса, вот только наверняка Алексей не знал, дело в нём или же в особах противоположного пола.

Забурлил стоящий на газовой переносной плитке чайник, и Трофимов, встав с насиженного места, снял его с конфор-

ки. Погрузив в пластмассовый стаканчик уже использованный засохший пакетик чая, парень залил его кипятком и с наслаждением вдохнул ноздрями тёплые водяные пары. Он обхватил кружку ладонями, дабы согреться, затем отжал заваренный саше, выбросил его в мусорное ведро и отхлебнул безвкусной жидкости.

Алексей пребывал не в лучшем расположении духа. Вторая смена за последние трое суток выбила его из колеи. Такое явно не вязалось с графиком. Как обычно, ему и Захару, ещё одному охраннику, путал все карты их напарник, Иван Климов. О причине, по которой сей мудака не явился на дежурство в очередной раз, парень догадывался: опять насинячился, нарушив установленный на складе режим. Ладно хоть Захар, человек надёжный и честный, исправно отработывал своё. Иначе, заступившему за Ивана Трофимову пришлось бы сюда заселяться.

Уставший Алексей с нетерпением ждал свой выходной, уже составив на него планы. Для начала он примет горячую ванну, отмокнет, потом хорошенько выпится после бессонной ночи и отобедает в каком-нибудь приличном заведении, не пожалев средств на трапезу. К слову, деньги у Трофимова не задерживались. Да толком и не водились. А те, что имелись, парень не любил копить, руководствуясь принципом “В гробу купюры не пригодятся!”.

Завершив чаепитие, Алексей плюхнулся на стул и продолжил грезить.

Иван Климов дрожащей рукой поднёс бутылку из-под водки к глазу, прищурился и с трудом сфокусировал взгляд на дне склянки. Ничего не обнаружив, он почесал грубую щетину, недовольно фыркнул и потряс опущенную горлышком вниз ёмкость, откуда упали две прозрачные капли алкоголя.

– Проклятье! – прогнусавил себе под нос мужчина и швырнул сосуд в расписанную плесенью кирпичную кладку гаража. Снаряд разлетелся вдребезги. Иван же, слегка не рассчитав размах, плюхнулся на прохладную почву.

Способность мыслить трезво он обменял на прекрасное настроение, чуть ранее испорченное женой. Просыпаться каждое утро рядом с этой омерзительной фурией просто не набиралось сил, ведь Климов до сих пор чуял от неё запах другого мужчины! Отравив ему жизнь однажды, она полностью отвернула от себя столь близкого человека, заставив бесконечно страдать и жалеть об их браке. И как его угораздило связать с Тамарой свою судьбу и нырнуть в омут, спасения из которого нет? Дурак! Слепец! Думал, что отыскал-таки счастье и тут на тебе... Предательница! Распутная вертихвостка! Разрушила то, что он так бережно выстраивал долгое время! От любви к супруге осталась лишь горстка пепла, и Иван давно бы сбежал из отношений, кабы не дочурка – его отрада и гордость, его кровиночка. Ради неё Климов пытался сохранить то, что когда-то называл семьёй. А что до

сына... если бы тот ещё приходился ему сыном. Несколько лет назад он не разделял свои отцовские чувства между Петей и Яной, растворялся в них, словно они – единое целое, однако потом узнал горькую правду и всей душой возненавидел мальчика, гадкого сопливого дармоеда! Девчущка же верила, что брат ей родной, и Иван против собственной воли поддерживал данную иллюзию, чтобы не ранить свою маленькую принцессу в хрупкое сердечко.

Солнце коснулось своими лучами сонного города. Да, Климов созерцал Гродск со стороны, а сам он, вероятно, забрёл на его окраину. Вокруг раскинулись лабиринты древних гаражей, обросших сорняками и мхом. Повсюду порванные резиновые покрышки, ржавеющие остовы автомобилей, груды битого кирпича и гнилых досок. На одном из таких завалов сидела рыжая кошка, старательно вылизывающая шёрстку на своей изящной пушистой лапке.

Ивана тянуло на подвиги. Возвращаться домой он не намеревался, поэтому решил прогуляться по городу. Только для начала до него следовало добраться.

Оттолкнувшись от грунта, мужчина дёрнул задницу вверх и устремился в направлении построек, высящихся где-то впереди. Размазанная картинка двоилась. Идти было ужасно тяжело. Климов ощущал, как слабы и непослушны его ноги: в них точно напихали мягкой ваты.

Узкая дорожка, проложенная среди увядшей осоки, едва различалась. Качающегося подобно маятнику Ивана занесло

в траву, и он запнулся о кусок шлакоблока. Вновь шлёпнувшись на землю, мужчина расцарапал ладони и локти о сухие стебли.

Выругавшись, Климов поднялся, отряхнул зелёную рубашку в тонкую чёрную полоску и двинулся дальше.

Миновало порядка сорока минут прежде, чем Иван оказался в Гродске.

Шатаясь по тротуару и демонстрируя глупую нахальную улыбку, выпивоха, дабы не потерять равновесия, цеплялся своими граблями за спешащих по своим делам людей. Одну женщину он даже умудрился заключить в объятия, споткнувшись о неровность асфальта. Прижав даму к стене здания, Климов уставился на её пышные формы, выпирающие из-под расстёгнутого пальто.

– Ого, какие буйки! Можно за них заплывать? – заморожено спросил Иван перепуганную особу, выронившую сетку с яблоками.

– Что Вы себе позволяете, гражданин?! Пустите немедленно!!! – взвизгнула она и попробовала высвободиться, но чудак висел на ней мёртвым грузом.

– Очень хочу помять! – пояснил он, еле ворочая языком. Получив смачную пощёчину, извращенец ослабил и заметил:

– Боевые барышни в моём вкусе! Они будоражат моё пошлое воображение!

Тут на плечо Климова надавила крепкая мужская лапа.

Колени забулдыги подкосились, и он болезненно крикнул. Затем его схватили за грудки, после чего свинцовый кулак плотно врезался ему прямо в челюсть.

Очувившись на асфальте, Иван улицезрел, как дюжий парень принимает благодарность от натерпевшейся женщины и помогает ей собрать в сетку рассыпавшиеся фрукты.

– Твоя удача, ушлёпок, что я пьян! – чертыхнулся обиженный алкоголик и, утерев кровь, выступившую из уголка рта, отполз к забору.

– О, Господи... молю, скажите мне кто-нибудь, что я этого не вижу! – раздался стыдливый голос, и Климов, замерев на четвереньках, задрал голову. Хорошее настроение совсем испарилось. Над ним стоял мужчина лет пятидесяти с проседью в волосах и аккуратно выбритыми усами, Захар Орехов, один из охранников склада, где работал Иван. Встреча, как ни крути, обещала стать не самой приятной.

5

Расстроенный Петя, уперев щёку в кулак, сидел за своей партией на среднем ряду и взирал на узорчатый линолеум, потёртый и грязный. Его переполняла тоска. Ребёнок не понимал, почему отец так жестоко обращался с ним и его мамой, на которую постоянно поднимал свою руку. Ведь раньше он был добрым заботливым человеком, и что заставило его измениться до неузнаваемости оставалось загадкой. Вот уже несколько лет Климов-старший не походил на себя прежнего. Вечно раздражённый и злой, Иван топил свою жизнь в ал-

коголе, нередко срываясь на своих близких, за исключением, разве что, Яны. Дочери папа с избытком дарил любовь и внимание, а к сыну будто бы чувствовал лишь холод и презрение, отчего первенец безмерно страдал. Именно из-за своего неуравновешенного родителя пацанёнок состоял на учёте у инспектора по делам несовершеннолетних в местном отделении милиции и порой участвовал в весьма неприятных беседах.

Елена Валерьевна, классный руководитель 3 “А” класса, что-то объясняла, двигая указкой по доске. Правда, Петя её не слушал. Голос молодой учительницы-комсомолки служил фоном его печального немого монолога. Русский язык – предмет, безусловно, важный, но дурные мысли угнетали мальчика и не давали сосредоточиться на учёбе.

– Ты чего грустишь? – поинтересовалась у Климова соседка по парте, Кристина, милая девочка с парой белоснежных пышных бантов на голове.

Петя, ослабив свой красный пионерский галстук, глубоко вздохнул и продолжил пялиться в пол. Обычно, своей школьной подруге он доверял все секреты, однако о семейных проблемах решил умолчать.

– Что-то случилось? – допытывалась Кристина.

– Я не настроен говорить, – прошептал помрачневший Климов.

– Ну ладно, – пожала плечами девочка и добавила. – Ты, кстати, многое пропустил...завтра у нас самостоятельная по

русскому, а ты даже тему не отметил. Можем после занятий зайти ко мне, чтобы ты переписал урок себе в тетрадь. Мама бы заодно напоила нас чаем с ватрушками...

– Спасибо за предложение, Крис, но не сегодня... – ответил Петя.

– Я просто хотела тебе помочь. А если бы ты поведал мне о том, что тебя тревожит, помогла бы и с этим...

– Сомневаюсь...

– Зато тебе стало бы легче!

– Вряд ли...

– Ну-ка хватит хлюздить! – приказным тоном гаркнула Кристина, вынудив мальчика повернуться и удивлённо посмотреть на неё своими косыми глазами. – Я как лучше стараюсь, а ты закрываешься от меня! Мне это не нравится!

Лицо девочки побагровело, а на лоб упала прядь светло-жёлтых волос. Такой свою подругу Климов никогда не видел. Надутые губки, хмурые бровки... что за прелестной создание!

– Извини, Крис. Я сам не свой...

– Значит так, расскажешь мне всё на перемене в столовой, и мы что-нибудь придумаем, хорошо? А теперь улыбнись, – мягко попросила Кристина, и Петя оголил щербину между двумя верхними зубами.

Тишину коридора нарушил дребезжащий звонок. Урок закончился.

Виктор Бенедиктович поднёс деревянную пиалу с хохломскими узорами к изогнутому носику раритетного медного самовара, затем отвёл кран в сторону, и чаша наполнилась кипятком. Вдохнув ноздрями бодрящий аромат, учёный с наслаждением отхлебнул чая.

Скворцов до сих пор поражался тому, насколько комната, где он сейчас трапезничал, пестрила предметами русской национальной культуры. На полках шкафов красовались матрёшки ручной работы, дымковские игрушки, резные фигурки животных, изделия из малахита и фаянсовая посуда. Даже лапти с кокошником и расписанной под гжель косынкой затесались. На комод, под внушительным стеклянным колпаком, стояли опёршиеся на подставку инструменты: флейта, балалайка и гусли. Стены плотно завешивали картины таких художников как Репин, Шишкин, Айвазовский, Васнецов. Также на них нашлось место портретам прославленных литераторов: Гоголя, Толстого и Пушкина. Под церковную тематику был выделен отдельный уголок, хранящий иконы, кресты, кадила, жезлы и посохи, старинные богослужебные книги и прочую утварь.

Виктор демонстрировал сдержанность, считая, что лучше не форсировать события, чтобы добиться расположения вольготно развалившегося напротив хозяина квартиры, Григория Ежова. Курносый, с усыпанным веснушками лицом, тот выглядел достаточно забавно. Фасон одежды, свисающей с его чересчур изящных конечностей, явно не подходил муж-

чине, под чью тощую комплекцию, наверное, и нарядов-то не шили. “Неужели столь карикатурная личность сыграет ключевую роль в судьбе моего проекта?” – про себя грустно сыронизировал учёный и вдогонку отметил. – “Тем не менее, он приятней Арапова...”.

Галина Гончарова, самая талантливая ученица Скворцова, сидела рядом со своим наставником и жевала баранку с маком, запивая её чаем.

– Я восхищён, Григорий Евгеньевич! – воскликнул Виктор Бенедиктович. – Экспозиция у Вас на зависть!

– Да, – смутился побагровевший Ежов. – Моё увлечение и необузданная страсть! То, что Вы наблюдаете – преимущественно подлинные сокровища прошлого. Я никогда не жалел на них денег. Искусство – бесценно.

– Ваша правда! И, хотя я далёк от подобного, всё же не могу без любопытства созерцать воплощения человеческой гениальности! – и учёный опустошил пиалу затяжным глотком.

– Потому что искусство – неотъемлемая составляющая души всякого из нас. Оттого оно так завораживает... Моя коллекция – не обычные вещи. Нет! Перед Вами частички людей, вложивших свою любовь в изготовление того или иного творения. Это мостики, обеспечивающие нам связь с предками, со своими корнями. Каждый шедевр поистине уникален! Однако я пригласил Вас сюда, чтобы обсудить вопрос посерьёзней.

В груди у Скворцова ёкнуло, и он сипло вымолвил:

– Что ж, я Вас слушаю, Григорий Евгеньевич!

– Пожалуйста, зовите меня Гриша! Мне стукнет лишь тридцать девять, а не восемьдесят.

– Как Вам угодно, Гриша, – и Виктор улыбнулся.

– Замечательно! – одобрил Ежов. – Так вот, я уже давно интересуюсь Вашими грандиозными опытами и в общих чертах в курсе, над чем Вы корпели...

– Хм, странно. Разве сведения не засекречены?

– Не для меня. Я знаю и мотивы, побудившие Вас приступить к своему труду.

– Вот как? – искренне удивился учёный. – Озвучьте Вашу версию...

– Моя версия – Ваш сын, Леонид.

Скворцова будто разразил гром. Он дрогнул и задел локтем Гончарову. Та из-за толчка выронила пиалу и вскрикнула, облив себя горячей жидкостью.

– Галя, прости, я не нарочно! – принялся извиняться Виктор, вытирая своим платком юбку ассистентки. – И Вы, Гриша, не злитесь на трухлявого пня! – сказал учёный уже Ежову. – Похоже, моими стараниями намок Ваш чудесный диван...

– Ерунда, – отмахнулся Григорий и добавил подшефной Скворцова. – Ванная комната слева по коридору.

Женщина поспешно покинула собеседников, направившись к санузлу.

– Как Вы пронюхали о моём мальчике? – изумился Виктор Бенедиктович.

– У меня есть свои методы, – увильнул от прямого ответа Ежов.

– А чего именно Вы хотите от меня? – вкрадчиво осведомился учёный.

– Сотрудничества! Но предварительно, я бы желал детальней вникнуть в Вашу затею. Ведь, решившись стать спонсором, я обязан понимать, во что инвестирую свои кровные. Иначе никак.

Недолго поразмыслив, Скворцов заговорил:

– Всё началось, когда моя ныне покойная жена, Виктория, подарила мне сына. По халатности врачей у него случилась родовая травма, усугубившая гипоксию головного мозга, что в последствие обернулось неизлечимой болезнью, детским церебральным параличом, – тут на глаза Виктора накатили слёзы, и он прервался. По возвращении Гончаровой из ванной учёный продолжил. – Тогда я...я впал в отчаяние, проклиная весь мир...”Но ты же, чёрт подери, академик!” встряхнул я себя и озадачился следующим: “ как помочь Лёне?”. Светлые идеи отказывались посещать мою черепную коробку, но вот однажды мой товарищ прилетел из Америки с невероятной находкой. Он возглавлял археологическую экспедицию, занимавшуюся раскопками в пещере Террифай¹. И они...обнаружили нечто.

¹ – от англ. terrify – устрашать.

– Нечто неведомое человечеству?

– Типа того. Группа наткнулась на остатки существа, господствовавшего на планете около девяноста миллионов лет назад, в Меловой период. Согласно исследованиям, новый вид обладал сильнейшим иммунитетом: ни одна болезнь его не брала, благодаря чему зверь неплохо адаптировался к различным природным изменениям. А способности к регенерации у него оказались, без преувеличения, фантастическими! Помимо прочего мортерид², так мы нарекли нашего древнего симпатыгу, судя по всему, являлся превосходным охотником-одиночкой, с острыми когтями и зубами. Возможно, он произошёл после скрещивания особей из разных сред обитания, представителей воды и суши, о чём свидетельствовало наличие у него как жабр, так и лёгких...

– Теперь я точно не усну, ломая воображение сценой совокупления сухопутной и морской ящериц, своим союзом создавших идеального хищного динозавра.

– Я не отношу мортерида к динозаврам, но у него, несомненно, имелись с ними определённые сходства, вроде шипов на спине...

– И что же дальше?

– Я взял образцы ДНК из костной ткани зверя в попытке синтезировать лекарство на его основе: такое, что исцелит Лёню без побочных эффектов...

– По мне проще колдовать с биологическим материалом

² – от франц. mortelle – смертоносный и hybride – гибрид.

известных науке тварей...

– Я учёный, Гриша, и смотрю на проблемы глобальной остальных...

– Всё равно я не вижу причин изучать окаменелости...

– Регенерация подразумевает под собой лишь возмещение утраченной части тела другой, причём, порой отличающейся от исходной. Гены таких существ целесообразно применять, когда пациенту надлежит вернуть руку или ногу, но они абсолютно бесполезны в случаях неврологических нарушений, требующих обновления пострадавших клеток здоровыми. Здесь нужен организм совершенней – мортерид. Информация, добытая из его остатков, реанимирует не только моего сына! Она послужит базой для препарата, что устранил любые отклонения: как физические, так и психические! Больше не будет неполноценных людей, Гриша! Никто впредь не ощутит себя обделённым или ущербным!

Ежов закивал, словно китайский болванчик, и захлопал в ладоши:

– Да, масштабность Ваших планов зашкаливает! Обзаведясь сывороткой, мы организуем производство снадобья, которое целиком заменит ассортимент аптечных стеллажей!

– То есть Вы готовы оплатить проект? – с надеждой произнёс Скворцов.

– Готов! Но при одном условии...

– Каком? – насторожился Виктор и замер в ожидании.

– Вам здоровье пацанёнка и семейное счастье, а мне – лав-

ры и выручка!

– Намереваетесь присвоить моё открытие себе и единолично получать прибыль? – конкретизировал учёный, взирая на Григория, в то время как на него самого тарасилась возмущённая Галина, мимикой иллюстрирующая своё недовольство и раздражённость.

– В яблочко! – подтвердил Ежов. – Мне необходим высокий статус и вытекающее из него влияние. Мои цели при этом куда благородней, нежели Вы себе надумали. Поверьте, средства с продаж зелья пойдут на хорошее дело.

– Мне плевать на все богатства, за исключением одного – моего ребёнка! Отсутствие денег и признания мировой общественности мне по боку!

– Bravo! Речь настоящего отца!

– А из каких закровов Вы наскребёте сумму на мои эксперименты?

– У меня остались сбережения от нажитого прежде состояния. Большую долю бюджета я растранижил. Собственно, за тем я к Вам и обратился – мне нужна сенсация, дабы поправить плачевное финансовое положение. Увы, на данном этапе я рискую потерять всё до копейки, отдавая последний кусок пирога Вам. Однако отчего-то во мне присутствует необъяснимое спокойствие и убеждение, что наш тандем принесёт плоды и нам с Вашим дитём удастся твёрдо встать на ноги: мне – фигурально, а Лёне – буквально... Ну так что, Вас устраивает моё предложение? – и Григорий нетерпеливо

протянул Виктору пятерню. Тот недоверчиво её пожал.

7

От Ивана страшно разило перегаром и бомжатиной. Захар до последнего оправдывал его перед начальником, считая, что коллега образумился и имеет уважительные причины неявки на работу, но теперь, в очередной раз убедившись в обратном, ощущал, как буквально закипает от злости.

– Ах ты, пьянь подзаборная! – сквозь зубы процедил Орехов, стараясь не кричать при людях. – Ты посмотри на себя! Посмотри, в какое убожество ты превратился! Давай быстро поднимайся и не позорься!

Вперившись в сменщика возмущёнными красными глазами, Климов потёр ладонью разболевшуюся челюсть и буркнул:

– Слышь, Захар, следи за базаром! Усёк? Иди куда шёл и не трогай меня! Порти настроение кому-нибудь другому!

– Я тебе настроение, значит, порчу??! – обалдел Орехов, сжимая кулаки. – Да я за тебя глотку рвал перед Гордеем Ефимовичем, а ты тем временем, оказывается, упивался в сиську!

– Вручите герою медаль! – гоготнув, обратился Иван к прохожим. – Он себе чёт там порвал!

– Сворачивай цирк, клоун!

– Не могу, пока на арене кляча! – огрызнулся забулдыга и попытался отползти от Захара. Безрезультатно. Немолодой мужчина оперативно подтащил его за шкуру к себе.

– Да ты в край охренел!!! – выпалил Орехов и, вцепившись за грудки давящемуся слюной Климову, принялся его трясти. – Что, скажи мне, за сволочь прогуляла сегодня дежурство?! А два дня назад?! Ткни в эту мразь пальцем!!! Покажи мне её!!!

– Отвянь, чёртов псих! – брыкаясь, проскулил Иван. – Не лезь в душу, и так гадко!

– Гадко мне при виде тебя! Никакой силы воли, никакого чувства собственного достоинства! Вставай, говорю!!!

И Захар, взяв Климова подмышки, попробовал вернуть его на ноги, однако алкаш оттолкнул Орехова и шмякнулся навзничь, распластавшись поперёк тротуара.

– Совсем невменяемый??! Пойми, из-за тебя нам с Лёшей Трофимовым приходится пахать сутки через сутки!

– Седалища ещё не затекли так вкалывать?

– Всё же ты, Ваня, прожжённый эгоист! И как только такого терпит жена?

– Не тебе, старый сморчок, судить меня! А про мою вертлюжку ты лучше помалкивай! Ты ничего не знаешь! Ничего! – всхлипывая, разорвался готовый заплакать Климов. – Моя супруга – булыжник, что погружает меня на дно! Из-за неё я до такого докатился! Тебе невдомёк, насколько я несчастен!

– Жалеть себя будешь дома, а сейчас марш в офис – объяснить начальнику, где тебя носит! Хватит валять дурака, по-человечески прошу! – и Захар протянул Ивану пятерню, но

тот проигнорировал дружеский жест, гордо заявив:

– Ни на дюйм не сдвинусь!

– Ну, торчи тогда тут, пускай свою никчёмную жизнь под откос!

– Твоего разрешения мне не требовалось, – прогнусавил Климов, почёсывая яйца.

– А мне не потребуется твоего, чтобы помочь Гордею Ефимовичу найти на должность третьего охранника более ответственного сотрудника. Мне порядком поднадоело покрывать твоё разгильдяйство в ущерб себе и Лёше, поэтому...штудируй вакансии!

Завершив беседу, Орехов устремился прочь, как его вдруг окликнул разместившийся на асфальте Иван:

– Нет, ты не посмеешь, сука!

Захар остановился, обернулся и ледяным тоном ответил:

– Посмею, поверь! Ведь ты одна сплошная язва, которая, я надеюсь, очень скоро захлебнётся дешёвой водкой и своей же блевотиной!

И Орехов зашагал дальше. Притормозив у перекрёстка с неисправным светофором, он дождался сигнала постового-регулирующего с полосатым жезлом, переметнулся на противоположную сторону улицы и юркнул за угол здания.

Насупившийся Климов проводил его остервенелым взглядом и сипло прошептал:

– Я убью тебя!!!

Предварительно вымыв руки, 3 “А” класс вошёл в шумную столовую 43 школы колонной по двое и ринулся к раздаточной, где суетилась повариха в белом колпаке.

На сей раз Пете повезло: он получил свою порцию в числе первых и проследовал к столику у окна. Дождавшись Кристину, мальчик с огорчением пронаблюдал, как к ним подсаживаются самые отъявленные хулиганы: сын директрисы Антон Петухов и его дружок Наиль Бабаев. Второго из-за отвратительного поведения и удручающей успеваемости даже не приняли в пионеры.

У Климова тут же пропал аппетит, но он всё же употребил бутерброд с сыром и запил его горячим какао, чтобы скрыть своё внутреннее напряжение.

Наиль же тем временем схватил сосиску и, размахивая ей, заключил под дебильный гогот:

– На разваренный член похожа!

Антон поддержал товарища таким же идиотским смехом, отчего из его рта вывалился зелёный горошек, превратившийся в кашицу.

– А это на блевотину, – прокомментировал Бабаев и заржал пуще прежнего, брызжа фонтанами слюны.

– Где Ваши манеры? – интеллигентно осведомилась Кристина.

– Захлопни свой писькин домик, или я сделаю из него хот-дог! – огрызнулся Наиль.

– Дурак! – обиделась Рубцова.

– Зачем досаждаешь девчонке? – вклинился Гена Сюртуков, мгновением ранее устроившийся рядом с задирами. Ему давно нравилась Кристина, и он не пренебрегал возможностью проявить себя перед ней в надежде уловить в её глазах взаимность.

– Тебя не трогают – молчи, пока зубы целые, – угрожающе посоветовал Бабаев.

– Ты лучше за свои гнилые пеньки переживай, иначе вытряхну их тебе в ладошку! – сказал Гена и покосился на хмурю Рубцову, оценивая, какое впечатление на неё произвёл. Он мечтал занять место Пети за одной партой с Кристиной и попутно избавиться от общества своей нынешней соседки, толстушки Анфисы, поглощающей булочки прямо на уроках, вечно жующей сопли из-за хронической простуды и издающей звуки, напоминающие хрюканье.

– Интересно, он способен ответить за свои слова? – хмыкнул Петухов, пялясь на Наиля.

– Ща проверим, – осклабился тот и, привстав, плюнул Сюртукову в тарелку, которую разъярённый Гена оперативно взял и вlepил в лицо оппонента, обмазывая его кожу рыхлым горохом со склизкой сосиской.

– Жри свою харчу, верблюд!

Далее градус накала быстро возрос, и началась настоящая бойня. Оскорблённый Бабаев пустил в ход стул, обрушив его на макушку Сюртукова, шлёпнувшегося на мраморный пол и пролившего первую кровь, заструившуюся по виску. Одна-

ко разбитая голова не помешала Гене продолжить баталию. Воспользовавшись тем, что Наиль отвлёкся на панически закричавшую Рубцову, он вытер нарисовавшиеся от боли слёзы, вскочил на ноги, вцепился в водолазку неприятеля и, силой подтянув того к панорамному окну, протаранил его лбом стекло.

Потасовку увидела учительница ребят, Елена Валерьевна. Поперхнувшись, она незамедлительно поспешила к своим подопечным, проталкиваясь сквозь толпу любопытных детей, плотным кольцом окруживших дерущихся. Ради столь захватывающего зрелища все побросали трапезу, стараясь расположиться поближе к эпицентру событий, и лишь Петя остался в стороне, сгорая от стыда, что не поборол в себе страх и не заступился за Кристину, хотя должен был.

Помещение заполнил гул жестокой малолетней публики, и Климову казалось, будто он подвергся массовому порицанию за свою трусость, что все взгляды в данный момент устремлены на него. В действительности же, мальчик одиноко замер у буфета, уставившись на носки собственных ботинок, а неразбериха творилась напротив него.

Вскоре возмутителей спокойствия растащили, и Елена Валерьевна затеяла разъяснительную беседу. Послышались всхлипы и гундёж Бабаева, за ними – причитания Сюртукова. Скопление школьников, гонимых преподавателями и поварами, постепенно рассосалось.

– Петя! – окликнула Климова классная руководительни-

ца, достучавшись до его угнетённого сознания. – Сопроводите с Антоном наших грубиянов в медпункт! Во избежание повторной стычки...

9

Конечно, Скворцов сожалел, что его заслуги в генетике присвоит какой-то недотёпа Ежов, однако отцовские чувства в данном случае играли ведущую роль, и Виктор ни на миг не усомнился в правильности принятого решения.

Да, ему пришлось выслушать кучу возмущений от Галины, считавшей, что Григорий обязан как минимум разделить успех с её наставником. Но учёный объяснил своей пылкой помощнице, что они сейчас не в том положении, чтобы выдвигать свои условия и вредничать. Проект и без того оказался под угрозой срыва, а без спонсора продолжать какие-либо эксперименты представлялось бессмысленным.

Спустя час по завершении чаепития Скворцов с Ежовым брели по городской набережной, вдоль которой возвышались фонари, мрачные и унылые на фоне пасмурного неба. Виктор каждой клеточкой тела ощутил холод, исходящий от их металла, и его пробрала дрожь. Засунув руки в карманы своего тёмно-коричневого осеннего пальто, он посмотрел на раскинувшуюся справа клумбу с увядающими цветами, откуда ветер выдувал жухлые лепестки и гонял по граниту. Гербарий суматошно метался под ногами, словно пытаясь зацепиться за сушу, однако вихрь яростно отправлял его за ограду в виде соединённых между собой канатом чу-

гунных столбиков, где тревожно шумело море.

На сердце учёного вдруг накатила щемящая тоска подобно тому, как накатывали гребешки волн на острые камни береговой линии, и мужчина невольно вздохнул.

– Что-то не так, Виктор Бенедиктович? – спросил Григорий.

– Всё в порядке, – отрешённо отозвался Скворцов. – Просто иногда меня обуревают грусть. Совершенно неожиданно, без всяких причин.

– Вы несколько минут гипнотизируете убогий палисадник. О чём-то переживаете?

– Уже семь лет об одном и том же, – ответил учёный.

– Понимаю, – протянул Ежов и предложил. – Присядем?

Виктор утвердительно кивнул, и они заняли деревянную лакированную скамью.

Григорий не спеша извлёк из-за пазухи чёрствую корочку белого хлеба и начал крошить её перед собой. На угощение слетелась свора голубей, и стала жадно заглатывать пищу, нещадно долбя клювами по облицовке.

– Так я обретаю успокоение! – мечтательно произнёс Ежов. – Мне нравятся птицы, особенно эти...

– Лично мне импонируют воробьи. Держу пари, они смекалистей Ваших прожор, – предположил Скворцов.

Ненадолго повисла пауза, позволившая Григорию насладиться воркованием пернатых и хлопаньем их крыльев.

– Если честно, я восхищаюсь Вами, Виктор Бенедикто-

вич! – изрёк Ежов и отряхнул ладони, когда горбушка закончилась. – Вы могли отказаться от своего больного сына, ведь с таким ребёнком весьма тяжело!

– Мог отказаться от самого дорогого, что у меня есть?! – удивился учёный. – Прошу, Гриша, впредь не говорите столь ужасного вздора! Лёня – моё бесценное сокровище! Тот, ради кого я живу и кого не посмею оставить...

– Вы прекрасный отец! Мне б такого!

– Разве собственный Вас не устраивает?

– Я никогда не получал от него должного внимания и часто задумывался, а любит ли он меня?

– И что же уразумели в итоге? – поинтересовался Скворцов.

– Боюсь, я его до сих пор не разгадал, – поднял брови Ежов и едва заметно улыбнулся. – А Ваши родители? Как они относились к Вам?

– Мама воспитывала меня одна. Она дала мне всё и даже больше. Вот только отплатить ей той же монетой мне, увы, уже не удастся...

– Как и жене, полагаю. Отчего она умерла?

– Я бы не хотел ворошить те воспоминания...

– И всё же...

– После известия о том, что у нашего мальчика церебральный паралич, моя супруга... вскрыла себе вену, – поведал Виктор, устремив вниз пустой взгляд.

– Соболезную... – траурным тоном просипел Григорий. –

Её поступок явно не из благородных, хотя...не мне судить. Зато Ваши намерения трогают меня до глубины души! Кстати...я ещё не озвучивал Вам координаты Вашей новой лаборатории?

– Нет.

– Местечко, уж поверьте, живописное и отдалённое от людей! Идеальный вариант для скорейшего достижения результата!

– Оно не в Гродске?

– Угу. Речь о пионерском лагере “Тайник Лешего”.

– Необычно. И куда Вы меня там пристроите?

– В лучший из корпусов! У меня имеется всё оборудование, и я позабочусь о том, чтобы его доставили в лагерь в ближайшие дни! Вам лишь понадобится взять свои наработки, упаковать вещи и...в путь!

– Сына я повезу с собой! И двух ассистенток тоже! – предупредил учёный.

– Само собой! – согласился Ежов.

– А директор учреждения осведомлён о роде нашей деятельности?

– Естественно! Я отстегнул ей нехилую сумму: за аренду помещения и за хранение молчания...

– Всё-то у Вас на мази!

– Я человек дела! Сколько времени Вам потребуется на сборы?

– К завтрашнему утру буду готов!

– Тогда к чему медлить? – бодро сказал Григорий и про-
сиял.

10

Оставив Гену и Наиля на попечение доброй женщи-
ны-врачихи, Петя на пару с Антоном добежали до своего
классного кабинета, расположенного на втором этаже на-
чальной школы.

– Пошустрее, ребята! – поторопила их Елена Валерьевна,
и мальчики устремились на свои места.

Климов устроился рядом с Кристиной и, приготовившись
к математике, сосредоточился на объяснениях учительницы
касаемо самостоятельной работы. Неожиданно соседка пих-
нула его локтем и, с трудом подавляя смех, указала кивком
на ученика, сидящего перед ними на первой парте, у которой
вплотную стояла педагог.

Петя приковал своё внимание к пацанёнку и, посмотрев
на его обувь, понял, почему Рубцовой сделалось так весело.
На носке чёрного ботинка, выставленного вперёд и установ-
ленного между ногами Елены Валерьевны, блестел кусочек
зеркала, куда пялился школяр.

– Интересно, что же Влад увидел под юбкой нашей кла-
ни? – украдкой хихикнула Кристина.

– Когда он соорудил своё любопытное приспособление? –
удивился заулыбавшийся Климов.

– На перемене, во время потасовки в столовой, – поведала
Рубцова. – Как кстати проводили наших забияк?

– Нормально. Наиль рыдал, словно младенец...

– Заслуженно! Из-за него мы так и не побеседовали о твоей проблеме.

– Наверное, я этому даже рад. Мне не хочется обсуждать своих родителей...

– Родителей? А что они?

– Сказал же, у меня нет желания о них говорить...

– Петя, Кристина, уберите всё, кроме пенала! Сколько можно повторять? – строго произнесла преподаватель, принявшаяся разносить двойные листочки в клеточку, и Климов с подружкой покорно погрузили учебники с тетрадами в ранцы.

На доске, под темой “Умножение и деление”, следовали выведенные белым мелом задания по вариантам, и Петя приступил к решению своего. Мальчиком он был умным и покладистым, поэтому проверка усвоенного материала его не пугала, а, наоборот, раззадоривала.

Вскоре ребёнок утопил в расчётах весь черновик и, подняв руку, попросил у учительницы дополнительный.

Оторваться от вычислений Климова заставил шёпот, принадлежавший закоренелому двоечнику Петухову. Убедившись, что Елена Валерьевна увлечена заполнением журнала, Петя обернулся:

– Чего?

– Помоги, – обратился к отличнику Антон, прижавшись к парте и опасливо глядя на педагога.

– Я сам в процессе, – отозвался Климов, стгорая от чудовищного раздражения.

– Насрать! – настаивал беспардонный Петухов.

– Нас же спалят! И тогда обоим колы! – возмутился Петя, повысив голос.

– Да не кричи ты так, дурак! – рассердился Антон. – Меня ведь подставляешь!

– Тишину организуйте! – прекратила шушуканья преподаватель, громко постучав по столу карандашом.

Климов вновь уткнулся в свою работу, собрался с мыслями, и тут его в шею шлёпнул мокрый комок бумаги, плевком запущенный Петуховым из корпуса ручки. Петя побагровел от злости, но не огрызнулся, так как боялся Антона.

– Эй, не ломайся, как девчонка! – прошипел задира.

– Позволь мне спокойно закончить и получишь листочек! – сдался Климов.

– Я не успею, болван! Мне достаточно и половины! Дай скатать, иначе отхватишь по хавальнику! – и Петухов пригрозил Пете кулаком.

Данный шантаж так сильно задел Климова, что он, достигнув точки кипения, зарёкся впредь не допускать списывания своих знаний как под копирку всякими тупыми бездельниками.

– Хорошо! – сквозь зубы согласился Петя и добавил. – Только я просто продиктую, ладно? У меня есть первое, второе и четвёртое задания...

– Супер! – просветлел Антон и стал слушать Климова, озвучившего выдуманные на ходу ложные ответы.

– Отметил?

– Четвёртое ещё!

– Там десять, – соврал Петя.

– Пока живи! – смиловался Петухов, и Климов вернулся к тесту.

Однако теперь ему мешала всё нарастающая тревога. Антону явно влепят “неуд”, и негодяй заподозрит, что его обманули. И как тогда перед ним оправдываться, чтобы сгладить углы?

Дверь со скрипом открылась, и на пороге кабинета нарисовались Сюртуков с Бабаевым. Порезанное и опухшее лицо Наиля сразу бросалось в глаза.

– Где так долго пропадали?! – осведомилась учительница. – Вряд ли у медика... Целый урок пролетел!

– У медика! – возразил Бабаев, состряпав кислую мину, и Гена поддержал его.

– Что ж, в таком случае займётесь самостоятельной завтра, – заключила Елена Валерьевна, и в тот же миг противно задребезжал звонок.

11

Протрезвев, Иван Климов доковылял до детской городской библиотеки, на боковой стене которой располагался таксофон под голубым козырьком. Мужчина пошарил в карманах своих штанов в поисках монетки, однако обнаружил

там лишь крупные дыры. Выругавшись, он занял позицию у фасада здания и принялся клянчить мелочь у выходящих оттуда людей. Правда, практически все отпрядывали от столь неопрятного человека, демонстрируя к нему полное отвращение. Единственным, кто смиловался над несчастным, оказался двенадцатилетний мальчик с игрушечным пистолетом, заткнутым за пояс.

– Только Вы, дядя, не тратьте денежку на скверные дела, – настоятельно попросил он Ивана.

– Ни в коем разе, – ответил Климов и схватился за пульсирующую голову.

– Вам плохо? – осведомился сорванец.

– Башка раскалывается! – просипел Иван, зажмурив глаза.

– Вас довести до больницы? – проявил равнодушие пацанёнок.

– Ты славный малый! Но не стоит! Это после пьянки, – растолковал Климов.

– Вот видите, от выпивки ничего хорошего! У Вас есть повод задуматься!

– Как тебя зовут, прилипала?

– Генерал-майор Паша Сергеев к Вашим услугам, – отдав честь, отрапортовал мальчишка и вытащил своё пластмассовое оружие.

– Ох, генерал-майор! Не пристрелишь, если скажу, что не дорос пока?

– Может, ещё и не дорос. Однако я обязательно стану милиционером, как мой дедушка!

– Так себе мечта! Из тебя же воспитают очередного подонка в погонах. А их на дух не переносят!

– Нет, я не буду таким! – оспорил Паша и добавил. – В общем, я помчал! Удачного дня, сэр! – и ребёнок беззаботно поскакал по кирпичной тропинке, вливающейся в тротуар.

– Да, удачного мне дня, – прошептал мужчина и вернулся к таксофону.

Сняв трубку, он опустил монетку в специальную прорезь и набрал нужный номер.

– *Офис компании по реализации домашней мебели и стройматериалов “С комфортом”, здравствуйте!* – вежливо отчеканила администратор с другого конца провода.

– Привет, Гузель! Иван на связи. Соедини меня со своим шефом...

– *Секундочку,* – проверещал всё тот же добрый голос, через мгновение сменившийся грубым мужским:

– *Я Вас слушаю!*

– Здарова, Харитон...

– *Ооо, Ваня?!* – удивлённо прошипело в динамике. – *Какой сюрприз! Неужели рак на горе свистнул?*

Не оценивший шутку Климов фыркнул и сообщил:

– Я готов с тобой договориться при условии достойной оплаты! Ведь, сотворив подобное, я лишусь своего постоянного заработка и в придачу подвергну угрозе собственную

безопасность!

– *Здесь даже не сомневайся. Риск окупится вдвойне!* – обнадёжил Харитон. – *К тому же, тебя бы один фиг уволили. С твоим-то списком нарушений!*

– Не отрицаю! Признаться, мне самому жутко обрыгло терпеть своего напыщенного начальничка и ублюдков-коллег! В частности, Захара! Его я пришью с особым пристрастием!

– *Изоцряйся, как угодно! Главное, спали склад дотла, и постарайся не оставить улики!*

– Без проблем! – пообещал Иван. – Но предварительно я хочу получить половину суммы как гарантию доверительно-го сотрудничества!

– *Притормози, дружок! Сперва тридцать процентов, остальное по факту!*

– Сорок! – устроил торги Климов.

– *Тридцать пять!*

Прозвучал гудок, предупреждающий о том, что лимит звонка завершается, и Ивану пришлось поспешно согласиться на тридцать пять процентов:

– Ладно, по рукам. Жди меня завтра у себя в офисе! – и Климов повесил трубку на держатель.

12

Пятница, девятое октября

При виде Леонида, сына Виктора Бенедиктовича, Ежову стало не по себе.

Разделённые вдавленным коротким носом с оттопыренным кончиком и ассиметричными ноздрями серо-голубые ввалившиеся глаза мальчика, под которыми выделялись тёмные круги и глубокие впадины, косились в разных направлениях. И если правый хоть как-то вращался и фокусировался на объектах, то с левым, чей пустой мертвецкий взгляд вызывал неприятные ассоциации, всё было гораздо хуже: он всегда находился в задранном строго вверх положении.

Будто неумело прилепленная на тонкую шею тяжёлая голова ребёнка, диспропорциональная маленькому хилому туловищу, напоминала арбуз и в основном лежала на груди, подпирающей её. Отсюда Лёня зачастую смотрел исподлобья.

Руки, эти кости, просвечивающие сквозь бледную кожу, испещрённую овальными пигментными пятнами, также отличались друг от друга. Правая, чьи пальцы коряво скрючились, застыла под углом и не разгибалась в локте и кисти, свисающей вниз. Левая же отнялась у мальчика пару лет назад и болталась плетью. По итогу, ребёнок полностью лишился самостоятельности. Способность ходить он утратил ещё младенцем. За годы жизни его ноги превратились в спички и атрофировались, приковав бедолагу к инвалидному креслу.

Змееподобные извивающиеся движения Лёни давались ему с огромным трудом. Во время мышечных спазмов, порой очень длительных и сильных, он конвульсивно дёргался,

что пугало тех, кто не привык к столь жутким зрелищам.

Парализованный язык мальчика, торчащий изо рта и при том заметно отведённый в сторону, делал невозможным нормальную речь, что собственно у сына Скворцова и отсутствовало. Он общался мычанием, где чётко расшифровывалась лишь интонация, позволяющая определить эмоции ребёнка. Когда ему что-то требовалось, пацанёнок просто выпускал невнятные звуки или тормозил того, к кому обращался, за одежду.

Лёню бережно угнездили по центру заднего сиденья чёрной “Волги”, а по бокам устроились Виктор Бенедиктович и Галина Гончарова. Григорий плюхнулся рядом с шофёром в фуражке, хмурым дядькой в безукоризненном костюме цвета своего железного коня. Вторая ассистентка учёного, Нина Князева, задерживалась в городе и её появление в “Тайнике Лешего” ожидалось со дня на день.

Машина устремилась к выезду из квартала, влилась в автомобильный трафик, поравнялась с дребезжащим по рельсам двухвагонным трамваем и, пропустив его, пересекла перекрёсток.

– Думаю, к работе Вы приступите через трое-четверо суток, – нарушил молчание Ежов, почесав подбородок. – Фура с первой партией оборудования отправилась в лагерь рано утром.

– Замечательно! – одобрил Скворцов. – Чем скорее начнём, тем лучше...

– Несомненно! А пока мы готовим Вашу скромную лабораторию, ловите момент – наслаждайтесь природой!

– Я обязательно включу прогулки в своё расписание. Чтобы мозг регулярно оставался трезвым, ему иногда нужна ободряющая перезагрузка...

За окном “Волги” пронесились донельзя наскучившие и весьма унылые пейзажи каменных джунглей. По улицам точно куча муравьёв монотонно сновали люди, а мостовые забили коптящие атмосферу транспортные средства.

Не блещущие архитектурными изысками здания закончились, и машина покинула пределы Гродска. Здесь, на трассе, поток рассосался, поэтому водитель поддал газу, периодически совершая обгоны.

Внезапно, “Волга” резко затормозила, и трущиеся об асфальт покрышки противно завизжали.

СКРИИИИ

Несчастный Леонид улетел вперёд, врубившись в костяшки пальцев пятерни шофёра, сжимающей рычаг коробки передач. Из ноздрей инвалида хлынула кровь, и он в слезах замычал, транслируя, насколько ему больно.

Встревоженный отец в панике поднял своё чадо и вернул на место.

– Боже, Лёночка...ты мой золотой... – лепетал Виктор дрожащим голосом, ласково поглаживая всхлипывающее дитя по волосам. – Платок, срочно!

Галина засуетилась и, порыскав по карманам брюк, нашла

там замызганный кусочек ткани. Скворцов выхватил его у своей помощницы и принялся судорожно вытирать ребёнку лицо.

– Тупорылый скот, – выругался водитель на стоящих поперёк дороги жующих коров, хлестающих себя хвостами с целью отогнать мух и мошек. – Убирайтесь в поле, какого хрена выперлись? – и шофёр посигналил животным.

БИИИП! БИИ БИИИП! БИП! БИП! БИИИП!

– Кузьмин, у нас есть вода? – осведомился Григорий.

– Да, бутыл в багажнике, – откликнулся водитель, увлечённо бибикающий копытным.

– Достань-ка, – распорядился Ежов. – И прекрати нервировать стадо какофонией клаксонов!

– Ладно, – покорно ответил шофёр, скатил автомобиль с шоссе и вышел на воздух, куда тотчас вынесли и Лёню.

Жидкостью из бутылки, что притащил Кузьмин, мальчику промыли нос. Разбавленная бурая субстанция с ошмётками из козюлек окропила землю и пропитала рубашку инвалида, фыркающего словно бурундук.

– Перекурим ещё чуть-чуть? – попросил учёный, утопивший сына в объятиях. – У Лёни плохая свёртываемость крови...

– Конечно, – кивнул Григорий, пока водитель отдраивал запачканный салон “Волги”. – Тем более рогатая братия не торопится со своим шествием...

Едва ребёнку похорошело, компания продолжила свой

путь к “Тайнику Лешего”.

13

По коридорам школы продребезжал звонок.

Дети выровнялись около своих парт. Елена Валерьевна поприветствовала учеников, и те устроились на своих местах. Сев за свой стол, заваленный кипой тетрадей, девушка пододвинула к себе журнал 3 “А” класса и открыла его.

– Хочу начать урок с обсуждения результатов самостоятельной по математике, – от данного анонса Климов произвольно похолодел и обернулся на третий ряд, где Петухов беззаботно ковырялся в носу. – В целом...недурно! Многие усердно постарались! Отмечу Петю Климова и Люду Карачаеву! У них, как всегда, “отлично”! И что самое главное, посмотрите на аккуратное оформление! – и Елена Валерьевна продемонстрировала листочек Пети остальным. – Вот как следует подходить к зачётам! Здесь просто не за что зацепиться! Такой каллиграфический почерк – сплошное удовольствие для любого преподавателя, чего нельзя сказать о каракулях Антона, – и учительница устала на хулигана.

– Елена Валерьевна, что Вам опять не нравится? – поинтересовался Петухов, переглянувшись с Климовым. – Я заслужил хорошую оценку!

– Заработать двойку тоже достижение! – сыронизировала педагог.

– Д-д-двойку? – переспросил Антон, ошарашенно прижав со стула.

– Именно!

Петя сглотнул слюну, по-настоящему пожалев о том, что околпачил Петухова. Ведь при таком раскладе ему определённо не избежать стычки с Антоном.

– Я требую, чтобы Вы перепроверили мой тест! Вы что-то перепутали, – растерянно бадался Петухов.

– Ты уверен, что я ошиблась с выставленным баллом? – удивилась учительница.

– На сто процентов! – убеждал Антон.

– Тогда, ступай к доске! – улыбнулась Петухову преподаватель.

– Зачем? – испугался Антон.

– Ты же не согласен со мной. Потому, дерзай! Докажи мне, что я сплеховала!

– Честно, я уже не гарантирую, что у меня всё идеально...

– Я не желаю, чтобы ты хоронил свой потенциал, так что сейчас решишь мне четвёртую задачку!

– Елена Валерьевна, пошутили и хватит!

– Я не шучу! – сурово обрубила педагог. – Вы, товарищ Петухов, мой ученик, а ведёте себя, будто я Ваша подружка!

– Впредь не повторится... – пробубнил Антон.

– Чудно! А теперь вооружайся мелом! – настояла учительница, и Петухов, вздохнув, зашагал, куда велено, как на расстрел.

Климов поймал себя на мысли, что ему приятно наблюдать за тем, как Елены Валерьевна ругает Антона. Пете гре-

ло душу подавленное состояние побледневшего негодника, на чьём лице читались смятение и безнадёжность.

– Для приготовления варенья купили четыре пакета сахара. В каждом из них по два килограмма. Сколько килограммов сахара приобрели для приготовления варенья? – продиктовала преподаватель.

– Речь о бабушкиных запасах? – переминаясь с ноги на ногу, натужно сдохмил почёсывающий репу Петухов.

– Где краткая запись условия, остряк? – уточнила педагог.

– Краткие записи для глупых... я-то в уме вычислял...

– Раз так, объясни ребятам, которые не столь гениальны в математике, свой способ.

– Ответ – один, – ляпнул Антон.

– Почему?

– Дык какой мандавошке усрались четыре пакета сахара? Жопа же слипнется!

– Что за мусор выпорхнул из твоего рта, Петухов?!

– Ну а чё? Я бы реально в варенье не кинул больше одного кило сахара, – растолковал Антон и подметил. – Сладость – это гадость!

– Если не угомонишься, вообще кол влеплю! – страшила Елена Валерьевна. – Даю тебе последнюю возможность! Итак, пятая задачка: чтобы заполнить три бутылки, нужно тридцать литров воды. Сколько литров воды понадобится, чтобы заполнить девять таких же бутылей?

– Да, поди, дохера, – спровоцировав хохот однокашников,

предположил Петухов.

– Твоя мама не в восторге, когда её дёргают, но мне придётся пригласить её, – лопнуло терпение учительницы, отправившей одну из девочек за директрисой.

– Только не маму! – разразился диким плачем Антон.

Для Климова свершился невероятный триумф! Все давно смекнули, кто такая Петухова Валентина Романовна – строгая, порой чересчур, женщина. Время от времени возникало впечатление, что она не особо любит детей и обожает чихвостить их даже за самые мелкие нарушения порядка. Сын не являлся исключением, скорей, наоборот, был основным объектом её придирок. Причина таилась в том, что после развода с мужем Антон перебрался к отцу, оставив мать ни с чем и сильно взбесив её.

Дверь кабинета резко распахнулась, и в проёме материализовался силуэт крупной дамы, чей грубый басистый тембр заставил Петухова вздрогнуть, икнуть и перестать рыдать.

– Доброе утро, Елена Валерьевна! – обратилась она к преподавателю.

– Здравствуйте, Валентина Романовна, – отозвалась девушка.

– Вижу, моё чадушко опять накуролесило, – и директриса скривилась в хищном оскале.

– Да, Антон некультурно выражался и пререкался со мной, вместо того, чтобы исправить неуд, полученный за самостоятельную! – поведала педагог.

В классе воцарилась гробовая тишина. За окном среди тёмных туч, заволокших небо, вспыхнула молния, и раздался раскатистый звук грома. Секунды спустя, по металлической крыше, стёклам и козырькам школы затарабанил косой дождь. Порывистый ветер, меняющий направление, принялся бесчинствовать на улице, мотыляя деревья из стороны в сторону и взьерошивая их поредевшие кроны.

– Ты в очередной раз опозорил меня! – проревела Валентина Романовна. – Давай мне свой ремень и оголяй задницу! Не мне же одной обтекать на публику?

– Мама, прости меня... я не специально...

– Замолчи!

– Мааам, – захлёбывался соплями Петухов.

– Я думаю, не за чем... – попыталась остановить директрису обеспокоенная Елена Валерьевна, на что та буркнула:

– У меня свои методы воспитания!

Антон понял, что уговоры бесполезны, и, вручив матери кожаный пояс, под новую волну смешков медленно спустил брюки до колен.

– Плавки тоже! – скорректировала Валентина Романовна, и её сын, всхлипнув, выполнил команду. – Замечательно! Наклоняйся!

Петя помрачнел. Вся его злоба к Петухову внезапно испарилась, растворившись в чувстве вины.

“Боже! Что я наделал?” – корил себя Климов.

Сжатые губы Антона затряслись. Ожидание постыдного

наказания тянулось подобно вязкой патоке, пока в воздухе не засвистел ремень.

ШЛЁП!

Петухов ощутил, как зажгло булки. Ещё удар, и на попе образовалась красная полоска. Затем ребёнка хлестанули снова, и снова...

Мальчик не помнил, кричал ли он или цедил болезненные стоны через зубы. Одно лишь ему представлялось крайне чётко – он издевательски унижен и буквально втоптан в грязь! Мать...как же Антон её ненавидел! Тварь...мерзкая тварь и садистка!

Осознание же того, кто истинный автор случившегося, посетило Петухова в момент, когда его взор проскользил мимо Пети с Кристиной. Вот источник беды – сортирное ничтожество Климов!

Порка прекратилась. Антон, хныкая, поднял трусы со штанами до бёдер и застегнул ширинку с пуговицей.

– Надеюсь, пройденный материал усвоен? – осведомилась директриса.

– Усвоен, – кивнул Петухов и шёпотом добавил. – А кое-кому только предстоит его пройти...

14

Вернувшись в съёмную квартиру после очередной ночи, проведённой в компании дорогих диванов, Алексей избавился от верхней одежды, бросив её на пол рядом с ботинками, и наскрёб-таки в себе мужества доползти до уютной

постели, а не завалиться отдыхать прямо на коврике у входа.

Под убаюкивающее тиканье часов, размещённых на стареньком комодe справа от кровати, а также гудение машин и шум ливня, проникающих через распахнутую форточку, Трофимов залез под одеяло, довольный тем, что успел прошмыгнуть в подъезд до начала потопа, сохранив шмотки сухими.

Отключился парень моментально.

Пробудившись ближе к обеду, он напялил на себя махровый халат и поплёлся в душ.

Организовав в ванной настоящую парилку, Алексей намылil тело и только хотел смыть с себя пушистую пену, как напор воды резко уменьшился, вскоре вовсе пропав.

– Везение – моё второе имя, – цокнул Трофимов и, высувшись из-за занавески за полотенцем, вспомнил, что забыл его в шкафу.

Выругавшись, парень прилизал назад свои густые тёмно-каштановые волосы, ступил на ледяной кафель и, стуча зубами от холода, голышом выскочил в коридор, услышав оглушительный женский визг.

Подпрыгнув от неожиданности, Алексей увидел замершую у тумбочки немолодую хозяйку данной жилплощади, выпучившую глаза и прикрывшую раззявленный рот руками. Силой воли она отлепила взгляд от того, что болталось между ног её постояльца, и, заикаясь, сообщила:

– Я...я Вам кал...кал...калорифер принесла...

Оставив прибор у гардероба, дама торопливо удалилась за дверь.

– Спасибо, Вероника Васильевна, – растерянно крикнул ей вслед обнажённый Трофимов и направился в комнату с мыслью: “Интересно, за подобное зрелище мне полагается скидка за аренду?”.

15

Поднимая столбы пыли, “Волга” двигалась по гравийке.

Над хвойной гущей, своими мрачными красотами поглотившей внимание Скворцова, скопились грозовые тучи, совсем заслонившие солнце. На небе не виднелось ни единого проблеска.

Когда автомобиль достиг приколоченной к стволу одной из сосен таблички “**Берегите лес от пожара!**”, Виктор Бенедиктович открыл окно и высунул голову из салона, наслаждаясь тем, как его пепельные волосы беспорядочно развиваются на ветру. Наполнив грудь свежим чистым воздухом, он удовлетворённо резюмировал:

– Пахнет дождём! Просто прелестно!

Природа ответила ему звучным раскатом грома, и губы учёного растянулись в очаровательной улыбке.

Вдруг на макушку Скворцову упала шишка. Он взметнул взгляд на верхний ярус разлапистой ели, чьи корявые корни торчали поперёк насыпи, и обнаружил рыжую белочку с пушистым хвостом и чёрными заострёнными кисточками на ушах. Лицо Виктора вновь просияло.

Перед Галиной учёный впервые предстал таким счастливым. Она привыкла считать, что её наставник – концентрат угрюмости, однако теперь поняла – это лишь маска, которую он носил долгое время от отчаяния и снял только сейчас, потому что наконец-то получил надежду, а вместе с ней и человеческие условия для труда.

На развилке имелось два направления. Тупиковое левое перегораживал бетонный блок, поэтому “Волга” поколесила по правой ветке дороги.

Впереди показался забор из жёлтого профилированного листа.

– Ну что ж, леди и джентльмены, добро пожаловать в “Тайник Лешего”! – торжественно произнёс Ежов и отстегнулся.

Данное учреждение содержалось на государственные средства: их на него не жалели. Богатая история лагеря, занявшего место забвенного кладбища, началась в далёком тысяча девятьсот девятнадцатом году. Тогда под строительство комплекса выделили двадцать гектаров земли, а спустя десяток лет расширили владения “Тайника Лешего” до двадцати восьми.

В период войны лагерь превратили в госпиталь, успешно принимавший раненых солдат с фронта. Вскоре после Великой Победы увеличилось количество корпусов – с четырёх до шести (один для персонала) – и появились волейбольное и баскетбольное поля, бассейн и верёвочный городок (парк)

на деревьях.

Здесь всегда работали весёлые чуткие вожатые, талантливые повара и креативные аниматоры, организовывающие потрясающие шоу и конкурсы. Регулярные дискотеки, спортивные игры и путешествия в горы не позволяли ребятишкам скучать. Близлежащее “Багровое” озеро тоже входило в развлекательную программу, и отряды часто посещали его пляж.

Директора у детского заведения менялись семь раз, и действующим была пятидесятидвухлетняя Добрынина Вера Ярославна.

Железные решётчатые ворота венчал пёстрый баннер с надписью **“Пионерский лагерь ТАЙНИК ЛЕШЕГО”**. Сторожка, напоминающая теремок из одноимённой сказки, располагалась за ними.

– Почему нас не встречают?! – возмутился Кузьмин, тормознув машину.

– Вера Ярославна предупредила, что охранник глуховат, – растолковал шеф и посоветовал. – Посигналь-ка ему...

Водитель надавил на гудок, и “Волга” заголосила:

БИИИИИП!!!

Из будки-теремка возник дряхлый сгорбившийся старичок, обросший так, что отчётливо вырисовывались только сверкающие глаза да морщинистый нос. Одетый в драный мешковатый балахон из парусины, синие мятые шаровары с бесчисленными заплатками и потёртые сапоги он, хромая и

перекашиваясь от висящего на плече ружья, доковылял до ворот и крикнул:

– Кто приехал? Назовись!

– Главное, чтоб не пальнул по нам. А так молодец, бдительный, – не без иронии подметил Григорий и, выбравшись из автомобиля, отчитался. – Я Ежов, привёз учёных!

– Чаво, чаво? – прищурился дедок и, приложив растопыренную ладонь ребром к уху, переспросил. – Громче, не слышаю!

– Ежов я, говорю! Учёных привёз! – проорал Григорий.

– Аа, – сообразил сторож. – Да-да!

Поковырявшись ключом в замке, старик впустил легко-вушку и её спешившегося пассажира на территорию лагеря, где уже разгружалась фура, а затем, заперев всё обратно, увязался за Ежовым.

– Айда, провожу, – приветливо предложил охранник. – Я Гаврила.

– Очень приятно! Гриша! – и Ежов пожал шершавую руку мужичка.

– Хвала Господу, что таперче, Гриша, Вы у нас поселились, а то у лагере пустота: только я, Шурка да чащоба вокруг, – посетовал сторож.

– Кто такая Шурка? – осведомился Ежов.

– Энто повариха, я её по-свойски Печка кличу. Уместе со мной тут хозяйничает! Больше нема людей... – поведал старик, поправляя ремень оружия.

“Волга” остановилась на размеченной асфальтированной парковке около крупного грузовика с длинным прицепом, доставившим лабораторное оборудование. Из автомобиля вылезла Галина и размяла затёкшую спину. Следом транспорт покинул шофёр. Извлёкши из багажника инвалидную коляску, он на пару с Виктором Бенедиктовичем вытащил Лёню на улицу и усадил в кресло.

– Догоняйте! – дождавшись, пока Кузьмин возьмёт чемоданы, scomандовал ступивший на узкую тропинку Григорий, и вся компания устремилась за охранником, продолжившем трещать Ежову о наболевшем:

– Я деревенский и у меня душа ликует, когда много народу. Здесь же... – и Гаврила отмахнулся. – Но у нас вакансии отсутствуют, а деньги нужны. Вот и согласился сюды пришвартоваться. Хоть внук в четверг навестил, не забывает деда. Прибежал ко мне из Малых Дукóв со своим раздолбанным лясопедом, я ему там усё починил. Пущай катается себе да радуется, баловник.

Оставив позади клумбы с обрезанными стеблями цветов, гости миновали шестигранную беседку с кровлей из красной черепицы и, не дошагав до столовой, свернули к одноэтажному зданию из белого кирпича, за коим маячило сооружение повыше.

– Эх, а я, дурной, захворал чутка. Пол бидона холодного молока выхлебал, и горло закарябало, – не унимался сторож. – Шурка, та, что Печка, на днях нарвала трав каких-то

целебных и меня отваром ихним поила. Не по нраву мне енти дряные зелья, однако, коли хочет помочь, нехай помогает. Она вообще как пчёлка трудится, угодить пытается. Любо-дорого за ней наблюдать...

Старичок на секунду замолчал у порога двухэтажки с деревянным коробом, приделанным к стене, а потом сообщил:

– Вот, Ваш корпус! Он предназначен для обслуги, но нонче всецело в Вашем распоряжении! Кстати, в какой-то комнате есть тиливизир. Фурычит, вроде! Транслирует, правда, три канала и каждый плохо...

– Ясно, спасибо! – поблагодарил Григорий, уже подуставший от Гаврилы.

– Ну...я на пост, – и охранник, выудив из-за пазухи курительную трубку, плотно набитую табаком, побрёл на позицию.

– Фууух, – выдохнул Ежов.

– А Вы радио планировали с собой захватить. С таким новым другом оно Вам точно не потребуется, – хохотнул водитель.

– Осторожней с шуточками, юморист, иначе порекомендую тебя Гавриле как интересного собеседника, – подмигнул ему Григорий.

– Лучше вычтите деньги из зарплаты...

Отворив дверь, Ежов посторонился перед Кузьминым, Гончаровой и Скворцовым, впритирку протолкнувшим инвалидное кресло с сыном в проём, после чего сам очутился

в коридоре.

16

Уроки классов младшего звена завершились, и дети суетливой толпой ринулись к раздевалке.

Петя успел протиснуться к вешалкам в числе первых и, отпочковавшись от потока ровесников, занял место на лавочке. Переобувшись, он засунул сменные туфли в мешок, затем напялил куртку, водрузил на плечо ранец с изображением Волка из **“Ну, погоди!”** и вышел в мрачную слякотную погоду под мощный раскат грома.

Ветер угомонился, однако дождь всё усиливался. Чёрное небо без единого просвета отражалось в огромных лужах, бомбардируемых крупными каплями.

Климов устремился в направлении дома, периодически вздрагивая в моменты, когда под одежду просачивались струйки ледяной жидкости.

Его ботинки тяжелели, набухая от влаги, добравшейся и до носков. Из ноздрей мальчика, выдыхающего изо рта облачка пара, обильно потекли сопли.

Увидев в водном зеркале на асфальте сверкнувшую молнию, Петя прибавил темп.

ШЛЁП! ШЛЁП! ШЛЁП! – приглушённо раздалось позади.

Климов притормозил и обернулся. Подозрительные звуки тут же смолкли. Мальчик попытался различить хоть что-то сквозь непроницаемую стену осадков, но всё казалось рас-

пльвчатым и призрчным.

Петя побрёл дальше, охваченный необъяснимым беспокойством.

ШЛЁП-ШЛЁП! ШЛЁП-ШЛЁП! – вновь долетел до Климова шум, теперь походивший на лёгкую трусцу.

Ребёнок опять оглянулся, на сей раз не останавливаясь, и вычленил из плотного ливня два человеческих контура. За ним определённо кто-то шпионил. Или не за ним?

Впереди раскинулся пустырь. Раньше его, пускай и не часто, приводили в порядок, прореживая джунгли гигантской дикой травы, молодых карагачей и осин. Сейчас же бурьян поглотил каждый дюйм обширного пространства. В особенности выделялась высокая крапива, через которую тянулась узкая извилистая дорожка, начинающаяся там, где заканчивалось полотно тротуара, и от потопа превратившаяся в болотное месиво.

Петя ступил на тропинку и плавно переключился на бег. Чавкающие шаги преследователей тоже не стихали, подтверждая тот факт, что Климову грозит опасность.

На одном из резких поворотов мальчик поскользнулся, и его занесло в сторону. Удержав равновесие, он только намеревался продолжить движение, как ему в незащищённую портфелем лопатку вонзился острый булыжник. Вскрикнув, пацанёнок шмякнулся в жижу и мгновенно словил удар подошвой кроссовка, расквасивший ему нос.

– Допрыгался, кузнечик? Так-то со мной шутики шутить! –

как гадюка прошипел Антон.

– Я не хотел, – оправдывался Петя.

– Нет, ты специально это сделал, чтобы публично выставить меня идиотом! – проорал Петухов и яростно пнул Климова. Тот скрючился и застонал.

– Не перегибай, Тоха... – попросил неуверенный голос Наиля.

– Захлопни пасть и наблюдай! Я отыграюсь на нём по полной, – ответил Петухов и треснул Петю в грудь.

Климов заплакал и, перевернувшись на живот, отчаянно пополз от обидчика. Хлюпающая масса запачкала лицо, скатала волосы на голове в липкие клоки, забила под ногти на руках и вывозила одежду.

– Нравится купаться в дерьме, ботан? – с издёвкой осведомился Антон и, опустив ногу Пете на спину, вдавил неприятеля в грязь. – Из-за тебя, гнида, меня при всех выпорола собственная мать! Поэтому я растопчу тебя так же, как ты растоптал мой авторитет!

Пафосной речи Петухова Климов не слышал, потому что захлёбывался омерзительной субстанцией.

– Он же умрёт!!! Что ты творишь??!! – запаниковал Бабаев.

– Не истери! – заткнул его Антон.

Петя судорожно затрепыхался, и вскоре уже не подавал признаков жизни.

– Убииил!!! Ты его убииил!!! Нам ханааа!!! – прогорланил

Наиль.

Петухов же хладнокровно присел на колено у тела Климова и буркнул Бабаеву:

– Он шевелится, придурок! Снимай с него штаны!

– Я думаю, ему достаточно! – запротестовал Наиль.

– С Сюртуковым ты бы явно не церемонился! – заметил Антон. – Так что не строй из себя...

– Берегись!!! – обрубил товарища своим визгом Бабаев, и щёку Петухова резанул обломок лезвия канцелярского ножа, нащупанный Петей в кашеобразной почве.

Второй выпад Климова получился смазанным. Антон быстро обезоружил и усмирил противника, заехав локтем ему в лоб.

– Вот ты шлюхин сын! – выругался Петухов и скомандовал дружку. – Оголяй ему сраку, Наиль!

Немного помявшись, Бабаев стащил-таки с Пети брюки, пока Антон через альбомный лист сорвал пучок крапивы.

– Прости меня! – скулил Климов. – Я обещаю, что впредь подобного не повторится!

– Поздно! Ты сам себя похоронил, – непоколебимо проговорил Петухов и, с наслаждением отхлестав оппонента по жопе жгучим веником, оседлал его.

Потом хулиган выудил из кармана сворованные из девчачьего кабинета технологии куски бечёвки, крепко связал ими Петю и при участии Наиля заволок несчастного в гущу сорных растений.

Отомстив, садисты улизнули прочь.

Рыдающий Климов не чувствовал конечностей, пережатых шпагатом, и постепенно замерзал, с трудом воспринимая окружающую реальность.

Его рюкзак с раскрытым отсеком для школьных атрибутов, откуда вывалились учебники, тетради и письменные принадлежности, так и остался лежать на развезённой тропинке, мокнувший под непрекращающимся дождём.

17

Соблазнившийся идеей употребить хмельного Трофимов предпочёл “Жигулям” общественный транспорт и доехал до своей любимой забегаловки на троллейбусе. На остановке он попал в самый разгар ливня и вымок до того, как ступил на тропинку из спилов древесины и устремился по ней через убранный летний дворик к бежевому одноэтажному зданию – кафе “Блюз”.

Отворив двустворчатую дверь, молодой человек окунулся в уютную атмосферу, царящую в заведении: приглушённый свет, тёплые тона интерьера, чарующая живая музыка.

Устроившись за столиком у окна, парень повесил свою чёрную кожанку на спинку стула и взялся за меню.

Перед ним возникла приветливая официантка:

– Добрый день! Уже определились?

– Добрый, – кивнул Алексей. – Не сочтите меня за фанатного фаната, но для разгончика я процежу пинту чешского пива и отшлифую её Вашим фирменным “Ассорти из

шашлыков”!

– То есть, матчи ленинградского “Зенита” Вы по телевизору не включаете? – записав пожелания клиента в блокнотик, конкретизировала девушка.

– Если за положительный ответ у Вас бесплатный бонус, то...

– Увы. Однако будь тут мой муж, он бы проставился за болельщика его драгоценного клуба.

– Так Вы замужем? Эх, я уж намеревался с Вами пофлиртовать...

– Понимаю, в промозглую погоду всем недостаёт ласки.

– Безусловно, – вздохнул Трофимов и, посмотрев на улицу, где свирепствовала стихия, заметил продирающуюся сквозь ураган барышню.

Ветер ерошил её янтарные волосы и развивал полы длинного пальто, но она героически шагала вперёд.

– Судьба ко мне всё же благоволит, – сказал парень официантке и, позабыв накинуть куртку, рванул к выходу. – Я ненадолго...

Обычно, Алексей не демонстрировал должной решительности и инициативы в отношении дам, однако в этот раз что-то заставило его рискнуть – какой-то необъяснимый внутренний импульс.

Обворожённый образом хрупкой особы, противостоящей ненастью, Трофимов выскочил к ней в дождь:

– Девушка, здесь какая-то ошибка! Вы проплыли мимо

меня!

– Простите? – удивилась она, покосившись на взволнованного парня, чья вмиг превратившаяся в мочалку рубашка прилипла к телу.

– Хотел предложить Вам скрасить моё одиночество и переждать хаос в кафе, – растолковал Алексей и, заглянув в широкие выразительные глаза милой персоне, ощутил, как трепетно забилося сердце.

– Извините, я тороплюсь!

– Уж не к Посейдону ли?

– Сбоит Ваша интуиция, – щурясь от вихря, плюющего ледяными каплями, съязвила леди. – Всего лишь в свою скромную обитель. Мне до ночи тетради детей проверять.

– Держу пари, коли Вы плотно подкрепитесь в приятной компании, ребятишкам обеспечены хорошие результаты! – сверкнул обаятельной улыбкой Трофимов.

– Вы не из тех, кто капитулирует, даже после деликатного “нет”?

– Я не из тех, кто равнодушен к бедовым девушкам.

– Интересно, почему я бедовая?

– Потому что явно прогадали, не захватив с собой байдарку. Поэтому, в случае провала миссии по коррекции Вашего маршрута, мне придётся примерить на себя роль спасательного круга и проводить Вас до дома...

– Не бойтесь перегнуть с настойчивостью?

– Я боюсь дотянуть до момента, когда Гродск погрузится

под воду, как Атлантида, а мы так и не познакомимся...

Барышня расхохоталась, заключив:

– Вы забавный!

– А Вы симпатичная и продрогшая. Позвольте угостить Вас горячим шоколадом!

– Запрещённый приём! – просияла леди и, поёжившись, добавила. – Что ж, думаю, мне действительно не помешает зарядиться позитивом...

Не веря собственным ушам, ликующий Алексей вернулся в “Блюз” на пару с девушкой. Он помог ей снять пальто и, галантно отодвинув стул, жестом пригласил даму присесть.

Официантка приняла у них заказ и, подмигнув парню, оставила посетителей наедине.

– Значит, Вы – преподаватель? Как школьники обращаются к Вам? – полюбопытствовал молодой человек.

– Елена Валерьевна, но для Вас просто Лена...

– А я – Лёша! – и Трофимов пожал нежную руку барышни. – Леночка, я так завидую ученикам, которые имеют удовольствие регулярно наблюдать тебя!

– Напрасно. Я ведь строгий педагог.

– Ко мне ты проявила снисхождение...

– Кто же откажется от шоколадной вкуснятины?

– Ну...лично я планировал бахнуть холодного пивка.

– Пивка? Разве осенью организм не нуждается в чём-то согревающим?

– Я смекнул, куда ты клонишь! Глинтвейн – золотая сере-

дина!

– На самом деле, я не...

– Да ладно сомневаться! Вино отлично дополнит рыбный стейк, что ты предпочла мясным блюдам! Кошунственно не выпить за столь удачную встречу!

– Тогда уж, давай шампанского!

– А ты легка на подъём, – приободрился парень и, окликнув официанта, попросил у него бутылку алкоголя. – Вуаля!

– Ты и впрямь волшебник, Лёша. Честно, я смущена... – и девушка робко потупила взор. – За всё время ни один кавалер не позвал меня на ужин...

– А я не из кавалерии, белого коня для меня не нашлось. Так, пехотинец без орденов.

– Чем ты занимаешься по жизни?

– Рушу родительские фантазии, – ухмыльнулся Трофимов. – Они видели меня офицером морского флота. Мечтали, чтобы я пересёк весь Земной шар, бросил якорь где-нибудь подальше от родного города и перетасил их к себе. Кого же они получили? Охранника склада диванов...

– Зачастую мы выбираем не тот путь, что пытаются указать нам другие. Ты вправе проторить свою дорогу и рисовать мир своими кисточками.

– К сожалению, для большинства мой мир не привлекателен.

– Будто мой похож на райские кущи... Хотя я счастлива.

– Делиться накопленным опытом с младшими поколениями.

ями – чудесно!

– Стеречь мебель тоже! Иначе, её разворуют, и люди станут спать как цапли.

Алексей серьёзно уставился на Лену, а потом заржал, залив и свою собеседницу.

– Так тактично надо мной ещё не подтрунивали, – утирая слезу, вымолвил молодой человек.

– Вообще-то, я не подтрунивала! – прекратив смеяться, уточнила леди. – Приберегите стыд для тех, кто отлынивает от любой работы...

Наконец, подоспели бутылка шампанского и два бокала.

– Пора пригубить спиртного, для пущего аппетита, – прокомментировал Трофимов и, неаккуратно раскрутив мюзлэ, спровоцировал неконтролируемый вылет пробки из горлышка.

Раздался хлопок и следом за ним на потолке прозвенел плафон, чей край чуть-чуть откололся, осыпавшись на стол.

– Упс! – выдавил парень, вновь развеселив Лену.

18

Ученица третьего класса, упитанная Анфиса Зорина, шмякала по лужам и с наслаждением посасывала приторный леденец.

Она неизменно добиралась до дома в гордом одиночестве, ибо совсем не имела друзей.

Ребята стыдились общаться с “сальной гусеницей”, как они же её и окрестили, и потому ополчились против девочки,

постоянно дразня Анфису самыми обидными фразами. За полнотой Зориной никто не замечал главного – её искренности и доброты. Даже сосед по парте, Гена Сюртуков, желал пересесть от толстушки к красавице Кристине.

Единственной заступницей девочки являлась преподаватель Елена Валерьевна, систематически пресекающая издевательства жестоких ровесников. “Она повзрослеет, и мальчишки от любви по ней иссохнут!” – говорила педагог, однако дети не воспринимали её слова всерьёз и интерпретировали их как очередной повод поглумиться над Анфисой, у которой, впрочем, давно выработался иммунитет к насмешкам.

Ветер сдёрнул с Зориной обстреливаемый крупными каплями дождя капюшон, на что девчушка недовольно прорычала, заставив содрогнуться сытенькие щёчки, а потом решила, что продолжит путь без головного убора. Ничего страшного, что шевелюра намокнет. Всё равно вечером в душ.

Анфиса отгрызла последний кусок сахарной конфеты и запульнула палочку в крапиву, вставшую перед ней стеной.

– Ну вот, теперь грязь месить до кучи, – посетовала Зорина. – Что ж, раз так, достану-ка бублик с маком. Иначе я изголодаюсь от расстройства!

И девочка, сунув пятерню в пакет, зашуршала опорожнёнными целлофановыми мешочками от уже съеденных вкусностей. Среди них она откопала баранку и извлекла наружу.

Та стала раскисать под ливнем, и Анфиса поспешила её употребить.

Неуклюже зашагав по скользкой разжиженной тропинке, Зорина с набитым ртом замычала песенку:

Пусть всегда будет солнце!

Пусть всегда будет небо!

Пусть всегда будет мама!

Пусть всегда буду я!

Быстро проглотив лакомство, девочка печально вздохнула от того факта, что запасы провизии иссякли. Родители закупили ей продуктов на два дня вперёд, а она уплела их за один и снова возвращалась налегке.

“Ох и разозлится же отец!” – подумала насупившаяся Анфиса и запнулась о материализовавшееся из ниоткуда препятствие.

Посмотрев вниз, Зорина обнаружила ранец с рисунком Волка из мультсериала “**Ну, погоди!**”, а также разбросанные рядом школьные принадлежности.

– Боже...это же Петины вещи! – проверещала девчушка и, услышав постанывания, не на шутку перепугалась.

Потрёпанный портфель Климова навеивал не очень приятные мысли – стряслась беда.

Анфиса определила, что звуки исходят из гущи гигантских сорняков по левую сторону от дорожки.

Терзаемая сомнения Зорина всё же осмелилась проверить, кто там страдает.

Она спрятала свои кулачки в рукава куртки, дабы не задеть кожей волоски крапивы, и раздвинула стебли. При виде того, что скрывалось за ними, девочка пискляво закричала.

На примятой траве в приспущенных штанах лежал бледный, точно труп, Петя, связанный бечёвкой. Его губы распухли, будто в них вонзилось жало осы, а под воспалёнными глазами возникли отёки.

Узнав Анфису, мальчик хотел ей что-то сказать, но лишь разразился диким кашлем.

Пампушка ещё какое-то время растерянно тарасилась на одноклассника, затем совладала с оцепенением и приблизилась к Климову.

– П-п-петя, я с-с-сейчас, – заикаясь, обнадёжила Зорина и попыталась ослабить путы.

Увы, короткие жирные пальчики девочки с задачей не справились. Побагровев от досады, она в панике заметала взгляд в поисках острого предмета и внезапно вспомнила, что у неё с собой есть металлическая пилочка для ногтей.

Анфиса долго и суетливо шарилась в своей сумке и, наконец, выудила из неё нужный инструмент. Им она начала усердно тереть о шпагат, стягивающий ноги Климова.

Лицо Зориной сморщилось от напряжения, а зубы стиснулись практически до скрипа. Девочка старалась изо всех сил и вскоре первая верёвка лопнула.

Пыхтя, Анфиса переместилась к туловищу Пети и занялась оковами, обмотанными вокруг его кистей.

Пышечка ужасно устала, однако боролась дальше, ведь не могла позволить Климову умереть.

“Только живи, только живи!” – повторяла Зорина про себя до тех пор, пока не освободила мальчика.

– Получилось! – ликующе прогорланила она, взяла Петю подмышки, с огромным трудом подняла с земли и, поправив ему брюки, перекинула правую руку одноклассника себе за шею, чтобы он не упал. – Идти в состоянии?

– Угу, – кивнул Климов, и Анфиса вывела его на тропинку, произнеся:

– Потерпи ещё немного...

– Зоца, – хрипло прошептал мальчик.

– Неудивительно, что жётся...

– Прафу, памагы мэ...

– Разумеется, помогу! Держись за меня! – распорядилась девчушка и, улыбнувшись, добавила. – Всё хорошо будет!

И они с Петей побрели через пустырь.

19

Дождь обошёл “Тайник Лешего” стороной. Вспышки молний исчезли за макушками хвойного леса, а раскаты грома больше не слышались.

Наслаждающийся осенней свежестью Ежов застыл у фасада корпуса для персонала, вдохнул чистого воздуха и внезапно дёрнулся от того, что кто-то схватил его за куртку. Он обернулся и узрел Лёню, вывезенного Виктором Бенедиктовичем на улицу. Ребёнок уставился подвижным глазом на

инвестора и, снова потрепав того за одежду своими кривыми пальцами, что-то радостно промычал.

Подмигнув мальцу, Григорий спросил у его отца:

– Что он пытается сказать?

– Что ему нравится в лагере, – благодарно улыбнувшись, ответил Скворцов и, толкая инвалидную коляску с сыном, проследовал за Ежовым к пристройке здания вместе с Гончаровой и Кузьминым.

– Ваш портал в лабораторию! – прокомментировал Григорий и, со скрежетом распахнув стальную дверь, увлѣк учёного с его ассистенткой в подвал по скользким каменным ступенькам.

Оказавшись на тесной площадке, над которой нависал деревянный короб тамбура, Ежов отпер очередной проход и троица, нырнув в него, пропала из виду оставшихся снаружи Кузьмина и Лёни.

Григорий щёлкнул выключателем, и тьму рассеял яркий свет.

Просевшую кладку тут обволокла плесень, а давящий низкий потолок затянула густая паутина. Также в одном из углов скопилась вода, где плавала пара разлагающихся грызунов.

– Фууу, крысы! – завизжала Галина и, невольно сморщившись от жуткого смрада, спряталась за своим наставником, спокойно констатировавшим:

– Они же мёртвые, милая...

– Меня тошнит и от таких!

– Не задерживаемся! – позвал Ежов и зашагал к противоположному концу помещения.

– Я туда ни ногой! Там эти мерзкие хвостатые твари! – взбунтовалась женщина.

– Если так боишься, дай мне руку и зажмурься, – предложил Виктор Бенедиктович и Гончарова согласилась.

Сцепившись точно вагоны поезда, они устремились за Григорием по бугристому земляному полу.

Когда все добрались до нужного места, Ежов принялся отсчитывать потрескавшиеся кирпичи. Отыскав определённый, мужчина нажал на него и утопил до упора.

Катакомбы тотчас содрогнулись, почва завибрировала, на луже сдохлыми вредителями появилась рябь.

Часть стены, секундами ранее ничем не отличающаяся от остальных, “ожива”. Она неторопливо поползла вверх, пока не угнездилась до предела в предназначенном для неё отверстии, завершив процесс глухим ударом.

Скворцов с помощницей от удивления раззявили рты.

– Клёво, правда? – осведомился довольный собой Григорий, на что получил одобряющие нечленораздельные крикы своих спутников.

Далее компания пересекла порог тайной комнаты, и Ежов врубил люминесцентные лампы. Сырой грунт здесь сменило бетонное покрытие, захламлённое просто до безобразия.

– Как Вам будущие рабочие апартаменты? – справился

Григорий.

– Просторные, – кивнул учёный, осматриваясь вокруг себя.

– И холодные, – буркнула потирающая озябшие ладони Галина.

– Мы смонтируем обогреватели, – пообещал Ежов. – И да, не обращайте внимания на горы мусора. По словам директрисы, его сюда сваливали годами... Мои ребята скоро разгребут бардак.

– Гриша, я даже не в состоянии описать, насколько Вам признателен! – покачал головой Виктор Бенедиктович.

– За Вас это сделает грядущий успех! – вымолвил инвестор и добавил. – Что ж, пора подняться обратно и пригласить парней. Пускай выносят труху, всё стерилизуют и расставляют оборудование!

20

Причинённый Трофимовым ущерб сотрудники кафе “Блюз” проглядели, поэтому Алексей с Леной продолжили непринуждённо беседовать, попивая шампанское.

– Ну и деды решили проучить ефрейтора Симонова. При всех сдёрнули с него штаны и накололи ему на ягодице силуэт обнажённого мужика в профиль, после чего скомандовали солдату промаршировать по плацу, чтобы сослуживцы увидели, как рисунок вставляет в задницу провинившемуся свой...кхе...

Слегка опьяневшая девушка расхохоталась от очередной

армейской истории своего нового знакомого, предположив:

– Наверное, с тех пор для ефрейтора наступили тяжёлые времена...

– Точно! Рожа в глине, в жопе хер, загремел в дисбат я, мэм – примерно так сложилась дальнейшая судьба Симонова, – продемонстрировав поэтический талант, парень вскинул брови и добавил. – Что-то мой язык совсем потерял границы приличия...

– Брось! Мне нравятся открытые и простые люди. К тому же, с тобой мне очень весело и...комфортно, – констатировала леди, засмущавшись от собственного заявления.

– Неужели мне удалось вогнать тебя в краску? – улыбнулся Трофимов. – Думаю, это подходящий момент для любительской хореографии...

– Шутишь? Я ведь непластичная...

– Будто я гимнаст, – ответил молодой человек и, поднявшись из-за стола, протянул Лене руку. – Поимпровизируем?

Барышня больше не стала отнекиваться и поддержала инициативу кавалера, очутившись вместе с ним посреди зала.

Духовой квартет заиграл медленную романтическую мелодию.

Алексей с трепетом обхватив Лену за изящную талию и закружил её в танце. От первых прикосновений тело парня буквально прожгло насквозь. То же самое испытала и девушка.

Они смотрели друг другу в глаза и словно парили над землёй.

За пределами заведения не утихал ураган, однако слившиеся воедино души Трофимова и Лены озаряли тёплые лучики ласкового солнца.

– А ты переживала. У тебя здорово получается! – похвалил леди молодой человек.

– Тебе явно не с кем сравнить... – хмыкнула та, покачиваясь в такт музыке.

– Скорей, не за чем.

– Много отношений за плечами?

– О, да! В детстве я успел перебрать практически всех одноклассниц.

– Казанова! А затем?

– Затем тебя дожидался.

Композиция завершилась, и Алексей с Леной вернулись к своему месту.

По прошествии часа они попросили счёт, и Трофимов, оплатив его, вызвался проводить девушку до дома.

Дождь иссяк, но небо не просветлело. Повсюду журчали бурные ручьи, уносящие с собой различный мусор, обломки веток и камни, а воздух наполнял аромат сырых опавших листьев. Унылую погоду счастливым сиянием разбавляла трогательная парочка, неторопливо бредущая по пустующему тротуару.

Им было настолько сладко вдвоём, что они удивились то-

му, как быстро перед ними возникла серая четырёхэтажка, где располагалась квартира Лены.

– Честно, такой букет мне ещё никто не дарил... – сказала барышня.

– Что за букет?

– Эмоций, Лёш. Я навсегда запомню каждый его цветок...

– Взаимно. Признаться, так удачно я никогда не рыбачил. А сегодня вот выловил тебя. Отпускать только теперь не хочется, – и Трофимов заключил девушку в объятия.

Потом он выведал у неё номер стационарного телефона, и Лена исчезла за металлической дверью подъезда.

Алексей недолго постоял под козырьком здания и радостно воскликнул:

– Какой же чудесный день!

21

В прихожей раздался звонок. Тамара Климова, крутящаяся в фартуке у плиты, громко окликнула мужа, прозябающего у телевизора:

– Вань, открой!

– Лично я никого не ждал, поэтому встречай непрошенных гостей сама! Вдруг там твой трахаль? – прогундел из зала недовольный супруг. – Авось, заделаешь с ним второго “Петю”, которого потом посадишь на мою шею!

– Ты дурак?! Мы же договаривались впредь не касаться данной темы, особенно при детях!

– Естественно, я дурак, Тома! Нормальный бы не женился

на такой потаскухе!

– Не выражайся! – убавляя огонь на конфорке, где стояла кастрюля с ухой, буркнула женщина.

– Охox, смотри, Янчик, какая у тебя интеллигентная машина! – бросил дочурке Иван, перелистывая каналы обмотанным изоляцией пультом.

Звонок повторился.

– Иду, иду! – крикнула Тамара, прошагала к двери и, отворив её, побледнела.

На этажной площадке она увидела своего сына, поддерживаемого упитанной девчушкой. Опухшее раскрасневшееся лицо и грязная одежда мальчика повергли женщину в шок.

Мать в истерике выскочила к ослабшему Пете и обняла его.

– Он связанный в крапиве лежал, – глотая воздух, объяснила вспотевшая пампушка.

– Что??! О, Господи, родной мой! – ужаснулась Климова и, судорожно поглаживая волосы своего ребёнка, помогла ему переступить порог квартиры, после чего принялась снимать с него куртку и обувь.

К ним выбрел Иван. Он заткнул пожелтевшую полосатую майку в серые боксёры, опёрся рукой о стену и с отвращением уставился на рыдающую жену, суемящуюся вокруг Пети.

– До свидания! – тихо попрощалась толстушка, но Тамара остановила её, поинтересовавшись:

– Ты же, вроде, Анфиса?

– Да.

– Анфисочка, я сейчас налью тебе горячего чаю и...

– Тормози, – оборвал супругу мужчина и преградил юной особе путь. – Мне тут и одного чужого соплежуха хватает!

– Ты бы совесть поимел! – взъелась женщина и, утирая слёзы, отозвала Ивана в сторонку. – Она спасла нашего сына!

Петя мог умереть!

– Для меня он уже умер! Как, собственно, и ты! – шёпотом произнёс Климов и его глаз задёргался.

– Разве ребёнок виноват в совершённой мною ошибке?

– Ничуть. И всё же воспринимать его так, как раньше, во мне не наскребётся сил. Пожалуй, было бы лучше для всех, если бы правда о твоих утехах не всплыла наружу...

– Зачем ты постоянно напоминаешь мне об этом? Я устала! Я не знаю, как отмыться от того, что никто из нас исправить не в состоянии! Хочешь разводиться – вперёд!

– Не хочу...

– Почему же?

Иван кивнул на перепуганную Яну, выглядывающую из-за угла, и сказал:

– Потому что люблю дочь!

И мужчина, пересёкши комнату, исчез в кладовке, дабы подготовиться к грядущей операции. Однако, засовывая в мешок чёрную балаклаву, трикотажные перчатки, кусачки, монтировку, верёвки и тряпку, думал Климов совсем не о

работе: в голове свербели мысли о рушащейся семье.

Впрочем, среди них промелькнуло и понимание того, что его страдания, вероятно, не продлятся слишком долго. Ведь на недавнем медицинском обследовании у Пети выявили лейкоз на ранней стадии, о чём врач поведал Ивану, а тот, в свою очередь, не озвучил печальную новость никому, включая самого мальчика и супругу. Мужчина надеялся, что болезнь начнёт прогрессировать и в итоге избавит его от тянущего на дно груза.

Тем временем Тамара занесла сына в детскую и, устроив на кровати, напоила лекарствами.

– Кто сотворил с тобой такое? – осведомилась женщина.

– Двое одноклассников, – укутавшись в одеяло, прохрипел пацанёнок и добавил. – Только умоляю, не учиняй разбирательства, иначе они от меня не отцепятся...

– Я подобное зверство без внимания не оставлю! Обещаю, они тебя больше не обидят!

– Мам, я отчасти сам накосячил...

– Что за глупости? Завтра я непременно посету с тобой школу! А пока отдыхай! – и Тамара удалилась на кухню, потчевать Анфису.

В спальне её сменила заплаканная Яна, прижимающая к себе плюшевого тигрёнка.

– Братик, тебе очень плохо? – полюбопытствовала она.

– Терпимо, – ответил мальчик и попытался улыбнуться.

– Выздоровливай скорее! – пожелала ему сестра и, нахло-

нившись, чмокнула Петю в лобик. – Теперь тебя поцелует Тигруля. Не против? А то он тоже переживает...

– Не против, – хохотнул брат, и Яна прислонила к нему мягкую мордочку игрушки.

– Родители опять ругаются... – всхлипнула девочка. – Они же не расстанутся?

– Конечно, нет! – успокоил сестру мальчик. – Всё наладится, кроха!

22

Пока грузчики убирались в помещении будущей лаборатории и под руководством Ежова вносили туда оборудование, Скворцов, Галина и Лёня устроили прогулку по территории пионерского лагеря, находящегося в своеобразной спячке. Детский смех, чистый и звонкий, как колокольчик, не слышался ни в одном его уголке, громкая музыка дискотек не звучала вечерами, а из столовой не веяло ароматами здешней еды.

Виктор Бенедиктович толкал инвалидное кресло через сквер, где имелись весьма занятные памятники – статуя Лешего и часовня.

– Данную фигуру будто с меня рисовали, – ухмыльнулся учёный, указывая на изваяние сказочного персонажа. – Я разве что только поганками не оброс...

– Чепуха, – фыркнула Гончарова, разглядывая сгорбленного деревянного старичка, держащего покрытую мхом палку. – Ваши лучшие годы отнюдь не миновали...

– Если бы... Время неумолимо, – покосившись на циферблаты башни, вздохнул выбредший на асфальтированную дорожку Скворцов. – И всё же, белая полоса не за горами!

– По правде говоря, меня несколько страшат грядущие перемены, – с грустью в голосе отозвалась женщина.

– Извини, Галечка, я не совсем понимаю...

– Я про Вашу карьеру. Добившись желаемого результата, Вы, вероятно, целиком посвятите себя сыну и остановитесь на достигнутом, тем самым похоронив свой потенциал. А наша совместная работа? Она... – и Гончарова всхлипнула.

– Дорогая моя, не накручивайте себя, ведь ещё ничего не ясно!

– Всякому человеку хочется уверенности в завтрашнем дне. Мысли о том, что Вы уйдёте в отставку, угнетают меня. Без Вас – того, к кому я прониклась чувством уважения и кого считаю кумиром – всё померкнет! Потому что я живу ради наших трудов!

Виктор Бенедиктович крепко обнял прослезившуюся ассистентку и произнёс:

– Сокровище моё, я не брошу тебя при любом раскладе, обещаю...

Ободрив подопечную, учёный вырулил коляску с Лёней на протоптанную в траве тропинку. По ней тройца устремилась к верёвочному городку, очерченному плетёным заборчиком из ивы, обтёсанные колья которого венчали перевёрнутые глиняные горшки.

Почву тут устилал слой иголок и шишек, что осыпались с сосен, служащих опорой для впечатляющего парка, чьи переправы соединяли между собой ряд платформ и составляли неполный круг.

Скворцов отворил калитку и завёз сына под хвойный купол.

– Понаблюдаете с Лёней за мной? – подмигнув Галине, осведомился Виктор Бенедиктович.

– Вы серьёзно? – удивилась женщина.

– Иногда полезно проявлять ребяческую непосредственность, – ответил учёный и взбежал по лестнице, что вела на начинавшую маршрут площадку, расположенную на стволе дерева на высоте шести метров.

– Прошу, не расшибитесь! – крикнула мужчине Гончарова, прижавшая к себе тяжёлую голову мальчика-инвалида, скрючившегося в своём кресле.

– Не беспокойся, под каждым препятствием вон какие прочные сети натянуты! – и Скворцов принялся покорять первый этап: подвесные бревенчатые ступени с канатными перилами.

С замершим сердцем Виктор Бенедиктович осторожно шагнул на ближайший чурбан. Тот сразу же пошатнулся, заставив колебаться и остальные.

Учёный сглотнул слюну и проследовал дальше. На середине пути он едва не потерял равновесие, но устоял, схватившись за поручни. Восторженно ахнув, мужчина быст-

рее прежнего ринулся вперёд. Покачивающийся мост старался скинуть его с себя, словно разъярённый бык наездника. Впрочем, Скворцов не сдался и добрался-таки до промежуточного пункта.

– Есть ещё порох в пороховницах! – констатировал довольный Виктор. – Ахах, просто фантастика! Так приятно снова ощутить себя молодым!

– Вы прям жеребец, – прокомментировала Галина.

– Благодарю! – улыбнулся учёный и очутился у второго звена комплекса: вертикальных брусьев, напоминающих парящую в воздухе изгородь.

Вцепившись пятернями в верхний трос конструкции, мужчина плавно переместил ноги на нижний, про себя подумав, как же тот тонок и скользок.

Тын со Скворцовым моментально отклонился, отчего горе-альпинист накренился практически параллельно земле, хапнув будоражащего кровь адреналина.

Лёня взволнованно замычал, тыкая своими кривыми пальцами в сторону отца.

– Всё в порядке, сынок! – сообщил ему Виктор, аккуратно продвигаясь к третьей базе. – Скоро сам попробуешь этот аттракцион! Предрекаю, что ты его резвее меня преодолеешь!

Отвлёкшись беседой с ребёнком, учёный сорвался с трассы и спикировал в сетку.

Перепуганная Гончарова пулей метнулась к нему и расслабилась, уловив хохот мужчины.

– Видала, как я хлопнулся? Хахаха! Потрясающе! – веселился Скворцов. – Тебе понравился мой акробатический номер?

– Я Вас сюда больше не пущу! – решила побагровевшая от возмущения женщина и поправила спадающую на глаз прядь волос.

23

23:31

Укутавшийся в лисий тулуп Захар патрулировал объект и, виляя между покрытыми целлофаном новенькими диванами, думал, как же будет здорово, когда он накопит на один из них и сможет приобрести его у своего начальника, заменив ту рухлядь, что громоздится дома у телевизора.

Снаружи озлобленным лаем разразился обитающий на складской территории Цыган, дворняга размером с кавказскую овчарку.

Орехов остановился и прислушался. Помимо гава мужчины уловил брань, за которой прозвучал взвизг животного и далее ещё более ожесточённый рык. Пёс явно с кем-то сцепился.

Короткая борьба окончилась мучительным скулением. Захару сделалось не по себе, и он решил выяснить, что там приключилось. Охранник осторожно высунулся на улицу – никого. Вероятно, шум доносился с другой стороны постройки, где располагался забор.

Орехов покинул сооружение, юркнул за угол и остолбе-

нел: на земле в свете фонаря валялся исполосованный труп собаки.

Захар выронил резиновую дубинку и в ужасе ринулся обратно.

Заскочив в ангар, мужчина потянул на себя дверь, но кто-то настойчиво её придержал и вырубил охранника ударом по затылку, не позволив ему воспользоваться рацией, что он намеревался выхватить.

Вскоре...

Очнулся Орехов от сильных пощёчин.

– Доброго времени суток, старый пердун! – процедил небезызвестный мужчине голос, однако охранник не определил, кому он принадлежал: кровь бешено пульсировала в висках, отчего рассудок совсем помутнел.

Руки и ноги Захара натирала тугие верёвки, приковавшие его к стулу, а рот затыкал тряпичный кляп, куда упёрся отчаянный выкрик мужчины.

Постепенно к Орехову вернулась чёткость картинки, и он увидел перед собой бандита в чёрной маске.

Беспомощно замычав и вытаращив излучающие страх глаза, охранник задёргался всем телом, чем вызвал смех своего пленителя.

– Смелость в трусы стекает? – ухмыльнулась фигура напротив, и Захар к своему потрясению угадал в ней Ивана Климова. – А ведь если бы ты прикусил свой поганый язык, я бы тебя не тронул! Мне, вообще-то, не особо нравятся по-

добные методы. Хотя, после дерьма, что ты на меня вылил, они вполне оправданы...

“Что ещё за чертовщина? Кем он себя возомнил?” – крутилось в голове у Орехова, пока преступник подтаскивал к нему канистру, оставленную у входа.

Охранник вылупился на алюминиевую ёмкость и перевёл ошарашенный взгляд на Ивана, чьи губы в прорези балаклавы расплылись в хищном оскале:

– Да, ты вот-вот превратишься в пепел, за что я получу солидное вознаграждение. Куш и месть в одном флаконе! В коем-то веке мне улыбнулась удача! Ну, не всегда же говнецо жрать, как в случае с супругой! До сих пор не понимаю, какой же надо быть сукой, чтобы, состоя в браке, раздвинуть свою калитку ради секса на ночь, залететь от левого мужика, а потом выдать постыдный плод этого соития за наш совместный! Я долго воспитывал сына, считая, что он – частичка меня, и лишь через несколько лет узнал, что слепил с Тamarой только дочь... Ты даже не представляешь, насколько тяжело наблюдать за ребёнком, ежедневно напоминающем о неверности родного человека! Так что поразмышляй напоследок, как подонка, вроде меня, терпит жена...

И Климов окатил безуспешно сопротивляющегося узника бензином, угодившим тому на волосы и лицо, а также пропитавшим одежду. Затем Иван расплескал горючую жидкость по всей площади помещения и, чиркнув зажигалкой, произнёс:

– Счастливой загробной жизни, Захар!

24

Суббота, десятое октября

00:51

Телефонный звонок выдернул Алексея из сна. Он раздражённо отбросил одеяло, соскочил с кровати и метнулся к тумбе, где бренчал аппарат.

– Кто беспокоит?! – сняв трубку, проворчал Трофимов.

– *Лёша, это Гордей Ефимович!* – прозвучал встревоженный голос начальника с другого конца провода.

– Гордей Ефимович? – встрепенулся парень. – Что-то стряслось?

– *Лёша...* – пауза, всхлип. – *Тут склад полыхает...*

Новость повергла Трофимова в такой шок, что он, пошатнувшись, потерял дар речи.

– *Лёша? Ты меня слышишь?*

– Слышу, Гордей Ефимович! – тихо ответил парень и добавил. – Я скоро буду...

01:37

Вот уже полтора часа две бригады пожарных боролись с объявшей внушительный ангар свирепой стихией, обстреливая её из ручных стволов, откуда под мощным напором вырывались струи воды. Взмывающие ввысь языки ревущего пламени “обгладывали” постройку, что издавала скрипы и трески, напоминающие болезненные стоны.

Владелец сети мебельных магазинов “Уют” Гордей Ефи-

мович и охранник, сообщивший об инциденте, беседовали с пожарным инспектором Лыткиным.

– Вы набрали нам сразу, как узрели огромный огненный столб? – уточнил дознаватель, делая записи в блокноте.

– Угу! – промычал мужичок с КПП.

– Свидетелей больше нет? Кто бы присутствовал у объекта в момент, когда он вспыхнул?

– Ночью здесь ни души. Внутри дежурил человек, но он погиб...

– Не понимаю, почему Захар не эвакуировался, – покачал головой предприниматель.

– Чуется мне, его там попросту заперли... – предположил инспектор.

– То есть Вы считаете, что произошло убийство? – ужаснулся Гордей Ефимович.

– Именно, – кивнул хмурый Лыткин. – Вероятность самопроизвольного возгорания минимальная.

– О, Боже! – побледнел предприниматель. – Вы же отыщите виновных?

– Подобное в компетенции милиции.

– Ждать от неё каких-либо действий бесполезно!

– Выбор у Вас невелик... – заключил дознаватель и, указав на УАЗик с красным крестом на борту, посоветовал. – Пока же Вам лучше проследовать к медикам, чтобы они позаботились о Вашем здоровье.

– Спасибо, ни к чему, – отмахнулся Гордей Ефимович,

устремив в пустоту полный отчаяния взгляд.

Своё обрушение начала прогнувшаяся крыша сооружения: расположенные под её сводами балки с грохотом полетели на бетонный пол. После падения каждой части конструкции в небо отправлялись копы оранжевых искр, уносимых в разные стороны ветром.

03:57

Трофимов обречённо наблюдал за тем, как пожарные разгребают завалы, что остались от его рабочего места, представляющего теперь лишь груды покорёженного металла, расплавленного пластика и стекла, а также обугленных диванов. От руин тянуло жаром и неприятными запахами залитых водой сожжённых предметов.

– Вы известили Климова? – безэмоционально любопытствовал Алексей у своего шефа.

– На кой чёрт? Он плевать на всё хотел. Поди опять посаживает алкашку под забором... – фыркнул предприниматель и поковылял к милиционерам. Трофимов увязался за ним.

– Так, ребята, опечатать пепелище и никого не впускать! – распорядился капитан Кривцов и покосился на приближающихся к нему Гордея Ефимовича и Алексея. Первый осведомился у офицера:

– Труп нашли?

– Вы кто такие? – пробрюзжал мужчина в погонах. – Только не говорите, что журналисты! Меня от них тошнит!

– Я арендатор склада, а он – один из его охранников...

– Сочувствую. Ущерб получился поистине колоссальным... – вздохнул Кривцов и, расстегнув китель, вытер потный лоб. – Тело Вашего сотрудника мы откопали, правда, телом это назвать крайне сложно...практически ничего не уцелело.

– Какой кошмар! – просипел предприниматель.

– У Вас есть догадки, кто мог совершить преступление?

– Конкуренты, наверное... Тот же Харитон – его зависть ко мне безгранична! У ублюдка своя компания “С комфортом”... – поведал потерпевший и обратился к Трофимову. – У тебя какие мысли, Лёш?

Гордей Ефимович обернулся и обнаружил, что парня рядом с ним уже нет. Алексей незаметно улизнул от своего руководителя и офицера, пролез под жёлтой лентой и направился по развалинам к группе людей в халатах.

– Эй, уважаемый, вход сюда воспрещён! – гаркнул ему молодой милиционер, чей окрик Трофимов проигнорировал самым наглым образом. – Вернитесь обратно! Иначе я применю силу!

И снова ноль внимания. Перешагивая через обломки строения, парень продвигался дальше. Очутившись у склонившихся над чем-то специалистов, он растолкал их и устался вниз. Увидев освещаемый белым сиянием прожектора кусок человеческого черепа и закоптившиеся кости, Алексей оторопел. Напрягши скулы, дабы придержать подкатившие к глазам слёзы, Трофимов ощутил, как в нём бурлит нарас-

тающая злость.

– Кто бы ни сотворил с тобой такое, Захар, я пришью его! Даю слово! – сквозь зубы процедил парень, сжав кулаки до хруста.

Подбежавший к Алексею милиционер намеревался схватить его за плечо, однако Трофимов грубо отстранил рядового от себя. Тогда на помощь стражу закона явилась ещё пара коллег в форме, и общими стараниями они выдворили бунтаря за пределы оцепления, где на него с укором посмотрели Гордей Ефимович и капитан.

– Разве не ясно, что туда нельзя? – зашипел на Алексея Кривцов.

– Я всего-навсего попрощался с товарищем, – произнёс Трофимов.

– Думаю, Вам надо отдохнуть. Езжайте домой...

– Хорошо. Но я настаиваю на личной встрече с Вами!

– Если у Вас возникнут какие-либо вопросы, зададите мне их в ОВД “Союзном”. Скажите, что к Руслану Федотовичу, – и офицер удалился к подчинённым.

25

Как и обещала, Тамара заявила в школу вместе с Петей. Забавно, но прежде конфликтные ситуации мальчика улаживал Иван, довольно успешно отстаивавший сына. Точнее, того, кого он таковым считал. Увы, времена изменились. Крепкую некогда семью расколола мимолётная интрижка Климовой, и отныне ей самой надлежало разгрести льви-

ную долю проблем, касающихся её первенца. Впрочем, женщина радовалась и тому, что муж не закатил ей очередного утреннего скандала. Провонявший бензином он вернулся домой невесть откуда около часа ночи и, оккупировав кровать, дрых словно сурок.

Повесив куртку и мешок с уличной обувью в гардероб, Петя со своей мамой отправился в крыло начальных классов. Ребёнок дрожал от волнения, однако переубедить Тамару он больше не пытался, так как она излучала непоколебимую твёрдость своих намерений.

Женщина напористо вломилась в кабинет и устремилась к преподавателю, подготавливающему доску к занятиям. Дети тут же притихли, удивлённо уставившись на Климову, а затем и на её отпрыска, робко потупившегося в пол.

– Елена Валерьевна, у меня к Вам серьёзный разговор! – озвучила цель визита Тамара. – Среди Ваших подопечных есть два садиста. Вчера они избили моего мальчика, связали и бросили в крапиву!

– Господи, что за страсти? – растерялась сочувственно взглянувшая на Петю учительница, стараясь осмыслить влившуюся в её уши столь неожиданно информацию.

– Тот же вопрос я хотела задать Антону Петухову, а также его родителям! Мне необходимо увидеться с ними!

– Отец Антона забрал документы сына буквально сорок минут назад, сцепившись с его матерью-директрисой из-за инцидента, случившегося накануне на математике! Поэтому,

боюсь, пообщаться с ними уже не получится...

– Поджали хвосты, шакалы... Что ж, меня интересует и другой участник надругательств! – решила Климова и конкретизировала у Пети, переминающегося с ноги на ногу. – Как его зовут?

Ребёнок помедлил, потом покосился на побледневшего Наиля, чьё сердце норовило выпрыгнуть из груди, а глаза молили “пожалуйста, не закладывай меня”, и ответил:

– Честно, я не в курсе, кто был с Петуховым...они же со спины напали, второго я не различил...

Бабаев облегчённо выдохнул и обессиленно растёкся по стулу.

– Зачем ты врёшь? – возмутилась Тамара. – Таких людей нельзя покрывать!

– Я не вру. Помощник Антона молчал. Так бы я по голосу понял, кто он, – гнул свою линию пацанёнок.

– Дети, обращаюсь ко всем! Никто не желает признаться в том, что сотворил с Петей днём ранее, мм? – строго осведомилась Елена Валерьевна, осмотрев невинно хлопающую ресницами аудиторию. – Лучше урегулировать всё сейчас, и не доводить дело до социального педагога!

– Бесполезно, – заключила Климова и предложила. – Организуете мне на неделе беседу с мальчишками?

– Обязательно! – кивнула учительница.

– Тогда до скорого! – и Тамара, подбодрив сына, проследовала в коридор.

Петя, приковавший к себе всё внимание одноклассников, прошагал до своей парты и сказал соседке:

– Крис, я сегодня сяду к Анфисе, ладно?

– Что?! К этой жирухе? – изумилась Рубцова.

– Она не жируха! Фильтруй свою речь! – ревностно вступился за Зорину мальчик и демонстративно ушёл к пампушке, ошеломив приятельницу, обиженно мотнувшую головой, на которой колыхнулась пара белоснежных бантов.

Анфиса что-то бурно выясняла с Геней. Приблизившийся к ним Петя тактично откашлялся и произнёс:

– Слушай, составишь компанию Кристине?

– Ты реально надумал махнутья со мной местами? – не веря собственному счастью, воскликнул просиявший Сюртуков.

– Да. Единственное, она не в духе. Совладаешь с её эмоциями?

– Пфф, конечно! – скорчил самонадеянную физиономию Гена и, схватив руку Климова, благодарно её затряс. – Я перед тобой в долгу, Петруха! Ты осуществил мою давнюю мечту!

Улыбаясь во всю ширь своего рта, Сюртуков прилизал непокорные волосы на макушке, поправил узелок пионерского галстука и передислоцировался к Рубцовой. Климов же устроился рядом с недоумевающей Зориной.

– Ого, вот так привалило! – поразились толстушка. – Не зря я всё-таки причащалась...

– Ты очень хорошая девчонка! Без тебя я бы пропал, – резюмировал мальчик, покопался в ранце и, выудив оттуда плюшевую зайчиху с букетом ромашек в лапках, протянул её Анфисе. – Я с ней в садике почти не расставался, моя самая любимая игрушка. Теперь она твоя...

– Ой, милота! – засмушалась Зорина, принимая презент. – Жаль только не съедобная...

– Мы с мамой испекли для тебя пиццу, – подмигнул пухляшке Петя и, на секунду отвлѣкшись на воинственно встретившую Гену Кристину, вытащил пакетик с треугольными кусочками блюда.

– Уииии! – чуть не подавившись слюной, провизжала Анфиса и утопила Климова в своих объятиях.

26

Осеннее солнце ещё не поднялось над макушками хвойных исполинов, однако предрассветные сумерки уже вытесняли ночную темноту. Чахнувшие травы и увядающие листья кустарников покрылись прозрачной росой, блестящей, словно жемчуг.

Скрестив руки на груди, Гаврила выбрел из своего “теремка”, когда у лагеря возникла хрупкая особа лет двадцати пяти в сером пальто.

– Девонька, Вы энто к кому нынче такая красивая заявились? – удивился попыхивающий трубкой старик, облокотившись на будку.

– Неужели я действительно выгляжу привлекательно по-

сле прогулки по лесу? Или Вы заядлый лстец? – хохотнула барышня и добавила. – Я к Скворцову, уважаемый.

– Яхонтовая моя! – раздался за спиной охранника ласковый голос учёного. – Как же я рад тебя видеть! Гаврила, впусти её да поскорее!

Сторож поспешил выполнить распоряжение Виктора Бенедиктовича и сию минуту отпер ворота “Тайника Лешего”. Скворцов подскочил к Нине Князевой и принял у неё тяжёлый пузатый чемодан. Она пламенно обняла наставника, и тот повёл её к корпусу.

– Да Вы вытянули счастливый билет! Здесь поистине чудесно! С какого созвездия Вам удалось сбить нового спонсора? – поразилась девушка, с любопытством озираясь по сторонам.

– Гриша сам нашёл нас, подарив проекту вторую жизнь, – растолковал учёный.

– С таким везением Вам нужно попробовать себя в лотерее.

– Я и так в ней участвую. И главный приз – здоровье Лёни.

– Вы его обязательно получите!

Миновав беседку, Виктор Бенедиктович заботливо осведомился:

– Как добралась? Я думал, ты возьмёшь такси...

– Меня жутко укачивает в автомобилях, поэтому я предпочла электричку. На станции, что расположена за холмом вблизи деревни Малые Дуки, я спросила, в каком направле-

нии топать, и организовала себе утренний променад...

– Своим подвигом ты заслужила вкусный завтрак! – улыбнулся помощнице Скворцов и распахнул перед ней дверь в двухэтажное здание.

Они прошагали по длинному коридору к третьей комнате справа, куда учёный занёс багаж Князевой.

– Твои апартаменты, – прокомментировал Виктор Бенедиктович. – Как напудришь носик – жду тебя у себя!

И мужчина покинул ассистентку.

Девушка сняла чулки, откопала среди своих вещей тапочки и, надев их взамен неудобных жмущих туфель, устремилась в спальню к Скворцову, где сам учёный кормил сына, а Гончарова распределяла глазуню по тарелкам.

– Нина! – ликующе воскликнула первая помощница Виктора, заметив в проходе коллегу. – Наконец-то ты с нами!

– Я тоже по тебе соскучилась, Галя! – выказала взаимность Князева и, потрепав промывавшего приветствие Лёню по голове, уточнила. – Ты у нас теперь не только за пробирки, но и за еду отвечаешь?

– Наша повариха отлучилась по делам, и мне пришлось вспомнить, что значит быть хозяйкой! Как выяснилось, яйца жарить я ещё не разучилась...

– Надеюсь, ты приготовила их не хуже, чем реактивы...

– Сейчас продегустируем! Присаживайся!

Устроившись за столом рядом со Скворцовым, Нина вооружилась вилкой и с аппетитом набросилась на стряпню по-

други.

– У тебя кулинарный талант! – похвалила Гончарову Князева.

– Согласен! – кивнул учёный и, обмакнув кусочек хлеба в желток, бережно положил его в раззявленный рот своему ребёнку.

– Если мне доверять блюда попроще, их даже можно употреблять! – отшутилась Галина и отпила свежезаваренного чаю.

– Вы не приступали к работе? – пережевав очередную порцию пищи, поинтересовалась Нина.

– Нет, – отозвался Виктор Бенедиктович и вытер Лёне губы салфеткой. – Лаборатория в процессе формирования, однако я планирую начать кое-какие исследования уже сегодня...

– Кстати, на какой площади развернули оборудование?

– На той, что прямо под Вами!

– То есть, она под землёй? – поперхнулась Князева.

– Ага, как бункер, – подтвердил Скворцов. – Пока там создают благоприятные для нас условия, я поколдую над мышами...

27

Трофимов без проблем договорился с дежурящим на КПП складской территории охранником, и тот пропустил его к сгоревшему ангару.

Лучи восходящего солнца пролили свет на разрухи соору-

жения, вычленив из темноты их очертания. Все спец. службы покинули место происшествия, и теперь Алексею представился шанс спокойно побродить по завалам.

Парень пролез под жёлтой лентой и медленно двинулся по неровностям созданного пожаром ландшафта. Он внимательно смотрел под ноги в попытках найти что-либо примечательное.

Несколько раз обойдя каждый метр обугленного пространства и заглянув во все полости и углубления, Трофимов начал отчаиваться. Огонь старательно выжег всё, что могло хоть как-то указать на злоумышленников, и от любой потенциальной зацепки остался лишь пепел.

Ретироваться, однако, Алексей не собирался. Парень решил прочесать площадь с обратной стороны уничтоженной постройки, откуда, как он считал, и явились преступники.

Изучив ржавый забор из рабичной сетки, Трофимов обнаружил участок с повреждёнными ячейками, явно перерезанными кусачками. Было заметно, что здесь полотно сперва отогнули, а затем притянули назад, придав ему помятый и слегка провисший вид. После обломанные концы проволоки наскоро примотали к целым, чтобы залатать брешь в изгороди.

Алексей присел на корточки и скрупулёзно обследовал почву. Его глаза напряжённо обшарили пыльный грунт в ближайшем радиусе, пока не остановились на ошмётке зелёной ткани с чёрными полосками.

“Хм, знакомая раскраска. На ком я её наблюдал?” – подумал парень и, схватив пинцетом лоскут, погрузил его в заготовленный пакетик. – “Интересно, на что напоролся убийца, что потерял такой большой обрывок одежды?”.

Ответ напросился сам собой, когда парень покосился на лежащий неподалёку лохматый бугор.

– Цыган... – прошептал Трофимов и, подскочив к трупу массивной собаки, на чьей шерсти запеклась кровь, скорбно произнёс. – И тебя, дружок, не пожалели... Чёртовы нелюди! Но ты умница, мальчик! Уверен, ты сделал всё, что в твоих силах... Спасибо за улику!

Простившись с псом, Алексей повторно убедился в том, что ни одна деталь от него не ускользнула, и отправился прочь.

28

Отоспавшийся после тяжёлой ночи Иван Климов прошагал на кухню, вытащил из холодильника бутылку пива и едва открыл её, как в прихожей начал надрываться телефон. Вздвогнув от внезапного брэнчания, мужчина пролил на свою полосатую майку немного спиртного, пробурчал себе под нос ругательства и, проследовав к аппарату, недовольно снял трубку:

– Кто беспокоит?

– *Рад тебя слышать, Ваня! Раз ты ответил, значит, ангар Гордея уничтожен?* – поинтересовался шипящий голос.

– Железная логика, Харитон! Только какого лешего ты

мне звонишь? Если бы рядом была жена, она бы мне потом все мозги своими расспросами проела! Мы ведь договаривались вчера в офисе, что я явлюсь вечером!

– *Просто я захотел удостовериться, что ты благополучно добрался до дома...*

– Спасибо за заботу!

– *Проблем не возникло?*

– С какой стороны посмотреть. Швея из меня никчёмная, поэтому заплатку на рубашку я прилепил с огромным трудом...

– *Что за история из ателье?*

– Складская псина цапнула меня за руку, но, к счастью, её клыки повредили только одежду... – объяснил Климов и отхлебнул хмельного напитка, на что хохотнувший Харитон уточнил:

– *Празднуешь успешно провёрнутое дело?*

– Ага. Перед тем, как свалю из Гродска куда подальше, пока ситуация не утрясётся...

– *Думаешь, милиция станет тебя искать? Там же всё выгорело дотла, для них это полный висяк!*

– Осторожность мне не мешает! Я же человека убил...

– *Твоё право! Мне лишь осталось выплатить тебе вторую часть суммы, и мы разойдёмся, словно Лавразия и Гондвана.*

– Мне не нравятся подобные сравнения... я ни хрена не понял, – скривился Иван и добавил. – Жди меня в пять!

Трофимов вернулся на съёмную квартиру в весьма паршивом состоянии. После поистине ужасной ночи ему требовался заряд позитивных эмоций, дабы отвлечься от гнетущих мыслей. Тогда он решил набрать Лене. Трубку взяла её мама и отрапортовала, что дочь ещё на работе. Парень полюбопытствовал, где преподаёт объект его вожделения, и рванул туда.

Вскоре...

Очутившись на крыльце школы, Елена Валерьевна приятно удивилась: на улице её встречал Алексей.

– Сопровождающего заказывали?

– Удачно я утром помечтала! – радостно воскликнула девушка, спустилась к Трофимову и, обнявшись с ним, озвучила родившиеся в голове строки:

Ты вдруг возник из ниоткуда,
Как из тумана ёж лесной.

Доселе не случалось чуда,
Какое ты творишь со мной!

– Поэтично! Кто автор? – уточнил молодой человек.

– Я, – хохотнула Лена.

– Серьёзно? Прямо на ходу сочинила? – поразился парень.

– С определёнными людьми порой нахлынывает вдохновение... – пояснила девушка и попрощалась со своими подопечными, Анфисой и Петей, проскакавшими мимо неё с громоздкими ранцами.

– Ого, не фиговая из меня муза! – сыронизировал Алексей. – Сам-то я в литературе профан. Помнится, отхватил двойку за то, что не выучил стих Фета. Увы, прежний педагог пересдачу у меня уже не примет. Так что, я прочитаю его тебе? Надо же исправлять оценку!

– Прошу! С чувством, с толком, с расстановкой!

Трофимов откашлялся и, глядя спутнице в глаза, с выражением начал:

Я пришёл к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;
Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;
Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришёл я снова,
Что душа всё так же счастью
И тебе служить готова;
Рассказать, что отовсюду

На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что буду
Петь – но только песня зреет.

Девушка захлопала в ладоши и резюмировала:

– Bravo, Алексей! Несите дневник, пять!

– Да бросьте, Елена Валерьевна, там не больше четвёрочки с плюсом, – театрально изобразив смущение, отмахнулся парень.

– Сейчас тройку влеплю, артист! – рассмеялась девушка и поинтересовалась. – Ну-ка колись, как ты ухитрился выследить меня сегодня?

– Ты подобна маяку, на чей луч потянулся мой затерявшийся в штормящем океане корабль...

– Какой же ты красноречивый дьявол! А прожектор на маяке не моя ли мама по телефону включила? – ухмыльнулась Лена.

– Быстро ты меня рассекретила!

– От меня ничего не ускользает! Например, то, что ты какой-то замученный, хоть и пытаешься улыбаться... Плохо спалось?

– Вроде того...

– Поделишься переживаниями?

– Вообще-то, я не планировал грузить тебя своими проблемами...

– Я вся во внимании.

Трофимов мрачно посмотрел на барышню и поведал:

– Сожгли склад, который я охранял, а вместе с ним и моего сменщика.

– Какой кошмар, Лёша! Почему ты сразу не проинформировал меня?

– С тобой мне не хочется грустить... Зачем тебе копаться в чужом негативе?

– Не в чужом. Я постараюсь помочь! Где тебе теперь работать?

– Трудоустроюсь на новое место...

– А если процесс займёт много времени? На что тебе питаться и оплачивать аренду?

– Не волнуйся, Лен, я не пропаду.

– Ой, не корчи из себя всесильного! Потому что у меня есть к тебе предложение – переезжай ко мне! Подготовка, стирка, уборка – я дама хозяйственная, со мной ты преодолешь столь тяжёлый период гораздо легче...

– Мы ведь недавно заобщались. И мне неловко обременять тебя...

– Я девушка приличная: заселю тебя в другую комнату. К тому же, мне довольно одиноко. Поэтому дивиденд в виде соседа окупит всё с лихвой...

– И как ты урегулируешь вопрос с мамой?

– Она лишь изредка гостит у меня... Представлю ей тебя своим постояльцем.

– Я в замешательстве...

– Соглашайся! Или у тебя имеются варианты заманчивей?

– Умеешь ты разоружать! – почесал затылок огорошенный парень и вымолвил растроганным голосом. – Спасибо! Обещаю, я не превращусь в обузу!

– Неужели у меня получилось уговорить неприступного

словно форт Алексея? – съёрничала девушка, уперев руки в бока.

– Мои крепостные стены рухнули задолго до того, как я произнёс это вслух... Отпразднуем мою капитуляцию посещением цирка?

– Конечно! Я обожаю цирк!

И пара направилась к центру города.

30

– Сегодня десятое октября тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года. Время... – Скворцов сверился с часами, потом взглянул на Князеву, заносящую каждое его слово в дневник, и продолжил. – Время пятнадцать пятьдесят шесть. Подопытный – слепая мышь Пират, у которого также отсутствует передняя левая конечность. Все жизненные показатели в норме. Приступаем к инъекции прототипа сыворотки М-1.1. Доза пол миллилитра...

Гончарова приблизилась к решётчатой клетке, где в опилках копалась белая трёхлапая особь с розовым хвостом и длинными усиками, открыла дверцу, вытащила грызуна, чьи глаза затянула молочная плёнка, наружу и, положив его на простерилизованный стол, размещённый в самой просторной комнате здания для персонала, прижала.

Между тем Виктор Бенедиктович медленно набрал в шприц требуемое количество пурпурной жидкости из ампулы и, улыбнувшись, обратился к своей ассистентке:

– Что ж, Галя, держите нашего незрячего одноногого

крепче...

Постучав ногтем по корпусу медицинского инструмента, учёный слегка надавил на поршень и с маленькой струйкой раствора выплеснул из цилиндра пузырьки воздуха. Затем он вонзил иглу в бедро тяжело дышащего зверька, отчего тот непроизвольно дёрнулся, и не спеша ввёл препарат.

– Можете вернуть беднягу в его домик, моя дорогая, – разрешил Скворцов и, выкинув использованный шприц в мусорное ведро, снял перчатки. – Я заметил, что у Вас тряслись руки...

– Мною овладело волнение, Виктор Бенедиктович. Мы ведь впервые применили наши теоретические данные на практике, – пояснила Гончарова.

Скворцов понимающе кивнул и распорядился:

– Ниночка, вечером возьмите у Пирата все необходимые анализы! Мы должны следить за изменениями в его состоянии. Я же пока прогуляюсь с Лёней!

– Я всё исполню! – ответила Князева и вспомнила, что её наставник, как и прочие учёные мужья, любит, когда его называют доктором. Это было неким признаком уважения, что-то вроде правила хорошего тона, поэтому она добавила. – Не беспокойтесь, доктор...

31

Посетив с Леной чудесное цирковое шоу, Алексей проводил девушку до дома, а сам поехал в ОВД “Союзный”.

Парень миновал “обезьянник”, упёрся в дежурную часть,

где за окном сидел лысоватый мужчина с лычками сержанта, и, уточнив у него, как попасть к Руслану Федотовичу, двинулся в указанном направлении по узкому коридору. За поворотом, у лестницы на второй этаж, он стал свидетелем громогласной перепалки милиционера и закованной в наручники вульгарной дамы.

– Тот шакал домогался до меня! А Вы, упыри, задержали и приволокли сюда жертву его сексуальных фантазий! – агрессивно кричала женщина в лицо конвоиру.

– Милочка, он поймал Вас, когда Вы выгребали из его сейфа драгоценности, – спокойно парировал служитель закона. – Так просветите меня, барана, какого рожна Вы очутились в чужой квартире? Со своей перепутали?

Остальных реплик Трофимов не расслышал, так как напнулся на кабинет с табличкой “**Следователь Кривцов Р.Ф.**”. Постучавшись, он заглянул внутрь.

– Аа, это Вы, – отвлекшись от бумаг, вспомнил офицер. – Забегайте! Только не тратьте моё время напрасно. Говорите коротко и по существу!

Алексей прошагал по апартаментам капитана, за чьей спиной на бежевой стене висело кашпо с искусственным растением, и приземлился на стул у заваленного макулатурой стола Руслана Федотовича, по обе стороны которого возвышались шкафы с теснящимися на полках папками и журналами, маркированными разноцветными этикетками и разделёнными бирками.

– Я хотел бы прояснить для себя, насколько плотно Вы намереваетесь заняться делом о сожжении моего коллеги? – полюбопытствовал парень.

– Мне сложно Вам что-либо обещать, молодой человек, – нахмурил лоб Кривцов. – У нас хватает хлопот и мы, без преувеличения, зашиваемся...

– Скажите честно, Вы не планируете расплестать клубок?

– Я вкалываю почти без выходных и буквально живу на работе! Чего Вы добиваетесь?

– Справедливости. Ведь я пожаловал в “Союзный”, потому что знал – Ваша шайка в погонах не зашевелится, пока её не растормошить...

– Тот стереотип, что бытует о милиции в обществе, не соответствует реальности. Мы тут не в носу ковыряемся! Народ не в курсе, какие усилия прилагает наша структура для защиты и помощи гражданам!

– Так помогайте, чёрт побери! Языком молоть все горазды!

– Вы простой, как пять копеек! Думаете, преступления раскрываются по щелчку пальцев? Особенно те, что совсем не балуют уликами!

– Вы уверены в полном отсутствии зацепок?

– Мои ребята досконально прочесали руины, чуть не ползая по ним брюхом!

– Вряд ли они так заморачивались, раз обычный парень умудрился что-то откопать, – разочарованно ухмыльнулся

Трофимов и, вытащив из кармана пакетик с клочок ткани, продемонстрировал его поперхнувшемуся офицеру. – Данный лоскут я обнаружил у забора за ангаром. Если бы Вы заметили зарезанную собаку неподалёку оттуда, то сообразили бы, что она накинута на злоумышленника в момент его проникновения на территорию и перед гибелью успела повредить ему одежду.

– Инициативно, – оценил пристыжённый Руслан Федотович, покусывая нижнюю губу.

– Спасибо, конечно, но такую активность обязаны проявлять Вы. У меня ощущение, что милиция нарочито упустила детали, чтобы слить инцидент с пожаром в унитаза...

– Без лукавства, в приоритете у меня другие происшествия. Здесь не столь резонансный случай.

– Я уловил намёк. Вы считаете, что на одинокого возрастного мужчину всем наплевать, и решили бездействовать?

– В Вашей интерпретации звучит крайне грубо!

– Зато так, как оно есть!

– Давайте я отправлю Ваше вещественное доказательство на экспертизу, и потом уже будем плясать от полученных результатов.

– Не сейчас. С ним я нагрюну в офис компании “С комфортом”. Ночью Гордей Ефимович обмолвился Вам, что в первую очередь подозревает их контору. Они усердно подминали под себя мелкие предприятия, стремясь превратиться в единую влиятельную корпорацию, и лишь магазины

“Уют” отвергли сотрудничество... Вот Вам и мотив.

– Весьма аргументировано...

– Надеюсь, Вы поняли мою позицию, капитан. Даже не мечтайте, что я от Вас отвяжусь! Всего доброго! – и Алексей, поднявшись с места, едва приблизился к двери, как Кривцов окликнул его:

– Подожди...

Притормозив, парень вопросительно уставился на офицера, произнёсшего:

– У нас катастрофический дефицит кадров и оттого мне в строю нужны упрямые напористые люди, вроде тебя. Твоя прыть и энергия очень пригодятся в отделе по расследованию убийств.

– Вы зовёте меня к себе в милицию? – удивился Трофимов, скептически прищурившись.

– Да, – кивнул Руслан Федотович. – Ты меня впечатлил... По сути, наш диалог заменил собеседование. И ты его успешно прошёл. Ну, согласен официально разгадать, кто причастен к событиям на складах?

– С удовольствием! – воодушевился Алексей.

– Тогда возвращайся послезавтра. Оформим тебя, и начнёшь пахать в качестве моего протезе... – заключил капитан, и на том они с Трофимовым попрощались.

32

Скворцов вырулил инвалидную коляску с Лёней на скрипучий причал и протолкал её до противоположного края, где

стояли две баночки: одна наполненная скользкими извивающимися червяками, а другая кусочками чёрствого хлеба.

“Багровое” озеро, купающееся в золотистых лучах солнца, постепенно клонящегося к закату, напомнило учёному широкую бездонную чашу, окружённую елово-сосновым лесом. Он посмотрел в мутную пучину и подумал, какая же там, вероятно, приличная глубина. Затем Виктор Бенедиктович переметнул взгляд на практически отвесную скалу, отсекающую бассейн слева. На самой её вершине громоздились хвойные растения и пробившиеся из переслаивающихся пластов корявые корни некоторых из них, застывшие высоко над пропастью.

Ребёнок раззявил кривой рот и, выплёскивая из него невнятные звуки, вцепился в одежду отца.

– Что такое, сынок? – заботливо поинтересовался у мальчика Скворцов, и Лёня своей раздувшейся головой, чей подбородок упирался в грудь, указал на достаточно дистанцировавшуюся от берега лодку с патлатым стариком на борту. Одетый в задрипанную соломенную шляпу, чумазую майку и дырявые штаны с помочами мужичок, пожёвывая травинку, стиснул в руках удочку и не сводил глаз с поплавок, периодически накрываемого волнами.

– Какой ты у меня наблюдательный! – восхитился отпрыском учёный и ласково потрепал его по волосам, на что ребёнок радостно прогыгыкал.

Просидевший недвижно ещё несколько минут неряшли-

вый дядька озадаченно потупился вниз, следом покосился на сушу, с досадой плюнул обмусоленный стебелёк и стал сворачивать бамбуковую трёхколенку. Потом он вытянул из воды закреплённую на носу шлюпки верёвку с увесистым камнем на конце и направил судёнышко к пирсу. С синхронно опускающихся и поднимающихся вёсел стекала белая пена. При ударах лопастей о поблёскивающую плоскость озера раздавались шлепки и в стороны летели множественные брызги, а на месте погружения гребных приспособлений образовывались воронки.

Приблизившееся к причалу деревянное корыто мужичок привязал к свае из лиственницы и обратился к Виктору Бенедиктовичу:

– Эй, подай-ка мне, пожалуйста, вон те жестянки у твоих ног.

Скворцов подобрал с досок ёмкости и любезно поднёс их лохматому дядьке.

– Ага, благодарю, – отозвался тот. – Я Демид!

– Виктор! – пожав грязную шершавую ладонь собеседника, ответил учёный.

– Представляешь, Витёк, умотал я без приманки! Наживил здесь одного червяка на крючок и всё. Эх, мозги будто на опилки подменили!

– Как тут клюёт?

– Нормально! Вчера, правда, всего лишь пяток краснопёрок надёргал да окунька маленького. А так, если посчастли-

вится, можно шуку вытащить или крупного карпа.

– Вы из деревни за холмом?

– Да, оттуда, – кивнул мужичок, распутывая снасти. – Я как ушёл на пенсию, так увлёкся рыбалкой.

– С того момента морепродукты составляют Ваш основной рацион? – предположил Скворцов.

– Хе, я их не ем, Витёк! – улыбнулся гнилыми зубами дядька. – Жена мою добычу вялит, жарит, парит...но я от подобной пищи не в восторге. Занимаюсь ловлей чисто для удовольствия. Мне нравится сам процесс... Кстати, кто там с тобой?

– Мой сын, Леонид.

– Бедный парнишка. В аварию угодил что ли?

– Нет, травма при родах, – угрюмо объяснил учёный.

– Сочувствую... – прохрипел деревенский. – Однако ты принял мудрое решение, привезя его сюда! Зачем давиться пылью больших городов, дымом машин и выбросами заводов, когда на Земле есть такие прелестные уголки?

– Действительно. В пионерском лагере среди природы испытываешь настоящее умиротворение...

– В “Тайнике Лешего”? Сторож у Вас часом не Гаврила?

– Гаврила! Ваш товарищ?

– Сосед. Причудливый персонаж, но душевный! – хохотнул мужичок и отшвартовался от пирса. – Ладно, бывай, Витёк! Приятного Вам с сыном времяпровождения! Оздоровливайтесь!

– Спасибо! Удачного Вам промысла! – пожелал Скворцов и услышал шаги позади.

Обернувшись, он увидел подходящего к ним с Лёней Ежова.

– Аа, Гриша, устроили себе променад?

– Да! В лаборатории не продохнуть, – поведал спонсор и добавил. – Аппаратура стремительно поглощает свободное пространство, мы даже опережаем график!

– Замечательно! – воскликнул учёный. – Я уже буквально сгораю от нетерпения! Между прочим, сегодня мы с ассистентками не удержались и опробовали на мыши первый прототип сыворотки!

– И как? – возбуждённо уточнил Ежов.

– Пока рано делать какие-либо выводы... Позже Нина возьмёт у грызуна анализы, и мы скорректируем свою работу.

– Что ж, сообщайте об успехах! – попросил Григорий. – А теперь нам пора в лагерь. Скоро начнёт темнеть...

– Несомненно! – согласился Виктор Бенедиктович, снял с себя пальто и, укутав в него дрожащего от вечерней прохлады ребёнка, потопал за Ежовым.

33

Ещё на этажной площадке вернувшаяся от подруги Тамара услышала, как громко в её квартире работает телевизор. Когда она оказалась внутри, ей в нос ударил тошнотворный запах перегара, а уши прорезало разрывающим динамик

голосом Евгения Петросяна, который выступал с голубого экрана со своими весёлыми миниатюрами.

Пьяный вдрызг муж лежал на ковре в зале в одних лишь трусах среди разбросанных по комнате опустошённых бутылок алкоголя и прижимал пульт к волосатой груди. Женщина выдернула устройство из крепкой хватки супруга, и тот с кряхтением проснулся. Поморгав глазами, он протёр их костяшками пальцев, пробежался вокруг отупевшим взглядом и приподнялся на локтях.

Выключив горланящий ящик, Тамара приблизилась к усевшемуся на полу взлохмаченному Ивану и возмущённо проревела:

– Что ты здесь учинил??! Где дети??!

Мужчина, как бы защищаясь, прикрыл лицо ладонями и, икнув, ответил:

– Не барагозь... Они у себя...

– Эх ты! Нет бы им внимание уделить! Они, вообще-то, нуждаются в заботливом отце! – сыпала упрёками женщина.

Климов сморщился и проговорил:

– Ох, явилась моя бессовестная совесть...

– Сейчас же перебирайся в постель, и чтоб тебя видно не было, пока не протрезвеешь! – повелела Тамара, пнув в сторону склянку из-под водки и мятую банку пива.

– Сколько времени? – проигнорировав слова жены, поинтересовался Иван.

– Четверть пятого...

– Ик...мне идти п-п-пора, – заплетающимся языком произнёс Климов и, опираясь о шкаф, медленно встал.

– Куда? Совсем рехнулся?! А ну марш в кровать! – прикрикнула на мужа женщина, но тот грубо оттолкнул её и начал одеваться.

Он быстро накинул на себя заплатанную рубашку, с трудом влез в брюки, нацепил на голые ноги резиновые шлёпанцы, взял ранец Пети и, прошатавшись до коридора, вывалил своё тело за порог.

Звуки удаляющихся шагов супруга по лестнице завершились шумным захлопыванием подъездной двери. Тамара несчастно вздохнула и принялась наводить порядок.

34

С КОМФОРТОМ

всё для вашего удобства!

Эту вывеску с крупными буквами, на чьём фоне виднелось изображение камина, растянули практически во всю площадь лицевой части внушительного здания известной во всём Гродске торговой компании. Полотно баннера заšlo большинство окон, превращая стену в одну сплошную непроницаемую картинку.

Очутившись внутри, Трофимов оценил здешнюю эстетичность. В особенности его привлекла композиция, украшающая потолок: на берегу заросшего тиной пруда замерла обворожительная дама в белом платье и шляпе с перьями. Сжимая зонтик в изящных руках, она со сдержанной радо-

стью наблюдала за осанистым молодцем, что подплывал на лодке к старому причалу, теряющемуся в густых камышах.

Алексей улыбнулся, мысленно проассоциировав живописный рисунок с завязывающимися у него с Леной отношениями.

Парень приблизился к одной из касс, расположенных на границе с территорией, пестрящей предметами интерьера на любой вкус. За самыми дальними креслами имелась разделительная перегородка, определяющая начало зоны стройматериалов.

– Добрый вечер, – поприветствовал кудрявую девушку в фирменной голубой униформе Трофимов.

– Добрый! – ответила та и дежурно спросила. – Что Вас интересует?

– Мне бы уточнить, где тут кабинет Вашего директора...

Сотрудница объяснила, куда надо топтать, и Алексей устремился через мебельный отдел к лестнице с дубовыми перилами. Вокруг всё было обставлено с некой заботой, подомашнему, отчего создавалось впечатление уюта.

Парень стал подниматься на второй этаж, как внезапно заметил размахивающую пузатым рюкзачком фигуру, спускающуюся по такому же, находящемуся по другую сторону зала, маршу. Что-то заставило Трофимова притормозить и посмотреть на уж больно знакомого мужчину. В момент, когда Алексея осенило, что на человеке напротив зелёная рубашка с тонкими чёрными полосками, клочок которой он отыскал

у забора за сгоревшим ангаром, неопрятный дядька встретился с ним взглядом и, испуганно задрожав, ускорил шаг, постепенно перейдя на бег.

Парень сразу всё понял и, заорав “стой гнида!”, рванул со ступенек. Огибая шкафы, тумбочки и кровати, Трофимов отчаянно гнался за явно пьяным индивидом, повалившим кучу разных товаров на своём пути. Увы, дистанция между ними оказалась ощутимой, и хмырь, воспользовавшись форой, покинул магазин первым.

Алексей вылетел на улицу вслед за ним, едва не сбив с ног пожилых женщин с авоськами, преодолел ещё несколько метров и беспомощно проводил глазами уезжающий с парковки Ижевский “каблук” серебристого цвета – двухместный фургон с будкой. Дымя и натужно порывивая, автомобиль скрылся за поворотом.

– Климов, – отдышавшись, тихо произнёс парень. – Вот же сукин сын!

35

Влетев в свою квартиру с раздувшимся от денег ранцем, протрезвевший Климов проследовал напрямик в зал, дико осмотрелся вокруг и, откопав сумку, принялся нервно собирать вещи.

Напуганные таким поведением отца Яна и Петя поставили на паузу кассету с мультфильмами про попугая Кешу, а ошеломлённая Тамара поинтересовалась:

– Ты здоров, Вань?

– Бегом упаковывайтесь – мы валим из города! – сообщил он, утрамбовывая одежду. – Немедленно едем в сад!

– Зачем?

– Он догадался. Понял, что к чему, – встревоженно выпучившись на жену, объяснил мужчина, и продолжил суетиться.

– Кто и о чём догадался?

– Не задавай лишних вопросов! У нас мало времени! Он скоро нагрянет сюда! Шевелись!

– С места не сдвинусь! Сначала растолкуй мне, в чём проблема!

Климов раскраснелся, словно помидор, и жёстко врезал супруге ладонью по лицу, отчего та потеряла равновесие и плюхнулась на диван, заткнув рукой нос, откуда потекла липкая субстанция.

– Так допёрло?! – прорычал Иван и обратился к детям, подскочившим к рыдающей матери. – Яна, Петя, выполняйте, что велено!

– Ты ненормальный, – сквозь всхлипы просипела Тамара, приобняв дрожащих, как осиновые листья, ребятишек. – Если ты что-то натворил, не втягивай в это семью!

– Вот, значит, как? Семья от меня отказывается? – расвирепел мужчина, на чьей шее запульсировала жилка, и оттащил завопившую жену за волосы. – Ну уж нет, довольно с меня предательств! Я не позволю тебе снова смешать меня с грязью!

– Папочка, пожалуйста, прекрати! – захлёбываясь слезами, пропищала Яна.

Услышав её плач, тиран поубавил пыл и вдруг осознал, каким извергом сейчас предстал перед любимой дочуркой. Совсем не такой жизни он для неё хотел. И всё же, слепить счастье на глубоких ранах собственной трагедии у него не получалось. Будь кроха постарше, Климов бы поведал ей всю правду с уверенностью, что родная кровиночка его не осудит, а только посочувствует и поддержит. Ведь жертвой являлась не супруга, мастерски исказившая картинку. Отнюдь. В первую очередь страдал Иван, мечтающий, чтобы Яна считала его своим героем. Но что же она наблюдала в действительности из-за провокаций жены? Сердце будто облили кипятком, и глаза мужчины повлажнели.

– Я Вас молю...не бросайте в беде своего папу... – трясущимися губами проговорил Климов, помогая Тамаре подняться. – У него серьёзные неприятности...

БУМ! БУМ! БУМ! – донеслось из прихожей, и Иван окаменел.

– Открывай, убудок, иначе я разломаю тут всё нахрен!!! – проревел с этажной площадки разъярённый голос.

– Мамочка, нам страшно, – чуть дыша, пролепетал Петя, прижавший к себе сестру.

– Боже, спаси и сохрани, – поглаживая крестик, выдавила женщина, пока Климов судорожно шарился в кладовке, в итоге выбредя из неё с топором. – Что ты задумал??? – ах-

нула Тамара.

– Не бойся, просто обезврежу того, кто к нам лезет, – успокоил мужчина. – Запусти гостя внутрь, и я тресну его дөрвяхшкой по башке.

– Я против насилия! – запротестовала жена.

– У нас нет выбора! – прошипел Иван и, отправив детей в их спальню, дёрнулся от повторившейся барабанной партии.

БУМ! БУМ! БУМ!

– Я не шучу, кусок дерьма!!! Ты труп! – сыпал ядовитыми угрозами человек снаружи.

– Чего ты ждёшь, Тома? За дело! – властно распорядился Климов и, погасив свет, устремился за супругой в коридор, перевернув оружие обухом вверх.

Женщина покосилась на мужа, чей силуэт затаился во мраке угла у вешалки, и распахнула дверь. Перед ней возник худощавый брюнет со злобной гримасой, через мгновение, впрочем, сменившейся озадаченностью.

– Вы ещё что за кадр? – настороженно уточнила у парня Тамара. – Почему буяните?

– Эм... Я Трофимов Алексей, стажёр из ОВД “Союзного”, разыскивающий Ивана Климова.

– В данный момент его нет дома...

– Я загляну. Вы не возражаете?

– Я уважаю служителей закона, – невозмутимо ответила женщина и освободила Трофимову путь.

– Благодарю! – кивнул парень, добавив. – Извиняюсь за

столь грубые методы...

Алексей ступил в тёмное пространство и едва успел обернуться, дабы нащупать выключатель, как словил удар тупым концом топора по затылку.

Падая животом вниз, Трофимов попытался за что-нибудь ухватиться, однако лишь зацепил пальцами телефон, с грохотом и звонким “ДЗИНЬ” приземлившись с тумбочки ему на лопатку после того, как он, вырубившись, распластался на полу.

Тамара тихо застонала.

– Подотри сопли и быстро сгребай шмотки! – скомандовал ей супруг. – Нам пора...

Женщина подчинилась. Она поспешно укомплектовала баул и, позвав ребят, с ужасом вытаращившихся на облачённое в чёрную кожанку тело парня, которого Петя, вроде бы, видел сегодня на школьном дворе с Еленой Валерьевной, засемила с ними за Иваном по лестнице.

Спустя несколько минут...

Резкий перепад температуры сыграл свою роль: дорога покрылась почти незаметной глазу тонкой корочкой льда, ощутимой по поведению машины. Периодами её штормило по полосе, будто пьяную, но Климов и не думал сбавлять скорость, опасаясь, что его настигнет преследование.

Сидящая справа от мужа Тамара безучастно пялилась на пластиковое торпедо, не в силах разомкнуть губ. В её молчании смешались смятение, страх и злоба, буквально наэлек-

тризовавшие двухместную кабину.

Ижевский фургон продребезжал по трамвайным рельсам, и женщина, беспокойно заглянув через сдвижное окошко перегородки в будку, где среди вещей расположились дети, спросила их:

– Как Вы там? Не набили шишки?

– Нет, нормально, мам, – послышался приглушаемый рёвом мотора голос Пети.

– Не хрустальные, доедут, – буркнул Иван и под гудение клаксонов проскочил на красный сигнал светофора.

– С такими манёврами вряд ли, – отозвалась Тамара и, набравшись смелости, прошептала. – Почему за тобой явился тот парень?

Климов крепче сжал руль. Его скула дрогнула, а изо рта выпорхнула шокировавшая жену фраза:

– Я заживо сжёг человека...

– Ради чего?! – вымолвила побледневшая Тамара.

– Ради того, чтобы прокормить дочь и пару присосавшихся ко мне паразитов. Исчерпывающе? – раздражённо процедил Иван, включил печку, и по салону зациркулировал тёплый воздух.

“Каблук” пересёк черту Гродска и, рассеивая тьму своими круглыми фарами, помчался к садам.

Тем временем...

Алексей пришёл в себя. Сперва мысли представляли собой что-то невнятное и сумбурное, потом голова начала про-

ясняться и в ней замелькали фрагменты случившегося, вырванные из сознания. В память особенно хорошо, словно запечатлённый на плёнку, врезался эпизод падения после удара по затылку каким-то неизвестным ему предметом.

Сбросив со спины телефонный аппарат, Трофимов с трудом приподнялся и, перетерпев приступ тошноты, уселся на полу. Из рассечённой брови без остановки лилась кровь, образовавшая бордовую лужицу у входа в зал и измазавшая парню лицо. В глазах, один из которых опух и теперь напоминал спелую сливу, всё плыло и двоилось. Алексей прищурился в попытке сфокусировать взгляд, и картинка, наконец, нормализовалась.

Дверь квартиры оказалась распахнутой настежь и из проёма виднелась освещаемая тусклой лампочкой этажная площадка. “Удрал-таки” – с досадой подумал Трофимов и, опираясь о стену, встал на ноги. Затем он прошагал в тёмную кухню, умылся в раковине и, схватив со стола салфетку, приложил её к ране.

– Как же я сплеховал! – сетовал, чуть не скуля, парень. – Упустил говнюка, когда он был у меня практически на ладони!

И разгневанный Алексей, не совладав с эмоциями, устроил погром: побил посуду, перевернул мебель, повалил холодильник. На шум сбежались ворчливые соседи Климовых, однако Трофимов к тому моменту уже покинул помещение.

Стрелки на циферблатах часовни перевалили за отметку девять. На улице совсем стемнело и лишь фонари, высящиеся вдоль тропинок пионерского лагеря, развеивали непроходимую чернь. По-разбойничьи свистящий ветер склонял то в одну, то в другую сторону молодые сосёнки в пустом сквере, а также брэнчал мусорными урнами.

В дверные щели просачивалось льющееся из коридора корпуса сияние лампы. Устроившийся у окна Скворцов долго созерцал образовавшиеся на полу жёлтые пятна, после чего отрешённо изучил окутанную мраком территорию учреждения и, остановив взгляд на мистически-жутком силуэте статуи Лешего, непроизвольно вздрогнул. Вымышленный герой представился ему уж больно натуральным в это время суток, которое сгладило любые признаки того, что опирающийся на палку старичок только высеченная из дерева фигура. Создавалось впечатление, будто покрытый поганками мифический персонаж вот-вот оживёт и, хищно скалясь своей ехидной улыбкой, возникнет у учёного за спиной, а затем, протянув корявые руки к его сыну, под пугающий хриплый смех утащит ребёнка в чашу.

Виктор Бенедиктович обеспокоенно обернулся на Лёню, заботливо переложённого им с инвалидного кресла в тёплую постель с двадцать минут назад. Тот безмятежно спал, обслонявив подушку. Скворцов ухмыльнулся, поражённый своей бурной фантазией, и буквально подскочил на месте, когда в комнату ворвалась Князева, заголосившая:

– Доктор! Доктор!

Учёный на цыпочках, дабы не разбудить своего отпрыска, вышел к ней и шёпотом произнёс:

– Боже, Ниночка! Вы же так даже ближайшее поселение на корвалол подсадите!

– Извините, Виктор Бенедиктович! Просто у меня потрясающие новости! – ликующе заверещала девушка. – У Пирата отросла отсутствующая лапка, а с глаз исчезла мутная плёнка, и зрачки стали реагировать на свет! Физические показатели грызуна существенно увеличились, и мы с Галей с трудом совладали с ним!

– Удивительно! – вытерев взмокший от волнения лоб платком, проговорил Скворцов и ошарашенно заключил. – Есть положительная динамика!

– Увы, имеются и множественные недочёты: наш зверёк претерпел весомые телесные трансформации и обзавёлся агрессивным нравом.

– Что ж, идеального результата невозможно добиться сразу. Главное, мы двигаемся в верном направлении!

– Безусловно, – согласилась Князева и оптимистично добавила. – На горизонте уже маячит день Вашей триумфальной презентации миру своего чудотворного средства!

– Его презентует Ежов, обобрав с куста всю малину, – вклинилась в диалог появившаяся из своих апартаментов Гончарова.

– Ты же в курсе, что подобное меня мало тревожит, –

снисходительно посмотрев на Галину, напомнил учёный. – Если мне удастся поставить Лёню на ноги, тогда для меня свершится настоящая победа, несравнимая ни с какими материальными благами...

37

Воскресенье, одиннадцатое октября...

“Невероятно! Я переезжаю к Лене!” – посмотрев на расфасованные по баулам вещи, мысленно возликовал Алексей, отдал Веронике Васильевне ключ от съёмной квартиры, расплатился с ней за аренду, спустил барахло в “Копейку” и направился открывать новую главу своей жизни.

Припарковавшись в квартале, куда он уже заявлялся прежде, провожая объект своего вожделения, Трофимов следом за дряхлой бабушкой юркнул в дом, взбежал на четвёртый этаж и постучал носком ботинка в дверь с номером 46.

Лена встретила его в серенькой сорочке, обтягивающих бриджах и махровых тапочках. При виде гружёного авоськами парня, зажавшего в зубах шуршащий пакет, она заразительно расхохоталась, но затем, заметив заплывший глаз Алексея и лейкопластырь у него на брови, обомлела:

– Что за бомбический макияж?

Трофимов улыбнулся и, побросав сумки на пол уютно оставленной прихожей, ответил:

– Прыщ расчесал.

– Сам или при помощи кого-то из наших соседей? У нас

тут есть сомнительные типы... – хмыкнула девушка.

– Нет, меня уважил человек по фамилии Климов. Впрочем, это вряд ли что-то для тебя прояснит...

– Климов?? – удивилась Лена и уточнила. – Не Иван часом?

– Ох и тесный мирок! Тебя-то с ним что связывает? – насторожился ошеломлённый парень, неожиданно для себя пронзённый беспочвенной ревностью.

– Его сын, Петя, мой ученик. Очень смекалистый и добрый мальчишка...

– Он явно не в папу.

– Что именно случилось?

– Изложу как-нибудь в другой раз. Грустить сегодня непозволительно, ведь у меня переселение! – сменил тему приободрившийся Алексей и выудил из внутреннего кармана кожанки бутылку шампанского.

– Надеюсь, ты не собираешься повторить трюк из кафе? – засмеялась девушка.

– Я всё-таки планировал у тебя задержаться, поэтому, думаю, плафоны мне бить нецелесообразно, – поржал Трофимов и увлекаемый Леной устремился в кухню, где на плите в противне дышала жаром свежеиспечённая шарлотка. – Ого, да ты подсуетилась!

– Сказала бы, что подобные кулинарные шедевры для меня обыденность, вот только совсем не умею врать...

– Обожаю пирог с яблоками! – воскликнул парень. – Та-

кой румяный...

– Слегка подгоревший, скорее, – нахмурилась барышня.

– Подъем каждый уголёк, – пообещал сияющий от счастья Алексей.

– Подлиза! – хихикнула Лена и, утонув в объятиях Трофимова, прошептала. – Так здорово, что теперь ты всегда будешь рядом...

Парень немного отстранился от девушки, нежно взял её за хрупкие плечики и, когда их полные желания взгляды буквально высекли искру, страстно поцеловал возлюбленную.

– Чудеса! Губы примагнитились, – сыграл замешательство Алексей.

– Против физики не попрёшь, – отшутилась Лена. – Ну, так что у нас с трапезой?

– Ты нагнала на меня ещё больший аппетит, – с хитрой физиономией признался Трофимов, откупорил алкоголь, разлил его по бокалам и, устроившись за столом вместе с дамой сердца, произнёс тост. – За прелестную хозяйку!

– За нас! – добавила девушка, и их слова закрепил мелодичный звон хрусталя соприкоснувшихся фужеров.

Понедельник, двенадцатое октября...

Позавтракав сварганенной Леной стряпнёй, Алексей подвёз девушку до школы и рванул в ОВД “Союзный”.

Кривцов уже восседал за столом в своём кабинете, штудиря какие-то документы и попивая ароматный кофе. Когда перед ним возник Трофимов, он отложил бумаги и со смеш-

ком заметил:

– Ответственно ты подготовился к службе! Нанёс боевой раскрас... Только второй глаз размалевать забыл.

– И Вам доброго утра, капитан! Увы, упасть симметрично я не сумел, – хохотнул парень.

– Чья шальная пуля сразила? – конкретизировал Руслан Федотович.

– Урода, что сжёг ангар... – посерьёзнул Алексей.

– Ты его-таки отыскал? Шустро...

– Оказалось, что он – мой знакомый, Иван Климов. Числился третьим охранником на этом же складе.

– Ого, поворот! И чего же ты нам не позвонил? Мы бы направили наряд, чтобы осуществить задержание...

– Сглупил. Понадеялся на себя и угодил в ловушку. Его пассия впустила меня в квартиру, а сам он притаился в углу, прямо у меня за спиной, и огрел чем-то по голове...

– Главное – живой! Остальному научишься здесь, среди настоящих профессионалов, – подмигнул парню офицер и добавил. – Конечно, прискорбно, что мерзавец ускользнул... Ты, кстати, не в курсе, по какой причине он организовал пожар?

– У меня есть версия, что его нанял конкурент Гордея Ефимовича по бизнесу, – сказал Трофимов. – Её подкрепляет тот факт, что на Климова я наткнулся в магазине сети “С комфортом”, куда отправился для беседы с владельцем данной корпорации. Собственно, она случилась после того,

как Иван трусливо покинул торговый зал. К несчастью, никакой информации из Харитона Евгеньевича мне вытянуть не удалось. Он всячески отрицает свою причастность к преступлению...

– Против таких влиятельных людей бессилён даже закон. И если он действительно замешан в тех событиях, мы вряд ли сможем ему что-то предъявить. У Харитона Евгеньевича куча связей и при любой агрессии в его сторону нас сразу же дрюкнут...

– Да и плевать на хренова толстосума. Убийца-то Климов. Не думаю, что ему давали особое распоряжение устранить сторожа объекта. Он воспользовался шансом и свёл с человеком личные счёты, ведь, принимая смену, Захар обмолвился мне, что они с Иваном накануне поссорились...

– Мы обязательно отловим поганца. Пока же, займёмся обещанным трудоустройством. Формой я обеспечу тебя примерно к началу следующей недели. До того момента – небольшой испытательный срок в ампула моей канцелярской крысы...

Тут к Кривцову заглянула коренастая краснощёкая женщина в погонах:

– Руслан Федотович, предоставите мне одного из Ваших подчинённых кое с чем помочь?

– Вот и твоё первое задание, Лёша! – улыбнулся парню капитан и кивнул милиционерше. – Он всецело Ваш, Анжела Михайловна...

– Ты что ещё за фрукт? – оценочно посмотрев на Трофимова, удивилась дама.

– Без пяти минут мой новый ассистент, – отрапортовал Кривцов.

– Я уж решила, какой-то грузчик, пришедший к Вам жаловаться на жестокое обращение, – ухмыльнулась барышня и одарила рекрута рукопожатием. – Старший лейтенант Дегтярёва, инспектор по делам несовершеннолетних.

– А я Алексей... просто Алексей...

– Что ж, просто Алексей, за мной шагом марш!

И Трофимов покорно устремился за Анжелой Михайловной по шумному коридору в другую часть здания. По пути Дегтярёва поведала ему о нелёгкой доле женщины в суровом мужском коллективе, затем пригласила в своё рабочее пространство и обрисовала проблему:

– В общем, у меня на учёте состоят брат с сестрой из не самой благополучной семьи. Отец – любитель спиртного и дебошей, мать – затюканная домохозяйка. Мы давно посылаем им извещения с просьбой посетить “Союзный”, однако они их нагло игнорируют. Поэтому поезжай к ним и выясни, что там творится. Мне надо выцепить на разговор хоть кого-то из родителей. В идеале обоих. Естественно, с детьми...

– Я Вас понял, выполню! – заверил парень и, прочитав записку с адресом, взятую у инспекторши, глубоко вздохнул. – Речь о Климовых?

– Именно, – подтвердила милиционерша. – Как ты дога-

дался?

– Катался к ним позавчера. Сомнительно, что теперь Вы добьётесь с кем-то встречи. Они залегли на дно после зверской расправы Ивана над моим товарищем и всплывут явно не скоро...

38

Бликующие в лучах осеннего солнца стрелки на часовне синхронно приближались к римской цифре два. Скворцов гулял с Лёней за территорией лагеря и уже довольно долго не возвращался. Впрочем, его ассистентки справлялись со своими обязанностями и без него. Вот только блюда от заботливой Шуры теперь стыли на столе в комнате учёного.

Галина с Ниной в противовес своему руководителю сытно отобедали, взяли клетку, где сидела мышь, и устремились в практически полностью обустроенную лабораторию. Покинув корпус, они наткнулись на Ежова, которому Гончарова чуть не заехала дверью в лоб.

– Моё почтение, сударыни! – вежливо поприветствовал женщин спонсор. – Куда так торопитесь?

– Здравствуйте, Гриша! Осваиваться в новом рабочем пространстве, – сообщила Князева.

– Мы же здесь не на курорте, – как-то небрежно вклинилась Галина.

– Безусловно, – спокойно согласился Ежов и поинтересовался. – Что у Вас там?

– Наш подопытный! – осведомила Нина, продемонстри-

ровав домик усатого создания. – На нём мы опробовали первый вариант сыворотки М-1.1.

Григорий немного наклонился и принялся внимательно разглядывать Пирата. Явно увеличившийся в размерах грызун с лысым розовым хвостом, заметив мужчину, злобно фыркнул, оскалится и, сверкнув янтарными глазами, с шипением бросился в сторону Ежова, но в итоге врезался в ограждение. Инвестор дёрнулся от неожиданности и отшатнулся назад. Обескураженно помотав мордой, претерпевшей изменения, одичавший зверь повторно оголил острые зубы и недружелюбно заурчал, отчего его погрубевшая белая шерсть, напоминающая иглы, вздыбилась, а жабры за ушами оттопырились и покраснели. Вцепившись передними лапами в металлические прутья, воинственная особь начала беспощадно кусать их.

Спонсор, скусившись от отвращения, заключил:

– Ну и жуть... смею предположить, что-то пошло не так?

– А на какой результат Вы надеялись?! – возмутилась Гончарова. – От раннего-то прототипа!

– Моя коллега хочет сказать, что ничего страшного не случилось, – менее пылко разъяснила Князева. – Просто проявились побочные эффекты, однако в целом прогресс неоспорим.

– Вы же подкорректируете огрехи?

– Собственно для того мы и трудимся, – пожала плечами Нина. – Само собой, мы будем улучшать препарат, пока не

убедимся, что он безопасен и полезен для людей...

– Почему Ваш стероидный товарищ такой агрессивный? – уточнил Григорий.

– Не переносит чей-то нахальный душок, – хихикнула Галина.

Ежов сделал вид, что не услышал, как съязвила Гончарова, и вопросительно посмотрел на Князеву. Та тут же ответила:

– Формула Виктора Бенедиктовича основана на генах плотоядного земноводного животного – мортерида, поэтому особенности этого существа передались и мыши.

– Вы не боитесь, что Ваша и так неестественно крупная амфибия – спасибо, что не квакает – вымахает до габаритов крокодила и слопаёт нас, а потом с набитым пузом отправится искупнуться в озере?

– Наши эксперименты таят в себе определённый риск. Но не волнуйтесь. Если что, мы спрячем Вас за своими могучими женскими спинами, – и Нина по-доброму засмеялась, заразив и Григория, понимающего, что шутки Князевой абсолютно не враждебны, в отличие от желчных фразочек Галины.

– То есть, Ваш грызун отныне хищник и питается мясом? – сыронизировал мужчина, на что Нина серьёзно кивнула:

– Именно. Вчера вечером Пират, к удивлению всех, не притронулся к своему привычному корму, зато букваль-

но проглотил шматок сырой кровавой говядины. Сегодня утром, кстати, он оторвал крепления поилки.

– Минуточку... у него хватило мощи сломать держатели? – не успевал обалдевать Ежов.

– После инъекции зверёк стал значительно сильнее и умнее, – прокомментировала Князева.

– Занимательно. А какие дивиденды Вы получили помимо перечисленных?

– У испытуемого восстановилось зрение и отросла отсутствующая конечность. Регенерация и хороший иммунитет – самые главные аспекты нашего проекта. Лекарство должно бороться с болезнями, при том, несомненно, не провоцируя телесных деформаций. Подобного рода шероховатости мы постараемся устранить или хотя бы свести к минимуму...

– Блестяще! – радостно воскликнул инвестор. – Следовательно, мы всё-таки двигаемся в верном направлении!

– Не приплетайте себя к нашему трио! – вставила свои пять копеек Гончарова и, ухмыльнувшись, добавила. – Когда мы подготовим финальную версию сыворотки, я вколю Вам дозу-другую. Авось, повысится интеллект, а вместе с ним побавится наглости. Всё, Нина, нам пора! – обратилась Галина к напарнице. – Мы и так посвятили ему кучу времени. Ещё ночью не уснёт от переизбытка информации...

И Гончарова увлекла Князеву к деревянной пристройке.

– И Вам всяческих благ! – улыбнувшись, громко пожелал Григорий и скрылся в здании.

Алексей отработал в ОВД “Союзном” полноценный день и вернулся в двушку Лены поздно вечером.

Обложившаяся детскими тетрадами девушка, услышав, как открывается дверь, сразу же ринулась встречать своего нового соседа.

– Я уж думала, ты решил поселиться в милицейском участке, – сыронизировала она и словно ластящаяся кошечка нежно прижалась к парню.

– Спать в обнимку со своим шефом совсем не комифо, – пошутил Трофимов и чмокнул возлюбленную в лобик. – Я так сильно по тебе соскучился...

– Моястряпня по тебе тоже, – хохотнула Лена, помогла молодому человеку снять кожанку и пригласила на кухню.

Проголодавшийся Алексей жадно набросился на тушёную картошку с курицей, что ожидала его в тарелке. Девушка с умилением посмотрела на парня и произнесла:

– Еду бы подогреть. Она уже остыла...

– Твоя забота сохранила её тёплой, – обаятельно улыбнулся Лене Трофимов.

– Вот же льстец! – раскраснелась барышня.

– Серьёзно! Ужин обалденный! – пережёвывая пищу, похвалил хозяйку Алексей. – И как ты всё успеваешь?

– Привыкла крутиться. Лучше похвастайся, отныне ты страж правосудия?

– Практически. Видела секретарш, разносящих докумен-

ты и кофе? Я временно в их гильдии... – ухмыльнулся парень, бренча вилкой.

– А как же расследования? – удивилась девушка. – Ты говорил, что тебе доверяют дело о поджоге...

– Формально-то оно так. Но сейчас я действую не от лица закона...

– Удалось откопать какие-либо сведения?

– Да, – утвердительно кивнул Трофимов и уточнил, указав на опухший глаз. – Из-за них и пострадала моя голливудская внешность.

– То есть, отец моего ученика, Иван, как-то замешан в преступлении?? – догадалась побледневшая Лена.

– Ловишь на лету. Собственно, он и является убийцей... – пояснил Алексей.

– О, Господи... – схватилась за голову обескураженная барышня. – То-то я сегодня не досчиталась Пети на занятиях. У меня Анфиска про него на каждой перемене спрашивала... И где их семья теперь?

– Самому бы знать.

– И какой у тебя план?

– Я в тупике. Пока что нет абсолютно никаких ниточек, которые бы привели меня к Климову. Хотя... – тут парень взглянул на девушку и щёлкнул пальцами. – Лен, попробуй раздобыть по нему информацию. Вдруг с Иваном общается кто-то из родителей твоих подопечных и в курсе, куда он исчез...

– Хорошо, Лёш! Я организую собрание и подниму на нём данную тему.

– Ты просто прелесть! – встав со стула, воскликнул Трофимов, соприкоснулся с Леной кончиками носиков, а затем пламенно поцеловал в губы. – Устроим романтический киносеанс?

– Со свечами и лепестками роз?

– Как тебе альтернатива с карманным фонариком и градулами чая на полу?

– Ахах, годится! – просияла девушка.

– Тогда чего же мы медлим? – обвив рукой изящную талию Лены, поинтересовался Алексей, и пара направилась в зал.

40

Воскресенье, двадцать седьмое декабря...

В чаще...

Вьюга стонала диким рёвом, кружа в своём вихре мириады искрящихся кристалликов, из которых ткались роскошные наряды деревьев. Сугробы стремительно росли, внушительной толщиной возвышаясь над дремлющей почвой с её омертвевшими творениями.

Вот огненно-рыжая белочка, спешащая в своё уютное дупло, обустроенное к зимней стуже мягким мхом и перьями птиц, проскакала по ветке сосны, раскачав её. На ослепительную гладь тут же соскользнула белая шапка, оголив густую тёмно-зелёную хвою.

Важный красногрудый снегирь, спрятавшийся от метели в гнезде, свитом на ели, подражал карканью вороны, будто передразнивая ту.

Облизываясь и предвкушая добычу, умелая охотница лисица, одетая в шикарный мех, куда оседали надуваемые бурей хлопья, бесшумно кралась за зайцем, вычерчивающим на сверкающем покрывале цепочку свежих следов. Когда жертва хищницы приподнималась на задние лапки и начинала беспокойно вертеть головой, часто подёргивая кончиком носа и ставя длинные уши торчком, плутовка, стелясь по снегу, замирала, терпеливо выжидая.

Где-то в глухих дебрях леса, неподалёку от берлоги косматого медведя, тоскливо выл одинокий голодный волк, чьи растрёпанные клочья шерсти на тощих боках перетекали в маленькие сосульки.

На прогалину, с треском тараня кусты своими мощными рогами, вышел лось, спугнув долбящего кору дятла. Местный лекарь распустил свой жёсткий хвост, спорхнул с трухлявого ствола и стрелой улетел прочь. Сам же великан, выдыхая из ноздрей клубы тёплого пара, в нерешительности остановился, боязливо осмотрелся по сторонам своими чёрными грустными глазами, внимательно прислушался и, не обнаружив опасности, продолжил шествие, поскрипывая проминающимся под копытами настом.

В “Тайнике Лешего”...

Свинцовый купол неба мутно-серой массой нависал над

пионерским лагерем. Ежов отодвинул шторку и выглянул в расписанное дивными морозными узорами окно, поблёскивающее словно сотнями тысяч золотых стразов. Столбик обрамлённого инеем термометра зафиксировал температуру -29°C .

Запеленав своё худосочное тело в вязаную кофту, болоньевые штаны и шуршащий пуховик, Григорий покинул корпус для персонала и, напялив варежки, зашагал по расчищенной Гаврилой тропинке к парковке.

Ветер хлестал Ежова по лицу, и создавалось впечатление, что мужчина утыкается лбом в незримую стену. Медленно перебирая ногами и уклоняясь от оплеух суровой погоды, он-таки достиг тарахтящей “Волги” и залез внутрь.

– Вы потомственный йети, Григорий Евгеньевич. Иначе как объяснить Ваше рвение штурмовать дистанцию до города в такое ненастье? – хохотнул Кузьмин, включая ближний свет фар и противотуманки.

– Да, дотянул я резину, – стуча зубами от холода и моргая обледеневшими ресницами, посетовал инвестор.

– Ещё не поздно бросить дурную затею, – попытался вразумить босса шофёр.

– И не порадовать наших трудяг подарками? – возмутился Ежов. – Последние месяцы они работали на износ и заслужили новогоднее чудо... Так что трогай!

Водитель пожал плечами и вывел автомобиль с территории “Тайника Лешего”, на прощание махнув сторожу пятер-

нѐй. Облачѐнный в ушанку и овчинный тулуп старик, попы- хивая курительной трубкой, ответил тем же и запер ворота, едва машина растворилась в пурге.

– Если бы деревенский сосед Гаврилы не проложил нам “коридор” до трассы на своём тракторе с отвалом, лепили бы мы сейчас снежки прямо в салоне, – ухмыльнулся Кузьмин, сосредоточенно наблюдая за дорогой. – До сих пор не пони- маю, зачем мы вообще здесь околачиваемся? Коллектив из учёных, поварихи и охранника неплохо справляется и без нас...

– Бесспорно, – кивнул Григорий. – Однако я прикипел к ним... У меня ведь никогда не было семьи. А теперь я, ка- жется, её обрѐл.

– Шутите?! – воскликнул шофѐр. – Для команды Сквор- цова Вы лишь мешок с деньгами, извините за честность...

– Я очень хорошо читаю людей, Кузьмин, и тут тебе воз- ражу. Даже относящаяся ко мне враждебно Галина весьма достойная особа... – обрисовал своё мнение Ежов.

– Тогда почему бы Вам не сказать ей правду? Вы же помо- гаете детскому дому, а не шайке революционеров. Сообщите Вы Гончаровой, что направите вырученные с проекта сред- ства на поддержку этого учреждения, она бы явно поубавила свой пыл...

– Я глубоко убеждѐн, что добрые дела не любят огласки, и спонсирую приют не для того, чтобы стать популярным или снискать чью-то симпатию, а потому, что хочу облегчить

лишившимся родительского крыла ребяташкам тернистый путь, какой преодолел сам. Уж мне-то известно, насколько больно чувствовать себя никому не нужным, всеми забытым человеком. Будто целый мир от тебя отвернулся, и сам Бог не замечает твоих страданий. Невероятно тяжело каждый день перед сном соединять ладони в молитве и не терять веры в лучшее. Я надеюсь продемонстрировать детям, что кому-то на них не плевать... что кто-то ценит их жизни.

– Вы – отличный пример для молодого поколения, Григорий Евгеньевич. Жаль только, что временами геройствуете в ущерб себе... – буркнул обиженный за шефа водитель.

– Не драматизируй, Кузьмин! – расплылся в улыбке инвестор. – Я счастливчик: у меня есть цель! А вот тем, кто избалован с ранних лет и бестолково топчет землю, ни к чему не стремясь, я совсем не завидую. Они имеют всё и ничего...

“Волга” догребла до асфальтированного полотна, вырулила на полосу и поехала к Гродску сквозь агрессивный шквал колкой крупы.

В лаборатории...

Виктор Бенедиктович уснул прямо у микроскопа за рассмотрением взятой у подопытной мыши Мэри крови. Он уже третьи сутки не появлялся на улице, совершенствуя М-1.4 – новый вариант сыворотки. За декабрь ему со своим скромным коллективом удалось осуществить многое. Их команда проделала колоссальную работу, устранив ряд побочных эффектов прошлых прототипов. Пурпурная жидкость отныне

не влекла за собой серьёзных телесных деформаций и агрессии у грызунов. На эмоциональном подъёме Скворцов продолжал улучшение препарата, трудясь практически без отдыха. Порой, поглощённый экспериментами, учёный даже отказывался от еды, отчего заметно похудел. Зато как контрастировали на фоне осунувшегося лица его блестящие живые глаза – они ярко горели азартным огнём!

Галина, сбегавшая на обед, спустилась обратно под землю с кружкой кофе и, миновав гудящую аппаратуру, а также огромные шкафы со склянками и колбами, наполненными разнообразными реагентами, приблизилась к столу Виктора Бенедиктовича, справа от которого на полу виднелся внушительный по своим размерам сейф. Взъерошенный мужчина уткнул голову в собственные руки, со свистом посапывая в унисон монотонному шуму техники.

Отодвинув в сторону микроскоп, а за ним и очки с залапаннными линзами, что лежали у локтя Скворцова, Гончарова определила на освободившийся пяточок стакан с горячим напитком, затем сняла с плеч шерстяной плед и заботливо укрыла им учёного.

Женщина беспокоилась за своего наставника: переутомление для него добром явно не обернётся. Обычно, когда они с Ниной возвращались в корпус, ужинали и отправлялись по кроватям, Виктор Бенедиктович вкалывал дальше, пока окончательно не терял силы.

Лёня в основном сидел с ним в лаборатории под присталь-

ным надзором Князевой. Наверху же в роли няньки инвалида выступала взбалмошная повариха Шура.

За время нахождения в лагере Галина куда глубже почувствовала Скворцова, познакомилась с ним настоящим. Учёный был способен весело шутить, звонко смеяться и сиять искренней тёплой улыбкой. Теперь он не сдерживал радость и в моменты триумфа мог восхищённо кричать, с детским восторгом прыгать по всей площади помещения и обнимать своих ассистенток. Виктор Бенедиктович пробудил к себе интерес Гончаровой как к мужчине, заставив её чаще коситься на него неравнодушно-нежным взглядом.

С трепетом любуясь Скворцовым, женщина вдруг еле слышно вздохнула. Она опять нарисовала мысленную картину того, как напыщенный мерзавец Ежов, получив от них нужный результат, абсолютно незаслуженно поживает на лаврах и купается в богатствах. Что за жадный гнилой человек? Ни капли благородства! Эх, если бы только “Институт передовых исследований” не подвёл их к краю пропасти, им бы не потребовалось терпеть столь унижительный союз и соглашаться на условия Григория.

Понаблюдав за Виктором Бенедиктовичем, Галина решила, что анализ биологического материала Мэри подождёт, и она не станет тревожить учёного. Поцеловав Скворцова в морщинистый лоб, Гончарова на цыпочках покинула его.

Леной, рядовой Алексей Трофимов смотрел “Гродский новостной” канал.

– Юный герой сорвал ограбление продуктового магазина и поспособствовал задержанию преступника. Подробности в сюжете нашего корреспондента, Богдана Лукина, – озвучил затравку ведущий из студии, и в телевизоре возник стоящий у гастронома в центре заснеженного города репортёр в меховой шапке и дублёнке. Поднеся микрофон к обветренным губам, он быстро, но чётко, обрисовал ситуацию:

– Кто бы мог подумать, что очередная смена продавщицы мясного отдела Прасковьи Никитичны обернётся для неё таким стрессом? В полдень в торговый зал вломился вооружённый кухонным ножом неадекватный мужчина и в грубой форме потребовал набить его сумку лучшими кусками говядины и свинины. Перепуганная женщина подчинилась и уже упаковала практически весь ассортимент прилавка, как в дело вмешался мальчишка, которого родители отправили за покупками. Нам повезло поговорить со смельчаком, и сейчас мы предлагаем Вашему вниманию его интервью...

В кадре крупным планом появилось лицо пацанёнка с миндалевидным разрезом глаз и острым носом, увенчанном горбинкой. Высветившаяся на экране подпись знакомила с храбрецом: **“Паша Сергеев. 12 лет”**.

– Что ты сказал бандиту, когда поймал его на горячем?
– уточнил корреспондент.

– Ручки в брючки, уважаемый, работает милиция! – с выражением повторил ребёнок.

– Так ты сотрудник правопорядка? – подыграл ему Богдан Лукин.

– В перспективе, – серьёзно кивнул Паша и добавил. – Я равняюсь на дедушку, он у меня – полковник!

– Как бессовестный гражданин отреагировал на такую дерзость с твоей стороны?

– Засмеялся. Ну, я на то и рассчитывал, чисто тактический ход. Как только он рот раззявил, я ему туда шмальнул из своего табельного, – гордо растолковал Сергеев.

– Чтоб все понимали, табельное Паши – пластмассовый пистолет с жёлтыми пульками. Одной из них он попал мерзавцу в дыхательные пути, отчего тот едва не умер и помимо наряда милиции пришлось вызывать ещё и бригаду медиков...

– Какой отважный мальчуган! – восторженно прокомментировала укутавшаяся в одеяло Лена.

– Ага, мне б такого в напарники, – хохотнул Трофимов, приобняв девушку. – Он бы наверняка не позволил Климову сбежать...

– Тебе надо расслабиться, милый. Все твои мысли зациклены на Иване...

– Они не отпустят меня до тех пор, пока я его не прижучу. Земля круглая и прятаться вечно ублюдку не удастся.

– Мне так жаль, что организованное мной в школе собра-

ние получилось безрезультатным... – понурила голову барышня. – Ни у кого нет информации, где укрылась семья Климовых.

– Либо кто-то побоялся в это ввязываться и просто промолчал. Люди предпочтут остаться безучастными, лишь бы не замарать собственную шкуру... – с презрением вымолвил парень.

– Хей, Лёш, не хмурься! За окном и без того тучи. Хочешь, я подниму тебе настроение, мм? – кокетливо поинтересовалась Лена и, скинув с плеч бретели сорочки, оседлала Трофимова.

– Ай-яй-яй! У нас тут покушение на служителя закона. Решили ударить ниже пояса, сударыня?

– Угадал, моя мишень именно там, – стягивая с молодого человека трусы, дрожащим и полным желанием голосом прошептала ему на ухо девушка. – Сдавайся в мой плен без боя, ковбой...

– А как быть с моим револьвером? Он на взводе... – проскользив пятернёй по соблазнительно выгнувшемуся дугой шелковистому телу Лены и нежно обхватив её упругую грудь ладонью, спросил возбуждённый Алексей.

– Он тебе вот-вот пригодится, – улыбнулась девушка и слилась с парнем в страстном поцелуе.

Вскоре уютная двухкомнатная квартирка утонула в сладких стогах.

Солнечный диск застыл блеклым пятном в серо-голубом небе и не излучал ни капли тепла, а свирепствующий ветер хаотично передувал снег, образовывая на сугробах завихрения и холмики.

Иван Климов сидел с дочерью у костра в центре садового участка и вертел над огнём наколотый на кривую тонкую веточку чёрствый ломтик хлеба, чья мякоть постепенно обжаривалась.

– Мама говорит, что у нас почти не осталось еды, – шмыгая носом, просипела девчушка и, приняв у отца горячий сухарь, спросила. – Мы умрём от голода?

– Что за глупости, Янчик? – удивился мужчина. – Грянули непростые времена, но мы справимся. Я что-нибудь придумаю. Ты мне веришь?

– Угу... – без энтузиазма кивнуло дитя, жадно захрустевшее долгожданным лакомством.

– Хей, мармеладка, я обещаю, что позабочусь о тебе при любых обстоятельствах. Потому что между нами нерушимая связь! – подмигнул своей кровиночке Климов и ласково приобнял её.

– Я люблю тебя, пап...

– Я тебя тоже, принцесса!

– Я взаправду принцесса?

– Естественно!

– И куда же подевался мой замок с принцем?

– В твоём замке поселился дракон, устранивший и прин-

ца. Тот с перепугу испачкал доспехи, попутно перекрасив белого коня в коричневый, и улизнул с поля боя. Таких холёных смазливцев много, а отец – один! И он тебя ни за что не оставит... Знаешь, когда я приехал на выписку в роддом, ты безутешно плакала, аж голосочек срывался. Потом мама передала мне конверт, я заглянул тебе в глазки – они являлись будто уменьшенной копией моих – и твоё опухшее от слёз ангельское личико тут же просветлело. Пуская слюнявые пузырьки, ты улыбнулась во всю ширь своего беззубого ротика, вытянула крохотную ручку и провела нежными пальчиками по моей грубой щеке. Тогда рыдал уже я – от счастья. С первого дня своей жизни ты была папиной дочкой и моей самой грандиозной победой! Мы с тобой – неделимы, и никто у нас этого не отнимет...

Из дачи выбрела Тамара с объёмными сумками, а за ней хвостиком выбежал Петя. Иван озадаченно уставился на них и уточнил:

– Чё за выкрутасы?

– Я с детьми незамедлительно возвращаюсь в город! – сообщила женщина. – Или ты хочешь окончательно их погубить?

– Тормози! – вскочил разъярённый мужчина. – Ситуация ещё не утряслась, и мы не свалим отсюда без моей команды!

– Какой же ты трус, Ваня. Печёшься только о себе. Неужели не ясно, насколько твоей семье здесь тяжело?

– Моя семья способна лишь канючить! Почему-то Вы не

замечали, как туго приходилось мне. Я сутками горбатился на работе, дабы прокормить и одеть Вас!

– Увешай грудь орденами, если считаешь свои прямые обязанности подвигом! Я же больше не позволю твоему безрассудству вредить нам. Мне надоело терпеть подобное безобразие! Яна, за мной...

– А как же папа? – растерялась девчушка.

– Слышала, Тома? Сразу видно – моя дочь! – с гордостью воскликнул Климов и обратился к Яне. – Вскипяти-ка чайник, родная, пока я беседую с твоими мамой и братом...

Девочка беспрекословно подчинилась и юркнула в бревенчатую хибару. Иван же, злобно ухмыльнувшись, устремился к насторожившейся жене, инстинктивно заслонившей собой сына.

– Не приближайся! – предостерегла Тамара.

– Из-за Вас меня могут загрести в тюрьму! – проревел мужчина.

– Пете нездоровится, у него температура и слабость! Без медикаментов он рискует получить осложнения!

– Осложнения возникнут в случае неповиновения мне, тупица! – процедил взбешённый Климов и едва вцепился в женщину, как его ударили по спине.

Вскрикнув, мужчина обернулся и узрел перед собой Петю, вознёсшего над головой заледеневшую деревяшку. От страха острые коленки ребёнка уткнулись друг в друга, однако он не ретировался и смело пропищал:

– Не тронь маму!

– Сраный щенок! Яйца отросли? – гаркнул Иван, молниеносно обезоружил оробевшего пацанёнка, схватил его за куртку, отволол в сторону и швырнул на землю.

Тамара, пороняв баулы, отчаянно завопила и кинулась на супруга с кулаками, но остервенелый Климов нейтрализовал и её, уложив рядом с сыном.

– Пора взяться за Ваше воспитание, а то совсем забыли своё место! – решил Иван, подобрал кусок проволоки и, согнув его в форме “И”, сунул в костёр. – Вы ведь в курсе, как помечают лошадей?

Промолчавшая женщина с ужасом догадалась, к чему клонит муж, который озвучил её опасения:

– В яблочко. Их таврят! В детстве я присутствовал при такой процедуре: крестьяне выжигали на бёдрах жеребят первую букву названия колхоза, показывая, что животные принадлежат им.

– Мы не животные и не твоя собственность, чёртов садист! Угомонись! – беспомощно вымолвила Тамара.

– Вы – неблагодарные паразиты, выдаивающие меня! И я заклею Вас, чтобы Вы всегда помнили, кому должны всем, что имеете!

Металлическая нить накалилась до ярко-малинового цвета, и Климов извлёк её из пламени ржавыми клещами, что торчали из коробки у забора. Далее он скрутил забрыкавшуюся жену и, освободив её шею от волос, твёрдым резким дви-

жением вдавил источающий лёгкий дымок предмет в кожу чуть ниже затылка. Штамп мягко погрузился в плоть, расплавив её, как сливочное масло.

ПШШШ!

Запахло палёным.

Тамара истошно заорала и упала ничком, а Иван совершил аналогичное действие над Петей, наградив шрамом и его.

Яна, уловившая шум снаружи, метнулась к окну и с сожалением пронаблюдала, как её отец надругался над мамой с братом, протолкал их до гаража, где уже третий месяц подряд прозябал Ижевский “каблук”, и с фразой “полезайте в подвал” принудил настрадавшихся членов семьи спуститься в тёмное пространство. Затем он вытащил оттуда лестницу и, захлопнув крышку люка, прошагал к дому.

– Папочка, зачем ты с ними так жестоко? – всхлипнула встретившая Климова внутри дочка, прижавшая к себе замусоленную плюшевую игрушку тигрёнка.

– Они больны, милая, – ответил сбросивший с ног ботинки мужчина и, плюхнувшись на подданный диван, что он раздобыл пару лет назад на помойке, добавил. – Я стараюсь их излечить.

– От чего?

– От эгоизма, – сказал почесавший пятку в шерстяном носке Иван и посоветовал девчужке. – Не грусти понапрасну, звёздочка! Лучше сделай нам кофе...

Яна покорно согласилась и, откопав кружки, занялась приготовлением напитка.

43

Кузьмин довёз своего шефа до центра Гродска, и тот прогулочным шагом двинулся по вечерним шумным улицам, нарядно украшенным в честь праздника: разноцветные огоньки горели повсюду, а витрины магазинов, декорированные посеребрённой мишурой, пестрили новенькими товарами.

Сквозь гул расчищающего проезжую часть от слежавшегося грязного снега бульдозера Ежов вдруг различил хриплый голос позади себя и остановился:

– Гриша! Гриша!

Инвестор обернулся и увидел тучного мужичка с ямочками на щеках. Запыхавшийся толстяк глубоко выдохнул и широко улыбнулся, оголив кривые жёлтые зубы.

– Харитон! – воскликнул Ежов, узнав физиономию с впалыми далеко посаженными глазками и оттопыренными ушами. – Не ожидал встретить тебя здесь! Ведь обычно ты не вылезашь из офиса собственной корпорации “С комфортом”...

– Иногда, однако, спую там сям, что совсем не по мне. Слишком уж тут суетно. Раздражает буквально всё! – недовольно поёрзав плечами, пожаловался амбал и промокнул лоснящиеся от жира губы салфеткой. – Закусил вот свои нервы блинчиками в сомнительной забегаловке двумя кварталами выше и оттуда потопал в сувенирную лавку. Так на

тебя и наткнулся! По фигуре и походке моментально определил своего старого приятеля...

– Подарками запасаясь? – спросил Григорий.

– Как же иначе? Рискни кого не поздравить, потом затаят обиду! – фыркнул Харитон и, сняв очки, принялся оттирать запотевшие линзы краем пиджака, торчащего из-под дорожного пальто. – Не перевариваю я всё же торжества! Одни бессмысленные затраты!

– А мне нравится радовать других! – не согласился Ежов, и они с товарищем, не торопясь, устремились вперёд. – Я уже распорядился, чтобы на пожертвованные мною детдому средства ребятишкам организовали утренник. Ну, с Дедом Морозом, сверкающей ёлкой, кулками...

– Молодец, – отстранённо бросил толстяк и, вскинув бровь, полюбопытствовал. – А сам куда направляешься? В последние месяцы ты, вроде, не частый гость города. Повязан делами с тем генетиком?

– Да. Наведался сюда подобрать подарки его дружному коллективу.

– Планы-то потихоньку осуществляются?

– Тяжело судить, но...

– Короче, дурят тебя, родной, – перебил Григория усмехнувшийся Харитон. – На твоём месте я бы отказался от сотрудничества с этим профессором. Такие, в большинстве своём, наглые жулики, что тянут бабки не хуже пылесоса на свои, якобы, грандиозные научные прорывы! – и амбал изоб-

разил пальцами кавычки.

– Скворцов не из их числа! – ревностно вступился за Виктора Бенедиктовича Ежов. – Он не раз демонстрировал свою состоятельность, поэтому, уверен, не оплошает и теперь!

– Интересно, сколько мышей переколола его команда? – после столь остроумной фразы толстяк схватился за пузо и раскатисто захохотал.

– Не одну, – серьёзно ответил Григорий и юркнул с собеседником в пустынный переулок, отгороженный с противоположной стороны дырявым сетчатым забором. – И примерно в июне-июле они опробуют изобретение на людях...

– Чуется мне, подобное незаконно? – вкрадчиво уточнил Харитон.

– Будто ты всегда играешь по правилам, – цокнул Ежов. – Я и сам не в восторге от того, что мы возьмёмся испытывать препарат на детях, хоть и безнадежно больных...

– Почему именно дети?

– Скворцов ориентируют свой продукт в первую очередь на сына и потому должен понимать, как на сыворотку отреагирует организм ребёнка... Вдобавок, летом в лагерь хлынет огромный поток школьников, и мы не вызовем подозрений, если вклиним к ним в группы наших пациентов.

– Есть уже кто на примете?

– Пока нет. Поищу кандидатов у себя в приюте...

Брюхастый подался поближе к Григорию и заговорщически прошептал:

– Слушай, могу я тебе посоветовать одного индивида, Ваню Климова. Прежде я использовал его, как марионетку, в своих целях.

– Мне без надобности взрослый человек.

– Дык у его сына недуг! Недавно у пацанёнка выявили лейкоз, о чём незамедлительно сообщили отцу. Впрочем, Иван не поставил в известность ни жену, ни самого мальчика. Зато клянчил у меня денег на лечение, которые бы, непременно, слил на спиртное... В любом случае, его грёзы о беззаботной жизни в пьяном угаре рухнули, как только начался переполох с подожжённым им ангаром. Сейчас Климов, скорей всего, прячется у себя в саду.

Ежов, жужжа молнией, расстегнул пуховик и выудил из его внутреннего кармана блокнот с ручкой:

– Диктуй, как его выцепить. Авось, нанесу ему визит...

44

Понедельник, двадцать восьмое декабря...

Климов проник на соседский участок и, схватив валяющееся на крыльце дома увесистое жестяное ведро с застывшим в нём песком, швырнул его в окно, не проявившее феноменальной прочности и разбившееся вдребезги. Вслед за грохнувшимся на деревянный настил гостинцем внутрь двухэтажного строения залез сам Иван. Отряхнувшись от снега, он смачно высморкался, протрубив ноздрей, словно слон, после чего устремился туда, где у хозяина этой дачи имелся погреб. Мужчина надеялся разжиться там хоть какими-то

продовольственными запасами, так как знал, что старичок, однажды пригласивший его на шашлыки, хранит свой урожай в данном здании. Точнее, под ним...

Проём в полу, как и рассчитывал Климов, отыскался в дальнем конце уходящего вправо коридора. Спустившись вниз по лестнице, Иван отворил дверь в кладовую, стенами для которой служил фундамент, и шагнул в темноту, пропитанную затхлым запахом. Нащупав выключатель, мужчина щёлкнул им, и вспыхнувшая лампочка осветила помещение, заставленное ящиками с овощами, а также стеклянными банками с вареньями и маринадами.

Набирая в пакеты моркови, лука и картошки, Климов даже обнаружил несколько пыльных бутылок из-под самогонки. К его несчастью, огненное пойло в них отсутствовало.

– Вот скряга вонючая, вытраивает мне душу! – в сердцах выпалил Иван в адрес владельца сада и, загрузившись по полной, поднялся наверх.

Оказавшись на улице, воришка побрёл сквозь разбушевавшуюся метель на свою территорию, протапывая дорожку в глубоких сугробах.

45

Четверг, тридцать первое декабря...

В “Тайнике Лешего”...

Игристое шампанское уже было разлито по бокалам, нагёртым хозяйственной поварихой Шурой до ослепительного блеска, и в просторной столовой, наконец, собрались все.

Виктор Бенедиктович в смокинге заботливо кормил Лёню из ложки салатом “Сельдь под шубой” и промакивал платком губы сына от побагровевшего майонеза. Громко чавкая и шевеля своими слабыми челюстями, мальчик тщательно пережёвывал и проглатывал пищу.

Нина разглядывала свои аккуратные ноготки, покрытые агрессивно-бордовым лаком, и поправляла кудрявые от манипуляций с плойкой волосы.

Не замечая никого вокруг, Кузьмин, нацепивший на себя галстук-бабочку в горошек, налегал на фрукты, беспощадно уничтожая мандарины, яблоки и бананы.

Балагур Гаврила всё никак не умолкал, травя анекдоты под песни, воспроизводимые патефоном с потрескивающей виниловой пластинки. Хоть сторожа никто не слушал, и ему приходилось самому смеяться над своими шутками, ощущал он себя чудесно, ведь у него имелся уникальный шанс выговориться. Отмечать Новый Год в деревне Малые Дуки старому вдовцу давно наскучило, поэтому он с печальным видом сообщил односельчанам, мол, работа, ничего не поделатъ, и радостный-счастливый смылся в лагерь.

С серебристой мишурой на шее Печка беседовала с Галиной, нарядившейся в скромное вечернее платье, о чём-то своём, женском.

Григорий же с живым интересом наблюдал за остальными и умилялся. Потом он заглушил музыку и включил телевизор, перетащенный сюда Гаврилой из их корпуса. На

рябшем экране возник развивающийся над Московским Кремлём красный флаг, затем операторы продемонстрировали величественную крепость и высветили текст: **“Новогоднее обращение к советскому народу Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Верховного Совета СССР М.С. Горбачёва”**.

Перед зрителями материализовался Михаил Горбачёв с узнаваемым родимым пятном цвета мяса лосося на лбу. В обеденном зале воцарилась тишина, как только он начал свою речь. По её завершении камера замерла на курантах Спасской башни. Они стали отбивать двенадцать ударов, и, когда раздался последний, торжественно зазвучал государственный гимн СССР, подытоженный картинкой: **“С НОВЫМ ГОДОМ”**.

– Уррррраааа!!! – под звон хрусталя загалдела компания. Все бросились обниматься и обмениваться любезностями. Позже эмоции схлынули, и Ежов попросил минутку внимания:

– Данный праздник издревле принято встречать со своими близкими, поэтому он по праву считается семейным. А что такое семья? Трактовать можно по-разному, однако для меня семья не ограничивается кровной связью. Это те, с кем чувствуешь себя своим, чувствуешь себя нужным. И для меня таковыми являетесь Вы: люди, заполнившие пустоту в моей одинокой душе. Пускай же каждому из Вас в наступившем году сопутствуют лишь удача и благоденствие! За семью! –

провозгласив тост, Григорий поднял фужер, и присутствующие, чокнувшись, отпили спиртного.

Далее пришёл черёд подарков. Ежов не обделил никого, но самый дорогой презент, карманные часы восемнадцатого века графа Строганова, он преподнёс Скворцову со словами “Стрелки на них торопятся к времени Вашего триумфа”. Учёный, ошеломлённый щедростью инвестора, не успел вздохнуть от восторга, как Кузьмин выкатил предназначенный его сыну велосипед.

– Предлагаю выпить за Лёню! – воскликнул Григорий. – Чтобы совсем скоро наш маленький человечек стараниями своего потрясающего отца сел на модный “Олимпик” и с ветерком помчался на нём по тротуарам Гродска!

– За Лёню!!! – прогорланила Шура, и коллектив опорожнил бокалы, пока довольный ребёнок щупал руль своего двухколёсного коня.

– Что ж, пора и нашей команде ответить Вам сюрпризом, – подмигнул Ежову Виктор Бенедиктович и протянул ему рельефный свёрток. Инвестор избавился от шуршащей обёртки и с трепетом вынул окаменелость – фрагмент кости.

– Неужели Вы передали мне то, о чём я думаю? – поразился взволнованный Григорий, посмотрев на Скворцова.

– Да, фоссилию мортерида, – кивнул учёный. – Мы надеемся, она займёт место Вашей самой ценной реликвии и послужит напоминанием о том, к чему Вы приложили руку.

Сформулировать мысль, способную описать обуйвший

его экстаз, у Ежова не получилось, и он глупо резюмировал:

– Бульон на такой кости я варить не рискну.

– Юморист, – фыркнула Гончарова и, скривившись от сцены объятий своего наставника с инвестором, устремилась за ними на улицу, где ярко сияла луна.

Там шумная братия, укутавшаяся в тёплую одежду, зажгла бенгальские огни.

– Кусаца изволит, эдакая шупящая зараза, – прокомментировал охранник, на чью сморщенную кожу посыпались искры.

Виктор Бенедиктович, зажав Лёнину кисть, удерживающую палочку с горючей смесью, нежно прильнул щекой к лицу сына, заморожённого сбегаящим вниз по проволоке оранжевым фонтаном.

– Ехууу, гуляяеееем!!! – надрываясь, прокричал Григорий и, подлетев к Князевой, завалил ту в сугроб. От неожиданности девушка завизжала, поспешно вскочила на ноги и, отряхнувшись, повисла на Ежове.

Раззадорившись дурачеством друзей, Скворцов интеллигентно призвал Галину к тому же:

– Колыхнём седину, сударыня?

– Ну уж нет, спасибо, – хмыкнула Гончарова, но ещё прежде, чем что-то поняла, очутилась под сосной, сверкающей электрогирляндой.

Гаврила, уставившись на суровую Печку, уточнил:

– Повторим, черешенка Вы моя приторная?

– А осилишь, трухлявый ты пенёк? – по-доброму улыбнувшись, осведомилась повариха и добавила. – Ну, лови волну!

Едва сторож намеревался отпрянуть от Шуры в сторону, как она напрыгнула на него, и вот Гаврила уже рухнул в снег, придавленный грузной глыбой в косынке.

– Кажется, должность сторожа вновь вакантна, – сострил Кузьмин, и все хором захохотали.

В Гродске...

Алексей всё никак не возвращался, хотя список продуктов, которые Лена обязала его докупить, ограничивался скудными тремя позициями.

“Вот и посылай мужиков в магазин” – про себя ухмыльнулась девушка, старательно вырисовывая контурным карандашом стрелки на глазах перед зеркалом.

Внезапно она услышала громкий выкрик. Сначала Лена не отреагировала на него, однако затем возглас повторился: кто-то нараспев озвучивал её имя.

Барышня прошагала на балкон и выглянула во двор. Под окнами дома припарковались запряжённые белой лошастью сани с облачённым в костюм Деда Мороза человеком на борту. Тот театрально взмахнул посохом и выразительно забасил:

– Летел я, значит, спешил народ с праздником поздравить, как моя кобылица ни с того ни с сего по тормозам ударила и замерла на месте. Я ей говорю “ты чего, шелкогривая?”,

а она мне отвечает “куда ж ты, старый дуб, без Снегурочки отправился?”. Мои ватные усы аж шевельнулись от стыда! И правда, за какой горизонт я без своей красавицы собрался? Потому и приземлился в аккурат у её хором, чтобы с собой захватить!

– А ты вовремя, дедушка! – повеселела рассекретившая Трофимова Лена. – Твоя Снегурочка как раз закончила с макияжем в ожидании крабовых палочек и майонеза с чесноком. У тебя их часом в мешке не завалилось?

– Давай не о грустном, милая! Быстрее спускайся сюда, отогреть мою седину!

– Бегу-бегу! – колокольчиком отозвалась девушка и, нарядившись в подаренную Алексеем шубу, покинула квартиру.

Запрыгнув в повозку, она под села к прибнявшему её парню, и безмолвный кучер, сторбившийся на козлах, тронул поводья. Экипаж помчался по проспектам, где витала волшебная атмосфера новогоднего чуда.

– Как Вы всех оленей-то растеряли, дедушка? – поинтересовалась Лена у Трофимова.

– Они требовали повышения зарплаты, – с наигранным недовольством цокнул Алексей, на что его девушка хохотнула и продолжила наслаждаться путешествием по Гродску.

Заскочив на центральную площадь, пара прогулялась по ледяному городку, покаталась с горок, мимоходом потешив ребятишек, что с восхищением взирали на Трофимова в карнавальном одеянии, и двинулась дальше.

Вскоре они совершили остановку у кафе “Блюз”. Там Алексей предложил Лене устроить небольшой променад, осведомившись:

– Помнишь нашу первую встречу здесь?

– Каждое мгновение, – мечтательно откликнулась барышня.

– Миновало уже несколько месяцев с того судьбоносного дня, разделившего мой мир на “до” и “после”. Кто бы мог вообразить, что, явившись на ланч, я отыщу свой смысл жизни? – развивал тему Трофимов, чьи ладони, вопреки холоду, вспотели, а в горле пересохло, будто от изнуряющей жары. – Ты необыкновенная, Леночка, и я не перестаю влюбляться в тебя снова и снова. Твоё присутствие рядом окрыляет меня и превращает в самого счастливого парня на свете. Подумать только, на планете миллиарды людей, но лишь одна заставляет моё сердце биться чаще... Так почему бы не доверить его ей, особенно в столь удивительную пору?

– На что ты сейчас намекаешь, Лёша? – взволнованно уточнила девушка и почувствовала, как бешено стучит за грудиной.

– На то, что хочу до последнего вздоха засыпать и просыпаться с тобой, – произнёс дрожащий парень, припал на колено и, распахнув бархатную коробочку с колечком, спросил, посмотрев в округлившиеся глаза Лены. – Ты выйдешь за меня?

По щекам девушки градом полились слёзы. Её ножки под-

косились, и она, с трудом удержав равновесие, закивала головой:

– Да!!! Дааааа!!!!

Засиявший подобно солнцу Трофимов поднял Лену на руки. Заплаканная девушка стянула с лица кавалера накладную бороду и их губы страстно впелись друг в друга на фоне взрывающихся в звёздном небе фейерверков.

В садах...

В отличие от Гродска, тут салюты не грохотали и не озяряли своими яркими вспышками тёмное полотно ночи. Безлюдные сады, утопшие в глубоких сугробах, были погружены во мрак и пугающую тишину – праздничное веселье обошло их стороной – и лишь из одного домика, затерявшегося в море прочих ветхих построек, лился свет.

Там, у старенькой плиты, покрытой нагаром и жиром, хлопотала грустная Тамара, которую накануне супруг выпустил из гаражного погреба. Освобождённый на пару с ней Петя, замученный диким кашлем, помогал матери с готовкой и закидывал нашинкованные овощи в бурлящую воду, наполняющую погнутую кастрюлю, пошатывающуюся на огне конфорки.

– Эй, кулинары, а где Яна? – спросил Иван, до сих пор трудившийся над какой-то поделкой.

– Создает в нашей комнате новогоднюю атмосферу, – отозвался мальчик и поправил шерстяной шарф, обматывающий его шею.

Климов кивнул и молча удалился к дочери. Та настолько увлеклась росписью окна гуашью, откопанной среди всякого пыльного хлама на чердаке, что не заметила заглянувшего в спальню отца и вздрогнула от его голоса:

– Сильно занята, белочка?

– У тебя что, мягкие лапки? Ты как кошечка подкрался, пап, – охнула девчушка и, вытерев ладошкой измазанные краской щёки, заявила. – Ты меня совсем не потревожил...

– Супер! Я тебе подарок принёс, – заинтриговал Яну мужчина и вытащил из-за спины букет в виде вырезанных из картофелин роз, наколотых на тонкие деревянные палочки.

Кроха моментально сорвалась с места и, приняв презент, обняла отца:

– Какие классные, спасибо! – восторженно пролепетала девчушка.

– Не дорогая кукла, конечно, но в нашем положении тоже неплохо, – ответил ей Иван. – А чтобы крахмальные цветы не завяли, их надо запечь и скушать.

– Никогда ещё не ела цветы, – разразилась смехом Яна.

– Я рад, что ты оценила, рыбка. А теперь позволь мне ознакомиться с твоим шедевром на стекле, – сказал Климов и приблизился к рисунку дочери: ёлочке и четверым карикатурным человечкам. – Это что за чудики?

– Наша семья, – пояснила малютка. – Мы крепко держимся за руки и улыбаемся, потому что счастливы... Так скоро и случится, ведь я загадала желание, – похвасталась Яна и, по-

смотрев на отца, беспокойно уточнила. – Пап, ты чего плачешь?

46

1988 год

Вторник, седьмое июня...

Иван повелел семье схорониться в дальней комнатухе и не издавать звуков, когда у их садового участка затормозила блестящая на ярком полуденном солнце чёрная “Волга”. Как только из салона машины вылез худосочный мужчина и целеустремлённо двинулся к домику, Климов заметался по помещению с ошалевшими глазами и, схватив с пыльного подоконника нож, которым он откупоривал консервные банки, затаился у входа, стараясь дышать ровно и тихо.

Слушая шоркающие шаги приближающегося к двери человека и паническую барабанную партию собственного сердца, Иван с удивлением размышлял “Неужели меня обнаружили? Я ведь успешно прятался так долго...”.

Скрипнули петли и некто, заглянув внутрь, громко произнёс:

– Аууу, хозяйева!

Не дождавшись отклика, курносый посетитель переступил порог и словил удар ботинком под рёбра. Согнувшись, он упал на колени, а Климов, очутившись у гостя за спиной, приставил к его горлу тупое лезвие столового прибора со словами:

– Ты ещё кто такой?

– Гриша, – просипел дрожащий мужчина.

– Какой к чертям Гриша?! – враждебно проревел Иван. – Чё у меня забыл?

– Я к тебе по делу, не пори горячку, – взмолился Ежов, чудом не обдриставший штаны. – Не срastётся у тебя в жизни, нежели будешь так на каждого кидаться!

– Твой индюшачий кадык не срastётся, если продолжишь практиковать внезапные визиты, – огрызнулся Климов. – Откуда ты узнал, как меня найти?

– Товарищ помог...

– Конкретней!

– Я не планировал разглашать его имя...

– А давиться своей кровью планировал?!

Позади кто-то взвёл курок. Иван замер и медленно обернулся.

– Бросай оружие и топай сюда с поднятыми над головой граблями, – сурово гаркнул материализовавшийся под козырьком дачи человек в водительской фуражке, направивший на Климова пистолет “Макарова”.

Брутальный вид стрелка подсказал Ивану, что тот не шутит, поэтому он подчинился и поплёлся на улицу. Вставший с дощатого пола Григорий откашлялся и тенью проскользил за Климовым.

– Я всё понял. Цепляйте на меня свой браслет, – с досадой пробубнил поникший Иван.

– Ты явно не играл в “угадай профессию” раз счёл нас за

лежавых, – ухмыльнулся шофёр и засунул пушку за пояс.

– Чё Вы вообще за фрукты?

– Скауты, – объяснил Ежов. – А Вы Иван Климов?

– Угу, к сожалению.

– Прекрасно! У меня к Вам предложение, касающееся Вашего сына.

– Зачем Вам мой ребёнок?

– Мы создаём один...ээ...лекарственный препарат, и нагрянула пора апробировать его на людях.

– Вы от фармацевтической компании что ли? Разрабатываете замену витаминкам? – хохотнул Климов.

– Вроде того... – скривился Григорий.

– Почему Петя?

– Вариантов лучше не подвернулось, а Ваш пацан, насколько мне известно, имеет весьма серьёзное заболевание...

– Как и тысячи детей.

– Однако их родители не готовы доверять нам своих отпрысков, а нам срочно нужен второй подопытный.

– С чего же я должен?

– Не должны. И всё же, надеюсь, сумма, что мы Вам заплатим, развеет любые сомнения.

И Ежов продемонстрировал Ивану чек. Цифра на бумажке задела струнку алчности в Климове вкупе с его желанием избавиться от Пети, и он, отстегнув нижнюю челюсть, уточнил:

– Что от меня требуется?

– Молчание.

– Договорились.

– Тогда ни к чему тянуть кота за его сокровищницу: берите сына – мы едем на обследование.

– На кой хрен?

– Чтобы подтвердить или опровергнуть его диагноз и решить, годитесь ли Вы нам.

– Мне нельзя в город.

– Кузьмин свозит его сам, а я, дабы Вы не волновались, останусь тут.

– Хорошо, я сейчас позову Петю...

– Сперва ответьте, не Ваша ли это семья удирает огородами?

Иван посмотрел через плечо и моментально закипел от злости: Тамара бежала по соседским грядкам в сторону трассы и увлекала за собой мелюзгу.

Климов резко рванул за ними подобно гоночному болиду, что, визжа покрышками, дёрнул со старта, и вынудил женщину ускорить темп. От чрезмерной суеты она запнулась о поливочный шланг и шлёпнулась на кусты картошки, позволив супругу настигнуть её.

– Какие-то нестандартные у них отношения, – прокомментировал шофёр, наблюдая за тем, как Иван под плач ребятшек волочет жену за волосы.

– Здесь либо необузданная страсть, либо типичные плоды

бытовухи, – резюмировал инвестор и поморщился от сцены заточения истошно вопящей Тамары в гаражном подвале:

– Ради Бога, не запирай меня снова! Нееет!

Климов также юркнул под землю, затем вскарабкался обратно, вытащил лестницу, швырнув её рядом со своим легковым фургончиком, облепленным паутиной, запечатал люк и явился к Григорию уже с детьми.

– Очень приятно, что Ваша супруга не против сотрудничества, – съязвил Ежов, и Иван хмуро добавил:

– Тамара двумя руками “за”. Хотя, они у неё теперь связаны хомутами, как и ноги.

– Вы ей рот кляпом случайно не заткнули? – поинтересовался Кузьмин.

– Случайно заткнул.

– Нафига я спросил? – прошептал шокированный шофёр.

– В моё отсутствие ей возбраняется разгуливать на свободе, иначе она организует мне тонну проблем. Не углубляйтесь в детали, джентльмены.

– Папочка, что опять приключилось? Кто те дяди? – вытирая сопельки, осведомилась у Климова испуганная дочь, обнимающая плюшевого запачканного тигрёнка.

– Мы из пионерского лагеря, милая, – присев на корточки, растолковал девчужке Григорий и приветливо ей улыбнулся, расположив Яну к себе своей доброй энергетикой.

– Мой братик как раз пионер, – гордо подметила кроха.

– Правда? – покосившись на Петю, напустил изумления

Ежов и обратился к мальчику. – Юноша, поздравляю! У нас есть для Вас путёвка. Пройдёте медкомиссию – и вперёд на отдых!

– Ну Вы и закрутили, – осклабился Иван.

– Ни капельки, – возразил инвестор. – Наша команда базируется там.

– Конспирируетесь?

– Конечно.

– Я не хочу в лагерь, – вклинился в диалог мужчин Петя.

– Не глупи, повеселишься, – обрубил его Климов и буркнул Кузьмину. – Трогайте.

Тот кивнул и проводил встревоженного мальчика к автомобилю.

Спустя три часа...

“Волга” вернулась в сады из частной клиники, и Григорий, нетерпеливо переговорив с её шофёром, сообщил Климову:

– Ваш сын нам подходит. Завтра заезд первой смены, так что... ждём Вас в “Тайнике Лешего”. Скажите сторожу, что от Ежова.

– Когда я получу свои деньги? – спросил Иван, принимая у инвестора путёвку.

– Сразу, как передадите нам пацанёнка, – разъяснил Григорий и, пожелав всего доброго, удалился.

Кузьмин завёл машину и увёз своего шефа прочь, а Климов, взглянув на Петю, заключил:

– Счастливчик. Скоро оторвёшься на полную катушку!

Может, обретёшь новых друзей.

– Я скучаю по старым, – всхлипнул мальчик.

– Прекращай ныть! Тебе выпал отличный шанс оздоровиться и развеяться, даже мы с сестрой тебе завидуем, а ты всё недоволен. Заряжайся позитивом, утром выдвигаемся. Яну я тоже захвачу, пускай полюбуется природой...

– А маму?

– Она пока останется здесь. Но не переживай, я обязательно явлюсь за ней после того, как определю тебя в лагерь, – соврал Иван.

– Ладно, – вяло согласился раскисший от отчаяния Петя.

– Вот это по-нашему! – радостно воскликнул Климов и потрепал ребёнка по голове.

47

Среда, восьмое июня

Григорий выбрел на парковку “Тайника Лешего”, где остановились автобусы с детьми. Он приблизился к одной из грузных машин и, когда из салона на улицу хлынул поток громкоголосых ребятишек, принялся выискивать среди них мальчика из спонсируемого им приюта, чтобы проводить того к Виктору Бенедиктовичу. Учёный не сомкнул глаз прошедшей ночью, подготавливая всё для события, к которому он стремился многие годы – апробированию своего препарата на человеке.

Ежову не нравилось, что он обязан буквально с порога тащить подопытного в лабораторию, ведь пацанёнок явно

утомился после дороги и, по-хорошему, ему следовало отдохнуть, а также обустроиться в корпусе. Однако Скворцов не хотел терять ни минуты, аргументируя это тем, что, если первый блин получится комом, и сыворотке понадобятся какие-либо доработки, процесс может затянуться, а у них в распоряжении только несколько недель, пока длится смена.

Инвестор не стал возражать и теперь шатался в толпе шумных школьников, умиряемых пионервожатыми. Наконец, в галдящем море, он различил белокурую макушку того самого сорванца, что страдал проблемами с сердцем и являлся идеальным материалом для экспериментов Виктора Бенедиктовича. Григорий выделил ему путёвку сюда на якобы оздоровительных условиях, но малой, используя убойную силу убеждения, выклянчил места ещё и для троих своих приятелей. Ежов удовлетворил его просьбу, лишь бы мальчик не препирался и оказался в лагере.

Схватив обескураженного ребёнка за руку, инвестор улыбнулся ему и поприветствовал:

– Борька, рад тебя видеть! Как добрался?

– Доброе утро, Григорий Евгеньевич! – робко произнёс пацанёнок. – Меня чутка укачало, но потихоньку отпускает...

– Надеюсь, ты не запачкал своих товарищей рвотными массами?

– Нет, перетерпел. Хотя Анжелика предлагала мне пакет.

– Какая заботливая у тебя подружка. Колись, она тебе

симпатична? – заговорщически прошептал Ежов.

– Ни капельки, – опроверг Борис. – У неё, как и у всех девчонок, ветер в голове гуляет...

– Ты такой юный, а уже познал правду жизни, – хохотнул инвестор и добавил. – Сразу понятно, что передо мной солидный парень. Поэтому считаю разумным сфокусироваться на более важном. Ваш транспорт задержался, и ты опаздываешь на профилактическую процедуру. Сейчас мы направимся туда, и потом ты вернёшься к отряду. Ладушки?

– Конечно, Григорий Евгеньевич, – согласился мальчик и двинулся за Ежовым, как того окликнул вожатый:

– Эй, Вы куда с моим подопечным намылились?

Инвестор обернулся и, встретившись взглядом с парнем в алой шёлковой пилотке, молочной рубашке, галстукке и чёрных шортах, ответил ему, прочитав имя на бейджике:

– Молодец, Рома, своих ребят стережешь! Однако ты, вроде как, оповещён, что Боря у нас особенный и ему требуется лечение, на какое мы будем его периодически выдёргивать...

– Ах, да, припоминаю, – отступив на шаг назад, кивнул пионервожатый. – Мне сообщали о двоих таких в моей группе...

– Всё верно! Второго сегодня привезёт отец, – пояснил Григорий.

– Что ж, тогда не смею отвлекать...

– Вот и славно! – заключил Ежов и, похлопав парня по плечу, удалился с сорванцом от скопления детей.

Иван вернул в запыхавшуюся машину аккумулятор, определил в кабину Яну с Петей, а сам спустился в подвал, где у заросших паутиной деревянных стеллажей лежала связанная хомутами Тамара, чьи глаза буквально разъело от слёз.

– Я сообщить, что в нашей совместной истории нарисовалась долгожданная точка. Мы с детьми сматываемся отсюда, и теперь ты вряд ли когда-либо нас увидишь, – заявил присевший рядом с супругой Климов, сверкнув ледяным взглядом.

Женщина ошарашенно вылупилась на него, не в состоянии переварить вырвавшиеся из уст мужа слова, но, как только её настигло осознание того, что Иван решил покончить с ней, стала извиваться подобно червяку, шурша одеждой по бугристому полу. Как выстрел голову разразила страшная мысль о судьбе сына, которым Климов не дорожил и которого считал лишь обузой.

– Мне было нелегко сделать такой шаг, – преодолевая желание заплакать, произнёс Иван. – Внутри меня до последнего велась борьба: я искал компромиссы и пытался сберечь жалкую пародию на семью, чтобы мир Яны не рухнул. Однако в итоге понял, что всё тщетно и моей малышке придётся принять суровую реальность, ведь отношения, запятнанные изменой, не получится отбелить даже ради ребёнка, а разбитое сердце не скроешь ни за какими масками. Мне до сих пор больно, я страдаю каждую минуту своей испоганенной

жизни... И лучший способ избавиться от мучений – похоронить их источник.

Тамара умоляюще посмотрела на супруга и попробовала что-то сказать, но изоленга не позволила звуку трансформироваться во что-то внятное. Тогда она в агонии начала перекачиваться от стены к стене, отчаянно скуля сквозь липкую полоску на рту. Её приглушённая истерика завершилась расширением лба о землю.

– Ну-ну, достаточно. Зачем устраивать этот концерт? И без того свербит, – процедил Климов и добавил. – Как говорится, прости прощай! Спасибо тебе за дочь... Я обещаю, что позабочусь о ней.

Взбираясь по лестнице в гараж, Иван выронил из заднего кармана брюк прямоугольный листочек, спикировавший вниз. Затем люк с грохотом захлопнулся, и женщина погрузилась во мрак.

Вскоре Тамара услышала чихи автомобиля мужа. Ижевский “каблук” несколько раз кратковременно рыкнул и с дребезжанием поехал прочь.

Вокруг воцарилась звенящая тишина, и Климова осталась наедине с собой, умирать...

49

Нацепив на глаза Боре тряпичную повязку, чтобы тот не просёк, куда его увлекают, Григорий спустил мальчика в лабораторию под корпусом для персонала, где их встретил взволнованный Скворцов, вокруг которого суетливо верте-

лись ассистентки в белых халатах.

– Ух ты, какая диковинная комната! – восхитился ребёнок, узрев пространство, напичканное сверкающей разноцветными лампочками аппаратурой.

– Здесь пройдёт твой курс терапии, – прокомментировал Ежов и познакомил пацанёнка с учёным. – А это твой врач, Виктор Бенедиктович!

Скворцов пожал Боре его маленькую пятерню и торжественно произнёс:

– Ты первый, кому посчастливится опробовать на себе лечение по уникальной методике, разработанной моей командой! Успех навсегда избавит тебя от недугов и превратит в человека с повышенными физическими показателями!

– У меня получится разбивать об голову кирпичи? – серьёзно уточнил мальчик, развеселив учёного, в чьём смехе, правда, присутствовала определённая нервозность.

– Может, и получится, – ответил Виктор Бенедиктович.

– Вау, круто! – воскликнул ребёнок, и его воображение начали активно штурмовать самые смелые фантазии. – Вот детдомовские обзавидуются!

– Ты ведь не собираешься проламывать лбом стены приюта? – пошутил Григорий.

– Там и так сопли в качестве цемента, – фыркнул пацанёнок и, по просьбе Скворцова сняв с себя рубашку, послушно устроился на кушетке, застеленной простынёй.

Пока помощницы учёного притягивали пациента к ложе

кожаными ремнями, Виктор Бенедиктович просунул руки в латексные перчатки, скрыл лицо до переносицы под медицинской маской и, распечатав шприц, наполнил его пурпурной жидкостью образца М-2.1 до отметки в два миллилитра.

– У нас всё готово, доктор, – отрапортовала Галина, и Скворцов на подкашивающихся ногах прошагал к подопытному.

– Зачем меня обездвжили? – не понял встревоженный Борис.

– Обычная мера предосторожности, – успокоил его учёный. – Сейчас мы сделаем тебе прививку для укрепления иммунитета и вернём к друзьям.

Мальчик кивнул, и Виктор Бенедиктович, дождавшись, когда Нина смажет предплечье ребёнка спиртом, вонзил туда иглу, постепенно вводя сыворотку.

Боря душераздирающе закричал и бешено задёргался, словно из него стремилось что-то вырваться, однако ляжки намертво приковали его к месту и не позволили упасть на пол. Агония пацанёнка перепугала побледневшего Ежова, и тот инстинктивно ринулся к нему, но его остановили Гончарова и Князева.

– Что за хрень?! – запаниковал инвестор, наблюдая за неистовыми трепыханиями плюющего слюной мальчика и шатающейся под ним кушеткой.

– Не истери! – гаркнула Галина. – Сценарий эксперимента сложно предугадать, потому он и осуществляется на добро-

вольцах.

– Разве творящееся нормально?? – поражался вспотевший Григорий.

– Не для таких впечатлительных, как Вы, – ухмыльнулась Гончарова.

Судороги прекратились, а за ними отступила и боль. Ребёнок, трясаясь, ошарашенно вылупился на Скворцова с коллегами и, раззявив рот, прокряхтел что-то невнятное.

– Всё хорошо, организм принял препарат, – резюмировал выдохнувший учёный и повелел ассистенткам освободить Борю.

– Хвала небесам, – благодарно просипел Ежов, едва не шлёпнувшийся в обморок.

Нина заботливо укутала натерпевшегося пацанёнка в плед, а Виктор Бенедиктович подбодрил его:

– Ты истинный храбрец! Поверь, твоя стойкость обязательно вознаградится!

– Я не хочу больше уколов, – чуть не плача, выдавил мальчик.

– С ними покончено. Теперь мы будем лишь пристально следить за тобой, – констатировал Скворцов и обратился к инвестору. – Как только Галя возьмёт у Бори кровь для предварительного анализа, отправьте его к своим, Гриша. Ему бы поспать. Он заслужил...

Вскоре...

Учёный, приникший к окуляру микроскопа и отрегули-

ровавший фокусировку при помощи макро- и микровинтов, никогда прежде не видел такого. Равномерно распределённая по предметному стёклышку капля крови подопытного удивила всех без исключения своей необычной голубой окраской. Однако после ознакомления с биологическим материалом ребёнка Виктора Бенедиктовича озаботило другое.

Отстранившись от прибора, Скворцов нахмурился и удручённо прошептал:

– Ничего не понимаю. Никакого эффекта...

– Не может быть! – замотала головой Гончарова, на пару с Князевой нависшая над наставником.

– Сама посмотри, – и учёный уступил ассистентке место.

Та долго и пристально вглядывалась в увеличенное изображение клеток, затем задумчиво хмыкнула и протянула:

– Действительно, изменений нет...

– А если для них ещё рано? – вклинилась Нина.

– Это я тоже допускаю. Держите Борю под надзором и сообщайте мне о любой динамике. Хотя, у меня чувство, что мы где-то просчитались, – покусывая губы и раздражённо шевеля усами, подытожил Виктор Бенедиктович. – Вероятно, для людей требуется более концентрированный вариант. Что ж, я попробую внести коррективы и слегка повысить дозировку для нашего следующего добровольца...

– Тогда я побежала? – отпросилась Галина.

– Конечно, – разрешил Скворцов. – Ты у нас теперь всё-таки воспитателем в отряде, куда определили наших паци-

ентов, работаешь...

– Отвратительное прикрытие, – закатила глаза Гончарова и, скинув халат, поспешила выбраться на поверхность.

50

Вдавлив педаль газа в пол, Иван гнал свой фургончик по пролегающей среди елово-сосновых дебрей трассе. Сворот к лагерю, упрятанному в глуши похлеще сокровищ Флинта, должен был показаться уже давным-давно, но мужчина, судя по всему, просто не заметил его и пролетел мимо. А всё из-за угнетённого настроения, путающего мысли и не позволяющего сконцентрироваться на дороге. Климов понимал – начать новую жизнь безболезненно нереально, однако не ожидал, что ему придётся так трудно. Душа клокотала, разрываясь на части, особенно при виде грустных детей, теснящихся на пассажирском кресле двухместной кабины.

Терзаемый угрызениями совести Иван пытался успокоить себя тем фактом, что поступить с Тamarой иначе он не мог, ведь она бы явно заложила его в милицию и разлучила с любимой дочуркой. Проблема заключалась в том, что если в данном вопросе ему удавалось хоть сколько-то оправдать свои действия перед самим собой, то в случае со сделкой по передаче Пети сомнительным фармацевтам – нет, с каким бы пренебрежением мужчина к нему ни относился. К тому же, как потом объяснить Яне, молча тискающей мягкую игрушку тигрёнка, что она лишилась и матери, и брата? Климов совсем не знал и страшился этого момента.

Хвойные джунгли закончились, сменившись усыпанным низкими зелёными ростками кукурузным полем, через которое тянулись опоры ЛЭП.

Иван срулил с асфальта по крутому спуску и направил автомобиль по грунтовке, проторенной у края аграрных угодий. Добравшись до развилки, Ижевский “каблук” попылился по правому ответвлению, что петляло к чаще.

Превратившаяся в стиральную доску от траков гусеничной техники колея следовала к деревне, возникшей впереди. На границе поселения паслась бородатая коза, привязанная цепью к вбитому в землю колышку. Бренча болтающимся на шее колокольчиком, она неторопливо нарезала круги и беззаботно щипала травку.

Мужчина пересёк прогибающийся под весом машины узкий хлипкий мостик, перекинутый над глубоким оврагом с сухими корягами на дне, и, расшугав возмущённо гогочущих гусей и кулдыкающих индюков, очутился у первой избы: унылой бревенчатой постройки с кривым козырьком и раскуроченной трубой дымохода. За теряющимся в сочной осоке забором, у колодца, сидела женщина преклонных лет в голубой косынке и усердно жулькала грязное бельё в худом корыте. Когда она услышала тарахтение мотора, встреченное лаем собаки с соседнего двора, то вскочила с лавки и, стряхнув с морщинистых кистей мыльную воду и пену, с интересом прошагала к калитке.

Притормозив, Климов открыл окно и уточнил:

– Здравствуй, бабуля! Сориентируй, пожалуйста, где тут пионерский лагерь “Тайник Лешего”?

– За холмом, милоч. У железнодорожной станции “Малые Дуки” заедете в лес, минуете “Багровое” озеро и там по прямой, – ответила старушка и, ткнув пальцем в сторону приближающейся телеги, приводимой в движение косматой кобылой, добавила. – Коли боитесь заблудиться, держитесь за Серафимом Григорьевичем. Он как раз сейчас отправится туда, чтобы снабдить сторожа табаком и пойлом...

Иван покосился на повозку с мужичком в славянской рубахе и, состряпав кислую гримасу, резюмировал:

– Сам разберусь. Не хочу наматывать лошадино добро на колёса и мчаться со скоростью улитки...

– Зато его животино не копит, как твоя табуретка, – отстояла народный транспорт женщина.

– И то верно. Только срёт да ржёт, – съязвил Климов и под крик петуха, взгромоздившегося на обветшалой изгороди домика напротив, покатыл дальше.

51

Среди знакомых этот тощий, лишённый растительности на лице человек снискал себе репутацию чудаковатого и забавного типа. Один его внешний вид вызывал насмешливую улыбку: свою лысину он прятал под алонжевым париком, какой носили при дворе Людовика XIV в эпоху Барокко, а туловище – под льняной рубашкой, чьи длинные рукава мужчина закатывал по локоть. До самой груди эксцентричный

кадр натягивал суконные коричневые панталоны, охватывающие ноги лишь выше колена. Довершали картину служащие мужчине повседневной обувью домашние тапочки с бубонами, откуда, по причине отсутствия задников, торчали его грязные ороговевшие пятки.

Щурящийся от яркого солнца пятидесятичетырёхлетний Горимир Иннокентьевич двигался по сельской дороге к своему саду и направлял в небо винтовку Мосина, понарошку расстреливая пушистые облака. Он озвучивал свою бесшумную пальбу смачными “БАХ”, имитируя отдачу от трёхлинейки, патронов в которой не было, ведь мужчина никогда не использовал её по-настоящему. Данный раритет достался ему от отца, Кончаловского Иннокентия, погибшего на войне под гусеницами танка. Горимир невероятно гордился семейной реликвией. Она являлась живым напоминанием об отважном родственнике, воплощающем для него героизм.

Однако на полке драгоценный экспонат не пылился. Мужчине нравилось воображать, а также позировать с оружием перед соседями, и посему он регулярно делал рейды в ближайшую лесополосу вместе со своей “Мосинкой”, чтобы на время примерить на себя роль brutального бойца советской армии.

Кончаловского всегда сопровождала верная ему русская псовая борзая Стефани: крупная, но при том элегантная собака палевого окраса с кудрявой шерстью. Сейчас она бежала впереди, наклонив горбоносую морду вниз и активно во-

роша ей траву. Обилие запахов дурманило охотницу, и она металась из стороны в сторону, пытаясь уловить каждый аромат.

У обветшалого забора борзая шмыгнула в кусты вишни, облепленной неспелыми ягодами, и пролезла на небольшой участок, где устремилась к гаражу без ворот.

– Стефани, ну-ка, ко мне! – окликнул свою спутницу Горимир, однако та даже не обернулась, продолжая нюхательный процесс.

Мужчина сунул два пальца в рот и подобно Соловью-Разбойнику оглушительно свистнул, но собака снова проигнорировала сигналы хозяина, замерев у входа в подвал внутри ржавой постройки.

– Вот же сумасбродная дамочка! – прошипел Кончаловский и нервно зашагал к борзой. – Не получишь ты на ужин добавки за свои фокусы! И твои жалобные взгляды не выпросят пару лишних куриных шеек...

Стефани тихо заскулила и начала аккуратно скрести деревянную крышку когтями, выразительно посматривая на Горимира, словно силясь ему что-то показать.

– Чего ты там откопала?! – возмущался мужчина. – Мне не до твоих заморочек! Я проголодался, а ты, дурёха, фигнёй страдаешь!

В ответ собака гавкнула и принялась царапать заслонку люка ещё настойчивей.

– Ладно, ладно! Если ты такая упрямая, пожалуйста, на-

слаждайся! – согласился Кончаловский и откинул скрипнувший щит. – Ты учуяла дохлую крысу, банки с прокисшим маринадом или...?

Горимир не договорил. Его речь перетекла в девчачий визг, и он с перепугу едва не выпрыгнул из своих шлёпок, выронив винтовку. Из тёмного пространства мужчину сверлили широко распахнутые женские глаза, опухшие от слёз. “Спасите!” – отчётливо читалось в них.

Изогнувшаяся особа, связанная хомутами, лежала на земле, и отчаянно мычала сквозь кусок изоленды.

Борзая завиляла хвостом в ожидании похвалы. Кончаловский, правда, не обратил на свою любимицу абсолютно никакого внимания.

– Не волнуйтесь, я уже спешу к Вам! – дрожащим голосом обнадёжил узницу Горимир и спустился в дышащий затхлостью проём.

52

Мерзкий надутый хрыч (так Иван окрестил сторожа) отказался пропускать их на территорию “Тайника Лешего”, а Климов, как назло, посеял путёвку где-то в саду и потому не мог ничего предъявить. Все дети, прибывшие в лагерь, разбрелись вместе со своими вожатыми по корпусам, и автобусы, привёзшие их, направились в город.

Лохматый старик с красующимся на плече ружьём неспешно набил до краёв чашку курительной трубки табаком, чиркнул спичкой и, прислонившись к своей будке,

смачно запыхтел.

– Ты что, мать твою, издеваешься?! – разгневанно заорал на охранника Иван, вцепившийся в железные прутья ворот. – Ох, доберусь я до тебя! Прямо сейчас через забор полезу!

– Ну чаво ж, полезай! – спокойно произнёс сторож. – Я как раз давнёхонько не практиковался в стрельбе...

– Кто у тебя начальник?! – подёргивая глазом, процедил Климов.

– А кто конкретно нужен? – уточнил старик и, закусив мундштук, снова затянулся едким дымом.

– Блин, как же его... – сморщил лоб Иван, силясь вспомнить фамилию того скаута. – Ежов, во! – щёлкнул пальцами мужчина.

– Аа, усё, понял... Ожидайте, – и охранник медленно поковылял в сторону построек, вызвав ещё большее раздражение Климова.

Спустя какое-то время на автомобильной стоянке учреждения возник Григорий и распорядился, чтобы Гаврила отпер замок.

– Ясно? Мы тут важные гости, древняя ты мочалка! – высокомерно бросил Иван сторожу, распахивающему скрипучие створки.

– Я, ей-богу, поколочу энтого дурака! – вспыхнул побагровевший старик.

– Колотушки отвалятся! – огрызнулся Климов в ответ.

– Довольно! У нас не бойцовский клуб, – вмешался инве-

стор, и все замолчали.

Иван, подталкивая мелюзгу вперёд, устремился за Ежовым, встретившись недобрый взглядом с Гаврилой, сурово сдвинувшим свои кустистые брови.

– Вы с дочкой собираетесь задержаться у нас на денёк-другой? – поинтересовался у Климова Григорий.

– Если Вы не против, – кивнул Иван.

– Хорошо. Тогда я заселю Вас в свои апартаменты. Рекомендую Вам перегнать свою машину на парковку, пока я определяю Петю в отряд. Ребята уже отобедали и теперь всю знакомятся, поэтому, чем быстрее Ваш сын вольётся в коллектив, тем лучше, – посчитал инвестор.

– Мы никуда не торопимся, командуйте, – согласился Климов, и Ежов обратился к пацанёнку:

– Давай лапу, приятель...

Мальчик обхватил пятерню Григория, и тот потащил его за собой, но притормозил, когда Яна, размахивая замызганной игрушкой, воскликнула:

– Братик, стой! Мой тигрёнок хочет к тебе!

Петя принял у сестры плюшевого зверька и удивлённо спросил:

– Зачем?

– Чтобы ты не скучал...

– Уверена? Он ведь твой любимец...

– Мой любимец – ты! – возразила девчушка. – И отныне Тигруля – твой защитник. Он хищник, справится!

– Спасибо, кроха, – нежно обняв малую, поблагодарил её пацанёнок и потопал с инвестором прочь.

Отдаляясь, мальчик обернулся и так жалобно посмотрел на отца с Яной, что у Ивана, и без того тронутого сценой прощания детей, внутри всё съёжилось. По щеке, совершенно внезапно, прокатилась слеза, которую мужчина наскоро вытер. Обиженный на жену за измену он регулярно твердил о том, что желает избавиться от чужого ребёнка, однако эмоции не позволяли врать самому себе – Климов привязался к пацанёнку и до него, наконец, дошло, насколько они с Петей породнились. От какого бы ублюдка Тамара не забеременела, папой для сорванца был именно он. И данная мысль докучливой пиявкой присосалась к его оттаявшему сердцу...

Спустя пятнадцать минут...

В военные годы первый, а ныне второй корпус “Тайника Лешего” – угловое здание из красного кирпича в форме “L” – являлся самой крупной из всех построек на территории лагеря и располагал плавательным бассейном, отчего в широкой прихожей, где очутился Петя, устаканился резкий запах хлорки.

Разувшись, Климов кинул кроссовки на мраморный пол к остальной обуви, поднялся за Ежовым по одному из параллельных лестничных маршей на площадку между ними, затем взбежал по следующей цепочке ступенек на средний этаж, а оттуда, преодолев ещё пару идентичных пролётов, огороженных коваными узорчатыми решётками – на третий.

Там, в светлом холле, наличествовали окружённые зелёным оазисом потрёпанный диванчик и журнальный столик, стоящие напротив двери, что вела из гостевого блока в жилой, куда ребёнок прошагал уже без Григория.

Мощёный облезлыми скрипучими досками поперечный коридор, по чьим краям имелись туалеты с маркировками “М” и “Ж”, связывал два продольных, насчитывающих по четыре комнаты-бокса и разделённых сквозным залом, попав в который через арку Петя тут же принял лбом запущенный из галдящей толпы детей резиновый тапок. Атакующий моментально разоблачил себя: рыжий кудрявый сорванец низкого росточка с брекет-системой на кривых зубах виновато заслонил рот рукой, обронил “упс” и, ткнув пальцем в близнеца, сообщил:

– Это он!

– Хоть бы решительности своему голосу придал, гений, – пробурчал второй, с огненными веснушками на щеках, и обратился к Климову. – Не злись на моего брата, он малость шепутной... Сколько раз я получал из-за него на орехи только потому, что нас путали.

– Не правда, он врёт! – прошепелявил первый. – Втирается к тебе в доверие, чтобы выклянчить вкусняшки, что ты с собой привёз.

– У меня нет вкусняшек... – растерялся Петя.

– Уже?! – шокировано воскликнул чудик в брекетах. – Он что, с порога тебя обчистил? Ах, коварный карлик!

– Оскорбил, так оскорбил, – фыркнул его брат. – Я, на секундочку, на сантиметр выше тебя! И родился восемью минутами раньше!

– Ой, ой, не важничай! Лика всё равно тебя опередила, аж на тринадцать с половиной минут!

– Она же дама, некультурно обнародовать её возрастные недостатки...

Климов намеревался вмешаться в беседу странных мальчишек, однако их дискуссию похоронила вынырнувшая из моря ребятни девчужка в очках. Увидев её – практически точную копию братьев с того же цвета, но удлинённой шевелюрой – Петя искренне удивился. Черты лица данной лисицы повторяли черты лиц близнецов в более нежной интерпретации.

– Сворачивайте балаган, надоели ругаться! – возмущённо гаркнула на пацанят их сестра и, встретившись с Климовым взглядом, сдержанно улыбнулась.

– А вот и Анжелика! – посмотрев на Петю, торжественно сказал ему старший из братьев. – Я Артур, кстати, а мой неудачный дубликат – Ярослав: у многих ассоциируется со стихийным бедствием.

– Харе заливать! У тебя в детдоме репутация не лучше! И я не твой дубликат! – взвинтился младший близнец.

– Весёлая у Вас семейка! – оценил Климов.

– Ох, с ними действительно не соскучишься! На мгновение отлучишься – камня на камне не оставят, – сетовала дев-

чушка. – Как тебя зовут?

– Петя.

– Петюня, лови пятюню! – озорной интонацией прогорланил Ярослав и шлёпнул Климова по ладошке.

– Я не заметила тебя в автобусе, – хмыкнула Анжелика. – Ты с нами в группе или заблудился?

– Он теперь Ваш сосед, – послышалась за спиной приятная женская речь. – Я – Галина Семёновна, мой хороший! Ваш воспитатель.

– Вы меня знаете? – покосился на особу в пёстром сарафане Петя.

– Меня проинформировали, что ты к нам присоединишься, – объяснила женщина.

– Он здесь тоже по оздоровительной программе? – поинтересовался материализовавшийся в помещении парень с алым галстуком на шее.

– Да, Роман Потапович, – кивнула ему Галина Семёновна.

– Забавный тигрёнок. Твой? – осведомился пионервожатый у обнявшего мягкую игрушку Климова.

– Угу, – ответил тот. – Мне его сестрёнка подарила, он мне очень дорог...

– Тогда советую не выносить плюшевого зверька из своей каморки, целее будет, – подмигнул своему новому подопечному Роман Потапович. – Ты обустроился?

– Не-а...

– Анжелика, покажите Пете апартаменты, – среагировала

воспитатель. – И попытайтесь вздремнуть. У нас по расписанию тихий час...

– Сомнительное утверждение, – хохотнул вожатый, наблюдая за хаосом, организованным гиперактивными детьми.

– Ну-ка замолчали все!!! И быстро спрятались по своим нормам! – продрала глотку Галина Семёновна, и ватага бузунов беспрекословно рассосалась по номерам.

– Вы укротителем не работали? – сыронизировал Роман Потапович.

– Всего лишь тренировала дикцию и подачу, – отшутилась воспитатель и помогла парню разгрести учинённый проказниками погром.

Тем временем тройняшки увлекли Климова в спальню, примыкающую к уборной для мальчиков. Тесное пространство занимали разбитые на два ряда четыре койки и пара тумбочек у изголовья дальних из них.

– Твоя кровать – ближняя слева, – отрапортовала конопатая девчушка и распахнула окно с разошедшейся рамой, однако подобная манипуляция не спасла от жуткой жары из-за абсолютного штиля, зато впустила с улицы жирную муху.

Петя плюхнулся на заправленное ложе, куда определил и Яниного Тигрулю, и ощутил ужасную усталость.

– У тебя с собой есть какие-то вещи, кроме тех, что на тебе? – полюбопытствовала у него Лика, отгоняя от себя назойливое насекомое.

– Даже трусов запасных не прихватил впопыхах, – грустно

вымолвил Климов.

– Не унывай, Ярик свои пожертвует, у него их завались, – осклабился Артур. – Вентиль-то подтекает, благо сортир за стенкой, авось не утопнем...

– Кто-то в толчке вовсе не нуждается, прудит прям под себя, – сверкнув брекетами, огрызнулся младший близнец.

– Короче, их гардероб в твоём распоряжении, Петя, – раз-рулила девочка и, изобразив аплодисменты, умертвила жужжащую бестию. – Увы, богатством он не блещет. Мы же из приюта и сюда нас взяли по просьбе нашего товарища...

– Почему он не заселился с Вами? – конкретизировал Климов.

– Борю сразу выдернули на какие-то процедуры, а потом он предпочёл нам другую компанию, – прокомментировала Анжелика. – Да и фиг с ним. Главное нам поспособствовал. Его пир...пур...пюрсональной путёвкой наградили, ну и нам захотелось на отдых. Мы ему кое-какой должок припомнили, и он ещё три билетика выцыганил...

– Предприимчиво, – восхитился Петя. – И всё же, я бы никогда не приехал в лагерь добровольно. Не фанатею с таких учреждений...

– Сдурел?! Наслаждайся!

– Он домашний, сестра, а они избалованы лёгкой жизнью, – вклинился старший из братьев. – Вечно им не угодишь. Ноют, ноют и совсем не понимают, насколько они счастливые: всегда в любви и заботе...

– Если честно, мне нравится в детдоме, – пожал плечами Ярослав.

– А меня заколебало торчать в заточении! Чувствую себя, будто в тюрьме! – нахмурилась девочка, и её глаза повлажнели. – Я мечтаю о свободе...

– Мне жаль, – пристыжённо произнёс Климов.

– Ладно, не парься, мимолётная слабость, – отмахнулась всхлипнувшая Анжелика, сняла очки и, проморгавшись, просияла.

На улице...

Иван загнал свой Ижевский “каблук” на парковку “Тайника Лешего” и немного прогулялся с дочерью по территории лагеря, задержавшись на дугообразном бревенчатом мостике. Перегнувшись через перила, мужчина задумчиво всмотрелся в декоративный пруд, где плавали искусственные кувшинки, и вдруг увидел в воде заплаканное лицо Пети, с надрывом прокричавшего:

– Папа, пожалуйста, не отказывайся от меня и не бросай здесь одного! Я ведь твой сын, папа!

Отпрянув от ограждения, Климов схватился за голову, опустился на корточки и, покачиваясь, простонал сквозь зубы.

– Папочка, тебе плохо?? – перепугалась Яна.

Тяжело дышащий Иван поднялся на ноги, растерянно вытаращился на встревоженную кроху и выкрутился из ситуации в игровой форме: сделав глаза “в кучу” и вывалив язык,

он зловеще прохрипел:

– Я превратился в зомби и хочу скушать твои мозги, аа-аргх...

Мужчина выставил вперёд руки с повисшими кистями и, шатаясь, направился к малютке. Та завизжала и ринулась от него, но врезалась в возникшего словно из ниоткуда Ежова.

– Рад, что Вы нашли, чем себя занять, – улыбнулся инвестор. – Не желаете подурачиться в сквере? Вам обязательно понравятся статуя местного талисмана, Лешего, и башня с часами...

– Мы уже с ними ознакомились, – без восторга откликнулся Климов и поинтересовался. – У Петрухи всё хорошо?

– В его группе классные ребяташки, поэтому я убеждён, что Вашего сына там приняли очень тепло. Не волнуйтесь, – подбодрил Ивана Григорий и поманил за собой. – Теперь Ваша очередь заселяться...

Проведя отца с дочерью к корпусу для персонала, Ежов наткнулся на выбредшего из деревянной пристройки Скворцова, на ходу анализирующего распечатки с диаграммами.

– Чё за сутулая каракатица в халате у Вас тут рыскает? – уточнил Климов у инвестора.

– Не выражайтесь так. Виктор Бенедиктович – необычайно талантливый врач! – разрекламировал учёного Григорий.

– Он будет лечить моего пацана? – вкрадчиво спросил Иван.

– Именно, – ответил приблизившийся к гостям Скворцов

и протянул Климову пятерню, однако тот не пожал её и сурово отчеканил:

– Поосторожней с ним, ясно?

– Эм... – покосившись на Ежова, раззявил рот доктор, затем поймал на себе сверлящий взгляд Ивана и, разгладив пепельные волосы растопыренными пальцами, резюмировал. – Непременно.

– Вам что-то требуется, Виктор Бенедиктович? – осведомился инвестор.

– Да, побеседовать со вторым пациентом...

– Я вытащу его к Вам по возможности, – пообещал Григорий и пригласил Климовых в двухэтажное здание.

Расположив их в своей комнате, Ежов кивнул на кейс, что покоился на постели.

– Что в нём? – равнодушно конкретизировал Иван.

– Ваши деньги, как договаривались, – прокомментировал инвестор и добавил. – Что ж, расслабляйтесь. Я позову Вас на полдник...

И Григорий скрылся в коридоре.

Устроившийся на краю кровати Климов распахнул чемодан и без эмоций вперился в наполняющие его купюры. Не на такую реакцию он рассчитывал, заключая контракт с Ежовым.

“И чего я, чёрт возьми, ожидал?! Я же за пачку хрустящих бумажек отдал на растерзание живого человека! Своего ребёнка...” – безмолвно ужасался своему поступку Иван.

Гнев и обида на Тамару активировали в нём защитный механизм, вынудив внушить самому себе, что он совсем охладел к Пете, и против воли поверить в это. Но крепкая иллюзия рассыпалась подобно карточному домику, как только их с сыном разлучили. Климов любил его и распинаял себя за то, что надеялся безмятежно засыпать по ночам, избавившись от мальчика.

Плюхнувшись на койку рядом с Яной, Иван сомкнул веки, и перед ним пронеслись приятные воспоминания того периода, когда Петя восхищался и гордился им. “Вот оно – истинное богатство” – про себя подытожил Климов, и его губы задрожали.

53

– Лёха, твоя жена на проводе, – сообщил Трофимову капитан Кривцов, сидящий с ним в одном кабинете за столом напротив.

Парень, словно ужаленный, пулей соскочил со стула, неуклюже подбежал к телефону и, прерывисто дыша, буквально выдрал трубку из рук Руслана Федотовича.

– Алло, зайка?? – тревожно спросил Алексей. – Что случилось?? Тебе плохо?! Только не молчи, скажи уже что-нибудь!

– *Дорогой, я просто звоню поинтересоваться, как протекает твоё дежурство, – нежно прокурлыкала Лена. – Потому что, по моим ощущениям, ты переносишь мою беременность куда тяжелее, чем я.*

– Не смейся меня, а, – возмутился такой приторной заботой супруги Трофимов, но, заметив, как сдержанно хохотнул развесивший уши Кривцов, пристыжённо заключил. – Ну ладно, есть немного... Я ведь скоро стану отцом, а подобной роли нигде не обучают!

– *В литературе для пап, которую ты захватил с собой в участок, ничего дельного не пишут?*

– Как ты просекла, что я взял эти книжки?

– *Ты консультировался с моей мамой, какую из них почитать, и надеялся, что я не узнаю?*

– Я волнуюсь и хочу максимально подготовиться к моему самому счастливому и важному периоду в жизни...

– *Котёнок, поверь, твоё сердце само подскажет, как себя вести, и никакие советы со стороны не вооружат тебя лучше, чем собственные чувства...*

– У нашего малыша будет очень мудрая мама, тут точно можно не беспокоиться.

– *Сынок, кстати, передаёт тебе привет! Он опять толкнулся...*

– Погладь животик в ответ.

– *Завтра сам погладишь. И по пути со смены заедешь в продуктовый?*

– Кто-то умял все солёные огурцы и сладости?

– *Вместе с рыбой, что ты купил себе к пиву...*

– Да ты ж моя обжорка.

– *Так, воркования хороши дозировано. Поэтому работай,*

мой блюститель закона... Люблю! – попрощалась девушка.

– И я Вас люблю, – расплылся в тёплой улыбке парень и поймал на себе умилённый взгляд начальника. – Что?

– Иди, проветришь, семьянин. А то на лбу аж испарина выступила, – подмигнул Алексею Руслан Федотович, и, всучив ему пластиковый стаканчик со свежесваренным кофе, отправил подчинённого в коридор.

Тем временем...

Неопрятная, в испачканной одежде и с растрёпанными волосами, Тамара буквально вломила в здание ОВД “Союзного”, подбежала к дежурной части, растолкала очередь и затарабанила по большому прозрачному стеклу кулаками, игнорируя ругань в свой адрес.

– Что за бес в Вас вселился, гражданочка? – нервозно пробубнил упитанный милиционер по другую сторону перегородки. – Ждите, позову!

– У меня нет времени! – истерично прокричала Климова, выпучив опухшие глаза, под которыми вырисовались чёрные пятна в цвет засохшей на щеках и подбородке грязи. – Мне надо знать, здесь ли работает Трофимов?

– Если Вы про младшего сержанта Алексея Трофимова, то да, у нас работает, – перелистывая телефонную книжку с пожелтевшими страницами, откликнулся служивый и черкнул что-то в журнале.

– Про него, про него, – ответила женщина. – Пожалуйста, скорее отведите меня к нему!

– Извольте потерпеть, не наглейте! – строго повторил мужчина в погонах.

– У меня беда... Организуйте мне встречу с Трофимовым немедленно!!! Иначе я Вашу жирную тушу через это узкое оконце выволоку!

– Вас сейчас выдворят отсюда, успокойтесь!

– Дамочка, не превращайте отделение милиции в зал дебатов! – возмутился проходивший мимо худощавый парень в форме.

Тамара покосилась на него и к своему облегчению увидела очаровательного брюнета, на чьём правом безымянном пальце сверкало обручальное кольцо. Сделав глоток кофе, Алексей тут же выплюнул его, когда догадался, кто перед ним стоит.

Климова бросилась к младшему сержанту, рефлекторно отступившему от неё на пару шагов назад.

– Чем укокошите меня теперь, уважаемая? – невесело улыбнувшись, поинтересовался Трофимов. – Прошлого раза мне вполне хватило...

– Алексей, миленький, я молю Вас! Слышите? Молю, едем со мной, пока не поздно!!! – рыдая, попросила женщина, вцепилась милиционеру в запястье и потянула за собой, однако ошеломлённый молодой человек не сдвинулся с места.

– Минутку! Во-первых, я хотел бы разъяснений, а во-вторых... Вы задержаны! – сочащимся неуверенностью голосом

заявил парень.

– Вы не понимаете! Он забрал детей, с ним они в опасности!!! – теребя на себе изодранную рубашку, простонала Тамара и опустилась перед Трофимовым на колени, от чего у того окончательно рассеялось ощущение подвоха. – Не дайте моей семье погибнуть... Вы – моя последняя надежда! Да, тогда я совершила ошибку, заманив Вас в ловушку, но у меня...

– Иван отнял у Вас детей? – прервал Климову Алексей, на что та судорожно кивнула, добавив:

– Отнял и сразу же увёз. А я не смогла ему помешать...

Женщина расплакалась пуще прежнего. Милиционер, заметив любопытные взгляды людей, поднял Тамару с пола и грубо гаркнул на зевак:

– Какого хрена вылупились? Своих проблем мало?

Все вмиг отвернулись от них, и Трофимов осведомился у Климовой:

– Вы в курсе, куда отправился Ваш супруг?

Покопавшись в карманах штанов, женщина продемонстрировала молодому человеку мятую путёвку в “Тайник Лешего”.

– Зачем им в лагерь? – нахмурился парень.

Тамара неопределённо пожала плечами и, чуть дыша, прошептала:

– Никогда ещё мне не было так страшно...

– Что ж, я разделю Ваши страхи, – решил Алексей и, вы-

кинув пластиковый стаканчик с остывшим напитком в мусорное ведро, поспешил с Климовой на улицу.

54

К превеликой радости Пети тихий час закончился. Непрерывающиеся споры близнецов и визги соседей за стенкой так и не позволили мальчику сомкнуть глаз, даже несмотря на многочисленные попытки пионервожатых с воспитателем пресекать баловство своих подопечных, которые успевали делать вид, что спят, после чего продолжали буянить.

Организовав ребятишек, Галина Семёновна со своими более юными коллегами, Романом Потаповичем и Валентиной Андреевной, увлекли отряд на первый этаж корпуса. Там дети обулись, а затем шумной толпой вывалили на улицу.

Очутившись на асфальтированной дорожке в тени шелестящих под лёгкими дуновениями ветерка берёз, Анжелика выдернула Климова из общей толчеи и, взяв за руку, встала с ним за своими братьями.

– Распределяемся по парам, не задерживаемся! У Вас есть образцовый пример! – указав на Петю с тройняшками, громко произнесла воспитатель.

– Вы же не хотите опоздать на полдник? – кружа между мелюзгой, уточнила симпатичная вожатая Валентина, из-под чьей алой шёлковой пилотки выбилась светлая прядь волос.

– Ох, я уже готов проглотить целого слона, – погладил жалобно урчащий живот Ярослав.

– Ты сам в него скоро превратишься со своим аппетитом, – ухмыльнулся Артур.

– А разве я только что трескал в комнате стыренный из столовки хлеб? – возмущённо прошепелявил пацанёнок в брекетах.

– Всего-то три кусочка...

– И ещё столько же под подушку упрятал.

– Я был вне себя от голода!

– Не выпендривайся тогда, раз сам как ненасытная панда! Иначе я вырву клочок твоих мерзких рыжих кудрей и заткну ими твой рот!

– Если оба не замолчите, скормлю Ваши порции бродячим собакам! – приструнила близнецов сестра, сурово смотрящая на них сквозь линзы очков.

– Злюка, – фыркнул Ярослав и облизал брекет-систему языком.

– Всё она правильно говорит! Задолбали, – выпалил обернувшийся на братьев белокурый мальчик.

– О, Боря! – воскликнула Анжелика.

– Очень приятно! Я Петя! – приветливо обратился к товарищу тройняшек Климов.

– Мне пофиг, – бесцеремонно бросил тот через плечо.

– Что за негатив, друг? – поинтересовался Артур у Бориса, однако ответа не получил.

– Может, он нас к Пете ревнует? – прошептал второй близнец.

– Тебе железки слишком сильно зубы сдавили, что ты озвучил такую глупую версию? – удивился старший брат.

– Я философствовал, – растолковал младший.

К выстроившейся в колонну по двое группе подскочил худощавый мужчина и, приблизившись к Галине Семёновне, доложил ей:

– Виктор Бенедиктович ждёт у себя очередного пациента... Ему не терпится с ним побеседовать.

– Но ведь мальчик ничего не ел, Гриша! Что за суета? – нахмурилась ассистентка учёного, выступающая в роли детского воспитателя.

– Мы найдём, чем ему подкрепиться, – обнадёжил Ежов и подозвал сына Ивана к себе.

Побледневший Боря выдохнул, когда понял, что инвестор явился не за ним.

Объяснив Климову, что пора на лечение, Григорий потащил ребёнка в лабораторию, а Роман Потапович стрельнул им вслед недоверчивым взглядом.

– Ну вот, теперь я одна, – огорчилась Анжелика.

– Не грусти, сеструха! Петя же не навечно пропал, – успокоил девочку Ярослав.

– И всё же, тот крендель какой-то мутный... – резюмировал Артур. – Зачем, а главное, куда он уволок нашего нового знакомого?

– Похоже, как и Борю, на процедуры, – прокомментировал второй близнец.

– Не нравится мне это, попахивает странностями, – вкрадчиво вымолвил первый.

– Ой, извини, у меня просто несварение. Думал, не унюхаешь...

– Фу, блин, Ярик! – помахав ладонью перед носом, скривилась Лика и вместе со всеми побрела к столовой.

Пока отряд топал на трапезу, пионервожатый Роман незаметно отпочковался от него и быстрым шагом устремился к зданию для обслуживающего персонала: туда, где в деревянном тамбуре скрылись Ежов с Климовым.

В столовой...

Отломив миниатюрной ложечкой вишнёвого штруделя, Иван с презрением повертел его перед собой, поместил на язык и, подождав, пока тот растает во рту, без аппетита проглотил. Рвотный рефлекс чуть не вытолкнул сладкую массу обратно, и Климов, отодвинув блюдечко с десертом в сторону, оставил попытки запихнуть в себя лакомство, несмотря на то, что за целый день в его желудке ничего не побывало.

Организм мужчины сбоил, и причиной тому служило сильное самобичевание. Чувство тревоги и безмерной вины перед Петей возвращали подавленного Ивана к одному и тому же вопросу: как ему ужиться со своей совестью после столь безбожного поступка?

Угнетённое состояние отца разделяла и дочь. Она не приоткрылась к своей порции, а лишь молчаливо отхлебнула горько-кислого лимонного чая.

Дышащая жаром кухонных духовых шкафов столовая с высокими потолками стремительно наполнялась детьми. Среди них Яна выискивала взглядом брата, но тот так и не появился.

Климов, заметив беспокойство крохи, в край поник. Стресс накатил на него ещё более свирепой волной и пробудил в мужчине непреодолимое желание выпить. Тогда он прошагал к раздаточной линии и поинтересовался у поваров, есть ли у них чего-нибудь крепкое, на что получил ответ “только спирт”. Выклянчив у женщины по имени Шура драгоценный пузырёк, Иван трясущимися руками накапал его содержимое в стакан, разбавил водой из-под крана и залпом выхлестал противный эликсир. Не закусывая, он повторил процедуру, на сей раз увеличив концентрацию горючей жидкости.

Вскоре склянка опустела, а сам Климов порядочно опьянел. Однако, к его удивлению, алкоголь не возымел над ним привычного эффекта: настроение не поднялось, если вовсе не ухудшилось.

Раздосадованный мужчина прошатался к дочери и хотел сесть на стул рядом с ней, но опустился на его расплывшуюся копию, нарисованную помутневшим рассудком, что раздваивал изображение в глазах. Когда задница Ивана провалилась сквозь рассеявшуюся картинку, он грохнулся на пол и сердито прокряхтел какие-то ругательства.

Яна тут же подскочила к нему и уточнила:

– Да что с тобой сегодня такое, пап?

– Зря я привёз Вас сюда, пчёлка, – произнёс вытянувший ноги Климов и всхлипнул.

– Почему?

– Потому что здесь обитает зло. И я клюнул на его уловки...

– О чём ты говоришь?

Мужчина не отозвался и на время затих, напомнив робота, которого отключили от сети. Затем, словно перезагрузившись, он шевельнул головой, в чьих недрах завершилась продолжительная борьба: в ней победила мысль, что родным человека делает, прежде всего, не генетическая цепочка, а твоё отношение к нему. И Иван, наконец, признал Петю своим сыном, твёрдо решив вопреки невзгодам снова воспитывать его наравне с дочерью.

– Пойдём за братом, – сказал Климов Яне. – Заберём его из этого чёртового лагеря, пока не поздно, и отправимся домой...

У главных ворот лагеря...

Хрустя камешками, милицейская “Восьмёрка” с выключенными проблесковыми маячками на крыше подкатила к “Тайнику Лешего” и встала поперёк дороги, чтобы в случае чего отрезать транспорту Ивана путь к отступлению.

Трофимов заглушил мотор и вытащил из бардачка свой табельный девятимиллиметровый пистолет “Макарова”.

– Зачем он Вам?! – ужаснулась Тамара, вытаращившись

на пушку.

– Затем, что Ваш муж – неадекватный человек, – пояснил Алексей.

– Но здесь же дети, в том числе и мои! – заверещала Климова и вылезла из автомобиля вслед за парнем. – Вы не планируете стрелять, ведь так? Лишь запугаете?

– Ага, пощекочу ему нервы. В лучших традициях жанра, – язвительно ответил Трофимов и, распахнув заднюю дверь “Лады”, нырнул в салон. – Подержите, – попросил женщину милиционер и отдал ей оружие, а сам, подцепив с сиденья кожаную кобуру, принялся надевать её поверх белой рубашки, заправленной в форменные брюки.

Просунув руки между коричневыми ремешками и затянув их до ощутимого давления на тело, Алексей пристегнул каждый к поясу и, забрав у Тамары ПМ, поместил его в чехол, расположенный вертикально у левой подмышки.

– Ждите меня в машине, – распорядился парень.

– Я хочу с Вами! – заявила Климова.

– Ни к чему, – возразил Трофимов и пообещал. – Не волнуйтесь, я не причиню Вашей семье вреда.

– Хорошо, я Вам верю, – согласилась женщина и сквозь слёзы пролепетала. – Только ради всего святого верните мне сына и дочь...

– Постараюсь, – кивнул Алексей и устремился к ограде.

– Энтэ шо ещё за военный парад? – вынув изо рта курительную трубку, удивился сторож.

– Не военный. Милицейский! – подкорректировал старика парень и ткнул ему в нос красные корочки. – Младший сержант Трофимов...

Охранник оторопел и, вытерев тыльной стороной ладони взмокший лоб, вымолвил:

– Усё, кабздец нам?

– Кабздец убийце, который у Вас прячется! – сверкнул ледяной улыбкой Алексей.

– Дык у нас тут никто не прячется, – недоумённо пробормотал сторож и перекрестился. – Пущай Бох меня судит, если брешу!

– Пока Бог решает, что с тобой делать,пусти меня внутрь! – сурово повелел милиционер.

Глубоко вздохнув, старик со скрипом раздвинул створки ворот. Младший сержант шагнул на территорию учреждения и, увидев на парковке фургончик Ивана – прямое доказательство того, что у блюдоков в лагере, уточнил у деда:

– К Вам сегодня мужчина с двумя детьми не приезжал?

Сначала на лице охранника промелькнули признаки узнавания того, о чём говорит Трофимов. Однако потом он почесал бороду и, расслабив напряжённую доселе мимику, произнёс:

– Чаво-то не припомню...

“Вот тухлое яйцо! Врёт и не стыдится” – мысленно возмутился парень, испытующе посмотрел на сторожа, что тот едва не задрожал, и после паузы с издевательской интонаци-

ей подытожил:

– Раз поводов для беспокойства нет, я, пожалуй, огляжусь!

– Тогда я тоже почапаю, сообщу о Вашем прибытии, – засуетился старик, но Алексей остудил его пыл.

– Дабы не вляпаться в неприятности, дядя, я рекомендую тебе не покидать своего поста, – процедил разозлённый нагуна милиционер и побрёл к постройкам.

Тем временем...

Держа Ежова за руку, Петя вслепую преодолел склизкие ступеньки, пересёк сырое помещение с бугристым полом и, прослушав странный грохот от движения чего-то массивного, шагнул в душное пространство, где жужжали какие-то приборы. Земля под ногами сменилась бетоном, а шум, напоминающий скрежетание камней, повторился. Когда он стих, мальчику позволили стянуть с глаз повязку и увидеть лабораторию, освещаемую люминесцентными лампами.

Оглядевшись, ребёнок сообразил, что инвестор, скорее всего, воспользовался тайным ходом, чтобы попасть сюда, ведь обычных дверей, кроме той, что имелаась в противоположной стене, тут не обнаружилось.

Климов проследовал за Григорием к дальнему углу и зашёл за отгораживающую крохотную обеденную зону ширму. Там, за неказистым столиком, сидел облачённый в белый халат мужчина с пепельными волосами.

– Потрапезничаешь со мной, дружок? – уплетая овощной

салат, уточнил у пацанёнка ссутулившийся учёный, и Петя, покосившись на одобрительно кивнувшего Ежова, робко опустил на стул.

Откланявшись, инвестор поспешно удалился из секретного бункера под всё то же загадочное дребезжание, а Климов, храня неловкое молчание, осторожно взял с тарелки бутерброд с “докторской” колбасой.

– Скромность – благороднейшее из человеческих качеств, и мне приятно познакомиться с тем, кто им обладает. Я Виктор Бенедиктович, Петя, твой персональный врач.

– Но я абсолютно здоров, – ответил пережёвывающий пищу мальчик.

– С моей стороны крайне невежливо портить своему гостю аппетит, однако у тебя выявили недуг, перед которым нынешняя медицина бессильна, – печально проговорил Скворцов, промокнув рот салфеткой.

– Что??? – чуть не подавившись сухомыткой от потрясения, вымолвил шокированный ребёнок. – Я же нормально себя чувствую... В последнее время меня иногда тошнит и спится не очень, но в целом...

– В целом, болезнь начнёт прогрессировать, если не предпринять соответствующих мер, – пошевелив усами, констатировал учёный. – Поэтому ты здесь. Моя команда разработала препарат, способный излечить тебя, однако он ещё небезопасен...

– То есть как? – потеряв всякий интерес к яствам, спросил

Климов.

– Мы не гарантируем, что он решит твою проблему. Существует вероятность обратного эффекта, – поведал Виктор Бенедиктович и отпил яблочного компота. – Риск серьёзный, и я хочу морально подготовить тебя к любому развитию событий, так как наш первый пациент перенёс инъекцию весьма тяжело...

– Извините. Я, пожалуй, вернусь к своей группе, – дрожащими губами просипел напуганный пацанёнок, чья грудь учащённо вздымалась. – Вы что-то перепутали, у меня всё хорошо...

– Петя, моя сыворотка – твоя единственная ниточка надежды. Без неё ты умрёшь...

– А вдруг как раз она меня и убьёт? Я смотрел фильмы ужасов с экспериментами над людьми, мне страшно... – покрывшись мурашками, простонал мальчик.

– Никаких экспериментов. Лишь стандартная процедура – укол, – успокоил ребёнка Скворцов. – Пойми, твой отец не отдал бы тебя нам, будь мы злобными маньяками.

– Не правда! Мой отец мечтает избавиться от меня! – в сердцах прокричал Климов.

– Зачем же ты так? – искренне удивился мужчина. – Он желает тебе только самого лучшего.

– Вот, чего он мне желает, – всхлипнул Петя и продемонстрировал Виктору Бенедиктовичу уродливый шрам в форме “И” на шее.

– Неужели подобное сотворил твой папа?! – оторопел учёный.

– Да, – проронил слезу пацанёнок. – Выжег на мне первую букву своего имени...

– Какое зверство! – воскликнул Скворцов. – А ты меня боишься. При том, что у нас много общего. Я тоже заложник обстоятельств...

– Почему я должен Вам верить? – выразил скепсис мальчик.

– Потому что я нуждаюсь в твоей помощи не меньше, чем ты в моей...

В столовой...

Мысль о том, что его отец тоже воспитывал их с братом в одиночку, прибавила Ивану сил, и он ещё больше поверил в себя. “Я справлюсь и выращу детей без помощи Тамары” – крутилось в голове у Климова, пьяными неловкими шагами протискивающегося с дочерью к выходу из зала для приёма пищи.

Очутившись в холле и громко рыгнув, мужчина устремился к двери. Когда он распахнул её, то споткнулся о порог и вывалился на улицу, где его поймал Ежов.

– Оо, нашёлся блудный попугай. Ты-то мне...ик...и нужен, – обдавая инвестора перегаром, невнятно произнёс Иван, полный решимости вернуть сына.

– Извините, что я удалился прямо во время полдника. У меня возникли срочные дела, – поспешил объясниться Гри-

горий.

– Да ты не парься. Всё...ик...нормалёк, – заторможено промямлил Климов и, приобняв Ежова, сообщил ему. – У меня к тебе важный разговор есть. Насчёт Пети...

– Думаю, нам лучше побеседовать в корпусе, – сказал аккуратно оттолкнувший от себя подвыпившего Ивана инвестор и, выбредая из-за угла здания столовой, разглядел движущуюся в его сторону фигуру в милицейской форме.

– У Вас имеется пропуск на территорию нашего учреждения, любезный? – поинтересовался он у приближающегося незнакомца, и тот уже хотел ему ответить, но вдруг заметно расвирепел, увидев материализовавшегося за спиной Григория Климова.

Последний моментально окаменел лицом, на котором застыл звериный ужас от понимания того, что перед ним не кто иной, как Трофимов – его главный кошмар наяву.

– Нет, нет, нет! Так не должно быть!!! – рефлекторно попятившись назад, плаксиво завопил Иван.

– Вот и встретились, сраный обсосок! Я к тебе с посмертной весточкой от Захара, – процедил оскалившийся Алексей, подобно почуявшему кровь хищнику напирая на свою трясущуюся всем телом жертву. – Ишь, куда ускакал! Ну, ничего, недолго тебе прыгать осталось. Живым ты из лагеря точно не выберешься...

– Это самосуд! – истерично проверещал Климов и, подхватив на руки перепуганную Яну, суматошно бросился об-

бегать Трофимова по дуге, едва не путая очерёдность смены заплетающихся ног. – Гриша, он убьёт меня! Прошу, защити!

Довольный реакцией подонка милиционер ухмыльнулся и, расстегнув кобуру, вытащил из неё свой пистолет.

– Драпай, драпай! Грех не понаблюдать за твоими жалкими попытками спастись, – позлорадствовал Алексей, немного выждал и, наконец, крепче сжав оружие, зажмурил левый глаз.

Он взял панически отступающего к парковке Ивана на мушку, усмирил дыхание, положил палец на спусковой крючок и...

Тем временем...

Галина Семёновна вздрогнула, когда услышала прогремевший выстрел. Благо, она не успела взяться за кружку с горячим чаем, иначе однозначно уронила бы её на себя и ошпарилась кипятком.

Подопечные Гончаровой, принимающие пищу, синхронно подскочили на местах и встревоженно завертели головами. Самую бурную реакцию продемонстрировал подопытный Борис: он коротко вскрикнул и выпучил бледно-голубые глаза, окаймлённые густыми пушистыми ресницами. Женщина заметила, что после инъекции мальчик стал слишком зашуганным, и это совсем не внушало Галине оптимизма.

Переглянувшись с пионервожатыми, воспитатель наказала им не выпускать детей из столовой до выяснения подроб-

ностей инцидента, а сама ринулась на улицу.

На улице...

БАХ!

Поразить цель ему помешали. Пуля под углом вонзилась в землю.

– Куда ты лезешь, тупорылый баран??!! – свирепо проорал раздосадованный Трофимов после того, как Григорий схватил его за руки и, направив дуло пистолета вниз, смазал выстрел.

Жуткий грохот оружия, однако, возымел свой эффект. Он так напугал Климова, что тот шлёпнулся в нескольких метрах от парковки и уронил свою дочь. Оказавшись на лопатках, мужчина лихорадочно ощупал своё тело и, убедившись, что его не зацепило, с трудом встал с травы. Затем Иван, мотылясь из стороны в сторону, грубо дёрнул с газона хнычущую Яну, чьи нежные белоснежные локотки и колени раздрались о почву, и потянул её за собой.

– Батюшки святы! Шо энто тут творится? – охнул высуновшийся из теремка сторож.

– Освободи проезд! – потребовал подбегающий к своему двухместному автомобилю Климов.

– Дык я ж... – замялся Гаврила, как Иван раздражённо гаркнул:

– Шевели своими дряхлыми мослами, кретин!!!

Ошеломлённый старик бросился ковыряться в замке, второпях делая всё крайне неуклюже и медленно.

– Быстрее, дед, быстрее! – подгонял его Климов, выжибая из кармана штанов ключ от машины.

– Ты идиот! Из-за тебя сейчас скроется убийца! – отчаянно завопил охраннику наблюдающий за отпиранием ворот Алексей, сиюсь скинуть с себя неуступчивого Ежова, продолжающего выигрывать для Ивана время.

От натуги стиснув зубы, инвестор попробовал вывернуть пушку из лап Трофимова. Безрезультатно. Младший сержант крепко впился в свой ПМ и, несмотря на скованность движений, резко зарядил висящему на нём оппоненту локтем, угодив тому в солнечное сплетение. Прокряхтев, Григорий на какое-то мгновение отпочковался от противника, но, как только Алексей намеревался ломануться вперёд, Ежов снова не позволил ему улизнуть. Удержав милиционера за лямку плечевой кобуры, он выполнил мах ногой и кончиком ботинка выбил из ладони легавого оружие, с лязгом отлетевшее на асфальт.

Буквально взревевший от злости Трофимов молниеносно захлестнул пятку назад и пнул инвестора каблуком своей туфли точно в промежность, отчего второй, мучительно простионав, скрючился и на глазах у выскочившей из столовой Галины рухнул на клумбу у шестигранной беседки.

Подобрав пистолет, младший сержант понёсся за Климовым, который с третьего раза завёл легковушку и, перегазовав, рванул с территории “Тайника Лешего”.

Увидев, как их спонсор повалился в цветник, Гончарова

поспешила к нему и обеспокоенно спросила:

– Гриша, Вы в порядке?

– Я – да, а моя детородная функция вряд ли, – щурясь от боли, сипло откликнулся Ежов.

– Кто тот человек? – поинтересовалась Галина и помогла инвестору подняться.

– Явно не закадычный друг Ивана, потому что он его чуть не пришил, – ответил Григорий, судорожно топчущийся по пышным астрам в попытке унять неприятные ощущения ниже пояса. – Я думаю, из соображений безопасности, не стоит выпускать Петю из лаборатории, пока ситуация не утрясётся. Если этот неадекватный мент начнёт нас шерстить, труба проекту...

– Тогда я сию минуту предупрежу Виктора Бенедиктовича! Сам до корпуса доковыляешь? – с несвойственной ей заботой осведомилась у Ежова женщина, и, когда тот кивнул, шустро проследовала к деревянной пристройке.

В лаборатории...

– И какая же Вам от меня польза? – не догнал Петя, неуютно ёрзающий на стуле.

Скворцов напряжённо уставился в одну точку и ответил:

– Дело в том, что у меня есть сын, которого я люблю больше жизни. Он тоже серьёзно болен, и я боюсь, что у меня слишком мало времени, чтобы исцелить его...

– Ради него Вы создали это лекарство? – догадался Климов.

– Да. На разработку ушли долгие годы и, казалось бы, самое трудное уже позади, однако теперь я зависим от тебя. У Лёни очень слабый организм и если вколоть ему ранний вариант сыворотки, он вряд ли выдержит. А твоё согласие на инъекцию позволит выведать мне все свойства препарата и усовершенствовать его, – объяснил Виктор Бенедиктович.

– Но ведь я могу пострадать, – нахмурился ребёнок.

– Не исключено. Однако у тебя больше шансов умереть от прогрессирующего недуга, чем получить осложнения от моего средства. К тому же представь, сколько людей по всему свету мы спасём при удачном раскладе...

Стены содрогнулись, и вновь послышался треск камней. Учёный высунулся из-за перегородки и заметил бегущую к нему встревоженную Галину.

Когда плита опустилась обратно, Скворцов выбрел к своей ассистентке, и та вкратце обрисовала ему ситуацию, стрясшуюся наверху. Виктор Бенедиктович счёл рекомендацию Ежова не покидать лабораторию весьма разумной, так как проблемы с законом навсегда бы похоронили их тайный проект.

Единственная дверь в помещении, находящаяся рядом с ширмой, отворилась, и Петя обратил свой взор на тёмный проём, откуда появились подножки инвалидной коляски, где недвижно застыли два потёртых коричневых сандаля, обу-тых на ступни тонких ног.

Вскоре каталка полностью выехала из мрака, и Климов

оцепенел от ужаса при виде сидящего в её кресле ребёнка. Петя испытал к нему резкое отвращение, потому что прежде не встречал подобного уродства. Сначала он вытаращился на согнутую руку бедолаги с вялой сникшей кистью и бледной пигментированной кожей, потом на дистрофическое туловище, как у узника Бухенвальда, а следом на раздутую голову с жиденькими волосами, подпираемую хилой грудью.

Поймав на себе взгляд образины, Климову подурнело. Ввалившиеся глаза калеки, будто обрамлённые чёрной краской, смотрели вразнобой: правый – на Петю, а левый – в потолок. В какой-то момент инвалид раззявил кривоzubый рот и выплеснул из него ликующее кряхтение.

– Мы некстати, да? – покосившись на Климова, уточнила вытолкавшая коляску особа. – Просто Лёне надоела компания зверушек, и он попросился сюда...

– Ниночка, к чему оправдания? – ласково пролепетал Скворцов. – Я как раз хотел познакомить Петю со своим сыном.

Лёня восторженно загудел, источая пузырчатую слюну, стекающую по его подбородку и капающую на измусоленную синюю футболку с вышитой на ней жёлтой надписью **“Я ♥ папу”**. Скрюченным пальцем он ткнул в сторону Климова, а его губы растянулись в улыбке.

– Ты заинтересовал моего парнишку, Петя, – произнёс просиявший учёный. – Пообщайся с ним. Ему нравится внимание сверстников, так как он рос без друзей. Нелегко их

найти, не умея преобразовывать мысли в нормальную речь. Но я наловчился понимать его по интонации. Порой она передаёт эмоции лучше обычных слов...

Климов сглотнул ком, застрявший в горле, поднялся из-за стола, опасливо приблизился к каталке и, стараясь транслировать доброжелательность, сдавленно прохрипел:

– Привет! Клёвая рубашка! Сам её выбирал?

Лёня захлопал ладонью по подлокотнику кресла.

– Ух ты, здорово! Твой отец явно тобой гордится! – натурально удивился Петя.

Инвалид благодарно замычал и радостно повернулся к Виктору Бенедиктовичу, подмигнувшему ему.

Внезапно для себя Климов обнаружил, что Лёня совсем не мерзкий. В нём даже маячило размытое отражение самого Пети – несчастного ребёнка с тяжёлой судьбой. Мальчику защемило душу, а искренняя жалость накрыла его непроницаемым куполом, и он озвучил своё окончательное решение, сформировавшееся на фоне разыгравшихся чувств:

– Я приму участие в эксперименте...

55

Закинув Яну на пассажирское сиденье своего фургончика через водительскую дверь, Иван забрался в машину и принялся нервно прокручивать ключ в замке зажигания. С третьей попытки двигатель-таки ожил, и мужчина только рванул по парковке “Тайника Лешего”, как у самых ворот на пути его следования возникла Тамара. Климов до визга по-

крышек ударил по тормозам, и “каблук” клюнул капотом в каких-то сантиметрах от женщины. Та не смогла сдержать слёз, встретившись взглядом с дочерью, и желчно прокричала супругу:

– Бездушное чудовище! Я тебя ненавижу!!!

– Мамочка! – пропищала кроха и уже думала выскочить на улицу, но отец прижал её к спинке кресла и сердито прохрипел:

– Не высовывайся!

Затем пьяный шофёр вывалился из салона и, сверля Тамару бешеными раскрасневшимися глазами, неистово гаркнул:

– Предательница! Ты хоть понимаешь, что натворила?

– Не позволила тирану разлучить меня с детьми, – воинственно процедила женщина.

– Отойди в сторону, грязная шлюха! – повелел ей Иван.

– Ни за что! – непоколебимо ответила Тамара, подкрепив серьёзность своих намерений гневным выражением лица. – Говори, где Петя!

– Ты его больше не увидишь! – яростно выпалил Климов и, схватив жену, грубо швырнул её на асфальт, после чего поспешно вернулся в кабину и выехал за территорию учреждения, едва не задавив сторожа.

Основная дорога оказалась заблокирована милицейской “Восьмёркой”, однако Иван сумел сориентироваться и изменить маршрут: преодолев высокую земляную обочину, он

поколесил вдоль лагерного забора по травянистому ковру.

Тем временем к беспомощно отползающей к бордюру Тамаре подбежал Трофимов и справился:

– Вы в порядке?

– Нет! – простонала горестно рыдающая женщина. – Он снова ускользнул...

– Ненадолго, – пообещал мрачный, словно грозовая туча, Алексей и, подняв Тамару, ринулся к своему автомобилю.

Женщина увязалась за ним и тоже залезла в служебный транспорт, твёрдо заявив:

– На сей раз я с Вами!

Младший сержант побоялся спорить с взвинченной особой и тронул “Ладу” с места. Железный конь, запрыгнув на пронизанный пучками корней бугор, помчался за приближающимся к дальнему краю ограды Климовым, маневрируя между деревьями и кустами, пнями и булыжниками.

Вскоре...

Иван покосился на зеркало за окном, в котором отражалась милицейская “Восьмёрка”, мчащаяся за его серебристым Ижом. Он понимал с самого начала, что Трофимов так просто не отвяжется, ведь у него личные мотивы расправиться с ним.

Ну, не беда! Климов уже ускользал от Алексея однажды, ускользнёт и теперь. Тем более у него имелось незавершённое дело – забрать Петю из “Тайника Лешего”, и потому мужчина не мог позволить себе проиграть. В нём проснулся

отцовский инстинкт, и он, осознав всю ответственность за судьбу сына, намеревался несмотря ни на что уберечь мальчика от горькой участи, попутно обретя долгожданный статус кумира в глазах своей дочки.

Иван потянулся к рычагу, чтобы переключить передачу, однако в тот же миг словил крупную кочку, отчего автомобиль сильно тряхнуло. Чуть не выпустив баранку из левой руки, он быстро вернул на неё правую и увёл “каблуком” от ближайшей сосны, предотвратив столкновение с её массивным стволом. Яна испуганно взвизгнула.

Со второй попытки Климов повысил скорость, но совсем потерял колею. Новым ориентиром служила кромка тёмного хвойного леса, нечётким пятном маячащая перед нетрезвым взглядом.

Шофёр практически не чувствовал органов управления транспортом: он то бросал газ, то вдавливал его до упора. Машина постоянно дёргалась, “клевала” и двигалась зигзагами. Перекатываясь через пыльный просёлок то туда, то сюда, она напоминала своего пьяного хозяина, недавно шатавшегося по территории лагеря.

На фоне бешеного рёва моторов раздался хлопок. Пуля просвистела рядом с левым зеркалом фургончика. “Проклятье!” – подумал Иван, преодолевая резкий поворот. Квадратный зад Ижа завилял, однако в итоге легковушка выровнялась и покоптила дальше по неизвестной Климову местности.

Дорога петляла, и автомобиль, повторяя её изгибы, периодически демонстрировал преследователю бок, что спровоцировало очередной выстрел. После него снаряд вонзился в колпак будки, а Иван нервозно выдохнул перегаром.

Чаща закончилась, и “каблук” выпорхнул из неё в необъятное поле.

– Папочка, там обрыв!!! – панически заверещала Яна, мёртвой хваткой вцепившаяся в ручку двери.

В нескольких сотнях метров от границы дебрей грунтовку разрубал глубокий овраг. Мост над ним был разрушен. От конструкции сохранились лишь пары гнилых бревенчатых огрызков, торчащих по обе стороны впадины. На ограждении у края ямы, выкрашенном чёрно-жёлтыми поперечными полосами, виднелась надпись “**ПРОЕЗДА НЕТ**”. Климова так поглотила погоня, что он не заметил барьер вовремя.

Мужчина хотел переметнуть ногу с педали газа на педаль тормоза, но не успел. Трофимов пальнул по заднему колесу, продырявив его. Шина сдулась и резина обвисла на диске, чей металлический обод заскрёб по земле. Машину незамедлительно швырнуло бортом вперёд, и она, “споткнувшись” об острую каменную породу, с грохотом опрокинулась на бок. Жёстко пропахав кузовом почву, автомобиль снёс препятствие с предупреждением и вместе с его деревянными обломками кубарем полетел по крутому склону.

Оглушительные вопли заполнили кабину. Фургончик дважды кувыркнулся через крышу, прежде чем достиг дна лож-

бины и прекратил свои акробатические трюки, врезавшись в тяжёлую бетонную плиту, покоящуюся в мутной луже. Морду “каблука” смяло, как консервную банку. Она сжалась в гармошку, расплющив находящихся в салоне людей, превратившихся в кровавое месиво подобно хорошо взбитому омлету.

Несколькими минутами ранее...

Милицейская “Восьмёрка” промчалась вдоль жёлтого забора лагеря и, выкатив на просёлок, бойко, как прищпоренная лошадь, устремилась за двухместным серебристым фургончиком, швыряемым из стороны в сторону.

– Машину Вашего мужа колбасит похлеще яхты в штормящем океане, – изрёк сконцентрированный Алексей, на что Тамара панически заверещала:

– Бессовестная пьянь! С ним же моя дочь! Господи, хоть бы они не расшиблись!

Словно иллюстрируя страхи женщины, “каблук” лихо подпрыгнул на кочке и поменял траекторию движения, взяв курс на исполинскую сосну.

Сердце Климовой чуть не лопнуло от напряжения, но шофёр Ижа успел увести свой автомобиль от столкновения с хвойным гигантом, и Тамара облегчённо выдохнула, в то время как Трофимов недовольно фыркнул.

Парень был откровенен с собой. В его планах не числилось никакого спасения семьи Климовых. Он желал настичь Ивана и, не дрогнув ни одним мускулом, лишить его жизни,

как тот лишил её Захара! Конечно, самосуд обесценивал законы, однако в данном конкретном случае Алексей твёрдо решил от них отступить, чтобы хищный лев в нём не замыкал безобидным котёнком.

Фургончик поехал быстрее и отдалился от преследователя, но ненадолго. Поддав газу, Трофимов оперативно сократил дистанцию до своего противника и извлёк пистолет из кобуры.

– Лёша, что Вы собираетесь делать?! – испуганно уточнила женщина.

– Завязывать с порядком поднадоевшей свистопляской, – процедил младший сержант, максимально открыл окно и, высунув из него оружие, без колебаний шарахнул по цели.

БАХ!

Мимо.

– Вы рехнулись? Меня сейчас карачун хватит! Зачехлите пушку! – сипло прокричала Тамара, однако милиционер цинично проигнорировал её.

Впереди поджидал резкий поворот. В него “каблук” Климова вписался с огромным трудом, едва не зацепив задней частью кузова корявую ель. Трофимов же осуществил аналогичный манёвр куда умелей, без ощутимого заноса и потери скорости.

Очередная вереница дорожных зигзагов, и вот Иж подставил Алексею левый борт. Парень выстрелил с намерением попасть в сгорбившегося за рулём Ивана, но пуля угодила в

грузовой отсек фургончика, протрявывая его.

– Ради всего святого! Вы обещали, что не причините им вреда! – взмолилась женщина.

– Заткнитесь! – грубо гаркнул свирепый младший сержант, отчего Тамара огорошено вылупилась на него, мгновенно проглотив все слова.

Коля выбежала из дремучего леса в залитое ярким солнечным светом широкое поле.

Из “Лады”, окутанной клубами густой пыли, что тянулись за “каблуком”, вновь материализовался ПМ, прогремевший в третий раз.

БАХ!

Трофимов сверкнул холодной торжествующей улыбкой, когда Иж развернуло, и он опрокинулся на землю. К ещё большему счастью Алексея на пути транспорта Климова возник глубокий овраг, и фургончик, по инерции протаранив полосатое ограждение, ухнул в него.

ТЫБЫДЫЦ!

– Гори в аду, паршивец! – с ненавистью прошептал милиционер.

Тамара разразилась диким плачем, наполненным сильным горем и отчаянием. Как только младший сержант тормознул “Восьмёрку”, обезумевшая женщина выскочила из салона и ринулась к дымящемуся покорёженному “каблуку”.

Склон, усеянный фрагментами серебристого фургона, оказался достаточно крутым. Рыхлая почва осыпалась при

каждом шаге Тамары, и порой женщина шлёпалась на пятую точку, однако тут же поднималась и продолжала спуск.

Забредя в грязную лужу на дне ямы, она села на колени перед толстой бетонной плитой с размазанным по ней, как соус по тарелке, автомобилем и яростно заколотила кулаками по воде.

Со сплющенной, будто побывавшей под прессом, кабины вместе с моторным маслом обильно вытекала кровь, окрашивая лужу в бурый цвет. Подобная картина напоминала увеличенную соковыжималку, где роль фруктов и овощей играли люди. Из той части машины, что прежде называлась капотом, выпирал деформированный раскуроченный двигатель, и на его поверхности поджаривалась оторванная чернеющая кисть с обручальным кольцом на скрюченном безымянном пальце. Рядом с металлической деталью, недавно являвшей собой дверь, валялось одно из передних колёс Ижа, чей диск практически расщепило пополам. Помятая изувеченная будка, задние колёса под которой вдавило в корпус, лежала на груде останков кабины.

Тамара подползла к разбитому “каблук” и нагнулась к пассажирскому проёму. Увидев внутри превратившиеся в плоские бордовые лепёшки тела родных, а также разлетевшиеся по стенкам мозги с мясом, она побледнела и принялась блевать на обломки фургончика.

Когда из неё вышли последние рвотные массы, женщина потупилась вниз и окаменела, заметив на торчащем из-под

автомобиля уголке плиты крохотное ушко, чьи линии она бы не спутала ни с какими другими. Именно это детское ушко она прочищала по вечерам от скопившейся в нём серы намотанной на спичку ваткой. Именно это нежное ушко она ласково прикусывала, дурачась с дочкой. Янино...это Янино ушко. Тамара осторожно приблизила к нему руку, но затем отдёрунула и взвыла, остекленевшим взглядом пялясь на единственное, что сохранилось от её очаровательной принцессы.

Женщина медленно задрала голову и посмотрела на Трофимова. Тот застыл у края обрыва и безмолвно наблюдал за трагедией Тамары.

– Убийцааа!!! – остервенело проорала Климова, пожирая милиционера опухшими от слёз глазами. – Ты отнял у меня всё, что я любила!

– Я не мог иначе, – ответил Алексей и помрачнел от осознания собственной лжи.

Естественно, мог! Просто не захотел. И за его эгоизм расплатился безгрешный ангелочек.

Младший сержант пошатнулся от внезапной слабости. Облокотившись на “Ладу”, он постарался отыскать себе оправдание, однако не нашёл. Вдруг парень с ужасом понял, что содеянное – необратимо, и тогда чувство вины тяжёлой наковальной повисло на его шее. Он ведь сам готовился стать отцом, а в итоге без сожаления умертвил чужого ребёнка.

– Что я натворил... – спрятав лицо в ладонях, проскулил

Трофимов.

Вскоре...

Алексей вытащил долго сокрушавшуюся в адской истерике Тамару из оврага и тут же получил от неё пощёчин, однако уломал овдовевшую женщину сесть к нему в машину, которую направил обратно к “Тайнику Лешего”, где, по мнению Климовой, Иван бросил сына – её последнюю надежду не свихнуться окончательно.

“Вера Ярославна. Найди Веру Ярославну!”.

– Вера Ярославна... мне требуется увидеться с ней, – заявила Тамара, устремив пустой взгляд в окошко.

– Кто она? – подавленно уточнил Трофимов, неторопливо ведя автомобиль.

– Директор лагеря, – без эмоций ответила женщина.

– Вы знакомы?

– Нет.

– Тогда откуда Вам о ней известно?

Климова тоже поразились странному феномену и попробовала объяснить:

– Я решила, что насчёт Пети меня сможет проинформировать управляющий “Тайника Лешего”, и её имя вмиг возникло на моих устах. Будто кто-то прошептал мне его на ухо...

– Прошептал на ухо? Вы серьёзно? – усомнился парень.

– Мне сейчас не до шуток, – сухо откликнулась Тамара и, едва сдерживая слёзы, сипло добавила. – Моя жизнь и так превратилась в пепел. Я прежняя умерла в той яме, где те-

перь спят мои дочка с мужем. И я бы с удовольствием закопала себя в их металлической могиле, если бы не мой сын...

Милиционер поперхнулся. Слова его спутницы взорвались в Алексее гранатой, разметавшей осколки по всему сердцу, занывшему от очередного наплыва боли. Вот она, плата за месть – душевные страдания, что вряд ли улягутся через годы. Настолько угнетённо и виновато он себя ещё никогда не чувствовал, но, спустя пару минут, набрался смелости нарушить тишину:

– Вы уверены, что Вера Ярославна в данный момент на территории учреждения?

“Она в лагере. В здание из белого кирпича” – выделился чей-то мистически-жуткий голос из общего гама в голове, заставив женщину испуганно вздрогнуть. Она тяжело задышала и, до скрипа стиснув зубы, зажала уши ладонями.

– Тамара, Вам плохо? – забеспокоился Трофимов и ударил по тормозам.

“Не нервничай, дорогуша. Это ни к чему! Мы всегда были неразлучны...”

– Кто ты? Что тебе от меня надо?! – зажмурил глаза, проорала Климова.

– Ч-ч-ч-ч-ч-чёрт! – прошипел младший сержант и намеревался растормошить женщину, однако та треснула его по протянутой к ней руке.

“Я и есть ты! Личность, вызволенная из самого потаённого уголка твоего сознания! И моё пробуждение – всецело

твоя заслуга! Мне от тебя ничего не надо! Совсем! Скорей, наоборот, ты остро нуждаешься во мне! Правда, нашему единению препятствует страх. Зачем же бояться саму себя?!”.

– Я сошла с ума, да? – всхлипнула вдова.

“Мир полон безумия. Все уже давно не в ладах с психикой”.

– Тамара! Тамара!!! – изловчившись ухватить Климову за плечи, выкрикнул струхнувший парень, и начал отчаянно трясти её.

Женщина подняла веки и удивлённо посмотрела на изрядно пропотевшего милиционера.

– И часто у Вас такие припадки? – поинтересовался Алексей, изнурённо откинувшись на спинку кресла. – С кем Вы говорили?

– Не важно. Едем в лагерь! Нельзя терять ни секунды...

Спустя несколько минут...

Одноэтажное здание администрации из белого кирпича. Сюда они нагрянули, чтобы встретиться с директрисой лагеря, Добрыниной Верой Ярославной. Табличка с её именем висела на дубовой двери. Когда они, постучавшись, вошли, женщина в строгом костюме пронзила их колким взглядом своих мышиных серых глаз.

– Чем обязана? – грубо поинтересовалась Вера Ярославна, поправив кружевные манжеты своей рубашки.

– Понимаете, я потеряла своего сына и выяснила, что он у Вас в учреждении. Мне бы с ним повидаться, – трясущимися

губами произнесла Тамара.

– Хм. Необычный денёк выдаётся. То на территории моего лагеря стреляют, то ещё невесть что. Как зовут Вашего ребёнка?

– Петя...Петя Климов, – ответила убитая горем мать и, прошагав к столу директрисы, нервно положила на его поверхность мятую бумажонку. – Вот его путёвка...

Добрынина взяла листок и внимательно изучила:

– Хм, – пауза. Хмыкать, подумал Трофимов, Вера Ярославна любит. – Секунду...

Директриса порылась в кипе документов и вытащила из-под стопки скоросшивателей глянцевый билет:

– Вот настоящая путёвка...

– А у меня что по-Вашему? Фальшивка?! Бред! – прокричала Тамара, с трудом держась на ногах.

– Угмоните свои психи, женщина! Я не глухая и говорю с Вами абсолютно спокойно! Раз Вы уверены, что мальчик у нас, то я без проблем отыщу его в списке отдыхающих, – обнадёжила Добрынина и уточнила. – Петя Климов?

– Да...

Вера Ярославна проштудировала журнал и резюмировала:

– Хм, такого нет...

– Есть, нефиг меня дурачить! – вспылила Тамара, дав волю слезам.

– Я трижды пересмотрела каждую страницу! Пети Климова у нас нет! – раздражённо процедила директриса. – Ничем

не могу Вам помочь! Вы и так отвлекли меня. Всего доброго!

– Тамара, нам пора! – нерешительно вымолвил застывший у входа Алексей.

– Они меня не выдворят, пока не вернут сына! – яростно просипела через плечо Климова.

Она сильно изменилась. Трофимов не узнавал прежнюю Тамару. Женщина словно постарела лет на десять, её лицо избороздили новые морщины.

– Избавьтесь от навязчивой идеи, что Ваш сын в “Тайнике Лешего”! Кого мне Вам возвращать, милочка?! – возмутилась Добрынина.

“Петя в подвале соседнего сооружения” – прошелестело в голове Климовой, и она махом выбежала из кабинета Веры Ярославны. За ней ринулся и опешивший Алексей, извинившийся перед директрисой и в темпе покинувший её рабочее пространство.

Тамара выскочила на улицу и, обнаружив двухэтажный корпус для персонала, бросилась к нему.

“Пристройка” – сориентировал внутренний голос, и женщина рванула через газоны к деревянному тамбуру, прилаженному к зданию.

Тяжёлая стальная дверь оказалась незапертой, но как только Климова потянула её на себя, кто-то воинственно гаркнул:

– Эй, Вы куда собрались?

– Ещё пендалей захотел, мудозвон? – оскалился Трофи-

мов на приближающегося к ним Ежова, чью физиономию, будто по щелчку, перекосило от страха.

– Кто Вы такой? Зачем устроили пальбу сегодня? – спросил Григорий, соблюдая безопасную дистанцию до Алексея.

Милиционер выудил из кармана свои корочки и продемонстрировал Ежову.

– По какому поводу Вы к нам приехали, товарищ младший сержант? – любопытствовал Григорий.

– Пропал ребёнок. Его мать считает, что он у Вас!

– Вы явно ошиблись. Все заявленные дети уже рассредоточились по...

– Да прекрати ты кудахтать, костлявый индюк, а то не доживёшь до своей птичьей пенсии! Веди нас в треклятый подвал! – распорядился Трофимов.

– Что Вы планируете там откопать? Пару зловонныхдохлых крыс?

– Ты присоединишься к ним, если сейчас же не начнёшь шевелиться! – рявкнул Алексей, и Ежов без особого энтузиазма принялся спускаться по скользким ступенькам. Милиционер с женщиной устремились за ним.

Очувтившись у подножия лестницы, троица юркнула в помещение с бугристым земляным полом, где Григорий включил свет. Здесь было сыро и зябко, Трофимов даже поёжился от такого дискомфорта. Смрад стоял ужасный и щипал в носу.

“Иди в дальний конец”.

– Убедились? Соленья – и те в нашей темнице хранить стыдно, не то, чтоб кого-то прятать! – фыркнул Ежов, однако Тамара молча проследовала к противоположной стене и, пригнувшись, чтобы не удариться о низкий потолок, замерла у неё.

“Он по ту сторону. Нажми на кирпич”.

– Какой именно? – конкретизировала Климова, отчего Алексей с Григорием переглянулись. – Их тут много! Этот? – и женщина упёрла ладонь в один из потрескавшихся глиняных брусков, но тот не сдвинулся с места.

“Правее”.

Тамара повела подушечками пальцев по кладке вправо.

“Теперь подними руку на два ряда выше”.

Климова подняла.

“Бинго!”.

Чуть дыша, она надавила на нужную секцию и...ничего не случилось.

– А что Вы собственно делаете? – осведомился Ежов, про себя отметив: “Как же хорошо, что я успел заблокировать систему, активирующую плиту. Иначе, полетело бы всё к бабушкиным кренделькам!”.

– Он должен открыться! – проскулила женщина.

– Кто? – не догадался младший сержант.

– Потайной ход! Я чувствую, что мой сын за ним! – в истерике колотила стену Тамара.

– За данной перегородкой лишь червяки кишат! – хохот-

нул Григорий.

“Не слушай его!”

– Вы лжёте!!! – взревела Климова и, ослабев, рухнула в грязную лужу. Мир внезапно поглотила пустота.

56

Воспитатель Галина Семёновна и её подопечный, Петя, вернулись во второй корпус около семи. Солнце ещё светило, но уже ощущалось, что время клонилось к вечеру. Первый отряд недавно завершил прогулку, и теперь ребята резвились в зале, о чём свидетельствовали громкие весёлые возгласы, наводнившие весь третий этаж.

Климов проскрипел по дощатому коридору до своей комнаты. Та пустовала. Сев на край койки, мальчик задумался над своим плачевным положением. Он до сих пор отказывался верить в свой недуг, его терзала неизвестность. Чем он болен? Насколько серьёзно? И как повлияют эксперименты на его дальнейшую судьбу? Страх, однако, нивелировали грёзы, навеянные утверждением Скворцова об уникальном лекарстве. А впечатления от знакомства с сыном учёного прибавляли в нём смелости поспособствовать исцелению Лёни. Петя хотел внести свою лепту в счастье человека, горе которого представлялось ему очень близким.

Дверь номера распахнулась, и в неё влетели тройняшки или, как окрестил их Климов, рыжики. Увидев своего соседа, они радостно подбежали к нему.

– Петя! Как здорово, что ты снова с нами! – воскликнула

Анжелика и, сняв очки, приобняла поднявшегося с постели мальчика. – Мы беспокоились! Как ты?

– Нормально, буквально только что с профилактических процедур явился, – соврал Климов.

– И что у тебя там пролафигтировали? – исковеркал термин пацанёнок в брекетах. – Запущенную форму одомашненности?

– Ярик, прекрати паясничать! У него и без того беда! – заступилась за своего друга девочка.

– Беда? – удивился Петя.

– Твоя мягкая игрушка пропала, – траурно объяснил Артур.

– Тигруля??! – охнул потрясённый Климов и, схватившись за голову со словами “нет-нет-нет”, растерянно заметался по спальне в поисках подарка Яны.

– Бесплезно... Мы всё здание вверх дном перевернули – никаких зацепок, – резюмировал старший из братьев и, прижав кудрявую шевелюру на макушке, похвастался. – Я, кстати, больше всех мест прошерстил!

– Не правда! – шепеляво возразил младший близнец. – Ты стоял и жадно дожёвывал свой хлеб, пока мы с Анжеликой ползали по каждому закутку!

– У меня был перерыв на фоне стресса! И в отличие от тебя я действительно потрудился на славу! Между прочим, это не я ковырялся в носу и наблюдал, как сестра лезет под кровать! “Давай, Лика, у тебя получится туда втиснуться!” –

передразнил брата Артур.

– Довольно! Всё равно ничего не обнаружили, – разочарованно подытожила девчушка.

– Не волнуйтесь, – улыбнувшись, подмигнул рыжикам Климов. – Спасибо Вам за помощь!

– О, Петь, а у тебя на койке записка! – усмотрев бумажечку, прикрепленную скотчем к спинке кровати, отрапортовал старший из близнецов и, отодрав послание, протянул его расстроенному соседу. Тот вслух прочитал текст, выведенный аккуратным, явно не детским, почерком:

– Нужен тигрёнок – жду на футбольном поле завтра в десять утра. Одного...

– Понятно, почему игрушки здесь нет. Её кто-то спёр, – возмутилась Анжелика.

– По-моему, глупо соваться туда, – посчитал Ярослав. – Исчезнешь на пару со своим плюшевым зверьком...

– Но у меня нет выбора! – отчаянно прокричал Климов. – Я не прощу себе, если лишусь частички дома... Частички сестры...

– Тогда мы идём с тобой! – решила девочка за себя и за братьев. – Мало ли, что может приключиться?

– Эй, я бы не хоте... – принялся отпираться Ярослав, однако Артур закрыл ему рот ладонью. – Убери от меня свою грязную руку! Ты, вообще, когда в последний раз её мыл?

– Уж раньше, чем ты свою! – огрызнулся рыжик на близнеца в брекетах.

– Зато я не чешу пальцами волосы! А ты чешешь! Беее... в них же, поди, куча вшей! И они в перхоти! – с отвращением фыркнул младший из родственников.

– И где тут футбольное поле? – не обращая внимания на склочных братьев, спросил Анжелику Петя.

– Сегодня нам говорили, что оно за территорией лагеря, совсем рядом, – ответила девчушка.

– Значит, намечается экскурсия.

– Хорошо! – кивнула Лика. – Хоть заценим, что там за чудо-площадка для катания мяча!

– Нет, – нахмурился Климов. – Чтобы не навредить Тигруле, я выполню требование вора и отправлюсь к нему один!

В комнату заглянула вожатая Валентина и сообщила:

– Ребята, пора на ужин! Ах, да, наденьте пионерскую форму. Из столовой мы напрямиком на линейку!

57

После того, как Трофимов увёз настрадавшуюся Тамару из “Тайника Лешего”, Ежов сразу явился в лабораторию, откуда Гончарова поспешно увела Петю во второй корпус.

– Плохи наши дела, Виктор Бенедиктович, – заверещал инвестор. – Жена Климова почти рассекретила нас. Если бы я не заблокировал подъёмный механизм плиты, она бы нагрнула сюда. Рехнувшаяся тётка ищет своего пропавшего сына и может организовать нам кучу неприятностей. Боюсь, в нынешней ситуации у нас подгорают сроки...

Выслушав мужчину, Скворцов помрачнел.

– Согласен, Гриша, нужно действовать и быстро! – треснул кулаком по левой ладони учёный. – Я планировал внести в сыворотку кое-какие коррективы, но раз у нас возникли проблемы, наш коллектив продолжит работать с прежним вариантом. Надеюсь, в случае с Борей мы просто просчитались с дозировкой... Завтра инъецирую Петю, и останется молиться, чтобы эксперимент увенчался успехом. Потому что очередное фиаско крайне сильно подкосит мою команду...

– Вы не подкачаете!

– Хотелось бы верить, что я хороший игрок в рулетку, – ухмыльнулся Виктор Бенедиктович.

– Кстати, где Леонид?

– Он со своими друзьями, – улыбнулся Скворцов.

– С какими?

– С теми, кому мы кололи прототипы лекарства – с мышами. Они в соседнем помещении. Лёня часами зависает с ними, и звери к нему уже привыкли.

– Я думал, те страшилища давно мертвы. Сколько их?

– Четыре. Желаете заценить?

– Спрашиваете! – закивал Ежов.

Тогда учёный отворил неприметный проход и пригласил инвестора внутрь.

Очутившись в залитом красным светом пространстве, Григорий различил тёмный контур инвалидной коляски с Лёней, а за ним – силуэт Нины. Мужчину встретило хищное

враждебное шипение.

– В нашем зоопарке растёт публика? – хохотнула девушка.

– У Гриши на правах спонсора безлимитный билет, – прокомментировал Виктор Бенедиктович и захлопнул за собой дверь.

Раззявив рот, Ежов вытаращился на мутировавших существ, чьи клетки стояли в ряд на огромных деревянных ящиках.

– Одуреть! Потомки мортеридов! – на эмоциях воскликнул он.

Три грызуна, один массивней другого, внимательно изучали новых гостей, посетивших их тюрьму. Казалось, не заслоняли бы тварям путь прутья из калёного железа, и жуткие создания накинулись бы на своих жертв, раздирая их плоть до тех пор, пока не утолили бы свою жажду крови.

Четвёртая же мышь не источала агрессии, довольно копошась в опилках. Судя по всему, ей посчастливилось опробовать на себе последнюю модификацию препарата, и серьёзных телесных деформаций она не претерпела.

Ошеломлённый инвестор прошагал к дальнему вольеру, напротив которого сидел Лёня. Наклонившись вперёд, ребёнок как замороженный пялился сквозь решётку обиталища наиболее крупной из подопытных особей.

– Ну и мерзость, – с отвращением резюмировал спонсор при виде полуметрового (без учёта хвоста) чудища, на что пацанёнок расстроено замычал.

– Гриша, пожалуйста, не выражайтесь так в адрес любимца моего сына, Пирата! – вступился за зверя Скворцов.

– Пирата? Того, что взъерепенился на меня осенью, Нина? – конкретизировал Ежов и, когда Князева подтвердила его догадку, словил натуральный шок. – Он изменился со дня нашего знакомства. Вымахал, обаяшка...

Самым отталкивающим в Пирате, по мнению инвестора, была облезлая морда с вывернутым наизнанку приплюснутым влажным носом, копирующим рыльце летучей мыши. Среди прочих прелестей усатой физиономии существа числились жёлтые пятна на черепе, свирепые янтарные глазки, острые уши со спрятанными за ними жабрами и зубастая пасть.

Монстр медленно нарезал круги и злобно урчал. Белая шерсть на его загривке вздыбилась, напоминая иглы дикобраза. Жабры оттопырились. Цокая когтями по дощатому дну клетки и волоча за собой грубый щетинистый хвост, грызун гипнотизировал Григория.

Вдруг тварь резко ломанулась вперёд и мощным лбом постаралась протаранить стенку своего домика. Тот пошатнулся и сдвинулся от удара. Хлипкая дверца дёрнулась, однако не поддалась. Мышь тряхнула головой и повторила атаку. Загон накренился на ребре ящика и, на какое-то время застыв в одном положении, с грохотом рухнул на пол.

Нина успела откатить кресло с Лёней в сторону, вскрикнув от испуга. Учёный со спонсором едва не продублирова-

ли её истеричный вопль, но сумели сохранить достоинство.

Помявшаяся дверца вольера, смотрящая в потолок, чуть приоткрылась, чего хватило Пирату, чтобы просунуть свой длинный коготь в образовавшуюся щель и сорвать крепление. Чудище выползло наружу, и люди в комнате уже попрощались со своими жизнями, однако, к всеобщему удивлению, животное ни на кого не набросилось. Грозно скалясь, оно приблизилось к инвалидной коляске и, принявшись к мальчику, с интересом наблюдающему за своим освободившимся питомцем, запрыгнуло сначала на подлокотник кресла, а затем вскарабкалось на его спинку. Князева, визжа, отскочила назад и заплакала.

– Что за чертовщина?! – обалдевал Ежов.

Зверь свернулся калачиком и как бы приобнял своим розовым хвостом ребёнка, загородив того от остальных. Он словно опекал пацанёнка, заботился о нём. Его взгляд метался с Нины на двоих мужчин, предупреждая: лучше не подходите.

– Фантастика! Он защищает Лёню, – прошептал Виктор Бенедиктович.

– Защищает от кого? – не понял Григорий, вжавшись в угол.

– От нас... – растерянно ответил Скворцов. – Похоже, у Пирата к нему определённая симпатия или что-то вроде материнского инстинкта. Особая связь!

– И как нам себя вести? – просипел инвестор, чувствуя,

что скоро обмочит штаны.

– Справа от тебя на коробке пневматическая винтовка с транквилизаторами. Плавно возьми её и выстрели. Только не зацепи моего сына!

– А это точно поможет? – засомневался Ежов.

– Доза одного дротика свалит с ног даже слона, – объяснил учёный, и Григорий осторожно протянул руку к коробке, поддерживая визуальный контакт с монстром, чтобы не вызвать у него лишних подозрений.

Спонсор нащупал оружие и, затаив дыхание, направил на воинственную мышь. Та тут же приподнялась, оголив верхнюю десну. Ежов нервно надавил на спусковой крючок три раза.

ПИФ! ПИФ! ПИФ!

Иньекторы со свистом вылетели из дула винтовки и впились в бок Пирата. Тварь моментально отключилась и шлёпнулась с инвалидной коляски на ледяной бетон, распрямив расслабившиеся лапы.

– Ради всего святого, Гриша, зачем Вы наштиговали его таким количеством снотворного??! – возмутился Виктор Бенедиктович и подбежал к обезвреженному существу. – А если он умрёт?

К радости Скворцова грызун сопел.

– Пусть лучше он, чем мы, – обиженно фыркнул Ежов.

58

На вечерней линейке директриса подняла тему воровства,

так как у воспитателя третьего отряда кто-то стащил золотые серьги. По толпе сразу пробежали ничем не подкреплённые обвинения в адрес ребят из приютов. “Домашние” откровенно презирали сирот и вешали на них всех собак, стереотипно мысля, что нищета подталкивает к пакостям, хотя сами творили дела и похуже. Рыжиков подобное сильно оскорбило, и Ярослав едва не полез на обидчиков с кулаками с намерением пересчитать им все зубы, однако его успокоила мудрая не по годам сестра.

По окончании мероприятия все группы разбрелись по своим корпусам.

Незадолго до отбоя пионервожатые Роман Потапович и Валентина Андреевна собрали своих подопечных в зале и выдвинули им на суд свою версию названия их весёлой ватаги: “Озорные домовята”. Дети без энтузиазма одобрили идею своих “нянек”, решивших, что над девизом они покумекают завтра.

Валентина Андреевна предложила ребятам на сон грядущий ознакомиться с лагерной легендой. Те согласились, и она, взяв с тумбочки горящий ночник, определила его на пол в центре комнаты, после чего щёлкнула выключателем и погрузила остальное помещение во тьму. Дети окружили единственный источник света на их этаже и, устроившись поудобней, принялись внимать девушке. Её вкрадчивый зловещий шёпот аукался мурашками по коже у публики. Она то плавно, то резко жестикулировала руками, чьи кисти выхва-

тывало из темноты слабое сияние лампочки, мастерски меняла интонацию голоса и порой наклонялась вперёд, таинственно прищуривая глаза: повествование было неторопливым, но интересным и увлекательным. Правда, не для Пети. Он слинял в самом начале истории, так как не любил страшилки, а под “легендой” мальчик понимал именно это. Климов незаметно выполз из зала и юркнул в свои апартаменты.

Какое-то время он просидел в полном одиночестве, а затем в номер шумно влетели тройняшки и приступили к бурной дискуссии относительно байки, очень впечатлившей их. Петя невольно улавливал отдельные реплики, однако особо над ними не задумывался. Лишь когда Артур обратился к нему, Климов лениво повернулся в его сторону.

– Зря ушёл, дружище! Наша вожатая умеет жути нагнать... – и близнец, ткнув пальцем в направлении Ярослава, тихо добавил. – Теперь у меня чувство, что кое-кто напрудит в кровать...

– Не шушукайся, голова апельсиновая. Я услышу тебя, даже если ты не проронишь ни слова. У нас же телепатическая связь, – иронично заявил пацанёнок в брекетах. – И меня, между прочим, небылицами о Хозяине Леса не напугать!

– Ты бы лучше себе под подушку трусы сухие сунул, а не кудахтал, – хохотнул Артур.

– Хозяин Леса? – встрепенулся заинтригованный Петя.

– Дух, оберегающий свою обитель от непрошенных гостей, – объяснил Ярослав. – Он перекрошил в салат всех дро-

восеков, пытавшихся срубить деревья...

– Перекрошил в салат? – с улыбкой посмотрев на брата, уточнила Анжелика. – Ну и выразился...

– Ага, поэтично! Одному кишки через попу выпустил, другого на острую палку насадил, третьему закинул в рот зёрен, которые проросли у того в животе и разорвали придурка изнутри, четвёртого...

– Прекрати, Ярик! – скривилась девчужка и брат, прикусив губу, замолчал. – Он убивал только плохих людей. Хорошим, наоборот, помогал: исцелял больных, указывал дорогу заблудившимся...

– И грибы им в лукошко клал, и мох под задницу стелил, – с издёвкой прошепелявил младший из близнецов.

Анжелика побагровела и уже хотела ответить Ярославу, как к ним заглянул Роман Потапович и возмутился:

– Почему ещё не на боковой? Чтоб через пару минут сопели в обе ноздри! Я проверю!

Пионервожатый прикрыл дверь, и рыжики с Климовым стали готовиться к путешествию в страну грёз.

59

Беспокойно ворочающийся в постели Боря лежал под лунным светом, люющим через единственное окно, и не мог сомкнуть глаз. Мальчика кидало то в жар, то в холод, а тело трясло, словно он держал в руках отбойный молоток.

– Эй, харе койкой скрипеть! – сквозь сон ядовито пробурчал его сосед по номеру.

Пацанёнок попытался не шевелиться, чтобы не тревожить одноотрядцев, однако его самочувствие ухудшалось, поэтому Боря, захватив рюкзак и впопыхах нацепив тапочки, удалился из комнаты и, пробираясь по крошечной темноте безлюдного коридора, устремился мимо зала к туалету.

Запершись там, сирота зажался в угол и закрыл лицо ладонями. По ощущениям, под кожей будто ползали скарабеи: она вспучивалась и пульсировала. В довесок к этому у ребёнка кружилась голова, сводило зубы, а в области копчика возникла режущая боль. Борю обуяла паника, и он, стоя от полной безысходности, принялся бешено лупить себя кулаками, но, посмотрев на пальцы, внезапно прекратил. Мгновением позже мальчик вскочил на ноги от ещё большего испуга. Пацанёнок успел добежать до унитаза и склониться над ним прежде, чем туда посыпались его ногти, грубо оторвавшиеся с кусками эпидермиса и планомерно вытесненные чем-то вроде когтей.

Позеленев, ребёнок начал блевать, а затем второпях смыл за собой коктейль из рвотных масс и голубой крови.

Нет, ему явно мерещилось! Боря не связывал свои мучительные трансформации с экспериментами Скворцова и считал, что подобное состояние всего-навсего глюки, спровоцированные ломкой по флэанирину – наркотику, которым в их приюте увлекались многие дети, включая его самого. Как же хорошо, что он купил у барыг несколько доз и привёз с собой в лагерь!

Опустившись на колени, сирота придвинул к себе сумку и судорожно достал из неё шприц с бирюзовой жидкостью. Мальчик воткнул иглу в локтевой сгиб и, давя на поршень, опорожнил цилиндр. Чуть погодя, когти втянулись, а вскоре ему совсем полегчало, и он окончательно уверовал в свою гипотезу о том, что его организм лишь требовал порцию дурри.

В дверь постучали.

“Вот чёрт! Видимо, мне-таки влетит от вожатых по первое число...” – подумал ребёнок и, суетливо спрятав использованный шприц обратно в рюкзак, боязливо отворил замок.

На пороге, однако, появился не кто-то из взрослых. Перед ним нарисовался помятый Артур с растрёпанными рыжими волосами и возмущённо прошипел:

– Ты надоел шуметь! Нам через стенку всё слышно!

– Ну извините, меня тошнило, – нахмурился в ответ Боря.

– Меня теперь тоже тошнит... от подъёма среди ночи!

Шуруй к себе уже, пока ёршиком не погнал.

– Классная благодарность за то, что я раздобыл Вам с Ликой и Яриком путёвки сюда!

– Ой, не гунди. Если бы мы тогда не впряглись за тебя и признались, что ты балуешься наркотиками, вышвырнули бы тебя из детдома! Так что ты просто отработал свой должок...

– Ладно, ладно, сейчас вернусь к себе...

– Чудненько!

Четверг, девятое июня

На завтрак Петя поковырял погнутой ложкой рисовую молочную кашу, без особого аппетита употребил бутерброд с маслом и сыром, запив его сладким чаем, а затем, когда первый отряд завершил трапезу и столпился в тесном холле, незаметно улизнул на улицу. Промчавшись до забора, очерчивающего периметр учреждения, мальчик понял, что листы профнастила так легко не преодолеть – высоко, а пробовать проскользнуть через ворота глупо – поймают.

Климов занервничал. Его группа во главе с Валентиной Андреевной, которая в нынешнее утро была единственным куратором “домовят”, возникла вдалеке у здания столовой. Риска засветиться, пацанёнок забежал за плетёную изгородь верёвочного комплекса и схоронился за ней. Спустя несколько минут он аккуратно выглянул из-за перевёрнутого глиняного горшка, одетого на заострённый колышек, и, убедившись, что все ушли, выпрямился во весь рост.

Слева от себя, у сосны, чей ствол служил одной из опор парка на деревьях, Петя обнаружил разошедшиеся ящики, и у него родился план.

Не без усилий, мальчик выстроил квадратные короба лесенкой и, взобравшись по ним, перемахнул через забор. Неприятно приземлившись на носки, Климов кувыркнулся в густую траву и вскочил на ноги.

Тропинку ребёнок отыскал почти сразу. Она виляла меж кустов до футбольного поля, обрамлённого мрачным лесом.

Петя миновал скамейки, вкопанные в почву по краям игровой площадки, и остановился у разметки центрального круга.

Мальчика уже ждали. Из тени пушистой ели материализовался молодой человек в форме пионервожатого.

– Вы подсунули мне записку? – удивился Климов, не торопясь подступать к парню в красном галстуке.

– Да, – кивнул Роман Потапович. – Не волнуйся, твой плюшевый тигрёнок у меня в спальне, и я обязательно верну его тебе.

– Зачем мы здесь? Чего Вы хотите?

– Кое-что прояснить. Расслабься, я с добрыми намерениями. Просто остерегаюсь лишних ушей. Присядем?

Петя, чьё нутро боязливо трепетало, всё же примостился к вожатому на скамейку.

– Да не дрожи ты! Неужели думаешь, что я причиню тебе вред? – поинтересовался у мальчика Роман и, не получив ответа, продолжил. – В общем, ближе к делу. Поведай мне, с какой целью вчера перед полдником тебя дёрнул тот худосочный тип? Тут что-то нечисто, так как, проследив за Вами, я наткнулся на секретное помещение, расположенное под корпусом для персонала. Ход скрытый, плита поднимается нажатием кирпича. Тебя увлекли в комнату, и стена снова опустилась. Сегодня же я подслушал диалог того же мужчины с другим, а-ля профессором. Они обсуждали эксперимент, опыты над людьми. Твоё имя тоже фигурировало. Мне

это не нравится, как-то скверно пахнет! Я подозреваю, в лагере втихомолку творится что-то незаконное...

– Так вот как я попал туда... потайная дверь! – восхищённо воскликнул пацанёнок.

– Именно. А теперь к сути: что ты видел, и что они говорили?

– Там много странной техники. Напоминает лабораторию... Меня накормили, потом рассказали о лекарстве и отравили обратно.

– О лекарстве? Ну-ка, поподробней.

– Мне нельзя разглашать данную информацию.

– Ты издеваешься?! Всё очень серьёзно!!! – психанув, раскричался парень и, схватив Климова за плечи, посмотрел в его испуганные глаза. – Тебе может угрожать опасность, дурачок! Они взрослые, а ты – ребёнок! Наивный и доверчивый! Им не составит труда обмануть тебя ради собственной выгоды! Ты для них – оптимальный вариа...

Речь пионервожатого прервалась глухим ударом. Молодой человек мешком свалился с лавочки и, неудачно врубившись виском в угол соседней, безжизненно распластался на пыльном грунте.

– Пригодился-таки, – резюмировал конопатый Артур, покосившись на окровавленный обломок кирпича, лежащий в руке Ярослава.

– Нееет! Вы совсем больные??? – завопил Петя и, склонившись над Романом Потаповичем, в ужасе вытаращился

на его неподвижное тело.

– Не благодари, – подбросив своё орудие на ладони, подмигнул Климову чудик в брекетах. – Спасти друга для меня – пара пустяков. Раз, два и бифштекс из плохиша! Я парень суровый...

– Если бы ты атаковал плохиша в лоб, сам бы превратился в бифштекс, дешёвая реклама идеального прикуса! – съязвил старший близнец, вызвав улыбку Анжелики.

– Ой, ты бы лучше не вонял, расцелованный солнцем! – огрызнулся на брата Ярослав и гордо прошепелявил. – Во время мы, однако, подоспели.

– Вы же его убили!!! Он не дышит! – гневно выпалил Петя, тщетно стараясь привести вожатого в чувства.

– Разве он не желал тебе зла? – спросила рыжая девчушка.

– Конечно, нет! – плача, загундосил Климов.

– Упс... – спрятав кирпич за спину, виновато выдавил Ярослав.

– Неловкая ситуация, хоть и эпичная, – заключил Артур и принялся отчитывать близнеца. – А всё ты со своей глыбиной! Тебе лишь бы кого-нибудь укокошить, маньячила! “Дайте мне уже треснуть ему по балде! Ну дайте треснуть!”. Треснул! Точнее, треснул, так треснул! Звон его мозгов, наверное, до сих пор эхом по лесу гуляет!

– Петя, мне искренне жаль, – понурила голову Анжелика. – Мы решили, что ты в беде после того, как он вцепился в тебя и начал орать...

Всхлипнув, Климов вытер слёзы и заявил:

– Нам срочно нужно в “Тайник Лешего”. Я знаю, к кому обратиться...

61

Петя встретил Ежова у сторожевой будки. Мужчина беседовал с Гаврилой и щёлкал обжаренные Шурой Клавдиев-ной семечки. Заплаканный ребёнок сбивчиво обрисовал, чтостряслось на футбольном поле, и устремился к своему корпусу.

Он с рыжиками слегка изменил историю смерти пионервожатого, будто бы тот пытался навредить ему, а тройняшки спасли своего товарища, нанеся Роману роковой удар по затылку. Климова мучила совесть. Мальчик понимал, как мерзко поступил, и в то же время не хотел организовывать друзьям проблемы. Ко всему прочему, пацанёнка серьёзно взволновала речь парня, обеспокоенного ситуацией с загадочной лабораторией. Петя и без того боялся участвовать в подобных экспериментах, но теперь его страх существенно усилился.

Пока Григорий с Кузьминым суматошно прятали труп Романа Потаповича, Климов с рыжиками присоединились к своей группе.

Валентина Андреевна дошла с “Домовятами” до канатного городка и озадачила детей тем, чтобы они отколупали по небольшому кусочку сосновой коры. Когда ребята разжились материалом, девушка отправилась с ними к зданию

столовой и начала демонстрировать, как превратить одёжку ствола в красивый амулет. Она точила задеревеневший осколок об асфальт, оставляя на нём бурые полосы и крошки, и постепенно бесформенное сырьё преображалось в заострённый клык.

Подопечные Валентины старались повторить то же самое, однако основная масса терпела неудачу. Ярослав чиркал медленно и осторожно, только без особого толка. Артур от души поржал над братом и решил показать ему, как оберег ваяют те, у кого руки из нужного места растут. Конопатый мальчишка, усердно зашоркав своим кусочком о прочное покрытие дорожки, разломил его пополам и с унынием вылупился на результат собственного творчества. Радость внезапно улетучилась, и теперь уже младший близнец громко хихикал над старшим. У Анжелики карета из тыквы также не получилась, а вот Петю похвалили за его аккуратную работу.

Затем Валентина Андреевна выудила из кармана юбки шило и в центре верхней части кулончика расковыряла им отверстие для верёвочки, с чьей помощью клык можно было нацепить на шею. Климов последовал её примеру и, приняв у девушки инструмент, проткнул аналогичную дырку в своей поделке.

Тут к вожатой первого отряда подскочил запыхавшийся Ежов:

– Я за Петей, у него по расписанию процедуры...

– Что за срочность? – растерялась Валентина. – Мы ещё не закончили мастерить...

– Вам не хватит двух десятков остальных плотников? – сыронизировал Григорий и, взглянув на Климова, произнёс. – Нас ждут, домовёнок!

Пацанёнок горестно вздохнул и потопал за инвестором, на прощание сообщившем девушке шокирующую новость:

– Ах, да, у Вашего коллеги, Романа Потаповича, незапланированный отпуск!

– Какой отпуск?? – удивилась пионервожатая.

– Длительный и увлекательный.

– Нет, ну вот опять! – воскликнул Артур, наблюдая за удаляющимся от них Петей. – Вы видели?

– У меня, безусловно, плохое зрение, но я ещё не слепая, – ответила брату Анжелика.

– Меня напрягают все эти тайны! – раздражённо вымолвил побагровевший Артур и заголосил. – Где Боря?!

– Поубавь пыл, рыжий одуванчик! Он позади тебя, – прошепелявил Ярослав, и его близнец, обернувшись, заметил их кореша из приюта, мусолящего во рту средний палец.

– Скоро обед, не торопись отгрызать свою костлявую сосиску, – пошутил Артур.

– Я шилом поранился, – пожаловался Борис и протянул вперёд палец с кровоточащей подушечкой.

– Очуметь! – выпучив глаза, выкрикнул старший из братьев, посмотрел на не менее ошарашенных родственников и

просипел. – У тебя же...

– Да-да, голубая кровь, – без эмоций кивнул белокурый ребёнок.

– Круууто, – облизнув свои ортодонтические скобы, оценил Ярослав. – Ты кальмар что ли?

– Что за бред? – возмутился Борис.

– Ой, не слушай ты его, – посоветовал Артур и, пожевав губу, поинтересовался. – А какая она на вкус? Готов поспорить на брекеты брата, что кислая, как и твоя физиономия!

– Вы совсем что ли? Замолчите! – гаркнула на близнецов сестра и мягко спросила. – Борь, куда утащили Петю?

– Я не в курсе, про кого Вы...

– Сейчас появился мужчина и увёл мальчика из нашего отряда. Тебя ведь тоже забирали, и мы обязаны знать, зачем?

– Да, меня забирали! Но мне нельзя о таком распространяться! – помрачнел Борис.

– Чё за секреты? Мы же твои друзья! Неужели не скажешь?! – не поверил старший из братьев.

– Ни за какие коврижки! – мотнул головой Боря. – Я обеспечил Вас путёвками сюда, чего приклеились? Наслаждайтесь и не трепите мне нервы! – враждебно фыркнул шкет и поспешно смылся от троицы.

Артур, почесав макушку, разъярённо выпалил:

– Ну и хрен с Вами, с засранцами важными!

Для пущего эффекта обиженный рыжик изрыгнул смачный плевок. Густая харча угодила на его же штанину и рас-

теклась по ней. Облажавшийся мальчуган не подал виду и, гордо задрав подборок, с которого свисала пузырьчатая слюна, сложил руки на груди.

62

Петя вновь очутился в лаборатории, где его встретил крайне взволнованный Скворцов. Вокруг учёного суетливо вертелись ассистентки в белых халатах, напрочь позабывшие о Лёне, сидящем в дальнем углу. До появления Климова ребёнок с неугасаемым интересом наблюдал за беготнёй взрослых по помещению. Увидев же своего сверстника, он сразу радостно загукал и слегка шевельнул тяжёлой головой. Его охватило искреннее счастье, потому что кроме косоглазого мальчика никто из детей с ним прежде не разговаривал...

– Думаю, это пригодится. В качестве меры предосторожности, – уточнил Ежов, протягивая Виктору Бенедиктовичу прозрачное кольцо с застёжкой.

– И на кого Вы собрались его напялить? – разглядывая резиновый на ощупь предмет, спросил Скворцов. – У нас здесь вроде собак нет, а выгуливать подопытных мышей – не лучшая идея...

– Данный ошейник рассчитан не только на домашних питомцев, – улыбнулся инвестор. – Да, его принцип действия основан на обычном устройстве электростимуляции животных, однако со своими особенностями. Главная из них – эластичность. Даже при достаточно серьёзном увеличении объёма тела его не разорвёт и он не потеряет своих свойств.

Второй, не менее важный аспект – сила тока. На максимально установленной объект среднего веса поджарит, как стейк. Одно нажатие кнопки на пульте и вуаля! Также на изображении нет громоздкого блока, напичканного электроникой. Все проводки и схемы распределены внутри самого приспособления. Оно, кстати, водонепроницаемое, что позволяет не беспокоиться за его носителя в том случае, если он оку­нётся в...

– Гриша, объясните, к чему мне реклама абсолютно бесполезной вещи? – сердито перебил учёный. – У меня всё под контролем. Ваша приبلуда оскорбляет мой профессионализм!

– Не поймите меня неправильно, Виктор Бенедиктович, просто после эксперимента над Борей и знакомства с теми, в кого Вы превратили мышей, я решил обеспечить нас планом “Б”. Вдруг мы породим что-то опасное?

– Давайте я продолжу заниматься своим делом, а Вы по­стойте в сторонке. Ваша забота – финансирование! Понятно?! – разгневался Скворцов. – Не создавайте себе лишних заморочек.

Ежов тут же замолчал и озадаченно вылу­пил­ся на небрежно брошенный ему обратно ошейник. Учёный был явно не в духе из-за обстоятельств, коим приходилось подчиняться. Больше всего Виктора Бенедиктовича раздражала спешка. Для него работа впопыхах отождествлялась с проблемами: любая мелкая огреха и проект обречён на провал.

– Можем приступить, доктор, – сообщила Галина, сверившись с информацией на листах, скреплённых в планшете.

– Отлично, – кивнул Скворцов и обратился к Климову. – Ну что, Петя, настала пора грандиозных свершений!

– Здорово, – грустно констатировал тот. – Только мне бы сперва нитку с ножницами...

– Зачем? – удивился учёный.

– Для подарка Вашему сыну, – ответил мальчик и, приняв у Нины катушку ниток и инструмент, отрезал кусочек нужной длины. Потом он просунул его в отверстие амулета и соединил кончики узлом.

Следом Климов прошагал к инвалидной коляске, приподнялся на цыпочки и повесил клык на шею Лёне.

– Вот, он твой... – застенчиво сказал Петя восторженно замычавшему пацанёнку. – К сожалению, я не успел его покрасить, но не суть. Пусть он оберегает тебя. Ты хороший, и я очень хочу помочь. Надеюсь, нашим мечтам суждено сбыться, и мои жертвы не напрасны...

И Климов, снявший рубашку, лёг на накрытую простынёй кушетку. “Зябко” – отметил про себя ребёнок, трясущийся не то от холода, не то от страха.

Чтобы мальчик не дёргался во время инъекции, Князева и Гончарова туго привязали его ноги и руки кожаными ремнями. Пока Виктор Бенедиктович осуществлял последние приготовления, учащённо дышащий Петя с тревогой вспоминал диалог с Романом Потаповичем, смотря на ярко светящую

лампу, застывшую над ним ослепительным пятном.

Скворцов, как и его ассистентки, облачился в медицинские перчатки и маску, а затем, наполнив шприц сывороткой до риски в четыре миллилитра, приблизился к пациенту, пообещав:

– У нас всё получится, дружок...

Спустя несколько мгновений игла погрузилась в хиленькое предплечье Климова, и учёный, давя на поршень, ввёл пурпурную жидкость в организм ребёнка, для которого мир растворился в жуткой нестерпимой боли...

63

Гавриле пришлось отлучаться с КПП и бежать к себе в Малые Дуки из-за довольно необычного требования Ежова, совсем не понравившегося старику. Мастерил сторож, конечно, много и с инструментами был на “ты”. Но сколачиванием гробов он до этого не занимался, как-то повода не представлялось. И зачем Григорию понадобился ящик для покойника? Ещё и длиной меньше полутора метров. Туда бы уместится разве что какой-нибудь карлик или... ребёнок.

Инвестор распорядился проверить всё быстро и по-тихому, без лишних вопросов. Объяснить, в чём дело, он обещал позже. Гаврилу (не то, чтобы сильно) раздражали очередные тайны и вечная секретность. Даже у Кузьмина, сменившего его на посту, выпытать ничего не удалось. Хотя, возможно, тот сам не понимал, что, собственно, тут творится.

Когда старик, преодолев лес, оказался у себя в селении,

то незамедлительно взялся за работу. Уединившись в сарае, соседствующем с его одноэтажным бревенчатым домиком, сторож подтащил к себе пахнущие смолой доски и, разметив их, принялся сооружать простенький гробик.

Впиваясь зубцами в древесные волокна, противно завизжала пила, а спустя некоторое время оглушительно застучал молоток, ударяющий по шляпкам ржавых гвоздей.

64

Гаврила сколотил гроб ближе к ужину. Даже несмотря на то, что старик торопился и не особо старался, ящик получился довольно аккуратным, с идеально захлопывающейся крышкой. Доперев своё творение до “Тайника Лешего”, сторож упрятал его в своей будке и вместе с Кузьминым устремился в лабораторию, дабы сообщить о выполненной работе.

Мужчин встретило пугающее молчание.

– Что за траур? – вскинул бровь водитель, на что его босс ткнул пальцем в сторону Пети, укутанного простынёй.

За инъекцией для мальчика последовало несколько минут поистине адских мучений и душераздирающих воплей, а затем всё в один миг стихло. Сердце ребёнка не выдержало и остановилось: глаза медленно закатились, губы сомкнулись. И он умер, скованный жёсткими ремнями. Умер, надеясь до самого конца, что боль отступит и страдания прекратятся. Всё и впрямь прекратилось, вот только и его жизнь оборвалась. Гончарова вколола ему адреналин – безрезультатно. Спасти Климова не удалось.

– Батюшки святы! Не могу доумиться, энто как же так? – схватился за голову Гаврила, с ужасом вылупившись на бездыханное тело Пети, лежащее на кушетке.

– Я...я не понимаю, – проглотив горький ком, дрожащим голосом ответил Виктор Бенедиктович, который сидел на стуле, виновато утопив лицо в морщинистых ладонях.

– Скорей всего, мы переборщили с дозой, и его организм не справился, – просипела хмурая Галина.

– Или проблема в составе сыворотки, – выдвинула свою гипотезу Нина.

– Исключено! – возразил учёный, поднявший на ассистентку мокрые глаза. – Да, данный вариант препарата имел ряд огрех и не являлся финальным, но он не должен был подействовать таким образом!

– Как ни прискорбно, мальчика нам уже не вернуть! – констатировал очевидный факт Григорий. – Труп надо срочно вынести за территорию лагеря и закопать где-нибудь подальше в лесу...

– Что же мы скажем его матери? – со всхлипом спросила Гончарова.

– Она не узнает о его присутствии здесь. Никто не узнает! – заверил Ежов. – Гроб с Петей потащим ночью, когда все уснут. Кузьмин, Гаврила, Вам задание определиться с местом захоронения и подготовить яму, чтобы не копошиться впотьмах...

– Я не собираюсь в этом участвовать, Григорий Евгенье-

вич! – шагнув вперёд, решил водитель. – Таких условий в моём договоре не прописано! Я шофёр, а не ритуальный агент...

– Если не хочешь присоединиться к пацану, делай, как велено! – властно процедил инвестор и свирепо взглянул на подчинённого. – Сейчас не время истерить! Веди себя достойно! Мы все в дерьмовой ситуации!

Недолго поразмыслив, Кузьмин удручённо изрёк:

– Ладно. Пойдёмте, Гаврила, могилу рыть...

И водитель со сторожем поплелись на поверхность.

65

В половину двенадцатого вся свита Скворцова, включавшая его ассистенток, Ежова и двух чумазых, утомлённых мужчин, недавно завершивших лесные раскопки, поднялась из подвала на улицу и под покровом тёплой безветренной ночи понесла тело Пети к сторожевой будке. Труп держал сердитый Кузьмин, которого плотно окружили остальные.

Над застывшими в тёмно-синем небе мрачными облаками величаво царствовал мутно-жёлтый серп – месяц. Он, единственный свидетель происходящего, излучал мистический ореол среди сияющих серебром звёзд и, под умиротворяющее журчание водопада в искусственном пруду, тускло освещал остроконечные контуры чащи с затерявшейся в его дебрях территорией лагеря.

Скучковавшаяся группа беспрепятственно преодолела расстояние до ворот “Тайника Лешего”. Там Гаврила выта-

щил из своего теремка продолговатый деревянный ящик, затем аккуратно снял с него крышку, и Кузьмин опустил Климова на дно. Виктор Бенедиктович склонился над ребёнком и с горечью посмотрел на его лицо – слишком румяное для усопшего, будто мальчик просто дремал. Его губы не побледнели, не засохли, не потрескались. Они, наоборот, отливали здоровым розовым цветом.

– Хм. Что за братство лунатиков, господа? – послышался строгий женский голос, принадлежавший директрисе Вере Ярославне.

Все напряжённо переглянулись.

– Изголодались по свежему воздуху. В лаборатории адов котёл, – соврал Григорий. – А почему Вы покинули свою уютную постель в столь поздний час?

– Терпеть не могу, когда меня внаглую дурачат! – разлилась Добрынина. – Немедленно объясняйте, какого хрена Вы всей толпой крались по лагерю и судорожно озирались по сторонам?

– Поверьте, мы очень ценим то, что Вы для нас делаете. И всё же ни к чему вдаваться в суть нашей скучной рутины. Лучше насладитесь крепким сном! – порекомендовал инвестор.

– Я не усну, не разобравшись в том, что Вы тут вытворяете! – заявила директриса и, растолкав сгрудившихся перед гробом людей, оцепенела.

– Вера Ярославна, спокойно! Понимаю, у Вас много во-

просов, но я... – замямлил Ежов, однако его, сипя, перебила перекосившаяся от ужаса Добрынина, свирепо завопившая:

– Мёртвый ребёнок у меня в учреждении??? Вы серьёзно? Отвечайте, кто в этом виноват??!!

– Никто не виноват, – бесстрастно вымолвила Галина. – Любые инновационные разработки граничат с определённым риском. Мальчик был болен. Его бы не спасли ни в одной клинике. А так у него имелся реальный шанс излечиться...

– Вы знаете, никакому убийству нет оправдания, даже неумышленному, – укоризненно отчеканила директриса. – Если Вы стараетесь на благо человечества, но между тем от Ваших рук кто-либо гибнет...

– В таких проектах жертвы неизбежны, как бы подобное не печалило, – резюмировал грустный учёный. – Всё ради высшей цели...

– Ваша высшая цель – унять собственные страдания. Вы – эгоист, переступивший Божий закон, однако умело спрятавшийся за мифической моралью. Советую обратиться к врачу, уважаемый Скворцов, у Вас помешательство! – диагностировала Вера Ярославна.

Виктор Бенедиктович промолчал, сжав кулаки.

– Мне искренне жаль, что и Вы с ними, Гаврила. Я глубоко разочарована в Вас, – с ненавистью процедила Добрынина несчастному сторожу, готовому сгореть от стыда.

– Вера Ярославна, мы всё разурлим, – залепетал Григо-

рий. – У меня в комнате кейс с наличными, я заплачу Вам солидную сумму...

– Да на кой чёрт мне Ваши деньги?! – гордо фыркнула директриса. – Попробуйте предложить то же самое родителям пацана, и они разорвут Вас на части! Я бы разорвала! Ваши деньги – никчёмные бумажки с запахом дерьма! Я сейчас же выдвигаюсь за милицией!

– Вы разразите крупный скандал, и также, как мы, влипните по уши!

– Плевать! – выпалила Добрынина. – Мне обрыгло жить не по совести!

– Совсем некстати Вы наскребли в себе совести! – пробурчал инвестор устремившейся в обратном направлении Вере Ярославне.

– Теперь точно всё пропало! – простонал учёный, уткнувшись носом во вспотевшие от волнения ладони.

Добрынина разбудила своего водителя, дрыхнувшего на втором этаже корпуса для персонала, и, скомандовав ему снарядиться в дорогу, проследовала с мужчиной на парковку.

К Скворцову с его товарищами вернулся Кузьмин, чьего отсутствие в момент беседы с директрисой никто не заметил.

– А ты откуда? С нами же вроде торчал, – потупившись на шофёра, удивился Ежов.

– Вас интересует совершенно не то, что должно бы, – раздражённо встряла Гончарова.

– Она уедет и перечеркнёт все мои труды! – продолжал причитать Виктор Бенедиктович, наблюдая, как белая “Волга” с Верой Ярославной на борту безуспешно пытается завестись.

– Далеко не уедет, – ухмыльнувшись, предрёк Кузьмин. – Я слил им весь бензин.

– Ай, молодцом! Одобряю! – воскликнул Григорий и хлопал своего подчинённого по плечу.

Взбешённая Добрынина вылезла из машины и со всей силы долбанула дверь. Поймав на себе ликующий взор инвестора, женщина крикнула ему:

– Не беда! Доберусь на попутке!

– Редкостная, однако, вонючка, – прошептал закативший глаза Ежов и, расплывшись в улыбке, громко пожелал. – Удачно Вам добраться до трассы, мадам! Ночной лес так и ждёт, пока Вы по нему прошвырнётесь!

Проигнорировав Григория, директриса дошла до ворот и после того, как Гаврила отворил их, зашагала по гравийке. Вскоре её силуэт исчез во тьме, поглотившей всё вокруг.

– Увы, Кузьмину удалось лишь выиграть для нас время, – угрюмо сказал инвестор. – Надо срочно что-то предпринимать!

66

Пятница, десятое июня (00:04)

Она почувствовала, что его нет рядом, ещё во время лёгкой дрёмы. Открыв глаза, девушка обнаружила перед собой

лишь мятую простыню, не успевшую остыть от тела её супруга.

Сонная Лена, чей живот заметно вырос и округлился, аккуратно приподнялась на локтях, смахнула с губ прилипшие к ним волосы и, натянув одеяло чуть выше груди, увидела Алексея у окна их комнаты. Он, совсем нагой, стоял к ней спиной и наблюдал за редко проезжающими по дороге машинами.

После того, как они улеглись на боковую, Трофимов долго ворочался и тяжело дышал. Его явно что-то тревожило. Вечером парень даже не притронулся к ужину, приготовленному специально для него заботливой женой.

Догадываясь о причине терзаний Алексея, беременная девушка укуталась в халат, подошла к мужу и мягко положила руки ему на плечи, уткнувшись в поясницу Трофимова своим выпирающим пузиком. Он вздрогнул, но не обернулся.

– Прости, что разбудил Вас с сыном, – прошептал парень, взмокший торс которого поблёскивал от попадающего на него света уличных фонарей.

– Всё из-за тех событий, да? – спросила Лена.

Помолчав несколько секунд, Алексей кивнул и упёрся кулаком в стену.

– Я думал, что если покараю выродка, сжёгшего Захара, то обрету покой. Считал обязательством поквитаться с Климовым, однако в итоге согрешил гораздо серьёзней. Та девушка... она погибла по моей вине. Я словно оглох и ослеп от

ярости, следовал на запах крови, как бешеный пёс. И только потом понял, что натворил. Какое горе принёс женщине, надеявшейся, что я спасу её семью. А я погубил. Куда мне теперь от этого прятаться, куда бежать?

– Бежать? В чём смысл? Надо принять ситуацию и сделать соответствующие выводы, чтобы впредь жажда мести не подавляла в тебе человечность...

Трофимов шмыгнул носом, отрешённо созерцая ночные окраины Гродска.

– Я люблю тебя, птенчик, – прижалась к парню девушка. – Знаю – будь у тебя шанс, ты бы поступил иначе. Да, ничего уже не попишешь, однако такова реальность: людям свойственно ошибаться.

– Свойственно, но порой непозволительно, – хмуро сдвинул брови Алексей.

– Непозволительно искать себе оправдание.

– И я искал...

– Иногда печальный опыт помогает нам изменить отношение ко многим вещам, взглянуть на них под иным, абсолютно новым, углом. В любом случае помни, я никогда тебя не брошу и не прекращу поддерживать, слышишь?

Вяло улыбнувшись, Трофимов заключил Лену в свои объятия и нежно поцеловал.

– Утешаю себя лишь тем, что хоть раз в жизни не ошибся...

– Ты про что? – поинтересовалась девушка.

– Про тебя, – ласково посмотрев на супругу, конкретизировал парень и добавил. – Для меня очень важно, что ты всегда со мной и за меня...

– А для нас с сыном важно, чтобы наш обожаемый муж и отец набрался сил к началу рабочего дня! – сказала Лена и увлекла Алексея в постель.

Там Трофимов прильнул к объёмному животу жены и, поглаживая его, чмокнул, на что плод в утробе отреагировал слабым толчком:

– Приятных грёз, мои драгоценные...

67

00:17

– Вы совсем сбрендили, доктор??! – такой вопрос задала Гончарова учёному, принявшему решение незамедлительно инъектировать своего ребёнка. – Мы же и его погубим! У Лёни очень слабый организм. Если не выдержал Петя, он давно не справится! Лекарство ещё не пригодно для людей, его требуется доработать!

– Нет времени, Галя! Я понимаю, на что иду, – сухо ответил Виктор Бенедиктович, глядя в спины трёх мужчин, уносящих в лес гроб с Климовым.

– Вы-то понимаете! Но умел бы мальчик говорить, согласился бы он на такое? О нём Вы подумали?! – повысив голос, поинтересовалась женщина.

– Когда у тебя в друзьях лишь мутировавшие мыши, сложно отказаться от шанса кардинально изменить свою жизнь.

– А какие гарантии, что она вообще не прервётся?

– Мне уже не до гарантий, я вынужден действовать именно так. Скоро сюда нагрянет милиция с Верой Ярославной, и наши труды превратятся в прах, как и мои мечты о светлом будущем сына.

– С такой спешкой Ваши мечты рискуют обернуться только большей трагедией! Вдруг препарат убьёт его? Что тогда?

– При подобном раскладе я не стану обременять мир своим существованием, не сомневайся в этом. А теперь ступайте с Ниной в лабораторию. Я присоединюсь к Вам чуть позже, – распорядился Скворцов и, закрыв глаза, втянул воздух полной грудью.

Его ассистентки молча проследовали от лагерных ворот к корпусу для персонала, а учёный тихо прошептал:

– Боже, помоги! Мне так страшно... – и крупная слеза покатилась по его щеке.

00:28

При помощи верёвок Гаврила и Кузьмин осторожно погрузили гроб в вырытую у куста можжевельника яму. Затем, вооружившись лопатами, они принялись закидывать её землёй и глиной, что остались лежать горками по краям углубления после раскопок. С глухими шлепками комья падали на деревянную крышку ящика, пока та окончательно не исчезла под толстым слоем почвы.

Когда могилу полностью засыпали грунтом и утрамбовали вровень с лесным покровом, Ежов, наблюдавший за про-

цессом со стороны, сказал:

– Теперь скорее уходим. Не нравится мне здесь... энергетика какая-то нехорошая!

– А чего Вы хотели? Заряда позитива? – невесело хохотнул Кузьмин и, вытерев потное лицо, харкнул прямо на захоронение.

– Чаво ж ты энто место своими плевками оскверняешь? Негоже так! – сделал замечание Гаврила.

– Ой, я Вас умоляю! – отмахнулся скривившийся шофёр. – Слюна просто во рту скопилась! Не держать же её в себе... У меня предрассудками голова не забита, так спокойней живётся.

– Тьфу! – коротко прокомментировал старик и проследовал за Григорием, который, освещая путь фонариком и раздвигая хвойные ветки свободной рукой, быстро зашагал к “Тайнику Лешего”.

Тем временем...

Галина с Ниной спустились в лабораторию и занялись подготовкой к очередному эксперименту.

Князева протёрла кушетку, отрегулировала лампу над ней и пошла к шкафу с пробирками.

Гончарова же устроилась за столом Виктора Бенедиктовича и начала высчитывать дозу сыворотки для Лёни, молча сидящего в своём инвалидном кресле рядом с дверью в соседнюю комнату, где в клетках томились видоизменённые мыши. По идее, количественное соотношение препарата к

весу пациента должен был вычислять сам Скворцов, но его ассистентка решила проявить инициативу, чтобы хоть как-то облегчить жизнь наставнику, на чьи плечи, без преувеличений, обрушилась целая гора неприятностей.

Однако Галина не успела завершить манипуляции с цифрами. Кто-то наскочил на женщину со спины и прислонил ко рту с носом тряпку, смоченную каким-то пахучим веществом. Перепуганная Гончарова яро забрыкалась и попыталась убрать от дыхательных путей руки нападавшего с влажным лоскутом ткани, но неизвестный навалился на неё всем телом и крепко зажал, отчего она не могла вырваться, невольно втягивая едкие пары.

Правда, план налётчика не работал. Галина если и теряла силы, то, скорей, от интенсивной борьбы, нежели от раствора. Погружаться в сон женщина явно не желала.

ПИФ!

В шею Гончаровой впился какой-то дротик, и она, моментально отключившись, хлопыстнулась на пол.

– Долго возишься, – хрипло прокомментировал чей-то суровый властный голос в другом конце помещения, по которому раздались шаги, сопровождающиеся механическим жужжанием.

00:34

...

ТУК-ТУК

...

ТУК-ТУК

...

ТУК-ТУК

...

Его сердце, словно после перезагрузки, ритмично заби-лось, как хорошо отлаженный мотор. Он задышал, сначала спокойно и ровно, затем более судорожно и часто. Организм, бурлящий новой энергией, ожил.

Петя распахнул глаза и не разглядел ничего, кроме жуткой темноты. Спустя пару секунд мальчик смекнул, что оказался в тесном замкнутом пространстве.

Его тело спазмировало, а кожа нестерпимо зудела. Ребёнок хотел раздвинуть руки, чтобы почесаться, однако упёрся локтями в деревянные бока короба. Голову приподнять тоже не получилось – она тюкнулась о щит из того же материала. И вдруг до Климова дошла вся критичность сложившейся ситуации. Его похоронили!

Пацанёнком овладела дикая паника. Он тут же затарабанил ладонями по крышке гроба и истерично закричал “СПАСИТЕ!!!”.

Миновало порядка десяти минут отчаянных зовов о помощи, но никто так и не появился. Дышать становилось всё труднее.

Петя прекратил шевелиться, и всё опять погрузилось в пугающую тишину. Мальчик горько заплакал, шмыгая носом, который, по ощущениям, несколько изменился и изда-

вал звуки вроде фырканыя. Однако сейчас подобное совершенно не волновало ребёнка. Он серьёзно трухнул и не знал, что предпринять. Время работало против него. Нужно было скорей выбираться наружу. Нехватка кислорода грозила Климову долгой и мучительной смертью.

Растерянность постепенно перетекла в свирепую ярость. На него нахлынули воспоминания, предшествовавшие провалу в памяти. Пацанёнок будто повторно испытал ужасные страдания, последовавшие за распространением сыворотки по организму, и злился на тех, кто поучаствовал в роковом эксперименте над ним. Но больше всех ненависти он питал к отцу. Теперь Петя не сомневался, что именно Климов-старший сделал всё, чтобы избавиться от него.

Мальчик до скрежета стиснул зубы и, прорывав сквозь слёзы, резко врезал плечом по протестующе хрустнувшей крышке ящика. Потом ещё один удар, второй, третий. Трещинки превратились в разломы, и из них посыпалась земля.

Внезапно бешенство отступило, и ребёнок задумался, откуда в нём столько несвойственной ему жестокости и, что самое занимательное, такой невероятной силы? Неужели то лекарство всё-таки подействовало? Впрочем, какая в данный момент разница? Климов понял, что если не выпустит свой гнев на волю, то его дни сочтены, и он сгниёт в проклятой могиле. Лишь заключив с гневом союз, пацанёнок мог освободиться из грунтового плена.

Благодаря этой мысли Петя и подружился со сгустком

негатива, осевшим налётом на его душе...

Тем временем...

Когда тройка мужчин оказалась у ворот “Тайника Лешего”, один из них, Гаврила, резко остановился и округлил глаза, ощупывая рубаху.

– Тьфу, вот напасть! – прошептал побледневший старик, судорожно выворачивая наизнанку каждый карман.

– Что у тебя там? – нервно уточнил Кузьмин.

– Хотел закурить, за трубкой полез, а её нигде нет... выронил, поди, пока с ямой олючкались, – объяснил растерянный Гаврила, чьё лицо сделалось крайне несчастным.

– Может, она в лагере? – предположил Ежов. – В любом случае, топать обратно сейчас глупо. Всё равно ничего не разглядишь...

– Энтю как же? Я таперче свою люльку с табаком у чаще брошу? Подругу верную? Дайте-ка мне лучше фонарик, – попросил старик, и Григорий протянул ему прибор, добавив:

– Сильно не задерживайся! – затем инвестор обратился к шофёру. – Кузьмин, сгоняй с ним, а то ещё заблудится.

– Он что, дитя малое?! Сам не доковыляет?! – возмутился водитель. – Мне будто лесных прогулок за последние сутки не хватило! Ему приспичило, вот и пускай валит! А я его здесь подожду, если тебе так спокойней будет.

– Ладно, – согласился Ежов. – Тогда, до встречи, господа! Я, пожалуй, наведаюсь в лабораторию, узнаю, как завершился эксперимент...

И мужчины разошлись: Гаврила устремился в тёмную глухомань, освещая свой путь одолженным у Григория фонариком; Кузьмин засел в сторожевой будке, недовольный тем, что до сих пор не добрался до уютной постели; ну а инвестор, надеясь на хорошие новости, решил справиться об успехах учёного и зашагал к деревянной пристройке корпуса для персонала.

Несколькими минутами ранее...

Виктор Бенедиктович спустился в лабораторию и слегка дрожащим голосом спросил Нину, сосредоточенно набирающую сыворотку в шприц:

– Вы с Галей сделали требуемые вычисления?

Князева убедительно кивнула.

– Спасибо. Потому что я сейчас не способен возиться с цифрами. Слишком обескуражен, ведь это конец пути. А каким он будет, определит судьба.

– Так или иначе, я с Вами до победного, доктор. Вы справитесь! – ободрила своего наставника девушка.

– Не я. Мы! А где, собственно, Галя?

– Молится у себя в комнате, чтобы всё получилось. Не судите её строго за нежелание присутствовать здесь в столь ответственный момент. Она и без того подкошена сложившейся ситуацией, но героически рассчитала дозу прежде, чем поднялась к себе, – впряглась за коллегу Нина и добавила. – Что ж, думаю, дальше медлить нет смысла. Мост назад разрушен...

– Тогда курс вперёд, – печально улыбнулся Скворцов и, приблизившись к инвалидной коляске, прошептал Лёне:

– Я люблю тебя, сынок! И знаю, что ты у меня сильный мальчик! Мы всё преодолеем! Как всегда, вместе! И ты уже совсем скоро обретёшь то, что по праву твоё – настоящую счастливую жизнь! Обещаю, папа тебя ни за что не подведёт...

Ребёнок внимательно выслушал готового заплакать мужчину и, мыча, как бы согласился с отцом, который, сняв с него рубашку, переложил Лёню с кресла на кушетку. Руки учёного нешуточно трясло, и он сжимал их в кулаки, чтобы его тревога не передалась Князевой. Впрочем, девушка выглядела совершенно спокойной и уверенной. На её румянном лице не виднелось и тени волнения, а глаза поверх стерильной медицинской маски сверкали какой-то суровой решительностью.

Последовав примеру своей ассистентки, Виктор Бенедиктович нацепил на себя маску с перчатками и взял с подноса на столе наполненный пурпурной жидкостью шприц. Между тем Нина привязала пациента ремнями, и только теперь мальчик немного занервничал, суетливо выворачиваясь.

Скворцов, волоча ноги по полу, прошатался к сыну и с сожалением посмотрел на него. Тот тоскливо уставился на папу, словно в призыве о помощи.

– Всё хорошо, солнышко! Я с тобой! – поцеловав ребёнка в широкий лоб, попытался утешить его учёный.

Проспиртованной ваткой Князева смазала Лёне место на внутренней стороне предплечья для вкалывания иглы и отошла за спину Виктора Бенедиктовича, со вздохом приступившего к инъекции...

В лесу...

Путь до места захоронения Пети Гаврила запомнил достаточно хорошо, поэтому уверенно шагал по чащобе, без особых трудностей огибая все препятствия. Тяжёлое сопение мужчины, а также шуршание от подошв его обуви эхом разносились по мрачному лесу.

Через десять минут старик вышел к нужной локации, которую плотно обступили хвойные великаны. Их игольчатые лапы переплетались между собой, и догадаться, какому дереву они принадлежат, казалось невозможным.

Сторож остановился, и, упёршись левой ладонью в бороздчатый ствол сосны, направил яркое око фонарика под куст можжевельника. Когда сноп света вырвал из темноты раскуроченную могилу, рука Гаврилы невольно дрогнула, и он, побледнев, выронил из неё прибор. Разбросанная вокруг ямы земля была перемешана с щепками от ящика, чью крышку словно разворотили изнутри.

– Пресвятая Богородица! Что же это? – прохрипел перекрестившийся старик и, обезумев от страха, помчался назад, позабыв обо всём.

Его сердце бешено застучало в груди, отчего дыхание сбилось, и сторож, спешно перебирая ногами, принялся судо-

можно хватать ртом воздух. Пару раз он оглянулся на бегу, опасаясь увидеть восставшего из мёртвых мальчика, разгневанного на них всех за то, что они столь бесцеремонно с ним обошлись. Но хоть за ним никто и не гнался, мужчина всё равно не сбавлял темп – дикий испуг полностью взял над ним контроль.

Гаврила двигался так быстро, не отдавая себе отчёта, куда, что не заметил, как перед его лицом нарисовалась сухая ветка. Она воткнулась ему прямо в правый глаз и с громким треском обломилась. Противно чавкнув, повреждённый орган с торчащим из него отростком ели вывалился из орбиты и шлёпнулся в траву. Старик истошно заорал, упал на спину и, с хрустом свернув шею о край пня, испустил дух, раскинув руки в стороны. Из осиротевшей глазницы ещё какое-то время обильно хлестала кровь, стекающая по морщинистой щеке сторожа на его одежду, а оттуда – на почву.

00:53

Дикий непродолжительный вопль, содрогнувший лес, выдернул Кузьмина из сна. Он выбрел из сторожевой будки и, приблизившись к распахнутым воротам, пристально вгляделся в темноту. Голос, вне всяких сомнений, принадлежал Гавриле.

Шофёр буквально закипел от ярости. Мужчину ужасно бесило, что вредный дед попёрся за своей дурацкой трубкой, не соизволив потерпеть до утра, и создал проблему не только себе, но и ему.

Выругавшись, что у него нет даже разнесчастливого фонарика, Кузьмин потопал в направлении чаши, однако внезапно словно врос в дорогу: с территории лагеря до его ушей донёлся ещё один приглушённый крик. Он обернулся, и душераздирающий ор повторился снова. Мужчина похолодел.

Решив, что старик сдюжит как-нибудь сам, шофёр взял из теремка его ружьё и побежал к источнику звука. Шум вскоре исчез, но мужчина понял, что надрывались в подвале.

Кузьмин шагнул в открытую пристройку корпуса и, выставив оружие вперёд, в пропитанный тошнотворным смрадом мрак, начал спускаться вниз, где совсем не было света. Когда шофёр почти оказался у входа в следующее помещение, он вдруг замер и почувствовал, как подкашиваются его колени. По ту сторону двери мужчина различил чьё-то злобное хищное дыхание и влажное фырканье.

Тихо сглотнув скопившиеся во рту слюни, Кузьмин медленно попятился назад, однако оступился и, потеряв равновесие, с гулким грохотом кубарем скатился к подножию лестницы. Шофёр страдальчески прокряхтел и постарался перевернуться на лопатки. Левую руку разразила адская боль. Видимо, при падении он сломал себе локоть.

Мужчина, судорожно отталкиваясь ботинками от склизкого бетона, успел отползти к боковой стене и прижаться к ней спиной, прежде чем дверь в соседнюю комнату вылетела после мощного свирепого удара, подобно пробке от шампанского.

Правой рукой, чьи свежие ссадины сочились кровью, Кузьмин ухватился за плечевую лямку ружья, подтянул его к себе и, с трудом подняв, нацелил на проём, откуда на него, прямиком из преисподней, смотрели жуткие янтарные глаза. Неведанное существо издало горловой рык и двинулось на шофёра, который положил указательный палец на спусковой крючок, выжидая момент...

Несколькими минутами ранее...

Григорий отворил дверь на нижней площадке подвала и, очутившись в зловонном заплесневелом пространстве, включил там свет, после чего проследовал к потайному ходу в дальнем углу. Чувство тревоги сжирало его изнутри, и мужчина горел желанием узнать о результате очередного эксперимента Виктора Бенедиктовича.

Вычислив нужный кирпич, Ежов нажал на него. Глиняный брусок не шевельнулся. Инвестор посетовал, что впопыхах ошибся и отыскал не тот, но, повторив попытку, снова наткнулся на него же и впал в недоумение. Единственной причиной могла явиться блокировка открывающего механизма, что ранее спасла команду Скворцова от визита Тамары и Трофимова. Компьютер, отвечающий за работу системы, располагался непосредственно в лаборатории, и именно оттуда проводились все манипуляции с плитой. Вероятно, учёный не захотел, чтобы его беспокоили, и ограничил доступ в свой “трудовой цех”.

Разочарованно вздохнув, Григорий уже планировал уйти,

как вдруг кладка, стряхивая с себя пыль, с гулом завибрировала. Массивная заслонка грузно поползла вверх, и мужчина замер в радостном ожидании. Однако чем выше поднималась перегородка, тем быстрее таяла улыбка Ежова, постепенно сменяющаяся гримасой ужаса.

Бледный инвестор наблюдал, как из-за движущейся плиты в кромешной тьме лаборатории, где иногда ярко вспыхивали пучки искр от груд уничтоженного оборудования, возникает пара мускулистых морщинистых лап с толстыми загнутыми когтями.

Григорий с гнусавыми воплями засеменил к выходу, но не дотянул до него нескольких метров. На него свирепо набросилось какое-то мелкое существо. Подскочив, паскуда впилась в спину мужчины своими бритвенными зубами и, свалив на сырую бугристую почву, начала беспощадно драть на нём одежду. Ежов пронзительно закричал, когда клыки зверя добрались до его плоти.

Инвестор взял волю в кулак и резко перевернулся на бок. Мерзкая бестия с розовым ороговевшим хвостом отпочковалась от Григория, вырвав из лопатки здоровенный ломоть мяса, перекувыркнулась через себя и, оцетинившись, опять напрыгнула на мужчину, норовя вгрызться в лицо.

Теперь Ежов идентифицировал нападавшую. Ей оказалась мутировавшая мышь Пират, которую он не так давно щедро наштиговал транквилизаторами.

Инвестор выставил вперёд пятерни и, схватив коренасто-

го выродка за широкую игольчатую грудь, постарался удержать его на расстоянии от своей перепуганной физиономии, вздрагивая от скорострельного лязга острых зубов перед глазами.

Между тем из лаборатории выбрело более крупное создание. Оно сперва в нерешительности осмотрелось вокруг, а затем, принюхиваясь, медленно устремилось к отчаянно борющемуся с мышью Григорию, ощутившему колебания грунта под тяжёлой тушей монстра, чей длинный хвост покачивался будто метроном. Сгорбившись, нечто приближалось к цепляющемуся за жизнь мужчине, скобля своими окаменелыми пластинами потолок. Верхний нарост в форме сглаженного акульего плавника срезал с провода лампочку и та, рухнув вниз, со звоном разбилась. Помещение моментально погрузилось во мрак.

Ежов, на долю секунды растерявшись, чуть ослабил сопротивление, и Пират тотчас воспользовался этим. Он вонзил свои клыки в большой палец инвестора, с хрустом оттяпал его у самого основания, потом обмусолил и, разомкнув челюсти, выплюнул прямо в распахнутый рот жертвы, проглотившей данный гостинец. Из раны с торчащей костью хлынула кровь. Забрызгивая себя липкой субстанцией, Григорий оглушительно заорал, дёргаясь и корчась от боли, в то время как образина принялась за следующий перст мужчины, с усилием мотая мордой, чтобы отделить его от кисти.

– Аааааа!!! Суууукаааа!!! – истошно заголосил Ежов.

Укоротив указательный палец на две фаланги, уродец слез с инвестора и покорно сел рядом с громадным чудищем.

Тварь с бронёй в виде шипов на спине ощерилась, опустила увесистую лапу на лицо стонущему Григорию и, надавив, размозжила тому голову, от коей осталась лишь бордовая волосатая лепёшка с осколками черепа.

Снаружи донеслось эхо шоркающих шагов. Кто-то неторопливо направлялся в подземелье.

Исполинский зверь, словно в предвкушении, раззявил пасть, пофыркивая своим влажным рылом. Внезапно звуки ботинок стихли, и монстр почуял страх их владельца.

Вмиг остервеневшие глаза монстра сузились, засверкав неистовой яростью и азартом. Небрежно оттолкнув в сторону тело погибшего Ежова, нечто размахнулось крепкой передней конечностью, служащей вместо руки, и мощно ударило ей в дверь, с лёгкостью картонки отлетевшую на лестницу.

Выглянув в тамбур, чудовище заметило съёжившегося у стены мужчину, суетливо подтаскивающего к себе ружьё.

Тварь угрожающе рыкнула и агрессивно пошла на Кузьмина.

Шофёр навёл на сволочь дуло оружия и нажал на спусковой крючок.

ЩЁЛК!

Осечка...

Мужчина успел только нервно хохотнуть, прежде чем ли-

шился головы. Она, бесцеремонно срубленная тонким хвостом гадины, соскользнула с плеч и подобно футбольному мячу прикатилась к проёму, откуда материализовался Пират, зацокавший когтями по бетонному полу. Он, чавкая, обглодал нос несчастного Кузьмина, чьи искривившиеся губы застыли в издевательской ухмылке.

01:25

Как назло, машины на трассе не появлялись. Веру Ярославну неоднократно посещала мысль вернуться в лагерь, но она, в силу своего твёрдого характера, отмела данную идею. Ночью, в окружении дремучего леса, директриса чувствовала себя очень неудобно и тревожно, однако упорно не принимала этот факт, потому что всегда считала себя “железной леди”. Она никогда не позволяла себе слабостей и не отрекалась от своих принципов, даже если они шли вразрез её личным интересам, как, собственно, и случилось с экспериментом Скворцова. Сказала – значит, обязательно сделает. И не важно, сколько ещё денег отстегнул бы ей Ежов за сохранение секретности проекта.

Вдалеке замаячили два жёлтых пучка света – горящие фары миниатюрной бежевой “Оки”. Добрынина вытянула вбок правую руку, и машина, заморгав поворотником, плавно затормозила. “Хвала небесам!” – с облегчением подумала женщина и, прошагав к тархтящей “Ладе”, открыла пассажирскую дверь. Из прокуренного салона на неё похотливо вылутился пожилой мужчина в твидовой кепке.

– Не спится, ягодка? – прогундосил он и, криво улыбнувшись, продемонстрировал свой беззубый рот.

– Пожалуйста, подбросьте меня до... – начала просить Вера Ярославна, как старик, не дослушав её, воскликнул:

– Ты не представляешь, как тебе подфартило! Я страсть как люблю помогать особам женского пола! Хе-хе. Только у меня есть одно маленькое условие...

“И оно у тебя в штанах?” – скуксившись от удушающего запаха табачного дыма, пошутила про себя директриса, но терпеливо уточнила:

– Хм. Какое?

Ответить мужчина не успел. Что-то громадное с оглушительным шумом приземлилось на хлипкий автомобиль и спрессовало его. Задние окна машинёшки сплющило и они, выдавленные каркасом, разбились на тысячи осколков. Колёса, одно из которых покинуло ось и укатилось в кювет, разъехались от большого веса, и “Ока” легла пузом на дорогу. Потолок над водителем со скрипом прогнулся, однако vezучему старику удалось не пострадать. Щекой он прильнул к рулю и крепко сжал его в своих шершавых пятернях. Нашупав рычаг коробки передач, шофёр включил первую скорость и попробовал тронуться: растопыренные колёса противно завизжали, шлифуя асфальт, но ВАЗ не шевельнулся.

Добрынина, остолбеневшая от ужаса, ошарашенно пялилась на мощный силуэт чуть сторбившегося существа, возвышающегося на раздолбанной “Окушке”. Под мускулисты-

ми лапами монстра хрустели стёклышки, и стонал металл. Нечто энергично шкрябало когтями по бортам автомобиля, награждая их продолговатыми царапинами.

– Спасайтесь, женщина, спасаааагх...агх... – отчаянный ор мужчины смолк после того, как тварь тонким хвостом прошила крышу над ним и вонзила наконечник в макушку бедолаги, нанизав его голову как канопе на шпажку. Зрачки старика уплыли под самые веки, а изо рта вырвались плевки крови, забрызгавшие смятый лобовик и приборную панель. Подтянув убитого к потолку, зверь выдернул из него побагровевшее остриё хвоста, и труп шофёра с глухим шлепком завалился на водительское кресло.

Удовлетворённо фыркнув, чудовище посмотрело на то место, где ранее находилась перепуганная Вера Ярославна, и отвратительно оскалилось. Там её уже не обнаружилось. Она со всех ног улепётывала от шоссе вглубь чащи.

Рядом с крупной гадиной возникла мутировавшая мышь. Она вскарабкалась на плечо своему хозяину и покорно замерла. Бронированная бестия с усатым приспешником последовала за директрисой внушительными скачками.

Добрынина, задыхаясь, бежала и периодически оглядывалась. Каждый раз она видела, как уродливая сволочь сближается с ней. И вот, когда монстр почти догнал свою жертву, та, поскользнувшись на траве, улизнула буквально у него из-под носа, закувыркавшись вниз по крутому склону, устланному густым папоротником. Деревья рассредоточились здесь не

так плотно, однако женщина всё же врубилась в ствол одного из них. Заработав хороший сотряс и расквасив себе лицо, она на время растерялась. В ушах жутко зазвенело, изображение перед глазами зарябило.

Вера Ярославна продолжила отступление на корячках, раздвигая перистые листья папоротников разодранными ладонями. Впотьмах директриса совсем не ориентировалась в пространстве, поэтому не понимала, куда ползёт. Она надеялась наткнуться на какой-нибудь укромный закуток, но, к несчастью, такого не отыскалось.

Существо, застывшее на вершине косогорья, издало ультразвук, и Пират, получив команду, мгновенно спрыгнул с него на ветку. Массивная тварь, обхватив передними лапами колени, сгруппировалась в клубок и шипованным шаром устремилась по склону, быстро набирая ход. Почва задрожала, отчего с сосен и елей посыпались хвоя и шишки. Без труда разломив поповшееся на пути бревно, превратившееся в щепки, нечто с нарастающим гулом помчалось дальше. Измельчая все препятствия подобно миксеру, хищник настиг Добрынину. Обернувшись, она коротко вскрикнула, а затем мир для неё вдруг исчез.

Чудовище ураганом пронеслось по Вере Ярославне и, насадив на окостеневшие пластины её худое женское тело, прокрутило директрису ещё несколько раз. Из-под вращающегося кома в разные стороны разлетались кровавые ошмётки, недавно бывшие единым целым. К концу спуска на одном из

шипов зверя, будто на шампуре, остался кусок свежего мяса.

Выпрямившись в полный рост, гадина отряхнулась от человеческой плоти, дождалась, пока на неё вновь залезет мышь, и, грозно прорычав, растворилась во мраке таинственного леса, купающегося в нежных объятиях лунного света.

68

07:47

Стояла пасмурная погода. Электропоезд ЭР9п-151, следующий по маршруту Гродск – Малые Дуки, с ритмичным стуком двигался по долине в пелене тумана, спустившегося с гор. Состав из десяти вагонов: двух головных, пяти моторных и трёх промежуточных, – отбыл с городского вокзала в пять утра и восемнадцать минут и, из-за простоя на семафорах, немного выбился из графика.

Туман сгущался. Он сделался настолько плотным, что за окном едва различались деревянные столбы линий электропередач. Относительно нормальная видимость сохранялась в радиусе шести метров. Дальше рельсы словно обрывались в белой пушистой вате.

Машинист первого класса, невысокий мужичок Аркадий Днищев, чьё плечо украшала лычка и четыре золотые звезды, переключил лобовой прожектор с тусклого на яркий свет. Стрелка скоростемера колебалась у отметки в сорок км/ч. Чуть ранее мужчина перевёл рукоятку контроллера из второго положения в нулевое, и состав ехал на выбеге.

– Грёбанный туман, чтоб его! – недовольно буркнул Аркадий, с усердием пялясь сквозь стекло, контуры коего напоминали параллели и меридианы, отчего данная электричка получила в кругах машинистов прозвище “Глобус”. – Плетёмся как черепахи! А всё потому, что управляемся почти вслепую!

– В здешних местах частенько такое, – отозвался молодой помощник машиниста Эдуард Таболин, расстегнув тёмно-синий пиджак с пустыми погонями. – Зато нас наверняка ждёт ясный день!

– Если в душу никто не насрёт, – сказал угрюмый Днищев.

– А есть кандидаты? – уточнил Эдуард.

– Да... жена собралась разводиться, – ответил машинист.

– Дерьмово, – вздохнул его помощник. – И какой у Вас план?

– Никакого, – признался Аркадий. – Удерживать её бесполезно, чувства у нас уже давно угасли. Я бы вообще с радостью начхал на эти картонные отношения, но не могу.

– Почему?

– У нас две дочурки. Совсем не хочется мотаться по судам и делить их как какое-то барахло. Конечно, девочкам и сейчас не сладко. Мы с супругой ругаемся, а они страдают, плачут. Однако сам факт существования семьи дарит хоть какую-то надежду на лучшее.

– М-да, патовая у Вас ситуация. Но, увы, я не в силах полностью ей проникнуться, своей-то семьи у меня нет. Да

и желание создавать её категорически отсутствует. А то какая-нибудь миниюбочница нарожает мне детей и хана беззаботным будням, – хохотнул Таболин. – Всегда поражался тому, как люди совладают с вечно орущими чертятами в обгаженных подгузниках. Где терпением запасаются?

– Терпение черпается из любви! С годами поймёшь, – с печальной улыбкой проговорил Днищев. – Я когда-то тоже считал, что... – тут мужчина, несколько рассеявший своё внимание, взглянул на железную дорогу и, выпучив глаза, выкрикнул. – Проклятье!!!

Среагировал опытный машинист мгновенно. Он, практически одновременно с подачей пронзительного гудка, перевёл кран в положение экстренного торможения и тем самым немедленно заблокировал колёса электропоезда, которые со скользящим визгом затёрлись об рельсы, плюясь фонтанами искр. ЭР9п-151 накренился вперёд, будто упёрся в незримый барьер. Стрелка скоростемера поползла вниз. Эдуард вцепился в панель с приборами, стараясь не распластаться посреди кабины. Пассажиры, не успевшие за что-либо ухватиться, повалились на пол (как и их драгоценные багажи, слетевшие с верхних полок). Особенно не повезло тем, кто находился в тамбурах вагонов.

Состав протащило ещё метров двести и лишь тогда он, проскрипев раскалёнными колодками, остановился.

– Ты его видел? – после непродолжительной паузы спросил взмокший Аркадий и, оттолкнув Таболина, высунулся

из левого бокового окна, недоумённо посмотрев в сторону хвостового вагона, укутанного призрачной завесой.

– Кого? – не понял Эдуард.

Днищев повернулся к своему помощнику и сипло прошептал:

– Обезображенного ребёнка на путях...

69

Оклемавшись после продолжительного запоя, когда он не просыхал около двух недель, Демид Валерьянович ранним утром, а точнее ровно в пять часов, отправился на рыбалку, своё любимое всесезонное занятие. Накопав у себя в огороде червей и забив ими ржавую консервную банку из-под шпрот, мужчина закинул на плечо сумку со всем самым необходимым, принял у жены узелок с едой, взял свою драгоценную бамбуковую трёхколенку и зашагал к “Багровому” озеру.

Над водой стелился дымчатый туман и раздавался редкий щебет птиц. Демид, проскрипев по дощатому пирсу резиновыми сапогами, мокрыми от росы с трав, забросил вещи в лодку и, вдохнув прохладный свежий воздух, спустился на борт. Он поднял со дна деревянного судёнышка вёсла, вставил их в уключины, отвязал верёвку от сваи и погрёб к центру озера.

Позднее...

Часа три рыбак без особого успеха пытался выловить хоть что-нибудь крупнее того, что уже попало ему на крючок. Четыре карася, окунь, крохотный ёрш и несколько средних

лещей теснились в жестяном ведре с мутной водой. Терпеливый Демид продолжал безмолвно наблюдать за красным поплавком. С течением времени тот стал теряться в сгущающемся тумане, растворившим в себе очертания берегов и скал.

Небо над “Багровым” озером затянули серые тучи, сбившиеся вместе, как звериное стадо. Заморосил тёплый дождик, вырисовывая круги на водной глади. Мужчина извлёк из своей сумки брезентовый плащ и облачился в него. Мелкие капельки застучали по грубой ткани, словно пианист принялся исполнять стаккато.

Старик захотел сменить место рыбалки и отправился за удачей к другому берегу, где сплошняком росли камыши и рогоз. Там он планировал поймать царицу озёр, щуку. Демид плавно работал вёслами, которые с лёгким плеском погружались в воду, скрипя уключинами.

Дождь усиливался. Он глухо тарабанил по деревянной лодке, шуршал в пушистой хвое и колокольчиком звенел по воде. Этот шум доставлял рыболову нереальное удовольствие. Он втягивал ноздрями пьянящие запахи природы и ловил ртом падающие с неба капли. “Хорошо-то как!” – подумал мужчина. – “И ничего для душеньки больше не надо!”.

Когда судно уткнулось острым носом в цветущие камыши, старик перекинул свой каменный якорь через борт, убрал вёсла, насадил на крючок свежего червяка, закинул

удочку, набросал прикормку в виде кукурузной крупы и надумал подкрепиться в ожидании клёва. Он развязал узелок, собранный заботливой женой, расстелил на соседнем сиденье полотенце и выложил на него весь провиант: чёрный хлеб, перчёное сало, зелёный лук, соль в спичечном коробке и бутылку с кедровой настойкой.

Слизывая с лица струйки дождя и убирая на бок мокрую чёлку, Демид Валерьянович вынул из сумки стопку и притупившийся охотничий нож, коим он когда-то потрошил туши дичи на пару со своим давним товарищем, Реджинальдом Хантом.

Рыбак нарезал мокнувший хлеб и сало, налил в стакан крепкой настойки и, в предвкушении трапезы потеряв руки, с аппетитом налетел на свой паёк. Он опорожнял стопку за стопкой, закусывая ядрёное снадобье жирными кусками сала, помещёнными на хлеб, и смачно похрустывая обмакиваемым в соль сладковатым лучком.

Поплавок, покоящийся в почти неподвижной воде, вздрогнул. Мужчина, тщательно пережёвывавший пищу, замер и, пристально вглядываясь сквозь плотную пелену, уставился на него. Тот дёрнулся снова. Старик, открыв рот с торчащим из него пёрышком лука, отложил в сторону бутерброд и схватился за удочку. Поплавок замотало. Он быстро поплыл в сторону, затем в другую. “Ох, неужели что-то крупное клюнуло?” – радостно подумал Демид и сжал трёхколенку сильнее. Поплавок резко нырнул под воду, скрывшись в

бурой толще и натянув леску. Через мгновение он выпрыгнул обратно на поверхность. Рыболов ждал. Очередные нырки повторились с небольшим интервалом, после чего прекратились.

Надежды, что на приманку повелась щука, раззадоривали мужчину и разжигали в нём приятное чувство азарта. А жена-то как обрадуется, если действительно щуку принесёт! Сразу побежит её на кухню разделывать.

Затишье затянулось. Старик уже успел расстроиться, что рыба сорвалась с крючка, как поплавок шустро поскакал по прямой от шлюпки.

– Заглотила свой завтрак, родимая! – вслух восторженно констатировал Демид Валерьянович и попробовал подсечь хищную обитательницу озера. Увы, это у него не вышло.

Тогда рыбак упёрся ногой в борт своего судёнышка и что есть мочи потянул на себя удочку, с треском согнувшуюся дугой. Лодку потащило вслед за поплавком. “Ну и силища!” – поразился мужчина, пытающийся одолеть непокорную рыбину.

Деревянная посуда удалялась от камышей до тех пор, пока верёвка каменного якоря не вытянулась во всю длину и не остановила её. Шлюпку дёрнуло, корму задрало вверх. Носовая часть погрузилась в воду, через борт захлестнула вода. С сиденья свалилась всё, что стояло на нём: остатки еды, полупустая бутылка с настойкой, нож, стопка и даже полотенце. Громяхнув, перевернулось ведро с уловом, отчего

находившихся в нём рыб раскидало по дну, и они скатились в заполненный водой нос.

В итоге старик не сумел совладать с могучей рыбой. Она вырвала удочку из его напряжённых пятерней и уволокла в пучину. Судно качнуло, и оно выровнялось, зачерпнув воды, распределившейся по всему днищу. Из-за такого колебания Демид потерял равновесие и, запнувшись о валявшееся под ногами ведро, перевалился через борт, плюхнувшись в озеро. Рыболов поспешно вынырнул и с любопытством посмотрел туда, где в глубине водоёма скрылась его бамбуковая трёхколенка. Он не заметил ничего примечательного и, ещё раз изумившись мощи рыбы, полез в лодку. Но тут, совершенно внезапно, в тумане возникли какие-то невысокие коряги.

Мужчина заинтересованно вскинул бровь, держась руками за край деревянной посуды. Он прищурился и удивился: коряги начали двигаться. На него... Когда они вырвались из облака тумана, старик смог разглядеть их чётче и понял, что это наросты, венчающие осклизлую спину. Демид, поморгав испуганными глазами, вовремя сообразил, кто является потенциальной жертвой прущего к шлюпке существа, и залез на борт прежде, чем исполин догнал его. Только рыба, подтянувший за корму своё туловище, вытащил из воды ноги, как под ними тут же пронеслись шипы монстра, проскоблившие днище судна, которое замотыляло от скользящего удара.

Схватив лежащий рядом со вторым сидячим местом нож, погружённый в воду, чей уровень в полости шлюпки достиг щиколотки её владельца, мужчина взялся перерезать верёвку от самодельного якоря. Тупое лезвие с трудом справлялось с задачей. Между тем невиданная тварь развернулась и снова понеслась к покачивающейся на взволнованном озере лодке.

Чтобы окончательно разделить верёвку на две половинки, старик рубящими движениями задолбил по ней ножом. Наконец, он освободил своё корыто от удерживающего его на месте якоря и, схватив весло, сумел предотвратить прямое столкновение с гигантом, отведя судно в сторону. Удар прошёл по касательной, но заострившиеся пластины гадины всё же оставили отметины на правом боку шлюпки.

“Оно слишком грузное...” – решил Демид Валерьянович. – “Значит, ему требуется время и пространство для манёвра. Раз эта жаберная мразота такая неповоротливая, может, у меня всё же имеется шанс выбраться отсюда и прийти сегодня домой!”.

– А у меня есть выбор?! – ответил рыболов на свои мысли и, вставив вёсла в уключины, с ухмылкой добавил. – Жена же меня с того света достанет, если не приковыляю к обеду и не отведаю её фирменного бобового супа!

Мужчина налёг на вёсла, направляя лодку к ближайшему берегу, чей контур маячил в тумане. Однако, несмотря на все старания, посудина плыла очень медленно.

Чудовище сделало очередной круг и с остервенением начало новую атаку, разрезая поверхность озера окаменелыми наростами. Чуть высунувшуюся из воды макушку хищника покрывали жёлтые пятна.

Когда существо торпедой домчало до своей цели, старик почти подплыл к выступающему вперёд берегу. Там, под водой, сразу шёл крутой обрыв. Место глубокое, поэтому уповать на то, что нечто сядет на мель, не приходилось. Демид перестал грести, достал из уключины одно весло, выпрямился во весь рост в качающейся на расходящихся от шипов волнах шлюпке, замахнулся и рубанул монстру полиэтиленовой лопастью по его пластинам. Весло переломилось на две части. Одна из них подлетела вверх и шлёпнулась в озеро.

Сразу же за этим последовал удар, на сей раз получившийся у неведомой зверюги довольно сильным. Хлипкое судёнышко едва не опрокинулось, а сам рыбак кое-как устоял на ногах. Какой-то из шипов свирепой твари продырявил дно лодки, и та принялась стремительно заполняться водой. Пробоина оказалась приличной, и мужчина осознал: его отжившее век рассохшееся корыто вот-вот отправится на увлекательную экскурсию, изучать подводный мир “Багрового” озера.

Старик задрал голову вверх, прикидывая, сможет ли он допрыгнуть до распростёршейся над ним толстой ветки сосны, растущей на краю берега. Впрочем, снова увидев надвигающуюся на него махину, Демид долго не думал. Он захва-

тил плавающую под ногами рюмку, упрятав её за пазуху, забрался на сиденье и приготовился к прыжку. Прыгучим он никогда не был, но в данной ситуации сиганул вверх с такой лихвой, что ему бы позавидовал любой спортсмен. Вцепившись ладонями в колючую хвою, впившуюся в кожу, рыболов повис на ветке и, пыхтя, посмотрел вниз. Его почти скрывшуюся под водой шляпку чудище разнесло в щепки, протаранив крепким лбом.

– Эхеее, подруга, не так я представлял твой уход на заслуженную пенсию! – огорчённо проговорил мужчина и стал подтягиваться к стволу дерева.

Старик уже почти поверил в то, что его пронесло, как на другом конце ветки он обнаружил мерзкое создание, походившее на какую-то уродливую мышь с вздыбленной шерстью. Она враждебно зашипела, оголив свои острые клыки и сморщив влажное рыльце, а потом воспользовалась когтями, отделяя ветку с Демидом от ствола сосны.

– Чтоб тебя! – нервно проорал рыбак и шикнул белому злобному вредителю, из-под чьих лап во все стороны летели ошмётки коры. – Ну-ка кыш! Пошёл вон!

Ветка потихоньку опускалась. Мужчина принялся раскачиваться на ней, чтобы попытаться долететь до берега, однако своими движениями лишь ускорил процесс её разламывания.

Протрещав, ветка сокрушилась, и старик полетел с ней в обнимку вниз. В падении его перехватило громадное суще-

ство с наростами на спине. Оно выпрыгнуло из пучины и, раззявив пасть, закусало ноги Демида у колен, после чего, сомкнув мощные челюсти, с хрустом перегрызло их. Рыболов свалился лицом в озеро и беспорядочно задёргал руками. Оторванные части его ног всплыли рядом с ним. Из культи травмированных конечностей захлестала кровь, окрашивающая мутную воду в более яркий цвет. Мужчина стал тонуть. Он перекосил рот в крике, но добился только бульканья, сопровождающегося пузырьками.

Хищник подхватил раненую жертву и жестоко раздербанил её. От Демида осталась лишь его любимая рюмка, одиноко лежащая на обломке лодки. И та скоро пошла ко дну...

70

Его сердце сжалось в комок после того, как рельсы завибрировали от стука многочисленных колёс приближающегося состава, мчащегося в непроницаемом тумане. По мере усиления колебаний путей, жжение в груди нарастало, однако он жаждал, чтобы поезд сбил его...

Когда Петя, глаза коего теперь видели в ночной тьме также ясно, как при свете дня, выбрался из гроба, желание найти дорогу в лагерь отпало, едва возникнув в его голове. Нет, Климов не мог там показаться. Ребёнок не намеревался возвращаться к тем, кто обращался с ним, как с лабораторной жабой. Мальчик их боялся, но, что ещё хуже, он боялся себя. Кем или чем Петя стал, в кого или что трансформировался? Прежним он уже явно не был. Его повлажневший нос

вывернуло наизнанку, а раскисшая кожа принялась выделять какую-то слизистую субстанцию, обволакивающую тело. Кому понравится лицезреть сие уродство? Он не хотел никого напугать, не хотел причинить вред и уж тем более не хотел сыграть роль объекта хулиганских насмешек. Поэтому удалился вглубь леса, дабы избежать любых встреч с людьми.

Окружающий мальчика мир кардинально изменился. Отныне Климов видел его иначе. На первый план выходило наполняющее пространство изобилие звуков и запахов, которые он осязал каждой клеточкой своего зудящего тела. Пацанёнок словно мог прикоснуться к ним, потрогать руками, за счёт чего вырисовывал более богатую и целостную картинку непролазных дебрей. Однако сконцентрироваться ему было не просто. Такое обострение чувств буквально разрывало ребёнка на части.

Петя присел на трухлявое бревно, сомкнув глаза и заткнув ладонями уши. Он понимал, что сперва нужно успокоиться. Где спокойствие – там контроль над собой. К чему паника? Она до добра никого не доводила. Сейчас настала пора освоить свои новые умения и призвать их работать на благо себе. Ведь это поистине уникальный дар! Вероятно, Скворцов не соврал и действительно наделил мальчика чем-то особенным.

Правда, нормально собраться с мыслями у Климова не получилось. Резкая боль в копчике заставила его подпрыгнуть как ошпаренного. Он заорал и взялся шкрябать увеличив-

шимися ногтями по коре ели, оставляя на ней кривые продолговатые полосы.

В трусы пацанёнка что-то вонзилось. Пропахнув руку в штаны, он нащупал тонкий отросток, берущий начало между булками пятой точки. Копчик стал вытягиваться в самый настоящий хвост.

– Что со мной сделали??! – беспомощно озираясь по сторонам и фыркая мокрым носом, прохрипел ребёнок, по чьим щекам заскользили горькие слёзы.

Рост хвоста приостановился. Пете пришлось снять с себя штаны и трусы, так как новая часть его тела там не умещалась. Остроконечный придаток свисал почти до голени.

Мальчик долго плутал по чаще, не зная, куда ему податься. Он напрочь отчаялся. Слишком много испытаний выпало на долю того, кто всего-навсего мечтал о родительской любви и счастливой жизни в дружной семье.

Лес дышал утренней свежестью. Климову показалось, что его кроссовки, полностью промокшие от лежащей на траве серебристой росы, уменьшились в размере. Ребёнок сбросил жмушкую обувь и ахнул. Пальцы на его ногах удлинились и, за исключением большого, попарно срослись в скрюченные баранки.

Петя превращался в нечто страшное. Он даже засомневался, правильно ли поступает, сбегая ото всех. Вдруг Скворцов сумел бы скорректировать результаты своих деяний? Возможно, учёный был единственной надеждой на

спасение. И всё же пацанёнок не отважился возвращаться в “Тайник Лешего”, продолжив своё скитание в одной лишь футболке.

Подошва ног босого мальчика погрубела, благодаря чему он безболезненно шёл по камням, опавшей колючей хвое, сухим стеблям и сучистым палкам. Не привыкнув к обострённому слуху, Климов постоянно вертел головой, реагируя на каждый доносящийся до него звук.

Рассвет омрачили серые тучи, заслонившие собой восходящее солнце.

Ребёнок устремил взгляд вдаль и не поверил своим глазам. Его губы волнительно задрожали, эмоции забили через край, и он заплакал от облегчения. Там, среди двух сосен, склонивших макушки друг к другу, Петя увидел самого дорогого для него человека – свою маму. Кажется, она его совсем не замечала.

– Мама! Мамочкаа!!! – заголосил соскучившийся по ней мальчик и замахал руками. – Я здееесь!!! Я здееесь, мамочкаа!!!

Женщина повернулась к пацанёнку. Печально опустив голову на бок, она как-то устало улыбнулась и протянула к отпрыску руки. Тот, рыдая, побежал к Тамаре.

Сердце радостно стучало в груди от мысли, что он вот-вот воссоединится с мамой. Уж она-то – его поддержка и опора – поймёт родного сына, примет таким, какой он есть, и утешит. С ней Климов почувствует себя в безопасности. И вме-

сте они урегулируют сложившуюся ситуацию.

Петя распахнул руки для долгожданных объятий и... сжал в них лишь облако дымчатого тумана, расплзающегося между деревьями.

Ему всё причудилось. Тут, кроме него и лесных жителей, больше никого не было.

Он упал на сырую траву и, обхватив руками поджатые к груди колени, обречённо заскулил:

– Мамочка, найди меня, прошу... мне без тебя так плохо...

Хныканья ребёнка прервали очередные деформации. На сей раз боль разразилась во рту, где укоренённые зубы начали выталкиваться проклёвывающимися клыками.

Повреждённые дёсны стали обильно кровоточить. Мальчик долго харкался красной жижей, чтобы очистить от неё ротовую полость. Потом Климов собрал в ладонь пару десятков выпавших зубов и, сунув в рот указательный палец, нащупал подушечкой острые, подобно бритвам, клыки, сменившие его прежние жевательные инструменты.

“Теперь точно всё пропало!” – не успел подумать Петя, как обнаружил в сгущающемся тумане упитанного зайца-беляка.

В голове ребёнка словно что-то щёлкнуло, рассудок вмиг помутился, а глаза сделались звериными. Его захлестнула волна лютой агрессии. Он оскалился, оголив клыки, сморщил безобразный нос, издал свирепый хищный рык и, опу-

стившись на четвереньки, яростно кинулся на зайца.

Животное постаралось скрыться от него, однако мальчик оказался проворнее. Внушительными скачками он быстро настиг жертву, впился в её бока своими удлинёнными ногтями и принялся драть плоть пронзительно кричащего беляка. Рыжевато-серый мех зайца окропили алые брызги. Климов, шипя, жестоко растерзал тушку зверя, выпотрошил из неё все внутренности и... рассудок вернулся к нему. Он обескураженно замер с куском мяса в клыках, когда его глаза подобтели и приобрели то трагическое выражение, какое имели до вспышки гнева.

Петя брезгливо выплюнул мясо и вытер тыльной стороной ладони вымазанный кровью рот. Он не помнил ни как преследовал беляка, ни как разрывал на части. Инстинкты взяли над ним верх и сделали пацанёнка неконтролируемым безжалостным убийцей.

“Животное... я превращаюсь в животное!” – смекнул похолодевший ребёнок и попятился назад. Он в жизни никого не убивал, даже надоедливых и мерзких насекомых, а здесь приготовил из милого зайчика кровавую котлетину.

Нет, терпеть всё это дальше казалось невозможным. Свалившаяся на плечи мальчика непосильная ноша серьёзно надломил его, и Климов-младший твёрдо решил покончить с собой. Он считал, что в данной ситуации только смерть разрулит его проблемы. Она утолит боль и прекратит все страдания, оставив после себя вечный покой...

Долго фантазировать над способом собственного умерщвления не пришлось. Выйдя из глухомани на луг и двигаясь к горам, Петя набрёл на железнодорожные пути, по одному в каждом направлении. Они проходили по высокой гравийной насыпи. Что ж, гибель под колёсами поезда не самая изысканная, зато верная.

Ребёнок встал на бетонные шпалы, ожидая состав.

Туман окутал всё вокруг, понизив видимость до минимума. Разглядеть хоть что-то сквозь его плотную завесу было нереально.

Миновало около получаса. На путях не появилось ни одного поезда. Мальчик глубоко вздохнул, переступил через высокий рельс, чтобы спуститься с насыпи, как вдруг уловил гул состава, который находился ещё довольно далеко.

Вскоре рельсы задрожали, выдавая приближение многотонной стальной махины. Климов занервничал. Недавно ему казалось, что он смело примет свою смерть, а теперь, ощущая всю мощь поезда, пацанёнок испытал чувство неимоверного страха.

Ноги Пети подкосились, но он набрался мужества стоять до победного. Лишь когда его глаза ослепил свет лобового прожектора ЭР9п-151 и ребёнок увидел вылетевший из тумана головной вагон с перепуганными лицами машинистов в кабине, мальчик не выдержал. Он успел отпрыгнуть в сторону, на какие-то сантиметры разминувшись с метельником электрички.

Кубарем скатившись с крутой насыпи и исполосовав тело щебнем, Климов распластался на земле. Уши пацанёнка скрутились в рулет от противного скрежета колёс тормозящего поезда.

Петя мучительно застонал, уткнувшись своим звериным рыльцем в пыльную почву с жухлой травой. Множественные раны ребёнка сочились кровью. Он уже думал, что не поднимется, однако скоро боль утихла. Удивлённый мальчик принял сидячее положение, убрав из-под себя мешающийся хвост. Осмотрев себя, Климов поразился: все порезы куда-то исчезли, будто не появлялись вовсе.

С этим тревоги прибавилось. Петя с ужасом осознал, что если его организм так быстро исцеляется от ран, то он не сможет прекратить своё существование.

Просидев несколько минут как истукан, ребёнок определился с тем, как действовать дальше. И призрачная надежда вновь затеплилась в его трепетном сердце.

– Хозяин Леса, – прошептал мальчик и потопал обратно в чащу.

Тогда Климов игнорировал рыжиков. Его не интересовал сюжет глупых лагерных баек, подразумевающих под собой банальную страшилку. Но всё же Артур с Яриком своей нудной болтовнёй донесли до него суть легенды о некоем Хозяине Леса, беспощадном и одновременно милосердном духе, помогающем попавшим в беду людям.

На данный момент Петя не относился столь критично к

истории, изложенной Валентиной Андреевной. Потому что с наступлением отчаяния человек цепляется даже за самые бредовые спасительные ниточки.

Загвоздка заключалась в том, что ребёнок не имел представления, куда именно ему идти и где искать мифического духа, о чьей внешности мальчик мог только гадать. Ещё очень некстати щедро зарядил проливной дождь, занявшийся с безобидной мороси.

Шум падающей с неба воды не помешал Климову уловить чьё-то отдалённое сопение, шелест хвои и треск веток под весом мощного тела. Неужели мольбы Пети услышали, и Хозяин Леса почтил его своим визитом?

Некто, ловко перескакивая с сосны на сосну, хищно порыкивал. И этот недружелюбный рык ребёнку совсем не понравился. Однако он ждал, затаив дыхание.

Движения прекратились, и мальчик разглядел на одном из деревьев застывший в тумане подобно каменной горгулье силуэт крупного существа, на чьём плече различался второй расплывчатый контур.

– Вы Хозяин Леса? – спросил Климов, получив вместо ответа шипение сторбившейся в ветвях твари, не сводившей с него янтарных глаз. – Я Вас не понимаю, – всхлипнул грустный пацанёнок. – Просто у меня большие неприятности и мне срочно нужно что-то делать, пока я не сошёл с ума... ради всего святого, помогите! – и слёзы потекли по его морщинистым щекам.

Гигант спрыгнул на смоченный дождём грунт. Петя потерял создание из виду, но всё ещё ощущал его близкое присутствие за белой густой пеленой. Сглотнув слюну, ребёнок доверчиво шагнул к неведомому монстру сквозь пушистые кружева тумана.

– Аааааааа!!!!

ХРУМ! ХРУМ! ХРУМ!

ЧАВК! ЧАВК! ЧАВК!

Часть четвёртая. Хозяин леса

1

1992 год

Борю усыновили в день его тринадцатилетия. Лучшего подарка на праздник не мог желать ни один детдомовский сторожила. Заветная мечта мальчика осуществилась. Он, наконец, обрёл настоящую семью, где его действительно любили. Никогда до этого ребёнок не чувствовал себя нужным, а в итоге стал самым счастливым на свете.

Его новые родители, Ян и Василиса Костины, чью фамилию он получил, были молодой супружеской парой, недавно приобретшей тесную однушку на задворках Гродска. С самого первого дня совместной жизни они хотели завести малыша, однако, когда жене поставили диагноз “бесплодие”, решили взять к себе дитя из приюта “...имени Григория Ежова”. Многие осуждали их за поспешность и считали, что супруги не потянут ещё один рот, так как сами еле-еле сводят концы с концами. На удивление всем, они справлялись, хоть жили и не богато.

Спустя год...

Суббота, седьмое августа

За день до того, как Боре стукнуло четырнадцать, отец повёл его в спортивный магазин за подарком. Мальчик, большой любитель хоккея, остановил свой выбор на деревян-

ной клюшке с красным узором на черенке. Он заметил её несколько месяцев назад и повадился регулярно бегать к витрине, чтобы поглазеть на новенькое орудие для ледовых баталий. И вот Боря уже шагал по улице, держа в руках свой первый шайбометательный инструмент. Его переполняла искренняя детская радость, и мальчику не терпелось исполнить дебютный щелчок по воротам, гниющим на хоккейной коробке их двора.

Заскочив домой за жёлтым теннисным мячиком, в тёплое время года заменяющим каучуковый диск, Боря отправился на воздух опробовать клюшку. У подъезда он встретил своего детдомовского товарища, двенадцатилетнего Дениса Маслова, который, подобрав из-под скамейки грязную недокурную сигарету, сунул её в рот и теперь безуспешно пытался поджечь при помощи раздолбанной зажигалки.

– Эх, ты! – разочарованно проворчал Костин. – Я думал, ты бросил заниматься подобной фигнёй...

– И тебе привет, Боря, – отозвался Ден, шмыгнув соплицылым носом.

– Опять удрал? – осуждающе спросил Костин.

– Не удрал, а погулять вышел, – поправил его Маслов. – До тебя вот добрался, соскучился...

– Я тоже. Правда, твои прогулки вряд ли оценят в детдоме, – покачал головой Боря.

– Не читай нравоучения. И так паршиво.

– Хочу ведь как лучше...

– Ой, не заливай тут только! – попросил Денис и страдальчески скучился. – Тебе стало на меня плевать после того, как твой одноместный корабль отчалил из гавани приюта. Вообще у нас не появляешься. Ты везунчик. Вон как зажил. Ключкой новой, гляжу, обзавёлся. А я до сих пор кроме объедков ничего не видел...

– Перестань! И не носи чушь! Ты – мой друг и я тебя не брошу! – заверил Костин.

– Все так говорят. А на деле... – в горле Маслова встал ком и он, сглотнув слюну, продолжил с выступившими на глазах слезами. – Знаешь, я, признаться, не горю желанием найти семью, которая меня усыновит. Мне свободы охота. И только лишь. Что угодно бы за неё выложил...

Тут к товарищам подскочил мальчуган, кажется, чуть младше Дениса, и, опёршись о свою перемотанную изолентой ключку, воскликнул:

– Вау! Ключка отпад, Боря!

– Спасибо, Сень, – поблагодарил Костин. – Мне тоже нравится!

– Не дешёвая вещица! – заметил дворовый пацан. – Поди долго копилку не разбивал, да?

– Вообще-то, мне ключку папа купил, в честь грядущего дня рождения, – объяснил Боря.

– Классный у тебя отец! – оценил собеседник.

– Самый лучший! – согласился Костин.

– Эй, Дубовцев, погнажи уже! – позвали Арсения друзья,

столпившиеся у хоккейной коробки.

– Слушай, а пошли с нами играть? – предложил мальчуган и уточнил. – Ролики есть?

– К сожалению, нет, – расстроено ответил Боря. – А без них нельзя?

– Без проблем! Поставим тебя на ворота, – решил Арсений.

– Но я хотел играть в нападении...

– Давай потом? Нам сейчас очень нужен вратарь.

– Ну...ладно. Можно попробовать, – почесав затылок, согласился Костин и побежал за Дубовцевым к своре ребят, совсем позабыв о Денисе, оставшемся одиноко стоять у подъезда. Тяжело вздохнув, Маслов с обидой посмотрел Боре в спину и, поникнув, потопал прочь из квартала.

Вскоре...

Четыре пацана и три девчонки разбились на две команды. Боря попал к Дубовцеву и занял место в тех самых воротах, по коим планировал пощёлкать после приобретения новой клюшки, к слову, не являющейся вратарской.

Ребята на роликовых коньках начали противостояние. У большинства движения получались крайне неуклюжими. Детей штормило из стороны в сторону и Костин, наблюдающий за происходящим со своей позиции, не раз похихикивал над ними. Правда, вскоре ему стала надоедать пассивная роль зрителя. Бросков в створ не совершалось, а возня товарищей у разошедшихся бортов коробки и в центре площадки

потихоньку действовала на нервы.

– Сеня, на меня пасуй! – выкрикнул Боря, ковыряющий носком ботинка искорёженный асфальт.

– Через вратаря опасно играть, – откликнулся пыхтящий Дубовцев, ведущий борьбу за теннисный мяч у борта, к которому его прижала круглолицая девчонка в самодельном игровом шлеме.

– Я не подведу! – пообещал Костин.

– Стой в воротах и не отвлекайся! – кинул ему другой участник их команды, чьи ноги забавно разъезжались в разные стороны и он старался удержать равновесие на непослушных роликах.

Боря насупился и, проигнорировав все реплики товарищей, бросился в гущу событий. Подлетев к куче-мале, образовавшейся по левому краю площадки, он яро затыкал своей клюшкой в частокол других, силясь выбить мяч. Правда, его инструмент зацепился за один из деревянных крюков чьего-то игрового орудия и выскользнул из рук мальчика. Костин нагнулся, чтобы поднять отцовский подарок, и тут ему в нос прилетел черенок Арсениевой клюшки, отчего ребёнок отскочил в сторону, прикрыв травмированное место ладонью.

Пока он в сторонке приходил в себя, девчонка в шлеме изловчилась-таки сделать пас на своего партнёра и тот, коряво продёргавшись на роликах до ворот соперника, поразил их, после чего зашатался и с грохотом шмякнулся на асфальт.

Счёт голам, наконец-то, открылся.

– ГОООЛ!!! – радостно завизжали ребята из отличившейся команды.

Дубовцев покачал головой и, цокнув, подошёл к Костину.

– Ну, Боря, куда ты из ворот-то вышел? Давай без глупос... – Арсений поперхнулся, когда увидел, как между пальцами Бори, поднесёнными к носу, сочится голубая жидкость.

– Я же помочь хотел, – прогнусавил Костин, не убирая ладони от лица.

– Т-т-ты... что у тебя... – заикаясь, настороженно попятился назад Дубовцев.

Облепившие их ребята тоже разглядели необычного цвета субстанцию и загудели:

– Ого!

– Чёрт! Он походу пришелец!

– Какой ужас!

– Вы чего? – не понял Боря, убрав руку от носа, из чьих ноздрей текла кровь...

– Монстр!!! Он монстр!!! Ааааа!!! – завопил Дубовцев и, выронив клюшку, побежал с коробки. Остальные, недолго думая, ломанулись вслед за ним с истошными криками, разнёсшимися по всему кварталу.

2

2008 год

Вторник, восьмое апреля

Студент четвёртого курса Томас Азикиве, афроамериканец с копной тёмных дредов на голове, зашёл в мужской туалет Гродского Государственного университета (ГГУ), поморщился от ударившего в широкий нос противного запаха, проследовал к кабинкам и закрылся в одной из них. Достав из заднего кармана шорт прозрачный пакетик с белым порошком, он высыпал горсть на внешнюю сторону ладони между большим и указательным пальцами и, облизав розовым языком свои чёрные пухлые губёхи, поднёс ноздри к руке, но тут в его дверь затарабанили. Парень испуганно дёрнулся, просыпав часть порошка на кафельный пол, залитый жёлтой мочёй, и, резко обернувшись, просипел:

– Занято...

– Ага. А теперь открывай, черножопая шлюха! Иначе я насру в толчок, окуну тебя туда башкой и отдолблю в бабуинову сраку! – послышался голос одноклассника Коли Белякова, и Томас с облегчением выдохнул:

– Фух, слава Богу!

– В каком смысле? – встрепенулся удивлённый Коля, на чьём затылке торчал вощёный хвост из ярко-красных волос, и спросил. – Я что ли твои фантазии озвучил?

– Пошёл ты! – послал товарища Азикиве. – Напугал! Я думал препод какой зашёл!

– А тебе есть, что скрывать? – с подозрением уточнил Беляков, приподняв бровь.

– Неприятно, знаешь ли, когда ссышь, и кто-то на это

смотрит...

– Ещё бы! – согласился Коля, который зашёл в соседнюю кабинку, залез на бачок туалета, перегнулся через фанерную перегородку и, заглянув к Томасу, недовольно посмотрел на того, замершего в луже мочи. – Особенно когда струя не попадает в унитаз!

Азикиве нахмурился, вывернул надутые губы и буркнул:

– Это не я сделал!

– Да ну? А чего штанцы приспущены?

Томас опустил голову и обнаружил, что его бежевые шорты сползли до острых коленок.

– Они сами слетели! Просто резинка не держит... – начал объяснять афроамериканец, однако его товарищ, не дослушав, перебил:

– Чувак, не зли меня! Ты обещал, что прыгнешь с этой хрени!

Азикиве покосился на свою руку, удерживаемую им в горизонтальном положении, и, опустив глаза, признался:

– Я не могу...

– На такой случай у тебя есть друзья! Если чего-то не можешь, попроси помощи!

– Мне некомфортно говорить на подобные темы!

– Зато всякую дрянь нюхать самое оно, да? Хватит чепуху нести! Впусти меня! Решим вопрос как полагается друзьям, вместе!

Томас отодвинул щеколду и распахнул дверь. Коля вле-

тел в кабинку к другу, закрылся и, схватив Азикиве за руку с горкой героина, занюхал весь наркотик. Нижняя челюсть афроамериканца, выпучившего карие глаза, отвисла. Беляков поводит носом, затем поморгал зыркалками и, похлопав одногруппника по плечу, сказал:

– Обращайся!

Офигевший Томас на секунду впал в замешательство и потом шёпотом прокомментировал:

– Вот говно! Мой герыч...

3

Крупный самец бурого медведя косолапой походкой брёл по елово-сосновому лесу в поисках пропитания. Аномально тёплая ранняя весна пробудила его из спячки раньше положенного срока и вынудила шататься по непролазным дебрям с целью утоления своего зверского аппетита. Снег сошёл практически полностью, сохранившись лишь редкими островками, и крепышу приходилось доедать появившиеся из-под него останки мёртвых животных, грызть корешки и ворочать пни, где могли скрываться личинки.

Шлёпая широкими пятипалыми стопами по сырому после таяния сугробов хвойному покрову и важно виляя огромным мохнатым задом с едва различимым в густом рыжевато-коричневом меху коротким хвостом, здоровяк принимался и лениво вертел по сторонам своей крупной головой с торчащими на ней маленькими ушами.

Он, треща на всю чащобу, продрался через частокол су-

хостоя, после чего резко поменял характер походки, которая приобрела некую ходульность. С усердием вбивая лапы во влажную почву и оставляя на ней более глубокие отпечатки в виде лунок, косолапый приблизился к одной из сосен и, фыркая влажным чёрным носом, ознакомился с запахами на её стволе, после чего принялся царапать дерево и сдирать с него куски коры. Активно поработав острыми зубами и когтями, животное развернулось к растению спиной, встало на задние лапы и, запрокинув морду, стало с силой тереться об образовавшиеся на стволе задиры затылком и щеками, оставляя на них клочки своей шерсти. Когда зверь завершил маркировку, тем самым выполнив свой медвежий долг, он отряхнулся и вперевалочку направился на восток.

Вскоре ленивое воплощение мощи набрело на дорогу, ведущую в печально известный детский лагерь “Тайник Лешего”, и зашелестело по гравию в сторону заржавевших главных ворот, чьи прутья обвил увядший выюн с засохшими коричневыми листьями, свернувшимися трубочкой. Оказавшись у входа с валяющейся перед ним выцветшей потёртой вывеской **“Т.ЙНИК ЛЕ..ГО До.ро п.ж..ов.ть!”**, косолапый в нерешительности замер, но всё-таки не смог побороть любопытство и, подцепив носом слегка приоткрытую правую створку ворот, отворил её. Медведь заглянул на заброшенную территорию с покоробленным асфальтом, полотно которого беспощадно раскурочили сорняки, и осторожно зашёл. Медленно ступая по свежевзошедшему травянистому

покрову, устлавшему всю парковочную площадку, животное устремилось вглубь владений мёртвого лагеря.

Топтыгин залез на раскрошенный бордюр, изучил гниющую беседку со снесённой крышей, вышел на бурьянистый фасад перед продолговатым прямоугольным зданием, втиснулся в пустой холл через дверной проём и захрустел подушечками лап по разбитым стёклам, разбросанным по потрескавшемуся кафелю. Широким боком снеся драный перевёрнутый диван, оставшийся единственным предметом интерьера данной комнаты, бурый преодолел разломанную перегородку со свёрнутой дверью и оказался в просторном помещении с высоким потолком. Он, виляя между расшвырнутыми столами и стульями, покрытыми толстыми слоями пыли, а также обильно заросшими паутиной, добрался до раздаточной линии и принялся брэнчать различной посудой, силясь отыскать съестное. Медведь, шаря носом по мискам, мармитам и кастрюлям, бесцеремонно скидывал их вниз, периодически почихивая. Сервиз со звоном сыпался на пол, вызывая у зверя некое замешательство. Он с удивлением смотрел на грохочущую кухонную утварь и опасливо, с присущей ему неуклюжестью, перешагивал через неё.

Мохнатый перестал бесчинствовать, когда не нашёл ничего такого, что можно было бы назвать едой, взять в пасть и пережевать, поэтому устремился к выходу. По пути его отчего-то привлекла старая ширма с откровением на полотне **“Вам в суп блевали Тим, Забит и Яков”** и он, завалив

перегородку, устроился на ней задом. Небрежно раскинув в сторону задние лапы, животное почесало передней выпяченное пузцо, как-то печально опустило голову и покосило в бок несчастные глаза.

Вдруг уши медведя уловили сильный грохот, донёсшийся из холла, и он настороженно повернул морду в сторону дверного проёма.

4

Мотыляющий небольшим чёрным чемоданчиком парень в клетчатой рубашке и красных обтягивающих штанах, шоркая белыми кедами по мелкому щебню, прошёл по безлюдной аллее пирамидальных тополей до заброшенного двухэтажного здания с облупленными кирпичными стенами в цементных нашлапках, и зашёл внутрь, где наткнулся на девушку, из-под рваных джинсов которой проглядывали сетчатые чулки. Примяв выющиеся лохматые волосы, она с неодобрением спросила:

– Чё припёрся, стрекозёл?

– Как не гостеприимно с твоей стороны, Роко, – заметил молодой человек и изящным движением поправил круглые очки с фиолетовым отливом, закрывающие его глаза.

– Здесь лишние рты не в почёте, – напомнила девушка, прохрустев тонкой шпилькой по битому кафелю.

– Я в Ваш притон не прописываться явился, а всего лишь за дозой, – объяснил парень и провёл пальцем по пыльному подоконнику, после чего рассмотрел посеревшую подушечку

ку поближе и с омерзением скривился.

– По поводу товара не ко мне, – напомнила собеседница.

– Ну да, ты ж сама товар.

– Лучше не распускай язык, крысёныш. Тут тебе не богдельня, терпеть всякие выкидоны не станут. Быстро прижучат.

– Прости, если тебя зацепили мои слова.

– Запихни свой сарказм в жопу.

– Ну, принимать в зад твоя работа.

– Подотри слюни. Тебе мои услуги не по карману.

– А я думал, ты здесь благотворительностью занимаешься.

Только так с Лютым по ночам кочегарите. Даже отопление не требуется.

– От Юльки баек наслушался, али Копейка протрещал?

– Не угадала, собственными ушами Ваши высокочастотные стоны уловил. Записываете новый музыкальный альбом?

– Запомни, нет ничего между нами!

– Угу. Лютый просто тебе тогда укол делал, да? Поэтому ты так кайфово охала?

– Достал! Иди куда надо, не отвлекай.

– На работу спешишь?

– Именно.

– Кто на сей раз твой работодатель и отчего он не решился посетить данные апартаменты?

– Сразу видно, кто тут состоит в университетской команде

по КВНу. Плохие шутки – Ваша фишка.

– На самом деле, я терпеть не могу КВН. Лига неудачников. Тебя бы взяли.

– Я была бы счастлива оказаться на месте этих неудачников. У них хотя бы есть будущее...

– Живи настоящим и не парься. Ублажать потных мужиков – тоже достойное занятие, – приподняв очки, подмигнул парень и, взбегаая по лестнице, добавил. – Удачного дня!

– Чтоб ты сдох, чмо! – откликнулась Роко и покинула здание.

5

Деревня Малые Дуки переживала тяжёлые времена. Численность населения стремительно сокращалась. Многие жильцы покидали свои дома и перебирались в Гродск, так как работы, а вместе с ней и комфортных условий для существования, в их поселении практически не было. Сельское хозяйство в этих краях находилось в упадке, потому что совсем не окупалось. Основная часть изб нуждалась в ремонте, однако никто не хотел реставрировать старинные здания, чьи немошные конструкции гнили на глазах.

На всю деревню, насчитывающую сорок три строения, имелось два разнесчастных магазина – продуктовый и бытовой – оба со скудными ассортиментами. Первый, принадлежащий одному предприимчивому мужичонке из местных, обосновался в старом вагоне поезда, расположенном неподалёку от оврага у самого края территории Малых Дуков.

На его прилавках с завидной регулярностью наблюдались пустые места и покупателям вечно не хватало товара. Второй же имел вполне приличное, хоть и небольшое, здание, правда, качеством продукции не блистал, отчего часто получал жалобы. Несколько раз он даже закрывался, но окончательно свою деятельность так и не прекратил. Как-никак, в химии народ нуждался.

Львиную долю оставшихся в данном населённом пункте людей составляли старики, которые так сильно привязались к родным местам и поистине стали их патриотами, что просто не могли променять земельные участки на городские квартиры в многоэтажках, изменив уклад быта, основанный на славных русских традициях. Свою судьбу они ассоциировали с судьбой деревни: их время прошло.

Молодых, безусловно, осуждать не имело смысла. Все стремились к постоянству и хотели достойного будущего, коего деревня предоставить не могла. Семейные гнёзда лучше вились в городских джунглях, нежели среди сараев и хлевов.

Кто-то уехал отсюда из соображений безопасности. Репутацию этим местам сильно подрывали леденящие душу события, неоднократно происходившие в ближайшем лесу. Ночью ни одна живая душа не осмеливалась выйти за пределы деревни и, в особенности, посетить непролазные елово-сосновые дебри, где уже совершилось достаточно зверских убийств.

Конечно, из Малых Дукóв не только бежали. Исключения

всё же вырисовывались. И одним из таких оказался еврей Яков Ашуров. Парень, не окончив и восьми классов, вынужденно переселился из Гродска в деревню после гибели родителей. Здесь жил единственный оставшийся у него близкий человек – бабушка. Год назад она перенесла обширный инфаркт, отчего теперь была частично парализована и прикована к постели. У неё полностью отнялась нижняя часть тела. В связи со сложившимися обстоятельствами, Якову пришлось тащить на себе абсолютно всё, включая уход за беспомощной родственницей. Некогда беспечный хулиган, забывшийся всем как чувак с зелёным ирокезом на тылке, превратился в заботливого внука и работающего мужчину с ничем не выделяющейся причёской.

Накормив кур и наколов дров, Яков поднялся по лестнице на крыльцо, под коим осел фундамент, и зашёл в обшитый тёсом сосновый дом с четырёхскатной крышей. Гречневая похлёбка в печи уже почти сварилась, поэтому парень достал из шатающегося шкафа посуду и начал нарезать хлеб. После он взял ухват и, отодвинув заслонку, извлёк чугунок с пищей из горнила печи. Разлив горячее кушанье по мискам, Ашуров поместил их на поднос, куда также положил несколько кусочков хлеба, пару зубчиков чеснока, солонку и ложки. Со всем этим добром парень осторожно направился в соседнее помещение, где отодвинул шторку, прикрывающую вход в каморку с бабушкиной ложей, куда тусклые лучи света проникали сквозь мутное стекло маленького сплюснутого окон-

ца, и спросил:

– Ба, не спишь?

– Не сплю, внучок, проходи! – прошептал слабый женский голос, и бледные губы старушки с трудом растянулись в улыбке.

– Я тебе покушать принёс, – сообщил Яков и присел на стул рядом с кроватью бабушки.

– Спасибо, я не голодна, – ответила женщина.

– Уверена? – вскинув бровь, уточнил Ашуров и объяснил. – Я готовил по твоему рецепту. Думаю, вышло неплохо.

– Я очень благодарна тебе, Яков, – призналась бабушка. – Но ты не обязан всё это делать.

– Не говори глупости, – пресёк парень.

– Я совершенно серьёзно. Мне больно наблюдать за тем, как проходят твои лучшие годы, – с сожалением прохрипела женщина, сжимая кончик одеяла морщинистыми руками.

– Мне не на что жаловаться, ба. Я рад возможности проводить с тобой время, – заверил Яков и по-доброму улыбнулся.

– Ты – лучшее, что было в моей жизни, внучок. Столько для меня не делал ещё никто. Только пойми, мне всё равно недолго осталось, а тебе следует двигаться дальше и не цепляться за прошлое, какими бы силами оно тебя не удерживало, – посоветовала бабушка.

– Я не брошу тебя, – отрицательно помотал головой Ашуров и добавил, едва сдерживая слёзы. – Ты самый близкий

мне человек. Больше у меня никого нет.

– И не будет, если продолжишь нянчиться со мной, – сказала женщина и по её иссушенным щекам прокатились прозрачные солёные капли.

– Хватит! – тяжело дыша, вскрикнул Яков и, опустив поднос с едой на дощатый пол, схватился за голову. – Меня задевают твои слова...

– Мне не о чем сожалеть, Яков. Я прожила очень яркую счастливую жизнь и тебе того же желаю, – искренне пояснила бабушка и, просветлев, потрепала внука по волосам. – Думаю, твои родители бы меня сейчас поддержали и согласились с тем, что не стоит приносить столько жертв ради обездвиженного ни к чему не способного человека, чья кончина неизбежна и крайне близка, – пыталась вразумить внука бабушка.

– Нет, – не согласился Ашуров и всхлипнул. – Так будет неправильно! Ты ведь не бросила меня в безысходной ситуации. Почему же я должен?

– Потому что с данного момента у твоей старухи нет места жительства, – вклинился в разговор совершенно незнакомый мужской голос, заставив Якова соскочить с места и отодвинуть шторку. За ней притаился полноватый некто лет сорока, в шерстяной рубашке, тёмных джинсах и коричневых мокасинах.

– Какого дьявола ты тут забыл, мужик? – осведомился парень, чьё сердце испуганно сжалось. – Попутал чего?

Взволнованная бабушка повернула голову к выходу из своей комнатухи и принялась вслушиваться в разговор внука с незнакомцем.

– У меня к Вам встречный вопрос, молодой человек, – спокойно парировал пришедший и снял чёрные очки.

– В каком чёрт его дери смысле? – обалдевал Ашуров.

– Этот дом, как и примыкающая к нему земля, моя собственность. Надеюсь, Вы не станете возражать против того, что я припарковал свой фольц у крыльца. Просто там отсутствует бóльшая часть забора, – хохотнул довольный мужчина и представился. – Я, кстати, Елисей Чеботарев. Приятно познакомиться, – и некто протянул Якову руку, которую парень жать не стал. – Что ж, Ваше право.

– Выметайтесь отсюда по-хорошему, дядя, если не хотите неприятностей, – пригрозил Ашуров наглому гостю. – И не заезжайте больше на своей немецкой колыхаге во двор.

– Думаю, чтобы избежать неприятностей, выметаться придётся тебе на пару с твоей каргой, – пожал плечами мужчина и Яков уже сделал рывок вперёд, чтобы вломить ублюдку, однако тот достал из кармана штанов мятую бумажку и выставил перед лицом парня, заставив того остановиться. – Ознакомьтесь, прежде чем кидаться.

– Что это за документ? – настороженно уточнил Ашуров.

– Право на собственность. Он подтверждает, что данный участок со всеми его постройками принадлежит мне. Твой дед однажды крупно задолжал, и ему пришлось переписать

всё имущество на одного своего знакомого, в последствие продавшего эти владения мне.

– Быть того не может, – не верил Яков, растерянно пялясь в документ.

– Сожалею, но Вам придётся выселиться, – настаивал мужчина.

– Вы издеваетесь??? Вот так просто?! Без суда?! – возмущался парень.

– Конечно, – согласился Елисей. – Ведь Вы находитесь на чужой территории, имеющей вполне конкретного владельца. И я вправе вышвырнуть Вас прямо сейчас. Без всяких разговоров. Благодарите хотя бы за то, что я даю Вам три дня на сборы.

– Три дня?! Так не пойдёт! Давайте вызовем милицию, и будем разбираться как положено, – предложил Ашуров.

– Милиция не откроет для Вас ничего нового. Так что три дня – крайний срок, – не шёл на уступки Чеботарев. – В противном случае я применю силу.

– Проявите человечность! Нельзя ведь так. У меня бабушка больная, ходить не может, в постели лежит. Куда прикажите мне с ней деваться? – с читаемой безысходностью в серых глазах спрашивал Яков.

– Честно? Наплевать, – бездушно бросил Елисей. – У меня хватает проблем.

– Смилуйте, умоляю! Нам некуда идти! – упрашивал парень со слезами на глазах.

– Я всё обозначил, – оборвал мужчину. – Сниму номер в ближайшей гостинице, а через три дня явлюсь за тем, что по праву моё. И не дай Бог Вы не покинете дом.

– Но... – хотел возразить Ашуров, однако дополнить фразу ему не позволили.

– Всего доброго, юноша! – сурово завершил собеседник и, нацепив солнцезащитные очки, удалился из избы также бесшумно, как появился.

Яков какое-то время отходил от потрясения и гипнотизировал дверь, мгновением ранее захлопнутую господином Чеботаревым. Их с бабушкой ход жизни нарушился самым шокирующим образом. Ещё несколько минут назад они даже не подозревали о том, что находятся в не принадлежащем им доме и фактически являются нищими бездомными отбросами. Всё внезапно рухнуло, и Ашуров постепенно начал ощущать безысходность ситуации. Никогда до этого парень не сталкивался с подобными проблемами и потому совершенно не знал, что ему делать. Обратиться за советом было не к кому. В такие моменты ему очень не хватало родителей и, в особенности, отца, который бы нашёл выход из столь сложного положения и не дал бы их в обиду. Но сейчас Якову приходилось рассчитывать только на свои силы. Оставить случившееся без внимания и просто капитулировать парень себе позволить не мог, ведь от него зависела судьба близкого ему человека, чьи интересы Ашуров был готов отстаивать до последнего.

Бабушка лежала в постели бледная как смерть и обречённо таращилась в облезший потолок полными горя глазами, откуда обильно лились слёзы. Её беспомощность и подавленность буквально наполнили воздух тесной каморки, сделав атмосферу предельно угнетающей.

– Ба...ба, ты чего?? – трясущимися губами спросил Яков и, присев на корточки рядом с женщиной, нежно сжал её дряхлую кисть в своих руках. – Всё будет хорошо, слышишь? Я обещаю!

– Твой дед...он не мог так поступить с нами, – пролепетала она и безутешно зарыдала.

Сглотнув слюну, Ашуров опустил голову. Когда бабушка плакала, его душа замирала, словно пронзаемая тысячами острых игл. Это зрелище делало ему больно и всё больше наполняло парня яростью. Никто не смел обижать родных ему людей. Никто.

Яков выпрямился в полный рост и, сжав руки в кулаки, сказал:

– Я не дам тебя в обиду!

– Что ты задумал? – обеспокоенно поинтересовалась женщина и помрачнела.

– Исправлю ошибки деда, – ответил Ашуров.

– Даже не вздумай! – повелела бабушка. – Я попрошу соседей, они предоставят нам кров и...

– Не переживай, – постарался успокоить её парень. – Я всё улажу.

После Яков быстрым шагом удалился из помещения, оставив женщину в одиночестве. Она схватилась за сердце и прошептала:

– Не оставь нас, Господи!

6

Коля с Томасом вышли из туалета, у которого их ждали трое одноклассников: голубоглазый подкачанный парень Денис Маслов, фигуристая брюнетка в обтягивающих бирюзовых лосинах Даша Бутова и её смуглая подруга Алиса Карпова.

– Я, конечно, ни на что не намекаю, но...чем Вы там так долго занимались? – поинтересовался самый старший из группы, но при этом совсем не дотягивающий до своих двадцати семи годков как внешними признаками, так и ребяческим поведением, Денис, держащий за руку младшую его на пять лет Дашу.

– Не хочу даже представлять, – хохотнула Алиса и сексуально зачесала распущенные волосы на бок, оголив агрессивно выбритый висок.

– На кого ставите, девчата? – спросил Маслов, продолжая толкать свои примитивные шутки школьного уровня. – Лично я – на нигера.

– Очень смешно, – закатив глаза, отозвался Азикиве и засунул в левое ухо наушник.

– Скорей, мы уже опаздываем на пару, – поторапливала товарищей девушка Дениса. – Не забывайте, она у нас в дру-

гом корпусе!

– С каких пор Дашу стала интересовать учёба? – удивился Коля.

– С тех самых, как ей пригрозили отчислением, – напомнила её подруга и, надув из розовой жвачки пузырь, громко лопнула его, после чего закрутила пальцем спадший на лоб светлый локон.

– А чего это у тебя под носом белое? – с подозрением узнал Маслов у Беякова и с усмешкой предположил. – Томас кончил?

– Кхе-кхе, – подала голос Алиса и притопнула ногой в кожаном берце. – Не забывайте, что Вы в обществе дам! Прекратите пошлить!

– Боишься, что подобные разговоры тебя заведут, Карпова? – ехидно уточнил Коля, на что Алиса показала ему средний палец и ответила:

– Смотри, чтоб у тебя косичка не отвалилась.

– Это хвостик, – поправил Беяков.

– Наговорились? – оборвала беседу Бурова, и по университетскому коридору раздался противный звонок. – Тогда потопали на экономику!

– Ну эту экономику в манду, – отмахнулся Коля и закинул рюкзак на плечо. – Я лучше в столовку. Кто со мной?

К нему молча примкнула Карпова.

– Ты так, Колясик, скоро Дашу по количеству долгов догонишь, – предостерег Томас. – Только у неё есть преиму-

щество перед нашим экономистом, а у тебя нет.

– Какое же? – не понял Беляков.

– Упрямое, – шёпотом пояснил Азикиве и направился вместе с остальными в сторону нужной аудитории.

Коля с Алисой проводили их взглядами и, развернувшись в обратном направлении, побрели к любимому месту всех студентов – столовой.

7

Держа в руках штыковую лопату, Яков проследовал в полный сухой травы огород, миновал покосившийся забор, вдоль которого торчали не убранные с прошлого года жухлые подсолнухи, уныло свесившие свои потемневшие головы, и остановился у потрёпанного пугала. Там он вонзил инструмент в податливую почву, откидал влажную землю и достал из своего тайника коробку из-под обуви, после чего настороженно огляделся по сторонам, а затем открыл крышку. На дне лежал короткоствольный пистолет “Глок” и несколько полных обойм к нему. Заткнув оружие за пояс и прикрыв рубашкой, Ашуров направился к сараю. Отворив разошедшиеся двери, он залез в кабину находящегося внутри старенького трактора МТЗ-80 “Беларус” голубого цвета и, заведя его, выгнал наружу.

Тарахтящая машина свернула на улицу и, наматывая грязь на колёса, покатила по сельской дороге к выезду из деревни. Оставив позади продуктовый магазин, она преодолела скрипучий мостик, перекинутый через овраг, с разгона взяла ис-

полинскую лужу и задрезжала по ребристой колее мимо обширного вспаханного поля. Вскоре Яков вырулил трактор на трассу, взяв курс на отель, расположенный в паре километров от Малых Дукб.

Когда Ашуров добрался до двухэтажного здания с вывеской **“Гостиница ПРИДОРОЖНАЯ”**, у чьих углов, обтираясь о стены, возвышались стройные кипарисы, то свернул на прилегающую к нему парковку и притормозил. Здесь стояли всего лишь три машины. Среди них обнаружился серебристый фольксваген пассат, к которому Яков подогнал свой транспорт. Не глуша двигатель, парень вылез из кабины и заглянул в салон немецкого автомобиля, стараясь понять, принадлежит ли он Чеботареву, упоминавшему марку своего стального коня при диалоге в избе. На приборной панели лежали чёрные солнцезащитные очки. Именно в них Елисей заявился в их с бабушкой дом. Выходит, Ашуров не ошибся.

Администратор отеля, опрятная женщина немного за сорок, с подозрением посмотрела сквозь стекло двери на молодого человека с трактора и подозвала к себе седого усатого охранника в годах, увлечённо читавшего книжонку в мягком переплёте.

Тем временем Яков достал буксировочный трос, подлез с ним под передний бампер фольца, по-быстрому зацепив машину за один из рычагов передней подвески, и далее прикрепит его к фаркопу своего “Беларуса”.

Из строения появился охранник, стремительно зашагав-

ший в сторону нарушителя.

– Позволь спросить, сынок, чего ты вытворяешь? – поинтересовался мужчина в форме, на что Ашуров молча достал пистолет. – Всё, понял! Мне не надо повторять дважды, – понимающе кивнул перепуганный старик и, развернувшись, потопал в обратном направлении.

– Это транспорт одного из наших постояльцев! – встретила охранника возмущённая администратор. – Почему ты его не остановил?

– У меня обед, – пожал плечами мужчина, схватил со стойки регистрации наполненный водой стакан и нервно выхлебал его содержимое.

Трактор с рыком тронулся и заложил дугу к выезду с парковки. Трос под углом натянулся, и пассат резким рывком сорвало с места. Автомобиль, чьи заблокированные ручником колёса заскреблись об асфальт, нехотя пополз следом за своим тягачом, пищащими звуками сигнализации призывая на помощь. По пути жертва мщения жёстко врубилась в стык бордюров, вмяв нижнюю часть правого бампера и немного зацепив крыло, и проскреблась по ним порогами и дверями.

Когда Яков почти вытащил побитый фольксваген на трассу, проложенную посреди полей с редкими деревьями, дверь гостиницы “ПРИДОРОЖНАЯ” со свистом отворилась, и оттуда в одних только трусах да тапочках пулей вылетел офонаревший Чеботарев с глазищами, как у лемура. Он, растрясая дряблое пузо, со всех ног бросился за своим четырёхко-

лѐсным другом, бесцеремонно уволокиваемым от отеля голубым МТЗшником.

– Стой, угонщик хренов! Иначе я сообщу в милицию! – на бегу вопил раскрасневшийся постоялец отеля, сигая га-лопом по краю дорожного полотна.

Ашуров со злобной ухмылкой косился на боковое зеркало трактора, где отражался практически голый запыхавшийся Елисей и мелькали одиночные берѐзы с набухающими почками. Выглядел Чеботарев жалко и это доставляло Якову несказанное удовольствие. Парень кайфовал, наслаждаясь ничтожностью своего врага.

Бампер фольксвагена, задеваемый тросом, не выдержал и с оглушительным хрустом оторвался, сделавшись похожим на отвисшую челюсть Елисея, который судорожно махал проезжающим мимо машинам, однако каждый раз становился предметом насмешек. Одна машина даже замедлила ход, чтобы её пассажиры успели снять чудика на камеру.

“Беларус” сволок пассат на обочину, дав Чеботареву возможность его догнать. Ашуров спрыгнул на пыльную траву и упѐр руки в бока, омрачив лицо свирепым оскалом. При виде парня Елисей не удивился.

– Ты совсем отбитый?! – уточнил у Якова бешеный мужчина. – Ты знаешь, сколько стоит эта машина? Я её в кредит брал! Ты же до конца жизни не покроешь нанесѐнный мне ущерб!

– Честно? Наплевать, – повторил прозвучавшую с утра

фразу своего оппонента Ашуров и улыбнулся.

– Не борзей, колхозник. Я тебе сейчас еврейскую рожу-то подкрашу, – забыковал Чеботарев, надвигаясь на парня.

Тут Яков эффектно выхватил карманный пистолет и ткнул им Елисея в волосатую грудь между бугристых титек. Мужчина опешил.

– Теперь не такой смелый? – хмыкнул Яков.

– Слушай, нам обоим следует успокоиться, – подняв руки вверх, посоветовал Чеботарев. – Ты же понимаешь, что не прав в данной ситуации.

– Ничё не попутал?? В тебя вроде пушка дулом дышит, – напомнил Ашуров.

– Тебе сколько раз повторить? – не понимал Елисей. – Я купил Ваш участок. Всё! Он мой! И не моя вина в том, что твой дед оставил бабулю с фигом. Так что не глупи. Дай мне шанс и тогда, возможно, нам удастся договориться.

– Хах. Как же красиво ты запел. Прямо свиристель, – оценил Яков. – Только с утра ты не был так любезен, чтобы предоставить шанс нам с бабушкой. Поэтому...

БАХ!

Звук выстрела сменился душераздирающим криком Чеботарева. Его короткий толстый член, похожий на сардельку, шлёпнулся на пыльную траву, и мужчина схватился за промежность, которая обильно забрызгала кровью. Елисей, корчась от боли, рухнул на землю и, плюясь слюной, прокряхтел:

– Моя писькааа!!!

– Как будто ты испытывал в ней сильную необходимость, – шутканул Ашуров и, отвязав буксировочный трос от фольксвагена, обмотал его вокруг ноги извивающегося на обочине Чеботарева.

– Прекрати это зверство! – хлюпая, умолял стремительно теряющий кровь Елисей. – Пристрели меня!

– Слишком просто, – развёл руками Яков и вернулся в кабину “Беларуса”.

Через несколько минут дёргающееся в конвульсиях тело Чеботарева с откинутыми назад руками волоклось по трассе, оставляя на ней кровавую полосу.

8

Блондинчик снял “бензиновые” очки и заглянул в расположенную на втором этаже у лестницы комнату с худой крышей. У обитых грязными коврами стен на драных воюющих матрасах сидела компания, которую все просвещённые называли “обитателями дома на окраине”. Она состояла преимущественно из наркоманов и беспризорников, добровольно покинувших детские дома. Численность их постоянно менялась: кто-то приходил, кто-то уходил, кто-то бесследно исчезал или подыхал, однако костяк в основном оставался неизменным.

Находящиеся в комнате люди встретили появившегося у них парня не с самыми радостными лицами.

– Да прольётся свет в царство уныния, – поприветствовал вошедший своих знакомых.

– Ты скорее тучи сгущаешь, Вова, – хмыкнул его ровесник, сидящий по правую руку от черноволосой девушки в спортивках, царапающей что-то обгрызенным карандашом на клочке бумаги.

– Вы все такие пессимисты, Лютый? – поразился парень. – Роко начала, ты продолжил. С Вами вообще можно нормально общаться?

– Смотря что ты считаешь нормальным общением. По мне лучшее общение то, которое не состоялось в принципе, – поделился собеседник и почесал свои полные вшей пакли.

– Ладно ты, с тобой давно всё ясно, – отмахнулся Вова. – Не зря ж тебя Лютым кличут. А она вот, например, чего вечно молчит, нахмутив брови, а?

Девушка подняла на него красивые глаза камышового цвета и буквально кольнула взглядом.

– Вкратце: мне на тебя до лампочки, – призналось создание прекрасного пола и продолжило заниматься своим делом.

– Хорошо. Хрен с Вами. Дайте дозу, и я уже свалю в универ, – решил парень. – Всё равно от Вас любезностей не дождёшься.

– Догадываешься, почему? – спросил Лютый и снял тряпичный ботинок, дабы почесать созревшую в вонючем носке пятку.

– То, что мой отец сотрудник милиции, не делает меня убудком, – заявил Вова и выставил вперёд указательный

палец.

– Серьёзно? А не ты ли грозился сдать нас всех скопом в ментовку, если мы не дадим тебе парочку доз задарма? – напомнил собеседник, шмыгнув носом.

– Между прочим, сперва я просил по-хорошему, но Вы зажали мне то, чего у Вас всегда навалом, – объяснил парень.

– Ты привык, чтобы все твои прихоти выполнялись по взмаху руки, а если случаются осечки, ты сразу бежишь подтирать сопли к папеньке в погонах. Я, знаешь ли, на дух не переношу стукачей, и лучше бы тебе оставить свои понты и острословие за порогом этого дома. Мы тебе не кучка мусора...

– Плюющийся желчью псих, присвистнутая на всю голову ведьма и два мелких шкета. Нет, Вы не мусор, Вы – циркачи, – усмехнулся Вова.

Тут Лютый, не выдержав, соскочил с места и приставил к горлу Вовы нож, однако тот не дёрнулся с места.

– Ещё слово и я тебя порежу, – пообещал рассвирепевший наркоман, сквозь скрипнувшие зубы которого забрызгала пенообразная слюна.

– И мы не мелкие! – на заднем фоне возразил двенадцатилетний пацанёнок, и его друг азиатской внешности с серьёзным видом закивал головой.

– Оу, да всё по серьёзке, – заулыбался Вова.

– Лютый, угомонись и дай ему дозу. Нервы сбережёшь, – посоветовал наркоману его доброжелательный на вид млад-

ший брат, теребя висящий на шее крестик.

– Ты вовремя, Архангел, – выразил благодарность парень с холодным лезвием у кадыка.

– Радуйся. Мой братец печётся обо мне, словно церковный священник. Не желает, чтобы я грешил. На путь истинный наставляет, – покачал головой Лютый и, заткнув нож за пояс, вернулся на матрас, расположившись рядом с мальými.

– Кто б его наставил, – подала голос девушка, не прекращающая калякать карандашом весьма любопытные рисунки.

– В отличие от тебя, Юленька, я знаю, в каком направлении мне двигаться, – ответил Архангел, выглядящий самым опрятным в этой разномастной компании.

– Сколько раз повторять, обращай ко мне по фамилии. Ненавижу своё имя, – призналась флегматичная девушка.

– Лысицина как-то режет слух, – поморщился Архангел, почёсывая недавно выбритый от подросткового пушка и ужасно зудящий подбородок.

– Ничё, потерпишь, – бросила Юля.

– Дозу дайте, – напомнил Вова и получил от Лютого заветный пакетик, наполненный “порошком счастья”.

– Теперь вали, – повелел наркоман. – А то у братца не выйдет сохранить меня чистеньким.

– С Вами приятно иметь дело, обитатели руинного общежития, – хохотнул парень и, нацепив модные очки, удалился из помещения, после чего намылился в Гродский университет.

Трактор с тросом, на котором болтался изувеченный труп мужчины, проехал поворот на Малые Дуки, вошёл в зону елово-соснового леса и свернул налево под тыльную сторону указателя, обозначающего местонахождение детского лагеря.

Яков знал, что “Тайник Лешего” был отстроен на месте кладбища, где имелось достаточное количество забытых захоронений. На бумаге все могилы перенесли на ближайший погост, а на деле никто не заморачивался. Землю в спешке огородили забором и в кратчайшие сроки воздвигли на ней лагерь, в настоящее время привлекающий разве что мародёров.

Именно в “Тайнике Лешего”, среди останков старых безымянных могил, Ашуров решил закопать умертвлённого без права выбора Елисея. Здесь Чеботарева вряд ли возьмутся искать. Во всяком случае, парень на это надеялся.

Оставив “Беларуса” у ворот, чтобы не следить огромными грязными колёсами по владениям лагеря, Яков прихватил лопату и потащил отвязанное от трактора тело противника через всю территорию.

– Какой же ты тяжёлый, твою мать, – причитал взмокший Ашуров и продолжал тянуть трос с молчаливым Елисеем на конце мимо пустующих серых строений.

Допереть такую бандуру до дальнего конца “Тайника Лешего” оказалось той ещё задачкой. Отъевшийся жирдяй да-

же с отстреленным членом весил больше, чем ожидал парень. Однако как бы тяжело не пришлось, Яков-таки приволок господина Чеботарева на его похороны у подножия склона, на коем располагалась площадка с двухэтажным зданием из красного кирпича без стёкол и дверей, и, отдышавшись, принялся копать яму.

“Наш отряд – искатели! Наш девиз не унывать, всё пройти и всё узнать!” – пронеслись в голове Ашурова радостные детские возгласы, а вместе с ними и воспоминания того короткого отрезка его жизни, что прошёл в “Тайнике Лешего” восемь лет назад. Пятый корпус он отлично знал, и, несмотря на страшные события, произошедшие с его одноотрядцами, связывал с ним самые тёплые чувства. Тогда с парнем, носящим зелёный ирокез, были его лучшие школьные друзья, Забит и Тимофей. Их компанию боялись все, за исключением разве что пацанёнка, сцепившегося с Тимом за обиженного тройцей очкастого толстяка.

Яков печально вздохнул. Он скучал по тем временам, когда вместе с товарищами строил всевозможные козни окружающим их людям, задирался на каждого второго ботана и просто-напросто ловил от жизни кайф. Сейчас с друзьями детства Ашуров виделся крайне редко. После смерти родителей его судьба прочно приковалась к Малым Дукáм, в то время как Забит и Тимофей, оставшиеся в Гродске, благополучно окончили девять классов, поступили в колледж, продержались там пару курсов, попали под отчисление, отслу-

жили в армии и восстановились в учебное заведение.

Ностальгия отступила.

По истечении нескольких десятков минут раскопок Яков спихнул в свежую могилу окровавленное сало без гениталий и закидал землёй, замаскировав свою работу травой.

– Авось, никто не прольёт по тебе горьких слёз, – прокомментировал Ашуров, протёр ладонью поблёскивающий каплями пота лоб и зашагал к главным воротам “Тайника Лешего”.

Каменистая дорожка вывела парня к первому корпусу, откуда на него осыпалась кирпичная крошка. Он рефлекторно вскинул голову. На крыше что-то промелькнуло. Будто кто-то, тайком подсматривающий за ним, поторопился скрыться из виду. Яков напрягся и приготовил лопату к бою. Развития событий не последовало. Видимо, показалось. Слишком сильные эмоции нахлынули, вот и привиделось.

Ашуров выдохнул и потелепал дальше, поражаясь тому, насколько мощное воздействие на психику оказывало место, где каждый клочок ассоциировался с каким-либо памятным моментом.

СКРУМ! – послышался скрежет жести купола танцевальной площадки.

Яков, дёрнувшись, бросил боязливый взгляд на источник звука. Никого.

– Блин! Надо поскорей убираться отсюда, – решил побледневший парень. – Иначе совсем с катушек съеду.

Он быстрым шагом добрался до столовой и замер, услышав доносящееся оттуда брэнчание посуды. Ашуров побледнел. Всё-таки в лагере кто-то хозяйничал. Злой дух, не иначе.

Яков осторожно приблизился ко входу, стараясь понять, в чём обществе находится.

Звук позади себя парень различил не сразу. Тихое басистое урчание, выражающее раздражение, ненавязчиво влилось в уши молодого человека на фоне общего шума из помещения. Сглотнув слюну, Ашуров сообразил, что кто-то находится прямо у него за спиной и развернулся.

ДОНГ! – молниеносно впечатался в грудь парня закрутившийся волчком канализационный люк, брошенный с невероятной силой.

Якова, выпустившего из рук лопату, отшвырнуло, словно пушинку, и он, протаранив единственное целое окно, рассыпавшееся мелкими стёклышками, влетел в холл столовой, жёстко шлёпнувшись на кафельную плитку. Последовало сдавленное кряхтение, и лежащий калачиком Ашуров попробовал шевельнуться, однако тут же скривился от боли, охватившей район груди. Вдох также вызвал острый наплыв адских ощущений.

Тем временем мразь, метнувшая колодезный люк, издала боевой клич посредством короткого рыка и пролезла в холл, едва не расширив дверной проём своим массивным телом. Стена содрогнулась и пустила несколько трещин. С неё по-

сыпалась штукатурка.

Силой воли парень заставил себя успокоиться, размеренно втянул ноздрями воздух и на выдохе попытался поднять туловище в вертикальное положение. Частично ему это сделать удалось. Вот только он незамедлительно получил увесистый пинок всё в ту же ноющую грудь, а вместе с ним и импульс, коего хватило, чтобы прокувыркаться до хлипкой разделительной стенки и вынести её, угодив непосредственно в зону употребления пищи, где на поломанной ширме сидел несколько офигевший медведь.

Заваленный обломками перегородки и присыпанный пылью Яков распластался на животе прямо у лап животного, громко захаркал кровью и беспомощно заскрёб ногтями по полу. Да, со сломанными рёбрами выбраться из данной передряги было крайне проблематично, особенно если учесть тот факт, что кость зацепила лёгкое и вызвала кровотечение. Но Ашуров никак не мог позволить себе сдаться. Его ждала бабушка, и он твёрдо решил, что вернётся к ней, как бы туго не пришлось. Этот стимул придавал сил, и парень мысленно подбадривал себя: “Только не помирай! Всегда успеется...”.

На глаза накатили слёзы. Яков боялся. Боялся, что больше не подержит свою дряхлую старушку за руку, не скажет ей, насколько сильно её любит и не поцелует в бледный морщинистый лобик.

Нет, здесь пропасть нельзя. Категорически. А жалеть себя попросту некогда. Нужно собрать волю в кулак, выжать из

себя всё без остатка и сделать судьбоносный рывок.

Бурый встал на четыре лапы, наклонил морду к телу Ашурова и взялся внимательно его обнюхивать. Парень замер. Любое движение могло стать для него последним.

По помещению эхом разнёсся горловой рык. Медведь сразу бросил изучение человека и устремил взгляд на брешь, образовавшуюся после непродолжительного полёта Якова с последующим выносом им перегородки.

Из холла появилось враждебно настроенное существо, передвигающееся на двух лапах, с белым колючим крысёнышем на плече. Эта огромная мускулистая зверюга со склизкой кожей оливкового цвета внушала страх и в то же время восхищение. Покрытый крупными лимонными пятнами череп имел твёрдый лоб с заметной выпуклостью. Маленькие уши, прижатые к голове, были завёрнуты ракушкой. Непосредственно за ними находились тонкие жаберные выросты. В полной красных вкраплений желтизне кровожадных глаз, близко посаженных к приплюснутому вывернутому наизнанку носу с широкими ноздрями и острым кончиком, сверкали щелевидные чёрные зрачки. Из щёк с каждой стороны торчали по три конусовидных шипика, втягивающихся при открывании полной смертоносных зубов пасти. Спинной горб, где в два ряда в шахматном порядке располагались семь обособленных окаменелых пластин, пронизанных толстыми прожилками, перетекал в извивающийся щупальцей тонкий хвост с жалом на конце. Грудную клет-

ку и живот покрывал панцирь, служащий монстру надёжным бронежилетом. Верхние четырёхпалые лапы могли похвататься наличием зазубренных когтей, а усыпанные морщинистыми складками двупалые нижние – смотрящими вверх внушительными роговыми “серпами”. Из пяток выступали плоские треугольные окостенения, над коими на голени росли редкие грубые ворсинки.

Взгляды хищников встретились. Напряжение стремилось к своей кульминации. Назревало выяснение отношений за титул Хозяина леса, и Ашуров понимал, что ему, возможно, представится шанс дать дёру. Следовало только выждать момент, когда эти двое будут настолько заняты друг другом, что у них не останется времени на жалкого человечешку. Главное не прогадать.

Медведь, небрежно отодвинув лежащего Якова со своего пути, злобно заревел, на что чудовище оголило свои красные дёсны и, растянув опущенные уголки пасти в мерзком оскале, бросилось на врага. Косолапый ломанулся навстречу.

Парень не пренебрёг возможностью. Он проскрипел зубами и посредством невероятных усилий поднялся на ноги, после чего, цедя воздух короткими вдохами, поковылял по стеночке в сторону торцевого окна столовой.

Позади молодого человека развернулась настоящая баталия. Тварь в движении выставила вперёд верхнюю лапу и по ней словно заведённая проскакала шустрая мышь, резво сиганувшая с кисти своего хозяина прямо на морду медве-

дя и яро вцепившаяся в неё. Мохнатый, прекратив сближение с шипованным ублюдком, поднялся во весь рост, попятился назад и, судорожно мотая огромной головой, беспорядочно замахал передними лапами в попытке сбросить с себя противную мелочь. В это время монстр подскочил на опорные конечности изящным движением хвоста, с грохотом уложив бурого на лопатки. Здание трянуло от падения великана.

Добравшийся до пустой глазницы окна Ашуров обернулся, оценивая ситуацию. Титаны бились насмерть, хотя медведь пока проигрывал своему визави по всем критериям и выглядел аутсайдером перед явным фаворитом в лице незнакомой человечеству штуковины. Правда, для Якова имело значение только одно: он успевал слинять из эпицентра конфликта агрессивных зверушек. Поэтому парень оставил их наедине, перебравшись через оконный проём на улицу. Сие действие доставило ему много болевых ощущений, зато он остался жив. Какое-никакое достижение.

Дождавшись, чтобы боль несколько поутихла, Ашуров взял курс на главные ворота лагеря, где его ждал трактор.

Внутри здания продолжалось сражение. Пойманный врасплох косолапый быстро реабилитировался за проваленное начало схватки. Он смахнул с себя проворную колючку, запульнув её в стену, куда та жёстко впечаталась, оставив вмятину с трещинами, и сильно лягнул напрыгнувшую на него гадину в панцирь. Бронированное существо отскочило и завалилось на бок, разломив стол, однако, озлобленно проур-

чав, вернулось в стоячее положение. Медведь последовал примеру оппонента и две махины, замахнувшись лапами во всю ширь, одновременно отвесили друг другу по крепкому удару, рубанув по диагонали. Когти каждого оставили на теле соперника следы. Топтыгину повезло меньше. Неизвестный зверь, оказавшийся на порядок выше, пробороzdил ему шею, наградив глубокими продолговатыми ранами, а сам отделался лишь сколами на крепком панцире, отведшем угрозу.

Мохнатый приземлился на подушечки лап, рьяно хрюкнул носом и, окончательно расвирепев, снова ринулся в бой, снося разбросанные по помещению стулья. Он, как борец, нырнул к нижним лапам врага, обхватил их и вгрызся в плоть клыками. Монстр, болезненно заурчав, принялся дубасить косолапого по спине, сдирая кожу вместе с блестящей шерстью. Потрёпанный медведь разомкнул окровавленные челюсти и сдал назад, наблюдая, как у твари моментально затягиваются рваные раны.

Бурый, не дожидаясь полной регенерации неведомого создания, встал на дыбы и, качнувшись, всей массой навалился на противника, который рухнул на свои спинные пластины, воткнувшись в пол. Не успело ископаемое отойти от такого напора топтыгина, как тот оперативно придавил его сверху с целью оттяпать оппоненту кусок морды, однако монстр успел сдержать разъявленную пасть животного буквально в паре сантиметров от своего влажного приплюснутого носа,

затормозив его челюсти сильными лапами. После он постарался разорвать их, что осуществить оказалось очень непросто. Косолапый активно сопротивлялся ему, работая на смыкание жевалок. Вдобавок на криповую харю мрази брызгала медвежья слюна, отчего родственник динозавров моргал глазами, морщился и фыркал, вследствие чего не мог полноценно сконцентрироваться на своей задаче.

Тварь стала не справляться с натиском любителя мёда, чья пасть с мощными клыками грозилась вот-вот схлопнуться и нанести существу приличные травмы. Лесной сладкоежка почти добился своего, но подручный чудища подоспел в самый неподходящий для него момент. Мышь вздыбилась и выстрелила пучком колючих игл в голову отделяющего хозяина топтыгина, поразив тем самым оба глаза взревевшего медведя.

Гадина тут же двинула косолапому локтем в брюхо, затем, схватив животное за уши, свирепо пробила ему прочным вздутым бугром на лбу в череп, издавший неприятный хруст, и низвергла с себя увесистую тушу бурого. Далее ископаемое резко вырвало пластины из пола, оставив в нём несколько узких углублений, с измотанным видом сменило горизонтальное положение на вертикальное, разъярённо фыркнуло и начало обрушивать свой гнев на мучающегося медведя, потерявшего способность зрительного восприятия мира. В ход пошло всё: зубы, когти и жало на хвосте, превращающие тело несчастного топтыгина в жёсткое месиво.

Вскоре кровожадное создание отсекло бурому пасть прямо у проткнутых иглами глаз и лишившийся части морды косолапый закончил дёргаться, расширяя красные лужи под собой.

Победивший хищник, с подбородка коего капала свежая кровь, триумфально забил по собственной груди когтистой лапой и довольно зарычал, дублируемый менее внушительным шипением белого выродка с облезлым розовым хвостом. Потом монстр дождался, пока верный помощник взгромоздится ему на плечо, и покинул поле брани, в очередной раз доказав, что он – истинный Хозяин леса.

10

Подкрепившись в столовой, Коля с Алисой прошли в университетский сквер, где росли ухоженные ели и кипарисы. У обосранного голубями памятника “металлургу”, в самом центре парка, проходило мероприятие «**Кальянный ВООМ**». Ди-джей крутил зажигательную музыку, разносящуюся по всем близлежащим закоулочкам при помощи огромных колонок, которые стояли на гранитном постаменте, а над ним сгущался выдыхаемый кальянщиками дым. Студенты, явившиеся на праздник, активно развлекались. Неподдалёку от их скопления имелись точки продаж прохладительных напитков и мороженого.

– Не желаешь пломбирчика? – предложил Беляков подруге.

– Разве что шоколадного, – сказала Карпова. – Угощаешь?

– Извини. Я бы угостил, но за шоколадным обращайся к Томасу, – хохотнул Коля и пихнул одногруппницу в плечо.

– Грёбанный ты извращенец, – покачала головой Алиса. – Ты себе так девушку никогда не найдёшь.

– Чего мне искать? Ты меня вполне устраиваешь, – заявил Беляков и, оказавшись у холодильника с мороженым, купил два стаканчика: сливочный и шоколадный. Девушка приняла от него последний, и они, зашуршав, освободили лакомства от упаковки.

– Плombиrom меня подкупаешь? – вскинула бровь Карпова и растянула губы в улыбке.

– Вроде того. Разжигаю огонь из неоднократно пробежавшей между нами искорки, – уточнил Коля и откусил мороженого.

– Разве между нами чего-то пробежало? – удивилась Алиса, причмокивая сладкой субстанцией.

– Ещё бы! Ты бросила остальных ради того, чтобы уединиться со мной в столовке, – напомнил Беляков с белыми усиками над верхней губой, вальяжно бредя по брусчатой дорожке.

– Я просто захотела кушать! – вразумила его девушка.

– Ага, чеши мне тут! – небрежно махнул рукой Коля. – Да мы, считай, свадьбу сыграли!

– Оо, мне, уж прости, такого счастья не надо, – помотала головой Карпова.

– Тебя смущает мой имидж? – спросил Беляков.

– Красноволосые парни с косичками... – начала Алиса, коей пришлось прерваться, когда её исправил Коля:

– Хвостиками!

– Да, хвостиками, уже далеко не самое странное явление в наше время. Меня смущает твоё поведение, – объяснила девушка.

– Я рубаха-парень! Чего ещё надо современным цаплям? Весельчак без комплексов – мечта любой красотки, – считал Беляков.

– Меня отталкивает твоя несерьёзность, – пояснила Карпова. – С тобой невозможно общаться о чём-то важном. Ведь ты всё превращаешь в сплошной балаган. Как и Томас с Деном в принципе.

– Балаган, как ты выразилась, моя защитная реакция на неблагоприятную среду этого жестокого мира, – попытался лаконично изложить суть парень.

– То есть, маска? – предположила Алиса.

– Нет, – не согласился Коля. – Здесь нечто другое. Понимаешь, маску надевают лишь в определённый момент. Я же всегда балагур. Вернее, стал им под влиянием различных факторов. Постепенно преобразовался из одного человека в другого.

– Поясни, – попросила девушка, и они сели на расположенную в тени хвойных деревьев скамейку, положив рядом сумки.

– В школьные годы я принадлежал к группе имбицилов,

что зовут себя готами, – начал рассказывать Беляков. – Мазюкался в чёрный, нацеплял на себя вызывающую одежду с дешёвыми побрякушками и слушал туфтовый музон. Считал себя крутым и одновременно несчастным. По крайней мере, такая установка была у меня в голове.

– Ничего себе! – поразилась Карпова.

– Ага. Только вот отцу крайне не нравилось, что я фанатею со всей этой культуры. Чего уж греха таить, он стыдился за меня, – со скорбным видом сказал Коля и опустил глаза. – Когда его спрашивали, чем я увлекаюсь, он старался поскорей перевести тему, чтобы потом не искать лишних оправданий.

– Ну, кем быть – выбор сугубо каждого, – пожала плечами Алиса.

– Конечно, – кивнул Беляков. – Только я вдался в это слишком сильно и переступил границу безумия, всё больше утопая в отчаянии и депрессиях. Отец же, видя, как его сын слетает с катушек, старался вразумить меня, помочь. Тогда я не понимал, как он всей душой беспокоится обо мне. Вечно грубил ему. И вот однажды, после очередной нашей с ним ссоры, ему сделалось плохо. Сердце прихватило. Скорая не успела приехать вовремя, и папа умер у меня на руках. Не трудно догадаться, кого я винил в его преждевременной кончине. Тяжёлый груз вины рухнул на меня как обломки многотонной ракеты и дал окончательный импульс к мысли о самоубийстве. Я укрылся в ванной, взял бритвенное лезвие

и... – парень закатил рукав рубашки до локтя и показал бледные шрамы в виде зарубков на предплечье.

– Какой кошмар! – воскликнула Карпова, чуть не выронив из руки оставшийся кусочек мороженого. – Неужто можно так просто взять и порезать себя?

– Сам поражаюсь, как у меня тогда хватило духу. Но суть не в том. Я потерял прилично крови, долго пролежал в отключке. Врачи упорно боролись за мою жизнь. И пока я пребывал в подобном состоянии, ко мне явился отец, – тут на глазах Коли выступили слёзы, его губы затряслись. – Он ничего не сказал мне. Лишь с горечью окинул меня взглядом своих печальных глаз и, развернувшись спиной, молча ушёл куда-то в бесконечность. Тогда я осознал всю критичность своей непомерной глупости. Не таким меня желал видеть папа. Он стремился слепить из меня достойного человека, заботился о моём будущем. И вот так я ему отплатил. Дальше изводиться не находилось никаких сил. Я отдавал себе отчёт в том, что если не изменюсь, то окончательно похороню себя и светлую память об отце. Как видишь, я научился улыбаться. Мне пришлось вытоптать себя прежнего, чтобы стать хоть чуточку похожим на сына, которого заслуживал мой папа. Хотя, вероятно, я действительно метаюсь из крайности в крайность...

– Сочувствую твоему горю, – скорбно прошептала Алиса. – Никогда бы не подумала, какая трагичная у тебя судьба...

– Прощу, не жалея меня. И уж тем более не ищи серьёзности. Иначе ты рискуешь получить её в слишком больших количествах, – предостерег Беляков.

– Прости меня за обидные слова. Мне правда неловко, – виновато пролепетала девушка.

– Обижаться на набор звуков глупо, – заметил Коля и оптимистично добавил. – Жизнь бурлит и это здорово!

– Ты правда думаешь, что не растеряешь свой позитивный настрой? – усомнилась Карпова. – Каждый день мы сталкиваемся с огромным количеством всевозможных проблем, как можно выдавливать из себя фальшивые улыбки?

– Поверь, мои улыбки самые настоящие, – опроверг Беляков и непринуждённо дополнил. – Я же пофигист.

– Я тоже была. Добром не кончилось, – вспомнила Алиса. – Натянутые отношения с родителями, вызванные моим разгильдяйством, привели к тому, что они просто выгнали меня из дома и оборвали любые связи. Я нашла приют у тётки, сестры мамы. Она заменила мне фактически всю семью. Ей я не боюсь открыться, так как уверена, что тётка единственный человек, который всегда меня поймёт и поддержит. Чтобы сильно её не обременять, я подыскала себе работу. Сейчас приспособились жить вместе. Грех жаловаться. Хотя...не о том я, конечно, мечтала. Могла ведь уехать в другой город, поступить на желанную специальность и заниматься любимым делом. Сама себе зарубила все перспективы на корню.

– И на кого ты, если не секрет, хотела выучиться? – поин-

тересовался Коля.

– На ветеринара, – ответила девушка.

– Аа, яйки животным подрезать, – догадался Беляков.

– Типа того, – согласилась Карпова.

– Значит, я не один, в ком разочаровались близкие люди.

– Да, мы с тобой похожи. Только реакция на произошедшее у нас разная.

– Плюс к минусу вроде притягиваются.

– Не в случае людей. Ну, или, по крайней мере, не в моём.

Я считаю, что идеальная пара та, где возлюбленные мыслят в одном русле.

– Разве плохо, если оптимист будет разбавлять угнетённость пессимиста?

– Нет, наверное. Не знаю, – засомневалась Алиса.

– Давай проведём исследовательскую работу и попробуем выяснить это? – подмигнув ей, рискнул Коля.

– Не слишком ли ты всё усложнил для подката к девушке?

– Только за старания следует дать мне шанс.

– Зачем пытаться что-то строить из того, что заведомо обречено на провал?

– Как знаешь, – пожал плечами Беляков. – Зря я походу укладку сегодня делал. Зато благодаря лаку со сверхсильной фиксацией мне любая буря ни по чём.

Коля повернулся и, отрешённо поглядев в сторону, глубоко вздохнул. На газоне, где прорезалась сочно-салатовая травка, у пушистой ели, расположилась группа студентов с

прибором на треноге. Они активно обменивались мнениями и записывали данные в блокнот.

– Геодезисты всё никак не угомонятся, – с грустной улыбкой прокомментировал Беляков. – Снова доказывают, что Земля шарообразная. Теперь понятно, почему я неудачник. Каждый раз двигаюсь к чему-то новому, но на деле возвращаюсь в исходную точку.

11

После случившегося с одним из постояльцев гостиницы инцидента администратор данного заведения сразу вызвала милицию, явившуюся через час после обращения. На парковку здания с трассы съехала “Нива”, оборудованная мигалками, и из неё вылезли двое в форме: сжимающий пухлой рукой стаканчик горячего кофе лысый толстяк, чей спрятавшийся под пузом ремень с кобурой еле как стягивал трещащие по швам брюки, и молодая остриженная под бокс шатенка с белоснежной кожей и румяными щёчками. Они зашли в вестибюль отеля, где к ним из-за стойки регистрации выбежала трясущаяся от стресса женщина.

– Полковник Колесников! – нехотя представился похожий на колобка офицер и, вздохнув, спросил. – Вызывала, милочка?

– Наконец-то Вы приехали! – пролепетала администраторша и отчиталась. – Я выпила уже три таблетки успокоительного, а эффекта ноль!

Милиционер отхлебнул кофейка и как-то безразлично

бросил:

– Чего ж ты их столько жрёшь?

– Простите? – не поняла сотрудница гостиницы.

– Таблеток куда глотаешь так много, глупая? Здоровье что ли лишнее? – почесав заплывшую жиром задницу, усмехнулся Колесников, чем вызвал слёзы впечатлительной особы.

– Вам не стыдно? – поинтересовался седой старик, сидящий на плетёном кресле под искусственной пальмой. – Заставили ждать хрен знает сколько, ещё и до слёз человека довели. Не задумывались, каковó было бы Вам на её месте?

– Слушай, на нас дела как конфетти на красную дорожку сыплются. Мы тут вдвоём на всю округу разрываемся, а реактивными ранцами, между прочим, не располагаем, – напомнил полковник.

– Вы главное сетуйте больше, – выразил недовольство уса-тый мужчина. – Толку от такой помощи.

– Что произошло-то? – осведомился милиционер.

– Парень на тракторе машину одного нашего гостя зацепил на трос и утянул с парковки, – объяснил старик.

– Выходит, хреновый ты дядя охранник, – заключил толстяк и причмокнул. – А на нас бочку катишь.

– Мне этот юнец пушкой угрожал! – заявил седой мужчина и его глаз нервно задёргался.

– Ладно, проехали. Где собственник авто? – уточнил Колесников.

– Он до сих пор не вернулся, – ответила администратор-

ша, промокнувшая мокрые глаза платком.

– Откуда?

– Из свадебного путешествия, – с каменным лицом пошутил охранник.

– У его машины сработала сигнализация, он бросился догонять свой транспорт и куда-то пропал, – поспешила внести ясность заплаканная женщина.

– Грохнули его, – спокойно заключил полковник и с наслаждением сделал два неторопливых глотка из бумажного стаканчика.

Старик вскочил с места и захлопал в ладоши, с сарказмом восклицая:

– Bravo! Ловко Вы, однако, дело раскрыли, нечего сказать!

– Хочешь поделиться своими предположениями? – спросил офицер.

– Вы совсем что ли идиоты?! – просипел охранник. – Какими в срэку предположениями? Мы не у гадалки, чтоб языком без толку чесать! Надо срочно организовать поиски человека, пока есть хоть какие-то шансы на успех!

– Давай будем реалистами, – скуксив лицо, будто от головной боли, попросил Колесников.

– Ай, не хочу дальше с таким беседовать, – отмахнулся старик и обратился к девушке с погонами рядового. – А ты чего, красна девица, молчишь? За умную вряд ли сойти получится!

– Она в большей степени моя секретарша, нежели милиционер, – ответил вместо своей подчинённой полковник.

– Ясно. За красивое личико, значит, на службу попала. Ну и трахайтесь дальше, – разрешил охранник, и хрупкая милая шатенка быстро преобразилась в яростную амазонку. Она выхватила из-за пояса электрошокер в виде пистолета и, сделав резкий выпад, дала усатому мужчине короткий разряд в грудь.

ЗЗЗРАКТ!!!

Старик судорожно дёрнулся и, схватившись за место соприкосновения электродов с телом, ойкнул от неприятных ощущений.

– Лучше держите язык за зубами, уважаемый! – посоветовала девушка и сурово сморщила нос, смилив обидчика строгим взглядом прекрасных глаз аметистового цвета. – Если я выполняю некоторые поручения шефа, это ещё не делает меня развратной бабенью.

– Полегче, Лавринайтис! – сказал ей старший по званию. – Не хватало нам ещё, чтобы он здесь копыта отбросил.

– Я просто научила его хорошим манерам, Савелий Куприянович, – пожала плечами симпатичная сотрудница милиции.

– Хочешь взять на себя переговоры? – предложил коллеге Колесников.

– Вы тут главный, сэр, – развела руками Лавринайтис. – Я...

– Ты же мечтала сделать себе карьеру, Олеся, – перебил её полковник. – Вот твой шанс удивить меня.

– Вы серьёзно доверите мне дело? – не поверила девушка.

– Конечно же, нет! – возразил офицер. – Только общение с вредными индивидами. На остальное у тебя не хватит опыта.

– Так точно, – расстроено опустив глаза, согласилась Лавринойтис.

– Топал бы ты отсюда, умник! – пробубнил старик. – Лучше передай вожжи девчонке!

– Чё, заужавал её после шоковой терапии, да? – ухмыльнулся Савелий, опустошил стаканчик и, по-свински бросив его на пол, закурил.

– Уж побольше тебя! – кивнул охранник.

– Никогда не сомневался, что моя подопечная личность коммуникабельная, – сказал полковник и, потрепав Олеся по коротким волосам, полюбопытствовал. – Можем мы осмотреть номер потерпевшего?

– Следуйте за мной, – позвала администраторша милиционеров, и они вместе поднялись на второй этаж, где, оказавшись у двери с номером “13”, вошли в комнату.

Скромная кровать, тумбочка с аккуратно сложенными на поверхности чистыми белыми полотенцами и небольшой шкафчик, рядом с которым располагался проход в ванную – всё, что здесь имелось. Вещей у съёмщика номера тоже оказалось немного. Точнее, лишь один несчастный пакет, валяющаяся на полу одежда и файл с какими-то бумагами, в

спешке брошенный хозяином на матрас.

Колесников, дымя сигаретой, торчащей из уголка рта, принялся лениво изучать находки. Остальные пристально наблюдали за его неторопливыми движениями, сопровождающимися тяжёлым пыхтением. Офицер даже несколько побагровел от таких невероятных усилий.

– Ничего интересного, – выдохнул он, стряхнул с сигареты пепел, разогнулся и только хотел выйти из помещения, как его подчинённая вызвалась провести повторный осмотр:

– Позвольте, я взгляну. Может, чего отыщу.

– Валяй, – разрешил Савелий, и Лавринайтис принялась копошиться в пакете. Там действительно не нашлось ничего такого, что могло бы хоть как-то помочь в расследовании. Пошарив по карманам лежащих на полу штанов, девушка выудила из них лишь чек с заправочной станции и ключ от тринадцатого номера гостиницы. Когда она уже не надеялась нарваться на нечто важное, в её руки попал файл. Олеся извлекла его содержимое и, проштудировав текст, напечатанный на мятой бумажке, ликующе просветлела.

– Есть первая зацепка, сэр, – сообщила она своему начальнику.

Полковник фыркнул и, затушив окурок о стену, потерял себя за один из своих потных подбородков.

– Какая?

– Это право на собственность некоего Чеботарева Елисея Георгиевича, – махая листом бумаги, бросилась в объясне-

ния Лавринайтис.

– Он снимал эту комнату, – подтвердила администраторша.

– Здесь указан адрес, – обнаружила рядовая.

– Сразу видно, кто заинтересован в раскрытии преступления, – вставил свою фразу охранник, выглядывающий из коридора, по которому периодически сновали немногочисленные постояльцы.

Офицер проигнорировал реплику старика и ознакомился с документом.

– Это в Малых Дуках, – прочитал Колесников.

– Обломки машины как раз ведут в ту сторону, – сообщила Олеся, глядя в окно, выходящее на трассу.

– Что ж, думаю, следует туда наведаться, – решил милиционер.

– А кому-нибудь удалось запомнить марку и цвет угнанного автомобиля? – спросила девушка с короткой стрижкой у работников отеля.

– Я честно в этом совсем не разбираюсь, – призналась администраторша.

– Серебристый фольксваген. Кажется, пассат, – вспомнил охранник.

– Прекрасно, – без особых эмоций порадовался Савелий и направился к выходу. – Идём, Лавринайтис! И бумажку с собой захвати.

Девушка в форме покорно взяла вещдок и зашагала за

своим шефом.

12

Худой парень с грязным рюкзаком на плече открыл деревянную дверь и вошёл в лекционную аудиторию с исписанной решением интегралов доской. Странно, что здесь ещё никого не было, ведь звонок давно продребезжал по коридорам. Обычно Тимофей, на чьём костлявом подбородке выделялась сдвоенная родинка, всегда опаздывал и являлся на занятия последним. Может, пару отменили? Хотя какой там! Скорей случится конец света, нежели в колледже пропадут учебные часы.

Рябов поднялся на третий ярус, пролез к окну и вытряхнул свою сумку, откуда на парту шлёпнулась тонкая замызганная тетрадь с погрызенной ручкой – комплект успешного ученика.

Армия совсем не привила беспечному Тимофею дисциплинированность, отчего он продолжал наступать на одни и те же грабли. Видимо, не насытился пендалями на плаце. Парень часто прогуливал учёбу, а все знания, какие давали преподаватели, умещались в пару страниц его неподписанной тетради. Рябову ничего не хотелось от жизни, и он тратил своё время на всякую ерунду, при этом сидя на шее родителей. Одним словом, после перепоступления молодой человек ни на грамм не поумнел и не приобрёл стимула стать примерным студентом, хотя ему явно требовались глобальные перемены.

В помещении так никто и не появился. Тимофей достал из кармана свой сотовый, чтобы посмотреть время, как ему в висок что-то воткнулось, после чего грохнулось на пол. Он посмотрел вниз и, побледнев, сглотнул вставший поперёк горла ком. Его рука потянулась к планёру из фанеры с розовыми крыльями, украшающим киль разбитым сердечком и надписью на фюзеляже *“В полёте за той, чей образ не оставляет меня равнодушным. ДД”*.

– Не может быть, – подняв хорошо знакомую поделку, сдавленно прошептал обалдевший Рябов, и волосы на его покрывшемся мурашками теле встали дыбом.

Парень повернул голову туда, откуда прилетел планёр, и задался вопросом: *“Разве окно было открыто?”*.

Тимофей встал с места и, выглянув на улицу, не поверил своим глазам. По ту сторону он обнаружил не территорию колледжа с её дорожками и клумбами, а непроходимый елово-сосновый лес, окружающий детский лагерь *“Тайник Лешего”*.

– Немыслимо! – просипел молодой человек и несколько поколебался, прежде чем перелез через подоконник и спрыгнул на покров из иголок и шишек.

– Всё возвращается, Тим. Как мой планёр, который ты закинул в эти дебри, – прозвучал ребяческий голос и из-за ствола хвойного дерева появился длинноволосый мальчик в кепке с висящим на шее фотоаппаратом.

– Данил?! – поразился перепуганный Рябов. – Ты же по-

гиб...

– Да, – согласился ребёнок. – И не без твоей помощи.

– Шутишь?? При чём тут я?? – искренне поразился парень.

– Когда благодаря твоим действиям планёр оказался в плену ветвей, я попытался его достать, но повстречал ужасное существо. Случилось невообразимое чудо – мне удалось убежать от него. Вот только я обмочил штаны и опозорился перед всем отрядом. Никто не верил моим рассказам о лесном монстре. Ребята, как и вожатые, лишь потешались. Поэтому я решил отстаивать свою правду и пошёл за доказательствами в чащобу... – Данил осёкся и, поколебавшись, уточнил. – Догадываешься, что случилось дальше?

– Я...я пожалуй пойду... – ответил трясущийся Тимофей и, обернувшись, остолбенел. Окна, ведущего в аудиторию, за спиной не обнаружилось. – Что за хрень?! – запаниковал Рябов и с криком обратился к Данилу. – Чего ты добиваешься?! Это месть за старые обиды?!

– Не кричи так громко, а то он услышит, – шёпотом предостерёг ребёнок с фотоаппаратом, поднеся указательный палец к губам, опасно осмотрелся и поманил за собой. – Пошли...

– Куда? – не понял Рябов, на что Данил промолчал, уверенно направляясь к “Тайнику Лешего”.

Парень прокрался за ним и увидел у главных ворот лагеря голубой “Беларус”.

– Как спалось, товарищ Рябов? – осведомилась преподаватель и, сложив очки в футляр, подошла к парте, где сидел потерянный ученик.

– Простите. У меня сбой в режиме... – попытался отмазаться Тимофей, собирая вещи.

– Я второй год подряд наблюдаю одну и ту же картину. Чем интересно Вы занимаетесь ночью? – поражалась женщина.

– Готовлюсь к очередной сессии, – безразлично кинул отстранённый Рябов, застёгивая рюкзак.

– Заговаривать зубы, безусловно, талант. И причина Вашей дурной славы! Неужели Вам совсем не стыдно?

– Стыдно. Очень стыдно, – усердно кивал парень, суетно выбираясь из-за парты.

– Зачем врать? Если учёба Вас не интересует, говорите напрямую. Мне, как заведующей кафедрой, на которой Вы обучаетесь, больно смотреть на столь наплевательское отношение к преподаваемым здесь дисциплинам. Толку нам плясать перед студентами, не получая в ответ никакой отдачи? Вы появляетесь у нас в лучшем случае раз в две недели. Был ли смысл поступать? Порой, я... – замолчать женщину заставил звук хлопнувшей за Тимофеем двери. Пожилая дама на несколько секунд задумалась, а затем, покраснев, гневно прокричала в пустоту. – Вы отчислены, молодой человек!!!

Ранее...

Забит Джафаров, усатый азербайджанец, переоделся в

спортивную форму и пошёл в зал на пару физкультуры. С началом нового семестра он показался здесь всего один раз. Молоденькая преподава, ведущая занятия у специальной медицинской группы, спускала студентам с рук все прогулы и несданные нормативы. Поэтому ребята и, в частности, Забит относились к её предмету крайне легкомысленно. Получить зачёт не составляло абсолютно никакого труда. Главное красиво улыбнуться и положить перед носом физручки открытую на нужной странице зачётку.

На самом деле, Джафаров, вместе с другом Тимофеем отслуживший в армии, не имел противопоказаний по состоянию здоровья, но ему настолько надоело ходить на лёгкую атлетику, что он во время медосмотра каким-то образом выцыганил у терапевта справку, благодаря которой его определили в группу “дохляков”, как их называли студенты. Сюда командировали сколиозников, незрячих кротов, сердечников и других людей с физическими проблемами. Им давали слабые нагрузки и прочие привилегии. Устал или поплохело – сядь на скамейку и кукуй там до конца занятий, – примерно такой девиз напрашивался данному направлению физкультурников. Чего уж греха таить, они постоянно использовали подобную модель поведения, зачастую симулируя. Во время пробежки всех ни с того ни с сего одолевала мигрень и несчастные дружно оккупировали сидячие места, целиком вживаясь в роли и выдавая уникальное сценическое мастерство: одни томно вздыхали, другие делали жалобный

вид, а третьи вовсе совмещали эти актёрские навыки. Порой казалось, что сии товарищи выбрали в колледже не ту специальность. Играть в театре было их истинным призванием.

Забиту нравилось, что здесь ни к чему не принуждали. Захотел – позанимался, не захотел – пофилонил. Лень встать из тёплой постели – вообще не явился на пару. Не группа, а самая настоящая мечта! И плевать, как их дразнили другие. Джафаров не обижался на оскорбления, не касающиеся действительности. Он был полностью здоров, поэтому лишь улыбался, когда его кликали дохляком.

Азербайджанец зашёл в холодный зал и, поёжившись, встал у физкультурной стенки. Из своих он узнал только нескольких девчонок.

По истечении пятнадцати минут преподаватель так и не появилась, потому Забит решил начать заниматься самостоятельно. Лёгким бегом он стал наматывать круги по помещению.

Тут в зал заглянула зачуханная пожилая женщина с прищуренными подведёнными глазёнками и выкрашенными ядовито-красной помадой губами. Морщины нещадно стянули её лицо, отчего оно, по ощущениям, принялось вдавливать в голову. Панированная мумия воплоти! Только в спортивном костюме, налобной повязке, модных кроссовках с тремя полосками адидас и свистком, затерявшимся где-то промеж двух внушительных артиллерийских снарядов, именуемых грудями, которые составляли треть от плотненького

низенького тела и испытывали на прочность материал трещащего по швам бюстгальтера.

– Вы кто, молодой человек? – задала вопрос женщина, однако Джафаров даже не подозревал, кому он был адресован, и продолжал бег. – Хей, скажун, я к тебе обращаюсь!

Забит посмотрел на неё и, притормозив, вопросительно указал пальцем на себя.

– Да, да. Ты откуда и куда? – поинтересовалась измалёванная тётка.

– А Вы кто, простите? – уточнил парень.

Женщина удивлённо вскинула бровь и одна из девчонок шёпотом пояснила:

– Наша учительница по физкультуре, Зоя Егоровна.

– Так это Ваш пришелец? – удивилась физручка и окинула взглядом спецгруппу.

– Неловко вышло. У нас перестановочки? – спросил не менее офигевший парень.

– Уже три месяца как, – кивнула Зоя Егоровна и недовольно гаркнула. – Фамилия?

– Джафаров, – ответила за Забита самая равнодушная особа из его группы.

Тётка уставилась в список и, отыскав там фамилию парня, пришла в шок.

– Товарищ Джафаров, Вы вообще в своём уме?

– Ога. Что-то не так? – дружелюбно осведомился он.

– Не прикидывайтесь дурачком! У Вас за весь семестр

лишь одно посещение и то не у меня, – напомнила Зоя Егоровна.

– Я болел... – с глупым видом соврал Забит.

– Так продолжительно? – удивилась женщина и с серьёзным видом добавила. – Хорошо, что не померли.

– Ангина – страшная штука! – закивал головой Джафаров.

– У Вас справка есть, сказочник? – поинтересовалась физручка.

– Конечно, нет, – возмутился парень и объяснил. – Я всегда лечусь дома народными средствами...

– Сейчас я из тебя синдром ленивца народными средствами вышибать буду! – пригрозила Зоя Егоровна.

– Чё? – не понял Забит.

– Баскетбольный мяч через плечо! Студенты совсем оборзели! – заметила женщина и подняла указательный палец вверх. – Многое себе позволяют, о чём мы в своё время даже стеснялись думать! Отжигаете в клубах с утра до ночи, а потом прогуливаете занятия! Стыд и срам за такое разгильдяйство!

– Шутите? Какие клубы? Я в такую рань с постели подняться не в силах! Глаза не продираются! Для меня куда больше пользы – лишний час поспать, нежели припереться на пару, – признался Джафаров.

– Угу. Вот, значит, какую Вы заняли позицию. А другие дисциплины Вы посещаете? – справилась физручка.

– Ога.

– Тогда почему Вы так наплевательски относитесь к моему предмету? Он также обязателен и важен, как остальные. И я не потерплю, чтобы кто-то занижал значимость физической культуры! Спорт – это, прежде всего, Ваше здоровье! И мой Вам совет, берегите его. Пока организм молодой – вырабатывайте полезные привычки, занимайтесь! Понимаете, к чему я?

– Ога.

– Превосходно! Надеюсь, с этого дня Вы начнёте регулярно радовать меня своим присутствием.

– Приложу все возможные усилия.

– Поверьте, это сугубо в Ваших интересах. В противном случае Вы загноётесь к тридцати годам, и никакие фрукты не помогут! Таков мой прогноз.

– При чём здесь фрукты? – чувствуя себя совсем тупым, любопытствовал Забит и захлопал глазами, выражающими полное недоумение.

– Я смотрю у нас тут случай вонючий! – покачала головой Зоя Егоровна. – Вы вообще едите какие-нибудь плоды или ягоды? Взять, к примеру, яблоки.

– Ога, ем!

– А знаете, в каком загаженном городе мы живём?

– Ога, знаю. Только я планирую переехать в Баку и... – решил поведать Джафаров и был тут же перебит экспрессивной репликой преподавателя:

– Да начхать, хоть в Тимбукту! Мысль мою прослежива-

ете?

– Честно? Вообще не втыкаю! – почесал затылок парень.

– Ну так я сделаю тебе втык!

– Может не стоит? – засомневался несколько обескураженный Забит.

– Стоит, – заверила физручка, подошла к Джафарову и, приобняв его словно хорошего товарища во время застолья, бросилась в разъяснения своей теории. – Смотри, в хороших яблоках содержится много полезных веществ, в том числе различных витаминов и микроэлементов. Но с нашей экологией они не оказывают того положительного эффекта, какого мы от них ждём, так как заводы и фабрики выделяют слишком много дряни, вдыхаемой нами из воздуха, и тем самым перекрывают чудодействие плодов. Весь нужный материал в яблоках попросту обесценивается, отчего они становятся практически бесполезными. Хоть ящиками подобные фрукты жуй – толку никакого. Ситуация усугубляется зимой, когда непосредственно состав яблок беднеет на количество в нём полезных веществ. Посему, чтобы поддерживать свой организм в тонусе и уменьшить риск заболеваний, следует систематически делать упражнения. Тем более, Вы состоите в особой группе, где к каждому её участнику обращено повышенное внимание.

– Зинаида Егоровна...

– Я Зоя Егоровна! – отстранившись от парня, недовольно поправила женщина.

– Извиняюсь, Зоя, – прокашлявшись, попросил прощения Забит. – Впечатляюще это, спору нет, но...

– С чем-то не согласны?

– Как-то сомнительно, что пары физкультуры кардинально изменят ситуацию, – вопросительно развёл руки в стороны Джафаров и скривил озадаченное лицо.

– Если бы Вы чаще посещали наши занятия, товарищ Джафаров, результат был бы заметен, – парировала физручка.

– То-то у меня самочувствие на полтинник лет, – состряпав печальную гримасу, наигранно посетовал Забит и дополнил. – Признаю, мой косяк.

– Ясен пень, что не мой! – воскликнула Зоя Егоровна и упёрла руки в широкие бока. – В данный период жизни студенчество для Вас эквивалентно работе! А что случается, когда работники не выполняют свои непосредственные обязанности? Думаю, разьяснять нет необходимости. Я, может, тоже не хочу на работу ходить. И что теперь?

“На пенсии сиди, чё теперь! находка археологическая” – закатив глаза, подумал про себя Забит и сказал:

– Ладь, я всё осознал. Можно я задолженные нормативы по-быстрому выполню и дальше продолжим в штатном режиме?

– Не сори опилками. Вот какой девушке ты такой шустрый нужен? Тырк-пырк и заглох, честное слово! – с усмешкой прокомментировала женщина, после чего небрежно махнула

рукой и успокоила своего новоиспечённого студента. – Нормативы-то ты сдашь, не переживай! Только халявы не жди! Все пропущенные занятия будешь отрабатывать у меня по полной программе! Один прогул – два часа работ у завхоза.

Джафаров по-идиотски гоготнул и, улыбнувшись во все тридцать два зуба, сообщил:

– Поговаривают, что у ветеранов физкультуры чувство юмора хромает. Отрадно наблюдать как Вы, Зинаида Егоровна, ломаете все стереотипы и с поразительной непринуждённостью подкальваете студентов!

– ХА, ХА, ХА, – без намёка на улыбку выплевала смешки женщина и с пугающим видом маньячки стальным тоном разъяснила. – Не знаю, что там трещат, но одно могу гарантировать наверняка – веселья, молодой человек, у Вас поубавится, когда помашете метлой. И, пожалуйста, не насилуйте моё имя! Иначе надолго заделаетесь местным дворником.

Уголки рта Забита резко опустились вниз. Его лицо омрачила печаль, и он с удручённым видом пришёл к выводу, что конкретно вляпался. С физрой ещё проблем для полного счастья не хватало.

Зоя Егоровна оглушительно дунула в свой свисток, отчего у неё чуть не вылетела вставная челюсть, и громко дала команду:

– Десять кругов бегом марш!

Джафаров, чьи мозги зазвенели от столь шумных звуков, затрусил за девчонками из своей группы.

Вскоре...

Тимофей выбежал из главного корпуса колледжа, миновал контрольно-пропускной пункт, после чего направился на поиски своего лучшего друга, Забита, и какого было его удивление, когда он отыскал Джафарова с метлой в руках у крыльца спорткомплекса. Усатый азербайджанец уныло шуршал по асфальту вручённым ему инструментом и тихо ругался себе под нос.

– Вообще ни хрена не понял. Это новый норматив по физре такой? – спросил Рябов, и несчастный Забит повернулся к другу.

– Ога, типа того. Аля Зоя Егоровна, – пояснил Джафаров и, задумавшись, без энтузиазма сказал. – О, запомнил, как жись!

– Не хочешь поведать, как до подобного дошло?

– Не очень, – признался Забит и, пожав плечами, предположил. – Но ты же всё равно выпытаешь, – Тимофей утвердительно закивал и его друг продолжил. – Короче, у нас новая физручка – дьяволица, каких поискать! Причём скумбрия древнего посла. Упражнения показывает, сама параллельно скрипит, пердит, за больную спину хватается. Загибается тётка, в общем. И мне при том читает лекции о благе её проклятого предмета. Зоя зовут. И действительно, она та ещё Зоя, братан!

– Дебильное имя, – неодобрительно помотал головой Рябов.

– Ога, не то слово! – подхватил раздосадованный Джафаров. – Я из-за него проштрафился, назвал её Зинаидой раз эдак пять. А она взяла и санкции на меня наложила. Представляешь? Ящерица. Может, сделаем из неё кожаную сумку?

– Идея – огонь! – одобрил Тимофей и вставил вынужденную ремарку. – Только сейчас у нас есть дела поважней! Оставь метлу для Вашей ведьмы с физры, а сам заводи скутер и погнали ко мне в гараж за тачкой.

– Притормози, бро. К чему такая срочность? – поинтересовался азербайджанец. – Мне же Зоя хребет вырвет, облюнживает беззубыми дёснами, через задний проход вверх ногами обратно вставит и кончик бантиком завяжет, если свалю.

– Яков в опасности! – обеспокоенно пояснил Рябов. – Этого достаточно, чтобы заставить тебя шевелиться?

– Откуда инфа? – с сомнением докопался Забит.

– Ой блин, да какая разница?! – психанул Тимофей и прикрикнул. – Нашему другу необходима помощь, надо спешить!

– Хорошо, хорошо! Не кипятись, – попросил обескураженный Джафаров и, бросив метлу, подошёл к припаркованному у бордюра мотороллеру, уточнив. – А что именно случилось?

– Позже расскажу, – бросил Рябов и уселся позади Забита на сиденье жёлтого скутера. – Трогай резче! – Азербайджанец завёл перделку и погнал в сторону гаражей.

Томас и идущие за ручку Денис с Дашей прошагали по газону мимо пушистых елей, попав к памятнику, где проходило мероприятие «**Кальянный ВООМ**». Поодаль, на одной из скамеек университетского сквера, Маслов увидел Белякова с Карповой. Он с одноклассниками добрался до них и, присвистнув, прокомментировал:

– Тренды весны – красный хвостик и лысый висок – спелись в тандем.

– Если бы это было так, мы бы с ней сейчас не на лавочке тухли, – хохотнул Коля, и Алиса возмущённо пихнула его в плечо.

– Не стухните! Потому что у нас для Вас нереально офигенные новости! – восторженно воскликнула Даша, тряся перед носом друзей яркой листовкой и тыкая в неё пальцем.

– От промоутеров нынче спасу нет, – цокнула Карпова.

– Попкорновая лихорадка? – удивлённо вскинул бровь Беляков.

– Да! – активно закивала головой Бурова и объяснила. – Фестиваль кино с призовым фондом в рамках нашего ВУЗа! Лучшая лента получит денежное вознаграждение в размере тридцати тысяч рублей!

– Здорово! Только не пойму, на что Вы надеетесь? – заинтересовалась Алиса.

– Побороться за главный приз, на что ж ещё, – любезно пояснила Даша.

– В таком случае, лучший комедийный сюжет Вы уже профукали, – с улыбкой заметил Коля и добавил. – Разве что стеснительный Томас согласится повторить сцену в туалете на камеру.

Азикиве снял один наушник и, раззявив рот, вкрадчиво спросил:

– Чего?

– Ничего, шоколадка. Слушай рэпчик, – разрешил ему Беляков и нигер сунул наушник обратно в ухо.

– Мне кажется, ты недооцениваешь наши шансы на успех, – обратилась Бурова к своей подруге. – Оператор у нас уже есть.

– Кто? – не допёрло до Карповой.

– Томас, – пояснила Даша, заставив афроамериканца снова отвлечься от музыки.

– Мм? – вопросительно промычал недовольный Азикиве.

– Да залепи ты уже уши и поставь громкость на максимум! Не обращались мы к тебе! – сказала Бурова и Томас, почесав нос, вернул наушник в ушную раковину.

– Ахах, ну да, он руку на гей порно знатно набил, – заржал Коля.

– Между прочим, у него есть всё для качественной съёмки, – прервала гогот Белякова Даша.

– У всех нигеров это есть, – с издёвкой согласился красноволосый парень, чьи глаза ехидно сверкнули.

– Задолбал! – проскрежетала зубами разнервничавшаяся

Бурова. – Как Алиса с тобой целую пару продержалась?

– У неё не нашлось времени скучать, – заверил Коля.

– Лучшая лента получит деньжат, а наша? Даже если мы решим снять нарезку собственных кривляний, нам понадобится какой-нибудь сценарий. И я ума не приложу, кто его писать возьмётся? У большинства здесь фантазия либо напроць атрофирована, либо течёт только в пошлое русло, – тонко намекнула Карпова и посмотрела на лыбящегося Белякова.

– У Дена друг – известный писатель! – напомнила Даша. – Уверена, он поможет!

– Скорее, просто знакомый, которого мне, к слову, не хочется ни о чём просить, – отказался Маслов.

– Не включай свою принципиальность, – попросила Бурова и добавила. – Считай это шансом для примирения. Заброшенный лагерь в хвойном лесу – самое место для дружеских откровений!

– Заброшенный лагерь? – удивился Коля.

– Угу, – подтвердила Даша. – Совместим приятное с полезным! Проведём время на свежем воздухе, отдохнём от наскучивших будней, подурачимся и снимем на плёнку лучший фильм года во всех номинациях!

– Объясни мне, зачем вообще куда-то ехать? – уточнила Алиса.

– Овеянный легендами “Тайник Лешего” – криповое местечко! Именно такое нам и нужно для производства хорро-

ра. Оно создаст главное, чем должна брать картина подобного жанра – атмосферу! Вдобавок уникальные локации добавят в нашу копилку зрительских симпатий, а также одобрение жюри, – аргументировала Бурова.

– Почему именно ужасы? – полюбопытствовал Денис.

– Это стихия твоего друга, – пожала плечами его девушка.

– Окей, допустим. Тогда вырисовывается другая проблема – их же фиг соберёшь вместе! – указал на друзей Маслов.

– А сейчас мы, по-твоему, по раздельности? – окинула взглядом одноклассников Даша.

– Сейчас учебный день, – сумничал качок.

– Какой же ты зануда! – отмахнулась Бурова и обратилась к остальным. – Ребят, у всех ведь получится выехать за город на пару деньков?

– Давай сегодня все подумают и огласят своё решение завтра? – предложил Беляков.

– Ладно! Только чтоб до обеда поставили меня в известность! – взяла с друзей слово Даша.

– Ну она у тебя и командирша, Денчик! – поразился Коля и, хихикнув, предостерег товарища. – Смотри, а то начнёт муштровать, они это дело любят.

– Просто я знаю, что если не возьму инициативу в свои руки, то никто и пальцем не пошевелит, – оправдалась Бурова и спросила. – Вот Томас хоть слово вообще слышал? – в этот раз Азикиве, прищурился глаза, с подозрением посмотрел на неё, однако снимать наушники не стал.

– Так ты сама его задвинула, – припомнил Беляков.

– Не важно, – отгородилась Даша.

– А он в курсе, что ты закрепила за ним роль оператора? – усомнилась Карпова, на что её подруга стыдливо прикусила губу и предположила:

– Думаю, он не будет против...

– Салют, кислорожие и прекрасная Алисочка, – послышался певчий голосок светло-русого парня в пёстрой одежке и зеркальных очках, внезапно возникшего из потока посетителей сквера.

– Ты что ещё за стилига? – не признал его Коля.

– Ну...это мой друг, Вова, – покраснев, ответила Карпова.

– Мы в курсе, – кивнул Маслов и поприветствовал “солнечного” человека. – Здравствуй, Трофимов.

– Я один его не знаю?! – выразил раздражение обиженный Беляков.

– Чего так взорвался? Ревнуешь? – сняв очки и подмигнув парню с хвостиком, нахально ухмыльнулся Вова и сверкнул хитрыми глазами, после чего обвинил свою руку вокруг талии Алисы, прижав девушку к себе.

– Серьёзно? Ты встречаешься с этим низкорослым дрищем?? – сорвал голос на визг Коля и его челюсть непроизвольно отвисла.

– Самооценка у тебя низкорослая! – съязвил стилига. – Завидуй молча!

– Мальчики, не надо разводить срач, – убедительно по-

просила Карпова и хотела отойти в сторону, но Трофимов не отпустил её от себя.

– Действительно! Попарила мне мозги, а теперь в дипломаты записалась! – развыступался Беляков, чьи ноздри раздувались словно у дикого мустанга. – Знаешь что, моя хорошая? Флиртуй дальше со своим нетрадиционным сопляком. Меня от такого счастья, пожалуйста, освободи!

– Ребята, Вы чего? Нам ещё фильм вместе снимать! Прекратите! – пыталась вразумить товарищей Даша.

– Если с нами поедет эта двуличная особа, на меня не рассчитывайте, – поставил условие Коля и скрестил руки на груди.

– Не переживай! Я с удовольствием тебя заменю, – поиграв бровями, пообещал озадаченному конкуренту прилипший к растерявшейся подруге Вова и, заметив красочный флаер в руках Буровой, попросил ту. – Можно ознакомиться?

Брюнетка протянула ему гляцевую бумажку, в верхней части которой красовалась золотистая надпись “**Попкорновая лихорадка**”, а в нижней – “**Фестиваль кино ГГУ**”. В центре имелось изображение пузатой цирковой пушки, чей фитиль поджигал облачённый в сверкающий звёздами костюм и чёрный цилиндр усатый человек с киношной хлопущей в руке. Во всю ширину его застёгнутого пиджака разместилось выведенное блёстками слово “режиссёр”. Из жерла орудия щедрой россыпью вылетала жареная воздуш-

ная кукуруза, распределяющаяся по всей листовке. С обратной стороны обнаружился принт кинематографической плёнки с подписью “потри здесь и ощути запах настоящего кино”. Трофимов до жжения потёр ароматизированную картинку большим пальцем и, поднеся к ноздрям, принялся.

– Думаю, этот пробник уже выдохся, – прокомментировала действия блондинчика Даша.

– Ну да, ты ж в нём чуть дыру не проделала, – не промолчал Денис.

– Просто там такой чумовой аромат попкорна, я не удержалась, – с плаксивым видом оправдалась Бурова.

– В общем, я с Вами, народ, – заявил Вова. – Мне по душе подобная движуха. Вы же не против?

Все замешкались.

– Охренеть просто! – воскликнул взвинтившийся до предела Коля, из чьих ушей, казалось, вот-вот повалит дым. – Неужели ни у кого не набралось духу сказать чёртово “нет”? Готовы своего друга променять на какого-то левого засранца?! – поразился Беляков и, не услышав ответа, окончательно психанул. – Ну и пожалуйста! Отмалчивайтесь дальше!

И парень, подтянув резинку на хвостике, быстрым шагом пошёл прочь от компании одnogруппников и Трофимова.

– Коля, стой! – крикнула ему вслед поникшая Алиса, однако Беляков даже не обернулся и вскоре покинул пределы сквера.

– Мда, потеря года, – закатил глаза Вова.

Томас, наблюдая за тем, как слинял его красноволосый друг, вышел из музыкального коматоза, снял наушники и спросил:

– Как это понимать?

– Небольшой разлад, – с виноватым видом пояснил Маслов, в коем не нашлось достаточно мудрости, дабы предотвратить обострение ситуации.

– Ребят, Вы вообще чё творите? Он же наш друг! – активизировалась Даша. – Мы не можем его заменить!

– Раз такая умная, чего сама-то язык проглотила? – не понял Ден, в присущей ему незрелой манере переведший стрелки на свою даму.

– Я маленькая девочка! У меня случаются затупы в подобных ситуациях и это простительно, – отмазалась Бурова. – А вот тебе бы побольше рассудительности в твои-то годы, чтоб уметь зарубать на корню любые обостряющиеся проблемы.

– Вы Коляна сбагрили что ли?? – выпучив глазища, офигел Азикиве.

– Никто никого не сбагрил, – попытался успокоить нигера Маслов. – Не раздувайте.

– Я называю вещи своими именами! Из-за этого малолетки развели тут клоунаду! – высказался афроамериканец.

– На два года младше тебя, вот так разница! – вставил реплику Трофимов.

– Лучше помолчи, соплежуй, – грубо ответил чернокожий.

– Том, я вообще каждого из Вас на пять лет старше и ничего ведь, водимся, – напомнил Денис. – Не стоит взрывать-ся.

– Да ну Вас в баню! Если Коля не едет, то я тоже, – решил Азикиве и демонстративно устремился за покинувшим их товарищем.

– Вот тебе и здрастье, – покачала головой Даша и глубоко вздохнула.

14

Колесников, провожаемый взглядами администраторши и охранника, вышел на парковку гостиницы, прокосолапил до милицейской Нивы, открыл её и запихнул в салон свою внушительную тушу. Его толстые ноги упёрлись в руль, а объёмная задница расплылась за пределы сиденья, через спинку коего полковник перегнулся, чтобы дотянуться до пакета с выпечкой, валяющегося сзади. Пошевелив короткими пухлыми пальцами, походившими на обломленные сучки дерева, и покрывшись липким потом, он с досадой фыркнул.

– Лавринайтис, достань еду, – попросил офицер устроившуюся на пассажирском месте рядовую.

Девушка молча повернулась назад, подцепила изящными пальчиками пакет, ароматизирующий машину аппетитным запахом, и вручила его своему начальнику. Тот жадно зашуршал целлофаном и извлёк оттуда тёплую сосиску в тесте, сразу же захомячив приличный кусок.

– Угощайся, – чавкая и брызжа слюной, как скот, пробуб-

нил мужчина и протянул раскрытый пакет подчинённой. – Немного остыло, а так вкуснятина.

– Я не голодна, Савелий Куприянович, – отказалась Олеся.

– Переживаешь за фигуру? – спросил Колесников и, хрюкнув, хохотнул.

– Нет. Просто я не могу есть во время расследования, – объяснила Лавринайтис.

– Пфф! Куда оно денется? Наслаждайся халявной жратвой, – дал совет полковник и в пару укусов проглотил сосиску.

– Халявной? – удивилась рядовая.

– Угу. У той забегаловки сплошь и рядом нарушения санитарных норм. Я их пострашал и вуаля, хавчик за счёт заведения в студию! – с гордостью поведал довольный собой Колесников и облизнул поблёскивающие жиром пальцы, смачно причмокнув.

– Ловко Вы это придумали, – без энтузиазма оценила рядовая и закатила глаза.

– Учись, пока я над тобой шефствую, – подмигнул ей Савелий Куприянович и, мелодично рыгнув, вытер губы вложенной в пакет салфеткой.

– Когда я шла в милицию, то немного по-другому представляла себе данную работу, – призналась Олеся.

– Ты слишком правильная для сотрудника милиции, Лавринайтис, – неодобрительно заметил мужчина. – Если

не приструнишь себя, надолго в нашей структуре не удержишься...

– Угу, – прогундосила девушка, с трудом удержавшись от нелицеприятных высказываний в адрес своего мерзкого начальника.

– Не угавай мне тут! – раздувшись, как рыба-шар, психанул полковник. – Я пашу у нас в отделении восемнадцать лет и пользуюсь огромным уважением среди своих коллег. Поэтому не ставь под сомнение мою компетентность.

– Я Вас поняла, – убедила его Олеся и откинулась на спинку сиденья.

– Тогда я сделаю вид, что ничего не слышал, – смиловался Савелий Куприянович и пролепетал. – Подай-ка молочка, а.

Лавринайтис подняла со своего половика прохладную пластиковую бутылку, которую у неё перенял полковник, чьему спокойствию могли позавидовать даже самые безалаберные ленивцы. С непередаваемым блаженством он принялся употреблять своё любимое лакомство. Его кадык, затерявшийся под толщей сала, заходил ходуном, шевеля обвисшие грязные складки. Затем освежившийся Колесников закрутил крышку и кинул бутылку между передними сиденьями.

– Теперь можно и за работу браться, – решил мужчина, завёл Ниву и выехал на трассу, грохоча привязанной к заднему бамперу при помощи верёвки дверцей багажного отсека со сломанным замком.

– Вы не пристегнулись, Савелий Куприянович, – напомнила Олеся, защёлкнув собственный ремень безопасности.

– На полный желудок не полагается, – отмахнулся полковник, медленно направляя автомобиль вдоль встречающихся по пути обломков фольксвагена, вскоре обнаруженного на обочине.

Вид брошенного серебристого пассата на парадный не тянул: оторванный передний бампер, повреждённые колёса с рваной резиной и покорёженный правый бок.

– Запишу-ка я на всякий случай регистрационный знак, – достав из бардачка тетрадь с ручкой, сказала рядовая и начеркала на клетчатой бумаге номер пострадавшего авто.

– Метнись, проверь, нет ли в машине трупa, – приказал офицер.

– Судя по всему, сэр, тело утащили дальше, – предположила Лавринайтис, указав ручкой на кровавую полосу, тянущуюся по дороге за грязевым следом протектора от колёс трактора в сторону, где полотно перелатанного асфальта входило в густой елово-сосновый лес.

– Чёрт! Там, где начинается этот проклятый лес, начинаются и проблемы, – хмуро прокомментировал Колесников.

– Лес как лес, – спокойно отреагировала Олеся. – Мрачноватый с виду, а так ничего особенного.

– Поверь, лучше оставаться здесь, среди солнечных полей с их одинокими берёзами, нежели соваться туда, – не поскупился на совет Савелий Куприянович.

– Почему? Чем такого доблестного стража порядка, как Вы, запугал сосняк? – с толикой иронии поинтересовалась девушка.

– Там уже много лет творится какая-то чертовщина. Те, кто оказался в этих дебрях, пропадают и больше не возвращаются, – полушёпотом поведал нездорово пожелтевший полковник.

– Эм... честно, больше на сказку для младенцев смахивает, – призналась рядовая.

– Однажды, когда я был в отпуске, оттуда не вернулся мой хороший товарищ, Костя Абрамов. Он расследовал дело об убийстве мальчика и наткнулся на что-то поистине жуткое, – Колесников испуганно посмотрел на свою подчинённую, сглотнул слюну и привёл статистику. – В тот день, не соврать бы, погибло трое детей, особо опасный преступник, двое сотрудников милиции и столько же бойцов элитного подразделения “Скальпель”. Такое похоже на сказку, дорогая?

– И кто же их убил? – не отрекаясь от своего скептицизма, спросила Лавринайтис.

– Никто не знает, да и особого желания проверять народ не испытывает.

– Как бы там ни было, мы должны исполнить свой долг. Люди и так в нас не особо верят. Зачем давать им лишний повод бросить камень в наш огород?

– Если преступник забрёл в тот грёбанный лес – ему хана!

Ты же этого жаждешь? Справедливости? Вот и она самая! Считай, потерпевший отмщён, – решил офицер.

– Совершение убийства – особо тяжкое преступление. Здесь нельзя доверяться случаю и упрощать убийце жизнь! – не отступалась девушка.

– Хочешь застолбить первую страницу в газетах? – осведомился толстяк.

– Нет. Хочу восстановить порядок в нашей округе, – объяснила рядовая и постаралась возвать своего шефа к благоразумию. – Мы ведь милиция! Кто, кроме нас, обеспечит спокойствие и безопасность граждан?

– Мы проводили информирование среди местного населения об опасности, ожидающей каждого в той чащобе, – сказал Колесников. – Все осведомлены, поэтому сами в силах огородить себя от проблем.

– Но убийство произошло не в лесу! – продолжала спорить пылкая Олеся.

– Это не отменяет того факта, что преступник с потенциально убитым потерпевшим там, – стоял на своём полковник.

– Я не собираюсь пускать дело на самотёк, – бодалась Лавринайтис, демонстрируя серьёзность собственных намерений.

– Я тебя предостерёг. И настоятельно прошу не глупить, – попытался вправить мозги своей помощнице мужчина.

– Знаете в чём между нами разница? – задала вопрос ря-

довая.

– Просвети...

– В отличие от Вас, Савелий Куприянович, я устроилась сюда не штаны просиживать, – смело озвучила девушка и нервно процедила. – Как же всё накипело!

– Сложный у тебя характер... – тут полковник осёкся и, положив руку на погон Олесе, печально произнёс. – Надеюсь, ты вернёшься в участок живой.

– Не сомневайтесь. Вы главное, пока меня ждёте, со скуки не помрите. И оставьте в холодильнике хоть что-то из съестного, – напоследок поиздевалась Лавринайтис и, сунув в карман форменных брюк свёрнутый файл, найденный в номере Чеботарева, открыла дверь.

– Всё глумишься. Я ведь могу применить репрессии, – пригрозил офицер.

– А ничего не отвалится? – сердито бросила разгневанная рядовая, окончательно осмелев. – У меня теперь вообще сомнения, кто из нас с Вами мужик.

Колесников поперхнулся и, раззявив рот, сдавленно промычал.

– Что-то ещё? – уточнила девушка.

– Может, тебя подбросить до сворота на лагерь? – растерянно выдавил полковник.

– Не утруждайтесь. Я как-нибудь сама, – с натянутой улыбкой на лице отказалась Олесея и, покинув салон Нивы, прошла к багажнику, откуда достала свой красный складной

велосипед “Stels”.

Пока схватившийся за сердце Савелий Куприянович уходил от испытанного потрясения, ошарашенно хлопая глазами, Лавринайтис собрала своё транспортное средство, отрегулировала на нём седло и, ориентируясь на кровяную полосу и след протектора, покатила к чащобе. Усердно крутя педали, она достаточно быстро отдалилась от вынужденного места стоянки битого фольксвагена и достигла линии елово-соснового леса.

15

Милицейская “пятнашка” покинула парковку ОВД “Магнитного” – ещё пять лет назад бывшего “Союзным”. Название сменили за неактуальностью, и хотя СССР распался аж в конце девяносто первого, слово “Союзный” смутило кого-то из управленцев лишь в две тысячи третьем году.

– Кого-кого убили?? – едва не перепутав тормоз с газом, переспросил ошарашенный старлей Сергеев.

– Чингисхана, – поиграв губами, повторил почти полностью облысевший за последние годы службы Трофимов, чьё лицо, в меру для его лет и профессии, приобрело некую округлость, раздобрело. Он, недавно получивший звание майора, печально улыбнулся и покачал головой от осознания всей бредовости происходящего.

– А гражданочка точно столетием не ошиблась? – уточнил Павел.

– Скорей передачей по ТВ, – предположил Алексей.

– Допустим, Чингисхан – образ собирательный. Тогда вопрос, какого именно узкоглазого мигранта на тот свет отгрузили? У нас тут пол страны Чингисханов, – влившись в плотный автомобильный поток, заметил Сергеев.

– Ой, Пашка, не начинай, – суксился Трофимов.

– Как есть говорю, – с серьёзной миной на лице заявил старший лейтенант и, примяв волосы на голове, припомнил. – Вот вчера, например, я у одного из них джинсы на рынке приобрёл за полцены. Правда, дома до меня допёрло, почему на них была такая уценка...

– Прореха в промежности? – выдвинул догадку Алексей.

Павел стыдливо побагровел и, с досадой цокнув, попросил:

– Давайте не будем о плохом.

– Брось, это модно. Дыра там явно не просто так, – решил майор.

– Ага, чтоб конденсат не скапливался, – хохотнул Сергеев.

– И всё же, как ты умудрился проглядеть столь явный дефект? – поинтересовался Трофимов.

– Очень просто. Дыра тёмная, джинсы тоже, – объяснил старлей.

– Неужели туда не задувало? – удивился Алексей.

– Откуда мне знать? Я ж на себя не примерял, – ответил Павел и уловил полный недоумения взгляд майора.

– Тогда весьма любопытно, по какому принципу ты товар выбирал? – не понял тот.

– Ну, я приложил его к телу, подошло – взял. Мне вообще на улице вещи мерить не нравится. Особенно в лотках на рынке, – признался Сергеев.

– Теперь ты понимаешь, почему я впадаю в замешательство, когда меня спрашивают, с кем я работаю? – осведомился Трофимов.

– Я ещё ладно, – отмахнулся старший лейтенант и выполнил перестроение, приняв крайнюю правую полосу. – Вот Агеев чё учудил...

– Достаточно, – перебил коллегу Алексей, добавив. – Мне тебя, кадра, хватает. В свои сорок три нянчусь с обученным премудростям милицейской профессии тридцатидвухлетним ребёнком...

– Приятно, что кто-то помнит, сколько мне годков, – сказал довольный Павел и с сочувствием поведал. – К слову, если у мужчин после сорока повышается ворчливость, значит, их опылительная система стремительно увядает.

Майор, на чьей голове колосились реденькие тёмные волоски, вскинул бровь и возмущённо посмотрел на Сергеева в ожидании разъяснений.

– Шучу! – успокоил Трофимова от души рассмеявшийся старлей, затем сделал паузу и пожал плечами. – Хотя, у всех по-разному.

– Не знаю, что хуже, твои шуточки или эта дебильная песня, – выключив магнитолау марки “**Pioneer**” и тем самым оборвав выступление Noize MC, пробурчал майор.

– Расслабьтесь, Алексей Викторович! Я же нам боевой дух поднять пытаюсь! – добродушно оправдался Сергеев. – А русский рэп – туфта, не спорю. От него уши немеют как в январские морозы!

– Попробуй вдолбить это моему сыну. Взрослый пацан, вроде должен поизбирательней в таких вопросах быть. Но нет, всякий шлак слушает, – с досадой покачал головой Трофимов.

– О вкусах не спорят. Хотя касаясь русского рэпа напрашивается-таки исключение, – подытожил старлей.

В салоне милицейской машины стало невыносимо душно. Майор вырубил работающую на полную мощность печку и открыл окно, куда высунул руку с закатанным до локтя рукавом голубой рубашки. Увидев впереди сквер ГГУ, Алексей дал Павлу команду:

– Паркуйся.

16

Тимофей с Забитом приехали в гаражи и, когда оказались у того, что принадлежал отцу Рябова, слезли со скутера. Они облокотили его на створку стальных ворот с облезшей синей краской, а затем вошли внутрь кирпичного сооружения под номером 807, посреди которого на смотровой яме стояла запылившаяся красная “семёрка”.

– Сколько же тут всякого хлама! – воскликнул Джафаров при виде забитого под завязку помещения.

– Точно, – согласился Тимофей и, почесав подбородок со

сдвоенной родинкой, объяснил. – С тех пор, как умер дедушка, это добро стало никому ненужным. Батя сразу дал понять, что не будет заморачиваться. Тем более, у него больная спина. А мне как-то в лом, да и времени особо нет разгрести вековые завалы предков.

– Там светофор что ли? – поинтересовался Забит и, перешагнув через кофейную банку с ржавыми гвоздями, приблизился к горе размякших от влаги коробок, откуда торчал трёхглазый регулировщик движения.

– Угу, – подтвердил Рябов, ворочая мешки с затвердевшим цементом и рваные пакеты, забитые инструментами. – Ещё пара-тройка дорожных знаков где-то валяется.

– На кой оно Вам тут надо?

– Мне почём знать?! Как будто я это собирал, – раздражённо рявкнул Тимофей, на чьи руки осела пыль от цемента, и нащупал ключи от машины, рухнувшие сюда, судя по всему, с самодельной деревянной полки.

– Нервный ты сегодня, – пошевелив усиками, заметил Джафаров. – Может, всё-таки пояснишь, что именно угрожает Якову? Ты обещал изложить мне суть твоего беспокойства.

– Я сам не знаю, – ответил Рябов, открыл водительскую дверь “семёрки” и замер. – В видении был Данил. Он предупредил меня, что нечто, убившее его, сделает то же самое с Яковым.

– Тот самый Данил? Из “Искателей”? – уточнил Забит.

– Да, – кивнул Тимофей и облокотился о крышу автомобиля. – Я оказался у “Тайника Лешего” и увидел там серьёзно раненого Якова...

– Почему ты решил, что обычный сон – это сигнал бедствия? – не понял Джафаров.

– Трудно объяснить, – растерялся Рябов и, потупившись, приковал взгляд к бетонному полу. – Просто почувствовал.

– Как-то настораживает меня твоё поведение, – поделился Забит. – Не проще ли позвонить Якову?

– Звонил. Он недоступен, – проинформировал Тимофей.

– Неудивительно. В их деревне даже связь не ловит, – помотал головой Джафаров.

– Связь не ловит в их непроходимом лесу, – поправил товарища Рябов. – Я уверен, Яков там.

– Ога. А я скоро решу, что ты хренов параноик, – хохотнул азербайджанец.

– Мы столько лет знакомы. Неужели ты совсем мне не веришь? – поразился Тимофей.

– Я постоянно попадал под раздачу из-за твоих необдуманных поступков. И после любой передраги продолжал тянуться за тобой, как за старшим братом. Разве так проявляется недоверие? Даже обидно, Тим, – с горечью произнёс Забит.

– Согласен, ляпнул лишнего, – виновато отведя взгляд в сторону, признал Рябов и вздохнул.

– На минутку человеку, который всегда с тобой и за те-

бя... – напомнил Джафаров.

– Знаю, – заверил Тимофей, поджал губы и, неловко помолчав, крепко обнял товарища. – Таких друзей уже не делают.

Забит похлопал однокурсника по спине и сменил тему:

– Ладно, погнали, бро. Надеюсь, с Яковом всё хорошо.

Рябов распахнул ворота, залез в салон машины, открыл другу дверь, вставил ключ в зажигание и повернул его. Стартер молчал.

– Что ещё за фокусы Дэвида Копперфильда? – недоумевал Тимофей.

– Аккумулятор разряжен походу, – выдвинул гипотезу Джафаров. – Если он там вообще есть.

– Блин... – в сердцах треснув по рулю кулаком, выпалил Рябов.

– Можно попробовать покатавать тебя на тросе, – предложил Забит.

– У тебя в соседнем гараже машина?

– Нет. За скутер цепанём...

– Пфф, он же “семёрку” не утянет, – усмехнулся Тимофей и посмотрел на товарища как на дурочка. – Даже с места не сдвинет.

– Если бы мы заключили пари, кое-кто бы с треском просрал. Ты недооцениваешь мою двухколёсную проказницу, – защищал Джафаров своё жёлтое имущество на колёсах.

– Не трудно догадаться, почему. Она убогая, – прямо со-

общил Рябов.

– Хватит на неё гнать! – пресёк его Забит. – Давай трос ищи.

– Он в багажнике, чё тут искать. Своему металлолому пару лошадей лучше найди, – хихикнул Тимофей.

– Заткнись уже, задолбал, – едва сдерживая улыбку, по доброму оборвал смех друга Джафаров. – Я пытаюсь хоть как-то решить проблему. Пошли, попробуем реализовать мою задумку.

Тимофей фыркнул, вылез из салона и, подняв багажник, достал трос, после чего защёлкнул один конец на буксировочной проушине своей машины, а другой обмотал под сидушкой вокруг топливного бака мотороллера.

– Готовься офигеть, – взгромоздившись на скутер, заинтриговал уверенный в успехе Забит и, подмигнув однокурснику, ударил ногой по кикстартеру, который отломился и с лязгом упал на землю.

– Вот такого дерьма я честно не ожидал, – не кривя душой, признался Рябов товарищу, растерянно смотрящему в одну точку полными разочарования глазами.

– Просто шик! – плюясь слюной, принялся разглагольствовать Джафаров. – Хрен мы теперь его заведём.

– Ну, если ножку получится приварить, то...

– Где только откопать сварочный аппарат.

– Он погребён среди этих коробок вместе с целым пакетом электродов, – указал на содержимое гаража Тимофей.

– Ты им хоть раз в жизни пользовался? – полюбопытствовал Забит.

– Да. Правда, тогда я прожёл забор, – поведал Рябов.

– Отличненько. Я спокоен, – выразил опасение в форме яркого сарказма азербайджанец.

– Ой, не начинай, – попросил Тимофей. – Сделаем несколько нашлёпок, чтоб держалось, и в дамки.

– Лады́, – согласился Джафаров, подумав: “Пора копить деньги на новый скутер”.

Вскоре...

К облегчению Забита, нашедший сварочный аппарат Рябов не сделал из его скутера плавленный сыр и, хоть не идеально, приварил кикстартер на место. Драндулет азербайджанца завёлся как часы, с третьего удара ноги, и Джафаров до упора повернул ручку газа, приведя чудо техники в движение. Трос натянулся, транспорт встал. Чуть не задирая нос, мотороллер натужно заклохтал, закоптил чёрным дымом, готовый стремительно рвануть вперёд, но, как пасущаяся у колышка животина, не смог упорхнуть дальше длины верёвки. Машина в гараже не шелохнулась.

– Снимай штаны, подставляй жопу. Херня твой скутер, – отмахнулся Тимофей.

– Нифига! – возразил Забит и предположил. – Как пить дать, ты “семёрку” с ручника не снял!

– Вот вечно ты проблемы в других ищешь! – неодобрительно заметил его товарищ. – Нет бы признать, что твоя гов-

новозка отстой!

– Признáю, если увижу, что ручник опущен, – решил Джафаров и, пройдя к автомобилю, заглянул в салон.

Когда к нему присоединился Рябов, он от всей души вlepил ему звучного леща по затылку.

– Ай, – обиженно выдавил Тимофей и почесал репу.

– Снимай её с ручного тормоза, умник! – сказал отстоявший свою правоту азербайджанец, после чего не без удовольствия проследил за тем, как Рябов с кислой миной на лице выполнил его указание. – Порядок. Сиди там. Я дёрну, а ты заводи, – через опущенное водительское стекло дал другу распоряжение Забит и вернулся к своему скутеру.

На сей раз надрывающемся агрегату удалось-таки вытянуть “семёрку” из сооружения и вызвать непомерное удивление Тимофея:

– Месить коровьи драники! Да ладно???!

Медленно, но упорно, мотороллер тащил машину среди гаражей, и спустя пару минут двигатель ВАЗа наконец-то запустился.

Джафаров тут же остановился, слез со скутера и ликующе подскочил к автомобилю.

– Что я тебе говорил! Он у меня та ещё зверюга!

– Убедил, – сдался Рябов и пообещал. – Куплю тебе баночку пива, когда удостоверимся, что с Яковом всё в порядке.

– Ога. Импортного, – уточнил Забит.

– Тогда с твоей доплатой, – хохотнул Тимофей и вылез из салона. – Пускай вхолостую немного поработает, пока мы твой тепловоз в гараж загоним.

Азербайджанец, отцепив трос от жёлтого двухколёсного тягача, вернул его к 807 строению и, с особой заботой заведя внутрь, бережно облокотил о стенку.

– Ты ему ещё в выхлопную трубу присунь, – гоготнул Рябов и закрыл ворота. – Трубочист.

– Девственников попрошу воздержаться от комментариев, – ответил Джафаров и друзья, запрыгнув в “семёрку”, отправились в путь.

17

Кровяной след уходил по дуге к расположенному по другую сторону асфальтированного полотна накренившемуся указателю “Тайника Лешего”, смотрящему на Лавринайтис тыльной стороной. Девушка повернула руль своего двухколёсного транспортного средства влево и пересекла полосу встречного движения. Старенький велосипед, скрипя под её шикарными формами, скатился с дороги, после чего, шурша камешками, поколесил по окроплённой кровью гравийной насыпи.

Чем дальше рядовая удалялась от трассы, тем отчётливей она слышала биение собственного сердца. Цивилизация осталась за поворотом, отгороженная непреступным частоколом остроконечных сосен и елей, в коих, казалось, затерялся бы сам чёрт. От гробовой тишины, накрывшей колпа-

ком эти враждебные места, становилось не по себе. Девушка находилась в сильном напряжении и холодела, когда из чащи доносились жалобные крики птиц. Олеся постоянно вертела головой по сторонам и вглядывалась вглубь мрачной глухомани, однако плотно сомкнувшие ряды деревья, словно не желая делиться тайнами своих пугающих дебрей с незваными гостями, не давали толком ничего разглядеть, прикрывая внутреннее убранство леса сплетёнными вместе ветвями, густо распушившими тёмно-зелёную хвою.

Лавринайтис переехала валяющуюся посреди насыпи ржавую дырявую табличку “**..реги.е лес от пожа.а!**” и вскоре оказалась у развилки. Красная полоса вела в правое ответвление, к пустующему лагерю, представшему перед ней в самом конце проложенной в сосняке дороги. Не доезжая до главных ворот “Тайника Лешего”, по левую сторону от них, стоял преодолевший высокий каменистый барьер обочины брошенный трактор, смявший морду о бороздчатые стволы деревьев. Судя по направлению движения, голубой МТЗ собирался обратно к трассе, но почему-то осилил весьма короткое расстояние. Возможно, водитель был пьян и не справился с управлением. Подобная версия могла объяснить его зверское поведение по отношению к жертве в лице Чеботарева. Рассудок помутнел после попойки и... Нет, слишком просто. Убийца, вероятно, прибыл в гостиницу целенаправленно, иначе, зачем требовалось всё настолько усложнять? Буксировать автомобиль, затем тащить его владельца не пой-

ми куда, чтобы спрятать тело. А эти документы из номера потерпевшего? Не из-за них ли разгорелся конфликт? Ведь кроме них у Чеботарева в номере ничего ценного больше не нашлось. Тогда почему нападавший даже не попытался перелопатить комнату?

Олеся слезла с велосипеда и, вытащив из-за пояса электрошокер, осторожно подошла к “Беларусу”. Затаив дыхание, она вскарабкалась к кабине с распахнутой дверью и заглянула внутрь. Та действительно пустовала. Судя по всему, водитель покинул её в спешке. Будто увидел что-то поистине жуткое.

Лавринойтис, замерев на подножке трактора, обратила взор к лагерю, и ощутила сильный дискомфорт. Теперь она понимала, почему Савелий Куприянович наотрез отказался соваться сюда. Оставленный людьми “Тайник Лешего”, который становился частью поглощающего его строения и тропинки леса, мог запугать кого угодно своим трагичным видом. Ворота с ржавым забором уж больно напоминали вход на кладбище и усиливали желание свалить куда подальше.

Рядовая спрыгнула на недавно освободившуюся от гнёта снежного покрова жухлую траву, взьерошенную как хохолок птенца, затем, сильно сжимая в руках шокер, обогнула смявшие перед “Беларуса” сосны и окинула взглядом ближайший участок чащи. Сперва ей показалось, будто ничего интересного она не увидела, однако мысли догнали воспроизведённую зрительно картинку, следом за чем пришло осознание,

что мимолётно девушка заметила какой-то заслуживающий внимания объект. Глаза Олеси метнулись к гниющему бревну, где рядом на животе лежало бездвижное тело.

18

Перед Трофимовым с напарником предстала весьма интересная картина. У пролегающей вдоль университетского сквера дороги, рядом с липой, затеняющей тротуар своими усыпанными почками ветвями, моргала аварийками синяя “Тойота Камри”, а у её треснувшего заднего бампера лежал снесённый знак “одностороннее движение”, над которым безутешно рыдала женщина с шевелюрой, напоминающей ветвистый коралл. Другая особа, судя по всему, владелица автомобиля, фотографировала все детали ДТП на свой телефон.

– Мы точно по адресу приехали? – уточнил Павел.

– Чингисхан, бедный мой маленький мальчик! – жуя сопли, страдальчески простонала несчастная дама и прикрыла рот трясущимися руками.

Алексей и Сергеев встретились взглядами. Нет, адресом они всё-таки не ошиблись. Поэтому старший по званию обратился к одной из участниц инцидента, чьи обстоятельства милиционерам предстояло выяснить:

– Вы вызывали милицию?

Леди с гаджетом отвлеклась от съёмки и, указав на вторую, ответила:

– Нет, она. Разве не видно, у кого тут трагедия всей жиз-

ни?

– А эта трагедия как-то связана с убийством? – поинтересовался Трофимов.

– По правде говоря, я даже не знаю, как назвать подобного рода абсурд, – призналась женщина и посоветовала. – Пусть та мученица даст Вам более подробные комментарии.

– Мы можем руководствоваться только её словами? – вопросительно вскинул бровь Алексей.

– Конечно же, нет, – встрепенулась автоледи. – Когда потребуется, я поправлю.

– Как поправили мирно стоящий знак? – хихикнул Павел, постучав туфлей по гранитной плитке тротуара.

– Это вышло случайно, – заверила дама.

– Нечего притворствоваться, сволочь! – ненавистно проорала подскочившая к милиционерам женщина, вытирая не перестающие литься слёзы. – Натворила дел – отвечай, как положено!

– Что именно произошло? – решил разузнать майор.

– Эта мымра убила мою любимую хрюню! – тыча пальцем в виновницу происшествия, дрожащим голосом просипела пострадавшая.

– В смысле животное с пяточком? – уточнил старший из офицеров.

– Да, Чингисхан – мини-пиг, карликовая свинья...

– Смею предположить, Ваша ветчина на копытцах расположилась под тем знаком? – глядя на тянущийся из-под кор-

пуса из оцинкованной стали поводок, догадался Сергеев.

– В смысле расположилась? Звучит так, будто Чингисхан сам туда залез! – всхлипнув носом, возмутилась удручённая женщина. – Знак рухнул на моего хрюника после того, как эта гонщица снесла его с опоры! Благо я жива осталась. Ещё чуть-чуть и меня бы тоже зацепило.

– Успокойтесь, дамочка! – включилась в разговор вторая участница конфликта. – Я Вам в десятый раз объясняю, что вильнула на тротуар, когда на проезжую часть выбежал ребёнок. Или мне стоило его сбить?

– Не выдумывай, сказочница! – грубо рявкнула потерпевшая. – Никакого ребёнка там не было!

– Вам откуда знать? – любопытствовала оппонентка. – Сомневаюсь, что Вы полностью видели обстановку вокруг.

– Не надейся, я не усомнюсь в своей правоте!

– О чём тогда с Вами говорить? Вы не желаете анализировать произошедшее и делать логически правильные выводы, изначально считая себя правой.

– Согрешила, а теперь строишь из себя умницу-разумницу. Не прикидывайся невинной овечкой, убийца! – сквозь зубы процедила заплаканная женщина.

– Давайте поубавим пыл, немножко обуздаем эмоции и последовательно во всём разберёмся, – вмешался Трофимов.

– По расписанию мордобои стоят не в наше дежурство, – добавил старлей.

– Спасибо за пояснение, Паша, – поблагодарил коллегу

Алексей и вернулся к встретившимся по воле судьбы особам женского пола. – Как мне к Вам обращаться?

– Нина, – представилась девушка с “Тойоты”.

– Жанна Олеговна, – тихо произнесла несколько успокоившаяся потерпевшая.

– Итак. Нина, двигаясь на тойоте задним ходом, каким-то образом задела дорожный знак, уходя от столкновения с ребёнком, либо просто по невнимательности, и тот упал на свинью проходящей рядом Жанны Олеговны, чудом не придавив и саму хозяйку, – реконструировал события майор. – Я ничего не упустил?

– Всё верно, – кивнула виновница, и потерпевшая повторила за ней.

– Отлично. Тогда что мы имеем? Административное правонарушение с косвенным причастием к гибели домашнего питомца, – растратовал Алексей.

– Смеётесь?! – недовольно воскликнула Жанна Олеговна. – Я требую завести уголовное дело по факту убийства!

– Мы ничего не можем поделать, – пожал плечами Трофимов. – Убийство животного не носит намеренный характер, а значит, не влечёт за собой уголовной ответственности. Несчастный случай, не более. Стоимость хрюшки Вам возместят и за знак, разумеется, Нине придётся заплатить. Однако на том, пожалуй, санкции закончатся.

– Я так просто это не оставлю! – угрожающе заявила пострадавшая. – Чингисхан был мне как сын!

– Семейное сходство на лицо, – тихо пробубнил себе под нос Сергеев, приподнявший знак, где лежало бездыханное тельце небольшой хрюшки леопардового окраса. – Только не пойму, какая часть у этой отбивной от Чингисхана. Тот вроде не был украинцем. . .

– Порося дохлая? – справился майор у Павла.

– Да, весьма дохлая, – подтвердил старший лейтенант и прикрыл покойную мини-свинью знаком. – Вызвать судмедэксперта, чтоб он установил точное время смерти?

– Думаю, нет необходимости, – едва не расхохотавшись над очередной шутейкой напарника, отклонил его предложение Алексей.

– Давайте решать вопрос на месте и расходиться, – выдвинула идею Нина. – Нервы у всех не железные, правильно?

– Думаешь сунуть мне деньги и уйти отсюда чистенькой? Такой у тебя принцип? – попыталась пристыдить виновницу Жанна Олеговна.

– Пакетик для желчи дать? Слишком много её выделяете! – парировала оппонентка.

– Потому что негодую! Ты лишила жизни члена моей семьи! – напомнила потерпевшая.

– Или предотвратила новое нашествие татаро-монгол, – не удержался от колкости Сергеев.

– Офицер, прошу, составьте поскорей протокол, иначе она меня совсем изведёт! – взмолилась Трофимову изнерничавшаяся Нина.

– Придётся подождать ДПС. Либо обойтись без формальностей, – выдвинул варианты майор.

– Ну, вот они наконец-то и познакомились, – порадовалась Алиса, вышедшая из сквера в сопровождении Вовы, который, окинув взглядом место происшествия, без энтузиазма резюмировал:

– Похоже, весёлое знакомство получилось.

Карпова радостно помахала родственнице рукой и довольно окликнула её:

– Тётъ Нин, приветик!

– Оо, привет, дорогая! Гуляешь со своим молодым человеком? – обернувшись, спросила просветлевшая виновница инцидента.

– Скорей, пока он просто мой ухажёр.

– И как звать твоего просто ухажёра?

– Вова. Вова, это – моя тётя, – представила Алиса две стороны друг другу.

– А я – Вовин папа, – подал голос растерявшийся Алексей. – Очень приятно...

– Нам с хозяйкой покойного обязательно представляться? – конкретизировал старлей.

Трофимов отвёл коллегу под крону липы и начал с ним перешёптываться.

– Хватит шутить, Пашка! Тут неловкая ситуация вырисовывается, – впал в ступор майор.

– А я думал исторический семейный момент, – почесал

макушку Сергеев.

– Оштрафую тётю девушки своего сына. Ахренеть потом ассоциации будут! – выложил перспективу Алексей.

– Денёк выходит богатый на события! Опоздала на собеседование, попала в передрагу со знаком, а теперь заимела знакомство с офицером милиции, – перечислила Нина.

– Может, пригласим мужчин на чай? – взяла инициативу в свои руки Алиса. – Вова как раз хотел проводить меня до дома...

– Хорошая мысль. Только в данный момент мы с папой твоего кавалера немножко заняты, – вернула племянницу с небес на землю тётя.

– Сейчас мы урегулируем сей вопрос, – подмигнув Нине, обнадёжил её Трофимов и, всучив Павлу свой бумажник, тонко намекнул тому. – Сергеев, ты у нас милиционер состоявшийся, поэтому я думаю, тут ты и без меня справишься. Ничего не могу с собой поделывать, когда получаю приглашение на чай.

– У Вас совсем совести нет?! – разозлилась потерпевшая.

– Всё от меня зависящее я сделал, – со спокойной душой подытожил майор.

– А мне что осталось? – осведомился опешивший старлей, вертя в руках бумажник коллеги.

– Договориться, – с улыбкой пояснил Алексей, сел на переднее пассажирское сиденье “Тойоты” и сказал Нине. – Поехали!

Вова с Алисой устроились сзади, тётя девушки заняла место за рулём и “Камри” рванула с места.

С лица приоткрывшего рот Павла сбежала присущая ему улыбка. Он озадаченно переглянулся с владелицей без пяти минут мёртвой свиньи, выдавил из себя сдавленный хрип и, с глупым видом сомкнув губы, робко развёл в воздухе приподнятыми руками.

Тем временем...

Проводив “Тойоту” презрительным взглядом, парень в кепке набок, держащий подмышкой пёстрый лонгборд, достал мобильник и, набрав нужный номер, приложил телефон к уху. После долгих гудков последовал ответ:

– Слушаю, Штопор...

– Босс, я у университетского сквера. Тут это... только что к Князевой в машину сел какой-то легавый, стрёмный тип. Они вот вместе уехали.

На другом конце провода не откликнулись, однако парень ощутил повисшее на линии напряжение и недовольство, в коем пребывал человек, еле слышно фырчащий в динамик. Спустя несколько секунд некто сбросил трубку и тонкошейный Штопор, недоумённо повертев сотовый в руках, покатил дальше на своём стильном лонгборде.

19

Поспешно распрощавшись со своей одноклассницей и сопровождающим её стилигой, Денис с Дашей бросились за покинувшими их друзьями. Ушли Коля с Томасом недале-

ко. Держа в руках бумажные стаканчики, наполненные свежесваренным капучино, они стояли чуть в стороне от входа в “Университетский” сквер, у кофейного ларька на автобусной остановке. Азикиве, яро жестикулируя, да так, что содержимое стаканчика порой выплёскивалось на асфальт, без умолку тараторил слова поддержки Белякову, который безразлично пялился на проезжую часть с бесконечным потоком машин и будто не слышал афроамериканца. Расстроенный и подавленный, он лишь иногда отхлёбывал уже подостывшего напитка и вяло кивал головой.

Когда к молочно-шоколадному тандему подлетели Маслов с Буровой, Томас недовольно фыркнул и, закатив глаза, поинтересовался:

– Чего явились?

– Не агрессивуй, чувак! – попросил Денис. – Мы извиниться.

– Если бы ворочали языком своевременно, сейчас бы не пришлось этого делать, – заметил Коля и вылил остаток кофе в слив у бордюра.

– Согласен, облажались, – признал Маслов, добавив. – Но и Вы нас поймите. Не могли же мы вот так взять и послать Вову.

– Потому что он сынок мента? – вскинул бровь Беляков и посмотрел на парочку.

– Или потому что мент его папаша? – дополнил нигер и словил косой взгляд друга.

– Нет, – опроверг Денис и пояснил. – Просто он не виноват, что Алиса крутит своим лисьим хвостом перед каждым вторым носом. Вова неплохой парень. Уверен, Вы бы с ним поладили, не будь с нами Карповой. Зацепились из-за девчонки – вот Вам и результат.

– Ден, не надо переписывать грехи на Алису! – вступилась за подругу Даша. – Хороши оказались все, включая нас. И Вова, будь он таким клёвым перцем, как ты говоришь, не стал бы лезть в нашу компанию со своими выхлобучками.

– Ну...он своеобразный тип, – пожал плечами Маслов.

– Ты пришёл оправдывать его? – уточнил Коля.

– Слушай, Колян, кончай строить из себя обиженного, – перешёл на более строгий тон Денис. – Я признал свой косяк. Чего ты ещё хочешь? Чтобы я обосрал Вову с ног до головы?

– С удовольствием бы на это посмотрел, – хохотнул Беляков и добавил. – Честно, я рад, что Вы подошли.

И парень с хвостиком приобнял голубоглазого бодибилдера, чья крепкая рука по-дружески похлопала его по спине.

– Мы бы ни на кого тебя не променяли, Колясик, – заверил Маслов.

– А меня обнимешь? – справился Азикиве. – Я типа тоже в обидках был.

– О чём речь? Давай к нам! – подозвал Денис ходячий выжженный кустарник и тот вклинился в объятия одногруппников.

– Меня забыли! – воскликнула Бурова и запрыгнула на

спину своему молодому человеку.

– Есть предложение! – подал голос в образовавшемся из четвёрки друзей клубке Маслов. – Погнали к нам с Дашкой на хату! Отвлечёмся от негатива и просто хорошо проведём время!

– Если твоя дама не против, я “за”! – согласился Томас.

– Не против! Я Вас даже оставлю наедине, – подмигнула слезшая с Дениса девушка.

– Я бы и возразил для приличия, да уж больно хочу тряхнуть стариной чисто с пацанами, – рассмеялся Маслов.

– Можно поподробней? – полюбопытствовал Беляков. – А то у меня бурная фантазия...

– Бутылки пива, трубка мира и джойстики Sega, – растолковал Ден. – Устроим кальянную вечеринку позавидней той, что сейчас проходит в сквере!

– Это мне уже нравится, – потёр ладони Азикиве.

– Тогда в алкомаркет и домой, – озвучил маршрут Маслов и развеселившаяся компания друзей, позабывших о неприятном происшествии, дружно побрела по пестрящему модными бутиками бульвару.

Спустя пять минут...

Томаса хватило ненадолго. Они не прошли и остановки, когда афроамериканец принялся сетовать на то, как замёрзли его оголённые до колен черномазые ноги. И хотя в городе устоялась приятная сухая погода, свежесть, надо признать, ещё ощущалась. Поэтому Денису пришлось ловить такси,

чтобы прекратить нытьё своего экзотического друга.

20

Выложив в кассу заправочной станции все имеющиеся при себе деньги, Тимофей прошёл к загудевшей колонке, где стояла заглушённая “семёрка” с вставленным в горловину топливного бака пистолетом, и облокотился на неё. Когда оплаченное количество бензина заполнило брюхо автомобиля, и счётчик остановился, Рябов вернул пистолет и крышку от бака на положенные места, после чего сел в машину.

– Совсем ополоумел??!! – неожиданно для самого себя взвизгнул парень при виде умиротворённо попыхивающего сигареткой товарища горячих кровей. – Ты чё творишь??

– Даже моя мама знает, что я курю, – поведал Джафаров и выпустил изо рта кольцо дыма.

– Мы на заправке, дурень! – в недружелюбной манере напомнил Тимофей. – Последнее, что твоя мама узнает, это как ты из-за своей пагубной привычки на воздух взлетел.

– Ладь, не сори опилками, бро, – попросил Забит и, выдвинув пепельницу, затушил в ней окурок.

– Ты где такого жаргона нахватался? – не понял Рябов и, заведя “семёрку”, удивлённо посмотрел на друга.

– У Зои Егоровны, – объяснил Джафаров.

– Она на тебя скоро стринги натянет и плясать заставит, – покачал головой Тимофей и с усмешкой добавил. – Диктатура чистой воды.

Гордость отечественного автопрома покинула террито-

рию станции и, немощно трясясь, направилась по трассе в сторону Малых Дукёв.

– Капец машина дёргается, – недовольно пробурчал Забит. – Того и гляди захлебнётся...

– Бенз походу хреновый, – предположил Рябов. – Вообще эта заправка сомнительная какая-то...

– Ты сомнительный. Вытяни подсос лучше чутка, – посоветовал Джафаров. – Она ж у тебя карбюраторная, просит еды побольше.

– Обойдётся, – отрезал Тимофей. – Там всего литров десять, если не меньше.

– Значит, дальше так колбаситься будем? – поинтересовался азербайджанец.

Рябов вздохнул и, поразмыслив, прислушался-таки к словам товарища, вытащив подсос. Автомобиль моментально пришёл в себя и стремительно понёсся вперёд. Парень выжимал из четырёхколёсной пенсионерки всё без остатка и, к чести производителей, она не пасовала. Для своих лет советская труженица тянула прилично. Это по достоинству оценили притаившиеся в густых кустах смешанного леса сотрудники ГИБДД, мимо которых резвая машинёшка промчалась словно вихрь. Выскочившие из засады инспекторы ДПС, Сафин и Самойлов, только и успели помахать жезлами вслед реактивной “семёрке”, однако мириться со злостным нарушением скоростного режима не пожелали и, запрыгнув в патрульную “десятку”, кинулись в погоню.

Лес начал редеть и вскоре сменился полями, делимыми трассой на две части.

Сев Жигулям на хвост, экипаж предварительно использовал “крякалку”, чьи грозные аккорды дополнил инспектор Самойлов приказом по громкой связи:

– ВАЗ двадцать один ноль семь красного цвета, немедленно остановитесь! – гнусаво донёлся его голос до парней с преследуемого транспорта.

– Подпалите мне усы, это за нами! – обеспокоенно охнул Забит, посмотрев назад.

– Нарисовались, коршуны облезлые, – стиснув зубы, процедил Тимофей и, сбавив ход, констатировал. – Плохо дело.

– Мы что-то нарушили? – уточнил струхнувший Джафаров.

– Да особо не нарушали. Только скорость на сотку превысили, – выдал расклад Рябов.

– Аллах Всемогуций! Нам крышка, – закрыв лицо руками, простонал азербайджанец.

– Ну, это ещё с какой стороны посмотреть, – ухмыльнулся Тимофей.

– Только давай без глупостей, бро, лады? – попросил Забит и, заглянув в глаза товарища, истерично просипел. – Иди ты в задницу! Я знаю этот взгляд!

– Повторяю! Красный ВАЗ двадцать один ноль семь, сворачивайте на обочину! – прозвучали очередные требования ГАИшников из громкоговорителя.

Тут Рябов вдавил педаль газа в пол и “семёрка” рванула от сотрудников милиции.

УИУ! УИУ! УИУ! УИУ! УИУ! – завизжала сирена под световое шоу проблесковых маячков на крыше милицейской “десятки”, устремившейся за нарушителями.

– Ты чокнутый!!! Нас же повяжут!!! – чуть не плача, высказался Джафаров.

БАХ! БАХ!

– Только продырявят сперва, – услышав выстрелы, дополнил азербайджанец.

– Чё творят, паскуды! Хоть бы предупредили, что огонь открывают, – возмутился Тимофей.

– Я ведь говорил...

– Хватит под руку бубнить, лучше помоги! – прервал нытьё однокурсника Рябов и пошёл на обгон, оставив позади чёрный “Форд С-Мах” и белую “нексию”.

– Чем? – не врубился Забит.

– Поднапрягись и придумай, – рывкнул на него друг, напряжённо наблюдающий за дорогой и периодически поглядывающий в зеркала.

БАХ! – снова выстрелил Самойлов, и пуля разбила задний фонарь красного автомобиля.

Тимофей непроизвольно дёрнулся от звуков пальбы, отчего крутанул руль и, угодив левыми колёсами в выбоину, вылетел на встречную полосу, по которой неслась фура. Тягач с длинным большегрузным прицепом смял бы легковуш-

ку в два счёта, но Рябов в самый последний момент ушёл от столкновения, вернувшись в свой ряд.

Джафаров, чья загоревшая кожа стала менять цветовую палитру ближе к меловому, вцепился в сиденье, боясь пошевелиться. Только что они с товарищем разминулись со смертью. Их спасли какие-то сантиметры.

Там, где широкие поля уступили место перелескам, показался опасный поворот, обозначенный знаком. В него Жигули вошли практически боком, следом едва не сбив переходившего дорогу по “зебре” человека. Из-за его появления на проезжей части, инспектору Сафину пришлось применить резкое торможение практически до полной остановки, что обеспечило нарушителям солидную фору.

Проскочив круговое движение, и не предоставив движущемуся по кругу транспорту преимущества, “семёрка” под гневные сигналы клаксонов добралась до следующего перекрёстка и свернула направо.

– Жопой чую, светит нам гильотина, – пессимистично заявил Забит и взял с заднего сиденья два пакета.

– Твоя жопа слишком сильно заросла, чтобы обладать даже самым слабым обонянием, – пошутил Тимофей и нахмурился, заметив в зеркало заднего вида, как их настигает преодолевший отрыв экипаж ДПС. – Опять они. Надоели!

– У тебя глаза близко посажены? – спросил шуршащий пакетом Джафаров и оценочно посмотрел на товарища.

– Ты фоторобот что ли на меня составляешь? – полюбо-

пытствовал Рябов.

– Ога. Я теперь даже если с повинной приду – не поможет! – отмахнулся азербайджанец, достал из кармана ключи и принялся дырять пакет. – Маски я нам варганю, чтоб рож не видно было.

– Хватит фигнёй страдать! Лажу какую-то мутишь, – раскритиковал друга Тимофей. – Дельное б чего соорудил.

– Например? – вскинул бровь Забит.

– Эм... ну... закидывай их ненужными вещами из салона, – придумал Рябов.

– Слушай, а ты мозг! – восхитился Джафаров и открыл бардачок, с омерзением вытянув оттуда нижнее бельё. – Аа-ауфф, это чьи панталоны?

– Бабушкины, наверное, – выдвинул версию Тимофей.

– Оо, большая честь к ним прикоснуться, – съёрничал азербайджанец. – Ты их ей по возвращению передать не забудь.

– Сам передашь, – хохотнул Рябов.

– Давай поручим сие дело нашим неугомонным фанатам, – решил Забит и, опустив стекло, вышвырнул панталоны за борт, угодив ими в лицо высунувшемуся из салона милиционеру машины Самойлову. Объёмные трусы обвили голову силящегося прицелиться сотрудника ГИБДД, и тот выронил из рук пистолет. Нервозно сбросив с себя развивающееся на ветру нижнее бельё, раскрасневшийся от злости мент скрылся в “десятке”.

– Вызывай подкрепление, – сказал напарнику Сафин.

– Над нами же потом до пенсии ржать будут! Хочешь позволить каким-то соплякам испортить нам репутацию?! – поразился Самойлов и подпрыгнул на сиденье, когда в их транспорт прилетело новое послание от пассажиров Жигулей – крестовая отвёртка, из-за контакта с коей по лобовому стеклу поползла трещина.

– А ты хочешь, чтоб они скрылись? – не понял водитель.

– Не скроются! Равняйся с ними капот в капот! – отдал распоряжение разгневанный ГАИшник.

– Там встречный поток не прекращается, – объяснил Сафин.

– Он ведь не сплошняком идёт! Нам хватит нескольких секунд, – заверил Самойлов и вытащил из кобуры напарника пистолет. – Поднажми!

И ментовской автомобиль, ускорившись, сместился на соседнюю полосу. Расстояние до “семёрки” таяло на глазах.

– Эй, лихач, они скоро окажутся по левую сторону от нас! – сообщил Джафаров другу.

– Вижу, – кивнул Тимофей и вильнул влево, перекрыв “десятке” путь. Тогда та дала вправо, но парень тем же способом сблокировал очередной её манёвр.

– Дьявол! – выпалил водитель милицейской машины. – Он не даёт мне вырваться вперёд!

– Тебя делает какой-то малолетний выскочка! Соберись! – прикрикнул Самойлов и только высунулся из окна, чтобы

выстрелить по колёсам преследуемого транспорта, как стоп-сигналы Жигулей вспыхнули красным светом, и морда “десятки” догнала задний бампер преследуемого автомобиля.

БАМ!

От удара пистолет выскользнул из рук сотрудника ГИБДД, повисшего на опущенном стекле своей двери. Сафин рефлекторно нажал педаль тормоза, а “семёрка”, любезно подтолкнутая милицейской машиной, припустилась дальше.

– Красава, Тим! – не поскупился на похвалу глядящий через плечо Забит. – Только не расслабляйся! Это ещё не конец...

– По-моему, он самый! – предположил Рябов и успел пересечь участок дороги, на который вскоре выбрело огромное стадо бляющих овец с белой кучерявой шерстью.

“Десятка” с работающими мигалками вынужденно остановилась перед скоплением животных, преградившим ей проезд.

БЕЕЕЕЕ! – вещала скотина и, обтирая объёмными шерстяными боками помятый бампер милицейского автомобиля, неторопливо мигрировала на другую сторону трассы.

– Может, всё-таки вызовем подмогу? – уточнил водитель и потянулся к рации, однако Самойлов треснул его по руке и гаркнул:

– Даже не вздумай! Ничего не было, понятно?

– А что по поводу машины скажем? Ветер покоцал? –

осведомился Сафин, наблюдая за тем, как “семёрка” превращается в крохотную точку.

– Оформим протокол ДТП. Как будто в первый раз, – цокнул напарник.

– Ладно, тебе видней, – недовольно ответил водитель и выключил проблесковые маячки. – Только не забудь перед начальством за моё табельное оружие отчитаться...

21

На мгновение Лавринайтис в нерешительности застыла, но сохранила твёрдость и, через нос вдохнув свежего воздуха, проследовала к не подающему признаков жизни человеку. Выставив электрошокер перед собой, девушка нависла над незнакомцем. Парню в запачканной кровью и грязью изорванной одежде на вид было не более двадцати лет. Он редко хрипло дышал, уткнувшись расквашенным лицом в коричневые траву и иголки.

– Чёрт, – прошипела Олеся и, заткнув шокер за пояс, присела к раненому. – Молодой человек, Вы меня слышите?

– Помогите, – из последних сил слабо прошептал приоткрывший глаза парень, с чьей синей нижней губы свисла густая пузырчатая слюна красного цвета.

– Конечно-конечно! Только не умирайте! – попросила рядовая и сказала. – Сейчас я свяжусь со своим шефом...

Взяв в руки рацию, Лавринайтис попыталась выйти на контакт с полковником. Безуспешно. Скорей всего, этот хряк просто игнорировал её, уединившись со жратвой в своём ка-

бинете.

– Сраный трус! – негодуяще выпалила девушка и, разъярённо швырнув рацию в ствол дерева, о который та разбилась, растерянно забегала глазами. – Блин! Что же делать? Похоже, придётся справляться своими силами...

– Меня дома...ждут... – страдающе выдавил раненый.

– Дома? По адресу, что указан в документах Чеботарева? – осведомилась Олеся.

– Чеботарев...мёртв... – промямлил юноша.

– Вы убили его? – уточнила рядовая.

На разъяснения данного вопроса у пострадавшего уже не хватило сил. Либо он, таким образом, просто ушёл от ответа.

– Вот дерьмо! – ругнулась Лавринайтис и напрягла скулы.

Тем временем парень болезненно прокряхтел и шевельнул руками в попытке упереться чумазыми ладонями в отсыревшую липкую землю.

– Осторожней! Я помогу, – решила сжалившаяся Олеся и подняла раненого на ноги. Молодой человек закатил глаза, изнеможённо пошатнулся, однако рядовая не позволила ему упасть. Она нырнула под него и, закинув руку парня себе за шею, поддела плечом его подмышку. Мускулистое тело юноши всем весом взвалилось на хрупкую девушку, отчего Лавринайтис покраснела, а на её лбу выступили капельки пота. – Что ж, дело за малым, – пыхтя, пошутила сотрудница милиции и потащила еле-еле перебирающего ногами парня к насыпи.

– Т-т-только... не туда... – взмолился он.

– В смысле? – не поняла рядовая и притормозила.

– Там... смерть... Оно... г-г-где-то рядом... – объяснил раненый и повесил голову.

Следующий вопрос Олеси оборвал хруст гравия под чьи-то тяжёлыми шагами. Девушка обратила своё внимание на дорогу и моментально обмерла, когда лицезрела появление на ней громадной уродливой твари с пластинами на спине и крепким панцирем, защищающим грудь.

Мерзкое существо что-то учуяло. Оно активно зафыркало влажным носом, словно вычленяя нужный запах из общего разнообразия ароматов, и медленно повернуло голову, остановив леденящий душу взгляд точно на побледневшей Лавринайтис. Дёрнув краем верхней губы, монстр оскалился и свирепо ринулся к жертве.

Рядовая пришла в себя, развернулась обратно вместе с виляющим на себе парнем и обратилась в бегство.

– Ну же, давай! Помогай мне! – кричала Олеся юноше, медленно ковыляя с ним напрямик в лес. Она прилагала титанические усилия для того, чтобы ускорить темп отступления. Впрочем, с человеком на спине, весящим больше её самой, подобное являлось невозможным. Бросить его девушка тоже не могла, поэтому до последнего надеялась на чудо.

Казалось, что нечто вот-вот настигнет их и разорвёт в клочья. Лавринайтис чувствовала дрожь земли от резких скачков чудовища, следующего за ними. И вдруг хищник начал

отставать. Его дыхание сбилось, сделалось тяжёлым и прерывистым. Сбавив скорость, злобное создание вскочило на задние лапы, как-то потерянно заморгало глазами, принялось жмуриться, вследствие чего стало спотыкаться и покачиваться из стороны в сторону подобно пьянице, ударяясь крепкими плечами о сотрясающиеся стволы деревьев.

Рядовая поднажала, дабы не упустить возможность оторваться от преследования. Она с трудом преодолагала усталость, упорно продолжая бороться за жизнь парня и свою собственную.

Наперерез Олесе выскочила мразь с веером острых игл и облезлым розовым хвостом. Шустро перебирая лапками, хлюпающими по влажной земле, противное подобие мыши максимально сблизилось с людьми, а затем прыгнуло на успевшую выхватить перцовый баллончик Лавринайтис, которая прыснула едкой смесью зверушке в морду. Гадина, получив порцию раздражающих веществ, шлёпнулась в скудную лепёшку снега у ног девушки и страдальчески зарокотала от сильного жжения в глазах и на рыле.

Девушка пнула сволочь в бок тяжёлым берцем и, поддерживая юношу, продолжила передвижение.

Между тем шипованное существо под три метра ростом беспомощно потрясло головой, стараясь избавиться от галлюцинаций, заполнивших размытое изображение. Тварь на время потерялась в пространстве и теперь силилась вернуть себе нормальную координацию, поднося лапы к черепу и ста-

раясь обхватить его ими. Правда, конечности слушались ископаемое совсем плохо, поэтому из этого ничего не вышло.

Сквозь мелькающие перед глазами вспышки и расплывающиеся в занавесе пелены мутные цветные кольца, монстр наблюдал за тем, как скрывается его добыча. Инстинкт велел следовать за ней и, несмотря на критичность своего самочувствия, создание ему повиновалось.

Неуклюже вскарабкавшись на ближайшую ель, хищник возобновил погоню, на последнем издыхании прыгая с дерева на дерево. Цепкость подводила его, и порой он совершал крайне неудачные перемещения, отчего временами съезжал со ствола, но впивался в него когтями и, вяло отталкиваясь, менял местоположение.

Ослабленное состояние не помешало зверю догнать свою цель. Краем глаза рядовая уловила скачущую среди хвои громадину. Один рывок отделял монстра от триумфа. И вдруг, будто обессилив, он сорвался с сосны и грузно рухнул на землю. Шарахнуло как от гранаты.

Раненый парень вскрикнул и повалился в лужу неподалёку от невиданного существа, утянув за собой и Олесю. Извозившаяся Лавринайтис, чья форма вымокла насквозь, а косметика на лице потекла, волоком оттянула юношу на несколько метров от чудища и только потом поняла, что в падении нечто пропахало молодому человеку спину когтями вытянутой лапы. Глубокие вертикальные порезы тянулись от шеи до ягодиц.

Девушка вставила в стреляющий шокер картридж и, включив лазерный прицел, навела его на гадину.

Хищник, мучительно извиваясь и корчась от боли в образовавшейся у дерева воронке, на глазах менял свой облик. Окаменелые пластины поочерёдно вываливались из своих гнёзд на ссыхающемся горбу, а панцирь превращался в хрупкий крошащийся мел, порошком осыпающийся с груди создания. Хвост на треть втянулся в копчик и приобрёл вид поникшей размочаленной верёвки. Складки на теле частично сгладились, с кожи сошла слизь. Верхние лапы сжались до размеров человеческой руки, когти на них несколько укоротились. Выrost на лбу неравномерно рассосался по покрытой лимонными пятнами макушке, сделав её более объёмной и бугристой. Жабры за прижатыми к голове скукожившимися ушами заросли. Глаза вдавились в морду, разъехали в стороны и их цвет сменился с жёлтого на серо-голубой. Влажное вывернутое наизнанку рыльце плавно деформировалось в не менее безобразный нос с большими перекошенными ноздрями и задраным вверх кончиком. Пасть перекосилась, сместилась на один бок, однако сохранила заточенные под самурайские ножи зубы.

Не решаясь выстрелить, рядовая в замешательстве наблюдала, во что перевоплощается безжалостное мистическое животное и теперь различала в нём черты изуродованного ребёнка.

Тут к стоящему на четвереньках зверю откуда ни возьмись

подбежала запыхавшаяся пожилая женщина с потрёпанными белоснежными волосами и, упав перед ним на колени, истерично воскликнула:

– Лёня! Лёничка!!! Неужели это ты?!

– Совсем сдурели?? Отойдите, живо! – приказала ей обалдевшая Олеся.

– Не стреляйте, умоляю! – простонала повернувшаяся к сотруднице милиции женщина, после чего нежно провела ладонью по щеке появившегося из тела монстра ребёнка. По её морщинистому лицу прокатились слёзы. – Я должна быть рядом с ним!

– Он Вас убьёт! – надрывно воскликнула Лавринайтис, крепче сдавив в мокрых трясущихся руках шокер.

– Нет, он больше не опасен! – завершила странная особа, на чьём плече дрожала красная точка лазерного прицела дистанционного электрошокера.

– Вы адекватная??? Подайтесь в сторону, немедленно!!! – как можно жёстче отчеканила рядовая, заметив, что монстр постепенно возвращается к прежнему виду.

– Пожалуйста, не делайте резких движений! – гасила пыл девушки в погонах женщина, не замечая, что жуткое создание приходит в себя, теряя черты ребёнка и вновь обретая кровожадную внешность доисторического зверя, обрастающего своей мясистой склизкой оболочкой оливкового цвета.

– Я сказала в сторону!!! – горланила Олеся, нервно водя пальцем по спусковому крючку своего оружия.

– Дайте мне немного време... – не договорила свою очередную просьбу пожилая дама, откинутая к Лавринайтис резким ударом удлинившегося хвоста монстра и лишившаяся выпавшего из кармана брюк свистка.

Среагировала рядовая моментально. Нажав на спусковой крючок шокера, она выпустила гарпуны-электроды, впившиеся в морду твари, и ту слегка потрянуло от электрического разряда. Правда, на этом эффект иссяк. Ископаемое сорвало с себя токопроводящие провода и, оскалившись, вылезло из воронки.

Девушка, пятясь назад, судорожно перезарядила картридж. К ней прижалась оклемавшаяся после падения чудака и, сквозь слёзы взирая на набравшее габариты существо с отрастающими шипами, с разочарованием просипела:

– Опять крах, Лёня...я в очередной раз тебя подвела...

БАХ! БАХ! БАХ! БАХ! БАХ! – затерзали толстую шкуру чудовища пули “Глока”, отчего оно неистово взревело.

– Б-б-бегите! – через силу дал указание палящий по гадине из лежачего положения парень и напоследок добавил. – Я...я Яков кстати...

Спорить с ним сотрудница милиции не стала, а лишь коротко ответила:

– Олеся...

Молодой человек, преодолев приступ невыносимой боли, улыбнулся ей, и пистолет в его вялых руках снова ожил, поливая огнём агрессивно настроенное животное.

БАХ! БАХ! БАХ! БАХ! БАХ!

Стволы деревьев ежесекундно мелькали перед глазами Лавринайтис, тянущей за руку беловолосую женщину. С бешеной скоростью отдаляясь от парня, она огибала их на рефlekсах, чудом не запинаясь о неровности ландшафта.

Прогрело ещё несколько раз, уже не так оглушительно, и стихло. Судя по всему, перезарядить обойму Якову не удалось, и он встретил свою смерть.

Олеся понимала, что они – следующие, поэтому останавливаться было ни в коем случае нельзя, но женщина позади совсем не поспевала за ней, поскользнулась по слякоти, а вскоре и вовсе хлопнулась наземь.

– Только не сейчас. Вставайте! – голосила рядовая.

– От судьбы не убежишь. Особенно когда своё уже отбегал, – ухмыльнулась дама с изменившимся на землистый цвет лица, схватившись за живот в месте, где на рваной кофте разрослось кровавое пятно.

– О, Боже! Везёт же мне сегодня, – покачала головой сотрудница милиции, и подняла спутницу на ноги, протараторив. – Надо срочно выбираться из леса!

– Я не дойду, – сказала истекающая кровью особа. – Спасайтесь сами, пока не поздно...

– Ну уж нет, – отказалась Лавринайтис и, обнаружив в нескольких сотнях метров от них большой травянистый бугор с кривым проёмом, решила. – Укроемся в той хижине!

Достигнув древней землянки, на чьей крыше колосилась

молодая растительность, свергающая отмершую старую, они влетели внутрь и завалились на сырой земляной пол. Раненая прижалась к поросшим мхом брёвнам, составляющим стены, а Олеся легла на спину, со вздохом откинув назад руки и закрыв глаза.

Переведя дух, молодая девушка вооружилась заряженным шокером и баллончиком, заняла позицию у края прохода и осторожно выглянула из-за угла. Её напряжённый взгляд внимательно изучил ближайшую местность, включая верхние ярусы леса. Навострённые уши в свою очередь силились уловить звуки, сигнализирующие о приближении зловещего существа.

– Если он найдёт нас, твои штучки не помогут, – пессимистично заметила слабеющая на глазах женщина.

– У Вас есть другие варианты?! – возмущённо поинтересовалась сотрудница милиции.

– Был. Вылетел из кармана... – с досадой поведала дама. – Ультразвуковой свисток.

– Отлично! Может, тогда прогуляемся за ним? – выдала обречённый сарказм Лавринайтис.

– Сейчас целесообразней замолчать и ждать чуда, – сурово подытожила чахнувшая особа и Олеся, словно пристыжённая за свою глупость, покорно подседа к ней, надеясь, что их пронесёт.

ные стены, деревянная мебель “под старину” с застеклёнными полками, тканевые чехлы на стульях, засушенный букет цветов в вазе на квадратном столе, за которым сидели Трофимов с сыном, создавали уютную атмосферу ламповых посиделок. Денег на ремонт и отделку в своё время явно не пожалели, преобразив среднестатистическую комнатуху в поистине сакральное место.

Владелица квартиры и её племянница занимались организацией трапезы для гостей, вертясь в зоне готовки. Пока Алиса жарила яичницу с луком, Нина нарезала хлеб, разложила столовые приборы, а после взялась заваривать чай.

– Нескладно со свинкой вышло, – вздохнула женщина, разливая горячую воду по кружкам с чайными пакетиками. – И хозяйка на редкость вредная попалась. Как начала на людях на меня верещать, я даже опомниться не успела. Все прохожие оборачиваются, смотрят. Так стыдно мне ещё никогда не было. Если бы не Вы... ой, даже не знаю, как Вас благодарить.

– Ерунда, забудьте, – отмахнулся майор и, расстегнув манжеты своей ментовской рубашки, закатал рукава. – У нас каждое дежурство какие-нибудь концерты.

– И как Вы только справляетесь? – изумилась Нина и поставила на стол хлебницу. – Терпеть подобный маразм изо дня в день...

– Главное на этом не заикливаться, – развёл руками Алексей. – Тем более, такие граждане не представляют зна-

чительной угрозы обществу, в отличие от маньяков и насильников.

– Не скажите, – хохотнула женщина.

– Ну, по мне лучше скандалистам сопли подтирать, нежели идти по кровавым следам убийцы, – решил милиционер, положив в свою кружку две ложки сахара. – Хотя, признаюсь, психолог из меня не очень.

– Сегодняшний случай явно из разряда запущенных, – предположила Нина и улыбнулась гостю. – Здесь не помогут даже профессионалы.

– Как же здорово, что у меня завтра отпуск начинается. Умотался, сил нет, – поделился размешивающий чай майор.

– Уже наметили какие-то планы? – поинтересовалась женщина и расставила тарелки, по коим её племянница разложила аппетитное блюдо из яиц.

– Честно, даже не задумывался об этом. Некогда, – пододвинув кушанье к себе, поведал Алексей.

– Могу предложить Вам поездку в один чудесный санаторий, – выдвинула идею Нина, наконец, устроившись за столом рядом с собеседником. – У них сейчас, между прочим, акция два плюс два. В полцены нам, считайте, билеты обойдутся. По мне, это отличная возможность провести время с детьми и узнать друг друга получше.

– Почему бы нет. Всяко веселей, чем в городе киснуть, – заметил милиционер и обратился к ребятам. – А Вы что приехали, молодёжь? Языки что ли зубочистками пришпилили?

– Они стесняются, – подмигнув подсевшей к Воле Карповой, сказала женщина. – Парочки двадцать первого века нынче такие...

– Не парочка мы ещё, – обрубилА Алиса и хлебнула чаю.

– Скорей взаимно симпатизирующие друзья, – дополнил Вова.

– Ой, да ладно Вам умничать. К чему стесняться? Тут все взрослые люди, не переживайте, – заверила сияющая от счастья Нина.

– Лучше расскажите, как Вы познакомились, – попросил майор, уплетая яичницу.

– Не так романтично, как ты с мамой, – признался по-доброму улыбнувшийся парень.

– Куда уж романтичней... Разбить дорогушую люстру в кафе пробкой от шампанского, – как-то по-ностальгически печально рассмеялся Алексей и пожал плечами. – Язык не поворачивается приравнять мою неуклюжесть в тот день к романтике.

– Мама считала иначе. Возможно, именно своей непосредственностью ты её и зацепил. Она всегда рассказывала о Вашей первой встрече с особой нежностью, словно сказку читала, – вспомнил Вова.

– Твоя мама была...необыкновенной, – дрогнувшим голосом прошептал мужчина и отвел влажные глаза в сторону.

– Вова показывал мне фотографию, где она с Вами, – исподлобья посмотрев на офицера, несмело произнесла Алиса

и с грустью добавила. – Вы очень красиво смотрелись вместе...

Майор благодарно кивнул и заявил:

– Вы визуально тоже друг другу подходите.

– И мы не прочь узнать, каким образом Вы познакомились, – вклинилась настойчивая Нина. – Нам же любопытно, родня всё-таки.

– Тётя, я уже замучалась повторять, что на данный момент мы не пара. О чём вообще речь? – не понимала рассерженная племянница.

– Позволь уточнить, яичницу ты кому готовила, мм? – любопытствовала женщина.

– Это, по-твоему, главный показатель? – возмутилась Алиса.

– Конечно! – согласилась Нина. – Ты лишний раз себе еду в микроволновке не подогреешь, а тут вдруг яичницу сварганила!

– Тебя раскусили, – с набитым ртом пробубнил Вова и поиграл бровями.

– Давай ты ещё поехидничай, – закатила глаза девушка.

– Даю. Может, нам не помешают сваты? – не двусмысленно пошутил парень, заглянув Алисе в глаза.

– Кто б нас ещё спросил, – усмехнулась девушка.

– Ладно, не желают говорить – их дело, – прекратил дознание Алексей и провёл кусочком хлеба по жирной тарелке, собрав на него остатки жареного лука. – Мне преступников

пытать хватает.

– Предлагаю поддаться следователю и его напарнице, – ка-
питулировал Вова.

– Валяй, – разрешила Алиса.

– В общем, мы познакомились на научной конференции
в институте, – сознался-таки парень. – Я пришёл туда по на-
стоянию своего куратора, чтоб кое-какой материал для ис-
следовательской работы подчерпнуть, а Алиса как раз с до-
кладом выступала. Ну и вместо записывания в блокнот важ-
ных пометок, я просто сидел и не мог оторвать от неё глаз.
Понравилась, одним словом. Пришлось набраться смелости
и по окончании мероприятия пойти налаживать контакт.

– Классно! – восхитилась Нина. – Так охота узнать о Вас
побольше!

– Из них истории клещами вытягивать придётся, – омра-
чил мечты женщины милиционер, чьё внимание поглотило
вошедшее на кухню гордой походкой несуразное бесшёрст-
ное создание черепахового окраса с плотно прижатым к те-
лу и завёрнутым бубликом хвостом – кошка породы сфинкс
в голубом вязаном свитере и пинетками с помпонами. Её
кожа, сморщенная, будто после приёма горячей ванны, на-
поминала замшу с еле заметным пушком. С высокомерным
безразличием в выразительных глазах животное с недоволь-
ной мордой, которая ни разу не повернулась в сторону го-
стей, целенаправленно проследовало к хозяйке квартиры и
запрыгнуло ей на колени.

– Вот тут, я считаю, поездка в санаторий может очень помочь в выработке доверия, – не упустила возможность сагитировать Нина, принявшаяся гладить своего урчащего питомца.

– Полностью согласен, – поддержал майор и окинул взглядом ребят. – Тогда бронируем путёвки?

– Если серьёзно, то ближайшая неделя, а то и больше, у нас занята, – огорчила тётю и её нового знакомого Алиса.

– Чем же? – вскинула бровь женщина.

– Университетским кинофестивалем, – пояснил Вова.

– Мы с ребятами хотим снять фильм и побороться за главный приз, – разложила девушка.

– Ну состряпаете кино и отдыхать, – ляпнула простая как три копейки Нина со свернувшейся клубком прямо у неё на ногах кошкой.

– Ага, думаешь это быстро? Производство ленты очень трудоёмкий процесс. Проработка сценария, съёмки, монтаж. Чтобы выиграть, надо приложить максимум усилий, – сказала Алиса.

– При том ещё неизвестно, как долго мы пробуем в “Тайнике Лешего”, – подхватил подругу парень.

– Где, где?? – подскочила не на шутку всполошившаяся женщина, отчего сфинкс в одежке вынужденно спрыгнул на пол.

– В “Тайнике Лешего”, – растерянно ответила её племянница, не разобравшая суть беспокойства тёти.

Алексей нахмурился и спросил:

– Зачем Вы в “Тайник Лешего” собрались?

– Дык у нас там съёмки запланированы, – не утаил сын.

– А что не так? – совсем запуталась Алиса.

– Там не безопасно. Ни ногой туда, Вы поняли? – сурово процедила Нина.

– В каком плане не безопасно? – постарался выпытать Вова.

– Уже многие годы там совершаются убийства.

– Но ведь это лишь истории для запугивания приезжих, – помотал головой уверенный в своих словах парень.

– То, что обитает в том лесу, держит в страхе даже местных, – выдала взвинченная женщина.

– Откуда Вам знать, что на самом деле там происходит? – продолжал узнавать Вова.

– Я... работала там какое-то время, – опустила глаза Нина. – До первого закрытия “Тайника Лешего”...

Офицер насторожился. Возможно, эта особа знала гораздо больше о происходящей в лагере чертовщине, чем кто-либо ещё. Трофимов наблюдал за её странным поведением и, отмечая для себя признаки волнения, такие как покусывание губ и дрожь, всё крепче убеждался в том, что она явно утаивает нечто важное.

– Кем, если не секрет? – ненавязчиво включился в разговор милиционер.

– Я? Эм... – Нина осеклась и задумалась, после чего сбив-

чиво ответила. – Да...обычной уборщицей.

– Уборщицей? – поразилась Алиса. – Но на тех фото ты совсем не похожа на работника обслуживающего персонала...

Тётя осуждающе посмотрела на племянницу, перекосившись от недовольства. Этот жест не остался без внимания Алексея, догадавшегося, что девушка невольно поймала родственницу на лжи.

– Каких фото? Можно взглянуть? – обратился с просьбой мужчина в погонах.

– Зачем? – забеспокоилась женщина, оттолкнувшая вьющуюся у её ног кошку. – Вас так интересует моё прошлое?

– Ну, нам же надо узнать друг друга получше, – выдавил скудную улыбку майор.

– Мне не нравится, в каком ключе развивается наша беседа, – поставила в известность Нина.

– Почему же? Вы что-то скрываете? – копал дальше вкрадчиво прищурившийся милиционер.

– Нет, – опровергла женщина. – Просто не считаю нужным затрагивать...

– Тогда не вижу проблемы в том, чтобы Алиса ознакомилась с теми фотографиями, – не дослушав собеседницу, вставил реплику офицер и перевёл призывающий к действиям взор на оторопевшую девушку, мгновенно вставшую с места и молча удалившуюся в соседнюю комнату.

На кухне воцарилось напряжённое молчание. Трофимов

внимательно разглядывал Нину, теребящую край скатерти, а Вова предпочитал не раздражать отца и держал рот на замке, ожидая развития событий.

– Что Вы надеетесь там увидеть? – нарушила тишину женщина.

– Вас, – коротко бросил милиционер.

Алиса вернулась, держа в руках альбом, украшенный картинкой впечатляющего водопада. Она открыла его в нужном месте и положила перед офицером. Тот, заглянув в пожелтевшие страницы с вклеенными фотографиями, искривил лицо и, прилипнув округлившимися глазами к одному весьма любопытному изображению, до хруста сжал кулаки.

Потёртый тусклый кадр вместил семерых человек: скобоченного от давящей на плечо лямки ружья сторожа с дымящей трубкой во рту, дохлого веснушчатого парня, крепкую околпаченную повариху, двух облачённых в белые халаты девушек и серьёзного усатого мужчину, держащегося за ручки кресла-коляски, где сидел ребёнок-инвалид. На фоне различался деревянный тамбур, пристроенный к корпусу для персонала, куда Тамара Климова навещалась в надежде отыскать своего пропавшего сына, Петю, но так и осталась ни с чем.

Трофимов хорошо помнил тот день, когда приехал в лагерь с целью отомстить её мужу, Ивану, а курносый дрищ с фото помешал ему пристрелить подонка. Лохматого охранника с его деревенским говором милиционер тоже сразу

узнал, как и одну из девушек в халатах – молодую Нину...

23

Таксист на базальтовом Рено Logan высадил компанию молодых людей у алкомаркета “**Виноградная лоза**”, куда Маслов забежал за пивом вместе с друзьями. Паспорт у совсем юного на лицо парня здесь уже давно не спрашивали, так как продавщица знала своего постоянного покупателя в лицо. Пока две пластиковые полторашки наполнялись светлым “Пшеничным”, Даша раскрутила Дениса на баночку мультифруктового сока, батончик “Mars” и клубничную жевательную резинку “Hubba Bubba”.

Закупившись по полной программе, банда обогнула здание магазина и проследовала ко второму подъезду ближайшей четырёхэтажки, после чего поднялась на третий этаж.

В выглядящей вполне себе сносно однушке, где парочка жила уже около полугода, хозяев ждал небольшой сюрприз. У самого порога обнаружили две скромные по размерам пахучие кучки. Их творец укрылся на кухне под столом и боязливо выглядывал своими тёмными глазками-бусинками из-за картонной коробки с крупами.

– Штирлиц, мать твою! Какого хрена ты здесь натворил?! – грубо прогорланил Маслов, отчего собачка, похожая на маленького пушистого лисёнка, спряталась за своё укрытие.

– Штирлиц? – хихикнул Томас.

– Да, – кивнул Денис. – Завела тут Даша одного говняря.

– Он у Вас, я смотрю, кондитер, – пошутил растянувший до ушей рот Беляков.

– Ага. Ща я его собственные пирожные дегустировать заставлю! – направляясь к кухне, угрожающе гаркнул Маслов, и по другую сторону коробки послышалось беспомощное пищание.

– Ден, не надо его обижать. Он и так напуган, – пролепетала сердобольная Бурова, жалостливо опустив уголки рта и вывернув наизнанку губы.

– Тогда сама уберёшь за ним этот шедевр, – поставил условие парень.

– Вот и уберу! – согласилась Даша и, достав из-под стола рыжего трясущегося шпица, уткнулась носом в мягкую шерсть пёсика, приговаривая. – Штирли! Ты мой бедненький малыш. Испугался, да? Лапуся, мамочка защитит тебя от злого папочки.

– Бедненький он! Зашибись! – запричитал Денис и спросил. – А если я обосрусь посреди комнаты, ты меня тоже бедненьким называть будешь? Что-то сомневаюсь!

– Не кричи, – призвала своего парня к тишине Бурова. – Штирли вздрагивает, когда слышит твой недружелюбный голос.

– То есть мне ещё заткнуться? Извини, что нарушаю гражданский покой твоей собачки, – наигранно попросил прощения Маслов, демонстративно наклонившись вперёд и отведя одну руку в сторону.

– Извинения приняты, – смиловалась Даша, не переставая гладить своего любимца, от удовольствия высунувшего язык.

– Сюсюкаешься с ним больше, чем со мной. Может, Вам отдельную квартиру снять? – предложил Денис.

– Ещё к Штирли меня приревнуй, ну, – поразились своему молодому человеку Бурова.

– Я ревную к нему не тебя, а наш совместный бюджет! – поправил Маслов. – На его собачьи спа-процедуры денег уходит больше, чем мне на одежду! А он, неблагодарный, ещё такое выкидывает!

– Ему тебе благодарственное письмо что ли накатать?

– Я хочу, чтобы он не вредил. Блин, мы же с ним буквально перед парами гуляли! Он три раза по-крупному бомбардировал. Три! Откуда у него снаряды берутся?

– Мне кажется, лучше спросить, чем она его кормит, – гыгыкнул Коля на пару с Азикиве.

– Штирли не виноват в том, что его приспичило, – отвернув шпича от парней, сказала Даша.

– Ладно, нянькайся с ним дальше, – отмахнулся Денис и наказал. – Только сперва убери его резонансные изделия.

После того, как ребята помыли руки и справили нужду, Бурова взяла из ванной комнаты совок с щёткой и начала освобождение коридора от инородных предметов органической природы. Штирлиц виновато наблюдал за хозяйкой, иногда подбегая к ней и шевеля по воздуху чёрным носиком,

улавливающим запахи своего вопиющего прокола.

Тем временем парни зашли в устланную ковром просторную комнату с раздвижным диваном, тумбочкой, шкафом и телевизором, висящим на обклеенной износившимися обоями стене. За гардиной скрывался выход на балкон, быстро отысканный Азикиве, который тем самым решил проблему с местом для курения травки.

– Эй, Том, давай-ка повременим с этим, – остановил нигера Беляков, вываливший на диван несколько больших пачек чипсов. – Иначе ты до кальяна не дотянешь.

– Я ж не на плантации марихуаны, – привёл аргумент афроамериканец. – Хотя и мечтал бы там затеряться.

– Хорошо, пыхни, – разрешил Коля и предостерег. – Только чуть-чуть. А то ещё пожарных вызовут.

– И учти, нам с Дашей на жилплощади жмурики без надобности, – осведомил Маслов.

– Либо сразу пиши объяснительную, на всякий случай, – дополнил красноволосый парень.

– Спасибо за заботу! – с обидой пробубнил Азикиве и уединился на застеклённом балконе, с коего открывался вид на детский сад с новенькой игровой площадкой.

– Чёрт, ну и вонь же тут стоит! – с отвращением скуксив лицо, пожаловался Беляков.

– Ща уладим, – успокоил Денис и, схватив стоящий на тумбочке дезодорант for man, залил им всё пространство комнаты.

– Мда, красавица! Теперь у Вас вообще невозможно дышать! – прищурив глаза, пожурил одноклассника размахивающий руками Коля.

– Так, уважаемые, прежде чем Вы начнёте своё пати, сделайте милость, свяжитесь с нашим потенциальным сценаристом для конкурсного фильма, – попросила Бурова со Штирлицем на руках, закончившая уборку в коридоре.

– Это не ко мне, – открестился Беляков и, сжав в руке вощёный хвостик, подтянул резинку.

– Слушай, дорогая, мы и без Бори состряпаем что-нибудь годное. Я не хочу ворошить прошлое... – признался Денис.

– Я настаиваю, – упёрлась Даша, почёсывая спицу шейки. – И не надо преувеличивать. Вы вполне адекватно с ним общаетесь.

– Мы общаемся как знакомые, у которых нет общих тем, – разъяснил Маслов.

– Вы просто не пытались их найти, – заметила Бурова.

– Хорошо. Я позвоню ему. Но если он не возьмёт трубку – мы едем без него, – поставил условие Денис.

– Если он не возьмёт трубку – сходите к нему лично, – сказала Даша. – Человек живёт в доме напротив, ноги не отвалятся.

– Не, Дениска, ты меня, конечно, извини, но мне кажется, этот спор ты проиграешь, – поделился мнением Коля, плюхнувшийся на диван.

– Ладно, вечером звякну, – сдался Маслов.

– Нет. Здесь и сейчас. При мне, – настояла Бурова.

Денис почесал голову и, вздохнув, нехотя достал из кармана джинсов телефон. Он нашёл в адресной книге контакт **“Друг по ошибке”**, присвоенный его детдомовскому приятелю, Боре Костину, и нажал кнопку вызова. Пошли гудки. Абонент не отвечал, и Маслов уже хотел было прекратить звонок, как на другом конце провода послышалось сонное: *“По выходным фанатов не принимаю...”*.

– Даже меня? – спросил звонящий.

– Ден? – удивился Борис. – *Я думал это один из читателей, требующих назад свои деньги.*

– Деньги? За что? – не понял Маслов.

– *За книгу.*

– Ты же один из самых популярных авторов России, любимчик публики. Как до такого дошло?

– *При редактировании в издательстве произошла какая-то ошибка и в мой последний роман вставили часть эротического рассказа. Теперь не успеваю отбивать атаки разъярённой массы людей, приобретших данный гибрид.*

– Ясно. Поэтому будничным день сделался у тебя выходным?

– *Не совсем. Я сам решаю, когда мне взять паузу и отдохнуть.*

– Хозяин жизни, – ухмыльнулся Денис.

– *Вроде того,* – подтвердил Костин.

– Здорово! Я как всегда безмерно за тебя рад, – с нарочи-

тым лицемерием торжественно произнёс Маслов.

– Ты вспомнил обо мне в память о былой дружбе? – любопытствовал Борис. – Или же просто хочешь меня о чём-то попросить?

– Не хочу врать. Второе, – прямо ответил Денис.

– Ожидаемо. Что ж, я весь во внимании...

– У нас тут в институте кинофестиваль намечается, и мы с друзьями решили в нём поучаствовать. Даша хочет, чтобы сценарий к нашему проекту написал именно ты. Она в диком восторге от твоих “Бу!” произведений, поэтому для неё это очень важно, – изложил суть Маслов.

– Признаться честно, у меня сейчас творческий кризис и меня как-то не очень тянет к перу, – огорчил собеседника Костин. – Даже ради твоей подруги...

– Я не собираюсь тебя уговаривать, отнюдь. Но если в ближайшие дни передумаешь – звони. Возможно, вдохновение посетит тебя на природе, подальше от города. Если точнее, в заброшенном лагере, “Тайнике Лешего”.

– Ладно, я подумаю, – пообещал Борис после вдумчивой паузы и положил трубку.

– Ну? Что он говорит? – начала расспрос нетерпеливая Бурова.

– Ничего обнадеживающего для тебя. Сказал, что подумает, – передал Денис.

– Боря согласится, вот увидишь! Просто он такой же упёртый, как ты, – предположила Даша.

– Видимо, они этого у тебя нахватались, – влез Беляков.

– Кто бы говорил, – покачала головой девушка.

– Кстати, как нам быть с Алисой? – вспомнил Маслов.

– Ой, чувак, опять ты больную тему поднимаешь, – недовольно пробурчал вышедший с задымлённого балкона Томас.

– Всё равно придётся что-то решать, – сомкнул руки в замок Денис, подсевший к Коле.

– А что тут решать?! – возмутилась Бурова, и Штирлиц, наострив ушки, с недоумением посмотрел на неё расширившимися глазёнками. – С нами поедет!

– То есть Вам пофиг, что за ней ещё кое-какой балласт увяжется? – поинтересовался задетый за живое Беляков.

– Попросим её не брать Вову с собой, в чём проблема? – продолжала биться за честь подруги Даша, поставившая на пол шпица, который веско рывкнул в поддержку хозяйки.

– Она без него не согласится ехать, – расстроено прошептал насупившийся Коля и опустил глаза.

– Вот и посмотрим, – заключил Азикиве.

– В общем, либо она едет с нами без Вовы, либо не едет вообще. Всех устраивает такой расклад? – подвёл черту Маслов, на что все утвердительно кивнули. – Замечательно! Наконец-то можно на время отвлечься...

– Не буду мешать, мальчики. Поднимусь до нашей соседки Ани, на четвёртый, – сообщила Бурова, накидывая тапочки.

– Только оранжевого вредителя с собой захватить не забудь! – напомнил Денис.

– С Вами бы я его ни за что не оставила, – гордо заявила Даша и поманила собачку к себе. – Штирли, иди к мамочке!

Довольный шпиц, виляя хвостом с обосранной чуть ниже шерстью, деловито засеменял лапками и, словно ужаленный в зад, заскочил в распростёртые руки наклонившейся девушки.

– Можешь не торопиться, – прокомментировал Маслов.

– Засранец, лишь бы меня сбагрить, – цокнула улыбнувшаяся Бурова и вышла из квартиры.

– Люблю тебя! – крикнул ей вслед качок и, переполняемый радостью, обратился к парням. – Ну, понеслась!

Вскоре...

– Обалдеть можно! – повторив губами форму буквы “О”, восторженно протянул Томас при виде приставки Sega, которую Денис извлёк из пыльной коробки с верхотуры шкафа.

– Вообще чума! – подхватил Беляков. – Прямо киндер сюрприз для детей девяностых!

– Смотри не растрогайся, – хохотнул Маслов и разложил весь набор на ковре.

– Шутишь? Уже растрогался! – признался Коля и, проведя рукой по раритетной консоли, замороженно прошептал. – Бьёшь по ностальгии! У меня в детстве такая была!

– А я у друзей играть пробовал, – поделился Азикиве.

– Только не в сегу, – заржал Беляков. – Игра называлась

“спрячь закладки дури промеж своих загоревших булок”.

– Тебе походу дурь упрятали глубоко в черепную коробку, – парировал Томас. – И прикрыли красной соломой, замотав её в хвост.

– Между прочим, именно красная солома помогает Вам видеть меня за версту и никогда не терять в толпе, потому что обладает самой большой длиной волны. Она как сигнальный маяк, – сравнил Коля, подняв вверх указательный палец.

– А от длины волны зависит длина члена? – задумался Азикиве.

– Естественно. Чем больше длина волны, тем меньше член. Физику не учил что ли? – с серьёзным видом привёл аксиому Денис.

Томас гоготнул.

– Мы, кажется, вели речь о приставке, – откашлялся Беляков и полюбопытствовал. – Колись, где ты её откопал? Спёр, небось?

– Один знакомый отдал почти даром. И два джойстика с несколькими игровыми картриджами в придачу, – поведал Маслов, демонстрируя комплектующие.

– Ничего себе подфартило! – позавидовал афроамериканец и взвесил геймпад на ладони.

– Такой ценностью обзавёлся, – восхитился Коля.

– Сам до сих пор не нарадуюсь! – закивал Денис. – Как подвернулась возможность, сразу её себе забрал.

– Выглядит, будто только из магазина, – заметил Беляков.

– Так в неё толком не играли, лежала никому ненужная, – объяснил Маслов. – Но теперь-то эта крошка не будет скучать! И нам не даст.

– Ей повезло попасть к истинным ценителям, – поиграв бровями, облизал пухлые губы нигер.

– Не обобщай. Мы с Денчиком не содомиты, – поправил Коля.

– Кто?? – не врубился Азикиве.

– Не важно, – отмахнулся красноволосый товарищ. – Давайте скорей всё это дело подключать.

– Здесь и один справится, – решил Маслов. – Пусть Томас занимается сегой, а мы пока организуем нам кальян.

Доверив человеку-головешке свою игровую приставку, Денис залез в шкаф и, гремя, принялся откапывать составные части курительного устройства, подавая найденные Белякову, бережно принимающему каждую деталь.

– Тут явно чего-то не хватает, – констатировал Коля, когда его друг закрыл деревянные дверцы хламохранилища.

– Да, чашка давно потерялась, – подтвердил Маслов. – Однако у меня есть идея, чем её заменить!

– Миской Штирлица? – попробовал угадать Беляков.

– Захотелось дизентерию подхватить?! – округлил глаза Денис.

– Этот пёс ухоженной тебя, – привёл аргумент красноволосый.

– Не всегда! – поправил Маслов.

– Ладно, убедил, – согласился Коля. – Ну, так что предложишь?

– Консервную банку! – ответил Денис.

– Вас собака на консервную диету посадила? – уточнил Беляков.

– Ты сейчас кого имеешь в виду? – затупил Маслов.

– Без комментариев. Тащи сюда протез для кальяна. А я пока в колбу воды залью.

Денис сбегал на кухню и, вооружённый ножом, вернулся с пустой консервной банкой из-под осетра. Острым лезвием столового прибора парень начал срезать верхнюю плоскость жести. В этот же момент Томас, закончивший возню со штекерами приставки и соответствующими им разъёмами на телевизоре, врубил ящик, заоравший на полной громкости томными вздохами обнажённых любовников. От резко возникшего оглушительного звука Маслов дёрнулся и съездил кухонным мачете себе по пальцам, словно смычком по струнам скрипки. Сдержанно вскрикнув, он поместил травмированную пару перст в рот и, слюнявя, замычал. Азикиве, сперва засмотревшийся на прокручиваемую по телевидению эротику, охнул и поспешил заткнуть стонущих на экране людей путём нажатия нужной кнопки на пульте.

– Кальян на крови? Что-то новенькое, – оценил пришедший с ванной комнаты в обнимку с наполненной водой кол-

бой Коля и, взгромоздив ту на самодельный деревянный столик, показал “во”.

– Томас, мля! – с плаксивым видом ругнулся Денис, обсасывая пальцы.

– А я что? Надо перед выключением звук убавлять, – дал совет афроамериканец.

– Согласен. Сам спалился, – поддержал темнокожего друга Беляков и поставил колбу на ворсовый ковёр. – Теперь мы знаем, какая у Вас с Дашей ТВ программа.

– Тут обычно мультики крутят, – оправдался Маслов и продырявил ножом дно банки.

– Хентай, – внёс ясность Коля.

– Не важно. Лучше ответь, у тебя фольга с собой есть? Я что-то совсем про неё забыл...

– Издеваешься? Нет, конечно.

– Это я так, шучу.

– У меня есть, – как в школе поднял руку Азикиве.

Беляков с Денисом удивлённо уставились на одногруппника и переглянулись.

– Даже не хочу знать, зачем он носит с собой фольгу, – открестился Маслов.

– А я – откуда он её сейчас достанет, – добавил Коля.

– Ну у него же есть рюкзак? – выразил надежду Денис, на что Беляков отрицательно помотал головой. – Твою ж...

– Успокойтесь. Не хотите – дело Ваше, – развёл руками Томас.

– Доставай, чё делать, – пошёл на риск Коля и нигер извлёк из заднего кармана своих шорт сложенный в несколько раз лист фольги.

– Фух, пронесло, – с облегчением выдохнул Маслов и, приняв шуршащий материал, обтянул им самодельную чашку, после чего, позаимствовав с полочки Даши тонкую иголку, проделал в фольге частые точечные отверстия, следом отложив её в сторону. Далее он пристроил консервную банку к кальяну и довольно хмыкнул.

– Как влитая, – одобрил Беляков.

– Ну дык ещё бы, – самолюбиво произнёс Денис, вытащив полупустую тубу с таблетками химического угля и коробочку с несколькими видами табака. – Выбирайте вкус.

– Слива, – определился Томас.

– Подлива, – передразнил улыбающийся Коля. – С тобой всё ясно.

– Я за кактус с лаймом, – проголосовал Маслов.

– Солидарен, – вторил Беляков. – Хочется чего-нибудь необычного.

– Вот Вы динамики, – огорчился Азикиве.

– Я тебе потом найду сливу поспелей, – утешил товарища Коля и от души захохотал на пару с Денисом, который, набив чашку табаком и закрыв её заранее подготовленной фольгой, при помощи щипцов закусил таблетку угля и непродолжительно прогрел зажигалкой по всей поверхности.

Дышащая жаром чёрная пилюля отправилась на закры-

тую фольгой консервную банку, постепенно передавая тепло табаку. По истечении нескольких минут, Маслов сделал несколько затяжек. Дыма практически не было, что вызвало у Дениса лёгкое недоумение. Парень подождал ещё какое-то время и снова затянулся. Эффект оказался тем же.

– Никудышный из тебя кальящик, – резюмировал Беляков.

– Первый раз такая дрянь, – ответил Маслов. – Придётся прибегать к экстренному методу.

– И почему меня это настораживает? – прищурившись, засомневался Томас.

– Честно, я уже ничему не удивлюсь, – заявил Коля. – Главное уйти отсюда живыми.

Денис выкатил из угла упрятанный за гардиной пылесос и подключил к сети. Его друзья потупились на агрегат и как-то неоднозначно заулыбались.

– Чё лыбьтесь? Суйте мундштук в трубку, – повелел Маслов.

– Как глубоко? – поинтересовался Азикиве.

– Пока с обратной стороны пылесоса не покажется, – серьёзно разъяснил Беляков и, когда Денис врубил загудевшее чудо бытовой техники, достал из кармана сотовый. – Перестань задавать глупые вопросы, пихай уже. Я на видео сниму.

Афроамериканец выполнил поручение одноклассника и протолкнул мундштук кальяна в засасывающее воздух дуло пылесоса под язвительные комментарии красноволосого

оператора:

– Дорогие друзья, с Вами рубрика откровения и сегодня мы узнаем самую страшную тайну Тома. Были времена, когда ему не давали даже резиновые тёлки, поэтому со временем у нашего джигита появилась определённая закомплексованность в себе. И вот однажды он переступил через себя и попробовал интим с пылесосом, вследствие чего у него развилась пылесосная нимфомания. Теперь ничто не заводит Тома так, как рёв мотора уборочной машины. Наша шоколадная плитка топится при виде...

– Я сейчас твой рот засосу этой трубкой, если не заткнёшься, – гневно перебил Колю надувшийся Азикиве.

– Томас хотел пояснить, что мы всего лишь пытаемся раскочегарить кальян и его вовсе не возбуждает данный пылесос, – дипломатично разрулил Беляков.

– Другое дело, – успокоился нигер.

– Потому что мощность слабая и диаметр трубки для Томи слишком маленький, ха! – подколот афроамериканца довольный Коля, попутно увернувшись от его пинка.

Маслов выключил пылесос, подошёл к Азикиве и забрал у того кальянный шланг. После длительной затяжки, сопровождающейся бульканьем воды в колбе, Денис выпустил изо рта густой дым и одобрительно закивал головой.

Через некоторое время...

На фоне бескомпромиссной рубиловки в **Mortal Kombat** парни аристократично попыхивали кальяном и потягивали

холодное пиво. Подобно морским губкам всосав в себя пенное вприкуску с чипсами, они осушили пластиковые бутылки и теперь, находясь на диване в полулежащем положении с прикованными к экрану телевизора окосевшими взглядами, вели философские беседы в приподнятом настроении под клацанья кнопок джойстиков, по коим пальцы слегка опьяневших ребят попадали далеко не всегда. Между ледяными комбо Колиного Саб-Зиро и яростными ударами безумного четырёхрукого Горо Дена, друзья обменивались короткими репликами обо всём и ни о чём. Томас же часто выбегал на балкон и дул свои нескончаемые заначки, так как ему играть доставалось меньше остальных. Без последствий эти марафоны для афроамериканца не прошли, и в итоге развезённый в хлам Азикиве завалился перед одноклассниками посреди ковра, выпятив кверху свой зад.

– Том, ну ты и свинья! – проямлил Беляков, нервно долбя по клавишам геймпада в попытке расправиться с оппонентом в ожесточённой виртуальной баталии. – Я даже не сомневался, что ты первый поляжешь!

– Проверку на стойкость не прошёл, – заметил размахивающий джойстиком Маслов, стараясь не проиграть красно-волосому оператору Саб-Зиро в седьмом поединке подряд. Он направлял грозного мускулистого Горо в атаку, однако Колина “ледышка” мастерски разбиралась со всеми действиями громилы, что заставляло психовать поддатого Дениса.

– Кто бы тряндел про стойкость, амиго! Ты ведь так и не

прошёл меня, – рыгнув, хохотнул Беляков и руками Саб-Зиро пафосно добил игрового персонажа Маслова. Качок от досады чуть не запульнул геймпад в телевизор, выпалив:

– Обмороженная китайская простата!

– Эта простата покруче твоего квадрожиопа будет, – заступился за героя игры Коля.

– Не правда! – возразил Денис. – Я им Дашу на раз-два делал! А тебе просто поддался, потому что уважаю!

– Повтори это при Даше и быстро без бубенцов останешься, – с пьяной ухмылкой выкатил Беляков.

– Она у меня не такая бойкая, как Алиса, – противопоставил Маслов.

– Карпова у нас вообще из другой оперы, – помрачнел Коля и выплеснул эмоции, накипевшие за день. – Устроила круговерть и заняла созерцательную ложу. Складывается ощущение, что она кайфует, сталкивая лбами парней.

– Так и есть, – подтвердил Денис и, поднявшись с дивана, завещал, усердно жестикулируя трясущимися руками перед носом товарища. – Алиса относится к тому типу девушек, которые любят находиться в центре мужского внимания. Ей становится скучно без грязи и интриг. Она считает себя королевой бала и тащится, когда ощущает важность собственной персоны. Её непомерно раздутое эго требует поддержания соответствующего статуса. С помощью парней, вроде тебя, Карпова пытается самоутвердиться, поднять свою самооценку на нужный уровень. Для неё триумф – это апогей

конфликта между поклонниками.

– Ничё ты там разложил после пивка с кальяном. Пря́м древнегреческий мыслитель Пивкаль... – промычал в ковёр неподвижный Азикиве и загыкал сквозь сомкнутые зубы.

– Он ещё в силах слова склеивать? – удивился Беляков.

– Том, не сбивай с нужной волны. Мы в отличие от тебя пободрей соображаем, – раздражённо бросил пьяный Маслов, добавив. – И не пускай сопли в мой ковёр!

Афроамериканец завалился на бок спиной к товарищам и согнул ноги в коленях.

– Так на чём мы остановились? – уточнил шатающийся Денис.

– На характеристике Алисы, – напомнил Коля.

– Ах, да. Если коротко – она стерва, – лаконично подвёл черту Маслов и икнул.

– Вероятней всего, своей стервозностью она меня и зацепила, – наклонив голову вбок, задумчиво вскинул бровь Беляков.

– Ну и дурак, – плюнул Ден.

– Откуда мне было знать, что её флирт – один сплошной фарс? Мне казалось, она другая и испытывает слабость к романтикам. Я планировал посвятить ей стих... – мечтательно протянул Коля.

– Выкинь бред из головы! – ударив ладонью по шкафу, жёстко сказал Маслов. – Да, девки много говорят о романтике, следуя сложившимся в обществе стандартам, и может

закрасться впечатление, что именно её они ищут в парнях. Вот только на деле в подавляющем большинстве случаев им в таком возрасте нужны дерзкие оторвы и показушники, на чьё безбашенное и порой идиотское поведение они клюют, как рыбки на червя.

– Становится ясно, почему Даша выбрала именно тебя, – расхохотался Беляков.

– Моя Дашулька – исключение! – с обидой в голосе заступился за свою девушку поддатый Денис и с гордостью добавил. – Я ей очень дорожу. Если не веришь, могу доказать!

– Мне не надо ничего доказывать, я всё знаю, – отклонил предложение Коля.

– То есть ты считаешь меня дурачком, не дорожащим своей любимой и не способным ради неё на поступки? – возмутился Маслов, чьи губы задрожали, а уголки рта плаксиво опустились.

– Куда тебя понесло, Денчик? Я ж пошутил...

– Не увиливай! – истерично просипел голубоглазый качок. – Я не позволю ставить под сомнение наши с Дашей отношения и покажу тебе прямо сейчас, насколько они сильны! – решил взявший курс на балкон парень, который запутался в гардине и теперь нервно пытался выпутаться из неё.

– Ты чего делать собрался?? – спросил Беляков.

– Вскарбкаюсь по балкону на четвёртый этаж, где у соседки сидит моя сладенькая плюшечка, и на всю округу признаюсь ей в любви! – костлявым языком озвучил план Ден и,

высвободившись из плена занавески, вошёл-таки на застеклённую площадку, выступающую из здания.

– Кажется, я тебя недооценил, – закатил глаза отодвинувший гардину Беляков. – Ты и вправду дурачок.

– Нет. Я рискованый! – поправил товарища Маслов и открыл окно, впустив в задымлённое пространство свежего воздуха.

– Хорошо. Когда солдатиком вниз полетишь, не забудь честь отдать, – пошутил Коля и сложил руки на груди.

– То есть тебе будет всё равно, если я грохнусь? – прищурив мутные припухшие глаза, разочарованно поинтересовался Денис.

– Ну, скорую вызову, – прикинул Беляков. – Могу заранее заказать.

– Вот значит как... – сглотнул слюну расстроенный Маслов.

– Ты сам изволишь херню творить. Я тебя туда лезть не заставляю, – напомнил Коля.

– А я назло тебе это сделаю! – ткнув одногруппника пальцем в плечо, заявил Денис и коряво залез на подоконник. Затем он высунул кружащуюся голову из окна, а потом и вообще подался наружу до пояса.

– Том, с этого момента нас на одного меньше, – осведомил чернокожего друга Беляков, вернувшийся на диван.

Пускающий слюни Азикиве что-то промычал и, дрыгая пятой точкой, пополз по направлению к ванной.

– Сумасшедший дом, – прокомментировал массирующий

виски Коля и офигевшим взглядом проводил оторвавшиеся от подоконника ноги в носках. Они подпрыгали в воздухе, следом за чем, подтянутые Масловым, скрылись в верхнем углу окна с внешней стороны квартиры. Ими болтающийся на доме Денис несколько раз брыкнул козырёк собственного балкона, судорожно стараясь не сорваться, и, наконец, твёрдо встав на выступ, заглянул к соседям...

Пять минут назад...

– В общем, Аллочка, я не знаю, как сказать ему о том, что я беременна, – похрустывая сочными овощами, заключила поникшая Даша. С миской свежего салата в руках она сидела на табуретке рядом с занимающейся фитнесом подругой и отстранённо наблюдала за проделываемыми той упражнениями. Вездесущий Штирлиц сновал по всей квартире, периодически становясь перед хозяйкой и жалостливо выпрашивая у неё еду.

– Во-первых, рано делать окончательные выводы после первого теста, а, во-вторых, если это действительно подтвердится, радоваться надо! – усердно выполняя махи ногами в горизонтальном положении на специальном коврикe, поделилась мнением подтянутая девушка.

– Куда уж там, радоваться, – глубоко вздохнула Бурова и перевела потерянный взгляд в угол, отведённый для спортивного инвентаря: большого гимнастического мяча и похожего на колючего ёжика маленького массажного, обруча, скакалки, ленточного эспандера и лёгких неопреновых ган-

телей. – Я в полном смятении.

– Уверена, Дениска тебя поддержит! – пыхтя в такт своим движениям, успокоила соседку Алла и, облизанная в щёку надоедливym шпичем, прежде обнюхавшим её лицо своим мокрым холодным носиком, скривилась. – У него третий десяток не за горами, самое время завести ребёночка.

– Вряд ли он сильно обрадуется, – сомневалась Даша, набивая рот зеленыю.

– Не накручивай. Верь в него и тогда будет Вам счастье, – раскрыла формулу успеха девушка в топике, напульснике и спортивной повязке на лбу, взяла в руки гимнастический ролик и, встав на колени, принялась качать пресс, медленно катая колёсико вперёд-назад.

– Счастье?! – едва не подавившись салатом, выкрикнула Бурова, вынудив отпрыгнуть от её ног трусишку Штирлица. – Мы ведь ни морально, ни финансово не потянем это счастье! Я вообще в ужасе от осознания того, насколько кардинально нам придётся перестроить свою жизнь! Мы совершенно не готовы к событию такого масштаба...

– Все поначалу беспокоятся и не знают, каким образом себя вести. Но чувство страха и неуверенности пройдёт. В определённый момент Вы свыкнитесь с этим и станете с нетерпением отсчитывать дни до знаменательной даты, – заверила Алла.

– Говоришь так, будто сама рожала, – пробубнила Даша.

– Увы, не рожала, однако с удовольствием бы отдала всё

без остатка за то, чтобы Боженька послал мне ангелочка... – призналась спортсменка.

– Мне бы твой настрой... – посетовала Бурова.

– Настрой придёт, – сказала отложившая в сторону ролик Алла и, промокнув взмокшее лицо полотенцем, отпила воды из бутылочки. – Просто попробуй успокоиться и посмотреть на ситуацию с обратной стороны. Только представь, ты станешь мамой! Разве не к этому должна стремиться девушка?

– Нет, в планах, конечно, я рассматривала возможность забеременеть. Но сейчас слишком рано, – посчитала понурившая голову Даша и погладила вернувшегося к ней рыжего пёсика. – Денис ещё не созрел...

– Ты сомневаешься в нём? – уточнила её подруга.

– Скорей да, чем нет, – неуверенно кивнула Бурова и пояснила. – Просто мы с ним толком никогда не обсуждали данный вопрос. Ден не любит затрагивать темы продолжения рода.

– Вот когда на свет появится его кровиночка, тогда ты и поймёшь, созрел ли он. Не торопись с выводами, – призвала Алла. – Порой, мужчинам достаточно лишь взглянуть на это маленькое чудо, дабы пробудить в себе отцовские чувства.

– Он сам как дитя, – хмыкнула Даша.

– Ну не знаю. Лично на меня он производит впечатление очень культурного и ответственного мужчиии... – голос девушки в спортивной одежде скакнул практически на визг, когда из-за перил её балкона, где на верёвках сушилось по-

стиранное бельё, вынырнула сперва голова, а следом и туловище парня, о коем у них с соседкой шла речь.

Штирлиц, услышав панический вопль одной из девушек, принял воинственную позу и без разбора неубедительно завякал, силясь выглядеть как можно устрашающей. На кого пушистая собачонка катила бочку, она не знала сама. Нарушитель порядка в её поле зрения не попал. Зато тщедушный лисёнок прекрасно понимал, что в сложившейся ситуации главное хорошо себя проявить и тогда, возможно, хозяйка отблагодарит его каким-нибудь лакомством.

Пошатнувшийся от порыва ветра Маслов, добравшийся до цели, на мгновение потерял равновесие, но вцепился в перегородку и, вытаращив перепуганные глаза, выдохнул. Чуть не навернулся. Ох и ёкнуло же в груди! Пронесло. Переведя дух, парень нервно улыбнулся и постарался сделать максимально непринуждённую мину, чтобы никто не подумал, будто бы он чуть не обделался. Обратив на себя внимание опешивших представительниц прекрасного пола, Денис помахал им рукой сквозь прозрачные после мойки окна и для пущей важности не спеша огляделся по сторонам, оценив живописный вид, открывшийся отсюда на их квартал. Затем молодой человек поднял голову, обратив взор на шиферную крышу, заполонённую воркующими голубями, и невольно зажмурился от слепяще отражающихся от её оцинкованных краёв лучей тёплого солнышка.

Не в самом хорошем смысле сражённая наповал Бурова,

чья нижняя челюсть с трудом закрылась от удивления, не смогла подобрать слов к беспрецедентному происшествию. Отставив чеплашку с салатом, она молча, со смешанной гримасой страха и негодования на лице, выскочила к забравшемуся на верхний этаж здания возлюбленному и принялась заволакивать его “на борт”.

– Не трогай меня! – упёрся Маслов, балансируя на краю балкона. – Я поступок совершаю!

– А я тебе сейчас по тылке надаю, ненормальный! – гневно прогорланила Даша, тягая парня за руку. – Ну-ка живо полезай ко мне, иначе расшибёшься!

– Дай мне сделать важное заявление! – попросил Денис, несколько протрезвевший после лазаний по стенам дома, однако Бурова смирила его своей хмурой физиономией, и ясно дала понять, насколько сильно она возмущена.

Маслов принял благоразумное решение не спорить с девушкой. Поддерживаемый ей, он неуклюже перевалился через перила и грохнулся на пол.

– Ты это видела? – возмущённо спросила подругу Даша.

– Скорей бы забыть, – кивнула соседка и отпихнула ногой Штирлица, под шумок накинувшегoся на миску с салатом.

– Позорник! – помогая Денису встать, сказала ему Бурова. – Не стыдно?

– Ай, ничего ты не понимаешь, – натянув сползший с пятки носок, отмахнулся Маслов, зашёл в комнату, по пути к выходу поприветствовав Аллу и покинул квартиру, огорчён-

но хлопнув дверью прямо перед мордой засеменившего за ним шпица.

– Вот тебе и представительный мужчина, – раззявила рот спортсменка.

– Как же я вляпалась... – прохлюпала Даша и закрыла лицо руками. – Может на ранних сроках, пока не поздно, сделать химический аборт?

– Я те сделаю! Ты чего такое вообще говоришь?! – взорвалась спокойная доселе Алла.

– Это от безысходности, – оправдалась Бурова.

– Сохраняй достоинство, Даш! Нет у нас такого права, жизнь отнимать. Если так не хотели ребёнка, почему не предохранялись? – спросила девушка в спортинке.

– Потому что не по кайфу в резинке, – честно ответила её подруга.

– Покайфовали и теперь в кусты?! – поразилась Алла. – Поведение малолетних детей! Должно же быть чувство долга, ответственности... Давайте разбирайтесь в этом всём, а об аборте даже думать забудь! Поняла?

Бурова утвердительно кивнула и шмыгнула носом.

Тем временем...

Томас, перегнувшись через стенку ванной с льющейся из крана холодной водой, под которую афроамериканец подставлял голову, чтобы прийти в себя, громко натужно блевал. Под эти истошные звуки в свою квартиру вернулся Маслов. Парень незамедлительно решил проведать, как обстоят

дела у шоколадного зайца, и встретил вышедшего из кухни ему навстречу Колю, облегчённо воскликнувшего:

– Хвала небесам, живой!

– Бодро посидели, скажи? – стыдливо покачал головой Денис и извинился. – Прости меня за мудяцкое поведение...

– Ничего. Если закрыть глаза на второй акт наших гуляний, то вполне себе неплохо провели время, – улыбнулся Беляков.

– А ты чего на кухню забрёл? – справился Маслов.

– Искал активированный уголь, – объяснил Коля. – Он у Вас вообще имеется? Просто чуваку за этой дверью не помешало бы бахнуть пару-тройку таблеток...

– У нас тут всем Даша заведует, – беспомощно развёл руками Маслов. – Да и я такое вообще не жру.

– Обойдусь, мне уже лучше, – успокоил товарищей пожелтевший Азикиве, выглянувший из ванной комнаты.

– Заметно. У тебя лицо цвета сливного отверстия, – описал Беляков.

– Кстати, насчёт этого самого отверстия. Если оно забилось, вантуз у толчка, – сориентировал одноклассника Денис.

– Главное, чтоб после его извержений Вам не пришлось покинуть помещение в связи с экологической угрозой, – пошутил красноволосый и встретился взглядом с несчастным Томасом.

– Как же хочется тебя треснуть, – слабо пролепетал нигер

с кислой рожей и, добравшись до дивана, немощно свалился на него. Мгновение спустя Коля присоединился к нему, по-доброму потрепав друга по мокрым дредам.

Маслов же отошёл к холодильнику и достал оттуда бутылку с вишнёвым морсом, однако открыть её не успел. В комнате зазвонил забытый Буровой на тумбочке телефон и Денис, оставив воду на кухне, подскочил к мобильнику девушки, воспроизводящему рингтон песни Димы Билана “**Невозможное возможно**”. Входящий вызов был от Алисы Карповой.

24

Впереди плетущаяся “Ода”, выдерживающая скорость не более тридцати километров в час по проложенной через густой хвойный лес нелюдной дороге, обложенной слабым туманом, включила правый поворотник и свернула на неукреплённую обочину. Тимофей остановился в нескольких метрах позади неё и заглушил двигатель.

– Ты чего удумал?! – недовольно полюбопытствовал Джафаров у друга и признался. – Мне уже заведомо поплохело, бро...

– Номера бы с этой тачки свистнуть, – объяснил Рябов, наблюдая за немощным старичком, вылезавшим из салона ржавенького Ижа сапфирового цвета.

– Охренеть мы сегодня в ударе! – вновь запричитал Забит, прикрывая лицо рукой. – Просто Чип и Дейл по другую сторону закона. Косячим каждые пять минут, я даже со счёта

сбился. Ты нам заранее срок продлить решил или как??

– Наоборот намерен задержаться на свободе, – прокомментировал невозмутимый Тимофей и проследил за тем, как похожий на хворостину мужичок, держащий в руках заветный рулон туалетной бумаги, который ему вручила пассажирка лет семидесяти, сбежал со склона обочины в окутанную молочной пеленой низину, после чего неторопливо захромал к ближайшим соснам.

– Блин, тоже срать захотелось, – фыркнул азербайджанец и, схватившись за живот, наклонился к бардачку. – Может, взять у него бумаги в долг да облегчиться?

– Сейчас не время поддаваться мирским соблазнам! Пошли! – открыв дверь, сказал оснастившийся крестовой отвёрткой Рябов.

– Мне-то зачем? – не понял Джафаров.

– Отвлечёшь бабулю, – дал указание Тимофей и на полусогнутых ногах прошуршал к троящей “Оде”, то и дело издающей чихающие хлопки.

Забит, виновато озираясь по сторонам, дождался, когда его товарищ скрутит задний гос. номер, и, сунув руки в карманы штанов, робко подошёл к пассажирской двери Ижа, а затем осторожно постучал костяшками пальцев в окно. Пенсионерка в съехавшем на бок вишнёвом берете и больших круглых очках, делающих её похожей на вечно удивлённую пучеглазую стрекозу, медленно повернула голову и, прищурившись, опустила стекло.

– День добрый, бабушка, – завёл разговор Джафаров, пока Рябов впрыскав окутал машину. – Вам помощь нужна?

– У нас нет кота. Кого Вы хотите нам вернуть? – тихо протянула мямлящая старушка, с раззявленным ртом разглядывая мутные очертания парня сквозь толстые линзы своих дополнительных глаз.

“Вот глухомань!” – подумал растерявшийся азербайджанец и потупился на пенсионерку.

– При чём здесь кот? Помощь Вам, говорю, нужна? – повысив голос, повторил вопрос Забит и покосился на открывающего передний номер автомобиля Тимофея.

– Да, моего мужа прижала нужда. И что с того? Он же никому не мешает, среди деревьев, – вступилась за супруга жующая каждое слово женщина.

Джафаров раскраснелся от негодования, однако, сделав глубокий вдох, сдержался и спросил ещё громче:

– Помощь нужна Вам или нет?

– Аа, помощь, – растянув пордевший на зубы рот, наконец, поняла бабушка и заинтересовалась. – Какая помощь?

– У Вашей машины номера грязные, надо бы протереть, – не понижая мощности говорения, членораздельно изложил Забит.

– Совсем что ли чумазы? – уточнила пенсионерка и удивлённо посмотрела на контур головы, быстро проплывший рядом с левым бортом “Оды” от капота к багажнику.

– Уже не важно, – проследив вместе с собеседницей за от-

ступлением друга, отмахнулся Джафаров и добавил. – Мой товарищ Вам всё почистил. Удачно доехать!

После этого азербайджанец пулей чухнул к “семёрке” и, запрыгнув в салон, едва успел захлопнуть дверь, прежде чем Рябов резко тронул с места.

Старик, подтиравший в тот момент зад, увидел короткий фрагмент кражи неизвестными лицами номеров со своего транспорта, отчего обронил рулон туалетной бумаги и, размахивая руками, с возмущёнными криками выбежал на трассу в приспущенных штанах.

Автомобиль воров растворился в лёгких облачках тумана, не предоставив слабовидящему владельцу “Оды” возможности разглядеть ни марки, ни цвета.

– Какие милые молодые люди, протёрли нам номера, – с доброй улыбкой на лице поделилась с супругом бабушка.

– Люся, они их украли! – проорал мужчина, заставив жену подскочить от потрясения.

Номерокрады же спустя несколько километров, преодоленных в очень короткий интервал времени, свернули под указатель “Тайника Лешего”, где будто на жёсткой табуретке протряслись по гравию до умершего лагеря.

Туман рассеялся.

Всё это время Забит молчал и в молчании сём чувствовалось безмолвное потрясение. Даже для него столь отвязные приключения оказались слишком тяжёлым испытанием. Он думал, что любит подобный беспредел, но друг заставил

его если и не поверить в обратное, то, как минимум, засомневаться в данном вопросе. Бесспорно, в детстве их троица творила много всякой ерунды, вот только тогда это было весело, с присущим ребяческим азартом. А теперь? Да никакие их прошлые шалости не шли в сравнение с тем, что они на пару с Рябовым намесили за неполный день в, казалось бы, осознанном возрасте. И то ли Джафаров остепенился, растеряв весь свой задор, то ли Тимофей добрал хулиганского потенциала, прибавив в прыти. Во всяком случае, азербайджанец не переставал офигевать со своего товарища, с каждым разом ещё больше поражаясь его безбашенности.

Рябов, с коего ни с того ни с сего словно сошло лицо, резко бросил педаль газа и побледнел. “Семёрка”, дёрнувшись, заглохла, прокатилась несколько метров по инерции и в итоге остановилась недалеко от покрытых коррозией главных ворот заброшенного “Тайника Лешего”.

– Чё с тобой, Тим?? – не на шутку перепугавшись, спросил однокурсника Забит. – Сердце?

– Нет, – помотал головой обливающийся липким потом парень, чьи потерянные глаза забегали с невероятной скоростью. – Тот сон...

– Что сон? – не понял Джафаров, и товарищ указал ему на голубой “Беларус” со смятой мордой, дополнив жест фразой:

– Всё сбывается...

– О, нет, – разделив беспокойство друга, пролепетал азербайджанец и скопировал с Рябова неестественную гримасу

испуга. – Трактор Якова...

– Надо скорей отыскать его, – буквально вылетев из машины, отчаянно просипел Тимофей и, учащённо дыша, бросился к повреждённому агрегату Ашурова.

Припустившийся за другом Забит едва не врезался тому в спину. Рябов встал у “Беларуса” как вкопанный.

Джафаров выглянул из-за плеча однокурсника и, порыскав взглядом по земле, заглянул Тимофею в глаза.

– Сон оборвался как раз тут, когда Яков вывалился из кабины трактора... – пялясь на очерчивающее контур человеческого тела место, где примятая жухлая трава собрала на себе кровавые капли, прошептал в объяснение Рябов.

– Похоже, мы опоздали, – вздохнул трясущийся от страха Забит.

– Я так не считаю, – возразил Тимофей и всмотрелся в чашу. – Скорей всего, он где-то там.

– Спятил?! Мы не пойдём в долбаный лес! Яков, вероятно, уже мёртв!

– Ты видишь его тело?

– А тебе страсть как хочется найти изуродованного покойника??

– Не хорони его раньше времени! Возможно, сейчас он как никогда нуждается в нашей помощи, однако рискует её не дождётся только потому, что так решил Забит!

– Тим, одумайся! Я не хочу, чтоб мы сдохли.

– Может, хоть раз подумаешь о других?

– Чёрт возьми, он был и моим другом тоже!

– Так в чём тогда, мать его, проблема?? Как считаешь, Яков бы хоть секунду колебался, случись подобное с одним из нас?

– Я всегда был самым малодушным в нашей компании и строил из себя крутого только в Вашем с Яковым присутствии. Трус я! Трус!!!

– Все мы трусы...

– Ога. Только я уже на пределе, – признался Джафаров, больше не в силах вести внутреннюю борьбу с самим собой. Он всхлипнул и, пустив слезу, извинился. – Прости, братан, бродилки по этим обоссанным дебрям вообще не осилю.

Рябов, помолчав, несколько поостыл. Давить на товарища было лишним и он, осознав это, по-доброму положил руку на плечо азербайджанцу.

– Понимаю, – кивнул Тимофей. – Не идти со мной в лес – твоё право. Я не стану настаивать.

– Прости... – пролепетал шмыгающий носом Забит.

– Всё нормально, – подбодрил однокурсника Рябов. – Поменяй тогда номера на тачке, окей? Чтоб времени даром не терять.

– Лады. Давай особо не задерживайся, – попросил Джафаров.

– Я быстро, – обнадёжил его Тимофей. – Надеюсь, вернусь вместе с Яковым.

И друзья разошлись: Забит занялся переставлением но-

меров на замершей посреди широкой гравийной дороги “семёрке”, а Рябов побрёл в отталкивающий своим устрашающим угрюмым видом промозглый сосняк.

– Яяякооов!!! – приставив ко рту сложенные рупором руки, во всю глотку проорал Тимофей, уходящий всё дальше от насыпи в хвойный лес, в его тёмные труднопроходимые закутки, напоминающие созданный природой тын из тянущихся к небу кривых деревьев. – Яяякооов!!! – истошно повторил парень, чем лишь шугнул одинокую безымянную птицу, которая, захлопав крыльями, упорхнула с мохнатой ветки ели и вырвалась из мрака чащи в светлое пространство над верхушками сосен. – Дружиииищеее, отзовиииись!!! – не переставал голосить Рябов, вкладывая в крик все силы. – Ааауууу!!!

Тёмные дебри отвечали неприветливым молчанием. Они всё видели, всё слышали, но отчего-то не позволяли себе проронить ни слова. Деревья походили на суровую коллегию присяжных, вынесших судьбоносный приговор и теперь ожидающих решения судьи. Только кто играл здесь роль судьи?

Тимофея пробрала дрожь при мысли о чудовище из его сна.

После непродолжительных колебаний, парень всё-таки решился продолжить путь. Он намеревался снова завопить имя друга, как что-то, подкравшееся к нему из-за спины, бесцеремонно схватило Рябова за открывшийся рот и уво-

локло за собой.

25

Эмоции захлестнули Алексея. Он вскочил со стула и, выхватив пистолет из кобуры, направил его на владелицу квартиры. Алиса взвизгнула и отошла к кухонному гарнитуру. Вова же схватил отца за руку, воскликнув:

– Пап, ты чего?? Убери пушку!

– Отойди! – проревел мужчина, и сын присоединился к перепуганной подруге.

– Мы встречались ранее? – усомнилась женщина.

– У сотрудников милиции есть одно негласное правило: у кого пушка, тот и задаёт вопросы. Поэтому выкладывай, что Вы там творили! Иначе пристрелю! – гневно дыша, выплевал угрозу майор.

– О чём Вы? – сыграла удивление Нина, однако бегающие глаза выдавали её с потрохами.

– Не надо включать дурочку! – проорал Трофимов. – Вы в курсе, что произошло в лагере! Вы знаете, кто убивает людей в его окрестностях!

– Откуда такая уверенность?

– Дохрена совпадений. Сперва у Климовой пропадает сын, затем парень со снимка судорожно уверяет её, что под землёй нет потайного хода, а после откуда ни возьмись появляется нечто и лагерь дважды закрывают в связи с сериями жестоких убийств. Очевидно, Тамара не бредила. Только вот я, дурак, сглупил. Не накрыл тогда Вашу грязную шайку.

Зато теперь начал всё понимать.

– Я всего лишь...мы...

– Вы похищали детей и ставили над ними опыты, которые закончились настоящей трагедией. Вы произвели на свет монстра. И именно Вы повинны в смерти десятков людей, – ткнул пальцем в сидящую напротив женщину милиционер.

– Сами-то...кровавый палач, отнявший у ребёнка отца и сестру! – надрывно просипела Нина сквозь слёзы и поперхнулась.

– Вот Вы и выложили на себя компромат. Дошло наконец, кто я?

– Уж точно не святой, чтоб меня обвинять!

– Как Вы не поймёте, это не игра! Каждый год кто-то становится жертвами Вашего творения! Почему же Вы испугались лишь за свою племянницу? Неужели жизни остальных стоят меньше?

– Не заделывайтесь моралистом! Вы вряд ли рассуждали аналогично, отправляя на тот свет членов семьи Климовых. Их жизни для Вас, выходит, пустышки?

Алексей на время задумался, подбирая нужные слова. На его лице выступило сожаление. Губы мужчины неуверенно шевельнулись, затем сомкнулись, поджались, и спустя несколько мгновений неторопливо прошептали, будто на исповеди:

– Порой сотворишь что-то и яростно рвёшь на себе волосы, осознавая, какие ужасные страдания твоя оплошность

принесла другим. Волосы рвутся, безмерный стыд охватывает с головы до пяток, а ничего не меняется. Потому что слишком поздно, – офицер сделал паузу и продолжил. – Мне по сей день приходится корить себя за содеянное. Уверен, Вас тоже не оставляет чувство вины. Мы ведь разумные существа и обязаны отвечать за свои поступки. Ошибаются все, но не все находят в себе мужество признаться в этом.

– Не в чем признаваться. Я была лишь лаборанткой, подносившей реактивы, подписывающей пробирки и заносившей данные в блокнот. Чудовище породила не я.

– Проще всего свалить вину на сообщника и остаться в стороне. Вы давно могли прекратить этот кошмар!

– И сесть за решётку.

– По мне лучше так, чем всю жизнь тяготеть от увеличивающегося с каждым днём груза вины.

– С этим я трудностей не испытываю.

– Очень жаль. Ведь в Ваших силах было сохранить множество жизней! Вы же предпочли трусливо отсидеться подальше от “Тайника Лешего”, пока созданная Вами тварь пошла по головам. Да, я не святой. Однако семью Климовых развалил не без Вашей помощи.

– Там нечему было разваливаться, раз отец добровольно продал сына на эксперимент. Мы не похищали Петю. Лишь забрали с согласия нерадивого папаши.

– Монстр – Петя?

– Нет. Петя погиб от передозировки. В шкуре зверя – Лё-

ня. Сын учёного.

– Мальчик на инвалидной коляске?

– Да. А сам Скворцов, придумавший данный проект, позади, держит каталку.

– И где сейчас этот усатый подонок?

– Мёртв, как и половина присутствующих на фото.

– Этот тип в их числе? – указав пальцем на конопатого парня со снимка, уточнил майор.

– Ежов? Да. Вместе со своим личным шофёром, сделавшим сие фото, – подтвердила женщина.

– По остальным есть какая-нибудь информация?

– Гаврила, тамошний сторож, погиб. Правда, живой бы он Вам больше не сказал. Мы его в наши дела толком не посвящали, как и повариху. Собственно, она цела, однако после тех событий мы с ней больше не виделись. Что касается второй ассистентки Скворцова... я не знаю о её дальнейшей судьбе.

– Какую цель ставила перед собой Ваша команда? Создать идеального убийцу?

– Нет. Скворцов хотел изготовить панацею от всех болезней, в первую очередь для своего больного сына. Им двигали сильные отцовские чувства.

– Что за дрянь Вы ввели Лёне?

– Сыворотку на основе ДНК вымершего в эпоху динозавров доисторического существа, мортерида. Наш коллектив долго совершенствовал её и испытывал на мышах. Мы вери-

ли, что всё получится...

– У твари имеются слабые места?

– Я не знаю. Нас интересовали исключительно регенерационные способности данного вида, развитые как ни у кого из известных науке созданий.

– То есть его фиг убьёшь? – после продолжительного молчания вернулся в беседу Вова.

– Именно. Соваться в его уголья не самая лучшая затея, – кивнула Нина.

– Предупредите своих друзей об опасности, – приказал офицер.

– Уже набираю им, – приложила к уху сотовый Карпова и спустя четыре гудка услышала в трубке голос Маслова. – Ден?

– *Чересчур много удивления*, – донеслось с другого конца провода.

– Вообще-то, я звонила Даше...

– *Она отошла. Но если ты не рада мне, могу передать аппарат сменившему окрас Томасу. Или Коле. Хотя вряд ли кому-то из них захочется с тобой пообщаться.*

– Вы что ли вместе?

– *Ага. У нас с Дашей на хате. Решили не тянуть со сбором. Спасибо тебе, поспособствовала сплочению коллектива.*

– *В поддержку Коляна заявляем, что тот холёный мурдень нам в команде не нужен!* – послышался на фоне лозунг

Азикиве.

– *Томас рвётся в бой, – хохотнул Маслов. – Мы просто тут порешали... в общем, если хочешь участвовать в конкурсе вместе с нами – то строго без Трофимова.*

– Насчёт конкурса я и звоню, – перешла к сути Карпова.

– *Оо, решила помириться с Колястиком и вернуться в банду?*

– Не совсем. Я должна оповестить Вас, что место, выбранное для съёмок, небезопасно и ехать туда категорически запрещено!

– *Любопытная тактика. Надумала усидеть на двух стульях одновременно? И с нами окончательно не разругаться и с Вовой дружбу сохранить? Историю бы хоть получше придумала.*

– Ден, давай без этой фигни, ладно? Всё очень серьёзно! Рядом со мной сотрудник милиции, могу ему слово дать...

– *А к нам тут президент России на чай забежал. Ща я его подзову, пусть он с твоим сотрудником побалакает.*

– Денис, я не шучу! – побагровела девушка.

– *Ну да. Это не шутки. Это издевательство.*

– Хватит ёрничать и послушай меня! В лесу у лагеря...

Алису бесцеремонно остановили гудки.

– Сбросил? – поинтересовался Вова.

– Угу. Они думают, я пытаюсь обломить их съёмочный процесс, чтобы дипломатично разрулить ситуацию с тобой, – объяснила Карпова.

– Вот идиоты! – вспыхнул парень.

– И это Ваши друзья? – поразился майор.

– Её, – указал на подругу молодой человек.

– Попробуйте удержать их в городе любыми способами, – распорядился Алексей.

– Поговори с ними, – попросил отца Вова. – Нас они не послушают, тут к гадалке не ходи.

– Хорошо, – согласился офицер и протянул руку, куда возлюбленная сына вложила телефон с набранным номером подруги.

– Да, Алиса? – почти сразу ответила девушка, которой принадлежал номер.

– Здравствуйте, – пробасил в динамик майор. – Вас из милиции беспокоят...

– Ой, – растерялась впечатлительная особа. – Я сейчас трубочку передам своему парню...

Спустя мгновение в диалог вступил обещанный девушкой человек мужского пола.

– Говорите, – разрешил он.

– Майор Трофимов, – представился Алексей. – Звоню от Вашей знакомой по поводу...

Связь моментально оборвалась. Милиционер потупился на сотовый аппарат и изрёк:

– Не понял.

– Зря представился. Они меня не очень любят. Вот и отреагировали на фамилию соответственно, – разжевал Вова.

– Чем ты им насолил?

– Кое-кто из них видит во мне конкурента.

– Что ж, придётся нам быть слегка понастойчивей. Давайте попробуем ещё.

Карпова повторно набрала номер Даши. На сей раз абонент оказался недоступен.

– Отключила телефон, – прокомментировала Алиса.

– Скорей всего с подачи петушья, – добавил Вова.

– В таком случае остальным звонить тоже бесполезно. Результат не изменится, – рассуждала девушка.

– Тогда встретимся и поговорим с ними лично, – придумал офицер. – Вы знаете адрес, где они сейчас находятся?

– Знаем, – удостоверила Карпова.

– Наведаемся туда немедленно. Попрошу Сергеева заскочить за нами, – озвучил планы Алексей и повернулся к поникшей Нине со словами. – Собираются все. Не думайте, что я о Вас забыл, дамочка. Проследуете в участок под конвоем двух офицеров милиции. Мы подберём нужную формулировку, чтобы впаять Вам чего-нибудь для профилактики. Ваше молчание стоило людям жизни, и оно заслуживает наказания.

– Пожалуйста, не делайте этого! – взмолилась Алиса. – Она же Вам всё рассказала.

– Преступник не перестаёт быть преступником при любом раскладе.

– Верно подмечено, офицер, – согласилась Нина. – Только

не Вам толкать такие речи...

– Не переводите стрелки, уважаемая.

– Не в моих силах потеснить то, что навсегда осталось неподвижным, – огрызнулась женщина.

– Пап, я знаю, ты поступаешь по совести, но... не кажется ли тебе, что тётя Нина лишь заложница обстоятельств? – вмешался Вова. – Повесив на неё вину того учёного, ты вряд ли изменишь ситуацию в лучшую сторону. Зато гарантированно причинишь боль близкому ей человеку. Сёя справедливость, люди не замечают, как невольно становятся судьями чужих судеб.

– Справедливость здесь ключевое слово. В отличие от меня, ей она вряд ли руководствовалась.

– Наверное. Только я уверен, что мой отец мудрее.

Майор пристально посмотрел в проникновенные глаза сына и словно обезоруженный вздохнул.

26

Опасность. Даже во время затишья она ощущалась ежесекундно, ей пропитался воздух.

Выжав рукава рубашки и протерев ими испачканное лицо, Лавринайтис прикрыла глаза. Веки наливались тяжестью и, думалось, не от нанесённых на них матовых теней. Причиной служила усталость, стремительно растекающаяся по всему телу девушки. Мышцы на ногах и руках, в коих сотрудница милиции длительное время держала вытянутое перед собой оружие, обволокла жгучая боль. Крепатура по ощу-

щениям точь в точь как после интенсивной тренировки на стадионе, где они с отцом бегали по вечерам после занятий второй смены в школе.

Папа. Любимый папа. Для своей “божьей коровки”, как мужчина любил называть дочурку, он до сих пор оставался единственным человеком, в котором она видела идеального мужчину, каким в будущем, по критериям, определённым самой Олесей, должен был стать её избранник. Если такой вообще когда-нибудь найдётся. К данному вопросу девушка подходила с особой избирательностью и не торопилась. Мальчиков вокруг целомудренной красавицы Лавринайтис ошивалось предостаточно, главным образом, в годы её обучения в академии МВД. И ни один не завоевал сердца непроступной своенравной шатенки. Потому что ни в ком из них она не разглядела идеала, заданного папой. Лишь беспечных пацанов.

Тело продолжало ныть. Олеся остро нуждалась как в физическом, так и в эмоциональном отдыхе, однако расслабиться у неё не получалось. Ожидание чего-то крайне нехорошего держало рядовую в постоянном напряжении.

Тяжёлое дыхание чуть правее неё напомнило сотруднице милиции о присутствии в хижине немолодой женщины, раненой чудищем и теперь лежащей на расстеленном Лавринайтис кителе. На какое-то время девушка совсем забыла о ней, настолько редко та издавала звуки. Зато сейчас с облегчением отметила, что чудачка в годах ещё жива.

– Хех, никогда не встречала девушку в погонах, – прошептала держащая руки на окровавленном животе особа и слабо усмехнулась. – Думала, в ментовке одни бугаи работают...

– Разве это плохо? – спросила Олеся.

– Нет... – как-то растерянно отозвалась раненая и задумчиво уставилась в потолок, откуда свисали нити многочисленных корней трав и растений, произрастающих на “крыше” землянки. – Скорей, непривычно.

– Стереотипы, – понимающе кивнула рядовая, выдавив скудную улыбку. – Увы, наше общество основательно погрязло в них.

– Любишь плыть против течения? – поинтересовалась дама в годах.

– Обожаю, – подтвердила Лавринойтис. – Я была, есть и буду бунтаркой.

– Значит, тебе дано меня понять, – решила женщина.

– Я уже думала, мне самой придётся поднять эту тему. Так кто Вы? И, самое главное, кто он? – любопытствовала сотрудница милиции, разглядывая затянувшуюся растительностью, но всё ещё хорошо заметную дыру в куполе хижины.

Неожиданно, на самом важном моменте разговора, повисло молчание. Олеся терпеливо ждала ответа. Понимая критичность состояния раненой, она не хотела её торопить.

Пауза затянулась. Рядовую посетила пугающая мысль, что собеседница умерла. И только девушка наклонилась в её сторону, чтобы это проверить, как та, со скопившимися в угол-

ках печальных глаз слезами, сглотнула вставший в горле ком и, всхлипнув, выдохнула, после чего неспешно замолвила:

– Видит Бог, намерения у нас были самые благие. Мы хотели спасти изувеченную жизнь. Жизнь ребёнка-инвалида, чей отец и по совместительству мой руководитель, без преувеличения талантливейший учёный Виктор Бенедиктович Скворцов, выделил ДНК из остатков древнего существа и на его основе начал работу над лекарством для сына. Я и ещё одна особа, Нина, помогали ему в качестве лаборанток. Заручившись поддержкой одного богатого буратино и получив от него достойное финансирование, наша команда обосновалась в “Тайнике Лешего”. Там, под одним из корпусов, нам обустроили лабораторию. Сначала мы подвергали опытам мышей, а затем, когда добились положительных результатов, перешли к экспериментам на детях. Тогда-то и произошла трагедия. Я до сих пор не знаю всех обстоятельств случившегося, но...

Женщина зашмыгала носом, надувая пузыри из соплей. На её раскрасневшиеся глаза вновь накатили едкие слёзы. Постепенно Лавринайтис стала проникаться к собеседнице состраданием, причём не столько от излагаемой истории, сколько от скорбного вида рассказчицы, вскоре продолжившей повествование:

– В общем, среди нас оказался человек, имевший свои интересы и мотивы до сих пор мне неизвестные. Мы готовились к решающему шагу – инъекированию улучшенной сыворот-

ки тому, ради кого она собственно разрабатывалась. Всё это делалось впопыхах, в угоду противящимся нам обстоятельствам. Помню, я вместе с Ниной спустилась в лабораторию, чтобы подготовиться к процедуре, и совершенно неожиданно кто-то набросился на меня со спины. По рукам я догадалась, кто именно совал мне в лицо смоченную снотворным тряпку. К моему огорчению, нападавшей оказалась моя коллега, вторая ассистентка Скворцова. Та, кому мы с Виктором доверяли больше остальных. Я сопротивлялась до последнего и почти вырвалась из захвата оппонентки, однако дело приобрело совсем неожиданный поворот. В лаборатории находился ещё один человек, третье лицо, чья личность для меня так и осталась загадкой. Потерявшая рассудок, я первоначально приписала сию роль нашему спонсору, Ежову, вот только после нашла его труп у выхода из подвала. Правда, сейчас не о том. Некто выстрелил в меня дротиком с транквилизатором. Очнувшись я в подсобке лаборатории. Там мы держали подопытных мышей. На момент моего пробуждения туши трёх из них валялись растерзанные, судя по всему, лапами четвёртой особи, Пирата, самого агрессивного и крупного экземпляра. Перешагивая через раскуроченные клетки, я прошла к выходу и... – тут обхватившая голову дама до сильной ломоты закрыла глаза, и в землянке подобно скулящей минорными нотами скрипичной мелодии прогремел её пронзительный стон, полный ужасного горя. Испепеляющая женщину боль звуковым потоком вырвалась нару-

жу и на какое-то время заполнила пространство укрытия, отчего у Олеси слегка заложило уши. Выплакавшись, несчастная ещё долго решалась сказать нужные слова и, наконец, собравшись, с надрывом в осипшем голосе закончила. — ...увидела залитую кровью лабораторию с размётанными по ней ошмётками, обнаружившимися даже на перевёрнутом инвалидном кресле. Посреди помещения лежали лоскуты белого халата, так хорошо знакомого мне. Витя. Я собирала его тело как пазл, по кускам, чтобы затем наскоро похоронить...

— Его убил собственный сын? — догадалась доведённая до мурашек рядовая.

— Нет. Смерть Виктору принесло то, во что мальчик превратился, — поправила рассказчица и её сухие губы задрожали. — Не знаю, с какой целью, но эти уроды, очевидно, ввели Лёне один из ранних вариантов сыворотки, что повлекло за собой появление на свет зверя с первобытными инстинктами хищника, супер мортерида или, как называю его я, Лешего³. Он отличается от своего вымершего прародителя прямохождением, приплюснутой мордой взамен вытянутой и, главное, повышенным интеллектом, что делает его более совершенным и кровожадным убийцей, приспособленным к жизни как на суше, так и в воде.

— Жесть, — только и выдавила сотрудница милиции.

— Я прекрасно понимала, какая ответственность взвалилась на мои плечи, поэтому незамедлительно приступила к

³ — Лёший — дух-хозяин леса в мифологии восточных славян.

созданию антидота. На практике всё оказалось куда сложнее, нежели в теории. В отличие от своего учителя, я не обладала столь богатыми и обширными знаниями в генетике. Соответственно приходилось раздвигать границы научных горизонтов путём чтения работ Скворцова, на что уходила уйма времени. Помимо прочего меня сковывала необходимость постоянно находиться в лагере, поближе к Лешему и присоединившемуся к нему Пирату, дабы сдерживать их зверский аппетит. Пребывая в “Тайнике Лешего” в качестве воспитателя детских отрядов, я вымучивала формулу, способную вернуть бедному ребёнку прежний вид. Считала это своим долгом. И сегодня, спустя столько долгих лет, я наконец-то добилась сдвигов! Как жаль, что довести дело до конца мне уже не удастся...

– Что Вы такое говорите?! – встрепенулась равнодушная Лавринайтис, поднявшись на ноги. – Решили сдать, выйдя на финишную прямую??

– Нет. Всё куда прозаичней. Я передаю эстафету, – поправила раненая.

– Интересно, кому? – с укором уточнила Олеся.

– Выбирать при всём желании не из кого... – сделала жирный намёк дама.

– Издеваетесь?! Я, по-Вашему, похожа на лабораторный кипятильник? – возмущённо справилась сотрудница милиции.

– Я и не собиралась требовать от тебя доработки противо-

ядия. Хочу лишь попросить, чтобы ты покончила с Лешим, потому что понимаю – подобный кошмар пора прекращать. Наверное, давно стоило его убить. Но если бы я только могла... – сказала женщина, жестом подозвав к себе рядовую, взяла её за руку и, поперхнувшись, просипела. – Мне так тяжело это говорить... Ведь под толстой шкурой того, в ком каждый видит монстра, скрывается последнее, что осталось от самого дорого мне человека, которому я столько не успела сказать и перед которым так виновата.

– Не вешайте нос раньше времени. Мы выберемся отсюда, и Вы доведёте дело до конца, – предложила Лавринайтис.

– Для меня всё кончено. Учёные реалисты, их не пере-споришь, – заведомо предупредила пожилая особа и изучила взглядом убранный с раны окровавленную ладонь.

– Без Вас мне лес не покинуть. Мы в органах, на минуточку, тоже реалисты, – заметила Олеся. – И вообще, почему он ещё до нас не добрался?

– Полагаю потому, что до сих пор ослаблен действием ан-тидота, – объяснила женщина. – Лёня возвращается к облику Лешего и переживает болезненную трансформацию в каком-то укромном месте. Тебе представляется реальный шанс...

– Уйдём вместе и точка, – стояла на своём сотрудница милиции.

– Не глупи. От того, что ты оставишь меня здесь, отношения к тебе никто не изменит. Репутацию не запятнаешь, –

успокоила раненая.

– Не в репутации дело, – с обидой сказала Лавринайтис. – Неправильно Вас здесь бросать...

– Каждый имеет право выбора. Я свой уже сделала, – заявила женщина.

Спорить дальше виделось провальной затеей. И хотя Оле-се было тяжело смириться с тем, что ей снова не удалось настоять на своём, она прекрасно понимала – учёную даму разубедить никак не получится. Впервые в жизни девушка дважды за день сдала позиции под натиском проблем. С потерей контроля над ситуацией рядовая, привыкшая гнуть и, главное, догибать свою линию, теряла и хладнокровие, отчего сильно злилась на себя, поражаясь внезапной уступчивости, вытесняющей привычное бескомпромиссное упрямство. Самооценка опустилась ниже уровня моря, растворилась в его глубинах, и Лавринайтис почувствовала себя бесхребетной тюфячкой. Подобное состояние стало для неё неприятным тошнотворным открытием.

Обрыву подрывающих веру в себя мыслей поспособствовал отдалённый мальчишеский окрик, разнёсший по чаще знакомое Олесе имя:

– Яякооов!!!

Она ломанулась к проходу хижины и, осторожно высунув голову наружу, внимательно оглядела округу. Возглас вновь пронёсся по лабиринтам хвойной глуши:

– Яякооов!!!

– Если Леший услышит... – озвучила первую часть предостережения раненая, незамедлительно прерванная рядовой:

– Не нагнетайте!

– Я к тому, что кто-то нуждается в твоей помощи больше старой умирающей тётки...

– Скажите, у Вас хандра – это профессиональное? Все учёные такие невыносимые нытики?

Грозный рык, ненавязчиво пропорхнувший мимо ушей, напомнил о страхе, буквально вытащил его на поверхность из вмиг оцепеневшей Лавринайтис, рефлекторно застывшей на месте.

“Он здесь...” – с этим пугающим осознанием кончики онемевших пальцев рук и ног неприятно закололо, а тело пробрала дрожь.

– Скорей, подними меня, – повелела женщина, предпринявшая попытку встать с пропитавшегося кровью кителя.

– Лежите тихо и не шевелитесь! – прошептала Олеся, обозначив рукой команду “стоп”.

Над хижиной протрещали зашелестевшие хвоей ломающиеся ветки, и обросший всяческой растительностью бугор поглотила тень. Лучи света, скромно лившиеся через зарастающую травой дыру в потолке, отсекались мощным склизким телом, замаячившим в кроне ели, и в укрытии сделалось совсем темно. Короткий рык вжал рядовую в мховые брёвна одной из стен, окрасив её лицо в цвет поганки.

– Дружиииищеес, отзовиииись!!! – в очередной раз подал

голос блуждающий по лесу незнакомец и существо, притаившееся на дереве, оживилось, учащённо зафыркав влажным рылом.

– Хочешь, чтобы он погиб? – спросила раненая и, после бессловесных метаний закутившейся на месте сотрудницы милиции, привела расклад. – Если я не отвлеку на себя внимание Лешего, отсюда не выберется никто. У нас есть реальная возможность спасти чью-то жизнь. Хватит упрямитесь!

До скрежета стиснув зубы от непростого решения, Лаври-найтис-таки помогла седой даме оказаться на ногах и, под-держивая её, вышла из землянки, от которой медленно по-пятилась при виде нависшей над лачугой устрашающей фи-гуры твари, показавшей свой грозный оскал.

– Постарайся не медлить. Времени будет мало, – озвучи-ла короткое наставление смело заглянувшая монстру в гла-за шатающаяся от головокружения женщина, тем самым дав Олесе отмашку сиюминутно покинуть опасную зону.

– Ааауууу!!! – не утихал отчаянный вопль, позволивший рядовой определить, с какой стороны одноликой чащи нахо-дится издающий его человек.

И опять сотруднице милиции пришлось проявить выдаю-щиеся спринтерские навыки. Бегай она так лихо при сдаче нормативов в академии, и её фото бы без сомнений украсило доску почёта, куда мечтал попасть каждый курсант. Сейчас, правда, на кону стояло гораздо больше, нежели щепоть гор-дости и самолюбования. Сектор приз обещал жизнь. А если

несказанно повезёт – целых две.

В поле зрения девушки появился парнишка, рассеянно бредущий по сосняку. Она незаметно подкралась к нему со спины и предотвратила ещё одну его попытку что-нибудь загорланить. Едва тот открыл рот, как Лавринайтис залепила говорильник индивида ладонью и с силой оттащила забрыкавшегося худосочного сопляка к кустам. Размахивающий руками задохлик вытаращил глаза и замычал, пытаясь промямлить просьбу о помощи.

– Да заткнись ты! – яростно прошипела Олеся и повернула к себе лицом наложившего в штаны презентов молодого человека.

– Вас за мной отправили? – ошарашенно осведомился побледневший студентик.

– Очень проникательно, – сурово бросила рядовая и, грубо схватив парня за руку, потянула в направлении насыпи.

– Прошу, не надо! – упираясь, заистерил салага. – Я могу всё объяснить!

– Потом! Нам нельзя здесь находиться! – ускоряя темп, нервно ответила сотрудница милиции, огибающая бесконечные стволы корявых деревьев. – Шевелись!

– Я не хотел Ваших гонять! И красть ничего не намеревался! Клянусь! Так получилось! – оправдывался хлюпик, чьи влажные глаза готовились к обильному извержению слёз.

– Не умолкнешь, оставлю тут подышать! Доходчиво объяснила?! – грозно сказала Лавринайтис, на что совсем отча-

явшийся парень растерянно кивнул, не совсем догоняя, какого чёрта происходит.

Хоть какую-то ясность внесло приближающееся к ним из глубин леса свирепое рычание. Оно побудило Олесю с горемычным балластом перейти на бег. Спотыкающийся о пни и кочки сопляк бездумно следовал за направляющей его милиционершей, иногда судорожно оглядываясь через плечо, дабы понять, кто за ними гонится. Когда мельком он увидел почти трёхметровую причину беспокойства, то испуганно крикнул и, вырвав свою руку из руки рядовой, втопил на полную. Парень за доли секунды обогнал девушку и, чавкая жижеватой почвой, стрелой улетел вперёд, только пятки сверкали.

Лавринайтис поднажала и вот они с хлюпиком выскочили из чащи на гравийную дорогу вблизи ворот “Тайника Лешего”.

Картина улепётывающего от милиции друга, возвращение коего ожидал сидящий на багажнике “семёрки” Забит, стоила азербайджанцу только что закуренной сигареты, выпавшей из непроизвольно распахнувшегося во всю ширь рта.

– Нам крышка. Выследили, – простонал заведомо попросившийся со свободой Джафаров и плаксиво заключил. – Теперь повяжут и в тюрьму кинут...

– Заводи!!! – проорал товарищу перекосившийся от страха Рябов с Олесей на хвосте и Забит, не задавая лишних вопросов, шустро занял водительское место, после чего рас-

тормошил машину поворотом ключа в замке зажигания.

Азербайджанец и опомниться не успел, как на заднее сиденье, чуть ли не в обнимку, ввалились Тимофей с рядовой. Понурый парень с горячей кровью решил, что их песенка спета и со вздохом уныло уточнил:

– В какой стороне участок?

– Гонииииии!!!! – в один голос оглушительно скомандовали ему не на шутку исполошённые пассажиры, забившиеся в тесный салон автомобиля как шпроты в консервную банку, и Джафаров, вывернув руль на полную, утопил педаль газа в пол.

“Семёрка”, фонтаном раскидывая гравий, круто развернулась и, поднимая столбы пыли, понеслась к трассе, однако это не остановило преследующее своих жертв создание. Оно продралось сквозь сплетения веток, свирепо прорубив в них проход, и сигануло с повредившего “Беларус” дерева прямо на красную машину.

– Осторожно! – выкрикнул предупреждение застывший в лежачем положении Тимофей и крепче вцепился в придавившую его Лавринойтис, из-под чьего тела он боязливо выглядывал в окно.

Грузный монстр почти оказался на багажнике ВАЗа, который успел проскочить место приземления махины, разойдясь с когтистыми тяпками твари в считанных сантиметрах. Сгруппировавшись, не достигшее цели существо перекувыркнулось через шипованную спину и резко оттолк-

нулось задними лапами от земли, совершив мощный прыжок...

С переведшего взгляд на зеркало заднего вида Джафарова едва не осыпался весь волосяной покров, включая усы.

– Аллах Всемогущий!!! – завопил азербайджанец, чуть не продавив ногой днище автомобиля. – Что ещё за дерьмо??

Цепкие грабли скакнувшего леопардом зверя схватились за покорёженный бампер “семёрки”, и тварь повисла на нём, бороздя каменистую дорогу увенчанным крепким панцирем пузом. Задняя часть машины, потерявшей скорость, заметно просела. ВАЗ повело в сторону от тяжёлого безбилетника, болтающегося на корме, но Забит сумел совладать с управлением и не позволил сбыться самым неутешительным прогнозам, промелькнувшим в голове Рябова.

Наверставшая преследуемый объект мерзкая мышь с засохшими грязевыми штанцами по брюхо юрко пропрыгала по сыгравшей роль трапа спине хозяина на багажник, откуда через считанные мгновения очутилась на крыше автомобиля, процокав по ней коготками. Отследившая передвижение незваного гостя Олеся энергично открыла окно и по пояс высунулась наружу.

– Опять ты?! – с отвращением выпалила сотрудница милиции и швырнула перцовый баллончик в зашипевшего при виде неё хвостатого мутанта. Сбитый с транспорта колючий комок улетел в ствол дрогнувшего от удара дерева, обломив часть игл.

Второй монстр продержался немногим дольше своего протезе. Бампер, проволочивший его за собой ещё с десятков метров, не выдержал столь колоссальной нагрузки и с хрустом оторвался от кузова, оставшись в сжатых мёртвой хваткой лапах чудовища, после отстыковки вспахавшего небольшую канавку приплюснутой мордой.

Сбросившая лишний груз “семёрка” унеслась прочь от потерпевших фиаско хищников.

Осунувшийся от пережитого кошмара Тимофей повернулся назад и запечатлел в сознании замершую вдали мускулистую фигуру, озлобленно глядящую им вслед.

– Какого лешего только что произошло??! – оголтело протараторил Джафаров, отвернувший зеркало заднего вида вбок.

– Того, чей тайник, – указав подбородком в сторону лагеря, ответила рядовая и устроилась поудобней на мягком сиденье. – Нам жёсть как повезло. Считайте, в рубашке родились...

– Вы ранены? – справился Рябов, осмотрев девушку в запятнанной красной субстанцией замурзанной форме.

– Кровь не моя, – помотала головой с вскосмаченными волосами Олеся и расстегнула пожёванные манжеты.

– Тогда чья же? – прилип Тимофей.

– Мальчик, давай не сейчас, – остановила надоедливую парня Лавринайтис. – Слишком хреновый день для расспросов...

– Постоите, мы ищем своего друга и нам нужно знать, каковы шансы найти его живым, – объяснил Рябов.

– Их нет, – помрачнев, огорчила сотрудница милиции. – Ваш друг...погиб.

– Яков?? – просипел Тимофей, распахнув печальные глаза. – Нет-нет, не может быть...

– Я сожалею, – со скорбью сказала рядовая.

– Вы, вероятно, ошиблись, – трясущимися губами прошептал Рябов, отказывающийся воспринимать оглашённую новость.

– Не веришь – сходи, проверь.

– Вы видели его смерть?

– Тим, прекрати, – остановил друга не менее подавленный Забит. – Смысл ей врать?

– Я хочу услышать ответ! – жёстко процедил парень, пожирая Олесю разгневанным взглядом.

– Не видела, – честно призналась та. – Но до того, как смолкли звуки выстрелов его пистолета, тварь практически добралась до Вашего друга...

– И где в это время были Вы? Почему бросили его там, а? Почему??!! – сокрушался Рябов.

– Кто ты такой, чтобы я перед тобой стала оправдываться?

– У меня друг погиб, а Вы меня своей надменностью пичкаете?!

– Послушай, соплежуй, научись сперва сам не давить говнецо в трусы прежде, чем кому-то за что-то предъявлять.

Несколько минут назад ты выглядел слишком жалко, чтобы сейчас заикаться о чести и мужестве.

– Братан, серьёзно, не ищи виноватых. Признай, у Якова бы навряд ли прибавилось шансов спастись, останься она с ним. Ты же сам лицезрел ту штуковину... – печально произнёс Джафаров. – Или я не прав?

Ответа от Тимофея не последовало. Азербайджанец вопросительно повернулся к товарищу, и запнулся на полуслове при виде тихо рыдающего в рукав рубашки Рябова.

– Куда мы едем? – любопытствовала Лавринайтис, когда они подоברались к трассе.

– Я...не знаю, – притормозив у поворота, засомневался Забит и осведомился у друга. – Тим?

– К Якову домой, – через всхлип указал парень, раскрасневшимися влажными глазами сверля вид за окном. – У него там бабушка одна.

– Может, лучше в участок? – предложил Джафаров.

– Там помощь искать бессмысленно, – отмела вариант сотрудница милиции.

– И как тогда поступим? – растерялся азербайджанец.

– Дом Вашего друга расположен по этому адресу? – конкретизировала рядовая, ткнув пальцем в извлечённый из брюк документ Чеботарева, который протянула водителю.

– Вроде да... – неуверенно пожал плечами задумавшийся Забит.

Тимофей заглянул в бумажку и подтвердил:

– Угу, его дом.

– Тогда вези туда. А там решим, что дальше, – распорядилась Олеся и Джафаров, вырубив на асфальтированную дорогу, тронул к Малым Дука́м.

27

Трофимовы и Алиса вышли к ожидающей у дома “пятнашке”, за рулём которой сидел измождённый увлекательным поросячьим квестом старлей.

– Здравсьте, дядя Паша, – протискиваясь в салон за Карповой, поприветствовал водителя Вова. – Выглядите бодрячком.

Потрёпанный Сергеев как-то расстроено посмотрел на парня через зеркало заднего вида, вяло махнул ему рукой и печально произнёс:

– Не знаю, как я выгляжу, Вовчик, но чувствую себя уж точно не лучше дважды пережёванной ламинии. Привет!

Когда Алексей устроился рядом с коллегой, старший лейтенант, от чьей аккуратной укладки не осталось и следа, растерянно повернул взъерошенную голову и протянул майору похудевший бумажник.

– Ты себе на чай что ли оставил? – раскрыв пустое денежное хранилище, удивился Трофимов.

– Скорей на валидол. И вообще, не измывайтесь, Алексей Викторович, – обиженно пробубнил Павел и отряхнул погоны на мятой рубашке. – Мне что-то не до смеха.

– Отмечу этот день в календаре, – сдержанно хихикнул

майор и пристегнул ремень.

– Я тоже, – без намёка на улыбку сказал хмурый старлей. – Потому что сегодня мне пришлось слить свою месячную зарплату на вонючую хрюкающую рульку.

После этой фразы молчаливые Вова с Алисой, чьи двудольные части тела, расположенные ниже поясницы, полировали заднее сиденье автомобиля, подозрительно переглянулись.

– Минуточку, я же дал тебе денег. Неужели не хватило?? – вылупив на коллегу ошалелые глаза, спросил Трофимов.

– Самого до сих пор не отпускает, – кивнул Сергеев и от досады прикусил нижнюю губу, отрешённо уставившись на руль.

– Много добавил? – любопытствовал Алексей.

– Вы добавили, товарищ майор, – поправил Павел.

– В каком смысле?! – всё больше охреневал Трофимов.

– Я понёс убытки в трёхкратном размере, – пояснил старший лейтенант.

– Мать моя ипотека! – громко охнул Алексей и нехотя уточнил. – Сколько он, получается, стоил?

– Копейка в копейку столько же, сколько холодильник, на который я копил, – с плаксивым видом резюмировал Сергеев и, вздохнув, добавил. – Трата конечно обидная, однако, признаюсь, не самая бесполезная в моей жизни, ведь благодаря ей я отделался от этой чокнутой свинолюбки, – и Павел, жадно выхлебав половину литровой бутылки газированной

минералки, передал её майору, сделавшему пару глотков воды. – Скажу честно, после того, как мы объездили с ней целую кучу зоомагазинов города, я всерьёз задумался над тем, чтобы сдать её в один из них. Каждого порося по косточкам разложила, ненормальная. У того хвостик не в ту сторону закручен, у другого рыло кривое, а третий вообще на Чингисхана не похож. Так тщательно даже рабов не выбирали. Высшая степень помешательства!

– Ладно, не балаболёшь, – остановил причитающего напарника Трофимов и, предложив минералку сыну с подружкой, жестом отказавшимся от неё, закрутил крышку на бутылке. – Успеем ещё панихиду по нашим финансам провести. Пока есть дела поважнее. Помнишь, где тебя однажды подстрелили?

– Ещё б такое забыть, – покачал головой старлей. – Непередаваемые ощущения...

– Ну, вот и поностальгируешь. Сейчас дуем туда, – дал команду Алексей.

– И почему нас вечно тянет в те районы? – недовольно фыркнул Сергеев и отъехал от девятиэтажки, где жила Нина.

– Прекращай причитать, Пашка. У самого настроения нет, – посерьёзnel майор.

– Что-то стряслось? – поинтересовался старший лейтенант, выезжая из двора.

– Нет, – опроверг Трофимов и, покосившись на влюблённую парочку позади, задумчиво дополнил. – Пока ещё...

– Умеете Вы пафос нагнетать, Алексей Викторович. Точь в точь как в детективах, – заметил Сергеев и, словив усмиряющий взгляд коллеги, пробубнил. – Молчу-молчу.

Павел не изменял привычкам и катил по городу, беспрекословно соблюдая скоростной режим. Он не позволял себе превысить установленную на знаке величину даже на один км/ч, отчего до места назначения компания добиралась довольно долго.

От убаюкивающего стиля езды милиционера Вова нет-нет да позёвывал, иногда нетерпеливо поглядывая на часы. Алиса и вовсе кимарила, откинувшись на спинку сиденья.

Старлей свернул у служащей ориентиром автостоянки, затем, следуя указаниям напарника, в свою очередь руководствующегося подсказками растормошённой Карповой, миновал закрывшийся несколько лет назад ларёк с порванной вывеской “ТА..S”, обогнул алкомаркет и припарковался по левую сторону от банка у четырёхэтажного дома.

– Жди здесь, – вылезая из машины, обратился к Сергееву майор и захлопнул дверь.

– Я вроде и не рыпался, – пожал плечами Павел и, достав пакетик с фисташками, принялся щёлкать солёные орешки, пока Карпова повела Трофимовых на третий этаж здания.

Тем временем...

– Ты серьёзно поверила в её дешёвый трюк? – поразился Денис, когда впечатлительная Бурова выказала свои опасения по поводу поездки в “Тайник Лешего”.

– А смысл ей врать? Я хорошо знаю Алису. Она не станет наводить кепиш без видимой на то причины, – задумчиво вертя в руках выключенный по просьбе друзей сотовый, оправдывала подругу Даша, недавно вернувшаяся со Штирлицем подмышкой от соседки.

– Так и есть, – согласился Беляков, расплывшийся по мягкому дивану. – У неё имеются свои мотивы. И они тебе прекрасно известны.

– В тебе сейчас говорит обида, я это понимаю, – посмотрев Коле в глаза, вычленила корень проблемы Бурова. – Но ты сам подумай, зачем ей обламывать нам поездку??

– До девчонок, видимо, туго доходит, – нахмурил брови красноволосый, нервно оттолкнув ногой игривого шпица, навязчиво пытающегося запрыгнуть к нему на коленки.

– Нет, – воинственно ответила Даша и, недовольная таким обращением с любимой собакой, демонстративно пододвинула к себе перекувыркнувшегося после пинка одноклассника питомца. – Просто парни нас совсем не понимают. Или не пытаются понять. Только Штирли у меня молодец, – отметила пёсика девушка, уткнувшись носиком в его прохладную носопырку.

– Спор полов, – ухмыльнувшись, подал голос замерший по другую сторону занавески у открытого балконного проёма Азикиве, где он дышал свежим воздухом, выветривая последние тошнотворные позывы. – Бесконечное принципиальное противостояние.

– Не несите ахиною. Наплели тут всякой фигни не по теме, – решил прекратить надоевший донельзя балаган Маслов и разъяснил ситуацию. – Суть в том, что Алиса осознала, в какое положение себя поставила, и ей сделалось страшно. У стенки оказалась её репутация, усердно вылепляемая в нашем кругу с самого первого курса. Она испугалась упасть в наших глазах и теперь пытается всячески извертеться, дабы не ползать по навозной куче, – поделился мнением Денис и обратился к своей девушке. – Даш, я ничего не имею против Вашей с Алисой дружбы, однако на сей раз госпожа Карпова явно не вписывается в нашу компанию.

– Этот момент мы уже, кажется, обозначили, и я с ним полностью согласна. Только речь о другом! Вечно парни всё переиначивают, – возмутилась Бурова и сложила руки на груди.

– Между прочим, если мне не изменяет память, именно ты была инициатором поездки в лагерь, – припомнил Томас и, едва не спотыкаясь о крутящегося под ногами рыжего лисёнка, вернулся на диван, потеснив Белякова.

– До звонка я считала “Тайник Лешего” тихим местом, а теперь... – продолжение фразы повисло в воздухе и девушка, вздохнув, сказала. – Лично меня убедил тот факт, что с нами на связь касаясь сего вопроса вышел сотрудник милиции, который находился рядом с Алисой и говорил по её телефону.

– Отец Трофимова не внушает доверия, – скептически по-

делился Коля и с презрением добавил. – Пусть сынка за такое отношение поблагодарит.

– Согласен, – подхватил друга афроамериканец. – Ладно бы нам какой-нибудь левый дядя из ментовки набрал.

– В общем, не парься, Даш. Обычный развод, – подытожил Денис и попытался подкрепить свои слова теорией. – Вова попросил батю поучаствовать в их с Карповой спектакле, чтобы убедительней получилось.

– Окей, у нас ещё есть в запасе время на обдумывание. В крайнем случае, выберем другое, более спокойное, место для съёмок, только и всего, – решила Бурова. – Не вижу в этом проблемы.

В беседу бесцеремонно вклинился громкий стук, продемонстрировавший своей нетерпеливостью серьёзность намерений долбящегося. Штирлиц залился пищащим лаем, подпрыгивая на месте. Ребята покосились на дверь, а затем переглянулись в параллель с комментарием Маслова:

– Вот, похоже, и проблема.

– Кому не терпится?! – буркнул Беляков.

– Давайте сделаем вид, что никого нет дома, – с мольбой в глазах прошептала не на шутку перепугавшаяся девушка.

– Ой, не носи чепуху, – отмахнулся Денис и подошёл к двери в сопровождении шпица. – Не захотим говорить, пошлём куда подальше, кто бы там ни околачивался.

– Может, сперва хотя бы глянешь, что там за калач? – предложил Азикиве.

– Нам местная школото испоганила глазок с той стороны раствором каким-то. Вроде почти полностью его оттёр, а один хрен ничего не видно, – поведаль Маслов и после очередной незамысловатой партии несостоявшегося ударника, сопровождающейся приглушённым “открывайте, милиция!” под аккомпанемент пса, отворил дверь.

Боевой дух моментально покинул Штирлица и он, с визгом поджав хвост, убежал обратно в комнату, поближе к хозяйке.

У порога квартиры стояла троица, во главе которой находился немолодой, но весьма приятный на вид лысоватый мужчина в форме. За его широкой спиной скромно притаились Вова с Алисой, держащие друг друга за руки. Эта деталь зацепила и без того рассерженного на Карпову Колю, присоединившегося к Денису.

Беляков злобно уставился на парня позади милиционера. Тот, к своей чести, не стушевался и не поспешил в угоду оппоненту трусливо отвести глаза. Наоборот, принялся смело играть с красноволосым старшекурсником в гляделки.

– Добрый вечер, молодые люди, – с недружелюбной гримасой пробасил служивый, взявшись руками за ремень. – Ждали, пока я Вам лично представлюсь?

– Здравствуйте, – поприветствовал офицера Маслов, к которому в коридор подтянулась вторая половина компании в лице нигера и Буровой, и с нотками фальши ответил. – Мы очень польщены Вашим визитом, майор, однако, право, не

стоило.

– Сбавь обороты, сатирик! Своей иронией задницы дружкам вылизывать будешь, усёк? – жёстко подавил высокомерие парня Алексей. – У меня недостаточно времени, чтобы с тобой языками цепляться.

– А я и не желаю вести с Вами диалог, товарищ милиционер, – честно признался Денис.

– В таком случае, нам придётся говорить совсем в ином ключе, – припугнул Трофимов.

– С каких пор сотрудники нашей доблестной милиции получили право угрожать простым гражданам? – удивился Маслов.

– Смотрите, Вы не осознаёте от слова совсем, насколько всё серьёзно. Если я недоступно изъяснился по телефону, повторю из уст в уста: в лагере опасно, туда нельзя! Это не просьба! – процедил майор.

– Мы уже взрослые, сами как-нибудь разберёмся, – небрежно бросил Коля.

– Прекращайте выделываться! – подавшись вперёд, властно гаркнула Алиса своим дерзким одноклассникам, недобро косящимся на неё словно на предателя. – Это не шутки!

– И соблюдайте субординацию, – напомнил о манерах Вова. – Не с чиками в баре базарите.

– Ну, одна только что сама рот открыла, – с ужимкой съязвил Беляков, вызвав бурную реакцию ухажёра Карповой, бросившегося на соперника и тут же удержанного от-

цом, чей жест призвал сына к спокойствию.

Коля, пассивно дёрнувшийся навстречу выведенному из состояния равновесия парню в клетчатой рубашке, изобразил оскал гиены.

Вова гневно сверкнул взглядом в сторону красноволосого провокатора и, раздувая ноздри, встал в одну линию с родителем.

– И вот этих дурней ты ещё спасать собрался. Они явно не заслужили, – поделился с отцом взвинченный стилияга.

– Увы, профессия не предоставляет мне выбора. Приходится порой и за людей похуже вступаться, – развёл руками офицер.

– Вы за нас так печётесь. Слишком благородно, не находите? – любопытствовал Денис.

– Нет, – опроверг Алексей. – Я ведь присягу давал. Поэтому делаю это исключительно по велению долга, а не из-за искренней симпатии к Вам.

– Какого долга? Отцовского? Сынку решили подсобить? – с укором выпытывал Беляков.

– Он тебе и без моей помощи глаз на жопу натянет, – ухмыльнулся Трофимов.

– Чего ж тогда за Вами спрятался? – с вызовом поинтересовался Коля.

– Потому что мы сюда не кулаки чесать явились, а Вам, дурням, жизни сберечь, – пояснил сотрудник милиции.

– Одни странности, – цокнув, заметил Маслов. – Вы по-

явились ровно в тот день, когда Вова навязался участвовать с нами в конкурсе, в последствие отколов от дружного коллектива Алису.

– Настолько ли дружного? – усомнился майор. – Раз он рассыпается у Вас на глазах подобно карточному домику.

– Просто-напросто кто-то нас по-крупному подвёл, – указал на Карпову Азикиве.

– Замолчи, Томас! – сработала защитная реакция Алисы. – Сам всех вечно к чертям посылаешь.

– Быстро мы из твоих друзей во врагов превратились, – разочаровался Беляков.

– Вы сами так решили, – ответила Карпова и обратилась к подруге. – Даша, хотя бы ты оцениваешь ситуацию адекватно?

– Я запуталась, – понутив голову, виновато прошептала затерявшаяся среди парней Бурова. – Вообще не знаю, как правильно поступить.

– Ты не веришь мне?? – поразилась Алиса.

– Верю. Точнее, верила. Сейчас появились сомнения, много спорных моментов. Ты уж прости, – извинилась Даша, тем самым сильно огорчив Карпову.

– Потом разберётесь с недомолвками, – нервно поторопил сморщившийся Алексей. – Сейчас пообещайте, что не сунетесь в “Тайник Лешего”, и свободны.

– А иначе? У нас ведь свободная страна, – не упустил возможности покачать права Коля.

– Иначе приставлю к Вам охрану и посажу под домашний арест. Без шуток прибауток, – изложил расклад Трофимов.

– Удручающая перспектива, – оценил афроамериканец, теребя дреды.

– Надеюсь, мы друг друга услышали, и мне не придётся применять силу для удержания Вашей бунтарской шайки на безопасном расстоянии от лагеря, – подвёл итог милиционер и, коротко кивнув, завершил утомительный разговор. – Всего доброго!

Денис поспешил захлопнуть дверь, отгородив Алису с Вовой от их компании.

– Кретины, – заключил стилига и вместе с опустошённой после неприятной встречи Карповой, ушедшей в себя из-за шокирующего откровения подружки, проследовал за отцом вниз по лестнице.

В квартире...

Даша чувствовала себя не менее паршиво, чем Алиса. И если Карпова чётко определилась со своей позицией, то Бурова металась между двух огней. На одной чаше весов стоял её парень и друзья, а на другой – здравый смысл, олицетворяемый строгим милиционером. Вообще, девушка всегда побаивалась представителей закона как таковых и поэтому никогда не спорила с ними, чтобы лишний раз не запятнать свою безупречную репутацию какой-нибудь неприятной историей. Однако теперь она попала в ситуацию посложней, где всё зависело ни сколько от неё, сколько от принципиальных

товарищей. Её голос мало что решал, да и спорить с парнями порядком поднадоело. Тем более в своём положении, хоть и на самом раннем этапе, нервничать она не желала. Когда в тебе зарождается новая жизнь, что угодно отдашь за спокойное времяпровождение. А остальное по боку.

Даша сильно сожалела, что Алиса не знала о её беременности. Сия новость могла сгладить конфликт и снова сблизить их. Карпова бы порадовалась за одноклассницу: и подружески, и чисто по-женски. Наверное, даже больше самой Буровой. По-доброму позавидовала бы и, самое главное, оказала бы столь необходимую поддержку.

Безусловно, именно поддержки Алисы ей в данный момент катастрофически не хватало. Та умела воодушевить, да так, что можно было рожать здесь и сейчас. Никто из знакомых Даши не был настолько убедителен в своих высказываниях, как Карпова, которой Бурова верила и к которой действительно прислушивалась.

– Вы по домам? – пробилась сквозь полотно мыслей реплика Дена, адресованная обувающимся товарищам.

Взяв на руки шпича, Даша молча подошла к своему парню и прильнула к его широкой спине.

– Да, и так припозднились, – кивнул Азикиве, перевязывая шнурки на ботинках.

– Надо торопиться. Иначе не успеем мимоходом лоснящуюся рожу папиному сынку надраить, – как-то слишком серьёзно ответил Коля, пропихивая ногу в кроссовок с по-

мощью рожка.

– Эй, хвостатый, тормози, – попытался остановить друга качок. – Что ещё за синдром пятиклассника? Не позорься!

– Расслабься. Я просто не удержался. Кончик языка зудит, сил нет, – печально улыбнувшись, объяснил красноволосый и выпрямился.

– И отчего стало так беспокойно? – задалась вопросом Бурова.

– Не раздувайте. Пусть себе куличи месят, – с фальшивым безразличием отмахнулся Беляков. – До Пасхи, как ни освящай, заплесневеют.

– Том, проследи-ка за ним, а то наломает ещё дров, – попросила девушка чернокожего одноклассника.

– Нам с ним не по пути, – отказал афроамериканец.

– Прозвучало так, словно ты меня отшил, – хохотнул Коля. – Скажи, у меня ещё есть шанс?

– Отстань, – вяло буркнул Азикиве. – У меня нет сил тебе отвечать. Я от слабости собственного тела не чувствую...

– Был чёрный горький, стал сладкий молочный? – сквозь смех уточнил Беляков.

– Чё ты несёшь вообще?! – прошлёпал губами нервный Томас и обратился к парочке. – Видали? Пусть сам топает.

– Да пускай, – согласился Маслов и пояснил. – Главное, чтоб без последствий.

– Ты сам только что по балконам лазал, оратор, – напомнил парень с хвостиком.

– Кстати об этом, – откашлявшись, влезла Даша. – Впредь, Денис, Николай и Томас, никаких пьянок!

– Любимая, горячиться – последнее дело, – включил режим дипломата качок.

– А я совершенно спокойна, альпинист ты мой ненаглядный, – заверила парня Бурова, добавив. – Только Колю с Томом, у которых при себе обнаружится алкоголь, я теперь к тебе и на километр не подпущу.

– Больно хотелось, – закатил глаза красноволосый. – Я с ним сам пить не буду. На добровольной основе.

– Обидно, – промычал Маслов, заговорщически подмигнув товарищу.

– Я серьёзно, Ден, – не поддержал инициативу конспиратора Беляков и, просветлев, в шутку сказал. – Целым ты хотя бы на лепёшку не похож.

– Ладно, спасибо за организованную вечеринку, – поблагодарил качка Азикиве и на прощание пожал ему руку, после чего то же проделал и Коля. – До завтра! Пока, Даш!

– Вам спасибо, ребят! Бывайте! – любезно открыв дверь, проводил товарищей Денис.

– Пока! – помахала поскакавшим по ступеням одноклассникам девушка. – На парах увидимся!

28

ТУДУХ! – рухнула на пол технично выбитая секьюрити дверь, по которой проскрипели тяжёлые ботинки под характерное жужжание механизмов сковавшего немощные ноги

экзоскелета.

Лысая кошка спрыгнула с дрогнувших коленей хозяйки и трусливо забилась под гарнитур, вытаращив глаза. “О, нет...” – будто током прожгло голову экстренно прервавшей запись аудио Нины, захлопнувшей крышку телефона и трясущимися руками отложившей его на стол.

Незванный гость в плаще поверх рубашки с красно-белыми полосками и брюк с кожаными подтяжками на карабинах неспешно прохромал до кухни, нагнетая атмосферу глухим постукиванием по стене деревянной лакированной фалангой указательного пальца. По мере его приближения, отчётливей слышалось и хрипящее дыхание, разъедающее напряжённую тишину.

Женщина горгульей замерла за столом. Она побледнела, покрылась холодным потом и в ожидании чего-то неизбежного уставилась на кухонную арку, откуда вынырнула тень, а вскоре и кряжистая фигура в капюшоне.

Он грянул подобно грому среди ясного неба – без приглашения. Такая модель поведения вошла у него в привычку и всегда служила мужчине главным козырем. Ведь чем внезапней было его появление, тем больше правды ему удавалось выбить из человека, в чьём арсенале при подобных обстоятельствах не находилось вызубренных наскоро отговорок и отыгранной перед зеркалом фальшивой мимики. На первый план выходили эмоции, и далеко не у каждого получалось их обуздать. Неосознанно, люди оголяли свою истин-

ную сущность и выдавали подлинные намерения.

Глаза, сверкающие в прорезях рельефной позолоченной маски, которая скрывала лицо, сузились. Они пристально осмотрели Нину, собрав в своих уголках пучки морщинок, затем округлились и загорелись маниакальной ухмылкой.

– Плоха та хозяйка, что вросла в стул и не спешит попотчевать гостя чаем, – донёсся из-под литой физиономии гнусавый голос с металлическим оттенком.

– В Вашем случае его придётся пить из носика чайника, – заметила Нина, боязливо посмотрев на загородившего проход человека с механической конструкцией на талии и отходящими от неё каркасными подтяжками для ног.

– Хах, очень забавно, голуба, – оценил мужчина и смахнул с головы капюшон, оголив уродливую шелушащуюся макушку с редкими волосяными барашками, бугром выступающую над его железным лицом. – Однако мне на мгновение показалось, что ты не рада видеть старого друга.

– Я отошла от дел и больше не хочу иметь к ним никакого отношения, – призналась женщина.

– В монашки подайся. Вдруг отмоешься, – гоготнул человек в плаще, почесал своё пузо заменяющим фалангу протезом, крепящимся к кисти перекрёстными ремешками, и прошёл к холодильнику, откуда достал сырое яйцо. Он бесцеремонно разбил его о крепкий лоб железного слепка собственного лица, следом залив тягучее содержимое в вырез для рта и выпив.

– Мне не о чем сожалеть, Фараон. Я принимаю своё прошлое. Но хочу жить настоящим, – поделилась с бывшим начальником Нина.

– Никак на дверь мне указываешь? – с недовольством уточнил мужчина, сжав пустотелую скорлупу в крепкой руке и крошив её осколки на пол.

– Мою дверь вынес твой дуболом из фан-клуба Гринюка, хотя я, кажется, никого не ждала, – напомнила женщина, тем самым выведя гостя из состояния равновесия.

Его остервенелые глаза, чьи белки раздулись и, чудом не лопнув, выкатились из прорезей маски, налились кровью, а зубы нервно залязгали.

– Никого?? Неужели?! – яростно взревел он и, подлетев к столу, резким движением перевернул тот вместе со стоящей на нём посудой, после встречи с паркетом шумно разлетевшейся осколками по всей кухне. – Овца ты недорезанная!!! – орал и плевался Фараон, в бешенстве расшвыривая стулья и свирепо фыркая через ноздревые отверстия блестящего золотым напылением носа.

– Что-то случилось? – полюбопытствовала с виду невозмутимая Нина, смиренно сидящая на месте.

Мужчина наклонился к ней и, приблизившись в упор, процедил:

– Я тебе, паскуда, мозги вышибу, если не прекратишь притворствовать! Какого рожна тот легавый делал у тебя дома?!

– Следите за мной? – поинтересовалась женщина, ощу-

щая каждой складочкой лица отдающее смертью дыхание из-под маски.

– Ещё бы за тобой не следовать! – выпрямившись, пробасил словно в медную трубу Фараон. – Думаешь, у меня есть к тебе доверие?

– Вообще-то, да, – гордо заявила Нина и возмутилась. – Неужели Вы забыли мои заслуги и не уважаете то, что я для Вас делала и на какие жертвы шла?

– Прежде всего, я ценю верность! – обозначил гость. – И если ты выдала про меня хоть какую-то информацию, то обесценила все свои прежние достижения.

– Меня не тянет за решётку, – отрицательно помотала головой женщина. – Сдай я Вас, сама бы попала в переплёт.

– И всё же, отныне, я не могу позволять себе небрежности. Однажды я уже прислушался к тебе... – вспомнил мужчина.

– Вы считаете небрежностью, что когда-то сохранили Галине жизнь?? – искренне поразились Нина.

– А как тебе угодно называть подобный жест, если он мог выйти мне боком? – не понял Фараон.

– Милосердием... – пояснила дама.

– Твоя подруга осталась жива лишь потому, что ты для меня являлась слишком важной фигурой. Я бы выстрелил в неё далеко не снотворным, не вставь ты свои пять копеек, – растолковал железнолицый и резко зажмурил глаза от заколовшей физиономию боли. – Ч-ч-чёрт...

Незамедлительно взгромоздив свой зад на кухонный гар-

нитур, и пришпорив его деревянные дверцы пятками свисших ног в тяжёлых конструкциях, Фараон выудил из кармана брюк похожий на пистолет автоинъектор. Он закатал рукав и, слегка откинув голову назад, ввёл заправку прибора себе в предплечье путём нажатия курка.

ПШ – коротко шикнул гаджет, опустошив ампулу с бирюзовой жидкостью.

Натужно прохрипевшего мужчину тряхнуло. Его шея, по которой изо рта потекли струйки пены, напряглась и покраснела. Рука непроизвольно задёргалась и смахнула с поверхности гарнитура подставку со столовыми приборами.

Спустя несколько мгновений инъецированного отпустило и он, с хрустом поворачивая головой, вернул устройство обратно.

– Вы до сих пор колите эту дрянь? – скуксилась Нина.

– Между прочим, на флëанирине⁴ сидит уже половина города, – похвастался Фараон. – Разработанный персонально для меня, он возымел успех в массах, и мы поставили его на поток. Ему я обязан своей Империей. Это моя гордость! Уникальный препарат!

– А ещё очень сильный наркотик, – напомнила женщина.

– Обычные обезболивающие уже давно перестали мне помогать. Я готов ширяться чем угодно, лишь бы облегчить муки, – поделился мужчина.

⁴ – выдуманный наркотический препарат, служащий для Фараона обезболивающим.

– Даже тем, что может повлечь за собой летальный исход?

– Он вызывает сильную зависимость, но не убивает.

Смерть наступит лишь при условии, если прекратить его приём.

– Тем хуже.

– Наоборот, сия особенность стимулирует людей к его покупке, делая флэанирин незаменимым товаром и одновременно оружием тотальной манипуляции.

– От него у Вас помутнел рассудок?

– Мой рассудок всегда трезв.

– Тогда откуда в Вас взялось столько свирепости и злости? Может, дело в обрётённом могуществе? Ведь пока Вы не обладали таким влиянием, Вы были совсем другим...

– Я многое стерпел, прежде чем моё имя стало значить хоть что-то в этом городе. И сейчас, когда моя цель сделалась по-настоящему осязаемой, я не собираюсь прогибаться.

– Клянусь, я не выдала офицеру ничего касаемо Вас и Ваших планов. Осуществляйте задуманное, не мне преграждать Вам путь. Только, пожалуйста, не трогайте нас с племяшкой.

– Тебе прекрасно знаком закон, что с повышением ставок растёт и цена ошибки.

– К чему Вы клоните? – насторожилась Нина, приподнявшись со стула.

– К тому, что я не навещаю кого-либо лично без тяжёлых последствий... – ледяным голосом проговорил Фараон

и, раскрыв плащ, достал из-за пояса пистолет “Грач” с глушителем.

29

Вова, как и подобает истинному джентльмену, вызвался проводить объект своего вождения до дома, который находился ровно в противоположном направлении относительно ОВД “Магнитного”, куда отправились Павел и Алексей, получившие отказ на своё предложение подбросить молодых людей до нужного места.

Алиса шла, погружённая в себя, а парень, тихо бредущий рядом, не решался заговорить, сравнивая по хрупкости нынешнее психологическое состояние подруги с фарфором. Шокирующие признания тёти и вылившаяся в беседе с друзьями грязь подавили бойкую девушку, и в её меланхолии Трофимов по объяснимым причинам винил именно себя.

Районы серых унылых кварталов и пустырей постепенно сменились полосой оживлённых улиц. Большие массы людей суетливо носились по тесным тротуарам, и чем ближе к центру города подбиралась парочка, тем больше становилась концентрация народа.

Незаметно для парня, Карпова прижалась к нему и вплела свою ладонь в его. Тогда он заглянул ей в глаза, полные тоски и разочарования, и увидел в них слёзы.

– Я не хочу домой... – прохлюпала Алиса и, уткнувшись в плечо стилиаги, заплакала.

– Разве у тебя есть выбор? – в смущении оглядевшись по

сторонам, где всюду сновали деловые жители Гродска, поинтересовался Вова и, поколебавшись, неуверенно прижал девушку к себе.

– У меня есть ты, – ответила Карпова и с надеждой посмотрела на Трофимова.

– Ну...в принципе...отец сегодня как раз на дежурстве, квартира свободна, – почесав затылок, сказал парень. – До утра можем творить любую дичь.

– Прости, если разочарую, но...романтический вечер у нас сегодня вряд ли выйдет. Надеюсь, ты меня поймёшь и поддержишь, – оправдалась Алиса и, шмыгая носом, объяснила. – Я хочу абстрагироваться от всех хотя бы на день, дабы в спокойствии обмозговать случившиеся в последние часы потрясения. Осуществить это с тётёй, особенно сейчас, у меня однозначно не получится, так что...

– Может, ты её хотя бы предупредишь? – предложил Вова. – Думаю, она поднимет на уши всю округу, если ты не сообщишь, где находишься...

– Конечно, – согласилась девушка и, достав сотовый, набрала родственнице. После терпеливого ожидания, она положила трубку. – Не отвечает...

– Как увидит, перезвонит, – подбодрил Трофимов.

– Да. У неё, наверное, опять телефон на беззвучке, – предположила Карпова и спросила. – Нам в какую сторону?

Вова молча обозначил направление жестом руки и, заботливо подтерев своей возлюбленной солёные капельки на

щёчках, повёл Алису к себе в гости.

30

Хвойный лес занимал внушительную часть здешних земель и заканчивался лишь за холмом. Там, на усыпанном шишками затыжном склоне, ели и сосны постепенно редели по мере приближения к подножию, где раскинулась территория, используемая для выпаса крупного рогатого скота, а также для сенокоса – обширный луг, в летний период пестрящий разнообразием цветов и трав.

Подмываемая родниковым ручьём просёлочная дорога, пролегающая вдоль этих угодий, служила чертой, за которой расположилась крайняя улица Малых Дукóв, чья кривая цепь домиков со скудными огородами повторяла изгибы виляющей колеи.

Одним из таких пограничных сооружений в центре ближнего к лугу ряду была изба бабушки Якова. Самая узнаваемая ввиду своего относительно сносного вида, выбивающегося из общей концепции полуразваленных построек, она всё-таки не избежала болячек, поразивших другие жилища: провалы в крыше, покосившаяся дымоходная труба, трещины в срубе и просевший фундамент. Как бы Ашуров не прикладывал к ней руки, за всем он угнаться не мог. Целый ворох забот при отсутствии свободного времени не позволял парню полностью заняться домом и вернуть его к состоянию, хотя бы отдалённо напоминающему первозданное.

Красная “семёрка” с разбитым правым фонарём и без зад-

него бампера добралась до данного здания ещё засветло. Она выпрыгнула из глубокой неряшливой колеи на жухлую траву и, обтерев об неё намотавшие грязь колёса, остановилась напротив ветхого крыльца.

– С забором беда...у фасада его вообще не осталось, – прокомментировал свесивший руки с руля Джафаров и, обернувшись на пассажиров, спросил. – Тачку загонять будем?

– Надо бы. Лишняя осторожность не помешает, – решил Тимофей, вглядываясь на пару с Лавринайтис в заросший сухой травой огород, за которым присматривало пугало, чей жуткий силуэт с колыхающимся на ветру пиджаком и расставленными в стороны руками навис над грядками.

– Тогда давай за руль, а я сарай открою, – распределил обязанности Забит.

– Сам не заедешь что ли? – удивился Рябов.

– Не получается у меня после скутера к габаритам твоего тазика привыкнуть, – оправдался азербайджанец и вдогонку добавил. – Если не хочешь остаться без зеркал или, что ещё хуже, с мятой бочиной – милости прошу в рулевую рубку.

Тимофей закатил глаза, вылез из автомобиля и сменил друга на водительском месте. Пока тот плёлся к соседствующему с курятником сараю и мимоходом силился разглядеть в тёмном чердачном окошке под крышей что-нибудь знакомое по играм из детства, Олеся подалась вперёд и, высунувшись между передними сиденьями, вкрадчиво спросила:

– За какие провинности тачку от всех прячете?

– В страховку не вписались, – отшутился Рябов.

– Я ведь вправе потребовать от Вас объяснений, – напомнила рядовая. – К примеру, откуда на обшивке Вашего транспортного средства взялись следы от пуль.

– Мне кажется, сейчас это должно волновать Вас в последнюю очередь, – прикинул парень.

– Покрестись, раз кажется, – съязвила Лавринайтис. – Я отвечаю за безопасность граждан, поэтому...

– Если к утру положение дел усугубится, мне станет абсолютно фиолетово до того, каким местом жизнь ко мне повернётся. И вот тогда-то я сам Вам сдамся. Вот увидите, – пообещал Тимофей.

Одна створка ворот сарая была приоткрыта и Джафаров, распахнув вторую, отошёл в сторону, чтобы освободить проезд. Рябов подкатил к деревянному строению, после чего тихонько, на одном сцеплении, провёл “семёрку” внутрь вплотную к правому краю и, мягко уткнувшись передним бампером в тюки сена, уложенные друг на друга по периметру помещения, заглушил.

Оставив автомобиль в гордом одиночестве, прибывшие отправились в дом. Сначала они оказались в сенях. Оттуда по левую руку имелся вход в тесную кухню, где стояла настоящая русская глиняная печь с шестком, по правую – дверь в кладовую, а по центру – в первую из трёх последовательно расположенных комнат, куда и вошла троица.

В этом беззаконном мрачном помещении скрипучий облезший пол сильно “гулял” по высоте, напоминая понтоны во время шторма. По вздувшимся стенам периодически проползали чёрные как смоль тараканы, которые сливались с теньями и исчезали в образовавшихся со временем щелях.

Тимофей щёлкнул вывалившимся из гнезда старым выключателем, и тёмное пространство слегка осветила бледная лампочка на изогнутом шнуре, позволив лучше разглядеть пару шатких шкафов с расхлябанными дверцами и старинную кованую кровать.

В той же комнате, за тонкой перегородкой, имелась прикрытая шторкой каморка. Она служила покоями бабушке, чьи ноги отнялись чуть больше года назад, приковав женщину к койке.

Рябов осторожно заглянул в комнатушку и его сердце непроизвольно сжалось. Нынешний вид старушки поверг парня в шок. Он запомнил её неунывающей энергичной хохмачкой с румяными наливными щеками, а теперь лицезрел перед собой осунувшуюся бледную лозину с болезненными кругами под разъеденными от слёз опухшими глазами. Будто пустившая корни в ложу, она застыла в одной позе. Из отверстия во рту между сухими потрескавшимися губами вылетало тяжёлое свистящее сипение, дающееся больной с огромным трудом.

Протиснувшиеся в тесную каморку следом за Тимофеем рядовая и Забит скуksились от концентрированной во-

ни, пробившей в нос. Несло испражнениями: говном вперемешку с мочой. Очевидно, женщина сходила под себя уже не один раз и была вынуждена терпеть.

Бабушка медленно повернула голову на парней с девушкой и сглотнула вставший в горле ком. Она физически не могла плакать, так как за день исчерпала весь запас слёз.

– Это мы, Любовь Варфоломеевна, – сияясь разглядеть просветление в глазах старушки, с печальной улыбкой сказал Рябов и спросил. – Вы нас узнали?

– Мальчишки... – вспомнила молодых людей бабушка и укоризненно просипела. – Что ж Вы так долго? Яков очень сильно Вас ждал, а Вы всё не приезжали...

Сгорающий от стыда Тимофей, убрав на тумбочку брошенный на полу поднос с холодной едой, опустился на колени рядом с койкой женщины, взял старушку за бугристую шершавую руку и поинтересовался:

– Он часто о нас вспоминал?

– Каждый день... – поведала бабушка.

Тронутый до глубины души Рябов отвёл в сторону мокрые глаза, затем посмотрел на поджавшего губы Забита, сдерживающего поток эмоций, и, пустив слезу, проскользившую по его сдвоенной родинке на подбородке, скорбно признался:

– Мы его тоже...

После минуты напряжённого молчания, Любовь Варфоломеевна, тяжело перебирая слова, осведомила гостей:

– Якова нет целый день. Что-то случилось... – на вдохе она всхлипнула, но нашла в себе силы и продолжила. – Сердце чувствует неладное. Ведь он никогда не уходил надолго, всегда был рядом. А тут появился Чеботарев и мой мальчик куда-то пропал...

– Можно узнать подробнее о господине Чеботареве? – уточнила Олеся. – Что здесь произошло?

– Кто Вы? – прищурившись на фигуру в проходе, настороженно любопытствовала женщина и слегка приподнялась на месте.

– Рядовая Лавринайтис, – отрапортовала подавшаяся вперёд девушка. – Я бы хотела задать Вам пару вопросов...

– Милиция? – догадалась обеспокоенная бабушка и встревоженно пролепетала. – Значит, произошло нечто ужасное...

– Послушайте, мне необходимо узнать, какое отношение к Чеботареву имеет Ваш внук, – конкретизировала Олеся. – У меня на руках бумаги, подтверждающие, что данный дом – собственность Елисея. Как я понимаю, коса нашла на камень именно из-за сего документа?

– Я прожила здесь всю свою жизнь... – на полуслове Любовь Варфоломеевна оборвала речь, прикрыла рот рукой и, прослезившись, договорила. – А тот тип... тот тип заявился сюда и в одночасье провозгласил нас с Яковом бездомными, дав ничтожных три дня на выселение. Я пыталась остановить моего мальчика, потому что не признаю насилие в лю-

бой форме, но у меня не вышло.

– Получается, у Вашего внука были мотивы против персоны Чеботарева? – копала дальше рядовая.

– Яков лишь печётся обо мне и всеми силами оберегает от всевозможных нападков. Он ни в чём не виноват...

– Не поймите меня неправильно, я никого не обвиняю...

– Тогда зачем этот допрос? – с подозрением спросила женщина.

– Я стараюсь понять, как Яков оказался в лесу и связано ли его пребывание там с неподтверждённым, однако очевидным фактом убийства Елисея, – пояснила сотрудница милиции.

– Значит, Вы видели моего внучика? – встрепелась пенсионерка и резонно осведомилась. – Что с ним? Он живой?

В камерке воцарилась тишина. Бабушка поочерёдно перебрала глазами траурные физиономии явившихся и, распознав в них дурное предзнаменование, оторопела. До неё постепенно дошло осознание немислимо жуткой правды, и она, дёрнув веком, сипло выдавила:

– Отчего молчите?

– Любовь Варфоломеевна... – неуверенно заикнулся Джафаров, как его перебил громоподобный истерический вопль пожилой женщины:

– Он живой??!! Отвечайте!!!

После непродолжительной паузы Лавринайтис призналась:

– Нет...

Пенсионерка резко изменилась в лице. Гневную гримасу неожиданно стёрло выражение пугающей безэмоциональности. Она ещё какое-то время смотрела на девушку в погонах, только теперь невдумчивым пустым взглядом, затем колыхнулась и, обессилив, молча рухнула на пуховую подушку.

– Вот блин... – выпалил Тимофей и, склонившись над бездыханной старушкой, с замиранием сердца прошептал. – Любовь Варфоломеевна! Эй, Вы меня слышите?

– Чёрт, – шикнул растерявшийся Забит и заметался из стороны в сторону.

– Скорую вызывайте! Чего стоите? – отдал распоряжение Рябов, после чего попытался растормошить бабушку, которая дёрнулась и, нервно отмахнувшись от него костлявой рукой, прохрипела:

– Никого сюда не надо!

– Врачи помогут, – заверил Тимофей.

– Нет!

– Хорошо. Тогда мы останемся здесь, присмотрим за Вами сами.

– Уйдите!

– Вы нуждаетесь в нас!

– Оставьте меня в покое!

– Парень, она не в себе! – обратилась к Рябову рядовая, держащаяся за кожаный форменный ремень. – Ей нужен психолог и время. Сейчас на неё противопоказано давить.

– Ладно... Я понял, – кивнул понуривший голову Тимофей и, вытирая непроизвольно полившиеся слёзы, покинул каморку.

– Мы будем снаружи, – предупредила старушку Олеся и, повернувшись к выходу, добавила. – Если Вам что-то понадобится – зовите.

– Фотография... – подала слабый голос Любовь Варфоломеевна и немощно указала рукой на тумбочку со слетевшей с петель дверкой.

– Что? – не расслышала Лавринайтис, замерев в проёме с отодвинутой рукой ширмой.

– Фотография, – повторил азербайджанец и, несмело взяв рамочку с выцветшим кадром десятилетнего Якова верхом на цирковом пони, протянул пенсионерке, бережно обхватившей её обеими руками и со стоном прижавшей к груди.

– Нам пора, – напомнила сотрудница милиции парню с горячей кровью и, пропустив Джафарова вперёд, вышла из покоев бабушки вслед за ним.

Вдвоём они проследовали на улицу, где занялись вечерние сумерки.

Тимофей сидел перед ними, на крыльце, и, утирая опухшие глаза, наблюдал, как солнце уходит за остроконечные пики мрачного хвойного леса, а округу постепенно поглощает спускающаяся с небосвода темнота. Сомкнувший руки в замок он жадно хапал ртом прохладный свежий воздух, вот только легче от этого не становилось. Грудь ощущалась та-

кой же тяжёлой, и при каждом вдохе её слегка покалывало.

За колеёй успокаивающе журчал ручеёк, берущий своё начало в родниковом источнике у самой кромки леса, куда люди давным-давно проторили тропинку. Для удобства бьющую ключом из недр земли воду заключили в колодезь, однако она всё же нашла лазейку у самого его основания и, просочившись сквозь бетонную конструкцию, проложила себе путь в поле, а оттуда вильнула к деревне и пристроилась в аккурат у дороги.

В это время года узкий поток делался полноводным и несколько нарушал свои границы, выходя из берегов благодаря талой воде. Она спускалась после снежной зимы с перевала и обильно наполняла и без того непересыхающее русло.

– Мы с ним даже не повидались... – через плечо виновато сказал Рябов и, шмыгнув носом, покачал головой. – Всё времени не находили вырваться. Думали, наездимся ещё. В итоге явились на его похороны...

– Кто же мог предвидеть подобное, Тим? Я скорблю не меньше тебя, – вздохнул Забит. – Вот такая дрянная штука – жизнь...

– Не жизнь дрянная, а мы беспечные. Не успеваем почувствовать момент... Заметил тенденцию?

– Какую?

– Когда человек жив, отчего-то каждый раз ищешь повод для встречи с ним, а потом, когда его не становится, понимаешь, что повод-то, оказывается, был и не нужен.

– Зато мы можем гордиться им. Яков-таки спас упругую задницу милиционерши...

– Он действительно показал себя очень смелым малым, боролся до последнего, – согласилась девушка и жахнула током азербайджанца, мигом схватившегося за задницу.

ЗЗЗРАКТ!!!

– Аааййй! – вскрикнул он и негодуяще полюбопытствовал. – Вы сдурели? За что?

– За ехидство, – спокойно ответила Олеся, заткнув электрошокер за пояс. – Я не твоя тёлочка, чтобы ты мог спокойно обсуждать мои упругие места.

– Лучше бы Вы носили с собой пистолет, – с обидой указал Джафаров. – Иначе, какой от Вас толк?

– Я против огнестрела. Не мой стиль, – пожала плечами Лавринайтис.

– Да ну? Только сдаётся мне, госпожа служивая, он явно поэффективней Ваших примочек будет, – завёлся Забит, размахивая волосатыми руками.

– С твоей болтовнёй точно не сравнится. Таким сильным психологическим оружием можно камни пытаться! Уверена, даже они от такого заговорят! – хихикнула рядовая.

– Очень смешно, народ, – буркнул Рябов и, поднявшись на ноги, поинтересовался. – Только у нас есть одно неулаженное дело... Чем парировать выпад чащобной твари?

– Ты ещё собрался ей что-то противопоставить? Серьёзно? – счёл слова друга за полоумие Джафаров, чуть не по-

крутив пальцем у виска.

– Ну не отправляться же нам обратно в Гродск, когда тут такое творится!

– Конечно, отправляться! Что мы можем? Сдохнуть? Хорошее умение, не спорю. Только я не горю желанием присоединиться к Якову, да простит он меня...

– Я тут подумала... если у меня остался номерок одного старого знакомого... – мусоля костяшку указательного пальца, взялась активно размышлять Олеся, попутно выудив из кармана сотовый.

– Чего Вы там бубните? – не понял азербайджанец, наблюдая за щёлкающей по кнопкам телефона девушкой.

– Отлично, нашла! – воскликнула проигнорировавшая удивление Забита рядовая и, подняв на парней глаза, решила. – Пришла пора вызвать подкрепление...

31

Покинувший квартиру друзей Коля совсем потерял контроль. Когда он, открыв подъездную дверь с ноги, вышел на улицу, то начал буйствовать и крушить всё, что попадалось ему на пути. Первыми на празднике гнева отхватили скамейка и урна. Пяткой Беляков с размаху проломил и без того хлипкие рейки сиденья, следом вырвав обломок одной из них с целью отлупить ёмкость для мусора. С разъярёнными воплями всклокоченный парень успел нанести несколько ударов по металлическому контейнеру прежде, чем в ситуацию вмешался его темнокожий друг.

– Ты чего творишь?? – прокричал Томас и схватил красноволосого товарища за руки в момент его очередного замаха.

– Отойди!!! – проревел Коля, после чего вырвался от Азикиве и долбанул по урне ещё раз, добившись её опрокидывания на бок.

Теперь замечание молодому человеку сделали уже прохожие, не оставшиеся равнодушными к подобному вандализму.

– Мы сейчас милицию вызовем! – прозвучал жёсткий женский голос, который выдвинул угрозу от имени столпившейся на тротуаре группы людей.

Из окон здания также показались жители, в том числе и те, кто просто желал удовлетворить собственное любопытство.

Афроамериканцу сделалось крайне неловко и стыдно, отчего его щёки залились краской. Никогда до этого к нему не было приковано столько внимания, носящего враждебный характер. На них с одноклассником смотрели со всех сторон под самыми разными ракурсами, и Томас ощущал себя затравленным гладиатором на арене Колизея, куда он вышел биться против собственной воли.

– Брось палку! Иначе мы тебе её в одно место засунем, – пригрозил уже мужчина, сидящий в припаркованной машине.

Беляков перевёл на него бесстрашный взгляд, ухмыльнулся и назло собравшимся пнул урну носком кроссовка.

– Вы поглядите, каков гадёныш! – прокомментировал кто-то сие действие.

– Пусть расплачивается за причинённый ущерб! – вынесла предложение бабушка с балкона второго этажа.

– Простите нас, пожалуйста! Мы уже уходим! – примерил роль дипломата Азикиве и, раздув ноздри, прошипел Коле. – Убери палку и валим...

Тут красноволосый парень пристально посмотрел товарищу в глаза, затем враждебно оглядел своих ненавистников и, выпустив из рук обломок скамеечной рейки, понёсся прочь из квартала. В его адрес ещё что-то вопили, кто-то даже сделал несколько неуверенных шагов вслед за ним, однако Беляков не услышал ничего, кроме шума крови в висках.

Он довольно быстро покинул этот район и только спустя определённое время понял, что за ним еле успевают Томас.

– Эй! – окликнул афроамериканец притормозившего Колю. – Я, если ты не заметил, не гепард, чтоб за антилопами гоняться.

– Не нервируй, Том, – бросил нахмурившийся парень и, подтянув подраспустившийся хвостик, принялся ускоряться.

– Хотя бы сообщи, куда мы так торопимся? – любопытствовал Азикиве, чуть ли не вприпрыжку следуя за ним.

– Не мы, а я! – поправил Беляков и пояснил. – Ты свободен!

– Спасибо, конечно, за освобождение. Только я сам как-

нибудь за себя решу! – сказал чернокожий парень и снова спросил. – Выкладывай, куда намылился?

– Хочу догнать сладкую парочку, – сознался Коля.

– Воу-воу, ну-ка стреножь копытца. Опять ты за своё? – поразился Томас. – Забыл, о чём нас просили Денис с Дашей?

– Мне плевать. Они мне не указ. Никто не указ, – цинично заявил Беляков.

– Да стой ты! Не надо пылить! – воззвал друга к рассудку Азикиве, но, не дождавшись нужной реакции, перешёл к кардинальному решению проблемы и, вцепившись Коле в плечи, резко прижал его к стене старой пятиэтажки.

– Не трогай меня! – недовольно рявкнул красноволосый парень. – Отпусти!

– Как остынешь, отпущу, – пообещал афроамериканец и ослабил хватку.

– До кипения не нагревался, – съязвил Коля и, нервно одёрнув руку, пустил пятерню в задний карман штанов, из коего достал подвеску с бриллиантами.

Томас удивлённо посмотрел на блестящее украшение и вопросительно вскинул бровь, слегка приоткрыв рот.

– Не рожу я этому эпатажному засранцу чистить хотел... – спокойно пояснил Беляков, с горечью разглядывая драгоценность на ладони.

– Ты это... – заикнулся Азикиве.

– Да, ей, – подтвердил догадки нигера Коля и, поморгав

влажными глазами, добавил. – Вчера купил. Но теперь понимаю, что зря.

– Мне кажется, Алиса бы оценила, – предположил Томас.

– Лучше в помойку, – шмыгнул сморщенным носом парень с хвостиком и, швырнув подвеску в урну у угла здания, отвёл печальный взор в сторону.

– Ну ты и мажор, – усмехнувшись, покачал головой афроамериканец и похлопал друга по плечу. – По домам?

– По домам, – согласился Беляков.

32

Похожий на запорожца, пусть и без усов, худосочный молодой человек с хохолком на лысой голове, кривым носом и шрамированной губой пересекал засаженную голубыми елями территорию милицейского участка в сопровождении трёх оперативников, вооружённых калашами. Подметённые тропинки, аккуратные урны, свежая дорожная разметка, чистые скамейки и ухоженные палисадники создавали весьма приятное впечатление об ОВД, в отличие от сотрудников здесь работающих.

– Ну да, совсем запамятовал. У нас ведь как делается: сперва вяжут и только потом спрашивают, – сквозь зубы, один из которых сверкал золотом, процедил парень и, обогнув подбитый бронированный автомобиль “Тигр” (ГАЗ-23034), отбуксированный сюда с неделю назад, миновал несколько служебных ментовских “бобиков” с “газелями”.

– Не триндычи, казачок, у тебя ещё будет возможность вдоволь натрещаться, – подталкивая в спину провинившегося, сказал старший прапорщик Лев Агеев и проследовал за задержанным в здание участка вместе с двумя коллегами: сержантом Никитой Зининым и старшиной Эмилем Дьяковым.

Импulsивный арестант с заведёнными за спину руками, сцепленными наручниками, воинственно брыкнул плечом своего конвоира и, прижавшись к решётки КПЗ, выпалил:

– Вонючие кабаны с пушками! Лучше бы настоящие преступления предотвращали, а не лезли без разбора на первого встречного...

– Забавный ты паренёк, – хохотнул Дьяков.

– Точно, чудак! – покачал головой поглаживающий рожок автомата Никита и уточнил. – Обжился целым складом боеприпасов и решил, что это останется без внимания милиции?

– Я Вам хренову тучу раз повторил, для чего предназначался мой арсенал! – плевался слюной в окруживших его оперов парень.

– Отрегулируй свой фонтан, брызжет, – гыгыкнул Эмиль.

– Ты себе с дружками лучше мозги отрегулируй, – огрызнулся задержанный. – Может скидку дадут за рефералов...

Лев не стерпел оскорбления и, выхватив с пояса напоминающую тонфу резиновую дубинку, пробил ей бедолаге в живот, отчего тот, прокряхтев, болезненно согнулся.

– Заткнулся бы ты и топал, куда направляют, – подняв подбородок скрючившегося молодого человека кончиком дубинки и заглянув ему в глаза, посоветовал старший прапорщик.

Мимо проходил Трофимов, выползший из кабинета за горячим кофе. Привычно разгребая бумажные завалы на своём столе, день ото дня не рedeющие, он совсем погряз в макулатурной рутине, отчего радовался любому выезду, даже самому бестолковому. С момента возвращения в участок следователь, чьи мысли крутились исключительно вокруг Нины и проклятого лагеря, не покидал рабочего места, просматривая и сортируя пузатые скоросшиватели.

Когда он заметил, как местные силовики грубо прессуют очередного попадённыша, сразу же притормозил и не поленился задержаться у изолятора.

– Кого опять обижают, Агеев? – с усмешкой спросил офицер.

Группа оперативников расступилась, и Лев представил несчастного:

– Да вот, Алексей Викторович, накрыли одного оружейного магната.

– Роща дубовая, – подразнил повязанного Зинин.

– Дубовцев, – недовольно поправил тот, облизав языком кривой шрам на губе.

– В общем, этот жёлудь загружал добро в свой фургончик, когда продавщица круглосуточной забегаловки нажала тре-

возную кнопку... – обрисовал ситуацию старший прапорщик.

– Так наладили бы поставки. А то вечно у преступников примочки круче наших, – с иронией посетовал Трофимов, усердно вглядываясь в до боли знакомое лицо задержанного в попытке сопоставить его с фамилией, звучавшей в прошлом при каких-то важных обстоятельствах.

– И так всё конфисковали, – отчитался мент с сержантскими погонами.

– Супер! А я вот думаю его у Вас конфисковать, – сообщил улыбнувшийся Алексей.

– В смысле? – потупившись на майора, не понял обалдевший прапор.

– Ваш подопечный пройдёт со мной, – растолковал офицер. – Снимайте кандалы.

– Но... – заморгав глазами, впал в замешательство Дьяков, чьё недоумение разделили и Агеев с Зининым.

– Слово старшего по званию – мантра для служивых, – подмигнув операм Трофимов и позвал парня, вмиг освобождённого Львом от натирающего кисти браслета. – Шуруй сюда, ущемлённыш.

Молодой человек не пренебрёг подарком судьбы и бодро, хоть и с некой осторожностью, вышел из круга вышибал с автоматами, проследовав за лысоватым следователем, черты лица коего также показались ему небезызвестными.

– Я Вам чертовски благодарен, товарищ майор, из дерьма

меня вытащили. Но... Вы ведь сделали это не просто так, верно? – на ходу спросил отпущенный, лавируя между людьми, с видом сонных мух снующими по “Магнитному”.

– Ну почему? Я люблю заниматься благотворительностью, – с серьёзным видом пошутил Алексей и пожал руку прошедшему навстречу командиру оперативников Владиславу Никонову, спешащему к своим подчинённым за объяснениями, отчего те до сих пор не явили к нему арестанта, с их слов весьма любопытного персонажа, а также не принесли ряженку, деньги на которую он им выделил до выезда на вызов.

– Профессиональный юмор, – кивнул парень и в конце узкого коридора свернул направо следом за сопровождающим. – Это здорово. И всё же. Мы где-то встречались?

– Я стараюсь понять то же самое, – задумчиво пробубнил офицер и несколько замедлил шаг в закутке, где находилась лестница, ведущая на второй этаж. – Дубовцев, Дубовцев... хм...твоя фамилия крутится у меня в голове. Она будто выпала из какого-то важного воспоминания и теперь пытается вернуться в нужную ячейку...

– Кажется, меня осенило! Вроде именно Вы однажды сохранили в целостности наши с другом шкуры.

– Не единичный случай. И вообще, я сколько сохранил, столько и попортил. Чего у меня только ни было за годы службы. Куда уж всё упомнить...

– Ну, мне ещё нос сломали, и зуб вышибли за одну фин-

тифлюшку с класса по имени Полина. На нас с Артёмом налетели у ларька с каким-то мексиканским названием...

– Я навскидку могу назвать достаточно харчевней с заморскими подзаголовками. Поконкретней.

– Пытаюсь вот вымучить. О! – щёлкнул пальцами казачок и озвучил. – “Такос”, вроде. Он уже года четыре как закрылся.

– “Такос” знаю, – кивнул Алексей.

– Ну вот, Вы меня с напарником оттуда как раз в больницу отвезли, а друга – в участок, показания давать.

– Начинает что-то смутно вырисовываться. Тебя лежачего чуть не добила арматурой, да?

– Верно. Яйца Зевса мне в рот, это однозначно были Вы! – решил парень.

– Угу. Походит на правду. Однако твоя фамилия ассоциируется у меня с чем-то другим, более глобальным... и я знаю с чем. С детским лагерем “Тайник Лешего”... точно! Осипов, Бабурин и Дубовцев, – прозрел Трофимов и, юркнув за угол, прошагал рядом с вымахавшим фикусом к своему кабинету.

– Откуда Вам это известно? – любопытствовал безусый Тарас Бульба, остановившись за спиной у своего проводника.

– Что именно? – не догнал Алексей, отворив дверь, маркированную табличкой “**Следователь Трофимов А.В.**” со сколом в верхнем углу, и уточнив. – О “Тайнике Лешего”?

– Я про своего младшего брата, Федю Дубовцева, – объяс-

нил молодой человек и зашёл в рабочее пространство майора, захлопнув за собой дверь.

– Значит, один из тех мальчишек был твоим братом? – поразился майор и, ощутив, как ёкнуло сердце, облокотился на угол стола, прежде чем выказал сожаление. – Соболезную...

– Что Вы делали в “Тайнике Лешего”? – прозвучал вопрос, коего так хотел избежать в данной ситуации офицер. – Там ведь работала местная милиция...

– У меня имелись кое-какие счёты... – отведя глаза, мягко ушёл от конкретики Алексей и, неуверенно указав парню на стул, устроился за своим столом.

Следователь сильно нервничал. И нервы эти вызывал страх, проникший глубоко в подкорку. Трофимов боялся. Боялся правды, ставящей под три жирных изогнутых вопроса его компетентность как милиционера и способной вызвать в человеке напротив слепой неконтролируемый гнев. Ведь все постоянно ищут виноватых, такова сущность сапиенсов. А здесь, если бы он сознался, что из-за собственной оплошности не предотвратил, хотя вполне мог, гибель несчастного Феди, и искать бы не пришлось.

Офицер знатно пропотелся, отчего расстегнул пару верхних пуговиц на рубашке.

Он сожалел об этом провале в своей карьере сильнее остальных, так как постоянно проецировал ту трагедию на себя. Ведь у него тогда подрастал сын, практически ровесник покойных. И боль родственников жертв Гринюка пронизы-

вала в том числе и Алексея. До сих пор.

Ничто так не потрясает до глубины души, как смерть детей.

Перед глазами застыли выложенные конечностями ребят на покрытой росой траве инициалы маньяка: “М” и “Г”.

Майор опасался оправдываться перед братом Феди. Просто знал, к чему приведёт подобное. Он не хотел, чтобы ему в очередной раз эмоционально растолковали от и до, какого это, потерять близкого человека. В своё время следователь достаточно насмотрелся на страдания убитых бесконечным горем родителей и испытал на себе, пускай и заслуженно, их ярость. Они, без всяческих сомнений, были готовы разорвать его за ошибку, однако лишь орала в истерике, выплёскивая на Трофимова, абстрагированного от мира, накопившийся внутри негатив. Пожалуй, лучше бы разорвали.

Неведомо каким образом оказавшийся в его руке карандаш машинально застучал по лакированной деревянной поверхности концом со стёртой до ободка резинкой. Липкие пальцы судорожно тряслись, и порой он неловко выкручивал ими канцелярское изделие, то и дело норовящее выскользнуть.

– С Вами всё в порядке, товарищ майор? – справился молодой человек, заглянув офицеру в лицо.

Алексей, покинувший мир раздумий, резко перевёл свой статичный взгляд на Дубовцева и от напряжения сломал выступающий из карандаша грифель упёршимся в него боль-

шим пальцем.

– Чёрт, – потупившись на зажатый в руке предмет, нервно буркнул сотрудник милиции и откинул пишущее средство к вертикальному пластмассовому лотку, забитому папками с делами.

– Хей, Вы чего? – забеспокоился парень.

– Да так... слегка задумался, – оправдался Трофимов и намеренно перевёл тему. – Так за что говоришь тебя наши повязали?

– Неужели Вам не всё равно?

– Я люблю интересные истории.

– Ай, ничего интересного. Я технику со своего небольшого склада в фургон тихо-мирно загружал, тут подъехала их скрипучая телега, ну и всё. Загрузили уже меня. Ладно хоть за проезд не взяли.

– Хах, технику. Пароварку с микроволновкой?

– Не совсем...

– Ну да, бытовая-то оружием не напичкана.

– Это для дела. Сугубо личная цель, без намерения кому-то навредить.

Алексей с усмешкой посмотрел на молодого человека и полюбопытствовал:

– Какая такая цель?

– Мечь. У моего брата завтра день рождения. Он бы справил совершеннолетие. Было бы здорово на это посмотреть, порадоваться за него. Надоело собирать душу по кусочкам,

стоя у надгробной плиты.

– Да, тяжело замирать у гранита и вглядываться во врезанную в него фотографию родного человека... – согласился Трофимов, с тоской покосившись на рамочку в правом углу стола, хранящую семейный снимок, запечатлевший его с женой и сыном.

– Собственно, поэтому я и решил, что, нежели снова прозябать на кладбище, лучше наведаюсь в тот сраный лес у “Тайника Лешего” и сделаю Феде подарок в честь знаменательной даты. А родители поставят ему за меня цветочки на могилку...

– Как тебя зовут?

– Арсений. Можно просто Сеня.

– Слушай, Сеня, я понимаю твою боль и знаю, какая лютая злость кипит внутри тебя, но...

– Что?

– Человек, лишивший тебя брата, мёртв, – напомнил майор.

– Моего брата убил не человек, – сверкнув глазами, один из которых дважды дёрнулся, выдал Дубовцев, и его скулы дрогнули, а губа со шрамом шевельнулась.

В тесном душном кабинете повисла тишина. Трофимов, безрезультатно попытавшийся включить накрывшийся настольный вентилятор, переварил услышанное и неуверенно, сомневаясь в правдивости собственных слов, ответил:

– Извини, что прибегаю к подробностям, но расчленил его

именно Гринюк.

– Расчленил. Только жизнь отняло нечто другое. При осмотре туловища Феди во время экспертизы в ране, имеющей несвойственный топору разрез, обнаружили осколки кости. Точно определить их природу не удалось, однако есть подозрения, что они принадлежат считавшемуся вымершим существу. Доисторической твари.

Офицер нахмурился. Он знал, о ком или чём идёт речь. О творении безумного учёного, коему помогала хранившая тайну все эти годы Нина. В голове вспышками пронеслись воспоминания: снятый с корпуса труп мальчика со странной раной, землянка с останками Гринюка в его собственной луже крови, следом дерево, где они нашли выпотрошенного милиционера и, наконец, последние переговоры по рации с лейтенантом Абрамовым, ушедшем в лес в составе группы спецназовцев и больше не вернувшимся.

– Твари... – задумчиво повторил Алексей. – Мортерида...

– Мортерида?

– Так называют то создание.

– Хотите сказать, Вы о нём знаете? – привстав с места, удивился Арсений.

– Лично в глаза не смотрел. Я лишь в курсе, что оно выведено из пробирки и водится в сосняке у “Тайника Лешего”. Когда убили твоего брата, мы так и не поняли, кто именно там орудовал. Пытались это выяснить, а в итоге потеряли людей.

– Ну, ничего. Уж я-то накрою гадину. Вы со мной? – предложил Дубовцев, на что следователь не успел дать ответ, так как дверь его кабинета бесцеремонно расхлебянили.

Несколькими минутами ранее...

Сергеев недовольно подёргал заблокированную дверную ручку комнаты отдыха на первом этаже “Магнитного” и женские стоны с мужским пыхтением резко прекратились.

– Да ладно Вам! Чего притихли? Дайте хоть подглядеть одним глазком, – хохотнул Павел, уловив шуршание наскоро натягиваемых штанов и лязг бляшки ремня. – Какие Вы, однако, стеснительные, – покачал головой офицер и с сарказмом добавил. – Извините, если отвлѣк, партизаны. Заделывайте новых бойцов дальше!

Старлею ничего не оставалось, кроме как оставить нетерпеливых любовников наедине, а самому подняться в другую зону отдыха – на втором этаже.

Там, к счастью, оказалось свободно. Синий экран телевизора горел в тѣмном пространстве комнаты, освещающая мягкий диванчик с журнальным столиком перед собой.

Сотрудник ОВД, не пожелав включать свет, прошѣл к сидячему месту, устроился на нём и закинул ногу на ногу. Нашупав слева от себя пульт, он принялся не спеша перелистывать каналы. Выбор пал на СТС. По нему крутили какой-то старый боевик со Стивенем Сигалом. “В осаде”, кажется. Неубиваемый кок Кейси Райбек противостоял целому взводу плохих парней. В детстве Сергеев обожал этот фильм,

впрочем, как и другие киноленты с данным актёром, на которого он старался походить, будучи мальчишкой.

Конечно, сейчас демонстрируемые в картине боевые сцены не впечатляли его настолько сильно, но всё же выбивали приятные искорки ностальгии и напоминали о юных годах жизни.

Мужчина в погонах наблюдал за тем, как персонаж Сигала крошит в салат предпринимающих попытки захватить судно головорезов, и пытался расслабиться. Его сильно клонило в сон.

Только он начал прикрывать уставшие глаза, как перед ними появились грёбаная свинка со своей чокнутой хозяйкой, на пару жующие его бумажник с месячной зарплатой.

Павел судорожно помотал головой, достал из кармана упаковку мармеладных червячков и, запихнув в рот целую горсть, нервно зачавкал ими.

Тем временем brutальный Сигал победил главного злодея и предотвратил катастрофу на Гонолулу, обезвредив выпущенную туда ракету.

Появились титры.

По бегущим вверх многочисленным буквам вдруг запрыгала беззаботно хрюкающая пяточком и цокающая копытцами мини-пиг с завёрнутым спиралью хвостиком, а за ней разлетались в разные стороны хрустящие банкноты самых крупных номиналов.

Офицер выключил звук на телевизоре и почесал затылок.

– Как так вышло? Заплатил за самый дорогой полуфабрикат и даже его не отведал, – посетовал подпёрший кулаком подбородок Сергеев и взял со столика журнал “**О вредителях**”. Прочитав название, он невольно усмехнулся.

В дальнем углу помещения послышался шум. Старший лейтенант лениво взгляделся в темноту и различил в ней окружённую причудливыми растениями самодельную конструкцию, служащую подставкой для большого аквариума, где подобно поплавкам, высунув из воды одни лишь морды, зависли две красноухие черепахи. Они шелестели длинными когтями задних лап по камешкам на дне, нарушая тишину.

– Даже рептилия завела себе подружку, очуметь! – с ироничной завистью воскликнул Павел. – А всё потому, что у неё есть панцирь. Своя жилплощадь всегда в почёте, особенно, когда она заменяет тебе рельефный пресс, – хмыкнул офицер и решил. – Только если бы я таскал на себе панцирь, меня бы использовали вместо тарана на особо важных операциях.

В кармане запиликал сотовый. Сергеев нехотя достал его из брюк и прищурился от яркого свечения. Поднеся аппарат поближе к мятому лицу, старлей скривился. Незнакомый номер. К такому он относился с недоверием и всегда испытывал сомнение, стоит ли снимать трубку или ну его нафиг.

Ещё некоторое время мужчина пытливо сверлил взглядом вибрирующий телефон в надежде, что у анонима не хватит терпения ждать, но человек на том конце провода был до

неприличия настойчив. Посему милиционер-таки сдался и принял входящий вызов.

– *Алло? Алло, Паша?* – с ходу ударил в уши обеспокоенный женский голос.

– Очень ценю в дамах сообразительность. С кем имею честь? – полюбопытствовал офицер.

– *Это Олеся Лавринайтис! По очень срочному делу!*

– Девушка, если Вы касаетесь анкеты с сайта знакомств, напишите мне, пожалуйста, на электронную почту. Заявок вагон и маленькая тележка, рассматриваю их по мере возможности.

– *Ты ничуть не изменился. Также корки мочишь. Я бы рада с тобой подурачиться, да нет времени.*

– Кто Вы? – встрепенувшись, заинтересовался Сергеев.

– *Мы учились в параллельных группах в академии. У меня был отменный удар с правой,* – дала подсказку Олеся.

– Так это тебя отчислили за драку с моим одноклассником?

– *Да, знаменитая история.*

– Хах, ты его тогда знатно отделала! Он месяц жевал слова вместо каши.

– *И поделом.*

– А ведь я за тобой бегал, Лавринайтис.

– *Много кто бегал. И все сошли с дистанции.*

– Просто я в пол силы бегал. Вернее шёл быстрым шагом. Тем более ты первая обо мне вспомнила. Запал в душу, да?

– Когда уже закончится эта клоунада? – послышался на фоне недовольный голос с кавказским акцентом.

– Тише, Забит! – буркнул другой. – Иначе хрен нам с маслом, а не подмога...

– Меня там кто-то клоуном обозвал? – офигел офицер.

– Никто не называл, – заверила Олеся.

– Смотри мне. По какому поводу звонишь?

– У меня неприятности, Паша. Мне нужна твоя мощь...

– Ты, конечно, извини, но я сейчас на дежурстве и у меня тут своих неприятностей целая навозная куча. Давай я, как освобожусь, тебе наберу, идёт?

– Не идёт! Это очень срочно! У “Тайника Лешего” гибнут люди! Мне необходима огневая мощь!

– У детского лагеря?

– Да. Я сама лично столкнулась с монстром и чудом выжила. Одной мне не справиться. Если не поспеишь, очередных жертв не избежать. Прошу, Паша, помоги!

– Не клади трубку, – попросил осознавший всю серьёзность происходящего старлей и пулей рванул на первый этаж, к кабинету Трофимова.

Чуть ли не с ноги отворив дверь, Сергеев влетел к возмущённо раззявившему рот следователю, принимающему какого-то кривоносого паренька с чубом на репе, и передал ему телефон.

– Там что-то по поводу “Тайника Лешего”, Алексей Вик-

торович, – поспешил объясниться Павел. – Вы в этом лучше осведомлены.

Старший по званию растерянно принял сотовый и приложил его к уху:

– Майор Трофимов слушает.

– *Майор, это рядовая Лавринайтис. У нас ЧП. Оно снова начало убивать. Чудовище “Тайника Лешего”...*

Алексей похолодел и, пристально посмотрев на Дубовцева, спросил:

– Как Вас найти?

Олеся сообщила ему, где находится, и Трофимов, записав продиктованный адрес, решил:

– Мы немедленно выезжаем к Вам. Наутро будем.

Закончив разговор и вернув Сергееву его гаджет, майор заявил:

– Я с тобой, Сеня. И, думаю, твои боевые приколюхи нам пригодятся.

– Превосходно! Только мне бы сперва их вернуть, – сказал Дубовцев.

– Пашка, сможешь у Агеева и его друзей выцыганить Сенькино барахло? – озадачил своего коллегу Алексей.

– Не вопрос, товарищ майор, – согласился старший лейтенант.

– Хорошо. Тогда мы с Арсением пока метнёмся за фургоном и подгоним его к воротам, – распределил обязанности Трофимов, конкретизировав. – Пусть Агеев притарака-

нит снаряжение туда.

Приняв установку, Сергеев кивнул и уточнил:

– Значит, выдвигаемся сразу после погрузки?

– Мы с Сеней, – поправил Алексей. – Ты остаёшься здесь!

– Я что, самый дефектный? С чего вдруг остаюсь? – возмутился Павел.

– Кто-то должен нести дежурство, – пожал плечами майор. – Приказ понял?

– Так точно, – недовольно подчинился старлей.

– Нам пора, – поторопил Дубовцев и быстрым шагом вышел в коридор.

Трофимов же задержался у выхода и с отцовской заботой спросил у напарника:

– Справишься тут один?

– А Вы там без меня? – встречно поинтересовался Сергеев.

– Хочется верить, что да, – печально улыбнувшись, выразил надежду Алексей и, похлопав коллегу по плечу, покинул кабинет.

Павел вздохнул и, подойдя к кулеру, возвышающемуся на тумбочке у шкафа, набрал в одноразовый пластиковый стаканчик холодной воды, залпом выхлестав её. Затем он открыл жалюзи, проследив за тем, как Трофимов с Арсением пересекли освещаемую фонарями территорию ОВД “Магнитного” и скрылись в ночной тьме за центральными воротами.

Выпив ещё воды, старлей смял стаканчик, выбросил его в мусорку под столом майора и пошёл разыскивать Льва Агева.

33

“Чёрт! Он походу пришелец!”.

Пианист сделал паузу и, глотнув водички из графина, продолжил играть на пианино, расположенном на крохотной сцене с искусственными цветами. Его пальцы забегали по клавишам, воспроизводя довольно грустную мелодию.

“Какой ужас!”.

Ноздри мужчины, сидящего на высоком стуле у отделанной под морскую тематику барной стойки, над чьей поверхностью свисала сверкающая электрическая гирлянда, раздулись и он, всхлипнув, опрокинул очередную стопку текилы.

“Монстр!!! Он монстр!!!”.

Монстр. Он действительно считал себя таковым. И не из-за того, что в нём текла очень редкая голубая кровь. А из-за того, как он в своё время поступил со своим лучшим другом. Прошло уже много лет, но его до сих пор грызла совесть. Они клялись в верности друг другу. Только вот не срослось. Обещание, которое он произносил неоднократно, им же и было нарушено. Он зазнался, кинул товарища гнить в детском приюте, променял на других. И в итоге другие не приняли его таким, каким его сотворила природа.

Известный и перспективный писатель своего времени, Борис Костин, в душе признавал, что добился своего успеха

благодаря наркотикам. Всё, что вышло из-под его пера, создавалось под действием дури. Мужчина не помнил процесса создания практически ни одного своего произведения, однако слепил себе совсем иную репутацию. Перед прессой и фанатами он представлял опрятно одетым, улыбчивым человеком, публично презирающим все пагубные привычки. Поэтому люди не знали правды и даже представить себе не могли, чем любил баловаться их кумир.

Потребление наркотиков усугубляло ситуацию с больным сердцем, доводило мужчину до края. Приступы аритмии возникали всё чаще. Сердце в груди то разрывалось от бешеного биения, то замирало так, что порой казалось, будто оно остановится и никогда больше не пойдёт. Имплантированный ему кардиостимулятор не всегда справлялся с напастью, и иногда к Костину навевалась скорая.

Бармен снова наполнил его стопку текилой. В юбилейный десятый раз.

Сперва Борис соблюдал все правила церемонии распития данного напитка: слизывал соль с внешней стороны ладони, залпом выпивал текилу и закусывал кислой долькой лимона. Но когда Костина совсем разнесло, и на него накатили грустные воспоминания, он перестал корчить из себя интеллигента и начал хлестать алкоголь в чистом виде.

Ему сделалось совсем погано. В уголках глаз выступили слёзы. Вот он, подавленный и расстроенный, возвращается к дому со своей новенькой клюшкой, ищет взглядом Дени-

са, не находит и понимает, что их дружбе конец. Малой, как он ласково называл Маслова в детдоме, в тот момент разуверился в нём окончательно. Ден ждал и надеялся до последнего, что товарищ не бросит его. Даже сбежал из приюта, дабы повидаться с ним. А он оставил Малого одного ради паршивой игры с квартальными ребятами, заимевшей плачевную развязку. Борису хотелось вернуть друга, и мужчина неоднократно предпринимал попытки возродить утраченные взаимоотношения. Только без толку. Да, они порой общались, однако совсем не так, как раньше. Осадок у Дениса остался навсегда, и это было неизлечимо.

Костин решил, что ему пора отвлечься и заняться чем-то животворящим. Глянув через столики с пьяными мужиками в дальний угол бара, за деревянными бортами коего плескалась вода, он обнаружил молодую грудастую малолетку, раскинувшуюся на кожаном диване, где на стене красовалась прибитая на гвоздь плоская рыба из дерева с выжженной на ней надписью **“НЕ попадись на крючок, полосатик”**. Размалёванная тоннами косметики девушка, чья клетчатая красно-чёрная юбка задралась вверх и позволяла любоваться живописным видом промежности, еле прикрываемой едко розовыми стрингами, явно пребывала в отключке.

Борис кивнул на неё и спросил у бармена:

– Это чья пассия, Мирон?

Пузатый мужчина за стойкой, на лицевой стороне которой висели полосатые спасательные круги, прекратил поли-

ровать рюмки, вынул изо рта сигару и, почесав бороду, ответил:

– Та эмо? Кажется, дочка одного электрика со сталелитейного завода. Пока папаша на работе, она у нас депрессирует.

– Может она под прикрытием? – шутливо предположил Костин.

– Скорей под кайфом, – заметил бармен и, поправив морскую фуражку, задымил сигарой.

– Как же я люблю таких сучек!

– Смотри, чтоб сердце от возбуждения не зашалило. А то знаю я тебя!

– Я себя контролирую.

– Ага, особенно после десяти стопок текилы.

– Ой, Мирон, хватит зудеть! Лучше вызови мне такси, будь другом, – попросил Борис.

– Не вопрос. Багаж будет?

Костин нахально улыбнулся, на что Мирон понимающе кивнул.

– Презеки надо? Могу подогнать!

– У меня всегда при себе, – похлопал себя по нагрудному карману Костин.

– Главное паспорт у неё спросить не забудь, – напомнил бармен и хохотнул.

– Не потребуется, – заверил Борис и, вынув из бумажника деньги, положил их перед Мироном. – Сдачи не надо!

Бармен, набирающий номер такси, отозвался:

– Ты как всегда щедр, Боря!

Через двенадцать минут к яхте подкатила вызванная Мироном машина. Костин простился с барменом и, шатаясь, направился к выходу мимо немногочисленных посетителей заведения. По пути он закинул на плечо дрыхнущую девушку с пирсингом в губе и тоннелями в ушах, которую приметил для своих увеселительных мероприятий, добрался до лестницы и, с трудом держась на ногах, поднялся из трюма на верхнюю палубу, по случайности долбанув спящую красавицу затылком о низкий проём. Проскрипев по дощатому трапу, перекинутому от стоящего на мели судна до бетонированной площадки, мужчина последовал к автомобилю.

Над входом в барное помещение светилась красная вывеска **“СЫТЫЙ МОРЯК”** с синей каймой. На дырявых парусах яхты красками всевозможных цветов были накаляканы различные акции и предложения местного кабака. Видимо, Мирон постарался.

Месяц скрылся за чёрными тучами, подул прохладный ночной ветерок.

Загрузив тело с косой розовой чёлкой на заднее сиденье и объяснив водителю, что его жена малость перебрала, Борис сел вперёд и назвал адрес, куда следовало ехать.

Через двадцать минут...

Такси остановилось в квартале у пятиэтажки. Следом за ним тормознулась белая иномарка, откуда, заглушив двигатель, вылезла среднего роста фигура. Борис, рассчитавшись

с извозчиком, забрал из автомобиля черноволосую дамочку и направился к своему подъезду. Человек из иномарки тенью проскользил за ним.

Костин дождался вызванного им лифта, с трудом протиснулся в проход с девушкой на плече и нажал на круглую кнопку с цифрой “7”. Когда мужчина оказался на нужном этаже, то, придерживая левой рукой свисающую с плеча малолетку за ягодицы, достал из кармана брюк ключ, не без усилий вставил его в замочную скважину двадцать шестой квартиры и провернул вправо на два оборота. Ввалившись в коридор, Борис поспешил уединиться со спящей эмо-гёрл в тёмной комнате. В голове были только инстинктивные желания, а все остальные мысли ему затуманили алкоголь и наркотики.

Завалив сексопильную шлюху животом на кровать, мужчина неуклюже стянул с неё юбку и кеды, приспустил розовые стринги и, достав из штанов свой возбуждённый член, всадил его по самые яйца меж двух сочных булок. Тело тихо проскулило. Ложа закрипела. Костин, вцепившись девушке в плечи, задрогался и от удовольствия высунул язык.

Объект страсти Бориса снова подал голос, на сей раз приглушённо прокряхтев в подушку и поморщившись.

Мужчина продолжал движения тазом, делая их более частыми. Послышались шлепки.

– Ооооо!!! – простонал Костин, закатив глаза.

Эмо-гёрл очнулась и, издав болезненный вскрик, почув-

ствовала жжение в заднице. Она совсем не понимала, что происходит. Голова шла кругом, к горлу подступала тошнота, вокруг всё плыло, и девушка не могла разглядеть, где находится.

Чья-то рука залезла к ней под футболку и ухватилась за наливную грудь.

– Чего Вы хотите? – выдавила она и мутными полузакрытыми глазами покосилась через плечо.

– Сделать тебя счастливой, – ответил Борис и почувствовал, как из головки его пениса пульсирующими очередями забрызгала сперма, заполняющая анальное отверстие шлюхи.

– Мне больно, – пожаловалась эмо и схватилась за подушку.

Костин проигнорировал её. Дождавшись окончания извержения, он извлёк свой отросток из пещерки девушки и прилёг рядом с ней, шлёпнув по жопе. Малолетка недовольно просипела.

– Не будь букой, детка, – посоветовал Борис. – Мы с тобой неплохо провели время!

– Я ничего не помню! – призналась дамочка.

– Не удивительно! Ты же выпила дохренища виски! Как ещё в тебя столько влезло? Ума не приложу!

– Мы трахались?

– Солнышко, как грубо! – покачал головой Костин и поправил. – Трахаются животные! Мы же с тобой занимались

любовью по взаимному согласию! Ты сама предложила...

– Папа меня убьёт! – захныкала девушка.

– Хей, всё путём, красотка! Он ничего не узнает! К тому же, пора бы тебе взрослеть!

– Мне и так шестнадцать!

– Тем более! Не всё же тебе папашины указания слушать, верно?

– Это точно! – согласилась малолетка. – Мне так надоели его дурацкие наставления и запреты! Ещё вечно ноет касемо моего имиджа! За дочку ему, видите ли, стыдно! А я хочу быть эмо! И буду!

– Считай, что этой ночью ты вырвалась из оков и стала свободной!

– Ты мне нравишься, незнакомец... как тебя зовут?

– Борис Костин.

– Вааау! – восторженно запищала девушка. – Ты тот самый писатель?!

– Да, – подтвердил мужчина и полюбопытствовал. – Читала мои произведения?

– Ещё бы! Я Ваша большая поклонница!

– Надо же, я польщён!

– Дадите автограф?

– Хоть два, – кивнул Борис.

– Круто! Выходит у меня был секс с моим самым любимым писателем! Очуметь просто!

– Угу! Ты одна из немногих, кому посчастливилось ока-

заться в постели со мной, – заметил Костин и, охнув, схватился за грудь.

Сердце забарахлило. Толчки за грудиной усилились. Его охватила слабость и он побледнел.

– С Вами всё в порядке? – осведомилась девушка.

– Да, нормально. Просто порой случается упадок сил, – соврал Борис и, тяжело дыша, сел на край кровати.

Через несколько минут его отпустило.

Вскоре мужчина почувствовал лёгкий кумар. Значит, и ломка уже не за горами, а дозы, как назло, нет. Видимо, придётся топать до своих, у них всегда заначка имеется. Только они за неё три шкуры сдерут. Ладно хоть для него вопрос за деньгами не стоял. Гонорары с романов он получал весьма солидные и мог гулять на них хоть до пенсии. Правда, с такими привычками он рисковал до неё не дотянуть.

Борис встал с кровати и принялся затягивать ремень на своих штанах, как в комнате внезапно включился свет. Писатель инстинктивно прищурился, различив появившуюся в дверном проёме тощую фигуру с пистолетом и видеокамерой в трясущихся костлявых руках.

– Развлечениям конец! – чуть не плача, заявил парень, одетый под стилистику шестнадцатилетней девушки и, обиженно посмотрев на эмо-гёрл, направил дуло оружия на Костина.

– Неожиданно. Ты к нам из драмкружка или с показа мод? – не понял мужчина и, нацепив на лицо гримасу непри-

нуждённости, принялся медленно отступать к шкафу.

– Заткнись, бездушная сволочь! – завопил подошедший к кровати с малолеткой эмо-бой и прослезился. – Ты совратил мой цветочек!

В разговор вклинилась укутавшаяся в одеяло девушка, которая гордо заявила:

– Давно не твой!

– Потому что дура! – со страдальческим видом возмущался парень в футболке с принтом разбитого сердца, в то время как писатель незаметно стянул с полки шкафа револьвер и, убрав его за спину, осторожно взвёл курок. – Я делал для тебя всё! Мы были созданы друг для друга!

– Эм, мне кажется, я совсем некстати в данной мыльной опере, – предположил писатель. – У Вас сколько актов запланировано? Два? Просто думал покинуть квартиру во время антракта...

– Стоять! Ты у меня за всё ответишь! – сместившись ближе к окну, пообещал сосунок и его губы задрожали.

– Не горячись, пацан! Убери пушку, а то ещё поранишься! – посоветовал Борис.

– Зачем ты явился сюда? – спросила девушка.

– Тот же вопрос задаст тебе отец, когда увидит то, что я заснял! – ядовито выпалил парень и подёргал камерой. – Всё здесь, на этой плёнке! И Ваше любительское порно тоже!

– Ты не посмеешь! – прохлюздила барышня.

– Ещё как посмею! Я отомщу за надругательства над мо-

ими чувствами!

– Как ты пробрался сюда? – уточнил Костин.

– Взломал замок, – объяснил эмо-бой.

– Мм, да перед нами взломщик со стажем. Кажется, ты тоже нарушил закон...

– Плевать! Я готов ответить за свои поступки! А вот насчёт Вас не уверен.

– Ты слишком убого выглядишь, чтобы толкать подобные речи! – подавлял противника Борис. – Пистолет хоть настоящий? Не водный?

– Завали шахту, козлина!!! – прокричал парень и заплакал. – Я тебя пристрелю!!!

– За то, что я поймел твою бывшую? – удивился писатель. – А я думал, что оказал тебе услугу. Разве нет?

– Ты аморальный подонок! Ты воспользовался её беспомощностью!

– Чего ж ты тогда не вмешался, соплежуй?

– Она меня предала и оскорбила нашу любовь. Но это не значит, что люди, подобные тебе, должны были обходиться с ней, как с вещью!

– Какие Вы в этом возрасте сложные...

– Я для него не вещь! – возразила девушка.

– Неужели? – взревел размалёванный чудак. – Тебя бесцеремонно подцепили в баре, привезли к себе на хату и отымали, а ты...

– Следишь за нами аж от “Сытого моряка”? Не надоели

эти шпионские игры? – усмехнулся Борис.

– Честно? По горло, – признался эксцентричный молодой человек и зашмыгал носом. – Я уже на пределе! Мне очень плохо... Все нервы себе вымотал!

– О чём я и говорил. Типичный хлюпик!

– У меня душа мучается!

– Об твою душу ноги только так повадятся вытирать, если останешься таким же сентиментальным идиотом.

– Хватит издеваться!

– Напомни-ка, кто здесь кашу заварил?

Парень вновь прослезился и приказал девушке, сидящей в постели:

– Выметайся из хаты!

– Нет! – отказалась эмо-гёрл. – Я останусь с Борисом!

– Пожалуйста, выйди отсюда! – жалобно попросил её бывший, однако та не сдвинулась с места.

– Ты ей не нужен! – прокомментировал Костин и пожал плечами.

– Увы, – вторила девушка.

– Быстро свалила из грёбаной постели! – записклявил парень, указывая рукой с камерой на выход из комнаты.

– Отстань от меня, псих! – грубо ответила ему эмо-гёрл, чьи глаза покраснели.

– Ладно, – нервно закивал головой слюняк. – Значит, всё-таки придётся пристрелить его...

– Накуси-выкуси, урод, – сказал Борис и вытащил из-за

спины револьвер. – На такое не рассчитывал, да?

– Я не боюсь умереть, – пугливо сглотнув слюну, заявил эмо-бой.

– Значит, совесть меня не загрызёт, – ухмыльнулся Костин и нажал на спусковой крючок ровно в тот же момент, что и стоящий напротив него оппонент.

Два громогласных выстрела слились в один. Пуля, пущенная из револьвера писателя, разрежала неподвижный воздух в опасной близости от левого уха сопляка и угодила в окно, чьё стекло звонко рассыпалось. Крашенный пацан, на удивление, оказался удачливее врага. Снаряд вскользь зацепил шею Бориса, после чего с глухим стуком вогнался в стену, попутно прошив фарфоровую фигурку собаки, осколки которой разлетелись словно из хлопушки.

На паркет упали несколько капель голубой липкой крови. Костин выронил револьвер и, пошатнувшись, зажал рану ладонью.

– Я попал! – ликующе воскликнул эмо-бой и только хотел добить нахала, как ему в руку вгрызлась нагая девушка.

Парень вскрикнул от боли, выпустив из костлявых рук оружие и камеру.

– Не позволю! – взвизгнула малолетка, стараясь помешать своему бывшему совершить задуманное.

– Тупая стерва! – выкрикнул он и приложился по лицу эмо-гёрл локтем. Удар получился приличным, отчего девушка потеряла ориентацию в пространстве и, пьяным вальсом

прокружившись до разбитого окна, выпала из него.

Её истошный и последний в жизни крик оглушительно разнёсся по тихим районам, после чего в мгновение оборвался.

Пока безвременно покойная малолетка доставляла трудности съехавшему с катушек парню, Борис несколько оправился от болевого шока и решил капитулировать, однако не успел добраться даже до выхода из комнаты. Остервеневший мученик накинулся на него со спины и повалил на пол. Завязалась ожесточённая борьба.

– Падла! Она погибла по твоей вине! – выдвинул обвинения обезумевший парень со злобно спадающей на глаз чёлкой, царапая раненого противника.

– Не мой косяк в том, что эта шлюха тебе не дала, – сдавленно прохрипел Костин из-под нападающего и ткнул того костяшками пальцев в район рёбер, после чего опрокинул хлюпика на бок, а затем и на лопатки.

Далее борющийся ком прокувыркался до шкафа, мимоходом снес торшер, и уткнулся в деревянные дверцы.

Вновь оказавшись внизу Борис вытянул руку в сторону лежащего неподалёку револьвера. Подушечками растопыренных пальцев он коснулся рукоятки оружия, но был вынужден одёрнуть руку, когда полоумный эмо-бой принялся душить его.

– Наслаждайся, – пожелал парень, сжимая шею оппонента всё сильнее и яростнее.

Костин, посиневший от нехватки воздуха, инстинктивно дёрнул коленом и попал засранцу в пах. Враг ослабил давление, чем писатель не пренебрег воспользоваться и, пододвинувшись к револьверу, схватил пушку. Противник осознал, какой дрянью оборачиваются дела, и попытался пресечь попытку Бориса пальнуть по нему. Слюняй схватился за дуло обеими руками и стал выдёргивать оружие, но мужчина сумел силой протолкнуть револьвер к его подбородку и, положив палец на спусковой крючок, выстрелил. Пуля пробурировала голову подонка и тот, брызнув кровью, шлёпнулся на бок.

Костин прокашлялся и, облегчённо выдохнув, заключил: – Нормально так расслабился...

34

Среда, девятое апреля (00:39)

Несмотря на то, что принадлежащий Чеботареву дом имел достаточно большую площадь, кроватей в нём отыскалось немного. Одну занимала больная бабушка Якова, другая – та, что кованая – грешила солидной дырой в сетке, а третья – раскладушка с хилой конструкцией – и вовсе оказалась сломанной.

“Видимо, гостей тут не любили” – с ухмылкой подметила Лавринайтис, затем неохотно спустилась по лестнице в подпол и, вдохнув застоявшийся воздух, внаклонку протиснулась за парнями во мрак.

Беспросветное пространство с низким потолком, где зачастую любил скрываться Ашуров во время их с друзьями

детских игр в прятки, простиралось под всеми тремя комнатами, но попасть в него можно было только из последней через люк в полу.

Помещение состояло из прямолинейного узкого коридора с тропинкой из неаккуратно кинутых на сырую землю спаренных досок и примыкающих к нему секций, разделённых тонкими деревянными перегородками, которые также выполняли роли опор.

Практически все отсеки занимали габаритные пыльные мешки, набитые зёрнами и картошкой. Однако в трёх, расположенных под средней комнатой, всё же удалось отыскать и кое-что другое – примитивные спальные места. Каждый из этих боксов располагал матрасом разной степени изношенности и заменяющей одеяло драной тряпкой. Конечно, комплектацию и условия выбирать не приходилось, так как сейчас даже подобный набор представлялся настоящим подарком.

– Прошу в опочивальни, – осветив закутки найденным в доме фонариком, сказал Тимофей и пропустил вперёд рядовую с другом.

Джафаров, застолбивший крайний левый уголок, незамедлительно нырнул под простыню на своё полосатое ложе и, укутавшись, засопел.

Олеся же, согнувшись чуть не пополам, нерешительно замерла у прохода, придирчиво осматривая предоставленную ей конуру.

– В чём дело? Апартаменты не по нраву? – устало усмехнулся Рябов.

– Нет. Просто пытаюсь понять, от кого из Вас так несёт, – пошутила сотрудница милиции и осторожно прошла внутрь.

– Охox, какие высокопарные шуточкИ, – суксилсЯ Тимофей.

– На Вашем уровне, – заметила девушка и, брезгливо отогнув край одеяла, устроилась в постели, после чего спросила. – Чего сам в коридоре завис?

– Я ещё должен проведать Любовь Варфоломеевну, – ответил парень и направился обратно к лестнице.

Лавринайтис вздохнула и, уткнувшись носом в матрас, с отвращением поморщилась от неприятного кислого запаха, вынудившего её перевернуться на спину.

Не успела рядовая прикрыть глаза, как из соседних покоев донёсся раскатистый храп азербайджанца, чьё тело с попеременно вздымающейся и опадающей грудью виднелось меж щелей перегородки. От сих звуков, казалось, зашевелились кружева паутины, старательно свитые пауками в верхних углах подпола.

Сотрудница милиции просверлила Забита ядовитым взглядом, понаблюдала за отчаянными попытками попавшей в липкую сеть мошки вырваться и легла на бок, зажав уши ладонями.

Над головой проскрипели доски от прошагавшего по комнате Рябова, который поднялся из подпола в дом и просле-

довал к закутку бабушки.

Парень тихонько отодвинул шторку каморки и, заглянув в тёмные покои старушки, куда через грязное оконце слабо проникал лунный свет, шёпотом окликнул её:

– Любовь Варфоломеевна, Вы не спите? Просто я подумал... может Вам что-нибудь требуется?

Пожилая женщина молчала и совсем не шевелилась, что очень насторожило Тимофея. Он внимательно прислушался, не уловив привычного натужного сипения, издаваемого инвалидкой.

Рябов приблизился к смердящей койке и склонил ухо к груди бабушки, в которую она сильно вдавила фотографию Якова. Старушка не дышала. Пульс, как оказалось, тоже отсутствовал.

Молодой человек отчаянно попытался растормошить её, но Любовь Варфоломеевна так и не подняла бледные веки. Тревожная гримаса сковала её осунувшееся измученное лицо с чуть приоткрытым ртом, а костлявые пальцы мёртвой хваткой стиснули снимок любимого внука.

Тимофей пустил скупую слезу и, упав на колени, протянул руки к потолку.

35

Пока кислотицей Агеев возвращал Арсению снаряжение, которое, пыжась, закатывал по трапу через распахнутые задние дверцы в грузовой отсек “Форда Транзит” кофейной окраски, подъехавшего к воротам ОВД “Магнитного”, Тро-

фимов стоял у сдвижной боковой двери данного фургончика и с восхищением осматривал напичканные различной аппаратурой внутренности машины. У панели с мониторами, прикреплённой к противоположному борту, имелось даже кресло на колёсиках, подобное тем, что использовались офисными планктонами.

Они успели упаковаться и отбыть до того, как заморосил мелкий косой дождик.

– Надо бы заскочить ко мне домой, – решил Алексей и, вытянув ноги вперёд, пояснил. – Захватчу с собой одну вещьцу...

– Не вопрос, – без лишнего любопытства ответил следящий за дорогой Дубовцев. – Указывайте путь.

В тёмном небе сверкнула молния, на мгновение очертив контуры ночного города яркой вспышкой.

В кабине иномарки было уютно, отчего ненастная погода за её пределами казалась сущим пустяком. Дворники, поставленные на медленный режим, сметали скапливающуюся на лобовом стекле воду и проясняли картинку смоченной осадками проезжей части, чья поверхность поблёскивала в свете фар.

Свернув в нужный квартал, Арсений пришвартовал свою передвижную базу к бордюру, и майор, выскочив на улицу, как можно скорее шмыгнул в подъезд.

В квартире...

Трофимов не стал разуваться и включать свет. Он про-

крался в комнату по стеночке, чтобы не разбудить сына, и какого было его удивление, когда в кровати среди потёмков вырисовалось два тела. Это вынудило Алексея щёлкнуть выключателем. Лампочка вспыхнула, и милиционер встретился взглядом с ошарашенным Вовой, рядом с коим лежала Алиса, поспешно прикрывшая свою наготу одеялом.

– Пап? Я думал, ты на дежурстве... – растерянно промямлил учащённо дышащий парень, на чьей шее виднелся смачный засос.

– Так и есть, – подтвердил отец, с подозрением вскинувший бровь. – Ты сегодня, видимо, тоже в ночь?

– Мы просто... Алисе надо было переночевать... – начал оправдываться Вова.

– Отдельно от тёти... – подхватила девушка.

– Да, – закивал парень. – Вот я и...

– Ладно, расслабьтесь. Сделаю вид, что ничего не заметил, – понимающе сказал майор и, пройдя к массивному сейфу, отпер его.

Внутри хранилось знаменитое помповое ружьё “Ремингтон 870” двенадцатого калибра. Алексей снял его с креплений, захватил коробку с патронами и направился к выходу.

– Тебе зачем? – остановил мужчину вопросом сын.

– Парням показать. Давно им хвастал, – улыбнувшись, отмазался офицер.

– Разве для этого нужны боеприпасы? – не верил Вова. – Только не говори, что ты собрался в “Тайник Лешего”...

Милиционер замешкался, однако соврал-таки снова:

– Ни в коем случае...

Выключив свет, Алексей прошагал в коридор и в обнимку с дробовиком покинул квартиру.

Вскоре...

Дубовцев самую малость лихачил. Его “Транзит” мчался по окутанной мраком трассе наперегонки с сопровождающим дождь ветром. Правда, автомобиль ехал настолько плавно, буквально плыл по полотну, что большая скорость, а вместе с ней и плачевное состояние дороги практически не ощущались.

– Неплохо твой фургончик наваливает. Вот что значит продуманная конструкция и качественная сборка! – не удержался от дифирамбы Трофимов.

– А ещё своевременный техосмотр, – хохотнул Арсений, положив левую руку на подлокотник.

– Его до сих пор кто-то проходит? – удивился майор, изучая светящуюся панель приборов.

– Если бы я его не проходил, мой фордец бы сыпался быстрее, чем чинился, – оголив золотой зуб, улыбнулся парень и переключил дворники на самый быстрый режим, отчего те шустро заметались по стеклу, разбрасывая обильно падающие с неба капли.

– Насколько я понимаю, грузовую секцию тебе на техосмотре прокачали? – заглянув через смотровое окошко в багажное отделение машины, спросил Алексей.

– Нет. Мы всю технику туда пару дней назад сами смонтировали, – объяснил Дубовцев.

– Мы? – не догнал милиционер.

– Я и мой товарищ, – пояснил собеседник.

– Продвинутые Вы ребята, – сделал комплимент офицер и снова покосился через плечо в тёмное пространство за решётчатым окошечком. – А что за груз у нас там?

– Пара-тройка сюрпризов для лесной твари, – заинтриговал Арсений. – Распакуем их по прибытии.

– Сильно нервничаешь? – справился Трофимов.

– Шутите? Конечно! – воскликнул парень. – Я ждал этого момента почти восемь лет, усиленно готовился к нему и вот, наконец, он замаячил на горизонте.

– Если мы убьём ту хрень, тебе станет легче? – поинтересовался Алексей.

– Вряд ли, – отрицательно покачал головой Дубовцев. – Но разве я удержусь от соблазна?

Арсений достал из полости в подлокотнике флешку, подключил её к аудиосистеме, и динамики завибрировали от заряжающей энергией песни группы AC/DC “TNT”.

Под мощные басы кофейный “Форд” выехал за пределы зоны дождя, миновав её чёткую границу на асфальте, и понёсся по абсолютно сухому участку трассы.

36

Голубая кровь из раны на шее насквозь пропитала лоскут ткани, который Костин приложил вместо бинта, но уже не

сочилась столь обильно.

В правую булку впилась засунутая в задний карман брюк видеокассета в форме кирпича, предусмотрительно извлечённая им из камеры того самого крашеного придурка, чей пистолет ТТ он также приватизировал.

Мужчина, слегка покачиваясь от лёгкого головокружения, тащился сквозь стену ливня к соседней четырёхэтажке. Туда, где жил его знакомый, некогда лучший друг, Денис Маслов.

Борис понимал, что вскоре в его съёмную квартиру наведется милиция, поэтому, поспешно покинув апартаменты, решил искать убежища у товарища. Тем более, тот ещё вчера предлагал ему выехать с их универовской компанией в “Тайник Лешего”. Идея, изначально воспринятая им как бредовая и выброшенная на задворки сознания, сейчас виделась гению пера весьма заманчивой. Так он мог достичь сразу две цели: скрыться из города на время шумихи с убийствами и поискать лекарство в лаборатории, в коей его когда-то сделали таким...

Подъездная дверь оказалась открытой, благодаря чему вымокший с головы до пяток Костин без проблем попал в дом и взволнок своё тело на третий этаж, после чего затарабанил в нужную квартиру.

Писателю никто не открывал, зато на созданный им шум отреагировала собачонка. Была ли у Дениса живность помимо девушки, автор ужастиков не помнил.

По противному тьяканью он определил, что звуки издаёт какая-то шавка, вроде чихуахуа.

Костин подумал, что ошибся и постучался не туда, однако, когда он уже повернулся к другой двери, за его спиной послышался сперва усилившийся писк псинки, будто при-
давленной чем-то тяжёлым, а затем и сонный голос ошарашенного Маслова:

– Что за... Боря??

– Здарова, старик, – помахав знакомому рукой, поприветствовал его писатель и криво улыбнулся. – Соскучился по тебе, сил нет! Край как хочется услышать приглашение войти.

– Может, сперва объяснишь, какого хрена происходит? – продирая глаза, поинтересовался Денис, за чьей спиной возникла Даша в ночнушке.

– Под крепкий кофеёк выложу все детали, – заверил литератор, покачиваясь на ногах.

– Боже, он же ранен! – охнула перепугавшаяся Бурова и, выбежав в махровых тапочках на лестничную площадку, под руку завела нежданного гостя в квартиру.

Маслов закатил глаза и, закрыв дверь, прошёл на кухню следом за ними.

Девушка усадила своего кумира за стол, затем в сопровождении Штирлица сбегала в ванную, где достала из аптечного шкафчика перекись, марлю и бинты, и вернулась со всем этим добром к Костину.

– Ух ты! Не знала, что у Вас голубая кровь, – обрабаты-

вая рану, призналась Даша и поспешила сбавить обороты. – Извините за бестактность. Просто об этом нигде не упоминается. А я перечитала о Вас кучу статей.

– Я много о чём умалчиваю, – признался Борис, кривясь от боли.

– Это уж точно, – хмыкнул его бывший друг, обидчиво отвернувшись.

– Какой ты всё же чёрствый, фея Динь-Динь. Смочи корочку, – хохотнул писатель.

– Зато ты, я смотрю, слишком мягкий, – оскалился качок и спросил. – Чё у тебя стряслось?

– Вооружённое столкновение с каким-то чудиком, косящим под эмо, – обрисовал Костин и пояснил. – Он ввалился ко мне на хату с камерой, чтобы заснять компромат на девку, которую я подцепил в “Сытом моряке”, бар такой. Истерил, как сумасшедший. Она оказалась его бывшей, вот парень и явился насвистеть ей свою сопливую мораль, а вместе с этим и меня носом в помёт ткнуть. Идиот хренов.

– И чем он тебе шею повредил? Камерой? – усмехнулся Маслов, оттолкнув мельтешащего под ногами шпица.

– Вообще-то, он ещё пистолет захватил, – серьёзно ответил Борис. – Ну, меня пулей и зацепило.

– Легко отделался, – заметила Бурова, заматывая бинтом рану писателя.

– А с теми двумя чего? – уточнил Денис.

– Во время нашей стычки девка выпала из окна и разби-

лась, а парень...его я пристрелил, – признался Костин.

– Господи... – чуть не выронив бинт, ужаснулась отпрянувшая от автора своих любимых романов Даша и нечаянно отдала взвизгнувшей собачонке лапу.

– Выходит, мы укрываем у себя особо опасного преступника, – рассудил Маслов.

– Я боролся за свою жизнь. В противном случае оказался бы на месте того идиота, – оправдывался Борис.

– И долго ты собираешься отсиживаться у нас? – полюбопытствовал возмущённый Денис. – До тех пор, пока в дверь не постучатся менты?

– Нет. Предлагаю прямо сейчас свинтить в “Тайник Лешего”. Я бы помог Вам снять фильм к фестивалю...

– Вчера ты не был таким сговорчивым. Интересная штука обстоятельства, да?

– Сколько ещё раз я должен перед тобой раскаться, чтобы ты прекратил исходиться желчью?

– На кой мне твои слова? Они – чистой воды фальшь.

– Отнюдь. Просто ты не хочешь их принимать.

– Думаешь, мне так легко тебя простить?

– Ты разве пытался? Мы были детьми, глупо вспоминать старые обиды.

– Слишком сильно въелось.

– Что ж, в данный момент мне всё равно ничего не остаётся, как взывать к твоей человечности и просить о помощи. Мне не к кому пойти, кроме Вас...

– Хм, а как же авто или ж/д вокзалы?

– Если меня вычислят и объявят в розыск, в первую очередь прочешут общественные места с большим скоплением народа, где меня сможет сдать каждый второй. Мне необходимо покинуть город без лишнего шума, по-тихому. Вы – моя подводная лодка. Билет из потенциального оцепления.

– Ты что думаешь? – спросил мнение своей девушки Маслов и тут же отмахнулся. – Хотя не отвечай, я догадываюсь...

– На самом деле, я не планировала жертвовать парами ради конкурса, и уж тем более у меня отпало всяческое желание ехать в “Тайник Лешего”, но... – протянула Бурова.

– Как я ненавижу чёртовы “но”, – раздражённо цокнул Денис.

– Любимый, это же мечта наяву! – восторженно заверещала Даша. – Выбраться за город в обществе друзей и самого крутого автора книг современности для создания лучшей любительской киноленты!

– Хей, ты намеренно заставляешь меня ревновать? – возмутился качок.

– Брось. Лучшего парня, чем ты, не сыскать, – подмазалась девушка. – И я знаю, что ты у меня очень-преочень, прям мимими какой добрый!

– Рот от лесты не слипся? – гыгыкнул Маслов и, словив суровый взгляд возлюбленной, смягчился. – Ладно, я согласен. Только Тома с Колей уламывай сама.

– Ты у меня самый-самый! – повиснув на шее у своего

парня, растаяла Бурова.

Борис, неловко потупившись, коротко поблагодарил товарища:

– Спасибо.

– Учти, я всё делаю исключительно ради неё, – сухо буркнул Денис.

– Я догадался, – понимающе кивнул Костин и подмигнул Даше.

Час спустя...

Заспанный Азикиве, чьё нижнее веко оттягивали вниз наливающиеся под глазами мешки, приоткрыл водительское стекло и, впустив в салон небольшую порцию бодрящего воздуха, щелбаном отправил докуренный косячок за борт жёлтой маршрутной ГАЗели, где тот, шипя, потух на мокром асфальте, поливаемым дождём.

– Том, можно я открою люк? – кашлянув, спросил Коля из пассажирского отсека микроавтобуса и, рассеивая руками серую едкую пелену, подсел на ближнее к двери место.

– Не надо. Вода в машину попадёт, – отклонил просьбу друга афроамериканец и, поёжившись, добавил. – К тому же задубеть не очень хочется.

– Мне как будто твою дрянь нюхать приятно. Тут ведь теперь дышать, кроме дыма, нечем, – возмутился Беляков.

Азикиве повернулся к однокласснику и молча ткнул пальцем в прямоугольную наклейку на низкой перегородке, разделяющей трёхместную кабину с остальным салоном.

Надпись на этикетке информировала, что “**Книга жалоб в следующей машине!!**”, и сопровождалась иллюстрацией той самой книги, открытой на странице с текстом “*фсе казлы*”.

Коля скочевряжил лицо и указал другу сперва на наклейку “**в моей тачке НЕ КУРЯТ!!!**” с перечёркнутой сигаретой, а затем на другую, над дверью: “**Место для удара головой**”.

– Уловил суть? – справился парень с хвостиком на затылке.

– Это угроза? – скуксился Томас.

– Предупреждение, – поправил улыбнувшийся Беляков.

Тут сдвижная дверь, щёлкнув ручкой, прогрохотала роликом по полозу и в проходе показались Денис с держащей подмышкой пёсика Дашей в компании неизвестного человека с перевязанной шеей.

За вспышкой молнии грянул запоздалый ворчливый гром. Шарахнуло, как от синхронного залпа артиллерийских пушек и показалось, будто купол неба в тот момент раскололся надвое.

– Фух, наконец-то я могу вдохнуть полной грудью, – с облегчением сказал Коля, хапнув ртом ночную прохладу.

Штирлиц на руках девушки отряхнулся, отчего его шерсть взъерошилась, скрыв под собой чёрный ошейник с золотой брьюлкой в виде косточки и сделав из моськи пушистый рыжий шар.

– Салют, ребята! – встретила друзей позитивным возгласом Бурова, стряхнувшая мокрые локоны и проследовавшая внутрь вместе со своим парнем.

– Вообще фейерверк, – хохотнул Беляков и отодвинулся через два сиденья к окну, за Азикиве. – Вы реально ненормальные, дёрнули нас с Томом среди ночи в такую погоду...

– Я не при делах, чуваки, – открестился Маслов и указал на своё сопровождение. – Все вопросы к этим двоим.

– Ай, чего уж теперь? – отмахнулся хвостатый. – Как говорится, добро пожаловать на борт, леди и джентльмены! Ремни можете не пристёгивать, потому что их нет.

– Шутник? Люблю шутников, – одобрил забирающийся по подножке следом за парой перебинтованный незнакомец и полюбопытствовал. – Как тебя?

– Колян, – бросил красноволосый.

– Молодец, Коля! Будь всегда на позитиве! Не бери пример с вечно бурчащего Дена, – посоветовал мужчина и захлопнул дверь. – Я Борис!

– А, так это Вы хваленый Дашей автор книг? – сообразил Беляков и пожал протянутую ему пятерню. – Рад знакомству!

– Взаимно, – ответил писатель и обратился к чернокожему водителю. – Эй, туземец, и тебе солнца над головой! Кажется, Том, да? Ты по-нашенски understand?

– Этот чел мне уже не нравится, – пробурчал Томас и завёл мотор.

Костин ослабился и, потрепав афроамериканца за дреды, из-за чего Азикиве нервно одёрнул голову, протиснулся дальше.

Все распределились по салону: Маслов со своей дамой и карманной собачкой занял двойное место у поручня, Коля остался сидеть спиной к шофёру, уперев правую ногу в выступающую колёсную арку, а Костин устроился в самом конце, близ затянутых гнилым ремнём распашных эвакуационных дверей с вырванной кнопкой фиксатора.

Небо обложило дегтярными тучами. Дождь, судя по всему, зарядил на всю ночь. Он звенел по металлической крыше ГАЗели подобно молоточкам, ударяющим по брускам ксилофона. Денису же данные звуки больше напоминали стук ноготков Даши, зарывшейся носиком в его мешковатую кофту.

Афроамериканец неловко тронул маршрутку, отчего пассажиры чуть не повалились со своих мест.

– Воу-воу, Том, давай помягче, – попросил Коля, впечатавшийся щекой в окно, по коему змейками наперегонки стекали холодные капельки.

– Это отцовская машина! Я пробовал ездить на ней всего пару раз! Ни органов управления, ни габаритов не чувствую, – посетовал Азикиве, осторожно проводя мордастую ГАЗель мимо припаркованных в квартале автомобилей.

– Пора оборудовать сей космолёт пакетами для рвоты, – решил парень с хвостиком.

– Только попробуйте кто-нибудь загадить салон! – проце-

дил водитель, благополучно выехав с квартальной территории на дорогу.

– Он же шутит, Том, – предприняла попытку успокоить нервного однокурсника Бурова, почёсывая шейку зевающего шпица.

– Ох, и зачем я согласился? – плаксиво вывернув губёхи, простонал нигер. – Если по возвращении с вахты батя узнает о том, что я брал его тачку, он меня на месте порешает!

– Старайся нажимать педали плавней, – дал ценное наставление Беляков.

– У меня даже прав этой категории нет, чего ты хочешь? – завёлся Азикиве.

– Не нарушить целостность своего тела, – сыронизировал Коля.

– Могу оставить тебя прозябать под ливнем, – предложил Томас.

– Для съёмочной группы губительна потеря главной звезды, – не согласился красноволосый.

– Это ты про себя что ли? – усмехнулся Маслов.

– Ну не про тебя же. Ты у нас, скорей, исполнишь роль декорации, – схохмил Беляков, тем самым развеселив и Бориса, после приступа смеха согнувшегося калачиком и с болезненным кряхтением рухнувшего вниз.

– Э, чё с тобой? – перепугался Коля, глядя на то, как выворачивает его нового знакомого, ужом извивающегося на полу. Денис с Дашей также не на шутку сдрейфили, когда

обернулись назад.

– Мамочки... – пропищала обомлевшая Бурова, и вместе с ней чувству тревоги поддался Штирлиц, затоптавшийся по её ногам.

– Фак! Какой же ты проблемный, – ругнулся подорвавшийся с места Маслов и, удерживая равновесие в движущемся транспорте, переключался в заднюю часть пассажирского отсека, где присел у судорожно дёргающегося товарища.

– Доза... – прошипел сквозь сочащуюся между зубами пелену Костин и, вцепившись в сиденья, приподнял трясущееся туловище, после чего осмотрелся покрасневшими слезящимися глазами, а затем, распознав-таки нужный сворот, попросил. – Здесь... пусть тормознётся здесь...

– Том, съезжай на обочину, – крикнул водителю из другого конца микроавтобуса Денис.

Азикиве остановил маршрутку напротив примыкающей к асфальтированному полотну второстепенки, у знака “главная дорога”.

– Зачем встали, если не секрет? – полюбопытствовал афроамериканец.

– Мне бы тоже хотелось узнать, – злобно выпалил Маслов.

Писатель же бесцеремонно оттолкнул его в сторону, неуклюже пробрался к сдвижной двери, едва не завалившись на Дашу с собакой, выскочил на улицу, под дождь, и со словами “ждите, скоро вернусь”, спотыкаясь и падая, скрылся в темноте.

– Честно, ребят, он меня пугает, – сознался Беляков, невольно забившись в угол.

– Да, мутный тип, – проявил солидарность Томас и включил отопитель салона.

– Спрашивается, на кой хрен нам нужно с ним возиться? – узнал у своей девушки Денис. – Все от него, мягко говоря, в шоке.

– Как минимум восхищения он не вызвал, – снова поддакнул Азикиве.

– Человеку плохо, а Вы на него ополчились, – пожурила друзей Бурова.

– Разуй глаза пошире! Он же чёртов наркоман! – вынес вердикт раздражённый Маслов. – К чему его оправдывать?

– Мне бы не пришлось каждый раз за него вступаться, прояви Вы к нему хоть каплю уважения, – ответила Даша.

– Всё, больше не тронем твоего любимчика. Хлопчи над ним дальше, – обиделся Денис и отсел от Буровой к Коле.

– Вы серьёзно? Очередной ссоры нам как раз не доставало, – покачал головой Беляков, на что ребята промолчали. – Окей, не стану лезть в Вашу кухню...

Тем временем...

Борису показалось, что он преодолевал аллею тополей целую вечность. Шум дождя забил уши, давя на голову. Хотя вполне вероятно, что голова раскалывалась от чего-то другого. Мыслить было невозможно. Боль охватила весь организм, от неё перед глазами замелькали вспышки. Состояние

автора балансировало на грани. Последние несколько метров мужчина буквально доползал по мокрому щебню задницей кверху.

Костину повезло, что старожилы “дома на окраине” вовремя заметили его приближение и встретили в тот самый момент, когда он шлёпнулся в бездверном проходе.

Лютый успел подхватить падающее тело, которое заволок в сухое помещение и аккуратно уложил у стены.

Под молитвы Архангела, усердно крестящегося за спинами товарищей и освещающего тёмное пространство свечкой, Юля Лысичина незамедлительно вонзила иглу шприца в вену на поспешно перетянутой жгутом руке писателя, следом за чем надавила на поршень и ввела заготовленную дозу. Эта процедура потребовала от неё должной сноровки, так как Борис бился в конвульсиях, однако девушка справилась со своей задачей с присущим ей хладнокровием. Она проделывала подобное не первый раз, поэтому хорошо набила руку.

Вскоре посмотреть на жуткое зрелище подтянулись любопытные пацанята, покинувшие свои спальные места: Копейка и Акрам. Раскрыв рты, они притаились на лестнице, чтобы старшие не прогнали их обратно, спать.

Через определённое время судороги отпустили Костина и он, не без помощи братьев – Лютого и Архангела – поднялся на ноги.

– Опять дотянул до припадка? – с порицанием спросила Лысичина у бедового гостя.

– Да, немного выбился из графика, – кивнул тяжело дышащий Борис и добавил щепоть похвалы. – У тебя как обычно железная выдержка.

– Это, я полагаю, твоё “спасибо”? – уточнила Юля.

– Вроде того, – пожал плечами Костин и хрустнул шеей.

– Потрепала тебя жизнь, – посочувствовал Архангел, хлопнув молитвенник.

– Ага, скоро к нам переедет, – ухмыльнулся Лютый, уперев руки в бока.

– А что? У Вас тут неплохо, – иронично заявил писатель. – Свой таунхаус, свежий воздух, интересная компания...

– Вливайся, – пригласила девушка и собрала лохматые волосы в пучок, стянув их замызганной жёлтой резинкой.

– Меня смущает один аспект. Вы всегда не спите по ночам? – поинтересовался Борис.

– Мы совы, – в голос ответила троица местных жильцов.

– Ну а я дятел. Никому спокойно жить не дам, пока мозги не выдолблю. Так что, увы, в одном скворечнике вряд ли уживёмся. Давайте по старой схеме: Вы мне товар, я Вам на лапу и до следующего раза, – озвучил алгоритм Костин, с коим все безапелляционно согласились.

Позднее...

Злость копилась и с каждой минутой становилась всё сильнее. Маслов изнервничался, забивая голову разными мыслями негативного окраса. Он не горел желанием хапнуть неприятностей из-за своего дурного знакомого, тем самым

подставив и своих одноклассников.

Когда Борис всё же изволил вынырнуть из мазутной ночной завесы, качок чуть не кинулся на него с кулаками.

– Тебя не учили, что некрасиво заставлять людей ждать?! – наблюдая за тем, как сжимающийся свёрток писатель забирается в ГАЗель, негодуя спросил Денис, чьи ноздри, казалось, дышали жаром и со свистом чайника готовы были выпустить пар. – Мы могли плюнуть на тебя и умотать одни.

– Но Вы же остались, – спокойно хмыкнул Костин и вернулся в конец салона, где вальяжно растележился сразу на два сиденья, широко раскинув ноги и откинув голову с закрытыми глазами.

С его одежды на драный настил пола закапала вода.

– Нахальства ему не занимать, – украдкой заплетничал Коля на ухо Маслову, дёрнувшись от очередного резкого старта Томаса. – Неужели Вы когда-то так близко дружили?

– Очень давно. И срок той дружбы был не велик, – шёпотом поделился Денис. – Так и прописал бы ему по зубам...

Даша же поспешила справиться у Бориса:

– С Вами всё в порядке?

– Да, не беспокойтесь, я в норме, – оставшись в полулежачем положении, прогнусавил автор.

– Утешил. А то я безумно переживал, – выкинул пропитанную язвительностью реплику Денис.

– Не стоило, – оскалился Костин и подпрыгнул после того, как маршрутка проехала по кочке.

– Если не секрет, куда Вы отлучались? – проигнорировав взаимную колкость парней, проявила любопытство Бурова.

– Навестил знакомых, они снабжают меня кое-каким препаратом для больного сердца, – пояснил писатель.

– Ага, для сердца. Наркоман, – сделал очевидный, по его мнению, вывод качок.

– Тебе не стыдно? – поругала своего ухажёра девушка, и её правду закрепил чих шпица. – У человека проблемы со здоровьем, а ты насмехаешься.

– Прежде, чем делать мне выговоры, научись замечать очевидное. Слепой фанатизм до добра не доводит, – заметил Маслов и все надолго замолчали.

ГАЗель покинула черту Гродска. Руководствуясь указателями, Азикиве повёл её к “Тайнику Лешего”.

37

Ужасное дежурство Сергеева продолжило преподносить ему дурные сюрпризы. Только он решил прикорнуть, как его дёрнули на срочный вызов. Павел незамедлительно выдвинулся к указанному адресу, где, несмотря на поздний час и проливной дождь, образовалось скопище равнодушных.

На месте происшествия уже орудовали медики, криминалисты и оперативники Никонова. Последние приняли сообщение диспетчера аккуратно в тот момент, когда колесили неподалёку от данных районов, поэтому откликнулись быстрее всех и первыми оказались в гуще событий.

Старлей бросил служебную “пятнашку” рядом с “боби-

ком” силовиков, припаркованным за каретой скорой помощи, и поплёлся выяснять обстоятельства обрисованной в общих чертах трагедии.

Растолкав сгрудившихся у палисадника зевак, следователь перемахнул через низкий забор, пролез под жёлтой лентой, натянутой коллегами, и, чавкая грязью, оказался у полностью голого трупа совсем юной девушки, над коим безутешно рыдали родители. Сержант Никита Зинин стоял поблизости в окружении врачей, укрывая несчастных супругов зонтом.

Сергеев приблизился вплотную и с хмурым видом изучил бледную как воск покойную, соски которой потеряли ядовито-розовую насыщенность.

Покрытое множественными ушибами, кровоизлияниями и ссадинами переломанное тело с неестественно загнутой назад головой, откуда из рваной раны на вдавленной макушке вытекал превращённый в кашицу мозг, лежало на спине, с небольшим выворотом на бок. Одна полусогнутая рука была откинута назад, а другая частично оказалась под туловищем. Перекошенный таз переходил в сплётшиеся косичкой ноги, чьи скрюченные ступни смотрели в разные стороны.

Медики отвели родителей к скорой и вернулись к трупу с санитарями прибывшей труповозки, взявшимися упаковывать погибшую в патологоанатомический мешок.

– Всё зафиксировали? – уточнил офицер, подняв на Зинина уставшие глаза.

– Да, Паш, – кивнул сержант, отгородившийся от ливня зонтом. – Похоже бытовуха. В квартире на седьмом этаже ещё одно тело...

Старлей поднял голову и, шурясь от падающих с неба капель, отыскал взглядом разбитое окно.

– Парни уже там? – осведомился у сослуживца Сергеев, протёрший мокрое лицо рукой.

– Ага, опрашивают очевидцев и помогают экспертам собирать улики, – отрапортовал Никита.

– Кто? Агеев с Дьяковым? – спросил Павел.

– Они самые, – подтвердил Зинин.

– Значит, работы у меня не сильно убавится, – выдавил нервный смешок офицер и сообщил. – Что ж, поднимусь к ним.

– Я с тобой, – выдвинулся за старшим по званию сержант.

– Ни к чему там толпиться, – остановил коллегу Сергеев и с серьёзным видом пошутил. – Лучше тут останься. Охраняй вон газон, чтоб улики не смыло.

– Эм...но... – заподозрил подвох Никита.

– Как-нибудь ухитрись, – развёл руками старлей.

– Я бы с радостью, только меня в туалет приспичило, – признался скрививший лицо Зинин и, сжав ноги крестиком, коротко поприседал. – Боюсь, обмочусь прям тут.

– С такой погодой этого никто не заметит. Заодно согреться, – подмигнул офицер.

– В задницу тебя, Паша, – буркнул сержант, увязав-

шись-таки за сослуживцем.

На лестничной площадке седьмого этажа их встретил Агеев, прервавший беседу с беременной женщиной, опекаемой круглолицым мужем.

– Ну, чего интересного расскажешь, Лёва? – осведомился Сергеев у прапора.

– Избитая тема. Похоже, парень совершил насильственный акт, вышвырнул девчонку в окно, а сам застрелился, – вкратце изложил суть Агеев и повёл коллегу в опечатанную квартиру с двадцать шестым номером. – Свидетели говорят, что крику погибшей предшествовал выстрел, а после её падения прогремел второй.

– Разве на теле девушки обнаружили огнестрел? – покопился на товарища старший лейтенант.

– Нет, но мы решили, что первым выстрелом парень разбил окно, затем вытолкнул в него свою шестнадцатилетнюю подружку и следом вышиб себе мозги, – проговорил теорию Лев, минуя коридор.

– Как-то притянута за уши, не находишь? – усомнился Павел и прошёл в злополучную комнату, застав разложивших чемодан криминалистов за подготовкой, пока их фотограф выполнял общие снимки.

– Это наши соображения. У тебя припасено что-то более правдоподобное? – расстроившись, что его усилия не удостоили похвалы, узнал старший прапорщик.

– Вообще я планировал устроить спиритический сеанс и

лично поболтать с мертвецом, но теперь думаю, не закидает ли он нас тухлыми помидорами загробного мира... – задумчиво протянул Сергеев.

– С чего вдруг? – не понял Агеев, и старлей обратил его внимание на старшину Эмиля Дьякова, грызущего семечки у кровати и кидающего шелуху на пол.

– Дьяков! – негодуяще прогорланил покрасневший Лев, заставив старшину дёрнуться от неожиданности. – Не позорь милицию, дурак!

– Дык я в уголке, – проворчал Эмиль.

– Уведи его, иначе из окна полетит ещё одно тело, – помассировав лоб, попросил Павел.

Дьяков не стал испытывать терпение следователя и покорно удалился из помещения без посторонней помощи.

Сергеев, перешагнув через прилѐгший торшер, приблизился к паре специалистов, колдующих над очерченным мелом трупом. Тот распостѐрся в луже собственной крови среди устроенного погрома, подоткнув собой лакированные дверцы шкафа, забитого книгами.

– Разрешите взглянуть? – вежливо отвлѐк экспертов от дела старший лейтенант.

– Пожалуйста, – приспустив очки на нос, подался в сторону моложавый криминалист.

– Его не передвигали? – конкретизировал Павел.

– Нет. Наш фотограф сделал несколько панорамных снимков, а мы только приступили к работе, – ответил помощник

главного специалиста.

Следователь склонился над телом. Парень довольно необычной внешности, одетый в вычурную одежду, сжимал в правой руке револьвер “Гроза”, чьё дуло упиралось в тощий подбородок.

Сергеева смутила неестественность держания покойником оружия. Пушку ему будто просто всунули в ладонь, а затем коряво уложили пальцы на рукояти, забыв убрать указательный к спусковому крючку.

– Странно, не так ли? – подал голос старший эксперт.

– Весьма, – согласился старлей. – Конечно, такие ребята зачастую депрессивные. Чуть что, сразу мысль о суициде. Но... Вы верите в то, что здесь случилось самоубийство?

– Больше походит на инсценировку, – прикинул специалист.

– То-то и оно. Повсюду следы борьбы, – заметил офицер. – Тем более наш несчастный левша, а оружие у него – в правой руке.

– Поясни, – вклинился Агеев.

– У него хорошо различимая “писательская” мозоль. Такая, как правило, образуется на безымянном пальце ведущей руки. В данном случае, левой, – разжевал Сергеев.

– Любопытное замечание, – признал криминалист, снял очки и, протерев линзы, нацепил их обратно.

– Я даже знаю, как получаются подобные мозоли, – гоготнул Лев.

– Ох, женатый ты прохиндей, – погрозил ему пальцем Павел. – По себе других не судят.

– Не отвлекайся, холостяк со стажем, – бросил старший прапорщик.

Фотограф-криминалист наблюдал за расследованием из межкомнатного прохода и ожидал следующей части съёмки: запечатления конкретного трупа со всех возможных ракурсов, его частей тела, улик и прочего.

– Интересно, – прошептал эксперт, присел на корточки в нескольких шагах от почившего бедолаги и стянул с руки перчатку, макнув подушечку мизинца в странные голубые капли, окропившие пол.

– Я тоже обратил внимание на эти следы. Они тянутся вплоть до выхода, – проинформировал Павел.

Криминалист сунул палец в рот, вскоре поспешно сплюнув слюнный сгусток.

– Это... кровь...? – не поверил он сам себе и повернулся к коллегам.

Странную субстанцию попробовал на вкус и Сергеев, подтвердив предположение специалиста.

– Тут замешан третий участник конфликта, – заключил следователь.

– Однозначно, – выразил единодушие эксперт, выпрямившийся в полный рост и натянувший перчатку обратно.

– И выстрела было три, – добавил его помощник. – Поглядите вон туда.

Старлей вместе с остальными подошёл к шкафу, куда указывал второй криминалист, и убедился в достоверности его слов. На одной из деревянных полок остались осколки фигурки какого-то животного, за коими в стене имелось отверстие от пули. Офицер обернулся, прикидывая траекторию полёта снаряда.

– Точь в точь напротив окна. Неспроста жильцы услышали пару залпов вместо трёх. Звуки первых двух выстрелов прозвучали синхронно, слились вместе, – размышлял Павел, медленно обходя помещение.

– Тогда где вторая пушка? – не понял Агеев.

– У убийцы, – объяснил специалист. – С его стороны было бы глупо бросать её на месте преступления. Вдобавок, он и так оставил неприлично много зацепок...

– В целом картина ясна. Только я до сих пор не могу взять в толк, каким образом девушка выпала из окна? – задался вопросом помощник криминалиста.

– Вероятно, по неосторожности, в пылу потасовки, – пожал плечами Сергеев, заметив у скинутого с постели одеяла раздолбанную видеокамеру фирмы **SONY**, кассетный отсек которой, впрочем, оказался пустым. – Или сбросилась.

– Причём стекло на момент падения уже рассыпалось. Если бы покойная выдавила его своим телом, основная часть осколков вылетела бы вместе с ней. Однако они сосредоточены преимущественно на подоконнике и полу, – проявил наблюдательность эксперт и справился. – На кого, кстати,

оформлена квартира?

– Агеев, Вы вышли на владельца этой жилплощади? – узнал следователь.

– Угу, – кивнул прапор. – Вот только её сдавала дочь собственника, а с ней связаться у нас пока не получается.

– Дай знать, если она объявится, – распорядился старший лейтенант.

– Непременно, – принял к сведению Лев.

– Что ж, можете возвращаться к изыманию улик, – отдал Павел указание криминалистам. – Я ненадолго выйду, проветрюсь.

38

Рассвет только-только занимался.

Свесив испачканные землёй руки с коленей, Тимофей сидел на корточках у дверцы курятника и уставшим взглядом сверлил обложенный камешками бугор грунта, выглядящий вспученной заплаткой посреди огородного полотна. Воткнутая в почву лопата, чуть покосившись, торчала у изголовья свежей могилы, заменяя собой надгробный крест. Словно после прощальной церемонии молчаливо замерли на фоне прошлогодние подсолнухи, поникнув высохшими головами.

Парень поёжился от холода, помассировал смыкающиеся глаза и, по-львиному зевнув, расправил рукава рубашки, закатанные перед началом раскопок. Его ужасно клонило в сон, поэтому он решил вернуться в дом, чтобы, наконец, прилечь отдохнуть. Но не успел Рябов подняться на крыль-

цо, как к участку подкатил слепящий фарами фургончик кофейной окраски. Водительское стекло опустилось, и из кабины под мощный бит показался молодой человек, чью лысую голову венчал чуб, а верхнюю губу пересекал уродливый шрам. Сделав музыку тише, он заговорил:

– Дружище, ты случаем не из того кружка самоубийц, что осмелились монстру в пасть заглянуть?

– Эм...ну...вроде как из того, – растерянно ответил Тимофей и сразу же разъяснил. – Мы подмогу звали...

– Подмогём, чем сможем! Только кому? Вас всех поели что ли, пока мы сюда добирались? – поинтересовался казачок.

– Остальные спят, – не оценил шутку измотанный Рябов. – У нас выдался тот ещё денёк...

– Значит, мы по адресу, – посмотрев на своего пассажира, поглаживающего дробовик, удовлетворённо кивнул запорожец.

– Ага, нашли-таки. Всю деревню исколесили, – пожаловался тот.

– Машину есть куда загнать или придётся её на воздухе оставить? – обратился к парню водила.

– Давайте в сарай, – ответил Тимофей и поплёлся к деревянному сооружению.

С одного из насестов под жестяной крышей курятника залиvisto прокричал петух, вызвав цепную реакцию собратьев. Из всех концов Малых Дукóв донеслось ответное ку-

кареканье.

Линию горизонта озарили лучи восходящего солнца.

Рябов открыл ворота постройки, куда въехал “Транзит”, вставший рядом с повреждённой “семёркой” и занявший оставшееся под сводами сарая место, также как и “жигули” уткнувшись передним бампером в наваленные лесенкой тюки сена. Из фургончика вылезло прибывшее подкрепление в составе двух человек.

Водитель тут же обогнул автомобиль, мимоходом подмигнул Тимофею и, оказавшись у задних дверей, распахнул их, после чего лихо запрыгнул в грузовой отсек, включив там освещение. Второй покинувший кабину первым делом неторопливо потянулся, затем покосился на запястье с часами и, вытянув из кипы сена соломинку, зажевал её.

– Сколько людей пострадало за прошедшие сутки? – прислонившись к борту иномарки, узнал он у Тимофея, который, стеснительно застыв у ворот, не успел вымолвить и слова, как за него ответила облачённая в милицейскую форму девушка с короткой стрижкой, появившаяся в сарае вместе с дремлющим на ходу усатым азербайджанцем:

– Двое...

Она, пренебрежительно оттолкнув Рябова с пути, проследовала к мужской компании и без лишних женских заморочек крепко пожала руки откликнувшимся на призыв о помощи смельчакам: выглянувшему из багажного отделения “Форда” запорожцу, представившемуся Арсением, и его

старшему товарищу в кожанке, Алексею.

– Как же я рада Вас видеть! – не сдерживая эмоций, призналась рядовая и, выпустив свою хрупкую тонкую руку из богатырской лапы Трофимова, гоняющего соломинку из одного уголка рта в другой, осведомилась, выискивая взглядом ещё одного человека. – А где Паша?

– Я оставил его отдуваться на дежурстве в одного, – пояснил майор.

– Работа. Понимаю, – задумчиво протянула Лавринайтис.

– Он правда очень хотел присоединиться к нам, – добавил Алексей и, убрав пень для рубки дров с прохода между автомобилями, отворил сдвижную дверь “Транзита”, усевшись на ступеньке спиной к копошащемуся в привезённых грузах Дубовцеву.

– Знаю, – кивнула девушка и выказала благодарность. – Спасибо, что не бросили. Теперь мы хотя бы не чувствуем себя беспомощными.

Топчущийся у выхода на пару с другом Забит мало-помалу оклемался от состояния коматоза и, потирая озябшие спросонья плечи, вклинился в разговор сотрудников милиции:

– Тут как посмотреть. Лично я ожидал прибытия более массивной поддержки...

– Есть такое, – поддакнул Тимофей.

– У нас военные эксперты завелись? – бросив колкий взгляд на парней, спросила Олеся.

– Мобилизовали, кого смогли, – словно в оправдание мотнул головой Трофимов.

– Жаль бронированные памперсы для них не захватили, – сыронизировала Лавринайтис, подперев бока кулаками.

– Может, и захватили, у меня тут всего навалом, – гыгыкнул Арсений и, спустил с борта “Форда” трап.

– Не смешно, – буркнул Рябов.

– Ога, там в сосняке такой шкаф разгуливает! Мама не горюй! – воскликнул Джафаров.

– Спокойно, ребят, – поспешил успокоить их казачок, выкатывая по перекинутому с иномарки мостику крупные ящики. – У нас припасены свои козыри. С нами Вам не о чем переживать...

– От осознания того, что обитает в лесу, мне будет некомфортно даже в танке, – честно сказал набычившийся азербайджанец и, сдвинув свою густую монобровь к переносице, пронаблюдал за тем, как Дубовцев вскрывает громоздкие короба ломом.

Девушка в погонах вновь смирила Забита своим суровым взглядом и стальным голосом разъяснила:

– Пока мы тут рассусоливаем, оно где-то там, рыщет в поисках новой жертвы.

– Рядовая права, – согласился Алексей и, похлопав себя по коленям, встал со ступеньки “Транзита”. – Времени на раскачку нет. Пора действовать! Сеня, у тебя всё готово? – обратился к товарищу майор.

– Да, – подтвердил хитро ухмыльнувшийся запорожец и, нацепив на руку браслет с круглым позолоченным медальоном, кольцо коего он провернул по часовой стрелке до трёхкратного пиликанья, торжественно объявил. – Встречайте, карательный отряд “Инквизиторы”!

На глазах у удивлённой публики извлечённые из ящиков кубы “ожили” и, жужжа и лязгая деталями, начали процесс трансформации.

Все заметно напряглись. Эффект неожиданности сработал на каждом из присутствующих, за исключением самого Арсения, наслаждающегося зрелищем. Джафаров с Рябовым и вовсе трусливо попятнулись назад, однако упёрлись спинами в створки ворот.

Недавние куски металла преобразовались в захватывающие дух боевые машины во внушительных доспехах средневековых воинов, из-под которых выступала силиконовая кожа.

– Вааау!!! Крутотень! – не утаил восхищения облегчённо выдохнувший Тимофей, разделив его с Забитом, раззявившим рот и сдавленно прошептавшим:

– Аллах Всемогуший... Мои штанцы...

Парни буквально облизали возникших перед ними бойцов восторженно-детскими взглядами, но всё же не рискнули к ним приближаться.

– Не дурно, – сдержанно оценил творения своего знакомого Трофимов и спросил мнение Олеси. – Что скажете?

– Облачения солдат выглядят... – на мгновение Лаври-
найтис задумалась и, подобрав правильное слово, заключи-
ла. – ...незаурядно.

– На самом деле, их дизайн разрабатывал не я. Это мой
коллега помешан на исторических штуках, – не стал врать
Дубовцев. – Зато их конструкция – полностью моя заслуга.

– И что твои роботы умеют? – любопытно спросил Алек-
сей, на что ему ответил злобный электронный бас, от коего
майора едва не хватил сердечный приступ:

– *Сам ты робот, ссаный мудила!*

– *Подкрутить бы ему шестерёнки за такие оскорбления!*

– брутальным голосом вторил другой киборг.

– *Создатель, можно мы пустим его на кебаб?* – не про-
молчал и третий.

– *Был мужик, стал шашлык,* – срифмовал четвёртый.

– Что за...? – оторопел офицер и, побледнев лицом, по-
смотрел на Сению, раскатисто заржавшего в голос с осталь-
ными.

– ХАХАХАХАХАХАХА, – подхватили механические бой-
цы.

Обалдевающий от происходящего Трофимов нервно за-
дёргал глазом, ожидая объяснений.

– Они очень ранимые, – сквозь смех развёл руками запо-
рожец, вытирая выступившие от веселья слёзы.

– А чем я их обидел? – с претензией в голосе уточнил
Трофимов.

– Тем, что окрестили их роботами, – указал на ошибку Дубовцев.

– Вот так оскорбление!

– Ну...Если бы я назвал натурала педиком, это было бы равносильно Вашему высказыванию в их адрес. Потому что роботы лишь автоматические устройства, действующие по заложенной в них заранее программе. Они не способны обучаться и подстраиваться под ситуацию, в отличие от моих. Посему...перед Вами кибернетические организмы.

– Как в Терминаторе Кэмерона? – вспомнил Рябов.

– Вроде того, – счёл уместным сравнение парня Арсений и гаркнул своим изобретениям. – Отряд, становись!

Четверо киборгов, каждый со своим уникальным обликом, тут же выстроились в шеренгу по росту.

Дубовцев подошёл к самому крупному и грозному из них, тому, чьё лицо скрывалось под потёртой пирамидальной маской с прорезями для одних лишь глаз, устрашающе горящих красным. На силиконовое покрытие туловища этого воина, носящего кожаные наручи и чёрные мешковатые штаны, заправленные внутрь сапог, был накинута подсушонный массивным ремнём белый двусторонний фартук с нанесённой по центру раздвоенной “ИИ” кровавого цвета. Над его объёмными голыми бицепсами торчали наплечные пластины, где виднелась эмблема отряда в виде коричневой висельной петли на алом фоне.

– Знакомьтесь! Без малого восемь футов чистой мощи, ко-

мандир “Инквизиторов” – Палач! Он же Мучитель, он же Вешатель, – представил здоровяка казачок и, указав на пояс киборга, где располагалось его боевое снаряжение, продолжил. – В арсенале Палача топор с телескопической рукоятью, способный срезать стволы деревьев словно травинки, а также висельные петли или удавки, автоматически стягивающиеся на шее противника после нажатия кнопки на узле.

– Держу пари, он в одиночку способен расправиться с той тварью, – предположил Тимофей.

– Ему это под силу, – разделил точку зрения паренька довольный Арсений. – Вот только бойцы его отряда тоже рвутся в бой. И следующий из них – Ударник! Ну, или Пехотинец, если угодно, – оказавшись рядом со следующим воином, огласил его имя создатель. – Второй по росту, но не по значению участник “Инквизиторов”, правая рука Мучителя...

Средних габаритов Ударник был ниже Вешателя примерно на голову. Его неестественно раздувшееся кукольное лицо с суровыми чертами, верхняя часть коего скрывалась под “яйцевидным” шлемом с наносником, нагоняло на присутствующих даже больше жути, нежели выполненная из мешковины безликая маска командира отряда со сверкающими в ней подобно рубинам глазами. Искусственная плоть неидеально обтягивала стальной скелет и местами заметно отходила от него. Тело Пехотинца защищала пластинчатая броня с гибкими вставками, солидными наручами, налокотниками и меховой набедренной повязкой до наколенников. На нагруд-

нике красовалась кровавая раздвоенная “ИИ”, а на наплечниках, как и у Палача, эмблема отряда. За спиной на специальном креплении висело длинное двустороннее копьё.

– У него усиленная амуниция, повышающая защитные свойства, особенно при прямых атаках, но в то же время сковывающая движения. Он снаряжён самым тяжёлым оружием в команде – двумя кистенями, – озвучил Дубовцев и обратил внимание публики на набедренную повязку бойца, за которую с обеих сторон были заткнуты кистени в сложенном положении – крупные гири с задвинутыми шипами на втянутых в короткие кистенища цепях. – Кнопки на их рукоятках позволяют отстегнуть цепь и выстрелить в цель ударным грузом в виде колючих шаров.

– Сочно, – пустил слюну Джафаров.

– Вооружение Ударника дополняет копьё, способное разламываться на две самостоятельные пики, – продолжил Арсений. – Помимо прочего наручи данного воина раскладываются в небольшие треугольные щиты.

– Был бы он человеком, взяла бы себе в мужья, – хохотнула девушка.

– Осторожней с желаниями, – блеснул улыбкой с золотым отливом казачок и, прошагав до третьего члена отряда, ростом создателю по плечо, познакомил с ним “клуб самоубийц”. – Этот пятифутовый киборг никогда не мажет и, несмотря на свои весьма скромные размеры, способен доставить врагу массу неприятностей. Перед Вами Стрелок, на-

зываемый его дизайнером Арбалетчиком.

Одеяние коротыша походило на облегченную версию доспехов Пехотинца, за счёт чего он казался очень компактным и отчасти даже изящным по сравнению со своими тяжело-весными боевыми товарищами. Его наколенники, застёгнутые поверх штанов, выглядели аккуратней, а наручи и налокотники вообще отсутствовали. Вместо них руки покрывали плотные рукава рубахи, выступающей из-под панциря. Броня туловища была значительно ужата и смотрелась не столь объёмно, как на Ударнике, однако неизменно сохраняла на себе опознавательные знаки отряда: эмблему, выбитую на наплечниках, и раздвоенную кровавую “ИИ” на нагруднике, означающую “Инквизиторы”. Голову венчал простенький шлем. Он представлял из себя железный блин с полями, до боли напоминающий тарелку барабанной установки.

– Как Вы уже догадались, основное оружие третьего бойца – арбалет, – ткнув в закреплённое на предплечье Стрелка метательное приспособление, привёл сведение Дубовцев и, продемонстрировав колчан на поясе меткача, добавил. – Стрельба может производиться несколькими разновидностями болтов: обычными, взрывными и воспламеняющимися. Ну а для ближнего боя я снабдил его парой кинжалов, спрятанных в ножнах на голених.

Далее Сеня подступил к последнему киборгу, кардинально отличающемуся от собратьев. Двухколёсная машина в виде урны с отображающим эмоции дисплеем на лицевой сто-

роне, а также тонкими руками из гофрированной резины, сжимающими флаг с эмблемой отряда, не дождалась официального анонса от создателя и забалаболила свою интерпретацию песни Барбариков “Что такое доброта?”, транслируя улыбчивый смайлик на экране:

– Из железа мальчики, оторвут врагам все пальчики. А на них большие башмаки, это Ин-инквизиторы. Грузные, как слоники, а в глазах сверкают лампочки. А на них большие башмаки, это – ...

– Шут! – закончил строчку Дубовцев. – Душа нашей бездушной компашки, по совместительству Знаменосец. Его главное оружие – острый язык и повышенная болтливость.

– А я такой, а я такой проказник, киборг озорной! – подпрыгнув на своих колёсиках и зазвенев колокольчиками на красно-чёрном колпаке, проверещал метровый бачок и подъехал к Олесе. – Ты бесподобна, как Луна! Тебе б я в кратер вдул сполна!

Сперва умилившуюся девушку обуяло возмущение, и она пнула Шута ногой. Тот, едва не выронив флаг, что-то крякнул и, воспроизведя грустный смайлик, вернулся в шеренгу.

– Катись отсюда, пока я на тебе кратеров не понаделала! – процедила Лавринайтис.

– Извините, Вы – его первый опыт взаимодействия с дамой, – пробубнил покрасневший от неловкости казачок.

– Судя по зубному протезу и шраму на губе, ты знакомилась точно также, – съязвила рядовая.

– Заслуженно, – согласился парень с чубом.

– Надеюсь, ты вызывал священника, чтобы он окропил твою банду святой водой? – без тени улыбки справился Алексей.

– Роль святой воды у моих машин выполняют доспехи из современных пуленепробиваемых материалов, стойких к высоким температурам. “Инквизиторы” сдюжат, – самонадеянно заверил Арсений. – Да и без сопровождения я их не оставлю. Для подстраховки отправлю с ними вездеходную станцию с миниганом и пару дронов. Так что в каком-то плане мне доведётся присутствовать на поле боя, хоть и дистанционно.

– Зря мы сомневались, братан, – пихнув друга в плечо, воодушевился Забит. – Грядёт массивная вылазка!

– Вряд ли десять минут назад кто-то из нас ожидал увидеть бригаду стальных бодибилдеров, а не очередную тухлую залупу, – откликнулся героически борющийся со сном Рябов, разлепляя глаза, куда пришла пора вставлять спички.

– *Тухлую залупу я бы заценил,* – чеканно отозвался Палач.

– *Так загляни себе между ног, ХАХАХА,* – показав пальцем на промежность главного киборга, подколот его Стрелок.

– *Захлебнись смазкой, членосос, и не трогай нашего командира!* – впрягся за Вешателя Ударник и со звоном отвешил согнувшемуся от смеха Арбалетчику подзатыльник, отчего у того покосился дисковидный шлем.

– *Тирлим-бом-бом, тирлим-бом-бом, попал я будто бы в дурдом!* – прокомментировал конфликт Знаменосец.

– Агрессивные парни, – не одобрила Олеся.

– Я поставил фильтры в их обучающие процессоры для придания каждому члену отряда пущей brutality, – оправдался запорожец, забравшийся обратно в грузовой отсек “Форда” и устроившийся на кресле у одного из мониторов. – Поэтому первостепенно они запоминают самый отборный жаргон...

– Главное не выгуливай свои железяки в городе, – посоветовал майор и, следом за рядовой оказавшись в базе на колёсах, образовал с ней полукруг у нацепившего на голову гарнитуру товарища. – Вдруг алкаши примут их за собутыльников?

– Зато киборги от них с таким словарным запасом уйдут! Пару матерных сборников им точно вычитают... – подойдя к “Транзиту”, выкинул шутейку Джафаров, которую, в прочем, старшие надменно проигнорировали, и замер у бокового проёма открытой сдвижной двери, безуспешно пытаясь разглядеть на экране между сгрудившимися телами, повернутыми к нему задницами, хоть что-то интересное.

Дубовцев поёрзал в кресле, подбирая удобное положение пятой точки, затем пододвинул клавиатуру поближе и, пробежавшись по клавишам, привёл в движение гусеничные шасси, где на платформу крепилась вращающаяся турель с угнездённым в ней скорострельным шестиствольным пуле-

мётом М 134 Minigun. Вездеход, гремя, съехал по трапу и остановился перед Палачом.

Следом из фургончика вылетели два миниатюрных дрона под негласным названием “Майские жуки”, оснащённые камерами, тепловизорами и датчиками движения. Они пробарражировали под потолком сарая и, демонстрируя присвоенную каждому из них номерную маркировку “1” и “2” на крыльях, зависли в воздухе над механическими участниками грядущего крестового похода.

Арсений проверил, все ли системы работают в штатном режиме, и произнёс вступительную речь:

– От меня лично, а также от брата и всех здесь собравшихся я выношу лесной твари смертный приговор и приказываю “Инквизиторам” немедленно привести его в исполнение. В память о Феде...

Его голос дрогнул, глаза повлажнели. Поморгав ими, он поджал губы и после паузы твёрдым голосом отдал в микрофон судьбоносное распоряжение:

– Уничтожьте эту гниду, командир...

39

Несмотря на столь ранний час парковка круглосуточного кафе, где остановилась ГАЗелька Азикиве, была полностью забита. В сгустившейся тьме, которую ещё не прогнали заигравшие на горизонте лучи солнца, ярко горела вывеска заведения “**ДОВОЛЬНОЕ ПУЗО**”. Она располагалась под окнами выполненного из дерева второго этажа, надстроенного

поверх выложенного из камня первого.

Компания друзей, решившая перекусить в этой забегаловке, находящейся в десяти километрах от “Тайника Лешего”, выбралась из душного салона маршрутки и прошла к обнесённой перилами веранде по подвесному мостику, перекинутому от парковки через глубокий овраг.

Отворив входную дверь, они оказались в просторном зале, чьи стены, увешанные чучелами голов диких животных, придавали сему месту особую атмосферу. За большинством столов, выставленных в два ряда, среди гор жарчки и выпивки дрыхли присыпанные конфетти пьяные рожи, и лишь самые стойкие гулёны пошатывались с микрофонами в руках у плазменного телевизора, невпопад напевая в караоке песню ВИАгры:

– Ууу, биология, ууу, биология, ууу, биология, анатомия, изучи её до конца...

Навстречу клиентам вышел измождённый официант. Объяснив, что этой ночью здесь отгремел шумный банкет, он предложил молодым людям подняться на свободный второй этаж, и те, за исключением Бориса, оккупировавшего барную стойку, проследовали наверх.

Официант принял у них заказы, от себя порекомендовав шашлык из индейки, которую, по его словам, разводили прямо на заднем дворе кафешки, и отправился на кухню.

Всюду таскающая с собой пушистую собачку Даша вскоре тоже спустилась вниз, отлучившись в туалет. Её сильно тош-

нило, однако Денису она сказала, что просто захотела по-маленькому.

В её отсутствие Маслов планировал поделиться с друзьями правдой. Ему надоело обманывать их, ведь это было как минимум подло. Они заслуживали знать, что с ними в лагерь едет убийца, пускай и подневольный.

– Ребята, я должен Вам кое о чём сообщить... – нервно перебирая пальцами, начал качок.

– Тебя-таки отчисляют? – не дав ему закончить и сбив с нужного настроения, додумал Коля.

– Нет, конечно! Как тебе вообще такое в голову взбрело? – возмутился Денис.

– Фух, ну хорошо. А то гулял слушок, мол, ты о чём-то повздорил с нашим деканом, – выложил Беляков.

– Потому все и решили, что твоё отчисление лишь вопрос времени, – добавил Томас.

– Вот так новости. И откуда чё берётся? – поразился Маслов.

Официант вернулся к парням с подносом, полным напитков, и, расставив стаканы на столе, тихо удалился.

– Это ещё фигня. Про меня вообще трещали, что я прямиком с Найроби на пары ранним рейсом прилетаю, – признался Азикиве, пододвинув к себе цитрусовый шербет и пригубив его.

– Ой, да не заливай тут, – отмахнулся от нигера красноволосяй парень и залпом выхлестал холодное латте с сиропом

“солёная карамель”.

– Серьёзно, – стоял на своём афроамериканец, смакуя фруктовую вкуснятину. – Предлагали даже часть денег на билеты через профсоюз вернуть...

– Ладно, сейчас не о тебе. Денчик хотел нам о чём-то поведать, – припомнил Коля, вытряхивая из стакана на язык последние капли заказанного им кофе.

– Я... – Маслов растерялся и, когда увидел Бурову, не смог озвучить задуманное, после чего судорожно отхлебнул безалкогольное пиво. – Блин, что-то совсем вылетело из головы. Наверное, ничего важного...

– Шушукаетесь, мальчики? – полюбопытствовала подсевшая к своему бойфренду Даша и принялась неторопливо потягивать молочный коктейль через трубочку.

– Шушукаемся, дорогая... – задумчиво повторил Денис и, разрываясь изнутри на части, добил хмельной напиток.

– Всё ещё дуешься на меня? – вскинула бровь девушка.

– Давно забыл... – безразлично бросил качок.

– Ну коотя, мррр, прости меня, – прилипнув к рельефному туловищу Маслова, промурчала Бурова.

– Сказал же, нормально всё...

– Согласись, каждый из нас немного вспылил.

– Возможно. Только я думал, что моё слово для тебя ценнее мнения Бориса...

– Так и есть.

– По-моему, в машине ты доказала обратное.

– Тебе ли не знать, какая я экспансивная. У меня всегда преобладают чувства, вот я и поддаюсь им в очередной раз...

– Окей. А сейчас чего добиваешься? Спорить с тобой всё равно, что читать Штирлицу “Войну и мир”.

– Я не хотела тебя расстраивать и принижать, пупсичек. Честно-честно! На эмоциях сболтнула лишнего, признаю.

– Ладно, извинения приняты.

– Я тебя люблю, мой сладусик!

– Взаимно...

– Ванильку подвезли, – сдержанно хихикнул Беляков, переглянувшись с разулыбавшимся Томом.

Немного погодя одnogруппникам подали горячие блюда, употребив которые они оплатили счёт и, захватив с собой пропустившего пару-тройку рюмок горячительных напитков Бориса, покинули **“ДОВОЛЬНОЕ ПУЗО”**.

Спустя пятнадцать минут...

Небо просветлело. Солнечный диск, выглядывающий из-за горизонта всё больше, бережно утопил в своих нежных лучистых объятиях контуры колючих деревьев.

По затерявшейся среди чащи насыпи под мохнатыми хвойными юбками промчалась жёлтая пассажирская ГАЗель, ушедшая по правой ветке дороги к заброшенному оздоровительному комплексу – единственному облагороженному островку земли в этой забытой Богом глуши.

“Тайник Лешего” безмолвно умирал. От него веяло мрач-

ной загадочностью с горьким могильным душком. Лес прибирал лагерь к рукам, нещадно поедая каждый уголок его обширной территории со всеми её спортивными и развлекательными площадками. Подобно червям, плодящимся в гниющем трупе, растительность разлагала место, когда-то считавшееся настоящим детским раем. Она прогрызала немогущее тело комплекса и заполняла собой его сокрушённые части, стирая оплот человеческого труда с карты чащобы.

Маршрутка проехала мимо оставленного по левую сторону от щёбёнки трактора, приковавшего к себе взгляды всех, кто находился в салоне автобуса, и, сбросив скорость, подкатила к “Тайнику Лешего”.

Лагерь встретил редких в последние годы гостей распахнутыми воротами, через которые из его внутренностей вытекала наружу пропитанная скорбью мёртвая звенящая тишина. Она нагнетала чувство крайнего дискомфорта и имела достаточно сил, чтобы довести самых впечатлительных до паранойи. Казалось, можно было услышать, как ржавеет металл цепей подвесного городка и слоится изношенный кирпич корпусов.

ГАЗелька проделала колею на засохшем сорняковом полотне, покрывшем расползающийся асфальт парковки и погрёбшем под собой обозначающий её знак, после чего, едва не проскрёбшись газовым баллоном о высокий бордюр, жёстко запрыгнула на него, отчего кузов протестующе проскрипел. Давя клумбы и вминая в почву кирпичики изви-

листой дорожки, машина попала на просторную центральную площадь “Тайника Лешего” у столовой, оставив позади разломанную шестигранную беседку, чья упавшая крыша, от коей во все стороны разлетелись выцветшие чешуйки черепицы, лежала перевёрнутой в траве.

Томас заглушил двигатель, и компания друзей десантировались на территорию лагеря.

Во время высадки Денис наступил на стеклянную бутылку из-под газировки и чуть не укатился на ней до ближайшего корпуса, с трудом удержав равновесие и знатно выругавшись.

Спущенный с рук Даши шпиц, удивлённо пронаблюдавший за поскользнувшимся на таре парнем, дурашливо заскакал по земле, попутно задирая заднюю лапку у примечательных, по его мнению, объектов. Пёсик, давно не выбиравшийся за город, “на волю”, не верил своему счастью. Он метался туда-сюда как заведённый, а потом вовсе исчез в зарослях небольшого парка, превратившегося в самые настоящие джунгли: тропинки с лавочками и урнами скрылись под куполом зелени, и лишь фонарные столбы да испещрённая мхом часовня, один из ржавых циферблатов которой покоился у основания башни, ”выныривали” из моря деревьев да кустарников, заслонивших собой обезглавленную статую Лешего.

– Штирлиц, ко мне! – похлопав по бёдрам, прокричала Бурова своему питомцу, однако тот продолжил шуршать где-

то в гуще аллеи. – Штирлиц!!!

– Милая, не трогай ты его. Этого засранца на природе всегда переклинивает, – напомнил Маслов, обнявший возлюбленную за плечи.

– А вдруг со Штирли что-то случится? – забеспокоилась девушка и, жалобно заглянув качку в глаза, попросила его. – Сходи за ним!

Денис недовольно вздохнул и, отпрянув от Даши, сказал:

– Сам вернётся. Хотя если не вернётся, я не сильно расстроюсь.

– Также, наверное, решили наши с тобой родители, когда подкинули нас совсем крохами к дверям детдома, – грустно хмыкнул Костин, задумчиво застывший над декоративным обмелевшим прудом около разрушенного мостика, чей бревенчатый скелет обвалился в водоём и вместе с ним порос мутной тиной. Рукотворный водопад здесь больше не плескался. О нём осталось лишь напоминание в виде каменного нагромождения.

Маслов перевёл взгляд на траурную фигуру Бориса и откликнулся:

– Не разводи драматургию, Шекспир. Тебя в итоге забрала хорошая семья, грех жаловаться...

– Я вообще-то вёл немножко к другому, – поправил писатель и столкнул в воду пустую консервную банку. – Хотел напомнить, что дети – большая ответственность. А Ваша собачка в какой-то степени ребёнок.

– Хоть кто-то меня понимает, – подхватила Бурова.

– Ты опять за своё?! – возмутился Денис, негодуяще разведя руками.

– Просто если Вы не можете присмотреть за своим четвероногим другом, детей Вам заводить строго противопоказано, – резюмировал Костин, на что качок с усмешкой воскликнул:

– Хах, мы и не собирались заделывать карапузов! По крайней мере, в ближайшее время. Так ведь, любимая?

Столь неловкого момента девушка никак не ожидала, отчего на время потеряла дар речи и, прикусив губу, поспешила отвести глаза.

– Даш, чего притихла-то? – вновь остался недоволен поведением дамы сердца Маслов.

– Ну, в общем да... детей нам пока ещё рано... – невнятно пробубнила Бурова.

Борис поднял камешек и кинул его в пруд.

БУЛЬК!

Воронка от упавшей породы взволновала застоявшуюся воду и растолкала скопившиеся на её поверхности грязно-зелёные сопли. Вскоре рябь прекратилась, и липкая болотная плёнка схлопнулась обратно.

– Помнишь рыжих тройняшек? – вдруг спросил Костин.

– Конечно! – кивнул Денис. – Я с ними без малого ещё шесть лет в приюте был после твоего ухода...

– Кто-нибудь из них нашёл семью?

– Нет. Анжелику с Артуром хотели как-то поодиночке забрать, но они же никак друг без друга, вот и ставили ультиматум: либо троих, либо никого. Поэтому от них отказывались.

– И где они теперь? – узнал писатель.

– Одному Богу известно. Все потерялись... – с тоской поведал качок.

– Жаль, – понурил голову Борис. – Я по ним соскучился...

– Я тоже, – не утаил Маслов.

Тут из салона ГАЗели выбрались Том с Колей, и последний празднично объявил:

– Народ, мы готовы!

– Это ещё что? – осведомилась нахмурившаяся Даша, изучая строгим взором предметы в руках парней.

– Как что? Камера и трёхсекционный штатив, – объяснил Азикиве.

– Я в курсе! Зачем Вы их достали? – поинтересовалась девушка.

– Ден, ты её лучше знаешь. Проконсультируй, она сейчас прикалывается или нет? – обняв сложенный штатив, обратился к своему спортивному другу опешивший Беляков.

– Не прикалывается, – определил Маслов.

– Мы вроде фильм сюда снимать явились, – несмело подал голос афроамериканец.

– Вот так сразу?! Мы же только прибыли! – плаксиво прогнусавила Бурова.

– А смысл тянуть? – пожал плечами Коля. – Быстрее отснимем – быстрее свалим...

– Так дела не делаются, – упёрлась Даша. – Прежде, чем приступать к работе, следует всё тщательно обмозговать: выбрать локации, проговорить сценарий и распределить роли. Кто снимает без заготовок? Нам без надобности сырой материал...

– Она у тебя точно не с факультета кинематографии? – засомневался Томас, посмотрев на Дениса.

– Скорей с факультета мозгопиллов, – едва слышно, чтобы не гневить девушку, пошутил красноволосый парень и вернул штатив в автомобиль.

– Мда, тухлые Вы конечно. Не так я представляла себе поездку в компании друзей. Хей, ребят, алло! Мы впервые за долгое время куда-то выбрались. Неужели у Вас нет желания подольше зависнуть на природе? – сокрушалась Бурова, властно уперев кулачки в бока. – Целый лагерь в нашем распоряжении!

– Она права. Ловите момент, тунеядцы! – поддержал её вернувшийся к маршрутке Костин. – Уверен, душевные посиделки у костра настроят Вас на нужный лад.

– Вы же взяли складные стулья, как я просила? – уточнила Даша у хвостатого с шоколадным.

– Взяли, – без особого желания раскрыли карты Беляков и Азикиве.

– Значит, давайте обустраивать поляну! – проявила

управленческие навыки девушка.

– Сопротивляться бесполезно, парни, – вздохнув, обречённо предупредил Маслов и полез в салон ГАЗели. – В какой сумке плацдармы для седалищ?

– Она там одна, моей расцветки, – скоординировал Том, параллельно закинув камеру в бардачок машины.

– Нашёл, – сообщил качок и выволок чёрный баул из-под бокового одиночного сиденья автобуса. – Тут ещё лилипутская гитара в чехле...

– Это укулеле! – поправил Коля.

– Ты на каком языке сейчас вещаешь? – скуксился Денис.

– Алоха, чувак! Укулеле – младшая четырёхструнная сестра гитары и фундаментальный атрибут Гавайских островов наравне с яркими рубашками или венками из живых цветов. Видимо, не зря я её с собой захватил, – отыскал-таки повод для радости Беляков. – Закачу Вам свой скромный бенефис.

– Наконец-то в наших рядах проскользнули нотки воодушевления, – одобрила порыв одnogруппника Бурова.

– Он явно не упустит возможности помучить наши барабанные перепонки, – подмигнул ей афроамериканец, помогая Маслову вытаскивать стулья.

– Не обольщайся, зерно кофейное, – похлопал чернокожего товарища по плечу Коля и принял у качка свой музыкальный инструмент в форме ананаса. – Ты тоже включён в программу. Зачитаешь рэп под мой аккомпанемент.

Пушистая белка почуяла опасность и, пугливо замерев на ветке ели, чуть не сорвалась с неё после того, как рядом прожужжали винты одного из дронов, сопровождающих отряд с опознавательными знаками “ИН”, который, сотрясая землю, прочёсывал бескрайний лес в поисках его Хозяина.

Под брюхом летательного аппарата, где вращался любопытный глаз объектива, ехала шестиствольная пушка на своём гусеничном троне. Её окружали стальные бойцы, расчищающие дорогу путём прореживания здешней растительности.

Арсений, управляющий самоходной установкой со своей мобильной базы, куда на мониторы транслировалась картинка с “Майских жуков”, подумал, что отряду намного лучше подошло бы название “Дровосеки”, учитывая, как бесцеремонно те сносили попадающиеся на пути препятствия.

– Они у тебя курсы лесорубов проходили что ли? – словно прочитав мысли казачка, поразилась внимательно наблюдающая за продвижением средневековых силовиков Олеся.

Дубовцев не ответил, продолжая осуществлять манипуляции джойстиком. Парень с головой погрузился в процесс дистанционного вождения, поэтому посторонние звуки проходили мимо его ушей лишь фоном.

Трофимов тоже молчал, напряжённо уставившись в экран. На какое-то время рядовая даже забыла о его присутствии в грузовом отсеке “Транзита”, настолько тихо он на-

вис над оператором передвижной пушки, к коему прекратили навязчиво приставать несколько минут назад.

Говорливые Тимофей с Забитом буквально засыпали запорожца разными вопросами по делу и без сразу после отправления отряда на задание. Парень с чубом порой даже давал на них исчерпывающие ответы, но всё, как обычно, испортили замечания строгой Лавринайтис. По её мнению, друзья сильно докучали Арсению и мешали ему сконцентрироваться на важной миссии.

Из-за занудства девушки, а Рябов никак не мог назвать это по-другому, они были вынуждены подавить в себе живой интерес к железякам и тихо наблюдать за происходящим со стороны, сквозь раздвинутую дверь “Форда”, будто через панорамное окно.

Очень скоро Тимофей стал откровенно клевать носом и, не выдержав, ушёл из сарая в дом, отдыхать.

Забит же расположился на водительском месте “семёрки” и уже оттуда, полностью опустив стекло, продолжил следить, правда, без прежнего интереса, за столпившимися в свете мониторов старшими.

Порой, когда кто-то из них подвигался в сторону, азербайджанец имел возможность лицезреть экран и находиться в курсе событий, освещаемых с воздуха.

Идущий впереди Палач уверенно вёл группу за собой. Его тяжёлый топор обрушивался на представителей местной флоры, с треском заваливающих на игольчатый покров, а

затем разламывающихся под широкими стопами воинов и переезжаемых Знаменосцем и ребристой гусеничной лентой самоходки, чей рисунок оставался на вибрирующей земле в виде отпечатков траков.

Стрелок сурово глядел из-под кромки плоского шлема и неустанно держал под прицелом верхний ярус леса, направляя на него руку с арбалетом. Турель контролируемой Дубовцевым установки также двигалась на все триста шестьдесят градусов, вертя “миниган”, готовый в любой момент сказать по-настоящему веское слово.

Третьим в цепочке катил Шут, брэнча колокольчиками, венчающими его забавно-нелепый колпак. Он обнимал длинное древко, на чьей вершине развевалось знамя, и насвистывал:

– Из чего же, из чего же, из чего же сделаны наши вояки? Из рогаток и взрывчаток, из металла неизвестного сплава сделаны наши вояки.

Прикрывающий тыл Ударник, хоть подобно своим боевым товарищам и являлся киборгом, явно унаследовал у создателя кое-что человеческое, так как выглядел весьма самонадеянным участником похода. Он даже не удосужился расчехлить своё оружие и подобно зевাকে на вечерней прогулке беспечно брёл за остальными, раздвинув лишь треугольные щиты на предплечьях. Если бы его одутловатое лицо могло передать больше эмоций, Пехотинец бы явно выказал полное безразличие, перекосив рот и закатив красные глаза.

Джафаров, вдоволь налюбовавшийся бравыми вояками с экрана, решил, что ничего интересного уже не случится и, выбравшись из отечественной классики, обогнул фургончик, после чего полез на чердак по расположенной в дальнем углу сарая лестнице.

Карательная миссия продолжалась.

“Инквизиторы” продвинулись достаточно глубоко в чащу. Увы, разыскиваемая ими зверушка и не думала появляться.

Тепловизоры и датчики движения, встроенные в летающие аппараты, периодически показывали активность жителей леса, однако крупную добычу до сих пор зафиксировать не могли.

– Где же ты, сукин сын? – бегая взглядом из одного уголка монитора в другой, прошипел Дубовцев и крепко сжал свободный от джойстика кулак.

В спинку его кресла, сам того не заметив, обеими руками вцепился Алексей. Перегнувшись через неё, он всматривался в тёмную зелень леса, раскинувшуюся во всю ширину изображения. Бесконечные хвойные пейзажи отдавались рябью в глазах, и офицер периодически потирал свои уставшие “окуляры” костяшками пальцев, чтобы снять напряжение, от которого, казалось, рисковал лопнуть даже экран.

– Там тело! – так неожиданно воскликнула Олеся, что находящиеся поблизости мужчины не на шутку всполошились, вздрогнув практически синхронно.

– Где? – уточнил переполняемый тревожным волнением

Арсений, пытливно повернувшись к девушке в пол-оборота.

Рядовая показала ему нужную область на мониторе, и за-
порожец, прищурившись, различил в кроне дерева челове-
ческий труп.

Все в “Форде” переглянулись и побледнели.

Перейдя на ручное управление дроном с бортовым номе-
ром “2”, оператор подвёл его к застрявшему в цепких ветвях
покойнику и медленно облетел того со всех сторон.

Вместе с командным пунктом жертву монстра разгляды-
вали и замершие у сосны члены отряда, задравшие непоко-
лебимые физиономии.

– *Может я и без души, но тоскливо мне внутри...* – с
грустным смайликом на дисплее протараторил Шут.

Поеденный мертвяк с выдранным кадыком и снесённой
челюстью висел вверх тормашками, заглядывая в камеру
парящего в воздухе “жука” своими пустыми глазницами,
подведёнными кровавыми брызгами, и передавая зрителям
привет рукой без указательного и среднего пальцев. Вторая
кисть у несчастного вовсе отсутствовала, как и часть левой
ноги до колена, а из раскученного брюха вываливалась
гармошка кишок.

– *Дерьмово, когда запчасти наружу,* – своеобразно выра-
зил сочувствие Ударник.

И всё-таки, не согласиться с его утверждением было труд-
но. Зрелище оказалось поистине тошнотворным, но оно не
помешало шокированной Лавринайтис узнать в погибшем

своего недавнего знакомого.

– Боже... – прикрыв рот рукой, ужаснулась девушка. – Как хорошо, что парни отошли...

– Это их приятель? – поинтересовался Трофимов.

– Да. Во время нашей первой встречи, они как раз искали его... Якову я обязана жизнью, – сдерживая поток эмоций, рвущихся накатывающими на глаза слезами, объяснила Олеся.

– И как только Вы так далеко в лес учухали? – не мог взять в толк Дубовцев.

– Вообще-то мы были совсем в другом месте, – заверила рядовая. – Наверное, после погони за мной и парнями, тварь вернулась за телом и утащила его сюда.

– Значит, есть вероятность того, что мортерид находится где-то неподалёку, – задумчиво почесал подбородок старший по званию.

Арсений ещё мгновение переваривал озвученное товарищами, потом спохватился и, судорожно пододвинув к себе микрофон на гибкой ножке, прогорланил в него:

– Всем приготовиться к бою!!!

– *Чёрт, у меня в ушах какой-то голос... Кто это сказал?* – вопросительно оглядевшись по сторонам, с подозрением пробасил Стрелок.

– *Наш Создатель, глупое ты ведро с болтами!* – рявкнул на него Вешатель.

– *Арбалетчик идиот, лучше б он заткнул свой рот!* –

срифмовал Знаменосец с ржущим смайликом.

Раздражённый неуместным замешательством своих творений казачок гневно проорал:

– Командир, мне сейчас не до Вашего цирка! Рассредоточьтесь и займите позиции!!! Немедленно!!!

– *Так точно!* – отозвался Мучитель и, крепче сжав в руках длинную рукоять топора, обратился к воинам. – *Всё слышали, чайники ржавые? Стряхните с себя накипь и к оружию!*

Шут с обеспокоенной электронной физиономией тут же взмахнул флагом туда-сюда, Стрелок припал на колено и взвёл арбалет, а Пехотинец достал кистени, разложив их в боевое положение – с рукоятей свисли увесистые гири на цепях, с лязгом выпустившие острые шипы по всей шарообразной поверхности.

Параллельно этому Дубовцев нервно нащупал кнопку на клавиатуре и нажал её, активировав режим полного сканирования близлежащей местности. Летательные аппараты исправно отреагировали на команду. Они взмыли к макушкам деревьев и зависли высоко над землёй, задействовав полный комплект приспособлений на радиус в триста метров. Ни один живой организм не имел ни малейшего шанса ускользнуть от всевидящего ока дронов, тщательно изучивших округу.

Сгрудившаяся в фургончике команда затаила дыхание. В воцарившейся тишине каждый усиленно лупился в монитор, пытаясь отыскать угрозу. Струны напряжения натянулись до

предела. От подобного накала у Алексея даже проступил холодный пот, и вздулась вена на лбу. Ожидание чего-то неизбежного бешено пульсировало в висках.

Арсений, у коего совсем некстати возникло желание смочить водой пересохшие губы, выключил автопилот у летательного аппарата под номером “1” и, взяв его под свой контроль, немного снизился, после чего начал медленно поворачивать “жука” по кругу, чтобы как следует осмотреться.

Дрон почти завершил оборот, когда Дубовцева ужалило нехорошее предчувствие, и он вдруг решил вернуть камеру на пол витка назад. Его рука дёрнула джойстик в противоположную сторону, куда послушно качнулся и сам аппарат.

Камера приблизила изображение, и поперёк горла у запорожца застрял хрип.

Слившаяся с густой хвоей мускулистая глыба с белым комком на плече, мгновением ранее недвижно сидевшая на дереве подобно статуе с собора, в момент “ожил” и, сверкнув едкими желтками кровожадных глаз, хлёстко швырнула выдранный со спины вырост точно в голову Пехотинцу прежде, чем у Арсения прорезался голос и он оглушительным воплем подал своим бойцам запоздалый сигнал тревоги.

Со свистом пущенная из кроны сосны и закрутившаяся не хуже сюрикэна пластина пробила прочный шлем Ударника, вонзившись тому чётко в затылок. Самый тяжеловесный воин пошатнулся и за долю секунды до того, как полностью от-

ключился и упал на колени, непроизвольно нажал дрогнувшим пальцем кнопку на рукояти кистеня, который выстрелил цепью с “колючим” грузом, полетевшим в обернувшегося Палача.

БЭНГ! – шарахнула гиря прямиком в нагрудные инициалы командира, промяв металл под фартуком.

От сильного удара Вешателя отбросило и он, выронив из рук топор, рухнул на землю, где неподалёку от него, истекая фиолетовой жидкостью, хлещущей сквозь раскол в шлеме и окропляющей доспехи, уже лежал выведенный из строя Пехотинец с продырявленной головой, откуда торчал испещрённый прожилками шип зверя.

– Нет!!! Чёрт возьми, вставайте, командир!!! – прогорланил в микрофон Дубовцев и открыл огонь по тварям из “минигана” путём зажатия нужной клавиши на джойстике.

Сверху посыпались щепки, иголки и шишки, припорошивая грунт.

Мелкий прихвостень а-ля дикобраз шустро покинул плечо своего крупного хозяина и, махнув розовым облезлым хвостом, под оглушающую пушечную мелодию юркнул в зелень, после чего, прошуршав, скрылся из виду.

Само чудовище, уходя от свинцового дождя самоходки, агрессивным прыжком метнулось на другое дерево. Арбалетчик выстрелил гадине вслед, но она прикрылась трупом Якова, и пущенный болт воткнулся в тело парня.

Вращающийся барабан пулемёта также сопровождал пе-

ремещение ископаемого праздничным салютом, накрыв его временное укрытие градом из пуль. Те изрешетили затрепыхавшиеся останки Ашурова, оторвав от них приличные куски, разлетевшиеся фонтаном кровавых ошмётков, а вскоре вовсе скосили крону сосны, свалившуюся вместе с застрявшим в ней мертвяком к основанию ствола.

Несколько снарядов зацепили и чудище, однако нанесённый урон оказался недостаточным для того, чтобы сбить его с высоты, поэтому оно продолжило сигать по деревьям, кружа голову врагам.

– До сих пор не пойму, как наш зверёк умудрился обдурить датчики моих дронов, – удивился запорожец, предположив. – Вероятно, он способен менять температуру тела и подобно прочим хищникам подолгу караулить жертву в засаде...

– Охренеть, конечно, махина... – шёпотом вырвалось у Трофимова, заморожённо наблюдающего за ловкими скачками монстра.

– Реально здоровый обрыган! – согласился Арсений, растопырив ноздри своего неправильно сросшегося после перелома носа.

– Вы его ещё вживую не видели, – затрясло вспомнившую пережитый ужас Лавринойтис.

– Как убьём, полюбуемся трупом, – оскалился казачок, гоня вездеход с незатихающей пушкой по перепаханному гусеницами пятакку, над коим в небе дежурили летательные

аппараты.

Объектив второго “Майского жука” захватил в кадр тяжело поднимающегося из положения лёжа Палача. Его правый глаз часто моргал, а левая нога заклинила и отказывалась двигаться, но, несмотря на полученные повреждения, великан встал и, вернув своё оружие, устремился в бой. Хромая, он очутился у ствола сосны, куда планировала прыгнуть тварь, и срубил его острым лезвием топора.

Дерево с треском сокрушилось на лесной покров и зверь, не успев заскочить на ушедшие из-под лап ветки, свалился к Вешателю, с размаху всёкшему твари топором прямо на лету, изобразив эдакого гольфиста, лихо взмахнувшего клюшкой и отправившего мячик в лунку.

– Отлично!!! – раздался ликующий возглас Дубовцева.

Доисторическое животное кувыркнулось через шипованный горб и, оказавшись на четвереньках, потерянно встряхнуло головой.

Арбалетчик выждал, пока противник вскочит на задние лапы, хорошенько прицелился и выпустил в него болт, по самое оперение вошедший в глаз чудовища и острым кончиком выступивший у того из крепкого затылка.

– *Возьми талончик к окулисту, у тебя зрение ухудшилось,* – посоветовал врагу Стрелок.

Монстр ответил ему болезненным рёвом и рефлекторно попытался удалить инородный предмет, жёрдочкой вставший в его черепушке. Крупные пальцы твари никак не жела-

ли цепляться за короткий выступ разорвавшего глаз болта. В итоге существо не сумело извлечь снаряд, зато предоставило “Инквизиторам” время.

Волоча за собой отказавшую ногу, Мучитель подошёл к дезориентированному зверю, придавил его вниз и, отстегнув с пояса петлю, накинул её на склизкую шею ископаемого, незамедлительно нажав кнопку на узле.

– *Мразь публично мы казним и закатим смачный пир!* – радостно воскликнул Знаменосец.

Победа отряда казалась неминуемой. Команда у монитора вот-вот готовилась отпраздновать успех, когда в дело неожиданно вмешался забытый всеми участник сражения.

Буквально из ниоткуда он приземлился на “миниган” и, используя его как полосу для разгона, энергично махнул на голову Палачу.

– *Динь-дон, динь-дон, динь-дон, динь-дон, я Вас не звал, идите вон!* – загорланил мыши Шут, панически нарезающий круги у эпицентра событий.

– Пусть Арбалетчик разберётся с мелкой засранкой, – посчитал майор.

– Нет! Не стрелять!!! – отдав приказ вскинувшему руку с метательным оружием бойцу, пресёк запорожец. – В своего попадёшь!

– *Принял,* – ответил Стрелок.

Когти мерзкого грызуна взялись яростно драть мешковину маски командира, отпустившего “приговорённого к каз-

ни” и слепо попятившегося в сторону в попытке скинуть с себя ненавистную обузу.

– Не знаете, что это за выродок такой? – скривился Трофимов.

– Без понятия, – отчаянно стиснул зубы Арсений и, выжидая удобного момента для пальбы, навёл пушку на колючий клубок.

– Думаю, одна из подопытных мышей, – догадалась Олеся. – Единственная выжившая...

Покуда “выжившая” озадачивала Вешателя и отвлекала внимание командного пункта, шипованный непостижимым образом высвободился из смертоносной петли и, дёрнув головой, откинул её к владельцу. Безуспешно силящийся избавиться от докучающей хвостатой бестии киборг неудачно махнул рукой и словил вещицу из собственного арсенала на левую пятерню. Стальная затяжка обвила и сдавила запястье, в последствие оттяпав его. Обрезанная кисть шлёпнулась в скудную снежную лепёшку, а образовавшаяся культя заискрила, плюясь фиолетовой жижей.

Арбалетчик не выдержал и пришёл-таки на выручку Мучителю, шамальнув в мерзость на его макушке воспламеняющимся болтом, насадившим “колючку” как оливку на зубочистку.

Вспыхнувшую ярче спички мышь сбilo с головы главного киборга.

– Я сказал не стрелять!!! – процедил возмущённый свое-

волием воина Дубовцев.

– *Много-то Вы знаете о ведении боя, Создатель*, – дерзко отрезал боец.

– Вот же какого поперечного сконструировали! – цокнул казачок, и его голос перекрыл страдальческий визг мелкого обгорающего гадёныша.

Шипя, четвероногий факел с вертелом в боку ошетинился и скакнул на агрессора. К тому моменту Стрелок успел перезарядить оружие и пустить взрывной болт в раскрытую пасть объятого пламенем комка, который заглотил снаряд, попавший в брюхо и там сдетонировавший.

Не достигшую цели мышшь разорвало изнутри как перекачаный шарик. Кровавая каша разлетелась во все стороны, запачкав в том числе и Арбалетчика, стряхнувшего её со своей физиономии и брони.

– *Самый лучший наш Стрелок, нереальный молоток!* – заделался чирлидершей Знаменосец.

Одно существо оказалось повержено, правда главный трофей, вопреки увечью, до сих пор не получил серьёзных ранений и оставался крайне опасным.

Его свирепой атаке подвергся только-только освободившийся от колючего паразита Палач. Крупный зверь обрушил на противника свою массивную лапу, но киборг отвёл огромной силы удар удерживаемым одной рукой топором, чьё лезвие обломилось и отправилось в кусты. Сам командир неуклюже колыхнулся и едва удержал равновесие. Следующий

выпад одноглазого монстра он неуверенно отразил уже культижкой, вокруг коей ископаемое обвилось свой тонкий хвост и, резко рванув им, впечатало Вешателя лицом в землю.

СКИДЫЩ!

Арсений наконец-то дождался, чтобы его творение, проверяющее качество почвы опытным путём, отделилось от твари и ушло с траектории обстрела, и привёл в действие пулемёт, разразившийся оглушительными очередями.

Пули заколошматили по горбатой махине, обтёсывая её склизкое тело оливкового цвета и дробя панцирь на груди.

Патронная лента пушки таяла на глазах, щедро выбрасывая стреляные гильзы. Внезапно “миниган” щёлкнул, ознаменовав, что боеприпасы закончились. Дубовцев не сразу отпустил зажатую пальцем кнопку, поэтому блок дымящихся стволов, глухо гудя, крутился ещё несколько секунд.

– Вот дрянь! У меня пусто! – выпалил запорожец, брызнув слюной в экран.

– Живучая паскуда! – резюмировал Алексей.

– Да Вы посмотрите, на нём раны затягиваются как на дворняге! – приковав взгляд к регенерирующемуся противнику, подивилась Лавринайтис.

– Пора отступать, Сеня, если не хочешь потерять весь свой отряд, – дал рекомендацию майор.

– Сдаться?! Ну уж нет. Я не проиграю археологической находке! – отказался парень с чубом и распорядился в микрофон. – Стрелок, не дай ему восстановиться!

– *Выполняю*, – бесстрастно откликнулся воин и, зарядив арбалет, щёлкнул из него по монстру.

Тварь, стремясь закрыть морду, выставила вперёд ладонь, насквозь пробитую болтом. Снаряд пиликнул и взорвался, разворотив лапу по локоть.

Сие обстоятельство доставило зверю лишь мимолётные неудобства. Высунувшийся из мяса палёный обломок кости стал невероятно быстро обрастать мясом, и за очень короткий временной отрезок монстр вернул себе утраченную конечность.

– *У него целебный дар, что меня бросает в жар!* – охнул Шут.

В глазу бестии загорелся неистовый гнев, и она с остервенением ринулась на обидчика. Арбалетчик приготовился к обороне и, извлёкши из ножен на голенях кинжалы, полоснул ими туловище сблизившегося с ним чудовища.

Ископаемое не обратило внимания на царапины от лезвий и настолько жёстко схватило за горло дышащего ему в живот бойца, что у того с головы слетел дисковидный шлем.

Знаменосец постарался отбить товарища, заколотив образине флагом по спине, однако древко с полотнищем треснуло пополам, а сам Шут, не успев уклониться, получил в дисплей колющий удар кончиком хвоста, выполненный мортеридом вслепую, без отвлечения от основного занятия – расправы над Стрелком. По стеклу монитора с хмурым смайликом расплзлась паутинка трещинок, колпак спикировал

с макушки весельчака, и кибернетический бачок, простонав “*тили-тили, трали-вали, мы с позором проиграли*”, грохнулся экраном вниз, распределив резиновые руки вдоль своего округлого туловища.

Между тем подошвы беспомощно дрыгающегося Арбалетчика оторвались от почвы, и шипованный уродец, приподняв его до уровня собственной морды, воспользовался твёрдой выпуклостью на лбу, боднув ей “Инквизитора” в лицо, которое с хрустом раскрошилось и, вдавившись внутрь до начинки из чипа, проводков и микросхем, забрызгало фиолетовой жидкостью.

Обесточенный Стрелок, выронив кинжалы, прекратил функционировать. Руки и ноги воина бессильно обвисли, и животное небрежно разжало лапу, бросив вырубившуюся груду металлолома перед собой.

– Отстойный расклад... – угрюмо констатировал Арсений и сообщил отлежавшемуся Палачу. – Ваш выход, командир!

Занятый Арбалетчиком хищник не заметил подкравшегося к нему Мучителя, а когда уловил звук позади себя и оглянулся, схлопотал выкорчеванным киборгом пнём.

Выплюнув с десятков зубов, монстр согнулся, и Вешатель, удобней ухватившись уцелевшей рукой за корни, наотмашь долбанул ему по хребту древесным обрубком, отчего последний разлетелся в щепки.

Уложенная на лопатки тварь, не желая сдаваться, провела контратаку. Она подсекла хвостом ноги Палача и перевела

его в горизонтальное положение, после чего без промедления накинута сверху. Впрочем, командир “Инквизиторов” вовремя перекатился вбок, к уничтоженному Ударнику, и, сдёрнув со спины боевого товарища копьё, метнул в ублоудка, приземлившись там, где мгновением ранее находился он сам.

Колющее оружие прошило зверю бедро, однако было неотлагательно вытащено им из раны и послано в обратную сторону. Острая пика угодила в плечо киборга, прибавив его к лесному полотну.

– *Простите, Создатель... Мы подвели Вас...* – прощально прохрипел в динамиках на базе электронный голос потрепанного бойца, чей моргающий глаз окончательно потух.

– Вытаскивай его! – взмолилась Олеся.

– Уже, – кивнул Дубовцев, максимально разогнав самоходку и протаранив её чудовище, намеревавшееся добить Мучителя.

Повалив ископаемое, гусеничная станция сдала назад. Как только Вешатель со скрежетом вытащил из тела копьё и, подползя, из последних сил схватился рукой за борт платформы, вездеход рванул прочь с поля боя.

Прикрывать отступление довелось дронам. Они назойливо закружили над хищником, пуская из компактных ёмкостей на крыльях густую дымовую завесу.

Беспорядочно отбиваясь от жужжащих раздражителей в непроглядной пелене, монстр удачно треснул лапой по одно-

му из них и тем самым сбил “Майского жука” под номером “1”. Летательный аппарат отшвырнуло, как пушинку, и он разбился о ствол ели. Другой же, прежде, чем тоже отправился в утиль, выстрелил в агрессивного врага жучком для слежки, а затем связь с ним оборвалась.

Выигранного дронами времени вполне хватило для того, чтобы переведённая на автопилот самоходка, натужно утаскивающая за собой воина, выбралась из опасной зоны.

– Не верю... – проронил потрясённый Арсений, озадаченно сверля взглядом шипящий монитор с прерванной трансляцией. – “Инквизиторы” не справились с задачей...

– Это не может продолжаться вечно! – взвинтился вылезавший из грузового отсека Трофимов. – Надо пресекать столь безрадостную тенденцию.

– Есть идеи? – без энтузиазма осведомилась рядовая, увязавшись за мужчиной в погонах.

– Угу. Хотя я не уверен, выгорит ли... – пройдя до кабины “форда” и заглянув в неё, поделился Алексей, снявший кожанку.

– Вы же не намерены топтать в лапы твари? – с тревогой конкретизировала Лавринайтис, хотя прекрасно знала ответ на заданный вопрос.

– Нам необходимо выманить мортерида из леса, – взяв с сиденья помповое ружьё, заявил майор и, повернувшись к девушке, истолковал суть подробней. – Там его не победить, ведь среди вековых деревьев хозяин он. Лично мне надоело

играть по правилам доисторической зверюги. Поэтому я думаю навязать ей свои, сменив хвойную локацию на открытую местность.

– Вы явно переоцениваете свои силы, – несогласно помотала головой Олеся. – Каковы шансы остаться в живых, мм?

– Никогда не дружил с математикой.

– А если серьёзно?

– Я боюсь...

– Погибнуть?

– Нет. Слишком банально... – коротко усмехнулся Трофимов и вновь примерил хмурую гримасу. – Учёный горьким опытом, я боюсь не предотвратить то, что потенциально мог бы. Потому что мне и без того достаёт поводов для сожаления. Не хочу пополнить этот список очередным пунктом.

– Тяжёлый груз по жизни накопился? – проявила любопытство рядовая.

– Не представляете, какой... – с тоской произнёс офицер и вместе с коллегой вернулся в операторскую рубку, где обратился к Дубовцеву, до сих пор не реабилитировавшемуся от глубокого шока. – Гадина ещё не избавилась от жучка?

– Нет, – прохрипел запорожец.

– Значит, оснащусь рацией и в путь! – решил милиционер. – Будете координировать меня с нашего командного пункта.

– Даже при условии, что чудовище вылезет из своего заповедника, каким макаром прикажете его удивлять? – не по-

нимала Лавринайтис.

– Гусеничная станция полностью боеспособна. По возвращении зарядите пулемёт новой лентой и, как только мортерид спустится со склона, накроете его шквальным огнём, – изложил Алексей.

– Прошу, одумайтесь прежде, чем добровольно направитесь к воротам, что рискуют навечно захлопнуться за Вашей спиной... – вразумляла старшего по званию девушка.

– Мы проиграли бой, но не можем позволить себе проиграть войну. Мортериды вымерли в прошлом... Пора помочь им с этим в настоящем! – заключил Трофимов и решительно передёрнул скользящий затвор “Ремингтона”.

Несколькими минутами ранее...

На чердаке было спокойно. Слишком спокойно...

Удивительно, но для Зибита это мрачное место оставалось всё таким же загадочным, как и много лет назад, во времена, когда они с Тимофеем и Яковом лазали здесь, воображая себя шпионами, расхитителями гробниц, охотниками за привидениями... да кем угодно!

Раньше закадычные друзья часто приезжали к Ашурову в гости, куда родители добровольно командировали их, дабы малость отдохнуть от непоседливых чад.

Джафаров до сих пор помнил, насколько вкусный мясной пирог готовила заботливая Любовь Варфоломеевна: хотелось доесть каждый кусочек. Данные ассоциации аукнулись ароматом свежей выпечки в носу и голодным урчанием

пустого желудка.

“Подкрепиться бы сейчас не помешало” – подумал азербайджанец и, подойдя к покрытому толстым слоем пыли внушительному сундуку, провёл по его поверхности кончиком пальца.

Сколько тёплых воспоминаний вызывал этот отделанный резьбой ящик из красного дерева! Именно за ним во время игр в прятки любил схорониться Яков. Вот только каждый раз его выдавал зелёный ирокез, торчащий из-за укрытия.

“На abordаж!” – глубоко в сознании прозвенел голос Ашурова, мысленно перенеся Зибита в разгар сражения за несметные богатства пиратов – хлам, хранящийся в сундуке.

Вместо корабельных рей и тросов мальчишки использовали балки под конусом крыши со свисающими с них верёвками, а вместо мечей – палки, к коим подвязывались овощи в огороде. Пока бабушка не видела, они выдёргивали будущее оружие из грядок и стремглав неслись в сарай, завоёвывать сокровища. Правда, единственное, что они обычно добывали – это выговор от Любови Варфоломеевны, отнюдь не мешавший продолжать им свои озорства дальше.

Джафаров чихнул и перевёл взгляд в сторону, где из-за высокой стопки книг, покосившейся не хуже пизанской башни, выглядывал краешек заросшего паутиной рупора, являющегося частью раритетного граммофона. Будучи детьми, они заездили имеющиеся пластинки до дыр. Любую мелодию, проигрываемую на фоне их игр в “войнушки”, они вос-

принимали как музыку, что сопровождала баталии в героических фильмах.

– Наше золотое прошлое... – с особой любовью прошептал Забит, выцепив глазами ржавый велосипед со сдутыми колёсами в самом тёмном уголке чердачного пространства.

На него друзья умудрялись уместиться сразу втроём: один на раме, второй на седле и третий на багажнике. Таким цирковым способом они неоднократно объехали всю деревню, наведя шуму на каждой её улочке, за что потом опять виновато краснели перед бабушкой.

Вздыхнув, азербайджанец переступил через пачку перевязанных бечёвкой писем и осторожно, стараясь не задеть хрупкие фарфоровые кувшины, протиснулся к оконцу мимо коробок с видеокассетами и прочего барахла, после чего выглянул в мутное стекло. Когда-то юные хулиганы наблюдали в него за каждым шагом Любови Варфоломеевны и, дожидаясь, пока женщина отлучится, неслись на улицу докучать разводимой ею живности.

Джафаров хохотнул, припомнив, что больше всех страдал петух, пытавшийся защитить куриц от нападок их неугомной плутовской шайки.

Ещё мгновение парень разглядывал округу, купающуюся в лучах восходящего солнца, а затем, сделав по чердаку ещё круг, вернулся к люку. Откинув его, он встал на лестницу и полез обратно в сарай, к нудным взрослым.

Там Забит наткнулся на сурового милиционера с дробо-

виком, вылезшего из “Транзита” прямо ему навстречу.

– Как поживают железяки? – поинтересовался азербайджанец.

– Дерьмово, – без прикрас ответил устремившийся к воротам майор, сунув в левый нагрудный карман рацию, а в правый – жучок для слезки.

– Стойте! Я должен Вам кое-что... – вспомнил сидящий у мониторов Арсений, однако Трофимов резко буркнул:

– Не сейчас!

– Лёша, подождите! – выскочив из грузового отсека фургона, притормозила коллегу Олеся. – Я иду с Вами!

– Исключено! – отрезал мужчина в погонах и распахнул ворота постройки. – Вы нужны тут!

– Я нужна Вам! Со мной шансы на успех хоть немного возрастут, – уговаривала товарища рядовая.

– Я не хочу брать на себя лишнюю ответственность. Поэтому устрою сольную прогулку, – стоял на своём офицер.

Тут его догнал Дубовцев и, дёрнув за плечо, сказал:

– Если позволите, я всё-таки договорю...

– Что непонятного в моём плане, Сеня? – недовольно скривился Алексей.

– Речь не о плане. У меня есть для Вас кое-что интересное... – заинтриговал запорожец.

– У меня для тебя тоже, – выглянув на улицу, заявил Трофимов и указал на склон.

Оттуда спускались остатки разгромленного монстром от-

ряды. Давя шишки, гусеничная станция катила на базу, а держащийся за неё вытянутой рукой Палач волочился следом на пузе, протирая дыры в фартуке, штанах и силиконовой коже.

– Добрались... – выдохнул казачок и, выбежав из сарая, бросился к своим творениям.

Он обогнул обветшалый забор и встал у края колеи, где внизу плескалась вода.

Успешно спустившаяся с перевала боевая установка пересекла поле, но затем застопорилась в подмывающем сельскую дорогу ручье, не сумев запрыгнуть с тяжёлым грузом на крутой земляной уступ, на котором её ждал создатель.

Самоходка, чью переднюю часть сильно задрало вверх, чуть не перевернулась и откатилась назад. Рука Мучителя сорвалась с её бортика, и он, отцепившись от своего тягача, разлёгся поперёк родникового потока. Его голова частично погрузилась под воду, а ноги растянулись в траве на противоположном берегу.

– Помогите! – прыгнув к бойцу, прокричал Арсений, и вскоре ему на выручку явились все, кто находился в сарае.

– Аллах Всемогуший! – едва завидев воина, воскликнул Джафаров. – Знатно ему досталось...

– Хорошо, что машины не чувствуют боли, – заметила вошедшая в ручей по щиколотку Лавринайтис, вместе с остальными окружив командира “Инквизиторов”.

Общими усилиями им удалось поднять железного гиганта и тот, хоть и не без поддержки людей, сумел вскарабкаться

на обрыв и прохромать до командного пункта, куда заехало и шасси с “миниганом”.

Вешатель уселся в углу у ворот и откинул назад голову в мокрой маске, уткнувшись затылком в деревянную стену сооружения.

– Ничего, мы тебя подлатаем, – пообещал Дубовцев и, бегло изучив повреждения киборга, сдёрнул с него изорванную мешковину, оголив стальной череп, выглядящий весьма примитивно: помимо глаз на его лицевой части располагался лишь прямоугольный динамик, заменяющий рот, а на тыльной – две пломбы.

Главный “Инквизитор” попытался что-то сказать своему творцу, однако лишь неисправно прохрипел, выхаркав воду.

– Динамику тоже кранты, – выжав головной убор Палача, заключил запорожец.

– Сколько времени потребуется на починку здоровяка? – уточнил майор.

– В таких условиях я вряд ли смогу вернуть его к рабочему состоянию, – признался Арсений. – Разве что по мелочи подделаю...

– Ладно, сами справимся, – решил Алексей.

– Вколи, – протянул ему наполненный изумрудной жидкостью шприц казачок. – Внутримышечно.

– Шутишь?! – обалдел милиционер. – Что это за дрянь?

– Сыворотка-стимулятор, повышающая силу, скорость и выносливость. Пригодится, – заверил Дубовцев и, принуди-

тельно вложив инструмент для инъекции в руку товарища, добавил. – Ещё жучок захвати, чтоб мы знали твоё местоположение.

– Уже со мной, – похлопав себя по груди, ответил Трофимов.

– Удачи... – пожелал запорожец и растерянно почесал макушку. – В ожидании Вашего возвращения заряжу пулемёт.

– Да, не расслабляйтесь, – одобрил офицер. – Повоевать ещё придётся.

– Пожалуйста, будьте осторожней, – попросила Олеся и встретила беспокойным взглядом с мужчиной в погонах.

Алексей замешкался, дав-таки клятву после неловкой паузы:

– Я выгашу эту тварь к Вам!

Затем он развернулся и направился к выходу.

41

Костин набрал сухих веток и, вывалив неподалёку от ГАЗели, сказал:

– Если не хватит, пустим в расход гитару-коротышку. Она сторит на “ура”!

– А гриф тебе в задницу не засунуть? – враждебно прошипел парень с хвостиком, заслонив собой укулеле от недоброжелателя.

– Мальчики, не нервничайте! – вмешалась Даша. – Лучше соберите побольше хвороста!

– Хотите грандиозный костёр – киньте спичку в парк, –

указал на заросли писатель. – Заодно выкурим оттуда пёсика...

Впрочем, к таким кардинальным мерам прибегать не пришлось. Рыжий шпиц, словно услышав о планах Бориса, выбрел из джунглей аллеи. Его взъерошенная шерсть собрала на себе шелуху от травы и кустов, а также скаталась в местах, куда попала липкая смола.

Бурова подхватила его на руки и, не брезгуя, сжала в крепких объятиях, отчего Штирлиц зажмурил похожие на бисер глазки.

Пока девушка тискала собачку, парни взялись соорудить костёр. Том с Денисом усердно пытались сложить принесённые Костиным ветки и сучья в вигвам, однако тот каждый раз рушился. Бешено прорычав после очередной неудачи, Маслов с досадой распинал хворост.

– Дружище, ты от злости сейчас вспыхнешь, – увлечённо настраивая укулеле, констатировал Беляков.

– Зато костёр не понадобится, – подытожил писатель.

– Нашлись эксперты. Сами бы попробовали! – гаркнул на товарищей Денис.

– А чего тут пробовать? Взял и сделал, – отпустил суровое отцовское наставление Борис и, присев на корточки у разбросанных веток, ловко смастерил из них аккуратный шалашик, подложив в основание сухой травы и ненужных бумажек, выуженных из штанов.

Затем он позаимствовал у Азикове зажигалку. Подушеч-

ка большого пальца Костина скользнула по её зазубренному колёсику, и устройство плюнуло огоньком, ярким язычком зацепившимся за мятый чек и принявшимся его испепелять. Вскоре пламя перекинулось на хворост и, взбираясь по выставленным конусом веткам, разрослось.

– Ловко, – оценил афроамериканец и, обзаведясь стулом, подсел к костру.

Его примеру последовали все без исключения. Несмотря на то, что солнце взошло, воздух был по-весеннему прохладным. Поэтому компания, окружив источник тепла, выставила над ним руки.

– Пробил твой час, маэстро, – устами Даши предоставили Коле шанс его друга.

– Хорошая музыка имеет свойство сближать, – откинувшись на брезентовую спинку своего стула, изрёк писатель. – Посмотрим, насколько твоя нас породнит.

Беляков поднялся с места и, взяв инструмент удобней, коснулся струн. Забренчали фальшивые мотивы безызвестной песни, которую парень с хвостиком натужно загорланил:

Хмельная!

Меня обворожила, сама того не зная,

А после вылезла в окно, да вся нагая,

И под дождём идёт теперь босая!

Хмельная!

Собравшиеся у костра скривились, невольно зажав уши руками. Вокальные данные Коли оказались немногим луч-

ше, чем у Павлина из мультфильма про Мюнхгаузена. Прерывать друга, правда, никто не стал, дав ему возможность закончить болезненное для слуха выступление.

Получив свою долю славы и робких аплодисментов, Беляков как истинный артист поклонился и, опустившись обратно на стул, полюбопытствовал:

– Ну как Вам?

– В целом очень даже ничего... – вымучил качок с кривой улыбкой.

– Весьма цепляет, – пожевав губы, закивала девушка.

– Только следует подтянуть вокал и поработать над подачей, – мягко указал на ошибки Борис, что в более жёсткой форме продублировал хохотнувший Томас:

– Короче, Колян, народ опасается, кабы на твои завывания волки не сбежались.

– Всегда-то тебе надо выделиться, – покачал головой Коля.

– Без обид! Просто я засиделся. Пора разогнать кровь по жилам! – разъяснил Азикиве и предложил. – Давайте рубанёмся в баскетбол? Я мяч всегда с собой вожу!

– Валяйте! Только без нас с Деном, – поставила условие Бурова.

– Почему?! – искренне поразился Маслов. – Я люблю баскетбол.

– А я люблю тебя и нам необходимо поговорить. Наедине, – заявила Даша.

– Разве долго в сторонку отойти?

– Вообще-то я хотела с тобой прогуляться...

– Чего у тебя сегодня за всплески “хотений”? То одно взбредёт в голову, то другое...

– Это важно!

– Денчик, ты реально тугой или прикидываешься? – вклинился в беседу Беляков.

– В смысле? – похлопал глазами качок, поёрзав на прохрустевшем брезентовом сиденье.

– Тебя девушка в лес зовёт уединиться, а ты дурачка включаешь, – донёс суть странного поведения дамы одноклассник с хвостиком.

– Вы не совсем правильно меня поняли... – помассировала лоб Бурова.

– Да ладно, мы же взрослые ребята, – прищёпнул губёхами афроамериканец и, вытянув их бантиком, разоблачающе поиграл бровями.

– Заметно. Серьёзностью от Вас за километр разит, – парировала сарказмом Даша.

– Это Том, засранец, вторую неделю не моется, – подколот друга Коля.

– Молодец, самоутвердился, – ответил Азикиве.

– За волков отыгрался, – просветлел улыбкой довольный как слон Беляков.

Пока друзья вели диалог, девушка решительно схватила Маслова за руку и молча потащила за собой, вынудив его

покинуть пригретое место.

Похищаемый властной Буровой качок нехотя потелепал в сторону забора. Отдаляясь от костра, он растерянно обернулся на своих товарищей, каждый из которых поддержал его жестом: Борис поаплодировал, Том поднял вверх большой палец, ну а Коля – средний.

Ограждение имело внушительную брешь – участок из двух соседних секций, поваленных на землю. Через образовавшуюся дыру парочка вышла за территорию “Тайника Лешего” и, отыскав плохо различимую в траве тропинку, побрела по ней размеренным шагом.

42

Трофимов застыл на вершине склона, откуда открывался прекрасный вид на Малые Дуки, окончательно освободившиеся от чар ночи. Редкие сосны и ели, произрастающие на подъёме, остались позади, а перед офицером возникла плотная стена деревьев, начинающих густой лес, от чьих мрачных глубин несло холодным дыханием смерти.

– *На что-то наткнулись?* – голосом Дубовцева прошипела рация в нагрудном кармане милиционера, который извлёк её оттуда и ответил:

– Нет. Просто немного замечтался.

– *Всё в норме?* – справился запорожец, ощутивший волнение товарища.

– А как может быть иначе, когда идёшь к монстру на пикник? – отшутился Алексей и, убрав рацию обратно, опустил

дробовик на засыпанную жёлтыми иголками землю, после чего недоверчиво изучил всученный ему Арсением шприц.

Какой бы сомнительной не казалась затея накачать себя этой дрянью, лишаться потенциального преимущества также не хотелось. Поэтому, поёжившись от неконтролируемого отвращения, мужчина снял с иглы колпачок и воткнул её в бедро, введя сыворотку.

Инъекция оказалась крайне неприятной, однако Трофимов перетерпел разразившую ногу боль, поднял пушку и, отбросив шприц, вошёл в чащу.

Вскоре, по мере продвижения по дебрям, утренний свет начал постепенно угасать, с трудом пробиваясь сквозь разлапистые хвойные заслонки.

Воздух здесь казался свежей и иногда на земле ещё встречались нерастопленные снежные островки, до которых не добрались тёплые весенние лучики.

Дубовцев периодически координировал майора, наводя того на нужный курс.

Маячок показывал, что тварь до сих пор крутилась недалеко от места, где покоилась бóльшая часть кибернетического отряда, и складывалось впечатление, будто зверь ждал Алексея, дабы похоронить его среди останков железных вояк.

На полпути к цели офицер почувствовал себя неважно. Он тут же присел на подвернувшееся поблизости бревно и, подперев подбородок прикладом “Ремингтона”, отрапорто-

вал в рацию:

– Сеня, твоя эссенция... кажется, из-за неё у меня перед глазами какие-то вспышки мелькают. От них слегка покачивает, а я, на секундочку, не космонавт.

– *Не переживайте,* – успокоил казачок. – *Это побочный эффект, он скоро пройдёт.*

– Очень надеюсь, – мотая головой в попытке избавиться от галлюцинаций, сказал мужчина. – Иначе чёртов стимулятор только облегчит мортериду и без того простую задачу.

– *Или спасёт Вам жизнь,* – парировал оператор, на чём переговоры себя исчерпали.

Трофимов прикрыл глаза, подышал чистым воздухом и спустя несколько минут его действительно отпустило.

Твёрдо встав на ноги, милиционер продолжил своё опасное путешествие по бескрайнему лесу и спустя десять минут набрёл на клочок изувеченной сражением почвы, обнаружив там втоптаный в грунт флаг с эмблемой “ИИ” и тела павших бойцов: Пехотинца, Арбалетчика и Шута. Подойдя к первому, Алексей вытащил у него из руки кистень и, непринуждённо взмахнув им, одобряюще кивнул:

– Ого! Походу Сенино зелье и впрямь работает! Иначе я бы не потягал эту штуковину так легко...

Впрочем, данный вид оружия майор использовать не собирался и посему оставил его рядом с Ударником.

– *Осторожно!* – сообщил по рации Дубовцев. – *Цель замерла впереди, метрах в двухстах от Вас.*

– Меня, чучело, почуяло, – оскалился воодушевлённый действием сыворотки офицер и, покинув раскуроченный земельный пяточок, направился напрямиком к врагу.

– *Лёша, умоляю, возвращайтесь к нам живым*, – вклинила свою просьбу Олеся, после чего запорожец взялся за обратный отсчёт:

– *Сто метров.*

Дистанция стремительно сокращалась, и сердце Трофимова билось всё тревожней, ведь он ни разу не имел дела с таким противником. Преступники, конечно, люди опасные, но в данный момент казалось, что лучше бы они, чем огромная склизкая зверюга, руководствующаяся лишь своими первобытными инстинктами.

– *Пятьдесят метров...*

Страх окутывал офицера всё сильнее, парализуя каждый его мускул. Движения становились неуверенными.

– *Двадцать...*

Милиционер очень близко подобрался к цели и теперь силится разглядеть меж стволов кого-то ростом примерно с медведя, про себя отмечая:

“Мортерид ни за что не простит мне ошибок”.

В воздухе появился тошнотворный запах, нехило ударяющий в голову, а почва под ногами сделалась совсем сырой. Впереди раскинулось болото.

– *Пять метров. Он прямо перед Вами...*

Деревья расступились, и Алексей очутился на берегу тря-

сины, где сохранились только больные осыпавшиеся сосны.

– Я никого не вижу, – растерянно отчитался в рацию майор и, с недоумением осмотревшись по сторонам, нашёл под одним из серых покосившихся стволов близ водной кромки жучок. – Дерьмо...

– *Что случилось?* – спросил Арсений.

– Тварь избавилась от трекера. Потому метка и не двигалась...

– *Вот блин! Нарисовалась очередная проблемка.*

– Тихо! Кажется, я слышал какой-то звук...

Трофимов насторожился и предельно сконцентрировался.

Заметив высунувшиеся из воды шипы монстра, он издал протяжный оглушительный вопль и резко направил на прожилованные пластины дуло дробовика, произведя по ним три выстрела, поднявших столбы водяных брызг.

БАХ! ЧИКЛАК! БАХ! ЧИКЛАК! БАХ! ЧИКЛАК!

Над болотом разлетелись щепки, дав офицеру понять, что его мишенью оказались безобидные коряги, почудившиеся ему выростами на горбе чудища.

Тяжело дыша, мужчина опустил оружие и констатировал:

– И феи перед глазами запляшут, когда весь на взводе...

Милиционер ещё раз внимательно изучил водоём и не обнаружил ничего примечательного, однако едва ему стоило отвернуться, как трясина у самого берега забурлила, и оттуда возникло то самое жуткое существо с арбалетным болтом

в башке.

Под громогласный рёв оно накинлось на Алексея со спины, обрушив на него когтистую лапу.

Тело майора среагировало раньше, чем до него дошла команда мозга, и метнулось в сторону, увернувшись от смертельного удара.

“Чудо-сыворотка!” – восхитился сгруппировавшийся Трофимов и, осуществив следующий кувырок, шарахнул по вылезшему на сушу одноглазому монстру из лежачего положения.

БАХ! ЧИКЛАК!

Дробь зацепила плечо зверя по касательной, на мгновение затормозив свирепую махину.

Соскочив с земли, офицер бросился бежать. На ходу он достал рацию и объявил в неё:

– Русалочка отыскалась и преследует меня! Веду её к Вам! Готовьтесь!

– *Мы готовы!* – осведомил Дубовцев и добавил. – *Не сворачивайте с данной траектории, она ведёт прямо к нам.*

– Этот участок пути я ещё помню, – промчавшись мимо кладбища киборгов, заявил милиционер. – Скажете, если собоюсь...

– *Мы всегда на связи! Удачи!* – пожелала Лавринайтис и рация замолкла, отправившись в нагрудный карман.

Тяжеловесная тварь не отставала, передвигаясь агрессивными скачками. Стремглав несущийся Алексей выжимал из

себя все силы, коих, к слову, в нём явно прибавилось. Кабы не сыворотка, он бы уже давно выдохся, тем более в свои-то годы. А тут хоть бы хны. Да и по скорости майор ничуть не уступал догоняющему.

Лес мелькал тёмно-зелёными пятнами и шуршал задеваемыми мужчиной ветками. Изображение слилось со звуками в однородную тягучую массу, залепившую Трофимову глаза и уши, и вскружившую ему голову, отчего он перестал ориентироваться на местности. Правда, рация молчала, и, значит, отступал беглец в правильном направлении.

Офицер не оборачивался. Следующие за ним по пятам хищные звуки не утихали, помогая удостовериться в том, что ископаемое до сих пор позади.

Изматывающие догонялки в духе “Тома и Джерри” разбавило сообщение Арсения:

– Вы малость отклонились от курса. Поверните на тридцать градусов влево!

Алексей молча взял нужный угол. Существо без раздумий ринулось в ту же сторону и постепенно стало достигать жертву.

Похоже, действие сыворотки заканчивалось.

“Как не вовремя” – стиснув зубы, мысленно посетовал милиционер и с наскока неожиданно ухнул в какой-то заросший жухлой травой деревянный люк, чьи гнилые доски с треском проломились, отправив выронившего “Ремингтон” служивого под землю.

Монстр нырнул вслед за ним, но диаметр проёма оказался слишком маленьким для такой грузной туши и потому он лишь врубился своей уродливой мордой в обод конструкции, в бешенстве заскоблив по нему когтями.

– Аааааа!!! – кубарем скатываясь вниз по каменному желобу, безотчётно орал Трофимов, пока не достиг дна тёмной сырой пещеры...

Тем временем...

Связь с майором оборвалась: рация молчала, а сигнал с его жучка больше не отображался.

– Приём! Приём! Вы меня слышите? – тщетно повторял Дубовцев в микрофон, тогда как Олеся, скрестив пальцы на руках, в надежде шептала:

– Лёша, прошу, ответьте!

К сожалению, мольбы девушки услышаны не были, и голос офицера так и не раздался в грузовом отсеке “Форда”. Вместо него прозвучал тяжёлый вздох сидящего на корточках Забита.

Рядовая покинула фургончик, завалилась на тюки сена, после чего, посмотрев под своды сарая, обхватила голову руками. Её глаза повлажнели, но она тут же взяла волю в кулак и, похлопав ресницами, не дала чувствам взять верх. Внутренний стержень не позволял Лавринайтис проявлять слабость, особенно во время несения службы, хотя на душе и скребли кошки.

За тот непродолжительный период, что сотрудница мили-

ции знала Трофимова, она успела проникнуться к нему искренней симпатией. Да и как не зауважать того, кто, несмотря на тягость обстоятельств, продолжал мужественно выполнять свой долг и рисковать жизнью ради спокойствия окружающих? В глазах Олеси Алексей стал настоящим героем, доказавшим, что даже один человек способен изменить многое. По крайней мере, он попытался... В отличие от её гнусного начальника Колесникова, который сейчас сидел в уютном кабинете и, наверное, уже подыскивал себе новую помощницу взамен “почившей” прежней.

– Боюсь, чуда нам ждать не стоит, – с каменным, будто у агента похоронного бюро, лицом заявил казачок, вылезший из “Транзита” вслед за поникшим азербайджанцем.

– Выходит, теперь остались только мы, – сдерживая дрожь в голосе, подвела статистику вставшая с места девушка.

– Нет, – не согласился Арсений. – Есть много недовольных тем, что здесь происходит.

– Кто? – не сообразил Джафаров.

– Простой народ! Жители этой деревни, – пояснил запорожец. – С незапамятных времён на их родной земле творились ужасные вещи, отравляющие им жизнь и держащие в постоянном страхе! Уверен, они давно точат зуб на лесное чудище. Их лишь нужно воодушевить и направить. Подберём правильные слова и получим серьёзное численное превосходство...

– Не думаю, что ввязывать людей в войну хорошая идея, –

не одобрила рядовая.

– А какой у нас выбор? – развёл руками Дубовцев.

– Свернуть операцию и улететь в другую страну, – предложил альтернативу Забит.

– Буквально только что от лап твари, сведшей в могилу твоего друга, погиб офицер милиции, с честью отдавший свою жизнь ради мира в этой тихой деревушке. Вот, значит, какую благодарность он, по-твоему, заслужил? – пристыдил студента казачок.

– Я тоже за мир! – обиженно ответил азербайджанец. – Только не такой ценой...

– За мир всегда платят самой дорогой монетой, – хмуро сказал Арсений. – Если хотим выиграть, пора выпустить копившийся годами гнев толпы...

– Ладно, делай, как знаешь, – согласилась Лавринайтис, добавив. – Я тоже постараюсь увеличить наши шансы на успех...

43

Милицейская “пятнашка” остановилась у края бетонного причала, близ которого на мели раскорячилась переделанная под бар яхта с размалёванными рваными парусами и красочной вывеской **“СЫТЫЙ МОРЯК”**.

– И зачем, спрашивается, мы с собой автоматы взяли? Я ведь по пьяни в кого-нибудь из посетителей этого кабака точно пальну! – гоготнул Агеев с дебильной ухмылкой на лице.

– Можешь утешить свои почки. Мы сюда не выпивать при-

ехали, – серьёзно ответил Сергеев, заглушив двигатель.

– Тогда какого лешего ты нас с собой взял? – искренне удивился старший прапорщик, поглядев на старшину Эмиля Дьякова с сержантом Никитой Зининым, развалившихся на заднем сиденье со своими АКС-74У.

– В усиление, – пояснил Павел. – Я ж не Рэмбо. А обстоятельства могут быть разные.

– Между прочим, наше дежурство уже закончилось! – напомнил Лев старлею. – Выкладывай, чего стряслось?

– В общем, пришли результаты экспертизы, и нам удалось установить личность убийцы того эмо-паренька. Им оказался Костин Борис Янович, – сообщил Сергеев.

– Погоди-ка... Это тот, о ком я думаю? – не удержался от вопроса Дьяков.

– Думают следователи. Опера лишь корчат устрашающие рожи и строчат из пушек, – поправил коллегу старший по званию.

– Мы ведь, Пашка, сейчас обидимся, – пробубнил Зинин.

– Ты ещё себе юбочку прикупи. Как девчонки, честное слово, – покачал головой Сергеев.

– Надоели! Давайте по существу, – предложил рассерженный Агеев.

– Ну, я и спрашиваю, Костин – известный писатель? – недовольно повторил Эмиль.

– Именно он, – подтвердил старлей.

– Блин... чёт не верится. Я ж все его книжки скупаю! –

признался Дьяков. – Слог у него лёгкий. . .

– Я бы сказал воздушный, раз заставил тебя взять в руки хоть какое-то чтиво, помимо “плейбоя”, – подколот коллегу Павел.

– Иди ты, – надулся Эмиль, на что следователь со Львом хохотнули.

– Я одного не понимаю. . . “Сытый моряк” тут при чём? – почесал репу Никита.

– Мы разослали ориентировку в прессу, а также работникам такси. И один из водил связался с нами. Он опознал подозреваемого, которого вёз вместе с девушкой отсюда до того самого дома, где произошла бойня. Я рассчитываю, что в данном заведении у нас получится нарыть какую-либо информацию о преступнике, – изложил суть Сергеев.

– Политикой грубой силы, полагаю? – догадался Агеев.

– Вы разве умеете иначе? – улыбнулся Павел и вылез из машины.

– Ох, дошутится он однажды, – переглянувшись с товарищами по работе, цокнул Лев, после чего оперативники дружно покинули салон ВАЗа и следом за старшим лейтенантом отправились на судно по деревянному трапу.

Вооружённая группа пересекла палубу и спустилась в трюм посуды по винтовой лестнице.

Шум в баре, стилизованном под морскую тематику, тут же сошёл на “нет”. Все посетители напряглись и замерли, враждебными взглядами сверля вошедших представителей зако-

на. Не затихло только пианино, по чьим клавишам бегали пальцы искусного музыканта.

– Ну что, крысы трюмные! Кажется, Вы приплыли! Корабль сел на мель, поэтому... разрешаю Вам сойти на берег, малость просохнуть! – огибая столы, выполненные в виде штурвалов, поострил над отдыхающими Сергеев и, вместе с компанией оперативников добравшись до барной стойки, погружённой в свет празднично мерцающей гирлянды, уселся на высоком стуле.

– Честь имею, джентльмены! Вам текилу или виски? – бесстрастно поинтересовался бородатый мужчина, мусолящий сигару по другую сторону перегородки.

– Хм... а что предпочитает Боря Костин? – вскинул бровь Павел. – Плесните того же.

– Каждого поимённо не знаю, – прогнусавил бармен.

– Даже такую звезду? Что ж, освежите память, – протянув пузатому мужчине фото с изображением известного литератора, ответил старлей, за спиной коего толпились трое крупных автоматчиков в форме.

Бармен изучил карточку и, скорчив задумчивую физиономию, заключил:

– Ни разу его не видел...

– Давно заучили эту фразочку?

– Слушайте, коль заказывать ничего не собираетесь – проваливайте! Не мешайте работать!

– Вообще-то, я сделал свой заказ.

– А я дал понять, что не знаю никакого Борю. Довольно трепать мне нервы!

– Мы ведь можем надавить. Только с какой стати Вам рисковать своим здоровьем из-за убийцы? Если Вы, конечно, не его сообщник...

– Вы, верно, переутомились, офицер. Посоветую Вам “Куба либре”, вернёт в тонус!

– Пряником, значит, не желаете... – прищурился почесавший подбородок Сергеев, пожал плечами и достал из кобуры пистолет.

Когда рука старлея плавно легла на барную стойку и направила дуло оружия на дымящего сигарой мужика, второй ехидно улыбнулся:

– Нехрен мне угрожать, служивый! Иди лучше законы почитай...

– Какой недоброжелательный персонал, парни, – обернувшись к своему вооружённому сопровождению, резюмировал Павел. – Видимо, нам придётся обслуживать себя самим. Кому чего хочется?

– Не откажусь от коньячка, – поделился своим предпочтением подыгравший сержант Зинин.

– Отличный выбор, – подмигнул ему офицер и, прицелившись, выстрелил по одной из бутылок на барной полке, от чего склянка разлетелась вдребезги, а сам Сергеев иронично это прокомментировал. – Ой, пролил...

Голос пистолета вынудил смолкнуть пианино. Выступаю-

щий на крохотной сцене музыкант захлопнул крышку инструмента и, не вставая с банкетки, возмущённо повернулся, крикнув:

– Эй, бескультурщина! Я тут как бы играю! Не стыдно?

– У тебя официальный перерыв, Чайковский! Свободен! – сообщил обозлённому маэстро Агеев.

– Вы народу-то погоду не портите, – попросили уже из зала, следом за чем послышалась недовольная женская реплика:

– Да они совсем офигели!

– Мы не на дебатах, господа, так что прикройте свои рты! – рявкнул Лев, машинально отыскав указательным пальцем спусковой крючок. Насторожились и остальные оперативники. Плотнo закрыв своими телами следователя, они чуть приподняли “калаши”.

– Прекратите беспредел, козлы! – освистали сотрудников милиции посетители.

– И не трогайте Мирона! Иначе будете иметь дело со мной! – поднялся из-за стола какой-то пьяный неандерталец, затем покосился на сидящих за его столом друзей и, похлопав их по плечам, исправился. – С нами!

– И с нами! – поддержала выступление храбреца компания за соседним столиком.

По итогу против представителей закона восстали практически все, кто находился в “Сытом моряке”. В сторону милиционеров полетели попадающиеся под руки раздражён-

ным людям предметы, в основном, посуда и еда.

– Гадство... я буквально на днях форму постирал! – сквозь зубы процедил сержант Зинин, стряхивая с себя ошмётки пищи.

– Радуйся, что до тебя десерт долетел, а не какая-нибудь дрисня, как, например, до меня, – скуксился Агеев и отбил локтём ложку.

– Это карбонара, прапор, – установил старшина Дьяков, облизавший палец, который он обмакнул в еде, уделавшей штанину коллеги.

– Ты величайший сыщик, Эмиль! – хохотнул Павел и, вытянув голову над сгрудившимися вокруг него автоматчиками, прогорланил толпе. – Попросите Вашего драгоценного бармена стать сговорчивей и тогда мы в скором времени покинем бар!

– Поцелуй себя в задницу, чмо! – отозвался кто-то из гудящей людской массы.

– Мне б твою шею! Со своей вряд ли дотянусь, – увернувшись от помидора, пошутил старлей и вновь склонился к мужику за стойкой. – Дружище, если ты считаешь, что мне нравится крушить твою харчевню, то ты ошибаешься. Я лишь хочу, чтобы ты оказал нам содействие. По вине разыскиваемого погибли два подростка.

Бармен нервно сглотнул слюну и полюбопытствовал:

– Среди них была девушка, косящая под эмо?

– Она разбилась после падения с седьмого этажа, – кивнул

явно приободрившийся Сергеев, вернув пистолет в кобуру.

– О, Боже... – обескураженно прошептал мужчина и задёргал глазом.

– Костин уехал отсюда вместе с ней? – продолжил копать Павел, деловито сложивший руки замком.

После паузы бармен озадаченно пошевелил бородой и, покусав губы, ответил:

– Да. Я вызвал им такси...

ТУДУХ! – прогавкал “калаш” Льва, пальнувшего по настенному корабельному светильнику. Предмет декора рухнул на кого-то из проспиртованных бунтарей, расположившихся в тылу, и вызвал болезненный взвизг пострадавшего.

– Агеев, отставить стрельбу! – приказал оторванный от разговора со свидетелем Сергеев.

– Тогда поторопись! Они нападают! – отозвался старший прапорщик и, оттолкнув ногой вцепившегося в ляжку его автомата озлобленного клиента бара, гаркнул подошедшей к ним вплотную неадекватной кучке. – Кто тронет меня ещё раз, получит по зубам!

Негодование Льва разделил прорычавший справа от него Никита, легко пихнув АКС-74У очередного безбашенного мятежника и сопроводив это лаконичным посланием:

– Держи дистанцию, пьянь!

Поддавливающие оперативников гости заведения не обошли стороной и Эмиля. В попытке оттеснить сотрудников милиции от владений Мирона, на старшину навалились сра-

зу двое, однако он не сплеховал и завалил перебравших мужиков на руки своим единомышленникам из второго ряда.

Тут в дело вмешался Павел. Офицер взобрался ногами на барный стул, где сидел, и, перекрикивая пьяный гундёж, сказал:

– Завершить abordаж, морячки! Официально заявляю – мы с хранителем алкоголя нашли общий язык!

– Запугать – не значит найти общий язык! – донеслось любопытное изречение с противоположного конца трюма.

– Спасибо, друзья! Я в полном порядке! – выглянув из-за милицейского оцепления, благодарно помахал равнодушным Мирон и снисходительно добавил. – А с них сегодня, пожалуй, достаточно...

Натиск защитников бара, наконец-то, спал и представители закона облегчённо выдохнули. Разбушевавшиеся посетители разбрелись по своим местам, напоследок-таки одарив людей в форме презрительными взглядами.

Следователь вернулся в сидячее положение, зачесал волосы на бок и только намеревался возобновить разговор с барменом, как в его кармане заверещал мобильник.

– Вы не против, если я воспользуюсь паузой и накачу стопарик? – спросил разрешение Мирон.

– Вообще-то, я не хотел отвечать на звонок, но раз Вам надо привести мысли в порядок... – пожал плечами Сергеев, выживая из брюк телефон.

– Замечательно! – хмуро кивнул бармен и, небрежно на-

полнив рюмку водкой, жадно опрокинул её.

Старлей взглянул на экран сотового. Ему звонил недавно внесённый в контакты абонент **“Олеся Лав”**.

– Лавринайтис? – взял трубку офицер. – Я скоро всерьёз решу, что у нас с тобой служебный роман...

– *Оставь свои подкаты до лучших времён, ковбой,* – попросила девушка. – *Сейчас не до них...*

– Отчего такой расстроенный голос? – уловил дурной знак следователь.

– *Мы совсем потеряли контроль над ситуацией, Паша. Нам нужны новые силы и оружие. У нас потери, мы...*

– Так, давай по порядку. А лучше передай трубку Алексею Викторовичу. Я о многом хотел его расспросить.

На другом конце провода повисло пугающее молчание.

– Ну? Где там Алексей Викторович? – нетерпеливо уточнил Сергеев.

– *Паша, он...он больше не рядом...* – тяжело вздохнув, отпартовала рядовая.

– В каком смысле?! – спрыгнул с барного стула обеспокоенный старлей.

– *Алексей Викторович пропал,* – раскрыла горькую правду Олеся. – *И мы не уверены, жив ли он вообще...*

Следователь обмер и одарил своих недоумевающих коллег взглядом контуженного солдата. Его рука, прижимающая к уху телефон, медленно опустилась вдоль брючины. Пальцы дрогнули, однако аппарат из них не выскользнул.

– Хей, что с тобой? – справился Агеев у товарища.

Офицер не нашёл слов, чтобы ответить. Лишь разлепил сохшиеся губы перекосившегося рта и, нервно подалбливая по полу каблуком, беспомощно покрутил глазами.

– *Паша, слышишь меня?* – донеслось из прижатого к ноге сотового. – *Ты нам очень нужен!*

Сергеев вышел из ступора, вернул телефон к уху и, недолго поразмыслив, сказал:

– Он жив! И не из такого дерьма выбирался!

– *Мы все хотим в это верить,* – призналась Олеся.

– Я не верю. Я знаю! – твёрдо заявил старший лейтенант и совершенно неожиданно для окружающих направился к выходу из бара.

Такой поворот поверг в шок всех без исключения. Несколько минут назад казалось, что милиционер не покинет заведение, пока не выведает нужную ему информацию, а теперь он с полным безразличием, потеряв всяческий интерес к допросу, взбегал по винтовой лестнице на верхнюю палубу яхты.

Вслед за Сергеевым из **“СЫТОГО МОРЯКА”** удалились и оперативники.

– *Слушай, Паша, сейчас мы стараемся стянуть на бой с тварью все силы и будем благодарны, если ты...* – начала упрашивать следователя девушка, когда он резко оборвал её:

– Мне не обязательно выписывать особое приглашение. Считай, я уже в пути.

– Не думала, что так обрадуюсь встрече с институтским знакомым. Хоть и при подобных обстоятельствах...

– Я еду туда не на тебя любоваться, а искать майора...

– Оружие раздобудешь? Нам бы не помешало.

– Арсенал не обещаю, но по пути я загляну в оружейную комнату ОВД. Надеюсь, мне удастся свистнуть оттуда несколько автоматов.

Офицер сбросил разговор, сунул сотовый в карман, залез в “пятнашку” и, дождавшись остальных, тронул к участку.

44

Том неуютно поёжился и покрутился на прохрустевшем брезентовом сиденье. Его не покидало чувство, что заброшенные строения “Тайника Лешего” оживали и украдкой следили за ним, пока он отводил взгляд в другую сторону. У этих зданий, чьи фасады напоминали лица прокажённых, был безобразно-жуткий вид. Потревоженные людьми мумии из кирпича и цемента словно враждебно кричали: “Уходите!”. И сему приказу хотелось подчиниться беспрекословно.

– Эй, дружище, ты чего такой хмурый? – справился у вздрогнувшего афроамериканца хвостатый.

– Наверное, думает, как кстати бы сейчас пришлась запечённая в угольках картошечка да жаренная свининка, ещё и под коньячок, – мечтательно произнёс Костин и, шмыгнув носом, подкинул веток в костёр.

– Не трапезничать мы сюда приехали, – забухтел насупившийся Азикиве. – В подобном месте еда поперёк горла вста-

нет...

– Смотря каким коньяком запивать, – пошутил писатель и поворочал хворост в костре лежащей рядом палкой.

– Честно, у меня уже пропало желание снимать фильм, – прищуривая разъедаемые дымом глаза, признался парень с дредами. – Дурацкая была идея...

– Попробуй озвучить то же самое Даше, – хохотнул Беляков.

– Ай, ну её. Пойду себя хоть как-то успокою, – прогнасивил Томас и отошёл к маршрутке.

– Засунь лучше свои успокоительные подальше, пока этого не сделал я! – посерьёзнул Коля, погрозив другу пальцем.

– Расслабься. Я за мячом, – разъяснил чернокожий, достав из ГАЗели любимый спортивный атрибут оранжевого цвета и направившись с ним к заросшему баскетбольному полю.

Площадка различалась лишь по ржавеющим на её краях старым покосившимся стойкам, куда взобрался прошлогодний вьюн и, достигнув дырявого щита, перехлестнулся через него, в конечном итоге засохнув на оставшемся от корзины кольце.

Понабивав сферический снаряд о землю, Томас недолго покрутил его на указательном пальце, затем ловко пропустил под каждой ногой, следом отработал контроль над ним в согнутом положении и бросился в нападение, комментируя свои действия:

– Азикиве ведёт мяч! Какой шикарный дриблинг демонстрирует этот перспективный игрок! Невероятно! Он виртуозно обходит одного соперника, другого, оставляет не удел третьего и...забывает!

– Показушник, – усмехнулся наблюдающий издалека Беляков.

– Но с шариком обращается неплохо, – оценил Борис. – Заснимем сцену, где он посылает мяч в корзину, а потом подрисуем вместо шара оторванную голову...

– Уже знаешь, о чём поведает зрителю наше многострадальное кино? – предположил Коля, пододвигая свой стул поближе к писательскому.

– Есть у меня несколько любопытных неиспользованных ранее заготовок. Их лишь надо грамотно адаптировать к имеющимся у нас в распоряжении локациям, – ответил автор романов.

– Я смотрю, у тебя много идей наперёд?

– Хватает. У любого хорошего писателя их должно быть в изобилии. Как и запала для смелой импровизации.

– Раз так, может, придумаешь нам на ходу какую-нибудь страшилку?

– Хочешь своего чернокожего друга в могилу свести? Страшную историю Вы ещё получите во время съёмок. А пока, дай-ка лучше продемонстрирую, как надо брэнчать на твоей коротышке... – протянув руку к музыкальному инструменту, предложил Костин.

– Ты и на укулеле играть умеешь? – поразился Беляков, несколько расстроенный тем, что здесь в музыке разбирается не он один.

– Талантливый человек талантлив во всём! – изрёк известную мудрость Борис и, переняв у парня с хвостиком гавайскую гитару, защипал струны.

Зазвучала задорная мелодия. Костин воспроизвёл её не идеально и местами весьма фальшиво, однако показал игровые навыки не хуже, чем у владельца инструмента.

– Сейчас забацаю кое-что покруче, – выдернув укулеле из рук писателя, пообещал разъедаемый завистью Коля и под лёгкие мотивы затянул:

Lady, running down to the riptide
Taken away to the dark side
I wanna be your left hand man
I love you when you're singing that song and
I got a lump in my throat cause
You're gonna sing the words wrong.

– Ахах! Серьёзно? – вскинул бровь развеселившийся слуга пера.

– Ты что-то имеешь против Вэнса Джоя? – оторвав пальцы от струн, ревностно прищурился красноволосый.

– Скорее, против твоего карикатурного подражания ему. А так...я просто обожаю эту песню! – не утаил Борис.

– Хоть в чём-то у тебя имеется вкус, – иронично закатил глаза Беляков, после чего резко обернулся на крик “Лови пе-

редачу!” от стремительно приближающегося Тома.

И он её поймал. Очень даже героически. Лбом.

Баскетбольный мяч пробил с такой силой, что Коля опрокинулся на землю вместе с раскладным стулом и едва удержал рефлекторно прижатую к груди гавайскую гитару.

– Совсем охренел?! – беспомощно подрыгивая ногами, гневно выпалил хвостатый.

– Реакция у тебя ниже среднего, тренировать надо, – дал экспертную оценку Азикиве.

– Соображалка у тебя ниже среднего! – огрызнулся Беляков и, поднявшись, отряхнулся. – У меня в руках укулеле вообще-то была! Если бы она сломалась, ты бы побелел!

– Чувак, я всего лишь хотел тебя немного растормошить! – оправдывался афроамериканец.

– Растормошить и наградить сотрясением мозга – разные вещи! – разграничил понятия Коля, подобрал валяющегося под ногами оранжевого вышибалу и зарядил по нему с ноги, непреднамеренно отправив того на крышу ближайшего корпуса. – Ой...

– Блин, ты чего наделал?? – схватился за голову Томас.

– Согласен, малость промазал, – виновато почесал затылок красноволосый парень.

– Да нет, как раз-таки попал! – гоготнул Костин.

– Зато теперь мы точно квиты! – развёл руками Беляков.

– Нифига не квиты! Так не делается! – запротестовал обиженный Азикиве. – Иди, доставай!

– С какого перепоя?

– У меня аллергия на заброшенные здания...

– Ничего правдоподобного в думалку не пришло?

– Я по чесноку говорю! Некомфортно мне туда лезть...

– Как же с тобой сложно... Ладно, уговорил. Поднимусь за мячом. Всяко лучше, чем слушать твой гундёж, – заключил Коля и, перепрыгнув через искусственный пруд, недовольно побрёл к обшарпанному первому корпусу с сохранившейся номерной табличкой на углу лицевой стены.

Взбежав по ступенькам на высокое крыльцо, хвостатый проследовал внутрь здания через пустой проход, больше не преграждаемый треснувшей поперёк дверью, которая, отклонившись в сторону, висела на свёрнутой петле.

Нижний этаж, разграбленный мародёрами, пустовал, сверкая солидными выбоинами в стенах. О тумбочках, диванах, скрученных люстрах и прочих предметах интерьера напоминали лишь их крохотные обломки, дорожки опилок и пошарканные косяки выхода, оставшиеся после неаккуратной поспешной транспортировки. Руки падких людей не добрались разве что до гардеробной стойки. И та, к слову, выглядела прискорбно: вся покоцанная и облезлая. Из любопытства парень заглянул за неё и, обнаружив там кровать из небрежно накиданных горой вонючих тряпок, чуть не выблевал завтрак. Видимо, здесь когда-то ночевали и, судя по запаху, неоднократно испражнялись.

Коля быстрым шагом прохрустел по керамическим оскол-

кам, носками ботинок распинал высыпавшуюся из разбитых цветочных горшков землю и ступил на бетонный марш. Казалось, что хлипкие перила рисковали обвалиться при первом же самом лёгком прикосновении, поэтому Беляков не стал опираться на них, проскакав через три ступеньки до второго этажа, где на площадке имелась лестница на крышу.

Взобравшись под потолок, красноволосый упёрся в люк макушкой, после чего брезгливо поддавил его руками, однако тот не поддался. Тогда молодой человек треснул по нему сильней, уже кулаком. Заслонка дрогнула, осыпав Колю пылью. Спустя ещё несколько попыток вход на крышу с грохотом открылся.

Парень вылез из квадратного проёма и, покорив вершину корпуса, сразу нашёл на её устланной мягкими сорняками поверхности спортивный снаряд. Впрочем, интерес у него вызвал совсем иной предмет, лежащий рядом с мячом. Разряженная пневматическая винтовка, оснащённая оптическим прицелом.

Хвостатый поднял оружие и, изучив его, припомнил, что подобное использовалось для стрельбы снотворным по животным в одной передаче с канала Animal Planet.

– Прикольная штука, – резюмировал Беляков и, подойдя к невысокому бортику крыши, выложенному из красных кирпичей, прильнул к оптике винтовки.

То, что он в неё увидел, заставило парня немедленно прекратить обзорную экскурсию.

Несколькими минутами ранее...

Борис неуверенно встал со стула, нещадно подрал шею ногтями и, слегка пошатываясь и нездорово мыча, двинул в сторону маршрутки.

– Эй, всё в порядке? – насторожился Том, на что в ответ получил лишь враждебное шипение.

Писатель с силой рванул сдвижную дверь вбок, отчего та едва не слетела с рельса.

– Вот же задница! – всплеснув руками, отчаянно воскликнул ринувшийся к ГАЗели афроамериканец и уточнил. – Какого хрена ты творишь??

Костин молча пролез в заднюю часть салона жёлтого фургона, обшарил сиденья, затем, упав на колени, проверил область под ними и со злобой взялся крушить внутренности такси.

– Прекрати, придурок!!! Это машина моего отца! – в грубой форме напомнил засунувший голову внутрь Азикиве, но был вынужден отступить, когда Борис решительно пошёл на него с наливающимися кровью глазами.

Томаса обуял страх, и он, дрожа, смягчил тон:

– Слушай, остынь... Объясни, в чём дело?

– Куда пропал мой свёрток с лекарствами? – проревел фырчащий писатель, надвигаясь на студента.

– Чувак, я не в курсах... – выдавил афроамериканец и оказался бесцеремонно схвачен за грудки, а после резко развёрнут в обратную сторону и рывком прижат к собственному

автомобилю.

– Не прикидывайся, – извергая изо рта пену, процедил Костин и предплечьем придавил нигеру горло. – Захотел халлявной дури? Я же знаю, ты тоже ей балуешься, мозгляк!

– Я не брал, честное слово...зачем мне твоё? – с трудом выговорил Азикиве, закатывая глаза от нехватки воздуха.

– За тем, что ты меня сразу невзлюбил, черножопый! – заявил Борис и, обернувшись на крик “Не трогай моего друга, падла!!!”, получил по лицу пневматическим ружьём, разбившим ему нос и порвавшим губу.

Следующий удар заставил отцепившегося от Тома писателя окончательно потерять равновесие и встретиться расквашенной физиономией с бортом маршрутки, по коему он соскользнул подбородком на колесо.

Произведя контрольное добивание агрессивной цели, неподвижно распластавшейся на земле, Коля отбросил в сторону разломанное окровавленное ружьё и, переведя ошарашенный взгляд на побледневшего одnogруппника, спросил:

– Что случилось?

– Этот псих в конец с катушек слетел...Решил, будто я украл его закладку с наркотой и накинулся, – запинаясь, ответил афроамериканец.

– Видимо, ломка началась.

– Слушай, нельзя эту гниду так оставлять. Он же нас пришьёт, как очнётся!

– И что ты предлагаешь? Сыграть на опережение и при-

шить его первым?

– Нет. Давай закрём где-нибудь и дождёмся Дена с Дашей...

– Фиг с тобой, согласен. Бери за ноги, я – за руки и понесли вон в тот белый домик, – ткнув в здание администрации, разложил план действий Беляков и вместе с другом на “Раз! Два! Три!” оторвал от земли тело потерявшего сознание автора книг.

Оттащив Костина в намеченное строение, они заметались в поисках подходящей тюремной камеры и сочли, что помещение для хранения уборочного инвентаря подойдёт как нельзя лучше.

Борис брыкнулся, постепенно приходя в себя.

– Быстрей! – панически прошептал Азикиве.

– Усмири, наконец, свои нервы! – приструнил товарища более хладнокровный Коля и на пару с Томом поместил нарушителя спокойствия в тесную тёмную комнату, некогда забитую швабрами, тряпками, вёдрами и разнообразной химией.

Затем одноклассники закрыли дверь и подпёрли её найденным поблизости деревянным стулом, своей спинкой заблокировавшим ручку.

Вскоре с обратной стороны раздался неистовый рёв, и дверь заходила ходуном от бешеной долбёжки.

– Открывайте, сволочи!!! – орал из каморки разъярённый голос.

– Поубавишь пыл – выпустим. А пока будь добр отмотать исправительный срок, – разложил красноволосяй.

– Короче подумай над своим паршивым поведением, скотина! – не удержался осмелевший афроамериканец.

– Идиоты! Вы ни черта не понимаете! Мне очень дерьмово! – надрывался заключённый.

– Потерпишь, – пренебрежительно бросил Азикиве.

– Если я не приму дозу... упаси нас всех Господь!

– Денис оказался прав. Он просто сраный наркоман, – поделился с Томом Беляков.

– Денис – придурок! Поверьте, Вам крайне не понравится то, что последует за припадком! Когда я... – не закончил речь Костин и, судя по глухому стуку, завалился обратно на пол.

– Чё притих?! – дерзко выпалил парень с дредами.

– Дешёвая уловка, – оскалился Коля. – Хочет, чтоб мы открыли дверь и проведали, как он там.

– Не на тех нарвался. На такое не ведёмся! – сообщил узнику афроамериканец и легонько пнул дверь.

– Хватит хорохориться. Пойдём лучше в медпункт, – предложил хвостатый.

– Зачем? – не врубился Азикиве.

– Поищем там какое-нибудь успокоительное или снотворное. Может, осталось, – выразил надежду Беляков, на что его друг дал согласие, и они отправились к заброшенному медицинскому корпусу.

Тем временем...

Больше всего он боялся, что однажды превратится в чудовище и его сознание подчинится первобытным животным инстинктам, коими Бориса наградила ещё в детстве кучка учёных под руководством Скворцова. Чёртовы экспериментаторы, поломавшие ему жизнь.

Костин дал себе слово сопротивляться вопреки всему и не допустить, чтобы оно вырвалось наружу. Ведь если тварь возьмёт верх, осуждать за последствия будут его, а калечить свою безупречную репутацию известному автору совсем не хотелось. Поэтому, корчась на полу служебного помещения от болезненных судорог, он старался сдерживать натиск пробуждающегося в нём монстра, хотя прекрасно понимал, что подобными усилиями лишь ненадолго отложит неизбежное.

Его неистово трясло. Кости трещали, конечности выгибались чуть не наизнанку, а изо рта обильно вытекала пена, образовавшая лужу на растрескавшемся кафеле. Одежда не выдерживала трансформаций и местами рвалась, демонстрируя видоизменённое тело носителя.

Писатель отчаянно проскрёб выросшими на пальцах когтями по стене, оставив на ней глубокие продолговатые полосы.

Силы были на исходе. Желание сдаться пересиливало волю к борьбе. И тут он подумал, зачем противодействовать таящейся в нём силе, когда можно направить её в нужное русло и использовать на собственное благо? Ведь люди по

ту сторону двери обошлись с ним слишком жестоко. Они заслуживали самого строгого наказания.

Барьер в голове Бориса, преграждавший демону путь, пал, и его глаза сверкнули ядовито-жёлтым.

В медпункте...

Изнутри здание медпункта выглядело куда лучше, нежели здание первого корпуса, где побывал Коля. Во всяком случае, мебели отсюда растаскали меньше, хотя порой в глаза всё же бросались бреши от пропавших предметов, особенно в фойе.

На большинстве дверей отсутствовали таблички с указанием направленности того или иного специалиста, зато сами двери, как ни странно, остались нетронутыми. Их лишь слегка покорёжило время.

Укомплектованность кабинетов тоже впечатляла: кушетки, аптечные шкафы с лекарствами (в основном, просроченными), ростомеры, весы, ширмы, хранящие необходимое оборудование столы, и стулья – имелось практически всё. Правда, этот факт не помог Белякову с Азикиве найти что-либо подходящее.

Парни заглядывали в каждый встречающийся по коридору кабинет и переворачивали его с ног на голову, тщательно прочёсывая шкафные полки и выдвигаемые ящики столов, однако подобными действиями лишь разводили кошмарный бардак. На пол летели склянки, шумно бьющиеся при приземлении, с поверхностей столов сметались старые пыльные

бумаги, а стулья, вечно мешающие проходу, бесцеремонно переворачивались.

– Нет тут ничего, – резюмировал молодой человек с хвостиком, захлопнув дверцу давно отключенного холодильника процедурного кабинета.

– Не скажи, – возразил афроамериканец и подразнил товарища бутылочкой семидесяти процентного спирта.

– Ну, рискни, распей этот флакончик с Борей. У нас ведь в стране как? Заделался собутыльником и сразу же получил звание “лучший друг”!

– Ага, в случае с ним – посмертно.

– Да, таких неадекватных я ещё не встречал. Даже ухажёр Алисы здесь проигрывает...

– Тоже мне, сравнил...

– Чем тебе не сравнение?

– Всем. Тут вообще Даша виновата. Проблемы начались из-за её прихотей.

– Ох и заладил же ты с Дашей.

– У кого что болит.

– И то верно.

В коридоре раздался отдалённый звук, напоминающий похрюкивание.

– Ты слышал? – спросил Том одноклассника и побледнел в надежде получить отрицательный ответ.

– Угу, – кивнул Коля, подтвердив опасения чернокожего друга. – Я думал, показалось.

– В лагере же никого нет, кроме нас, – дрожащими губами прошептал Азикиве, отошёл вглубь помещения и присел на корточки, схоронившись за кушеткой.

– Может, забрело какое животное, – предположил Беляков и направился к выходу из прививочного кабинета.

– Нет, стой! Вдруг это Борис?! – панически просипел афроамериканец, прильнувший к стене.

– Чепуха, – отмахнулся красноволосый, после чего выглянул в коридор, оказавшийся совершенно пустым. – Походу, наши нервы нороят самолично нарисовать сознанию несуществующую картинку.

– Я уверен, что нам не послышалось! В медпункт однозначно кто-то зашёл, – стоял на своём Томас, не торопясь вылезать из своего укрытия.

Ответить Коля не успел. Его, покрывшегося липким потом, опередил шум, повторившийся уже ближе и прозвучавший отчётливей, нежели в первый раз. Только теперь хрюканье дополняли цокающие шаги.

Беляков попятился назад, по пути стараясь нащупать рукой какой-нибудь предмет для самообороны.

– Нам шах и мат... – выдавил Азикиве, по чьим щекам прокатились слезинки.

– Замолкни! – грубо шикнул хвостатый, подцепив с заставленного биксами столика ножницы и выставив их перед собой.

Следующие мгновения прошли в гробовой тишине.

Красноволосый пристально смотрел на распахнутую дверь и был готов кинуться на любого, кто заявится в кабинет. Руки дрожали от впрыска адреналина, а мысли кашей плавали в черепной коробке и норовили политься из ушей, но Коля знал, что стресс лишь придаст ему сил.

Подозрительное затишье нарушилось громоподобным обрушением части стены, к коей прижимался афроамериканец, свалившийся на пол. Пробитая мощным ударом перегородка осыпалась на чернокожего парня бетонными кусками, и из образовавшегося пролома появилось безобразное на вид существо, чьи влажные ноздри свирепо дышали жаром. В немного сгорбленном монстре со сморщенной, будто после злоупотребления горячей ванной, кожей и выходящим из копчика отростком друзья узнали Бориса. По крайней мере, на нём висели лоскуты одежды, принадлежащей писателю.

– Нет, пожалуйста, не убивайте... – сквозь всхлипы простонал Азикиве, освобождая от обломков стены своё исцарапанное тело, куда на порезы с раззявленной пасти твари падали пузырячатые капли слюны.

– Я предупреждал... говорил, что так будет только хуже... – изменившимся голосом проревел Костин и, фыркнув, опустил на грудь парня тяжёлую лапу в прорванном когтями ботинке. – Вы за всё заплатите!!!

– Попробуй станцевать со мной, страшила!!! – дав петуха, гаркнул Беляков и с оглушительным криком ринулся в бой. Подскочив к Борису, он замахнулся на того ножницами,

однако оппонент оказался проворней и выбил их из его рук, после чего отшвырнул в сторону самого Колю, вылетевшего на улицу через звонко разбившееся окно.

Покуда монстр отвлёкся на красноволосого смельчака, Том скинул с себя оставшиеся куски бетона покрывшимися серой крошкой руками и, перевернувшись на живот, принялся отползать к выходу.

Правда, продвинулся он недалеко. Костин сильным рывком схватил его за дреды и, склонившись к уху зарыдавшего афроамериканца, прорычал:

– Мы ещё не закончили!

– Прости! Мне очень...ааааа...очень стыдно! – кривясь от боли, пролепетал Азикиве. – Давай...ааааа...давай договоримся?

– Без проблем! Только сперва сменим тебе причёску! – ответил оскалившийся Борис и, впившись когтями в чёрную кожу верхней части лба Тома, стал надрезать её по кругу вдоль дредов.

Медпункт наполнился истошным воплем забившегося в агонии афроамериканца. Превратившийся в чудовище писатель сантиметр за сантиметром неровно сдирал живую ткань с головы мучающегося парня до тех пор, пока не снял с него скальп.

– Тооооом!!! – заглянув в процедурный кабинет сквозь оконный проём, в ужас прогорланил Беляков, заставший последние мгновения жизни своего одноклассника, чей без-

волосый труп с окровавленной макушкой распростёрся на полу.

Костин злорадно усмехнулся и издевательски швырнул Коле трофей из кожи и дредов, который второй, поймав, осмотрел трагическим взглядом. Не веря собственным глазам, он трепетно пощупал плотные колбаски тёмных локонов, запачканных кровью, и скрежетнул зубами, зарядившись ещё большей злостью.

– Твоя очередь, хвостатый, – прошипел Борис и, миг оказавшись у окна, сиганул через него к Белякову, успевшему отскочить назад.

– Во что же ты, выродок, превратился? – поразился красноволосый, опустив скальп друга в траву и заодно подобрав массивную суковатую палку.

– В твой ночной кошмар, – ехидно хмыкнул писатель и, шурша легко покачивающейся под лапами растительностью, попёр на врага.

Коля встретил монстра размашистым ударом дубины, пробороздив ему морду острыми сучьями.

Костин взревел и, прикрыв раны одной лапой, не глядя рубанул по Белякову другой. Парень с хвостиком поставил блок палкой, разлетевшейся на части после яростного выпада противника.

Лишившись своего оружия, красноволосый прибегнул к тактическому отступлению, но упёрся в высокий забор. Недолго думая, он полез по металлическим прутьям и по-

что забрался на самый верх, как его грубо схватили за ногу. Полный стремления к жизни Коля всеми силами вцепился в ограждение и брыкнулся, угодив пяткой точно в хрюкающий нос регенерировавшегося Бориса, однако тот не разжал лапу и дёрнул беглеца вниз, сбросив его к основанию изгороди.

Беляков тут же проявил намерение соскочить с места, куда грохнулся, вот только писатель мгновенно впечатал ему в лицо тяжеленным кулаком, сломав нос и раскрошив несколько верхних зубов. Резко откинувший голову Коля врубился затылком в прутья и, плюясь кровью, сполз по ним на землю.

– Ну же, поскули. Прочувствуй на собственной шкуре, каково это, оказаться совсем беспомощным, – сказал Костин, сторбленным силуэтом возвышаясь над противником.

– Пошёл ты! – харкнув густой красной слюной в сторону желтоглазой твари, ответил раненый и размазал по лицу липкую субстанцию. – Всё-таки Ден оказался прав насчёт тебя. Говно, оно и в Африке воняет...

– Разочаровал ты меня, Колясик, – с сожалением покачал головой Борис и взялся загибать секцию забора вовнутрь территории лагеря. – Из всего Вашего сброда я уважал тебя чуточку больше, нежели остальных...

– Сдалось мне твоё сраное уважение, – процедил Беляков. – Вот если б ты сдох, я бы оценил.

– Харизматичный ты человек. Жалко убивать, – признался писатель, закончив заламывать забор, острия пик которого теперь чуть под углом смотрели ему в область шеи.

– Себя пожалей, что на голову больным родился, – огрызнулся красноволосый, схваченный Костиным за грудки.

– Неправильных ты выбрал друзей, – подняв оппонента над землёй, констатировал Борис.

– Так может говорить лишь тот, у кого их никогда не было, – прохрипел Коля, и разъярённый писатель со всего маху насадил его на торчащие пики, точно мясо на шампуры.

Пробитый металлическими зубочистками, чьи острые концы вышли у него из груди, парень болезненно вскрикнул и обхватил окровавленные прутья руками.

– Повиси здесь. У меня ещё осталось незаконченное дело, – через плечо бросил Костин, с чувством выполненного долга побредший прочь.

– Аааааа!!! Кто-нибуудь!!! Помогииитеее!!!! – на всю округу протянул Беляков, болтаясь в воздухе на наконечниках забора.

Вскоре...

Борис осматривался и пытался вспомнить то место сразу, как они въехали на территорию “Тайника Лешего”. Увы, пазл упорно не складывался. Прошло много лет, и расстановка зданий успела забыться, а облик самого лагеря, казалось, изменился до неузнаваемости.

Но вот, наконец, взор писателя пал на пристроенный к одному из корпусов деревянный тамбур, пробудивший в голове массу воспоминаний из прошлого. Да, именно этот чёртов короб был входом в ад, где над ним, словно над лабора-

торной крысой, ставили эксперименты. Тогда, в силу возраста, он не смог осознать жуткую истину происходящего и оказать какое-либо сопротивление. Его психика так и не сумела оправиться от пережитого, поэтому Костин жил в страхе всю свою сознательную жизнь, опасаясь ворошить в памяти детские кошмары и уж тем более не желая ими с кем-то делиться.

Стальная дверь тамбура была открыта.

В замешательстве глядя на уходящие под фундамент двухэтажного строения ступеньки, Борис испытал сильнейшее волнение. Он надеялся, что разыскиваемое им – реально и у него есть шанс на исцеление. В конце концов, раз горстка психопатов в халатах разработала сыворотку, вполне вероятно, к ней существует и антидот.

– Я тууут!!! Спасииитеее!!! – не стихали крики ослабевающего Коли где-то там, за заросшим сквером.

Автор популярных романов не обращал на них внимания. Он оценочно осмотрел свои руки, напоминающие скорей лапы дикого зверя, нежели человеческие пятерни, затем с отвращением дотронулся до свинячьего пяточка на месте носа и, вздохнув, снял со склизких когтистых ног раскуроченные ботинки.

Кто примет его таким? Уродливым хвостатым существом с горбом не меньше, чем у звонаря Квазимодо из романа Гюго. Пожалуй, новому облику известного литератора обрадовалась бы разве что пресса, безбожно строча сенсацион-

ные разоблачительные статейки с громкими заголовками для очередного выпуска “Гродской правды”.

Набравшись смелости, Костин неспешно спустился вниз и, лёгким толчком отворив следующую дверь, вошёл в сырое пространство с бугристым земляным полом и низким потолком, ощутив, как в его огрубевшие стопы отдало прохладой. В другом конце тёмного подвала сверкающий жёлтыми звериными глазами мужчина сразу же заметил вход в лабораторию – приподнятую наполовину плиту, замаскированную под кирпичную стену.

Фыркнув, Борис пролез под ней, включил свет и очутился в довольно опрятном помещении, заставленном различной аппаратурой и наполненном специфическими запахами.

Писателя пробрало до мурашек, когда он увидел хорошо знакомую ему кушетку и инвалидное кресло-коляску с погнутыми колёсами.

“Не время поддаваться эмоциям” – одёрнул себя Костин и, взявшись исследовать лабораторию, наткнулся на любопытный флакон...

45

Яростный рык твари ещё какое-то время доносился сверху, звонко отскакивая от склизких стен тоннеля, а её мерзкая одноглазая морда маячила в светлом круге люка, через который Трофимов провалился под лесной настил. Однако, потеряв жертву из виду, монстр не стал долго обхаживать портал на нижний уровень и вскоре оставил попытки про-

тиснуться в него.

Распластавшийся на каменном дне пещеры Алексей издал болезненный хрип, эхом разнёсшийся по непроглядным закоулкам подземельного пространства. Бережно обхватив левой рукой предплечье правой, чьё плечо оказалось вывихнуто, майор стиснул зубы и, оттолкнувшись от пола локтями, поднялся на четвереньки.

– Мистер, Вы целы? – прошептал из темноты дрожащий голос, отчего милиционер испуганно шлёпнулся на пятую точку и, шлифуя пятками пол, поспешно отполз от источника звука, упёршись спиной в булыжник.

– Кто здесь? – учащённо дыша, справился вглядывающийся во мрак офицер и буквально врос в каменную глыбу, когда к нему на свет неуверенно вышел изуродованный чумазый человек в одной лишь набедренной повязке. В его внешнем виде узнавались черты мортерида: вывернутый наизнанку нос, сморщенная кожа и извивающийся змеёй тонкий острый хвост.

Трофимов, мужественно посмотрев ему в глаза, как можно устрашающей прокричал:

– Ни шагу больше, чучело! Живьём я тебе не дамся!!!

Существо шуганулось и опасливо попятилось назад, не проявляя каких-либо намерений напасть. Стало понятно – ему страшно не меньше, нежели самому Алексею. Этот факт привёл последнего в смятение.

– Простите, – с позором прикрывая лицо руками, хлоп-

нуло понурившее голову нечто, проронило несколько слёз и, вновь зайдя за кулису теней, изъяснилось расстроенным голосом. – Я лишь подумал, что Вам нужна помощь...

– А я уж посчитал, что ты накинешься на меня, – осторожно встав с места, ответил кривящийся от неутихающей боли в отёкшем плече майор.

– Я давно научился подавлять в себе приступы агрессии... – неловко переминаясь с лапы на лапу, опровергло существо догадки милиционера и стеснительно выглянуло из черноты.

– То есть, ты не с ним? – указал на проём вверху офицер, попутно отметив для себя искренне доброе лицо странного собеседника, чью человечность не могли скрыть даже самые ужасные деформации.

– Нет! Конечно, нет...

– Так кто же ты?

– Петя Климов, – представился некто и, крепче затянув узел грязной набедренной повязки, стыдливо отвёл глаза. – Точнее, был когда-то...

– Петя?? – оживился позабывший о вывихе Трофимов, во всю ширь распахнув ошалевшие глазища. – Сын Тамары?

– Вы... Вы знали мою маму? – восторженно парень и его лицо тут же просияло.

– Мы вместе с ней тебя искали... и спустя столько лет ты нашёлся... – сказал Алексей, подошёл к насторожившемуся Климову и, крепко обняв его целой рукой, прослезился.

Раздираемый переживаниями Петя совсем растерялся. Из

его дрожащих губ лишь вырвался тихий вопрос:

– И где моя мама сейчас? С ней всё хорошо?

– Я не знаю... – утерев разъедающие глаза солёные капли, признался милиционер.

– А папа? Сестра? Как моя семья? Я по ним безумно тоскую. Особенно по Яне... – парень совсем поник, клюнув подбородком о грудь, однако его тут же посетила позитивная мысль, и он ликующе воскликнул. – Вот бы она обрадовалась, узнав, что я жив!

В памяти майора пронёсся момент падения подстреленной им машины Климовых в овраг и последовавшая за этим истерика Тамары, бросившейся к искорёженному металлу, среди которого покоились останки её мужа и дочери. Офицер побледнел, от стыда сглотнув подступивший к горлу ком.

– Давай отсюда выбираться, ладно? – предложил Трофимов и скрежетнул зубами от наплыва болевых ощущений в повреждённом плече.

– Но у меня столько вопросов. Пожалуйста, не оставляйте их без ответов! – отчаянно просил парень, шмыгая своим поросычьим носом.

– Я бы рад выложить тебе всю информацию, вот только... сам не в курсе, – соврал Алексей.

– Тогда, помогите мне найти родственников, – загорелся идеей Климов. – Я всё, что угодно сделаю! Мне бы только знать, что с ними...

– Давай так... ты покажешь мне путь отсюда, а я отвезу

тебя домой, – изложил суть сделки сотрудник милиции.

– Мне нельзя к людям! В любой момент я могу сорваться, поэтому опасен для окружающих. Да и общество не примет меня в подобном обличи. Отец бы не принял...

– И что ты хочешь от меня?

– Чтобы Вы собрали информацию о моей семье и сообщили её мне. Просите за это всё, что угодно!

Майору сделалось паршивей некуда. Последний из семьи Климовых воочию лицезрел убийцу своих близких, однако сквозь замыленную призму вранья видел в нём своего спасителя. Трофимов осознавал, насколько сильно погряз во лжи, и посему его варварское торгашество с несчастным парнем аукалось ему колющей болью в сердце. Петя наивно доверился офицеру, а он позволил себе бессовестно издеваться над его хрупкими чувствами. Конечно, другого сценария Алексе́й допустить не мог, вот только легче от сей мысли совершенно не становилось. Что реально было в силах притупить душевные страдания мужчины, так это спасение сына Тамары из оков его столь непривлекательной нынешней жизни.

– Хорошо, – кивнул милиционер. – Сделаю всё, что в моих силах. Но! Я также постараюсь, чтобы ты снова зажил нормальной жизнью, невзирая на то, какая правда о семье тебя ждёт...

– Договорились, – с сомнением выдавил парень.

– Прекрасно! Тогда вправь мне плечо, и потопаем к выходу...

– Я не умею вправлять...

– Серьёзно?

– Вас это так удивляет?

– Чёрт...ладно, потерплю. Веди. Надеюсь, нам по пути встретится мануальщик...

И они вдвоём нырнули в безликую темноту подземелья, откуда несло невыносимым зловонием. Там Трофимов, вслепую проделав несколько шагов, споткнулся о возникшие под ногами рельсы и, навалившись на Климова, раздражённо полюбопытствовал у того:

– Петя, ты что-нибудь вообще видишь?

– Извините. Я забыл, что людские глаза не ахти как дружат со мраком... – острыми когтями почесал складчатый затылок парень и, взяв спутника за руку, повёл по сырому каменному коридору дальше.

Спустя несколько минут Климов нарушил тишину:

– Вам несказанно повезло пережить встречу со здоровяком...

– Бесспорно. Был бы я букмекером, поставил бы все свои деньги на собственную смерть, – хохотнул офицер.

– Зачем Вы забрели в лес?

– Пытался выманить из него это существо. Я прибыл сюда с друзьями, дабы навсегда покончить с ним.

– Надеюсь, у Вас получится.

– Не желаешь поучаствовать?

– Ни в коем случае! Однажды я попался в его лапы и, по-

верьте, запомнил то кровавое пиршество на всю свою жизнь. Эта хрень выдрала мне конечности, выдавила глаза, обглодала всё тело... я чудом выжил! Потом, после мучительной регенерации, которая, казалось, длилась целую вечность, меня ещё долго не покидало ощущение, будто я мясная обрезка...

– Прости, я...

– Пустяки. Не берите в голову...

Вскоре компаньоны вышли в более крупный тоннель, где рельсы, вдоль коих они двигались, и рельсы из соседнего ответвления сходились в единый путь. На месте их слияния лежала мятая вагонетка с дырявым бортом и следами когтей. Одно из её миниатюрных колёс отвалилось и ржавело поблизости в луже, образовавшейся из-за капёли с потолка.

Смрад усилился до предельно удушливого, вынудив милиционера скуксится от омерзения.

– Тут какая-то шахта? – борясь с тошнотворными позывами, продолжил беседу Алексей, старающийся держать руку с вывихнутым плечом в статичном положении.

– Да. Она ведёт к “Багровому” озеру и служит монстру его обиталищем, – поделился Климов.

– Ты не рискуешь, разгуливая по ней?

– Естественно рискую...

– И ради чего?

– Ради еды. Чудище часто притаскивает сюда туши животных и...людей. Порой, мне тоже перепадают остатки его добычи.

– Теперь понятно, почему тут такая вонь... Значит, ты падальщик?

– Лучше так, чем звереть и кидаться на всё, что движется...

– А если он тебя заметит?

– В этой пещере имеется достаточно полостей и щелей, куда монстр не пролезет. В них и укрываюсь по его возвращении.

– Как давно встала работа шахты?

– Она была заброшена в тот самый год, когда появились мы с лесной тварью... Здесь явно искали что-то важное. По крайней мере, история монстров плотно пересекается с теми событиями.

– Откуда подобные выводы?

– На базе рудокопов я нашёл блокнот одной особы, причастной не только к местным раскопкам, но и к опытам в лагере. В нём есть много интересного...

– Я бы не отказался с ним ознакомиться. Он у тебя с собой?

– Нет, продолжает гнить на базе. Мы сейчас как раз туда выберемся...

Тоннель плавно поворачивал влево, затем выравнивался и врезался в широкое пространство. Впереди забрезжил солнечный свет, и майор смог различить очертания базы.

Первым делом Петя отыскивал генератор. Парень ударил кулаком по красной кнопке на нём и аппарат, загудев, заста-

вил вспыхнуть фонари на стенах, благодаря чему Трофимов детальной изучил проявившуюся из темноты зону. Повсюду лежали скелеты животных и людей. Среди них отчётливо узнавались те, что принадлежали рудокопам: на их костях держались изорванные спецовки, а на черепах – в большинстве своём повреждённые оранжевые каски. В чьих-то руках даже осталась намертво сжатая кирка, так и не пригодившаяся своему хозяину. Оборудование, расставленное вдоль стен и по закуткам, было перебито; инвентарь, ящики и снаряжение рабочих – небрежно раскиданы по всем углам.

– Зрелище не из приятных, – поделился с Климовым Алексей.

– Ещё бы! Хорошо, что мама с Яной этого не видят. Они у меня впечатлительные, – покачал головой Петя.

– Как и Лена...

– Кто?

– Твоя школьная учительница, Елена Викторовна, – напомнил милиционер. – Помнишь её?

– Ну, смутно. В общих чертах... А откуда Вы...? – удивился парень и офицер с нежной грустью поведал:

– Это моя жена...

– Ого! Насколько тесен мир, – поразился Климов.

– Прямо как эта пещера, – усмехнулся майор и с намёком признался. – Честно, мне уже охота поскорей из неё убраться. Где там блокнот?

– В верхнем ящике того стола, – указал когтистой рукой

на нужный предмет Петя.

Трофимов выдвинул гнилой короб из-под горизонтальной доски стола и обнаружил там пожелтевшую тетрадь без обложки. Он бережно извлёк её оттуда, остерегаясь того, что она рассыплется в прах прямо у него в ладонях, и с замиранием сердца перевернул прохрустевшую лицевую страницу. Как оказалось, первые листы отсутствовали. Однако и без них на заляпанной старой бумаге, отдающей затхлостью, было накалякано много интересного. Вглядываясь в текст, выведенный выцветшими со временем чернилами, Алексей принялся за его чтение:

03.06.88

За время пребывания в лагере я породнилась с каждым из своего окружения и, в особенности, с Галиной. Мы стали близкими подругами, поэтому...я больше не уверена, смогу ли выполнить миссию, возложенную на меня Фараоном.

– Немыслимо, опять этот древнеегипетский крендель! Кто он?! – пробубнил себе под нос милиционер, глядя в бледные строчки.

06.06.88

Чем ближе этот день, тем больше у меня желания пойти на попятную. Совесть проснулась, лишив сна и меня. Видимо, для подобной работёнки я слишком мягкотелая...

07.06.88

Ночью в лагерь прибыл Фараон. Он решил проконтролировать всё лично. С ним явился один из его телохранителей, а также Фома. Я с трудом уговорила Гаврилу впустить их машину на территорию “Тайника Лешего” под предлогом, что они – мои родственники, и, пока все спали, я тайком заселила троицу в свободную комнату первого корпуса.

08.06.88

Я поговорила с Фараоном, и он пообещал оставить Галину в живых. Её смерть я себе никогда не прощу...

Майор аккуратно разъединил слипшиеся странички и, с шелестом перевернув дневник на следующую, продолжил его изучение:

09.06.88

Оборудование готовится к отправке. На момент его выгрузки в пещеру зона должна быть зачищена, а патруль – выставлен. Фараон желает, чтобы раскопки “от” и “до” прошли в условиях чрезвычайной секретности. Собственно, ради этого я здесь. Обеспечить босса надёжными и сильными сторожами.

10.06.88

Вылет вертолётов с забитыми техникой контейнерами к “Багровому” озеру был запланирован на утро, поэтому Фараон дал мне отмашку к действию. Суматоха, связанная со смертью подопытного мальчика Пети, сыграла нам на руку. Мне удалось уединиться с

Галей в лаборатории, где я попыталась гуманно усыпить её специальным раствором. Увы, своими силами не вышло. Тогда в дело вмешался босс, выпустив в мою подругу дротик с транквилизатором. Благо, доза оказалась не смертельной. Фома и телохранитель помогли оттащить её тело в подсобку, где укрылись вместе с Фараоном в ожидании Виктора Бенедиктовича, который спустился в подвал буквально через пару минут, дабы инъектировать разработанную им сыворотку своему больному сыну, Леониду.

Офицер перевёл взгляд на соседний лист:

Правда, у моего начальника имелись совсем иные планы на семейство Скворцовых. Телохранитель вырубил учёного, когда тот уже почти вонзил шприц в мальчишку, после чего мы с Фомой взялись за вживление в тела будущих сторожей чипов: по одному в мозг и кисть. По окончании данной процедуры, я вколола Виктору и Лёне по дозе самого раннего варианта сыворотки. Так велел Фараон, желающий взрастить больших, страшных и свирепых особей, чего, в общем-то, мы и достигли. Трансформации прошли успешно, и босс остался доволен результатом. Правда, произошла кое-какая неприятность... Монстр, получившийся из учёного, разорвал телохранителя на кусочки прежде, чем Фома активировал чипы и взял над тварями контроль. Конечно, наш начальник не

сильно расстроился, но лично меня чуть не стошнило от сего зрелища: кровавые ошмётки разлетелись по всем стенам...бррр...мерзость...

Затем, кстати, случился ещё один занимательный эпизод. Из подсобки выскочила подопытная мышь, Пират, перегрызшая всех своих сородичей. Фома с перепугу едва не натравил на неё наших цепных псов, однако она не обратила на нас внимания, а лишь вскарабкалась на плечо перевоплотившегося в зверя Леонида. Вероятно, они – закадычные друзья, ведь Пират уже забирался на мальчишку, когда тот ещё катался на инвалидном кресле.

Смочив палец, Трофимов перевернул страницу:

Фома счёл забавным дать монстрам клички. Виктор Бенедиктович, обратившийся в более крупный экземпляр, получил от него погоняло Горчичник из-за аналогичного окраса своей кожи, имеющий немногочисленные лазурные полосы на голове, спине и туловище, а Лёня – Нянечка, так как взял под свою опеку мутировавшую мышь, окрещённую Грудничком.

Мы подняли механическую плиту и выпустили свои творения на поверхность. По пути Нянечка с Грудничком расправились с Ежовым и его водителем, Кузьминым, следом за чем, управляемые дистанционно, по приказу босса выследили и устранили директрису лагеря.

Сопровождаемые Горчичником я, Фома и Фараон покинули “Тайник Лешего”, проследовав к точке сбора у “Багрового” озера, куда вскоре подлетели два вертолётa, отгрузивших контейнеры ко входу в пещеру. На одном из них в город вернулся наш начальник. За главную он, как и планировал, оставил меня.

Первым делом я распорядилась, дабы Фома поручил Горчичнику охранять базу, а Нянечку с хвостатым подопечным отправил патрулировать лес.

Видели бы Вы лица рабочих, когда перед ними появился наш зверь! Они сразу перестали разбирать прибывшее оборудование и, думается, были готовы схорониться в освобождённых от техники ящиках. Хотя, тут бы каждый испугался, оказавшись рядом с такой машиной!

Несколько ближайших листов оказались вырваны. Алексей с досадой посмотрел на оставшиеся от них неровные корешки и возобновил чтение на заметках, датированных августом:

12.08.88

Кажется, я скоро чокнусь от долгого пребывания под землёй... Мне очень одиноко, несмотря на то, что меня окружает множество людей. Просто среди грязных потных мужиков, с утра до ночи прогрызающих в камне тоннель, нет человека, с кем бы я могла сесть и душевно поговорить. Почему не Фома? Ну...он вор-

кует с мониторами и процессорами, чем весьма сильно раздражает. Тем более, я до сих пор на него злюсь из-за того инцидента с четвёркой охотников, когда от Нянечки улизнули сразу двое. Ах да, ещё этот горе-связист смахивает на ботана: такой же прыщавый и нудный. Фу!

Короче, я скучаю по Галине. Да и по Виктору Бенедиктовичу тоже. То, во что он превратился, всегда бродит рядом, безуданно охраняя пещеру, однако под шкурой тупой зверюги я не чувствую присутствия учёного, которого мне довелось знать. Тварь поглотила его безвозвратно, и великий талант сгинул под толстым слоем склизкой кожи...

19.08.88

Раскопки продвигаются по графику и даже с небольшим опережением. Кажется, мы скоро доберёмся до цели. Скорей бы! Не терпится выбраться из пещеры...

Очередная страница закончилась, и милиционер начал разбирать новую:

25.08.88

На сегодня есть две новости. Хорошая: вырытый ход наконец-то привёл нас к Вратам Хранилища. Плохая: опасения подтвердились и там мы наткнулись на мифических стражей артефакта, растерзавших нескольких рудокопов.

Впрочем, у нас припасён козырь в рукаве. Я сейчас про Горчичника. Уверена, он справится с миссией по уничтожению местной охраны.

26.08.88

Вылазка Горчичника на глубину прошла не очень успешно. Его бой с двумя стражами Хранилища привёл к обрушению тоннеля, и всех монстров, включая нашего, похоронило под завалами. В общем, Виктор Бенедиктович окончательно покинул наш мир...

Теперь шахтёрам придётся копать новый, обходной, путь к цели, что говорит о продолжении нашей командировки...А ведь мы были так близко к завершению работ! Честно, у меня уже зла не хватает!!! В гробу я видела поиски этого сраного артефакта!

Дальнейший текст расплывался, словно на листы вылили стакан воды. Столь замыленные каракули разобрать, увы, не получилось, поэтому майор пролистал тетрадь до конца. Заключительная запись была читаемой:

24.10.88

Аллилуйя! Хранилище найдено! Артефакт скоро поднимут на поверхность, а, значит, мы вот-вот вернёмся домой! Юхууу! Осталось только не накосячить с погрузкой и транспортировкой. Надеюсь, всё пройдёт без происшествий, и мы отправимся в долгожданный отдых...

Ниже отыскалось прилепленное к страничке поржелое

зернистое фото, полное пятен и потёртостей. Один из его верхних уголков топорщился, отклеившись от бумаги.

Лучше всего на снимке, где узнавалась пещерная база, различались фигурировавшие в дневнике монстры. Два основных имели схожие облики, но всё же обладали своими индивидуальными особенностями. В сравнении с Горчичником тварь, что портила людям жизнь на протяжении долгих лет, не казалась такой уж огромной, ведь была тому лишь по плечо. Гигант с хорошо различимыми лазурными полосами на черепушке и груди выглядел шире, мясистей, мордастей и первобытней за счёт выпирающей вперёд нижней челюсти, которая у Нянечки не выступала вовсе, а также более ярко выраженной выпуклости на лбу, по форме напоминающей очищенную половинку грецкого ореха.

Самый мелкий из зверинца уродцев, именуемый Грудничком, как обычно сидел на Нянечке, свесив свой облезлый розовый хвост и сверкая засвеченными вспышкой глазами.

Впрочем, куда любопытней оказалось лицезреть присутствующую в кадре парочку кукловодов, стоящую перед своими творениями. Бледный жалкий очкарик, по догадкам Трофимова, являлся тем самым оператором существ, Фомой, а девушка рядом с ним – владелицей ежедневника и по совместительству “приятной” знакомой офицера, Ниной.

– Обычная лаборантка значит? – негодуяще процедил Алексей, плясь на запечатлённую на фото женщину и вспоминая то враньё, что она наплела ему при встрече. – Вот

мерзавка! Всё-таки стоило взять её под стражу.

– Вы общались с ней? – поинтересовался неожиданно появившийся из-за спины майора Петя.

– Не очень близко. Однако сие недоразумение я исправлю по возвращении в город, – решил милиционер и, сморщившись от боли в плече, добавил. – Она ответит мне на все вопросы: что и зачем они искали, отчего выживший монстр сорвался с поводка и, самое главное, кто такой Фараон...

– Есть ещё один... Возможно ли меня излечить? – дополнил список Климов.

– Об этом мы тоже обязательно узнаем... – согласился Трофимов, запихав дневник Нины в карман штанов. – После того, как закроем тему с последней, третьей, тварью.

– Кстати хотите, познакомлю Вас с первой? – заинтриговал мальчик.

– В смысле? – не догадался офицер.

Петя ухмыльнулся, отошёл в сторону и, отвязав верёвку от острого каменного выступа стены, спустил вниз из-под сводов пещеры огромный череп с массивным налобным наростом, а также клыкастой нижней челюстью, выпяченной вперёд.

– Знакомьтесь, Горчичник! – представил костяшку Климов.

– Едрит мортерид! У него же башня размером с тебя! – во весь голос вырвалось у Алексея, взявшегося не без омерзения разглядывать поразительную находку с пустыми глаз-

ницами и внушительным проломом в макушке. – Где ты её откопал?

– На глубине, в месте обрушения шахты. Его оторванная башка единственное, что нашлось среди завалов. Видимо, она выкатилась за мгновение до камнепада, потому что лежала буквально на поверхности...

– Знатная в ней дыра...

– Она была там изначально, только меньшего размера. Булыжник прилетел, видимо. Я эту брешь расковырял, чтоб шире стала, и теперь использую голову Горчичника в качестве парящей корзинки для хранения запасов, которые у меня не получается забрать с собой в убежище сразу, но за которыми я в скором времени возвращаюсь.

– Неужели монстр ни разу не разорвал твой тайник?

– Моё лукошко висит высоко и, судя по всему, не интересует Нянечку... – предположил Петя.

– Умнó придумал, – оценил милиционер, заглянув во внутрочерепную полость костяной головы, измазанную засохшей кровью.

– На какие только ухищрения не пойдёшь в попытке выжить. Я многому научился за эти годы. В отличие от людей, что валят сюда пачками, хотя знают о подстерегающей их опасности. Сегодня, например, проходил мимо лагерной территории и опять увидел ошивающуюся там молодёжь, – вспомнил Климов. – Сколько уже таких балбесов передохло? И не счесть!

– О, нет! – побледнел майор. – Надеюсь, это не те балбесы, что хотели снять фильм...

– Не понимаю, о чём Вы... – растерялся парень, разведя морщинистыми руками.

– Срочно веди меня в лагерь!!! – властно отдал распоряжение Трофимов, и Петя покорно закосолапил к выходу из пещеры.

46

Первое, что сделал оказавшийся на лужайке с забытым всеми футбольным полем рыжий шпиц – это задрал заднюю лапку у разложившихся на составные части ворот и выдавил из себя смехотворную струйку, которая окропила полу-сгнившие балки, некогда бывшие штангами и перекладиной.

– Что ж, теперь это собственность Штирли, – прокомментировала Даша, сдерживая дрожь в коленях. Она очень волновалась и не знала, как деликатно сообщить своему молодому человеку самую главную в их жизни новость.

– Отныне лесным жителям запрещается гонять здесь в футбол, если, конечно, они не хотят, чтобы на них обрушился гнев нашего свирепого зверёныша... – подхватил разговор хохотнувший Денис, изучая потускневшие со временем вымпела, коими была увешана одна из сосен. На этих треугольных флажках, привязанных к веткам, имелись надписи, судя по всему обозначавшие названия детских лагерных отрядов: **“МИШКИ-ТОПТЫЖКИ”**, **“ИСКАТЕЛИ”**, **“РАСХИТИТЕЛИ ТАЙНИКОВ”** и другие.

Пёсик же, разделавшись с игровой зоной, бодренько направился обнюхивать расположенные вдоль поля скамейки, чьи ряды явно кто-то проредил, оставив на месте выкорчеванных экземпляров углубления в земле.

– Здорово, однако, на природе, – заполнила молчание Бурова, задумчиво уставившись на сосняк, плотно обступивший поляну с каждой стороны.

– Ради подобного разговора ты вытащила меня сюда? – еле заметно улыбнулся Маслов, всем видом показывая своей возлюбленной готовность перейти к более серьёзным темам. – От тебя с самого начала поездки исходит какое-то напряжение. Думаешь, я этого не чувствую?

В преддверие судьбоносной беседы Бурова ещё больше разнервничалась и, облизав и куснув нижнюю губу, крепко сжала руку ухажёра.

– И какой спрашивается толк от того, что я качаюсь, когда твоя хватка сильнее моей? – отшутился Денис, однако Даша не растеряла настрой и, заглянув парню в глаза, спросила:

– Скажи честно, ты со мной навсегда?

– Оу, прям с козырей зашла! Похоже, я недооценил всю серьёзность предстоящего диалога...

– Пожалуйста, не устраивай буффонаду.

– Замётано! Только прежде, чем ты шокируешь меня, и я потеряю способность здраво мыслить, держи подтверждение того, кем в действительности является твой кумир, – сказал Маслов и, достав из-под одежды шуршащий свёрток, протя-

нул его своей даме.

Та вопросительно приняла упаковку, сунула в неё руку и достала оттуда один из шприцов, наполненных бирюзовой жидкостью.

– Зачем ты забрал у Бори лекарства? – не поняла Бурова.

– Какие к чёрту лекарства?? – возмутился Денис. – Разве непонятно, чем он колется?

– Пускай колется чем угодно! Тебе-то какое дело?

– Думаешь, наши друзья оценят, что мы свели их с наркоманом?

– Порой у меня складывается ощущение, будто тебе доставляет удовольствие обсуждать Борю.

– Угу, прям кайфую... Чё вообще за бред?!

– Так ты сам вечно приплетаешь его, а потом обижаешься, что он часто фигурирует в нашем общении, – пожалала плечами Даша.

– Пфф... Короче, я не собираюсь развивать глупый трёп, – решил качок и, с размаху запульнув свёрток со шприцами в лесные дебри, добавил. – Вообще тебя не узнаю. Месячные начались что ли?

– Нет, не они. Ведь уже два месяца как задержка...

– Разве такое нормально? Я просто не разбираюсь в Ваших женских штучках...

– Об этом я и пытаюсь потолковать.

– Тогда не тяни. Говори, как есть!

– Ладно. Присядь, пожалуйста. Вдруг ещё в обморок упа-

дѣшь...

– Всё настолько плохо? – побледнел Маслов и покорно приземлился на скамью.

Бурова выдохнула и, взяв любимого за руки, дрожащим голосом боязливо заговорила:

– В общем...

Денис, обливаясь семью потоами, приковал к Даше тревожный взгляд и приготовился к худшему. Однако самые важные слова срываться с губ девушки никак не желали. Она доходила до них и словно останавливалась у края пропасти, страшась упасть в неё.

– Ну? – поторопил свою даму напряжённый Маслов, и она, зажмурившись подобно провинившемуся ребёнку, протараторила-таки:

– Я беременна!

47

Дубовцев выкатил свой фургончик во двор и, расхлебывая в нём все двери, закрепил на ухе компактный микрофон, звук с коего выводился на колонки “Форда”.

– Думаешь, они пойдут за тобой, Акелла? – спросила вышедшая к Арсению рядовая.

– Если не за мной, то за кем? – улыбнулся ей казачок, после чего, мотнув чубом, резво вскарабкался на крышу сарая, откуда в поле зрения попадал каждый уголок тихой деревушки.

Взгляд парня пробежался по ближайшим окрестностям,

захватив в том числе самую окраину Малых Дукóв с магазинчиком в железнодорожном вагоне и старым мостиком, перекинутым через овраг, который кривым рвом отделял поселение от широкого поля.

Простой на первый взгляд пейзаж согревал сердце и захватывал дух. Он был пропитан чем-то родным, тёплым и вызывал лёгкое чувство истомы.

– Его там глючит что ли? – задрал голову и приставив руку ко лбу, цокнул Забит.

– Сеня наслаждается затишьем перед бурей... – пояснила Лавринайтис.

– Полагаю, ничего хорошего за время моего беспокойного сна не случилось? – не без волнения поинтересовался вернувшийся к команде Тимофей, блистая неприлично огромными кругами под глазами.

– Увы. “Инквизиторы” разбиты, а Лёша... – Олеся запнулась и прикусила дрогнувшую нижнюю губу.

– Обосраться просто! – всплеснув руками, в сердцах выпалил Рябов. – И какой нынче план?

– Собрать гвардию легионеров... ой, пенсионеров, – намеренно оговорился азербайджанец.

– Здесь не только старики, – поправила девушка.

– Ога. Мы ещё, – хохотнул Джафаров, посчитавший собственную шутку весьма забавной.

Народ в деревне мало-помалу копошился: незаметно сновал по улочкам и хлопотал у себя во дворах. Однако ключом

жизнь не была. Скорей, текла тонкой прерывистой струйкой, лишённой задорного игривого журчания.

– Уважаемые дамы и господа, прошу минуточку внимания! – оглушительно прогремели динамики в “Транзите”, донеся слова собравшегося с мыслями оратора до ушей каждого жителя Малых Дукóв.

Люди тут же оторвались от своих дел и, подозрительно переглядываясь, недоумённо завертели головами. Те, кто находились в избах – распахнули ставни, с любопытством высунув носы на улицу.

Когда Дубовцев удостоверился, что на него обратили внимание, то продолжил:

– Я должен сделать важное объявление! Оно адресуется тем, кому небезразлична судьба своей малой родины. Я прибыл сюда, чтобы избавить Вас от гнёта чудовища, присвоившего себе лес, однако потерпел поражение и понял, что в одиночку мне не справиться. Тварь оказалась слишком сильной и проворной, а я – торопливым и недалёковидным. Поэтому, растеряв свою боевую мощь, я обращаюсь к Вам, жители Малых Дукóв! Так как уверен – Вам есть, за что сражаться! Ведь родные и близкие каждого из Вас находятся в постоянной опасности, а сами Вы уже долгие годы живёте в тревоге. Напомните, когда кто-то спокойно наведывался в сосняк и возвращался домой живым? Сколько Ваших соседей пропало без вести и как сильно сократилось поголовье домашнего скота? Я знаю, Вам надоело это терпеть. Проис-

ходящее с деревней поистине несправедливо! Приезжие избегают сии прекрасные края, но в них можно и нужно вернуть жизнь! Только сплотившись, мы добьёмся задуманного! Всё в наших руках! Главное – бороться! Потому что коли мы сами не покончим с монстром, за нас это не сделает никто...

Своим убедительным вещанием Арсений подкупил местных, начавших постепенно подтягиваться к сараю. Число заинтересованных лиц росло и вскоре во дворе дома, где жили Ашуровы, образовалась гудящая толпа равнодушных, оккупировавшая даже огород. Речи агитатора разожгли дебаты среди односельчан, активно обсуждающих поднятый вопрос.

– Ответь, хлопец, зачем тебе это восстание? Что может горстка стариков? – гнусаво донеслось из людской массы.

– А что могу я без этой горстки? – встречно спросил Дубовцев, возвышаясь над скопищем слушателей, из коего выглядывала околпаченная дырявой соломенной шляпой голова задрипанного пугала. – Я верю, что Ваша ненависть – самая мощная сила. Ведь когда на бой поднимается разъярённый русский народ – у врага нет ни единого шанса!

– Братцы, неужели Вам собственные жизни не дороги? Глаза-то разуйте! Какой бой? – обратился к деревенским один мужик.

– Согласна. Свой век я хочу дожить без лишних потрясений, – подхватила опирающаяся на трость бабушка в платке.

– Вы-то доживёте! Только на минутку подумайте о своих

детях и внуках! – вступил с ними в спор другой односельчанин.

– Вот-вот! Мои даже в гости приезжать отказываются, – закивала ещё одна пенсионерка.

– Не к кому приезжать будет, если на баррикады полезете!

– Пушай лезут. Серафиму Григорьевичу привет от нас передадут...

– Ой, Господи! Смотрите, не опередите!

– В отличие от Вас мы на тот свет без очереди не просимся...

– Как Вы не поймёте? Нельзя ждать перемен и при этом оставаться безучастными! С подобной гражданской позицией Малые Дуки обречены! Такими темпами наш уютный уголок в скором времени исчезнет с лица земли и о нём даже никто не вспомнит!

– Поддерживаю! Нужно пользоваться шансом, пока нашёлся лидер, в котором мы так нуждались. Нам давно не хватало пастуха, способного сплотить и поверить в нас, стариков...

– Замайнали! Мне недавно всего лишь пятьдесят пять стукнуло! Я не старик!!!

– Не беда, скоро станешь...

– За себя беспокойся! Корзинку молодильных яблочек тебе бы умять не помешало.

В общем гаме разобрать что-либо было крайне сложно, однако сам факт рьяных обсуждений давал понять, что у Ар-

сения появились сторонники, готовые пойти за ним.

В душе у осознающих это Олеси, Тимофея и Забита, неприметно замерших близ задней части фургончика, снова затеплился лучик надежды. Рядовая восхищённо посмотрела на маячащего на вершине постройке Дубовцева, отключившего микрофон, и, пересёкшись с ним взглядами, показала ему “кольцо” из большого и указательного пальцев, получив в ответ аналогичный жест.

– А Любовь Варфоломеевна знает, что Вы лазаете по крыше их с Яковом сарая? – вкрадчиво полюбопытствовала у казачка тучная женщина, выбредшая из поутихшей толпы.

– Её вместе с внуком больше нет, – сказал за своего товарища Рябов.

– И тут тоже виноват монстр, – дополнил азербайджанец.

– Молодые люди, Вы мне зубы не заговаривайте! Я заходила к ним пару дней назад. Всё было хорошо! – повысила голос заносчивая особа.

– Вы могилу в упор не видите?? – поразился парень, собственными руками похоронивший бабушку погибшего друга.

– О чём ты, бро? Они уже поди её вытоптали, – недовольно фыркнул Джафаров.

– Какая могила, бесстыдники?! Что Вы себе позволяете?! – остервенело кричала тётка.

Лавринайтис подалась вперёд, после чего с грозным видом уточнила:

– Вам их слова чем заверить? Гербовой печатью? Или хватит моего присутствия?

Гром-баба сразу же поубавила гонор:

– Неужели и вправду несчастье приключилось? Я ж ещё от смерти зятя не оправилась, – пробубнила она и, не выдержав стального взора девушки в милицейской форме, вернулась в беспорядочное скопление деревенских.

Из-за разведённых прений никто не заметил, как у крыльца дома Ашуровых тормознулась чёрная “Шкода Октавия”, откуда на увядшую траву вылез одетый в штатское старший лейтенант Сергеев.

Тем временем в толпе нашёлся очередной скептик:

– А никого не смущает тот факт, что зверушку никто почитай и не видывал? Кому известно наверняка, кто хозяйничает в чаще?

– Нам известно, – заявил Арсений, указав на себя и троицу у кофейного “Форда”.

– Неужели? Есть доказательства? – продолжал сыпать сомнениями дедок, надеющийся дискредитировать нового лидера своих односельчан, но тот оказался на шаг впереди и без лишних предисловий показал люду воссозданную благодаря видеоматериалам “Инквизиторов” голограмму доисторического существа, появившуюся из его запястного браслета.

Народ синхронно охнул, содрогнув воздух над деревней, и даже самые неверующие в одночасье позакрывали рты.

– Ты соратников-то своих раньше времени не шокируй,

чтоб кого-нибудь инфаркт не догнал, – положив руки на пояс, посоветовал казачку приблизившийся к постройке офицер в серой толстовке с капюшоном и классических тёмно-синих джинсах. – Я вот сперва хотел прикупить себе тут домик, однако ты показал какое-то страшилище и... чёт я передумал.

– Глазам не верю! Паша! – звонко воскликнула обернувшаяся на бывшего однокурсника Олеся и, чуть не подпрыгнув от счастья, бросилась ему на шею.

Робко похлопав рядовую по спине, Сергеев откашлялся и, когда Лавринайтис обуздала эмоции и прекратила кратковременные объятия, заключил:

– Наверное, каждый пацан с академии хотел бы сейчас оказаться на моём месте...

– Но не каждый бы приехал, – ответила девушка.

– Выбирать не пришлось. Алексей Викторович мне как второй отец, а близких не бросают...

– Ты же видел, с чем он столкнулся. Какие там варианты?

– Я знаком с майором много лет. Если у него имелся даже самый крохотный шанс выкрутиться – он им воспользовался.

– Времени с момента последних переговоров прошло прилично...

– Отсутствие связи не констатирует его смерть. И вообще, я уверен, что этот бывалый вояка переживёт нас всех, – не терял оптимизма старлей, чьё лицо всё-таки выдавало скры-

вающиеся за натянутой улыбкой переживания.

– Как обстоят дела с оружием? – справилась Олеся.

– А как у тебя с волосами? Куда ты дела свои роскошные длинные локоны по пояс времён обучения в академии?

– Паша, блин, долгая история.

– Ладно. У меня пять “калашей” и одиннадцать полных “рожков” к ним, – отчитался офицер. – Заметят, что в оружейной недокомплект – вылечу с работы...

– Я, похоже, уже вылетела, – улыбнулась рядовая и, вскинув бровь, предложила. – Повеюем, пока корочки ещё при нас?

– Спрашиваешь! – подмигнул коллеге Павел, после чего обратился к Арсению. – Кажется, пришла пора издать какой-нибудь клич...

Дубовцев солидарно кивнул и, поймав на себе ожидающие взгляды собравшихся, оглушительно прогорланил:

– К оружию!!!

48

Информация влилась в его уши, однако до мозга дошла не сразу. Словно подвисший компьютер Денис силился обработать полученные сведения, примерив на лицо довольно глупую гримасу. Он придурковато вылупился на беременную девушку, отчего та не на шутку встревожилась, выискивая в глазах ухажёра хоть какие-то эмоции.

Когда же Маслов осмыслил слова своей возлюбленной, то расплылся в полной искреннего внеземного счастья улыбке

и, одарив Дашу тёплым благодарным взглядом, легко подхватил её на руки, после чего немного покружил по футбольному полю, заставив даму сердца испытать долгожданное облегчение, пришедшее к ней вместе с вырвавшимся изо рта звонким хохотом.

Вернув Бурову на землю, прибывающий в эйфории качок обратился к рыжему питомцу, игриво прыгающему у его ног и виляющему хвостом точно помелом:

– Слышал, Штирли? У нас в семье грядёт пополнение!!!

На переполненный позитивом возглас хозяина пёсик празднично гавкнул, затем уселся на пушистый зад и, раззявив пасть, вывалил из неё розовый язычок. Молодой человек подмигнул шпицу и в шутку дал ему наставление:

– Готовься к роли няньки, приятель! Тебе главное не заделаться погремушкой...

– Денисочка, родной мой... У меня будто камень с души упал! Я так боялась, что ты рассердишься и... – хлюпая и утирая слёзы, сквозь улыбку начала хрипеть Бурова, как парень, несогласно покачав головой, перебил её:

– Какая же ты у меня всё-таки дурёха! Ты хоть понимаешь, сколько радости мне принесла? Я в жизни не испытывал ничего подобного!

– Серьёзно? Ты же сейчас не шутишь?

– Хватит уже себя накручивать! Только подумай, у нас будет малыш! – с этими словами Маслов присел на корточки и, приподняв кофточку своей ненаглядной, нежно поцеловал

её в животик, следом за чем поводит по нему ладошкой и встал обратно.

– Просто я опасалась, что ты не созрел для роли отца...

– призналась девушка.

– Я, конечно, не посещал курсы по подготовке к отцовству, но ведь быть папой нужно, в первую очередь, не головой. Папой нужно быть сердцем...

– Нам бы ещё финансово потянуть...

– Ради своей семьи я из кожи вон вылезу!

– Неофициальной семьи.

– Вот и нарисовался повод узаконить наши отношения. Распишемся в ближайшее время!

– Помнится, штамп в паспорте всегда являлся для тебя бесполезной формальностью...

– И я не поменял своего мнения. Семья – она не в паспорте. Однако ради тебя и ребёночка эта печать появится в моём документе...

– Ну, раз ты настроен серьёзней некуда, пойдём ошарашивать друзей?

– А почему ты не сообщила о беременности сразу при них?

– Хотела сохранить эксклюзивность для своего сладенького рахат-лукумчика.

– Неужели я и впрямь настолько аппетитный?

Беседу пары прервал раздавшийся поблизости треск веток. Возлюбленные настороженно обернулись на звук и вгля-

делись в мрачный лес.

Штирлиц мгновенно принял боевую стойку и, сморщив носик, зарычал.

Треск неоднократно повторился, с каждым разом всё ближе, затем хвойные лапы ближайших к поляне деревьев зашвелились и из-за них выскочили двое – отец Вовы Трофимова и что-то, похожее на человека.

При виде хвостатого существа с носом, напоминающим пяточок летучей мыши, Даша испуганно пискнула и спряталась за своего ухажёра, скривившегося от омерзения.

Чудовище же застенчиво закрыло своё уродливое лицо когтистыми руками со складчатой кожей и отступило на несколько шагов назад, чуть укрывшись за игольчатой веткой сосны.

– Тихо! Не поднимайте шум! – приложив указательный палец к губам, повелел Алексей.

– А что за тварь Вы к нам привели?! – покрывшись холодным потом, возмущённо просипел Денис, перебарывающий в себе желание схватить Бурову за руку и вместе с ней обратиться в бегство.

– На себя посмотри, бройлер! Ещё раз тронешь Петю – дам в кукарельник! – заступился за Климова майор и жестом подозвал зашуганного парня к себе.

– Вот поэтому я и избегаю людей, – неуверенно подойдя к офицеру, сказал сын Тамары и, обжёгшись об осуждающий взор Маслова, отвёл глаза в сторону. – Они никогда не при-

мут тех, кто на них не похож...

– Примут, если мозги хорошенько вправить, – подмигнул своему спутнику Трофимов и, сменив улыбку на оскал, вернулся к диалогу с парочкой. – Вы здесь вообще какого чёрта делаете?

– У меня встречный вопрос...

– Я спасаю Ваши задницы! Вы же не понимаете, когда Вас просят держаться подальше от этих мест.

– Вы от нас отстанете или как? В самом-то деле... – недовольно развёл руками Денис и пробурчал. – Даже в лесу уединиться не получается!

– Уж поверь, Ваше счастье, что Вы встретили нас, а не кое-кого пострашнее, – заявил милиционер.

– И на кого же мы могли наткнуться? – поинтересовалась Даша, наконец-то укротившая страх.

– Вам лучше не знать, – ответил Петя, исподлобья бросив смущённый взгляд на симпатичную девушку, совсем не питающую к нему добрых намерений и убедительно попросившую:

– Пожалуйста, не говори со мной, ладно?

Климов расстроено отвернулся, затеребив набедренную повязку.

– Вам больше по нраву мой недовольный тембр? – вскинул бровь Алексей и обратился к Пете. – Похоже, приятель, с этими мудаками придётся говорить мне.

– По-моему, мы уже достаточно побеседовали... – решил

Маслов.

– Не угадал, – ухмыльнулся майор и, нахмурившись, спросил. – Говорите, где остальные?

– А кто конкретно Вам нужен? – уточнил качок, сразу пояснив. – Вашего сынка и Алисы с нами нет...

– Это я и без Вас знаю. К друзьям своим ведите! – в приказном порядке гаркнул Трофимов и, сморщившись от боли в руке, сипло добавил. – Отправлю Ваше стадо в Гродск и продолжу охотиться за другим, трёхметровым, непоседой...

– Неужели легенды правдивы и тут действительно водится нечто ужасное? – ахнула Бурова.

– Ага, мой более крупный и озлобленный аналог, – осмелился-таки вновь заговорить Климов.

– После того, как я увидел тебя, вольно-невольно стал верить в то, что у “Тайника Лешего” творится какая-то дичь, – признался Денис.

– Боже...вдруг нашим друзьям взаправду грозит опасность??? – взволновалась Даша.

Беспокойство передалось от девушки Маслову, которому неожиданно сделалось боязно за Колю с Томом.

Он посмотрел в суровые глаза служителю закона, затем ещё раз изучил замершее рядом с тем живое подтверждение существования монстров, и поведал:

– Наши друзья в лагере.

– Скорей бежим туда! – дёрнулась в сторону тропинки, ведущей в “Тайник Лешего”, девушка.

– Сперва вправьте мне руку, – попросил Алексей. – С целой бегаются куда веселее...

За возвращение конечности милиционера на законное место взялся качок, уже имевший опыт в подобных делах. Пока он колдовал над отёкшим плечом постанывающего сквозь зубы Трофимова-старшего, Бурова заметила, как Петя дружелюбно почёсывает своими острыми когтями брюшко её любимому Штирлицу, завалившемуся на спинку.

– Славный пёсик! Хотя бы для тебя я не чудовище, – с доброй улыбкой на лице приговаривал видоизменённый парень, доставляя животному массу удовольствия.

– Отойди от моей собаки! Я не хочу, чтобы он подхватил от тебя какую-нибудь дрянь! – враждебно рявкнула Климову рассерженная Даша, отчего тот одёрнул руку и, поникнув, отдалился от рыжего шпица, коего хозяйка поспешно подобрала с земли и, прижав к груди, укрыла от уродца.

Тем временем Денис до щелчка вправил майору руку. Сие свершение закрепилось коротким вскриком Алексея, чьё лицо исказилось от болевых ощущений.

– Ну что, все готовы? – нетерпеливо спросила девушка.

– Угу, вперёд, – прокряхтел офицер, аккуратно разрабатывающий беспокоящую конечность.

– Только бы обошлось, – выразила надежду Бурова, как над лесом разнеслись крики:

– Ааааааа!!! Кто-нибуудь!!! Помогииитеее!!!!

– Господи, это же Коля! – от ужаса прикрыв рот рукой,

панически провизжала Даша.

– Чёрт! – раздосадовано выпалил Маслов. – Давайте в темпе!!!

И сформировавшаяся команда ломанулась к “Тайнику Лешего”.

Вскоре...

На подступе к лагерю истошный зов Беякова прозвучал снова:

– Я тууут!!! Спасииитеее!!!

Прибывшая на место четвёрка промчалась по поваленным секциям забора и что есть мочи бросилась на выручку парню, чей голос доносился с другого конца территории.

Впереди всех нёсся Денис, ноги коего оставляли позади даже собственные мысли, не успевающие сформироваться в голове от подобных скачек.

Когда качок миновал маршрутку Азикиве и направился в сторону медпункта напрямиком через клумбы, его в экстренном порядке вынудило остановиться появление очередной твари, выбредшей из пристроенного к двухэтажному корпусу деревянного тамбура. Следом в землю вросли и догнавшие Маслова товарищи, опасливо уставившись на существо, имеющее ряд внешних сходств с Климовым: звериные глаза с красными вкраплениями, вывернутый наизнанку нос, тонкий хвост и склизкую складчатую кожу.

Оно также настороженно замерло, сжимая в своей лапе флакон, наполненный мутной жидкостью. По обескуражен-

ной физиономии гадины, явно застуканной за чем-то важным, было видно недовольство, с каким она встретила обьявившихся в “Тайнике Лешего” людей.

Неловкая для обеих сторон ситуация, с каждой секундой прибавляющая в напряжении, вытекла в вопрос покрывшего липким потом Трофимова:

– Хей, Петя, знаешь его? – спросил он у своего спутника, не сводя глаз со страшилища.

– Судя по облику, должен бы... – раззявив зубастую пасть, впал в замешательство изучающий чучело Климов.

– Ого, и ты здесь! – поразился горбатый зверь при виде Пети. – Разве тебя не похоронили?

– А мы знакомы?

– Я думал, воспоминания о той лагерной смене невозможно выветрить из головы...

– Секундочку... Боря?? – вглядевшись получше, узнал в монстре приятеля рыжих тройняшек Климов, робко выступивший вперёд.

– Не удивляйся. У тебя мордашка тоже шедевральной не вышла, – оскалился видоизменённый писатель.

– Как же хочется проснуться! – зажмурилась ошарашенная Даша и сильнее прижала к груди свою пушистую собачку, всяко изворачивающуюся в попытке поглазеть на нового знакомого.

– Может, введёте меня в курс дела? – попросил совсем растерявшийся Алексей.

– Эта рептилия с нами приехала, – пояснил разгневанный Денис и обратился к Костину. – Немедленно говори, что ты сделал с нашими друзьями?

– Спроси у того, что висит на заборе за медпунктом, – показал оскал Борис и сверкнул желтками свирепых глаз.

– О, нет... – обмяк Маслов, внутри у которого всё опустилось. – Какого чёрта ты наделал?

– Отвоевал то, что по праву принадлежит мне, – повертев в когтях флакон, изъяснился писатель.

– Что такого в ампуле, ради чего ты не погнушался пойти по головам? – не понимал поражающийся жестокости собеседника майор.

– Противоядие, – сказал Костин, с улыбкой добавив. – Надеюсь, оно не позволит мне окончательно стать другим. Ведь в жизни главное – не терять себя...

– Вот значит, зачем ты вытянул нас сюда, – догадался опустошённый Денис.

– Не только, – возразил Борис. – Я до последнего надеялся наладить отношения с тобой. Вот только ты никак этому не способствовал. Поэтому, раз дружбу уже не спасти, спасу хотя бы себя...

– Дай мне тоже! – метнулся к автору романов Петя, однако тот спрятал лапу с антидотом за спину и враждебно прычал:

– Стой, где стоишь! Флакон мой!!!

– Но Боря, пожалуйста! – отчаянно застонал Климов и

упал на колени, сложив руки в мольбе. – Я всё для тебя сделаю, только поделись!

– Нечем делиться. Пузырёк – последний и рассчитан на одного!

– Давай разопьём пополам? Мы ведь с тобой в одной лодке...

– Не в данном случае.

– Петя, не надо унижаться! Вставай! – поднял раскисшего товарища Трофимов и пообещал. – Мы отберём у него ампулу. Слишком грязным путём он её добыл...

– Думаете, я вот так просто подарю Вам свой билет в нормальную жизнь? – усмехнулся Костин, злобно фыркнув поросячьим носом. – Ну, попробуйте им завладеть!

– Ты дал разрешение себя прикончить или мне показалось? – уточнил Алексей и скомандовал влюблённой парочке. – Живо дуйте к друзьям! Мы с Петей займёмся убийцей...

Но Климов несогласно схватил офицера за рукав и, внезапно объятый диким ужасом, отрицательно завертел головой:

– Прячемся, немедленно!

– Всё в порядке, приятель? – справился у сына Тамары милиционер.

– Нянечка здесь... – выдавил Петя и, трепеща, медленно обернулся через плечо, к своему несчастью подтвердив присутствие громадной фигуры, недвижно стоящей на баскет-

большом поле.

Климов громко заорал, тыча пальцем на игровую площадку, куда все тут же устремили свои тревожные взоры. Впрочем, место, где Томас недавно играл в мяч, пустовало.

– Кто тебе померещился? – не догнал качок.

– Там никого нет, – выдохнула Бурова.

– Потому что он подобрался ближе, – мотнул подбородком в сторону корпуса для обслуживающего персонала Петя, где на краю крыши на фоне вечеряющего солнца, окрасившего небо в кровавые тона, сидела массивная сторбившаяся туша.

В одном глазу шипастой зверюги торчало оперение арбалетного болта, а в другом пылала первобытная хищная ярость. Выпрямившись во все свои три метра, она оглушительно прорычала и спрыгнула вниз, продавив почву мощными двупалыми лапами.

Выпустив из рук Штирлица, ускатавшего к заросшему лагерному парку, Даша истерично завизжала и ринулась к ГА-Зели. Маслов стартанул следом за ней.

Монстр молниеносно среагировал на движение. Его зрачки сузились, и он устремился наперерез выбранным жертвам.

Воспользовавшись заварушкой, Костин решил по-тихому покинуть “Тайник Лешего”, однако его попытку пресёк Климов, кинувшийся на писателя с воплем:

– Нееет! Отдай противоядие!!!

– Отвали, ссыкливый хлюпик! – прошипел Борис и, ловким движением очутившись у оппонента за спиной, схватил того за шею, после чего жёстко впечатал его мордой в стену корпуса, оставив в рядах треснувших кирпичиков заметную вмятину.

Трофимову, едва успевшему отправиться на помощь влюблённым, пришлось выбирать на ходу, в каком направлении метаться. Удостоверившись, что пара успевает добраться до маршрутки, майор поспешил разгребать проблемы сына Тамары.

Сотрудник милиции размахнулся и попытался вмазать звероподобному Костину, правда, разрезал кулаком лишь неподвижный воздух. Литератор легко увернулся от выпада Алексея и отвесил ему невероятно болезненный встречный удар в солнечное сплетение.

У офицера, не ожидавшего такой прыткости от врага, спёрло дыхание, и он, корчась, рухнул рядом с Петей, а Борис сломя голову отправился к центральным воротам лагеря.

Тем временем улепётывающая от лесной твари Бурова заскочила в ГАЗельку и, не помня себя от страха, захлопнула сдвижную дверь, даже не обратив внимания на то, что за ней остался её молодой человек. Девушка забилась между сиденьями, беспомощно наблюдая за тем, как Денис долбитя в грохотнувшую перед его носом секцию.

Вдруг чудище сбавило ход, заинтересовавшись драпающим к парковке писателем. Оно развернулось в противо-

положную сторону и Маслов уж было выдохнул, но зверюга напряжилась и выстрелила в качка несколькими шипами. Смертоносные окаменелости хлёстко вылетели из своих гнёзд на склизкой спине и обрушились на несчастного парня. Один отсёк ему предплечье вскинутой вверх левой руки, съехавшее с локтя подобно яблочной дольке, второй же насквозь пробил грудь и показался с внутренней стороны салона автомобиля.

Глухой стук, с каким пластина продырявила обшивку автобуса, несколько “разморозил” оторопевшую Дашу. Она подползла к выходу и, дрожа, отворила потяжелевшую дверь, на которую с обратной стороны был насажен забрызгавший окошко кровью Денис.

Бурова буквально вывалилась из машины и, когда легла пластом на колючее покрывало из засохших сорняков, устилающих потрескавшийся асфальт, узрела перед собой обрубок руки. Взвизгнув, девушка брезгливо отбросила его под маршрутку, после чего поднялась на ноги и, хлюпая, посмотрела на израненного качка. Её адски заколошматило, а с губ сорвалось скорбное стенание.

– Сними...ними меня отсюда... – прохрипел мучительно закативший глаза Маслов, меж зубов коего сочилась липкая алая субстанция, заполнившая полость рта.

– Сейчас, милый...потерпи...только не умирай, прошу! – дрожа, взмолилась Даша и предприняла попытку извлечь из парня пластину с толстыми прожилками.

Сил, однако, ей на это не хватило, и нарост доисторической твари остался торчать из туловища Дениса.

– Не получается, родной! Гадство, не получается! – психанула злая на саму себя Бурова, утирая обильно льющиеся по щекам солёные капли.

– Моё солнышко... всё нормально! Ты пыталась...

– Прости меня, – прорыдала девушка и, выеденная горем, крепко прильнула к телу своего ухажёра, из последних сил вяло прошептавшего ей на ушко:

– Позаботься о нашем ребёнке... Скажи, что папа очень сильно ждал и... и любил его...

– Не смей оставлять меня одну, слышишь? Не смей!

– Иди к... К-к-коле...

Дыхание Маслова остановилось, мышцы расслабились, голова поникла. Даша тут же отпрянула от него и, взглядевшись в безмятежное лицо Дениса, пошлѣпала того по щекам, надеясь, что любимый придѣт в чувства. Увы, чуда не произошло, и качок остался статично висеть на сдвинутой вбок двери автомобиля.

Задыхаясь от плача, Бурова на подкашивающихся ногах побежала исполнять последнюю волю убиенного – разыскивать Белякова. Ей удалось незаметно прошмыгнуть мимо твари, занятой Костиным, который, уворачиваясь от атак свирепого мортерида, всё-таки пропустил одну и оказался отброшен в корпус, в полѣте выронив антидот.

Проделав в стене первого этажа внушительную дыру, он с

грудой обломков ввалился в комнату, расположенную справа от входной двери.

Одноглазый зверь направился добивать свою жертву, но по пути его внимание перетянул на себя вставший из лежащего положения майор. Исполненный азарта хищник сменил курс и пошёл на попятившегося назад Трофимова.

Растянувшийся поблизости Петя наконец-то очухался и, слегка отлепив щёку от почвы, вожделенно посмотрел на флакон с противоядием, бесхозно валяющийся в нескольких метрах от него. Ликуя, он почти подорвался за ним, в тот же момент заметив, что у Алексея возникли серьёзные неприятности.

Скрипя сердцем, Климов поборол в себе желание сиюминутно завладеть антидотом и, вскочив с земли, помчался выручать друга. Парень подобрал увесистый камень, следом за чем взобрался на деревянный тамбур, оказавшись примерно на одном уровне с чудовищем.

Решиться на заведомо проигрышную и рискованную схватку с огромным монстром оказалось не так-то просто. Сердце заклокотало у Пети в горле. Он категорически не желал повторения предыдущего сценария, завершившегося его расчленением.

К преодолению себя Климова подтолкнул взмах когтистой лапы твари, намеревавшейся покончить с милиционером.

Парень зажмурился и сиганул с пристройки прямо на Ня-

нечку, ухватившись за одну из постепенно отрастающих на её спине пластин. Подтянувшись, он устроился на шее ископаемого, после чего с оглушительными криками принялся долбить камнем по его крепкой черепушке.

В следующие мгновения Петя будто поучаствовал в родео, где в роли быка выступал неимоверно взбешённый мортерид, буйно закрутившийся вокруг себя и замотавший кровотокащей головой.

– Уходите отсюда!!! – прогорланил офицеру Климов, с трудом удерживающийся верхом на угрожающе ревушем гиганте.

– Держись, дружок, я сейчас! – ответил майор и чухнул до ГАЗели.

С сожалением бегло глянув на труп Маслова, пристыкованный к сдвижной двери, Трофимов оббежал машину и занял водительское место. К его счастью, ключи оказались в зажигании.

Мужчина завёл тарахтящую маршрутку, врубил заднюю передачу и покатил обратным ходом, дабы протаранить агрессивную зверюгу без ущерба моторному отсеку.

Разогнавшись достаточно сильно, Алексей въехал в страшилище, отчего кузов автомобиля заметно повело.

Исполинская гадина громыхнулась на деревянную пристройку корпуса и, разломав её по дощечке, провалилась на подземную лестницу. Вдогонку её припечатало стальной дверью, куда затем шлёпнулся слетевший с двери автобуса

труп Дениса.

Петю же отбросило к фасаду здания, откуда из пролома вылез Костин и, подняв флакон, на его глазах выпил противоядие.

Лишившись, возможно, своего единственного шанса на нормальную жизнь, сын Тамары лишь отчаянно вытянул вперёд свою склизкую лапу и проглотил подступивший к горлу ком.

Писателя в жутком обличии стало погибать от болезненных трансформаций и, когда к нему вернулся обычный человеческий вид, он понёсся прочь из лагеря.

– Петя, живой? – спросил выглянувший из ГАЗели с раскуроченной задней частью милиционер, однако не успел получить ответ, как скинувший с себя тяжёлую дверь мортерид отодвинул маршрутку и, раздражённо сморщив нос и дёрнув оголившей острые зубы верхней губой, рванул к Климову.

Сын Тамары заорал громче сирены и пустился наутёк вслед за Борисом, уводя увязавшуюся за ним тварь с территории “Тайника Лешего” в тёмный враждебный лес.

Трофимов ядовито выругался и, развернув машину, поехал к главным воротам лагеря.

За медпунктом...

Она не успела. Её одноклассник, Коля Беляков, безжизненно болтался на острых пиках загнутого забора, так и не дождавшись помощи. Его свисающие конечности напоминали ветви плакучей ивы, а в открытых “стеклянных” глазах от-

ражалась залитая кровью трава с валяющимися в ней осколками зубов.

Не просыхая от слёз, Даша траурно сжала в своих руках холодную ладонь покойного и, заикаясь, проговорила:

– Вы там с Дениской берегите друг друга...

После девушка заметила, что в медпункте разбито окно. Она, спотыкаясь, проследовала к нему и заглянула внутрь здания, обнаружив там ещё один труп.

– О, Том... – глядя на безволосое чернокожее тело, купающееся в луже собственной крови, прохлюпала Бурова, схватилась за голову и присела на корточки, с новой силой разразившись безутешными рыданиями.

Тут откуда ни возьмись к ней подбежал Штирлиц, собравший, казалось, всю шелуху с деревьев аллеи на свою рыжую шерсть. Жизнерадостно виляя хвостиком, он встал на хозяйку передними лапками и, принюхиваясь, дотянулся мордочкой до её щеки, которую лизнул влажным язычком.

– Хоть ты целый, – шмыгнула носом Даша и потрепала собачку по пушистой макушке.

Шпиц взъерошился и, подпрыгнув, звонко тьякнул.

– Нет, Денис не придёт, – печально сказала Бурова и, погладив свой животик, добавила. – Это чудо – всё, что у меня от него осталось...

49

Часть народа, конечно, отсеялась. В успех верили далеко не все, поэтому некоторые предпочли забаррикадировать

окна и двери своих домов и укрыться в подполе. Те, у кого под постройками не имелось свободного пространства – шли к соседям, дабы пережить этот непростой вечер вместе.

Однако большинство людей не побоялись встать на защиту родной деревни. Сплочённые общим делом они активно готовились к предстоящему бою: точили вилы, мастерили факелы, начищали ружья и возводили примитивные укрепления вдоль ближайших к ручью изб – выкатывали телеги и составляли их цепочкой, затыкая брешу под ними тюками сена.

Дубовцев как истинный полководец обошёл возведённый кордон и, оставшись довольным проделанной жителями Малых Дукёв работой, залез в грузовой отсек выгнанного на улицу “Форда”, где вновь взял на себя управление гусеничной станцией, подогнав её к заграждению из повозок. Четверть часа назад, пока он разбирал и продувал динамик Палача, а также выковыривал тому потухший глаз, Сергеев с Лавринайтис вставили в “миниган” новую патронную ленту, после чего старлей набрал в свою группу семерых смельчаков, готовых пойти с ним в чащу – выманить противника на открытое пространство.

Изначально данный отряд намеревался возглавить Арсений, но милиционер, движимый мотивом лично отыскать Трофимова, настоял на своей кандидатуре.

Определившись с участниками рейда и обзаведясь рацией да жучком для слежки, офицер взялся раздавать приве-

зённые им автоматы. По “калашу” получили Тимофей с Забитом, хромой дедушка без правого уха – ветеран Великой Отечественной войны, и настырная пенсионерка в кишасе парике, буквально выдравшая АКС-74У из рук служивого.

– Бабуль, ты стрелять-то умеешь? – недоверчиво поинтересовался у женщины Павел, оставивший последнюю пушку себе, так как Олеся не изменила своим принципам и от огнестрельного оружия отказалась.

– Скалкой владею, значит, и по крючку клацать смогу, – вывалила аргумент новаявленная воительница.

– Убедительно, – ответил побледневший Сергеев, добавив. – Только, пожалуйста, не снимайте автомат с предохранителя до тех пор, пока мы не скроемся в лесу, ладно?

– И где тут предохранитель? – спросила завертевшаяся в руках “калаш” бабушка, вынудив пригнуться всех, кому не повезло расположиться поблизости.

– А Вы ещё к нам с подробным инструктажом пристали, – синхронно цокнули Рябов с Джафаровым. – Лучше бы ей его вычитали...

– Боюсь, здесь никакой инструктаж не поможет, – покачал головой старлей и обернулся на обращение мужика, состоящего в его немногочисленной банде добровольцев:

– У нас всё готово!

Офицер одобрительно кивнул и, собрав вокруг себя семерку храбрецов, сообщил казачку:

– Сеня, мы выдвигаемся!

– Принял! – откликнулся из “Транзита” Дубовцев и, проверив связь с милиционером, пожелал. – Ждём Вас со зверушкой...

– Угу, зови Запашных. То-то они обзавидуются! – совсем невесело хохотнул Павел и направился к проходу между телегами вместе со своим отрядом.

– Всем занять позиции! – громко распорядилась Лаври-найчис и народ организованно распределился по заранее установленным для каждого местам.

Основная часть ополченцев выстроилась у баррикад по обе стороны от самоходки, другие – заняли крыши ближайших домов, притаившись с ружьями за дымоходами. В тылу также остались бойцы: Забит разместился на чердаке Ашуровского сарая, показавшись из окошка с прижатым к плечу “калашом”, а Тимофея и обзаведшуюся штыковой лопатой Олесю приставили к командному пункту – кофейному фургону Арсения.

– Никому не зевать! Мы скоро, – заявил Сергеев и едва вышел за границу укреплений, как на склоне показался абсолютно нагой человек, на всех парах бегущий к поселению.

– Батюшки! – охнул кто-то из деревенских, вооружённый тяжёлой мотыгой. – Кто он такой?

– Ой, не к добру это! Помяните моё слово! – затрясла указательным пальцем бабушка, сжимающая в дряблых руках грабли.

Старший лейтенант взял на мушку приближающегося к ним мужчину, в котором, к своему изумлению, узнал разыскиваемого милицией Гродска преступника и по совместительству известного писателя – Костина Бориса Яновича.

Ошеломлённый офицер опустил автомат и, повернувшись к рядовой, попросил её:

– Одолжи-ка мне браслетик...

Девушка в погонах быстро подскочила к коллеге, передав ему наручники.

– Твой кореш? – с иронией уточнила она.

– Ещё не хватало, – открестился милиционер.

– Мало ли, – пожала плечами Олеся. – От чистого воздуха все городские дуреют.

– Его кукуха съехала куда раньше. В момент убийства двух подростков, – пояснил Павел и встретил запыхавшегося литератора прикладом в пресс, отчего тот шлёпнулся у его ног.

Сергеев затащил закашлявшего Бориса за оборонительные сооружения, прошипев:

– Ну что, как оно, когда тебя отделявают? А, паршивец?

– Прошу, выслушайте меня... – просипел Костин, небрежно поднятый старлеем.

– До суда потерпишь, – подталкивая задержанного в голую спину под пристальные взоры недоумевающих жителей Малых Дукóв, сопровождал его в сарай офицер.

– Вы не понимаете! Я видел нечто ужасное там, в чаще!

– А я в твоей Гродской квартире, где ты пристрелил парня

и поспособствовал падению девушки с седьмого этажа...

Оказавшись внутри постройки, милиционер пристегнул обнажённого убийцу наручниками к сидящему у деревянной стены Вешателю.

– Ты ведь не против, если твой металлолом постережёт этот кусок дерьма? – справился Павел у нарисовавшегося в проходе Дубовцева.

– Не желаешь прояснить ситуацию? – вскинул бровь казачок.

– Нет времени. Потом, – коротко бросил Сергеев и устремился к выходу, но вынужденно развернулся обратно, услышав за спиной дикий протяжный вопль Бориса:

– Сыворотка не помоглааа!!! Только не сноваааааррргх...

Писателя ужасно закрючило, изо рта пошла пена. В порыве бешенства он разломал браслет, чья цепочка разлетелась на звенья. Тело негодяя стало неестественно извиваться и противно хрустеть, претерпевая мерзкие изменения: из копчика вылезло подобие хвоста, ногти выдавились звериными когтями, кожа покрылась слизью и собралась складками.

Арсений среагировал мгновенно и, самое главное, хладнокровно. Он сорвал с пояса киборга висельную петлю, накинуд её на шею меняющего обличие преступника, следом за чем нажал кнопку на узле. Шустро затянувшаяся ловушка срезала Костину разбухшую башку, слетевшую с его плеч на пыльный пол сарая. Туда же спустя мгновения повалилось и брызгающее фонтанами крови обезглавленное тело.

– Извини. Я не мог позволить, чтоб уцелела хоть одна тварь, – изъяснился непоколебимый Дубовцев и, презрительно плюнув на свежий труп, обвёл кончиком языка шрам на губе.

– Грустить по нему я уж точно не буду, – признался старлей, нервно дёргая глазом. – К тому же, я бы вряд ли добился вменяемости от человека, скрывшегося под шкурой неизвестного существа...

– Тогда пошли, надо закончить начатое, – позвал офицера казачок, и оба мужчины покинули сарай, закрыв за собой створки ворот.

– Всё путём? – любопытствовал торчащий из чердачного окошка Джафаров. – Я слышал какие-то крики...

– Арестованный побуянил слегка, – почесал репу милиционер и, криво улыбнувшись, попытался успокоить толпу. – Повода для беспокойства нет! Работаем дальше!

К счастью, лишних вопросов никто не задал, и они смогли спокойно продолжить операцию. Арсений скрылся в “Форде”, нацепив на себя гарнитуру, а Павел повёл свою группу через луг.

Правда, добраться до елово-соснового леса восьмёрке партизан так и не удалось. Проблемы настигли их уже у подножия склона...

50

По пустой трассе неторопливо катил белый фольксваген “Транспортёр” четвёртого поколения с установленной на

крыше спутниковой системой. На глухих боковинах фургончика разместились три большие буквы баклажанового цвета “СВН” – самые важные новости, и слоган “**новости бывают плохими, а наши репортажи – исключительно хорошими**”.

Мужчину за баранкой ужасно клонило в сон от нудной болтовни его экстравагантной коллеги, не закрывающей рот с самого начала их поездки. Казалось бы, её оператором он выступал уже год, но привыкнуть к бесконечному словесному поносу корреспондентки никак не мог.

Оно и неудивительно. Слишком хорошо он спелся со своей прошлой напарницей. Та не приседала ему на уши так усердно, да и, чего греха таить, была посимпатичней нынешней. Эта же точно муха, честное слово. Доставучая и страшная. Маленькие глазки на её сытом личике, словно разведённые по разным полюсам, располагались чуть не у ушей, нос выглядел неаккуратным и широким, а лошадиная челюсть пестрила кривыми зубами, при чьём виде стоматологи дружно плакали всей клиниккой. Такую особу было сложно не заметить, особенно в её специфичных нарядах, которые, как и отсутствие чувства меры, скорей отталкивали, нежели располагали.

И всё бы ничего. Поначалу хотя бы работалось интересно, даже какой-никакой энтузиазм присутствовал. Однако затем, после одного провального репортажа, съёмки тоже перестали приносить удовольствие, потому что студия лишила

их возможности освещать важные события.

Собственно, в большинстве своём ныла корреспондентка именно из-за случившейся с ними несправедливости. Если женщина включала причитающий режим, выключить его не представлялось возможным.

– Возмутительно! Репортёр такого уровня, как я, занимается сюжетом об одобрениях! Да где подобное слыхано? – снова зажужжал в ушах мужчины этот невыносимый голос, совсем не тянущий на ангельский.

Водитель почесал заросший щетиной бугристый подбородок и нервно треснул рукой по рулю, процедив:

– Господи, Марго, можешь ты притихнуть хоть на минутку? У меня башка скоро лопнет!

Дамочка вытаращила на коллегу превратившиеся в пуговицы глаза и заверещала пуще прежнего, заставив оператора пожалеть о своей просьбе.

– Вот значит как? Докатились, Тимур! До-ка-ти-лись! Конечная! Теперь я, видите ли, ещё и раздражитель. Будто тебя самого всё устраивает...

– Не устраивает. Только делу нытьём не поможешь. Свои претензии надо высказывать в лицо. Чего толку сыпать проклятиями, пока никто не видит?

– Между прочим, я с тобой своими переживаниями делюсь! О наблевшем рассказываю. А тебе, оказывается, наплевать, – обиделась женщина.

– Я выслушиваю тебя уже битый час, – проскулил мужчи-

на, вспоминая, сколько раз она повторила одни и те же жалобы.

Человек творческой профессии, называется. С таким скудным запасом слов и мыслей ей впрок устроиться какой-нибудь кухонной работницей, где никто не посмотрит на то, какая “интересная” и “яркая” она личность. Губку в руки – и пошла драить до блеска грязную посуду.

Корреспондентка притихла. Тимур уж было обрадовался, что заткнул-таки этот разглагольствующий фонтан, однако вскоре Марго продолжила плевать слюной:

– Не для того я с отличием окончила институт, чтоб писать о вонючем помёте! А вспомни того чванливого фермера! Он же просто невыносим!!! И пахнет немногим лучше, чем его мерзкие животные...

“Как же некстати сломался радиоприёмник” – расстроено подумал водитель, поковыряв мизинцем в заложенном ухе.

– Ну, я им всем покажу, ублюдкам неблагодарным! Если бы они имели хоть грамм мозгов, смогли бы сообразить своей куриной головой, что зрители жаждут именно наших, поистине захватывающих, репортажей!

– Так сделай сюжет о навозе захватывающим, раз у тебя столь непомерный талант, – ухмыльнулся мужчина, и тут его напарница взорвалась, замолотив языком подобно дробилке.

Опускаться до комментирования очередной порции гневной какофонии Тимур не стал. Ещё раз убедившись в бес-

смысленности диалога, он решил не расплыться на пустую болтовню и полностью сосредоточился на дороге. Не хватало ещё в кювет улететь из-за этой дурочки.

За окном по обе стороны трассы простирались объятые пламенем заката поля с редкими берёзами, а вскоре картинку разбавило возвышающееся справа от обочины двухэтажное здание гостиницы “ПРИДОРОЖНАЯ”. Судя по пустующей парковке, постояльцев в ней было немного.

Оставив позади симпатичную постройку, “Транспортёр” покоптил к нарисовавшемуся впереди елово-сосновому лесу, когда Марго вдруг неожиданно вскрикнула:

– Тимур, ты это видишь??

Водитель лениво посмотрел на холм, близ коего раскинулась деревенька, и тоже оживился. Там действительно происходило нечто странное.

– Чего раззявил рот? Нас наконец-то ждёт стоящий репортаж! Скорей туда! – скомандовала воодушевлённая корреспондентка, и её оператор, недовольно фыркнув, тут же свернул налево, после чего, съехав с асфальтированного покрытия, погнал фургон по просёлочной дороге.

51

Из леса на вершине склона донеслись странные звуки, сопровождающиеся треском веток. Остановивший отряд Павел тотчас вскинул “калаш” к плечу. Остальные семеро смельчаков также приняли боевую стойку и, выставив вперёд ружья, острые вилы и тяпки, замерли в напряжённом ожида-

нии. Что-то стремительно надвигалось на них из чрева чащи, прорубая себе путь в сплетениях хвойных лап.

Сосны и ели, чьи макушки словно вонзились в огненное небо, содрогнулись и буквально “выплюнули” схлестнувшихся в схватке уродливых тварей. Горстку людей обдало дождём из иголок и шишек, после чего на них кубарем полетел борющийся ком.

ТУДУХ! ТУДУХ! ТУДУХ! – произвёл по монстрам несколько выстрелов Сергеев и, осознав бесполезность пальбы, проорал во всё горло:

– Отступаем!!!!!

Группа старлея ломанулась обратно к деревне, но во время суматошного бегства понесла потери. Единственная среди восьмёрки добровольцев женщина, споткнувшись, упала, а поспешивший к ней на помощь моложавый мужчина не успел даже поднять несчастную на ноги, как по ним прошлась набравшая ход куча-мала.

– Какой кошмар... – прикрыв рот рукой, прошептала Олеся, переглянувшись с дежурящим по другую сторону “Транзита” Тимофеем и продолжила наблюдать за разворачивающейся у склона драмой.

Раскатав по лугу вставших на пути сельчан и оставив после себя полосу из кровавых ошмётков, шар страшилищ распался на отдельные фигуры. Та, что походила на человека, с душераздирающими криками побежала от более крупной, которая, остервенело взревев, понеслась следом.

Меньшее из чудищ вскоре нагнало капитулирующий отряд и, затесавшись в нём, дало понять своим до смерти перепуганным видом, что не является угрозой и пытается спастись, как все прочие.

Огромная одноглазая зверюга тоже достаточно быстро сократила дистанцию до беглецов и принялась беспощадно кромсать их.

Забит и несколько стрелков на крышах изб открыли прицельный огонь по шипастому преследователю в попытке отбить его от группы милиционера. Не вышло. Единичные попадания не доставляли ископаемому серьёзных проблем, только сильнее злили. А поливать мерзавца очередями было опасно из-за риска зацепить своих.

“Миниган” вообще хранил молчание, потому что смотрел непосредственно на заслон из приближающихся вопящих людей.

– Уйдите с траектории обстрела! – горланил возвращающимся Дубовцев, выскочивший из своей передвижной базы и машущий руками.

Само собой, его никто не слышал. Каждый пытался остаться в живых, поэтому и не думал вилять куда-то вбок.

Увы, до укрытий добрались не все. По пути отряд лишился ещё двух своих членов. Их разорванные в клочья тела остались лежать на лугу, пропитывая землю кровью. И только самые бойкие достигли-таки возведённого кордона. Миновав ручей, они забрались на земляной уступ, пересекли

колею и полезли через телеги.

Тут паника пробрала и тех, кто дежурил за баррикадами. Несколько человек пороняли своё оружие и покинули позиции, удрав вглубь Малых Дукóв.

Оставшиеся помогли союзникам преодолеть повозки и враждебно спихнули с них изуродованного парня, попавшего напрямик в лапы доисторического существа.

Хищник вцепился в горло бедолаги и только намеревался растерзать его, как в чертё деревеньки появилась жёлтая покоцанная ГАЗель.

– Алексей Викторович... – разглядев водителя автобуса, просяял забрызганный чужой кровью Павел и про себя добавил: “Я в Вас ни разу не усомнился!”.

Промчавшись по окаймляющей поселение дороге, маршрутка на полном ходу въехала в тварь, отчего схваченного той парня отбросило к сараю.

Он пробороздил почву до самых ворот, затем снёс их и жёстко затормозил о припаркованную внутри “семёрку”.

Джафаров, увидавший, как в помещение под ним прокувыркалось одно из мерзких существ, незамедлительно покинул чердак. Спустившись вниз, азербайджанец подскочил к противнику, вмявшему своей горбатой спиной заднюю дверь машины, и дрожащими руками навёл на него дуло АКС-74У.

– Не стреляй, он вроде за нас, – остановил друга подтянувшийся к нему Рябов.

– Вроде? Ты взгляни на него, Тим! – забрызгал слюной

Забит и, указав на обезглавленный труп, валяющийся у киборга, продолжил. – С тем хреном Сеня и мент не сюсюкались. Думаешь, этот заслуживает пощады?

– Да, наверное...

– Подобные ему убивали людей!

– Я никого не убивал, – вмешалось в диалог товарищей боящееся пошевелиться существо в набедренной повязке.

– Что ты такое? – полюбопытствовал Рябов.

– Я человек, – дрожа всем телом, прохрипело нечто. – Меня Петя зовут...

– Говорил же, он не опасен, – обратился к однокурснику Тимофей, но, протянув Климову руку, вдруг насторожился.

Он заметил, что существо напротив утратило человеческое понимание в глазах, сделавшихся абсолютно звериными. Сейчас за ним будто пристально наблюдал хищник. От этого чувства по спине Рябова пробежал холодок.

– Чего с ним? – приподнял бровь Рябов и пощёлкал пальцами перед безэмоциональной рожей уродца.

– Братан, по-моему, с ним всё плохо... – покрывшись потом, констатировал его друг.

Преображения Пети действительно не предвещали ничего хорошего. Его верхняя губа оголила клыки перекошенной пасти, вывернутый влажный нос сморщился, брови сурово съехались галочкой.

За пушку Тимофей схватиться не успел. Нечто подсекло его хвостом, уложив на лопатки.

Джафарову-таки выстрелить удалось, правда, попал он только в деревянные стены и потолок сооружения, так как в тот момент на него уже накинута озверевший Климов, и автомат с зажатым спусковым крючком наклонился в сторону.

Выпустив остаток обоймы, азербайджанец выронил АК-С-74У из руки и в обнимку с тварью шлёпнулся на пыльный пол сарая. С трудом отводя удары Пети, Забит отполз к пеньку для рубки дров, где попытался обжиться воткнутом в него топором. Монстр такой роскоши не позволил и резанул по предплечью оппонента заточенными не хуже бритвы когтями.

Вскрикнувший Джафаров одёрнул руку, следом за чем чудовище расцарапало ему лицо. Оставив три продолговатых раны на брови и щеке усатого парня, оно чудом не съездило тому по глазу.

ТУДУДУХ! ТУДУДУХ! – заклокотал “калаш” Рябова, прострочив Климову спину.

Петя бешено прорычал и, схватив топор за рукоять, пульнул его в Тимофея вместе с пнём.

Гостинец угодил в пушку, а та в свою очередь припечатала стрелка в грудь. От подобной отдачи Рябов повторно отправился отдыхать в горизонтальное положение.

“Кажется, физру у Зои Егоровны мне отработать уже не удастся” – грустно подумал азербайджанец, когда оно в очередной раз замахнулось на него своей лапищей.

Зажмурившись, Забит приготовился к неизбежному, но

ничего не произошло. Глаза Климова внезапно обрели человеческую ясность, зрачки расширились и он, улицезрев перед собой потрёпанного Джафарова, с ужасом отшатнулся от него.

– Нет, нет, нет! Я не мог сорваться! – замотал головой Петя, беспокойно оглядывая свои окровавленные когти.

В мыслях парня не укладывалось, что он взаправду причинил человеку вред. Неужели ему всё-таки не удалось искоренить в себе зверя, и тот взял верх над волей? Если так, случилось это в самый неподходящий момент. Общество вряд ли приняло бы его в принципе, а теперь вовсе пожелает Климову смерти.

Особенно тревожно Пете становилось от того, как на сей проступок отреагируют мама с Яной.

Он продолжал ошеломлённо пялиться на свои склизкие лапы, коими только что лишил себя билета в светлое будущее, и не знал, куда деваться.

“Бежать... Бежать в лес. И никогда больше не показываться за его пределами!” – решил Климов и развернулся к выходу.

В следующее мгновение парень успел различить лишь нарисовавшуюся перед ним разгневанную Олесю. Она с маху рубанула по врагу штыковой лопатой, разрубившей Петину голову пополам.

Лицо рядовой окропили алые брызги, и поверженное существо опустилось на колени с торчащим промеж глаз ин-

струментом, засаженным до самой шеи.

Вырвав орудие из раскуроченной морды, девушка толкнула паршивца тяжёлым ботинком и тот замертво грохнулся у её ног, а сама она, утёршись рукавом рубашки, с ухмылкой заключила:

– Кажется, я неплохо справилась и без огнестрела.

– Где Вы раньше пропадали? – дал петуха перебздевший Забит, не спешащий подниматься с пола.

– Явилась сразу, как оттащила раненых к базе, – ответила Лавринайтис.

– Чёртовы выродки, – ругнулся щупающий ушибленную грудь Тимофей и, оказавшись рядом с телом Пети, всадил в него две обоймы из автомата.

Олеся пыталась воспрепятствовать подобному надругательству, однако молодой человек не успокоился, покуда не истратил весь боезапас.

Пули расколошматили плоть покойника, отчего изрядно подпортили его внешний вид, отныне более походящий на суповой набор.

Несколькими минутами ранее...

ГАЗель, взявшая мортериду на таран, полностью разворотила моторный отсек, зато сумела подкосить монстра, выпустившего из рук свою жертву – Петю Климова. Тварь приземлилась на одну из телег и зацепила тех, кто не успел отскочить в сторону.

Дежурящая у “Форда” рядовая и ещё тройка сельчан тут

же кинулись вытягивать пострадавших из опасной зоны подалеже в тыл. К счастью, смертельных травм никто не получил и Лавринайтис, оставив раненых на попечение соседей, отлучилась в сарай, где повторились выстрелы.

Тем временем к месту событий прибыли не пойми откуда взявшиеся репортёры “Самых Важных Новостей”. Их белый фургончик остановился недалеко от крайних укрытий и из него выскочили корреспондентка и её оператор, водрузивший на плечо крупную камеру. Вооружившись микрофоном, девушка, выряженная под хиппи, принялась освещать происходящие в поселении события.

Съёмка стартовала с момента, когда Дубовцев подвёл самоходку к лежащему на разломанной повозке невиданному существу и залил его свинцом из “минигана”, организовав фонтан из шматков мяса.

Затравленная тварь, прищуривая единственный глаз, поползла от расстреливающего её пулемёта и при попытке встать рухнула на избу. Ветхое строение частично обрушилось, и с его покосившейся крыши скатился пожилой стрелок. Мужчина напоролся на окостенение зверя, полезшего через комнаты к противоположной стене прямо с ним на горбу.

Доломав дом до конца, монстр отбросал с себя брёвна, из коих тот был возведён, и вывалился во двор. Там он избавился от трупа старика на спине, мимоходом наступив на собачью конуру. Благо её жительница – мохнатая дворняга –

успела удалиться из своего убежища.

Гусеничная станция проследовала за хищником, маневрируя среди оставленного им погрома. Под траками хрустели обломки внутреннего убранства избы, ныне представляющей из себя платформу с горами хлама.

Самоходка догнала дезориентированную тварь, трусливо пытавшуюся уйти огородами, и повторно накрыла её шквальным огнём.

Сминающий кусты мортерид снова не устоял на задних лапах и, неуклюже прокружившись по пустым грядкам, повалил невысокий деревянный забор, после чего оказался на другом земельном участке, где своим перекатом снёс теплицу, а затем и баню с колодцем, чей ворот отлетел в окно застеклённой беседки, разбив его.

Патронная лента стремительно укорачивалась и, наконец, закончилась. Блок стволов “минигана” прекратил вращаться, выпустив шлейф дыма.

Уткнувшись мордой в землю и издавая полные страданий протяжные урчания, обтёсанная пулями зверюга постепенно заживляла серьёзные раны. Казалось, оставленные на склизком теле монстра увечья вот-вот затянутся, однако тут на него накинuloсь скопище озлобленных людей и стало нещадно забивать самыми различными предметами.

Ископаемое попробовало отползти от беснующейся толпы, чего ему совершить не удалось. Плоть доисторического существа протыкали острые зубья вил, в неё вонзались зато-

ченные деревянные колья, её прорубали топоры.

Загнанный в угол хищник бился в агонии, издавая неистовый рёв, сотрясающий неподвижный воздух над деревней. Народ же, явно вошедший во вкус, не прекращал безжалостно разделявать своего врага. Удары сельчан становились яростней, их орудия наносили всё больший урон.

Отсечённые конечности мортерида не успевали заново отрастать, постоянно подвергаясь очередным обрезаниям.

Достаточно обкромсав чудище, жители Малых Дукóв облили его с канистры бензином и подожгли. Ослепительно вспыхнув в опускающейся на округу темноте, оно мучительно затрепыхалось, обгладываемое языками пламени.

В одной из хрущёвок Гродска...

Ксения Витвинина убаюкала своего двухлетнего сына и аккуратно уложила его в кроватку. Сегодня он вредничал больше обычного, закатив любимой маме грандиозную истерику на сон грядущий, а теперь, словно с чувством выполненного долга, умиротворённо причмокивал соской.

Измождённая девушка нежно поцеловала заплаканного малыша в лобик и вышла из тёмной комнаты, осторожно прикрыв дверь.

Да, с таким беспокойным ребёнком было непросто. Кажется, с ним она полностью забыла о себе и превратилась из привлекательной жизнерадостной особы в вечно недосыпающую исхудавшую замухрышку. Однако, чего скрывать, в по-настоящему счастливую замухрышку.

Ещё со времён работы вожатой в лагере “Тайник Лешего”, она мечтала о собственном карапузе, в отличие от своей подруги Инны, у которой, наоборот, с тех пор отбилося какое-либо желание заводить кого-то, кто не вылуплялся из яйца, как её волнистый попугайчик, а вынашивался в животе.

В зале тихо вещал телевизор. Муж Ксюши, Егор, обычно включал его исключительно для фона, пока сам корпел над какими-то мудрёными чертежами. Даже дома отдых ему только снился, ведь деньги в семью приносил он один. Наверное, парень бы давно опустил руки, если бы не надёжный тыл в лице жены, успешно справляющейся со своими домашними и материнскими обязанностями.

Девушка под села к любимому на диван, ненавязчиво прижавшись к его плечу. Тот дежурно чмокнул её в макушку и снова уткнулся в разложенные на журнальном столике листы.

Бесспорно, страсть в их отношениях стала жертвой навалившихся трудностей и, коль не угасла совсем, то находилась в спячке уж точно. Запал, с каким начинался совместный путь Ксюши и Егора, улетучился, аукаясь лишь еле заметными отголосками.

– Я тут себе кружевные трусики прикупила... Не хочешь оценить? – попробовала привлечь внимание загруженного мужа жена, жаждущая встряхнуть их любовную гавань.

Тот посмотрел на неё, как баран на новые ворота, и, насу-

пившись, пробубнил:

– Какие трусики? Мне тут чертежей разгрести до самого утра... Давай не сегодня?

– Ладно, ещё пару месяцев подождут, – обиделась девушка, с грустью осознав, насколько сильный кризис пришёл к ним в пару.

Она поняла, что ей в очередной раз ничего не светит, поэтому взяла пульт и принялась перелистывать каналы, остановившись на том, где шёл поистине шокирующий репортаж.

– Глянь-ка сюда! – воскликнула пихнувшая мужа Ксюша и прибавила звук, позабыв о том, что в соседней комнате спит её сынок. – Кажется, твою деревню показывают...

Егор поднял уставшие глаза на экран и сразу же восторженно вскрикнул, заинтересованный сюжетом.

– *Здравствуйте, уважаемые телезрители! С Вами Маргарита Баженова и Вы смотрите экстренное включение из самого эпицентра бойни, развернувшейся в тихой деревушке под названием Малые Дуки...* – вещала корреспондентка, за чьей спиной оглушительно заливался пулемёт, беспокойно сновали люди и свирепствовала какая-то невиданная уродливая зверюга, разломавшая избу. – *По возведённым укрытиям становится понятно, что жители данного поселения готовились к встрече с таинственным существом, ныне крушащим их дома...*

Через стену слышался плач малыша, проснувшегося от

разведённого родителями шума. Но Ксюша не обратила на него внимания. Её поглотили события, освещаемые репортажами “Самых Важных Новостей” и навеявшие неприятные воспоминания о тех трагичных событиях, что случились с её подопечными из отряда “Искатели” около восьми лет назад.

В кабинете Колесникова...

Савелий Куприянович украдкой изучил обстановку за окном, у коего стояла служебная “Нива”, и, убедившись, что за ним никто не подглядывает, закрыл жалюзи.

Его офис сразу же погрузился во мрак, рассеиваемый лишь свечением работающего на тумбочке крохотного телевизора, чей звук брюхастый выключил перед тем, как заглянул в холодильник, откуда добыл бутылочку коровьего молока.

Жадно отхлебнув любимого напитка, мужчина убрал его на место и, отогнув свисающие с гудящего шкафа ветки комнатного винограда, захлопнул дверцу.

После он выудил из-под стола какой-то шуршащий свёрток и, набрав в пухлые щёки воздуха, приступил к надуванию. Постепенно бесформенный шмоток превратился в даму с напечатанным лицом и тремя любовными отверстиями.

Раскрасневшийся толстяк доволоч её до центра помещения, где усадил на заранее подготовленный стул. Пристегнув резиновую девушку наручниками к высокой спинке, офицер сдвинул ментовскую фуражку на свой широкий лоб и начал допрос:

– Вздумала шутки со мной шутить, милочка? Сочла за простачка, да? Хех, от полковника Колесникова ни за что не скроешься! Я Вас, грязных потаскушек, за километр чую!

Деловито сомкнув жирные руки за спиной, офицер не торопясь обошёл стул с куклой и пафосно продолжил:

– В этой округе не будет процветать беззаконие, пока я жив! Ни один преступник не останется безнаказанным и ты, давалка вокзальная, в том числе!

Далее Савелий Куприянович наклонился над брюнеткой и, отвесив ей смачную пощёчину, прошипел:

– Предупреждал же, что если поймаю снова, ты одним лишь нытьём уже не отделаешься!

Затем мужчина проникновенно посмотрел на молчаливую заключённую и, вскинув бровь, констатировал:

– Вижу, ты напугана и ужасно дрожишь, – выдержав паузу, он снисходительно добавил. – Не переживай, я же всё-таки не чёрствая скотина. Со мной ещё реально договориться...

Полковник усмехнулся, отбросил фуражку, чувственно облизал верхнюю губу и ткнул надувной нимфе в подбородок табельным пистолетом “Макарова”, извлечённым из кобуры на поясе.

– Спокойно, сучка. Тебе понравится, – пообещал офицер и стал медленно опускать дуло оружия по резиновой коже куклы.

Проведя им между грудей, он плавно перешёл на живот и направился к интимной зоне, испытывая запредельное воз-

буждение.

Колесников представлял на месте игрушки гордую и неприступную Лавринайтис, которую безумно желал, однако сам не имел должной маскулинности, чтобы осилить её строптивость.

Помимо идеальной фигуры и красивой внешности его в Олесе ничего более не интересовало. Мужчина держал её рядом, как свою помощницу, в надежде на то, что когда-нибудь у них случится то, о чём он мечтал уже не один месяц.

Милиционер расстегнул ремень, прожужжал молнией на ширинке и стянул с себя форменные брюки.

– Что такое? – неожиданно подняв глаза на равнодушную куклу, заботливо справился у неё Савелий Куприянович и обернулся на телевизор. – Тебя смущают люди с экрана? Не вопрос, сейчас отрублю...

Полковник проследовал к тумбочке в рубашке и трусах, взял пульт и только положил палец на кнопку выключения, как тут же переметнул его на другую – ту, что прибавляла звук.

– ...и Вы смотрите экстренное включение из самого эпицентра бойни, развернувшейся в тихой деревушке под названием *Малые Дуки*... – сквозь звуки стрельбы, перемежающиеся с рыком мерзкой зверюги, маячащей на фоне, говорила корреспондентка “Самых Важных Новостей”.

Обмякший офицер тарасился в экран и отказывался верить, что в месте, находящемся под его юрисдикцией, тво-

рится такой кошмар. Кажется, его щёки обвисли сильнее обычного от мыслей, что народ завалит его многочисленными жалобами и обвинит в бездействии, а Лавринайтис...

Кстати о ней. Не Олеся ли согнала сельчан в кучу и организовала сию заварушку? Зная её властный характер и стремление к лидерству, эта дамочка вполне могла... Если, конечно, осталась в живых после их вчерашнего расставания.

– ...становится понятно, что жители данного поселения готовились к встрече с таинственным существом, ныне крушащим их дома. У нас нет информации, откуда оно взялось, но уже очевидно, что данная особь является неизвестным науке видом...

Крики, жертвы, разрушения... Происходящее в деревне поистине пугало.

Камера протряслась мимо разбитой маршрутной ГАЗели, откуда неизвестный парень доставал пострадавшего водителя, показала уничтоженную избу и выхватила удирающего от гусеничной станции монстра крупным планом.

Колесников схватил со стола пачку “Честерфилда”, вынул оттуда одну сигарету и, нервно сунув в рот, закурил.

– Грёбанные репортёры! – негодовал милиционер, глубоко затягиваясь едким дымом и стряхивая пепел мимо пепельницы. – Нашли, из чего сенсацию сделать! Теперь об этом узнает вся страна, а отдуваться придётся мне...

Атмосфера хаоса передавалась в сюжете очень чётко и Са-

великий Куприянович, не выдержав, выключил голубой ящик.

Он шустро скурил первую сигарету и принялся за вторую.

Незадолго до этого...

Пока Лавринайтис дирижировала эвакуацией жертв рухнувшего на телегу монстра, а находящийся в грузовом отсеке “Транзита” Дубовцев разворачивал самоходку на нужный курс, Сергеев открыл водительскую дверь повреждённой маршрутки и помог выбраться находящемуся внутри Трофимову, оставившему на вдавленном в салон стекле отпечаток своего лба в виде кружева трещинок.

– Святые угодники, Алексей Викторович, Вас кто ездить учил?! – воскликнул Павел и, закинув руку ослабшего коллеги себе за шею, потащил его из пекла сражения в безопасное место мимо проскакавших навстречу репортёров. – Сбили пешехода, ещё и машину сломали...

– Он переходил в неположенном месте, – с едва различимой улыбкой пошутил хромающий майор, вытирая ладонью окровавленное лицо, покрытое синяками.

Позади милиционеров загомосил пулемёт, добравшийся на своей гусеничной карете до одноглазой твари, которая, укрываясь от града пуль, шарахнулась на избу, с чьей крыши свалился мужчина с ружьём.

– Я не смог остановить его в лагере. И теперь из-за меня вновь страдают люди... – обернувшись в сторону боевых действий, скорбно просипел повисший на товарище майор.

Старлей, также наблюдающий за тем, как мортерид доло-

мал бревенчатый дом, уничтожил собачью конуру и пустился через огороды, назидательно заключил:

– На войне случаются потери. И не Вам себя в них винить.

– Ладно, сопру на тебя, – невесело хохотнул Трофимов и, вздохнув, серьёзно добавил. – Только себя не обманешь...

– Шутите?! – удивился Павел, когда “миниган” снова принялся плевать огнём и вынудил чудище завалиться на забор. – Вы ввязались в чужую драку, но при том отдали для победы больше, чем кто-либо ещё. Не потому, что должны этому народу, а просто потому, что хороший человек...

Подавленный Алексей несогласно покачал головой и, переведя взгляд на сарай с проломленными воротами, откуда донеслись звуки выстрелов, заметно встревожился. Он тут же освободился от опеки Сергеева и спешно поковылял к строению, куда отбросило сына Тамары.

Только майор вошёл в помещение, как Олеся, держащая в руке штыковую лопату, с кончика коей капала кровь, сразу же просияла. Она отшвырнула инструмент, подбежала к Трофимову и крепко обняла его. Офицер, однако, взаимность выразить не успел, потому что впал в ещё более глубокое уныние при виде останков своего протеже.

Идентифицировать личность фарша, окружённого Тимофеем с Забитом, Алексею помогла набедренная повязка Климова.

Проявив безразличие по отношению к рядовой, старший по званию выпутался из её объятий, присел у тупа, дрогнул

скулой и, заметив продолговатые раны на кислой физиономии азербайджанца, спросил:

– Что здесь произошло?

– По мне разве неясно?! – возмутился Джафаров, тыча пальцем в своё проборождённое лицо.

– Эта хрень набросилась на нас и пыталась разорвать, – обрисовал Рябов, крепко сжимающий в руках “калаш”.

– Быть того не может... – горестно изучая кровавое месиво, не поверил майор, но тут его по плечу похлопал старлей и тихо сообщил:

– За нынешний вечер он уже второй, с кем случился подобный приступ...

Азербайджанец возмущённо покосился на обезглавленное тело Бориса Костина, распластавшееся у ног отдыхающего в углу Вешателя, и предъявил Павлу:

– А заливали, что нет повода для беспокойства!

– Нас так в милицейской академии учили, – пожал плечами Сергеев. – В любой патовой ситуации профессиональный этикет превыше всего!

Лавринайтис укоризненно посмотрела на коллегу и всё же предпочла промолчать.

Между тем Трофимов скорбел по Пете, шепча сквозь слёзы:

– Прости, приятель... не сберёг я тебя...

– Не по тому убиваетесь, – неодобрительно сказал Тимофей.

– Сегодня каждый что-то отдал для общей победы. И этот парень – не исключение, ведь он пожертвовал всем, – заступился за мёртвого друга старший из офицеров.

Недовольно загудевших Рябова с Джафаровым оперативно заткнула рядовая, благородно добавив:

– Думаю, будет правильно закончить бой вместе с остальными...

– Ну, если нам за это докинут к пенсии, я “за”, – поддержал Павел, в компании парней и Олеси зашагав на улицу.

С места не сдвинулся лишь майор, по-прежнему нависающий над тем, что недавно носило имя Петя Климов.

– Алексей Викторович? – задержался у выхода старлей.

– Идите... – отмахнулся Трофимов, даже не повернув головы. – Я присоединюсь позже...

Сергеев понимающе кивнул и, вздохнув, удалился из сарая, после чего устремился за товарищами. Те, двигаясь по следам разрухи, спешили к месту, где взбеленённая толпа вершила праведный суд над лесным монстром.

Некоторое время назад...

Арсений наблюдал за отступлением отряда Павла через монитор в своей передвижной базе. Его мишень – громадный монстр, разгромивший “Инквизиторов” – преследовала жертв, изредка получая пули, прилетающие с крыш изб. Беглецы выступали зверю живым щитом, что мешало оператору гусеничной станции, припаркованной у баррикад, пустить в дело пулемёт. Большой палец казачок держал на курке джой-

стика и ждал, когда пересекающие луг люди расступятся, чтобы он, наконец, смог беспрепятственно накормить одноглазое ископаемое свинцовым ужином. Направление движения, однако, никто менять не собирался и Дубовцев, скинув с себя гарнитуру, выскочил из грузового отсека “Транзита”, после чего со всей мочи проорал:

– Уйдите с траектории обстрела!

Должного эффекта это не возымело, поэтому Арсений вернулся на своё место и, раздражённо шарахнув кулаком по столу, продолжил следить за погоней.

Тварь жестоко задрала ещё двух участников группы Сергеева, миновала ручей и только схватила сброшенного с повозок мутировавшего парня, как её снесла пассажирская ГА-Зелька, к чьей водительской двери сиюминутно поспешил старлей.

Казачок не упустил момент и, шустро подогнав самоходку к улёгшемуся на телегу мортериду, от коего Лавринайтис с сельскими принялись отволакивать пострадавших, открыл огонь из “минигана”.

– Угощайся, харя ты мудяцкая!!! Мне не жалко! – с маниакальным наслаждением приговаривал Дубовцев, окатывая зверя контрастным пулевым душем и гоня от укреплений.

Пришибленный хищник болезненно ревел, не в силах противостоять мощному оружию. Непрерывающаяся пальба сбивала махину с ног и, в конце концов, подкосила на домик.

Хлипкое строение частично обвалилось, сбросив с крыши мужчину, выронившего из рук ружьё и приземлившегося на одну из окаменелых пластин страшилища. Шип пробил ему грудь и несчастный, плюясь кровью и мучительно корчась, задёргался на спине твари, поползшей к другому концу помещения.

К моменту полного сноса монстром избы стрелок был мёртв и в последствие низвергнут на обломки конуры, откуда выскочила скулящая дворняга.

– Далеко не уйдёшь, – манипулируя джойстиком, комментировал Арсений, проводящий гусеничную станцию сквозь руины дома.

Вскоре пулемётная установка, за которой пытались угнаться репортёры “СВН”, оказалась во дворе, где лежал труп старика, и покатила за капитулирующим уродцем. Подобравшись достаточно близко к цели, “миниган” вновь подал голос.

– Что, в чужой песочнице уже не такой крутой, да? Ну-с, добро пожаловать на моё поле, скотина! – злорадствовал казачок, ощутивший полное превосходство над врагом.

Дубовцеву в очередной раз удалось опустить исполина на землю. В падении тот проделал дыру в низком деревянном заборе, стёр с ландшафта теплицу, затем перевернулся на банию и изничтожил колодец.

Куски плоти мортерида, беспомощно закрывающего морду лапами, летели во все стороны. Казалось, что от него ско-

ро не останется даже кровавой лужи, но этого не случилось.

Патронная лента закончилась и Арсений, с досадой смахнув со стола джойстик, гневно раздолбал его каблуком ботинка.

– Чтоб тебя, чтоб тебя, чтоб тебя!!! – сокрушался казачок, пока не заметил, что улизнуть монстру не позволили местные жители, дружно наскочившие на противника.

Злобный оскал, приукрашенный золотым зубом, вернулся на лицо прилипшего к экрану Дубовцева, воодушевлённо провопившего:

– Гаси гада!!!

Правда, в качестве болельщика Арсений выступал недолго. Как бы здорово за сим действием ни наблюдалось со стороны, отсиживаться в “Форде” оператор не собирался. На территории, куда перенеслась битва, он заприметил жёлтый двухвальцовый каток. Тот стоял на переднем дворе, и было видно, что им недавно уплотняли новенький асфальт парковки.

Применение этой грузной машине Дубовцев нашёл моментально. Выбравшись из своего фургончика, парень быстро побежал к месту расправы и оказался там в одно время с милиционерами, Тимофеем и Забитом.

Застав то, как сельчане поджигают стонущего зверя, казачок ринулся к катку, чей силуэт отчётливо различался в сгущающейся темноте, и залез в его кабину. Далее он провернул забытый в зажигании ключ и направил загудевший ди-

зельный агрегат к столбу пламени, поедающему тварь. Доехав, Арсений громко крикнул:

– Расступитесь!!!

Толпа тут же освободила пространство перед мортеридом, на коего обрушились тяжеленные цилиндры машины для укладки асфальта. Они плавно перекатились с полотна огорода на охваченные огнём пятки существа, отчего те с протестующим хрустом утрамбовались в почву.

Выпучив свой мерзкий глаз, ископаемое оглушило сгрудившийся поблизости народ истошным рёвом, полным мучения.

– Много ты людской крови попил. Теперь захлёбывайся своей! – пожелал врагу увлечённый процессом его прессования водитель, освещаемый вздымающимися ввысь языками пламени.

Полыхающее чудище лихорадочно дрыгалось, скребло землю когтями, однако прижатые по бёдра конечности не позволяли ему ползти. Каток продолжал вминать тушу хищника, добравшись до спинных наростов, переламывающихся под его весом. Крошка от шипов перемешивалась с размозжённой плотью, и из-под загаженных свежавыжатым дерьмом вальцов выходил однородный блин грязно-клюквенного цвета.

– Знатная из мерзавца подстилка получается, – оценил Павел и подвинулся, освободив пространство для примкнувшего к скопищу зрителей изнурённого майора.

– Надеюсь, эта подстилка больше не поднимется, – хмыкнула Лавринойтис и покосилась на репортёров, ведущих прямую трансляцию.

– Если подобное произойдёт, я, пожалуй, вернусь на чердак, – выглядывая из-за Рябова, сказал Джафаров, когда управляемая казачком машина прошла по последней окаменелой пластине монстра, прекратившего сопротивляться.

Каток пересёк череп зверюги, лопнувший словно бомба, добавил её вытянутые вперёд верхние лапы и затормозил, оставив позади расплюснутую обугленную лепёшку, которая шипела и слегка дымилась.

Сжимающий руль Дубовцев обернулся на тонкую массу, бывшую его противником, и, вскинув голову к небу, где начинали появляться звёзды, прошептал:

– С праздником, братишка...

Вскоре...

– Побееедааа!!!!

После столь долгожданного клича из всех домов деревни высыпали люди, и на улице сделалось очень шумно. Впервые за долгое время над Малыми Дуками разнеслись пропитанные искренним счастьем звонкие возгласы, придавшие наступившей ночи особое тепло.

– Урааа!!! – сквозь ликующее гудение разросшейся толпы протянула рядовая, утопив в объятиях двух офицеров, а затем и присоединившихся к ним Тимофея с Забитом.

О павших в бою, естественно, никто не забыл, однако сей-

час практически каждый поддался радостному порыву. Народ устал от горя и скорби, поэтому хотел максимально прочувствовать миг триумфа и по-настоящему насладиться им.

Повсюду сияли довольные по-детски восторженные лица и лились слёзы облегчения – кошмар закончился.

Стоящий в стороне от остальных Арсений с доброй улыбкой смотрел на стариков, балагурящих словно во время душевного застолья, и отмечал, насколько они трогательны в своих неподдельных проявлениях эмоций. Давно он так не умилялся. Ведь с момента смерти Феди грезил лишь местью и забыл, что значит позитив. Сейчас парня даже пробрала гордость за то, что его личное сражение стало чем-то бóльшим, превратившись в борьбу за освобождение.

– Не любишь нежности? – поинтересовался подошедший к казачку Трофимов, пока Лавринайтис вызывала спасательные службы.

– Я от них отвык, – объяснил уставившийся в одну точку Дубовцев, вдыхая свежий ночной воздух своим кривым носом. – Гибель брата изменила меня навсегда. Я будто одичал и вряд ли когда-нибудь верну себя прежнего. Благо, ещё есть люди, кто верит во что-то светлое...

– Эту веру подарил им ты...

– Их вера никуда не девалась, просто находилась в глубокой спячке. Её лишь требовалось растормошить...

Они ненадолго замолчали, кайфуя от творящегося вокруг безумия и наблюдая за тем, как суетливый Сергеев пытается

собрать доставленные им из ОВД “Магнитного” автоматы.

– Наконец-то я смогу спать спокойно, – поделился Арсений и повернулся к собеседнику. – Надеюсь, малую толику умиротворения получили и Вы...

– Время покажет, – уклончиво ответил Алексей и, указав на празднующих сельчан, добавил. – Замечу лишь, что ради такого стоит жить...

Дубовцев согласно кивнул, неловко потупился и протянул Трофимову руку со словами:

– Было приятно иметь с Вами дело, товарищ майор...

Милиционер крепко пожал пятерню казачка:

– Взаимно, Сеня. Даст Бог, сведёт ещё судьба...

И Арсений проследовал к своей машине. Там он подключил к компьютеру резервный джойстик, подогнал гусеничную станцию к сараю, прицепил к ней стропами Палача и, завезя его по трапу в грузовой отсек “Транзита”, скрылся в окутавшем округу мраке.

Вскоре свет фар кофейного фургончика замаячил где-то в полях, а потом вовсе исчез из виду.

– Думаю, нам тоже пора домой, Пашка, – решил Алексей и встретился взглядом с погрузневшей Олесей.

– Не пропадите с радаров, ладно? – обратилась девушка к своим коллегам и прослезилась. – Мне будет Вас не хватать...

– Тебя за язык никто не тянул, – поиграл бровями Сергеев и, заботливо смахнув с личика Лавринайтис солёные ка-

пельки, приобнял её. – По крайней мере, от меня ты теперь точно не отделаешься.

– Я поняла это ещё в академии, – хохотнула рядовая.

– Если кто обидит, сообщи, – сказал Трофимов.

– Я сама кого хочешь обижу, – ухмыльнулась Олеся. – Уже не впервой за мужика в своём участке...

– Приспичит снова почувствовать себя девочкой – звони, – подмигнул ей старлей, вместе с напарником зашагав к слившейся с темнотой “Шкоде”.

Лавринайтис опять размякла и, помахав пробирающимся сквозь скопление деревенских офицерам рукой, отвернулась, чтобы скрыть слёзы.

– Очень мило, конечно, но...про нас часом никто не забыл? – взволновался Рябов, сверля спины отдаляющихся сотрудников милиции.

– Разве Вы сами не доберётесь? – хлюпая, любопытствовала Олеся.

– Вы видели, в каком состоянии наша машина??! – возмутился Джафаров. – Её ни один сервис отремонтировать не возьмётся!

– Тогда чего в землю вросли? Догоняйте попутчиков! – организовала парней рядовая, и они бросились вслед за офицерами, мимолётом спотыкаясь об обломки, оставшиеся после недавнего боя.

Когда снятая с сигнализации “Октавия” ярко проморгала аварийками и служители закона открыли двери, запыхавши-

еся Тимофей с Забитом подскочили к ним с просьбой:

– Подкинете до Гродска, лады?

– Без проблем, – указал им на задние сиденья Павел и, дождавшись, пока все пассажиры устроятся на своих местах, начал движение.

Иномарка миновала постройку Малых Дукóв, над коими не стихали торжественные голоса, пересекла скрипучий деревянный мостик и, разрезая чёрное полотно ночи светом фар, рванула по накатанной вдоль поля колее, ведущей к трассе.

В салоне автомобиля ненавязчиво заиграла музыка, включенная Сергеевым с флешки. Из динамиков полилась лёгкая песенка, в чьи слова Алексей, правда, не вслушивался, отрешённо пялясь в окно.

Данная поездка полностью опустошила майора. В ходе неё многое приключилось, отчего его мысли скатались в клубок, и их непременно следовало привести в порядок. Но этим он займётся потом, а сейчас... сейчас просто выдохнет.

Трофимов откинул затылок на подголовник, прикрыл уставшие веки и провалился в сон.

Эпилог

Вова с Алисой, облачённые в стерильные халаты и бахилы, уже целые сутки, не смыкая глаз, дежурили в отделении реанимации, где врачи боролись за жизнь Нины Князевой, находящейся в тяжёлом состоянии.

Соседи обнаружили женщину на кухне её квартиры, распростёртую в луже собственной крови, и оперативно вызвали скорую, а затем доложили о трагедии племяннице потерпевшей. Та едва не лишилась рассудка, когда узнала, что тётя буквально на волоске от смерти, и тут же вместе со своим молодым человеком рванула в больницу. Там у неё случилась настоящая истерика.

Трофимов всячески подбадривал подругу, однако чувствовал себя не менее паршиво. Его посетило дежавю: в прошлом он тоже страдал среди этих стен, веря всеми фибрами, что попавшая в серьёзную аварию мама не оставит их с папой одних...

Любая попытка внушить Карповой оптимизм казалась парню весьма неуклюжей, и он поймал себя на мысли, что только больше угнетает её глупыми фразами, вроде “успокойся, всё обойдётся”. От полной беспомощности Вова твердил их раз за разом и в панике набирал отцу, чей телефон, впрочем, был недоступен.

Прижав к себе не прекращающую рыдать Алису, Трофи-

мов устало взглянул на пронёсшихся мимо них медсестёр, увозящих очередную каталку с пациентом по белому коридору. Такая обстановка обостряла тревогу, но Карпова не желала отправляться домой отдохнуть. Она намеревалась дождаться вестей здесь.

Со скамьи на кафель шлёпнулся бумажный пакет из бургерной, куда Вова бегал за перекусом. Подняв его, парень глубоко вздохнул и нежно поцеловал дрожащую возлюбленную в макушку. Алиса не притронулась к пище, иногда лишь хлебая воду, чтобы смочить пересохшее горло. Сам же Трофимов без особого аппетита впихнул-таки в себя нездоровой еды, понимая, что совсем обессилит, если не сделает этого.

К парочке приблизился доктор и, стянув с лица маску, уточнил:

– Вы племянница Нины Князевой?

– Что с ней? – проигнорировав вопрос мужчины, осведомилась вскочившая с места Карпова.

– Пуля чудом не задела мозг, и нам удалось извлечь её из черепа. Сейчас я не могу давать каких-либо прогнозов, но, думаю, у Вашей тёти есть неплохой шанс выкарабкаться...

Алиса испустила облегчённый стон и, пошатнувшись, присела. Наконец-то, во тьме отчаяния забрезжил лучик надежды.

Вова принялся благодарить спасителя Нины, как в кармане его штанов коротко прожужжал сотовый. Парень выхватил аппарат, снял блокировку и, открыв полученное смс-со-

общение от пользователя “папа”, прочитал текст: “Абонент снова в сети”...